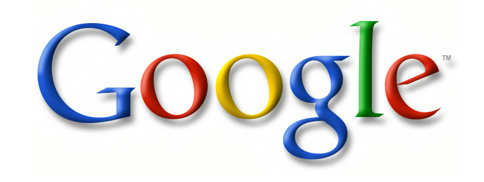

[illegible]

Императоръ Александръ I.

Изд. А. С. Суворина [illegible]

1777
1825
ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ
ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНІЕ
152
Н.К.ШИЛЬДЕРА
ТОМЪ II.

ИМПЕРАТОРЪ

АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНІЕ

Schilder, N.K.
II

ИМПЕРАТОРЪ

АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНІЕ

Н. К. ШИЛЬДЕРА

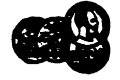
СЪ 450 ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ

ТОМЪ ВТОРОЙ

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1904

Рисунки дозволены цензурою 17 сентября 1904 г. С.-Петербургъ

 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I.

Съ гравюры Бромлея, отпечатанной красками и сдѣланной съ портрета писаннаго Иглесономъ.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I.

Съ гравюры Бромлея, отпечатанной красками и сдѣланной съ портрета писаннаго Иглесономъ.

ОТЪ АВТОРА.

ДЛЯ УДОБНѢЙШАГО обозрѣнія событій царствованія императора Александра, можно раздѣлить государственную дѣятельность его на три рѣзко разграниченные между собою періода.

Первый періодъ обнимаетъ собою время отъ 1801 до 1810 года. Ему присваиваютъ обыкновенно наименованіе эпохи преобразованій. Вникая ближе въ духъ этого періода, вѣрнѣе было бы назвать его эпохою колебаній. Дѣйствительно, за это время, то-есть съ 1801 по 1810 годъ, въ государственной жизни Россіи происходятъ безпрерывныя колебанія какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ; по всѣмъ отраслямъ управленія имперіею замѣчается полная неустойчивость взглядовъ, рѣзкіе переходы отъ одной политической системы къ другой. Всѣ эти явленія обусловливаются исключительно одною личностью императора Александра, обладавшаго свойствомъ нерѣдко колебаться въ одно и то же время между двумя совершенно различными настроеніями, безъ всякой послѣдовательности въ избранномъ имъ разъ направленіи.

Второй періодъ продолжается съ 1810 по 1816 годъ и по внутреннему своему смыслу всецѣло сосредоточивается на борьбѣ съ Франціею. Этотъ періодъ, въ противоположность предшествовавшему, олицетворяетъ собою настойчивое преслѣдованіе одной господствующей мысли, доведенной съ замѣчательной послѣдовательностью до конца—примѣръ, едва ли не единственный во все царствованіе Александра I. Неожиданно для всѣхъ, къ удивленію всего міра, онъ явилъ себя въ 1812 году непоколебимымъ и рѣшился быть или не быть. Между тѣмъ Наполеонъ, готовясь къ вторженію въ Россію, основывалъ свои политическіе и военные расчеты на мнимой слабохарактерности Александра. Въ этомъ отношеніи сокровенныя мысли завоевателя сходились съ тайными расчетами его союзниковъ: Меттерниха и Гарденберга. Всѣмъ этимъ тремъ недругамъ Россіи пришлось, однако, неожиданно испытать полное разочарованіе. Мысль Александра, которую онъ тогда неуклонно преслѣдовалъ, заключалась въ низложеніи Наполеона. «Наполеонъ или я, я или онъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать», сказалъ Александръ въ самый разгаръ войны съ своимъ геніальнымъ соперникомъ и оставался вѣренъ этой мысли до полнаго ея осуществленія, даже среди всѣхъ невзгодъ, сопровождавшихъ эту безпримѣрную въ лѣтописяхъ міра борьбу.

Третій періодъ, начинающійся въ 1816 году, оканчивается смертью императора Александра въ 1825 году. Историки обыкновенно присваиваютъ этому періоду наименованіе періода конгрессовъ и охраненія установленнаго ими порядка въ Европѣ. Вѣрнѣе и ближе къ истинѣ назвать это послѣднее десятилѣтіе періодомъ реакціи.

Послѣ низложенія Наполеона императоръ Александръ представляетъ собою усталаго мученика, колеблющагося между возрастающимъ вліяніемъ Аракчеева и собственными убѣжденіями, усвоенными въ дни молодости. Среди начинающейся съ 1816 года реакціи можно еще въ первое время прослѣдить присутствіе яркихъ проблесковъ юношескихъ увлеченій и мечтаній. Свидѣтельствомъ тому можетъ служить рѣчь, произнесенная въ 1818 году государемъ при открытіи польскаго сейма. Но съ 1820 года замѣчается уже полное исчезновеніе всѣхъ прежнихъ идеаловъ, къ осуществленію которыхъ онъ нѣкогда стремился съ искреннимъ увлеченіемъ. Къ этому душевному настроенію присоединяется еще окончательное утомленіе жизнью (un incurable dégout de la vie), признаки котораго Меттернихъ подмѣтилъ въ императорѣ Александрѣ уже въ 1822 году, во время конгресса въ Веронѣ.

Входя въ ближайшій разборъ поименованныхъ нами трехъ разграниченныхъ между собою періодовъ этого царствованія, нужно отмѣтить еще одну своеобразную черту характера императора Александра. Меттернихъ называетъ это явленіе періодичностью воззрѣній императора (les évolutions périodiques de son esprit)[1]. Она повторялась съ поразительною послѣдовательностью приблизительно черезъ каждыя пять лѣтъ его царствованія. Дѣйствительно, Александръ, усвоивая себѣ по вдохновенію какую-нибудь идею, немедленно отдавался ей съ полнымъ

увлеченіемъ. На развитіе этой идеи требовалось около двухъ лѣтъ; она незамѣтнымъ образомъ пріобрѣтала въ его глазахъ значеніе системы. Въ теченіе третьяго года онъ оставался вѣренъ избранной системѣ, все болѣе привязывался къ ней, слушалъ съ истиннымъ увлеченіемъ сторонниковъ ея и въ это время становился недоступнымъ никакому вліянію, могущему поколебать справедливость усвоеннаго имъ взгляда. На четвертый годъ его уже начинали тревожить могущія произойти отъ этого послѣдствія. Въ пятый же годъ замѣчалась неопредѣленная смѣсь системы, готовой исчезнуть, съ новой идеей, начинавшей зарождаться въ его умѣ. Эта идея обыкновенно составляла діаметральную противоположность покидаемому имъ воззрѣнію. Затѣмъ, усвоивъ себѣ новыя убѣжденія, онъ не сохранялъ о покинутыхъ идеяхъ другого воспоминанія, кромѣ обязательствъ, связывавшихъ его съ различными представителями прежнихъ воззрѣній.

Для подтвержденія справедливости подобнаго воззрѣнія на характеръ императора Александра достаточно остановиться на нѣкоторыхъ выдающихся событіяхъ, ознаменовавшихъ его царствованіе.

Вступивъ въ 1801 году на престолъ, Александръ выступаетъ на политическое поприще съ нѣкоторыми симпатіями къ главѣ французскаго правительства, первому консулу Бонапарту; но когда послѣдній сдѣлался пожизненнымъ консуломъ, отношенія къ нему Александра сразу измѣнились; онъ обращается въ его глазахъ въ знаменитѣйшаго тирана всемірной исторіи. Эти непріязненныя чувства Александра продолжаютъ съ каждымъ годомъ возрастать и превращаютъ его окончательно въ ожесточеннаго врага Наполеона, какъ деспота и завоевателя. Обусловленная этими чувствами политика получаетъ полное развитіе въ дѣйствіяхъ вдохновляемой имъ коалиціи 1805 года. Послѣ Аустерлицкаго погрома истекаетъ первое пятилѣтіе царствованія государя, и подготовляется новая перемѣна въ его воззрѣніяхъ.

Въ исходѣ 1806 года, Александръ вторично вступаетъ въ борьбу съ Наполеономъ, на этотъ разъ уже единоличную, но Фридландское пораженіе 1807 года даетъ новое направленіе русской политикѣ и вызываетъ рѣшительный переломъ въ образѣ мыслей Александра. Происходитъ Тильзитское соглашеніе, и Наполеонъ дѣлается единственнымъ другомъ и союзникомъ русскаго императора. Тѣмъ не менѣе, въ 1809 году, по окончаніи войны съ Австріею, сочувствіе Александра къ Наполеону оказывается уже сильно поколебленнымъ, дружба принимаетъ сомнительный характеръ, и все предвѣщаетъ новый разрывъ съ Франціею.

Съ 1810 года отношенія между тильзитскими союзниками окончательно разстраиваются; Александръ приходитъ къ заключенію, что онъ не можетъ царствовать одновременно съ Наполеономъ, и въ 1812 году разыгрывается воинственная эпопея, заканчивающаяся только въ 1815 году окончательнымъ низложеніемъ французскаго императора.

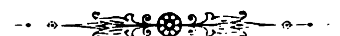
Вѣнскій конгрессъ создаетъ новую политическую обстановку. Александръ придумываетъ Священный Союзъ, и Россія, сокрушивъ французскую имперію, силою своихъ же побѣдъ становится во главѣ реакціи

въ Европѣ. Но въ умѣ Александра еще не померкли совершенно прежніе идеалы гуманности и свободомыслія, получившіе только оттѣнокъ чуждаго ему въ прежніе годы христіанскаго мистицизма. Это настроеніе государя продолжается съ большими или меньшими колебаніями въ ту или другую сторону до 1820 года.

Со времени же Тропаускаго конгресса Александръ превращается въ безусловнаго и страстнаго поборника самыхъ крайнихъ консервативныхъ принциповъ легитимизма и дѣлается открытымъ врагомъ всякаго народнаго движенія, клонившагося къ видоизмѣненію существовавшаго политическаго устройства; подобное воззрѣніе примѣняется государемъ даже и къ христіанскому населенію Востока, изнемогавшему подъ варварскимъ мусульманскимъ игомъ. При такомъ воззрѣніи на событія и при связанномъ съ нимъ одностороннемъ направленіи политическихъ дѣлъ, интересы Россіи отходятъ на задній планъ, и за русскою арміею, по собственному выраженію императора Александра, упрочивается значеніе одной изъ дивизій великой арміи порядка (de la grande armée de la bonne cause). Въ исходѣ 1822 года, послѣ Веронскаго конгресса, Александръ признается уже Меттерниху въ томъ, что вся его жизнь, насколько зависитъ отъ него, посвящена заботамъ о дѣйствительномъ преуспѣяніи общественнаго блага Европы (au bien être réel de la chose publique Européenne). Что же подразумѣвалось подъ громкимъ наименованіемъ преуспѣянія общественнаго блага Европы? Оно заключалось въ тѣсномъ союзѣ Австріи, Пруссіи и Россіи и въ предназначеніи всѣхъ громадныхъ силъ этихъ трехъ государствъ для укрощенія стремленій народовъ, направленныхъ къ видоизмѣненію ихъ политическаго положенія, гдѣ бы эти попытки ни проявляли своего существованія.

Подобное направленіе политическихъ идей императора Александра не имѣетъ уже ничего общаго съ мыслями, занимавшими его даже въ пору Отечественной войны, когда онъ среди приготовленій къ предстоявшей борьбѣ съ Франціею мечталъ еще о возрожденіи либеральныхъ идей въ Европѣ и предохраненіи несчастнаго человѣчества отъ угрожавшаго ему варварства. «C'est la dernière lutte de l'indépendance contre l'asservissement, des idées libérales contre le système de la tyrannie», вотъ въ какихъ выраженіяхъ Александръ опредѣлилъ значеніе 1812 года, когда Наполеонъ уже перешелъ Нѣманъ, и, конечно, эти мысли не имѣли ничего общаго съ позднѣйшими идеями творца Священнаго Союза.

Кончина императора Александра въ 1825 году прервала предстоявшее дальнѣйшее и неизбѣжное видоизмѣненіе взглядовъ, ознаменовавшихъ собою послѣднее печальное пятилѣтіе столь богатаго потрясающими событіями царствованія. Трудно опредѣлить, какой характеръ получило бы слѣдующее затѣмъ пятилѣтіе, если бы жизнь Александра не прервалась столь внезапно. Сказать можно только то, что въ то время существовали зачатки чего-то новаго... но едва ли эта предстоявшая новизна обрадовала бы Россію...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВЪ ПЕРВОМЪ часу пополуночи съ 11-го (23-го) на 12-е (24-е) марта 1801 года, графъ Паленъ явился въ Михайловскомъ замкѣ къ наслѣднику Александру Павловичу съ извѣстіемъ о скоропостижной кончинѣ императора Павла.

Горесть Александра Павловича была неописанная; онъ заливался слезами... Въ это самое время князь Платонъ Александровичъ Зубовъ разбудилъ цесаревича Константина Павловича и привелъ его къ воцарившемуся императору.

Только съ трудомъ графъ Паленъ уговорилъ Александра выйти къ собраннымъ въ Михайловскомъ замкѣ войскамъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ. «C'est assez faire l'enfant», сказалъ Паленъ: «allez régner, venez vous montrer aux gardes» [2].— Исполнивъ желаніе военнаго губернатора, новый государь, въ сопровожденіи цесаревича Константина Павловича, отбылъ изъ Михайловскаго замка въ Зимній дворецъ въ два часа пополуночи.

Императрица Елисавета Алексѣевна осталась въ замкѣ утѣшать вдовствующую императрицу Марію Ѳеодоровну[3].

Въ Зимній дворецъ призванъ былъ немедленно отставленный 14-го октября 1800 года отъ службы Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій. Александръ кинулся къ нему на шею и сказалъ: «Будь моимъ руководителемъ!» Ему поручили тотчасъ же написать манифестъ о вступленіи на престолъ императора Александра Перваго.

Манифестъ возвѣщалъ слѣдующее: «Судьбамъ Вышняго угодно было прекратить жизнь любезнаго Родителя нашего, Государя Императора Павла Петровича, скончавшагося скоропостижно апоплексическимъ ударомъ въ ночь съ 11-го на 12-е число сего мѣсяца. Мы, воспріемля наслѣдственно Императорскій Всероссійскій Престолъ, воспріемлемъ купно и обязанность управлять Богомъ намъ врученный народъ по законамъ и по сердцу въ Бозѣ почивающей Августѣйшей Бабки нашей, Государыни Императрицы Екатерины Великія, коея память намъ и всему отечеству вѣчно пребудетъ любезна, да, по ея премудрымъ намѣреніямъ шествуя, достигнемъ вознести Россію на верхъ славы и доставить ненарушимое блаженство всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ нашимъ, которыхъ чрезъ сіе призываемъ запечатлѣть вѣрность ихъ къ намъ присягою предъ лицемъ всевидящаго Бога, прося Его, да подастъ намъ силы къ снесенію бремени нынѣ на насъ лежащаго».

Этими немногими словами, вылившимися въ минуту счастливаго вдохновенья, Трощинскій воспламенилъ сердца подданныхъ искреннѣйшею любовью къ молодому императору и успокоилъ умы, взволнованные еще пережитыми тяжелыми днями.

Присяга новому императору и наслѣднику, «который назначенъ будетъ», совершилась повсюду, утромъ 12-го марта, въ величайшемъ порядкѣ[4]. Среди всеобщаго ликованія всѣхъ сословій задумчивымъ и печальнымъ оставался одинъ Александръ. Смерть отца произвела на него потрясающее впечатлѣніе. На выходѣ 12-го марта поступь его и осанка изображали человѣка, удрученнаго горестью и растерзаннаго неожиданнымъ ударомъ рока. Вспоминая впослѣдствіи въ откровенныхъ бесѣдахъ о событіяхъ 1801 года, Александръ говорилъ, что онъ долженъ былъ тогда скрывать свои чувства отъ всѣхъ его окружающихъ и потому нерѣдко запирался въ отдаленномъ покоѣ и тамъ, предаваясь скорби, испускалъ глухіе стоны, сопровождаемые потоками слезъ[5]. Въ его сознаніи царская власть, которую онъ принялъ на себя столь неохотно, являлась однимъ тяжелымъ бременемъ. Видъ огорченнаго императора-сына покорилъ ему сердца всѣхъ. «Послѣ четырехъ лѣтъ», пишетъ современникъ этой эпохи, «воскресаетъ Екатерина изъ гроба въ прекрасномъ юношѣ. Чадо ея сердца, милый внукъ ея, возвѣщаетъ манифестомъ, что возвратитъ намъ ея времена»[6].

Близкое къ Александру лицо написало на другой день послѣ восшествія его на престолъ, по поводу событія 12-го марта, слѣдующія правдивыя строки: «Его чувствительная душа навсегда останется растерзанною... Только мысль о возвращеніи своему отечеству утраченнаго благосостоянія можетъ поддержать его. Ничто другое не могло бы придать ему твердости. Она же необходима ему, потому что единому Богу извѣстно, въ какомъ состояніи получилъ онъ эту имперію... Все тихо и спокойно, если не говорить о почти безумной радости, охватившей всѣхъ отъ послѣдняго мужика до высшихъ слоевъ общества; грустно, что это даже не можетъ удивлять... Я дышу свободно вмѣстѣ со всею Россіею»[7].

Эти слова любящаго его человѣка оказались пророческими. Дѣйствительно, чувствительная душа Александра навсегда осталась растерзанною событіемъ 12-го марта, и воспоминаніе о немъ не покидало его болѣе ни въ радостныя, ни въ печальныя минуты его царствованія; оно наложило неизгладимую печать на всю его послѣдующую жизнь. «Всѣ непріятности и огорченія, какія мнѣ случатся въ жизни моей, я ихъ буду носить, какъ крестъ», — сказалъ императоръ Александръ[8].

Вся мыслящая Россія встрепенулась при извѣстіи о воцареніи Александра. «Всѣ умы и сердца успокоились», пишетъ А. С. Шишковъ. Восторгъ былъ всеобщій и искренній и, по свидѣтельству современниковъ, выходилъ даже изъ предѣловъ благопристойности. Общество какъ бы возрождалось къ новой жизни, очнувшись отъ терроризма человѣка, который четыре года, не вѣдая, что творитъ, мучилъ Богомъ ввѣренное ему царство[9]. На улицахъ люди плакали отъ радости, обнимая другъ друга какъ въ день Свѣтлаго Воскресенія. Природа какъ бы участвовала въ общей радости: до 12-го марта погода была сырая и насмурная, съ воцареніемъ же Александра засіяло солнце надолго[10].

Легко было начать новую эпоху, опираясь на такую вѣру, на такую радость. Всѣ съ упованіемъ взирали на юнаго государя: молодой, прекрасный собою, съ кроткимъ и задумчивымъ взглядомъ, застѣнчивый и привѣтливый, онъ могъ очаровать всѣхъ. Россія увидѣла исполненіе пророческаго державинскаго стиха:

«Будь на тронѣ человѣкъ».

Ужасныя мысли о тюрьмахъ, пыткахъ, ссылкахъ разсѣялись, какъ зловѣщіе призраки; ихъ замѣнила надежда на народное благосостояніе и на личную безопасность. Уповалъ и Александръ, что онъ сдѣлаетъ Россію счастливою, что онъ отдастъ ей лучшіе годы, лучшія силы, замолитъ грѣхъ, совершенный чужими руками, а затѣмъ, благословляемый народомъ, исполнивъ завѣтныя мечты, сойдетъ съ выпавшаго на его долю блестящаго поприща и разстанется съ царскимъ вѣнцомъ, который сдѣлался для него неизсякаемымъ источникомъ скорби и сожалѣній.

Графъ Завадовскій въ своей перепискѣ посвятилъ оцѣнкѣ событій 12-го марта нѣсколько своеобразныхъ строкъ: «Жиды чають мессіи, но спасающій насъ обрадовалъ внезапно[11].... благоволеніемъ судьбы вышли мы изъ темныхъ дней. Заживаютъ раны отъ муки прежней, по удостовѣренію, что отверженные кнутъ и топоръ больше не возстанутъ: ибо ангелъ съ стороны кротости и милосердія царствуетъ надъ нами. Зады Іоанна Грознаго мы испытали, измѣряй потому радость общую, когда можемъ подымать духъ и сердце, когда никто не имѣетъ страха мыслить и говорить полезное и чувствовать себя... возблагословимъ счастливое время и что въ немъ окончимъ нашъ вѣкъ!»[12].

Карамзинъ оставилъ въ запискѣ «О древней и новой Россіи» правдивую и неподражаемую характеристику правленія Павла, пронесшагося, по его словамъ, надъ Россіею подобно грозному метеору. «Павелъ», пишетъ Карамзинъ, «восшелъ на престолъ въ то благопріятное для самодержавія время, когда ужасы французской революціи излечили Европу отъ мечтаній гражданской вольности и равенства; но что сдѣлали якобинцы въ отношеніи къ республикамъ, то Павелъ сдѣлалъ въ отношеніи къ самодержавію: заставилъ ненавидѣть злоупотребленія онаго. По жалкому заблужденію ума и въ слѣдствіе многихъ личныхъ претерпѣнныхъ имъ неудовольствій, онъ хотѣлъ быть Іоанномъ IV, но россіяне имѣли уже Екатерину II, знали, что государь не менѣе подданныхъ долженъ выполнять свои святыя обязанности, коихъ нарушеніе уничтожаетъ древній завѣтъ власти съ повиновеніемъ и низвергаетъ народъ съ степени гражданственности въ хаосъ частнаго естественнаго права. — Сынъ Екатерины могъ быть строгимъ и заслужить благодарность отечества; къ неизъяснимому изумленію россіянъ, онъ началъ господствовать всеобщимъ ужасомъ, не слѣдуя никакимъ уставамъ, кромѣ своей прихоти; считалъ насъ не подданными, а рабами; казнилъ безъ вины, награждалъ безъ заслугъ; отнялъ стыдъ у казни, у награды — прелесть; унизилъ чины и ленты расточительностью въ оныхъ; легкомысленно истреблялъ долговременные плоды государственной мудрости, ненавидя въ нихъ дѣло своей матери; умертвилъ въ полкахъ нашихъ благородный духъ воинскій, воспитанный Екатериною, и замѣнилъ его духомъ капральства. Героевъ, пріученныхъ къ побѣдамъ, училъ маршировать; отвратилъ дворянство отъ воинской службы; презиралъ душу, уважалъ шляпы и воротники; имѣя, какъ человѣкъ, природную склонность къ благотворенію, питался желчью зла; ежедневно вымышлялъ способы устрашать людей и самъ всѣхъ болѣе страшился; думалъ соорудить себѣ неприступный дворецъ, соорудилъ гробницу! Замѣтимъ черту, любопытную для наблюдателя: въ сіе царствованіе ужаса, по мнѣнію иностранцевъ, россіяне боялись даже и мыслить: нѣтъ, говорили и смѣло, умолкали единственно отъ скуки частаго повторенія, вѣрили

другъ другу и не обманывались. Какой-то духъ искренняго братства господствовалъ въ столицахъ; общее бѣдствіе сближало сердца и великодушное остервенѣніе противъ злоупотребленій власти заглушало голосъ личной осторожности[13]. Вотъ дѣйствіе Екатеринина человѣколюбиваго

Императоръ Александръ I въ 1802 году.

Съ портрета, писаннаго Вуалемъ.

царствованія: оно не могло быть истреблено въ четыре года Павлова и доказывало, что мы были достойны имѣть правительство мудрое, законное, основанное на справедливости... Кто былъ несчастливѣе Павла? Слезы горести лились только въ нѣдрахъ его августѣйшаго семейства,

тужили еще нѣкоторые имъ облагодѣтельствованные, но какіе люди? Ихъ сожалѣніе не менѣе всеобщей радости долженствовало оскорбить душу Павлову, если она, по разлученіи съ тѣломъ, озаренная наконецъ свѣтомъ истины, могла воззрѣть на землю и на Россію!» Въ заключеніе своей характеристики Карамзинъ говоритъ, что россіяне съ величайшею надеждою устремили взоръ на внука Екатерины, давшаго обѣтъ властвовать по ея сердцу.

Графъ Ростопчинъ высказалъ не менѣе правдивый приговоръ истекшему грозному четырехлѣтію въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову. Удалившись еще при жизни Павла въ деревню Вороново, Ростопчинъ писалъ: «Тридцать благодѣяній, оказанныхъ мнѣ въ четырехлѣтнее царствованіе, закрываютъ мнѣ уста, преисполнивъ душу мою вѣчною признательностью: похвала же моя его добрымъ качествамъ будетъ казаться пристрастною. Исторія безусловно отнесется къ нему съ безпощадностью, но я могу засвидѣтельствовать только одно, что этотъ государь, обладая всѣми средствами славно царствовать и заставить любить себя, никогда не пользовался ни одною минутою счастья и кончилъ такъ же несчастливо, какъ прошла вся его жизнь» [14].

Черезъ нѣсколько дней послѣ кончины императора Павла петербургское общество читало нарасхватъ французскіе стихи, которые ходили по рукамъ и отличались правдивостью содержанія и вѣрной оцѣнкой характера сошедшаго въ могилу самодержца [15].

On le connut trop peu, lui ne connut personne;
Actif, toujours pressé, bouillant, impérieux,
Aimable, séduisant, même sans la couronne,
Voulant gouverner seul, tout voir, tout faire mieux,
Il fit beaucoup d'ingrats et mourut malheureux!

Повсюду въ Россіи манифестъ 12-го марта возбудилъ неподдѣльную радость; у всѣхъ отлегло на сердцѣ, и присяга совершалась во всѣхъ городахъ съ несказаннымъ восторгомъ.

Въ Москву манифестъ былъ привезенъ 15-го марта княземъ Сергѣемъ Николаевичемъ Долгорукимъ; вмѣстѣ съ нимъ прибылъ новый оберъ-полицiймейстеръ Каверинъ, ненавистный же всѣмъ генералъ Эртель былъ отставленъ отъ службы высочайшимъ приказомъ отъ 12-го марта. Независимо отъ манифеста императоръ Александръ прислалъ еще фельдмаршалу графу И. П. Салтыкову слѣдующій рескриптъ:

«Графъ Иванъ Петровичъ! Всевышнему угодно было пресѣчь жизнь Государя Родителя Нашего, скончавшагося въ минувшую ночь скоропостижно апоплексическимъ ударомъ, и Мы, вступя на прародительскій престолъ, поспѣшаемъ извѣстить васъ о томъ для объявленія всѣмъ вѣр-

нымъ нашимъ подданнымъ, въ Москвѣ пребывающимъ, о таковой перемѣнѣ судьбами Божіими свершившейся. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

«Александръ».

«Въ С.-Петербургѣ.
«Марта 12. 1801 года.

Радостная вѣсть быстро распространилась по Москвѣ, не составляя тайны для самаго простого народа. «Это одно изъ тѣхъ воспоминаній», пишетъ очевидецъ, «которыхъ время никогда истребить не можетъ: нѣмая, всеобщая радость, освѣщаемая яркимъ весеннимъ солнцемъ... Всѣ обнимались какъ въ день Свѣтлаго Воскресенія; ни слова о покойномъ, чтобы и минутно не помрачить сердечнаго веселія, которое горѣло во всѣхъ глазахъ; ни слова о прошедшемъ, все о настоящемъ и будущемъ» [16].

Однимъ изъ главныхъ стѣсненій, причиненныхъ императоромъ Павломъ, были его настойчивость и строгость въ предписаніи старомодныхъ костюмовъ, причесокъ и экипажей и тому подобныхъ, относительно ничтожныхъ, но тѣмъ не менѣе непріятныхъ мелочей. Какъ только въ Петербургѣ узнали, что государь умеръ, столичное общество предалось необузданной и ребяческой радости: всѣ головы причесались à la Titus, косички были уничтожены и букли обрѣзаны; панталоны, круглыя шляпы и сапоги съ отворотами показались на улицахъ. Дамы также, не теряя времени, облеклись въ новые костюмы; экипажи съ французскою и нѣмецкою упряжью исчезли, и появились вновь русская упряжь, кучера и форейторы; эти экипажи понеслись по улицамъ по всѣмъ направленіямъ съ обычною быстротою, и повсюду раздавались только крики форейторовъ. Это движеніе среди населенія столицы, внезапно освобожденнаго отъ безсмысленныхъ запрещеній и полицейскихъ постановленій, дѣйствительно заставляло всѣхъ ощущать, что словно какимъ-то волшебствомъ съ рукъ ихъ свалились цѣпи, и что нація, вызванная изъ гроба, пробуждалась къ новой жизни [17].

То же явленіе имѣло мѣсто въ Москвѣ. Очевидецъ пишетъ: «Первое употребленіе, которое сдѣлали молодые люди изъ данной имъ воли, была перемѣна костюма: не прошло двухъ дней послѣ извѣстія о кончинѣ Павла, круглыя шляпы явились на улицахъ; дня черезъ четыре стали показываться фраки, панталоны и жилеты, хотя запрещеніе съ нихъ не было снято; впрочемъ, и въ Петербургѣ всѣ перерядились въ нѣсколько дней. Къ концу апрѣля кое-гдѣ еще встрѣчались старинные однобортные кафтаны и камзолы, и то на людяхъ самыхъ бѣдныхъ» [18].

Если все происходившее въ обѣихъ столицахъ имѣло нѣкоторый видъ ребячества и легкомыслія, то оно было естественно, потому что и это жалкое право на упряжь, платье, шляпы, сапоги было отнято самовластнымъ повелѣніемъ Павла.

Одинъ лишь неизбѣжный вахтъ-парадъ снова вступилъ въ свои права 13-го (25-го) марта. Императоръ вышелъ къ разводу въ одиннадцать часовъ въ сопровожденіи цесаревича Константина Павловича. «Ils étaient graves, mais leur figure ne disait rien», пишетъ Саблуковъ. Графъ Паленъ держалъ себя какъ всегда[19]. Съ этого дня императоръ Александръ и великій князь Константинъ Павловичъ являлись ежедневно къ разводу; государь казался нѣсколько болѣе обыкновеннаго робкимъ и сдержаннымъ; цесаревичъ же, избавленный отъ страха, наведеннаго на него родителемъ, былъ еще суетливѣе и шумливѣе, чѣмъ прежде.

Рядъ мѣропріятій, сопровождавшихъ воцареніе Александра, оправдалъ въ полной мѣрѣ надежды, возлагавшіяся въ то время на новаго государя друзьями человѣчества.

Всѣ отрасли государственнаго управленія приведены были къ 1801 г. въ неописанный безпорядокъ. Поэтому первыя заботы новаго правительства заключались въ отмѣнѣ перемѣнъ, внесенныхъ императоромъ Павломъ въ учрежденія своей матери, и въ возвращеніи сословіямъ и обществамъ присвоенныхъ имъ прежде правъ, попранныхъ неограниченнымъ произволомъ, воцарившимся послѣ 6-го ноября 1796 г. Этотъ произволъ прервалъ стремленіе, обнаруженное законодательствомъ Екатерины, ввести въ Россію правильную общественную организацію и начать твердое опредѣленіе правъ отдѣльныхъ сословій для ихъ гражданской самодѣятельности. Александръ, подготовленный воспитаніемъ къ принятію новыхъ общественныхъ идей, обнаружилъ явное стремленіе на мѣсто слѣпой прихоти и насилія водворить законъ и справедливость. Онъ не побоялся даже открыто высказать, что не признаетъ на землѣ справедливой власти, которая бы не исходила изъ закона. Для исполненія своихъ благихъ намѣреній государю безотлагательно нужно было обновить личный составъ главнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей, окружавшихъ въ послѣднее время Павла Петровича. Съ этого и началъ новый императоръ. Только три человѣка принесены были немедленно въ жертву общему негодованію: генералъ-прокуроръ Обольяниновъ, оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ и генералъ Эртель; они были уволены отъ службы безъ всякихъ преслѣдованій.

16-го марта послѣдовалъ указъ Сенату: «Генералъ-отъ-инфантеріи Беклешова, уволеннаго отъ службы, принявъ паки въ оную, всемилостивѣйше повелѣваемъ ему быть нашимъ генералъ-прокуроромъ». Дѣйствительному тайному совѣтнику барону Васильеву было приказано вступить въ должность государственнаго казначея вмѣсто дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Державина, которому велѣно только присутствовать въ Сенатѣ. Ближайшимъ сотрудникомъ по внутреннимъ дѣламъ былъ избранъ государемъ тайный совѣтникъ Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій: онъ былъ назначенъ состоять при особѣ его величества у исправленія дѣлъ, по

особой довѣренности государя на него возложенныхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ ему повелѣно было присутствовать попрежнему въ Сенатѣ, когда по настоящей его должности свободное время имѣть можетъ. При Трощинскомъ повелѣно быть статскому совѣтнику Сперанскому съ званіемъ статсъ-секретаря[20]. Графъ фонъ-деръ-Паленъ сохранилъ за собою то влія-

Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій.
Съ гравированнаго портрета Ухтомскаго.

тельное положеніе, къ которому былъ призванъ въ царствованіе императора Павла; онъ продолжалъ занимать мѣсто петербургскаго военнаго губернатора, управляющаго гражданскою частью въ Петербургской, Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерніяхъ, командующаго войсками петербургской инспекціи и члена коллегіи иностранныхъ дѣлъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ занималъ еще должность великаго канцлера дер-

жавнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Графъ Паленъ отказался только отъ управленія почтовымъ департаментомъ; указомъ 13-го марта главнымъ директоромъ почтъ былъ назначенъ Д. П. Трощинскій.

Графа Никиту Петровича Панина, высланнаго изъ столицы въ декабрѣ 1800 г.[21], вызвали въ Петербургъ; 21-го марта опальный дипломатъ былъ уже въ Зимнемъ дворцѣ. Императоръ Александръ принялъ Панина съ невыразимою добротою, обнялъ его и сказалъ: «Hélas! les choses n'ont point tourné, comme nous l'avons cru»[22]. Затѣмъ государь объявилъ графу, что онъ вызванъ имъ для того, чтобы снова взяться за управленіе внѣшними дѣлами и коллегіею иностранныхъ дѣлъ. Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ долженъ былъ сохранить за собою номинально вице-канцлерство, а графъ Паленъ оставаться членомъ коллегіи. Императоръ былъ настолько милостивъ, что спрашивалъ графа Панина, согласенъ ли онъ служить съ ними, положительнѣйшимъ образомъ увѣряя, что онъ одинъ будетъ управлять иностранными дѣлами. Никита Петровичъ отвѣчалъ, что уваженіе и довѣріе государя суть единственные предметы его честолюбія, и что на службѣ онъ не помышляетъ ни о какомъ совмѣстничествѣ и будетъ довольствоваться титуломъ, который даруетъ ему его величество[23]. Вообще, первоначально графъ Панинъ оставался вполнѣ довольнымъ своимъ служебнымъ положеніемъ и писалъ: «Я работаю ежедневно съ государемъ у него въ кабинетѣ, то раннимъ утромъ, то вечеромъ, и часто по нѣсколько разъ въ день. Если говорить о добродѣтеляхъ нашего новаго повелителя и о чувствахъ, которыя онъ внушаетъ всѣмъ, кто къ нему приближается, то я бы никогда не кончилъ. Это сердце и душа Екатерины II, и во всѣ часы дня онъ исполняетъ обѣщаніе, данное въ манифестѣ»[24].

Между тѣмъ, 17-го марта, въ 7 часовъ вечера, тѣло императора Павла, пріуготовленное на кровати въ коронѣ и порфирѣ, въ присутствіи ихъ величествъ и ихъ высочествъ было перенесено генералъ-и флигель-адъютантами изъ почивальной въ тронную залу Михайловскаго замка и выставлено на паратбетѣ; затѣмъ, 20-го марта, тѣло было перенесено изъ тронной на катафалкъ, устроенный въ военномъ залѣ[25]. Во время нахожденія тѣла въ Михайловскомъ замкѣ народъ допускался для прощанія. Едва войдешь въ дверь, указывали на другую съ увѣщаніемъ: «извольте проходить», пишетъ Н. И. Гречъ, прибавляя: «я разъ десять, отъ нечего дѣлать, ходилъ въ Михайловскій замокъ и могъ видѣть только подошвы ботфортовъ императора и поля широкой шляпы, надвинутой ему на лобъ»[26]. — 23-го марта, въ Страстную Субботу, тѣло почившаго государя было перевезено въ Петропавловскій соборъ. Императоръ Александръ слѣдовалъ за гробомъ, имѣя на себѣ черную мантію и распущенную на головѣ шляпу съ флеромъ; за его величествомъ, отступя, слѣдовалъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ съ великою

княгинею Анною Θеодоровною. Процессія двинулась изъ Михайловскаго замка по Невскому проспекту, чрезъ Исакіевскій и Тучковъ мосты въ крѣпость. Въ тотъ же день послѣдовали отпѣваніе и погребеніе[27].

Печальныя придворныя церемоніи, продолжавшіяся безпрерывно съ 12-го по 23-е марта, не препятствовали, однако, обнародованію цѣлаго ряда правительственныхъ мѣръ, которыми Александръ спѣшилъ исправить вредъ, нанесенный Россіи мѣрами его родителя. Почти каждый день царскій указъ уничтожалъ какую-нибудь несправедливость, насиліе, стѣсненіе, произволъ и открывалъ свободный путь къ новой благотворной дѣятельности. «Воспитанникъ Лагарпа, другъ просвѣщенія и свободы, врагъ этикета сказался вполнѣ»[28].

Освобожденіе несчастныхъ жертвъ тайной экспедиціи было первымъ подвигомъ монарха, принявшаго скипетръ 12-го марта; нѣсколько сотъ человѣкъ увидѣли свѣтъ Божій и были возвращены обществу. Петропавловская крѣпость въ первый разъ опустѣла вдругъ — и надолго. Освобожденіе заключенныхъ объявлено было 15-го марта въ указѣ Сенату. Довольно трудно опредѣлить точную цифру всѣхъ прощенныхъ и освобожденныхъ несчастныхъ и по большей части невинныхъ жертвъ истекшаго царствованія. По именному списку, приложенному къ этому милостивому указу, оказывается, что прощенію и освобожденію подлежало 153 человѣка; но эти списки далеко не полные, и въ нихъ совершенно отсутствуютъ лица, наполнявшія собою казематы Петропавловской крѣпости. Въ бумагахъ Трощинскаго сохранились по этому поводу слѣдующія данныя[29]: оказывается, что по спискамъ въ тайной экспедиціи числилось до 12-го марта 1801 года арестантовъ, сосланныхъ въ крѣпости и монастыри, въ Сибирь, по разнымъ городамъ и живущихъ въ деревняхъ подъ наблюденіемъ, всего 700 человѣкъ. Изъ этого числа по 21-е марта, т. е. до погребенія императора Павла, всемилостивѣйше прощено и освобождено 482 человѣка; затѣмъ отбирались справки по поведенію и неизвѣстности преступленій о 54 лицахъ, и не освобожденными оставались еще 164 человѣка.

Въ числѣ помилованныхъ указомъ 15-го марта находились: Зейдеръ, бывшій пасторъ, сосланный послѣ наказанія кнутомъ въ Перчинскъ; артиллеріи подполковникъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, проживавшій въ ссылкѣ въ Костромѣ; Александръ Николаевичъ Радищевъ, находившійся подъ надзоромъ тайной экспедиціи въ деревнѣ; ему было даровано право пріѣзда въ столицу, а затѣмъ государь возвратилъ ему чинъ коллежскаго совѣтника и владимірскій крестъ 4-й степени.

Когда камергеръ Рибопьеръ вышелъ изъ каземата Петропавловской крѣпости, онъ увидѣлъ, что на дверяхъ его темницы приклеена была надпись: «свободна отъ постоя», свидѣтельствовавшая о настроеніи, въ которомъ узники разставались съ мѣстомъ ихъ заключенія[30].

Разсказывають, что императоръ Александръ, узнавъ объ этомъ, сказалъ: «желательно, чтобы навсегда.»

Указомъ, даннымъ военной коллегіи 13-го марта, на другой день по восшествіи на престолъ преемника Павла, повелѣно было: «всѣхъ выключенныхъ по сентенціи военнаго суда и безъ суда генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ считать отставленными отъ службы»[31]. 15-го марта эта милость была распространена и на гражданскихъ чиновниковъ, изъ службы выключенныхъ или отрѣшенныхъ безъ суда и безъ законнаго изслѣдованія. По свидѣтельству А. С. Стурдзы, число лицъ, возвратившихся на службу или получившихъ прежнія права, по новому человѣколюбивому указу, простиралось до 12,000 человѣкъ[32].

Императоръ Александръ не замедлилъ также вспомнить о несчастныхъ донцахъ, отправленныхъ для завоеванія Индіи и обреченныхъ на явную гибель. 25-го марта, въ селеніи Мечетномъ генералъ Орловъ получилъ манифестъ о вступленіи на престолъ императора Александра и приказъ о возвращеніи казаковъ на Донъ. Атаманъ на другой день обрадовалъ казаковъ словами: «жалуетъ васъ, ребята, Богъ и Государь родительскими домами.» Орловъ возвратился на Донъ 2-го мая, а полки между 17-мъ и 25-мъ апрѣля, сдѣлавъ въ два мѣсяца 1564 версты.

Перечислимъ здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ и другіе важнѣйшіе указы императора Александра, появившіеся въ теченіе трехъ мѣсяцевъ вслѣдъ за воцареніемъ; они представляютъ собою цѣлый рядъ освободительныхъ мѣръ и служатъ лучшей характеристикой наступившей тогда новой и небывалой эпохи въ русской исторіи. Подобно тому, какъ Екатерина въ 1762 году, Александръ имѣлъ полное право сказать въ 1801 году, что всѣ повелѣнія его единственно склонялись «къ возстановленію всего того, что въ государствѣ по сіе время противу добраго порядка вкоренилося»[33]. Повелѣнія эти слѣдующія:

14-го марта: снятіе запрещенія на вывозъ разныхъ продуктовъ и товаровъ изъ Россіи.

15-го марта: манифестъ, объявлявшій амнистію бѣглецамъ, укрывшимся въ заграничныхъ мѣстахъ; всѣ вины ихъ, кромѣ смертоубійства, предавались забвенію. Того же числа послѣдовалъ указъ о возстановленіи дворянскихъ выборовъ.

16-го марта: снятіе запрещенія на привозъ въ Россію разныхъ товаровъ изъ чужихъ краевъ.

17-го марта: отмѣна въ губернскихъ городахъ ратгаузовъ, а въ уѣздныхъ ордонансъ-гаузовъ.

19-го марта: указъ, объявленный оберъ-полиціймейстеру графомъ Паленомъ, чтобы чиновники полицейскіе отнюдь изъ границъ должности своей не выходили, «а тѣмъ менѣе не дерзали причинять никому никакихъ обидъ и притѣсненій».

На тронѣ Александръ! Великій
Ликуетъ весь народъ и церкові
твердятъ Россіяне и сердцемъ :
На тронѣ Александръ! рука Го
Вельможа и пастухъ и воинъ
Во храмахъ вопіютъ изъ глуби
О боже праведный! твоей свят
на тронѣ Александръ: ты съ ни
съ надеждою въ глазах. съ веселіемъ

поставить на незыблемомъ основаніи, какъ государственный законъ, и силою данной мнѣ отъ Бога власти потщусь подкрѣплять, сохранять и содѣлать его на вѣки непоколебимымъ».

Во второмъ указѣ Сенату отъ 5-го же іюня сказано: «Комиссію о составленіи законовъ признали мы за благо, имѣя подъ собственнымъ нашимъ вѣдѣніемъ, поручить въ непосредственное управленіе дѣйствительному тайному совѣтнику графу Завадовскому, котораго на сей случай снабдили надлежащимъ наставленіемъ».

Въ особомъ рескриптѣ на имя графа Завадовскаго слѣдующимъ образомъ опредѣлены основныя начала, которыми руководствовался императоръ Александръ, поручая ему управленіе столь важной комиссіи: «Поставляя въ единомъ законѣ начало и источникъ народнаго блаженства и бывъ удостовѣренъ въ той истинѣ, что всѣ другія мѣры могутъ сдѣлать въ государствѣ счастливыя времена, но одинъ законъ можетъ утвердить ихъ на вѣки, въ самыхъ первыхъ дняхъ царствованія моего и при первомъ обозрѣніи государственнаго управленія призналъ я необходимымъ удостовѣриться въ настоящемъ части сей положеніи. Я всегда зналъ, что съ самаго изданія уложенія до дней нашихъ, то есть, въ теченіи почти одного вѣка съ половиною, законы, истекая отъ законодательной власти различными и часто противоположными путями, и бывъ издаваемы болѣе по случаямъ, нежели по общимъ государственнымъ соображеніямъ, не могли имѣть ни связи между собою, ни единства въ ихъ намѣреніяхъ, ни постоянности въ ихъ дѣйствіи. Отсюда всеобщее смѣшеніе правъ и обязанностей каждаго, мракъ, облежащій равно судью и подсудимаго, безсиліе законовъ въ ихъ исполненіи и удобность перемѣнить ихъ по первому движенію прихоти или самовластія».

Въ приведенной нами выдержкѣ изъ офиціальнаго акта 5-го іюня желаніе государя выдвинуть на первый планъ законъ проявляется съ такою ясностью, что не можетъ быть подвергнуто никакому сомнѣнію или превратному толкованію. Эта мысль господствовала тогда въ умѣ Александра, не будучи еще ограничена соображеніями противоположнаго свойства. «Какъ скоро я себѣ дозволю нарушить законы, кто тогда почтетъ за обязанность наблюдать ихъ?» — писалъ въ то время государь. «Быть выше ихъ, если бы я могъ, но конечно бы не захотѣлъ, ибо я не признаю на землѣ справедливой власти, которая бы не отъ закона истекала; напротивъ, я чувствую себя обязаннымъ первѣе всѣхъ наблюдать за исполненіемъ его, и даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ другіе могутъ быть снисходительны, а я могу быть только правосуднымъ»[44]. Нельзя не признать, что такія мысли не были до тѣхъ поръ высказаны ни однимъ русскимъ самодержцемъ. Онѣ всецѣло принадлежатъ Александру Первому.

22-го марта: о свободномъ пропускѣ ѣдущихъ въ Россію и отъѣзжающихъ изъ нея.

24-го марта: отмѣна запрещенія на вывозъ за границу хлѣба и вина.

31-го марта: отмѣна запрещенія императора Павла (отъ 18-го апрѣля

Александръ Андреевичъ Беклешовъ.

Съ гравюры Осипова, сдѣланной съ портрета Кинеля.

1800 года) относительно ввоза изъ-за границы книгъ и музыкальныхъ нотъ; повелѣніе распечатать частныя типографіи, закрытыя указомъ 5-го іюня 1800 года, и дозволеніе имъ печатать книги и журналы. — Того же числа была объявлена роспись кирасирскимъ, драгунскимъ,

гусарскимъ, гренадерскимъ, мушкетерскимъ и егерскимъ полкамъ, коимъ высочайше повелѣно именоваться прежними историческими именами, вмѣсто введеннаго императоромъ Павломъ названія по именамъ шефовъ.

2-го апрѣля императоръ Александръ, прибывъ въ общее собраніе Сената и занявъ мѣсто предсѣдателя, повелѣлъ прочесть подписанные имъ въ тотъ день пять манифестовъ: 1) о возстановленіи жалованной дворянству граматы[34]; 2) о возстановленіи городового положенія и граматы, данной городамъ; 3) о свободномъ отпускѣ россійскихъ произведеній за границу, объ оставленіи сбора пошлинъ съ оныхъ на прежнемъ основаніи и о предоставленіи казеннымъ поселянамъ пользоваться лѣсами, въ чемъ они были затруднены лѣснымъ вѣдомствомъ; 4) объ уничтоженіи тайной экспедиціи и о вѣдѣніи дѣлъ, производившихся въ оной, въ Сенатѣ, и 5) о облегченіи участи преступниковъ и о сложеніи казенныхъ взысканій до 1000 рублей.

Духъ и направленіе воцарившагося императора въ особенности ярко выступаютъ въ манифестѣ объ уничтоженіи тайной экспедиціи, въ которомъ государь говоритъ, что въ благоустроенномъ государствѣ «всѣ преступленія должны быть объемлемы, судимы и наказуемы общею силою закона», и потому признаетъ за благо не только названіе, но и самое дѣйствіе тайной экспедиціи навсегда упразднить и уничтожить, повелѣвая всѣ дѣла, въ оной бывшія, отдать въ государственный архивъ къ вѣчному забвенію, а на будущее время вѣдать ихъ въ 1-мъ и 5-мъ департаментахъ Сената, и во всѣхъ тѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, гдѣ вѣдаются дѣла уголовныя. Въ заключеніе этого манифеста сказано: «Сердцу нашему пріятно вѣрить, что, сливая пользы наши съ пользами нашихъ вѣрноподданныхъ и поручая единому дѣйствію закона охраненіе Имени нашего и государственной цѣлости отъ всѣхъ прикосновеній невѣжества или злобы, мы даемъ имъ новое доказательство, колико удостовѣрены мы въ вѣрности ихъ къ намъ и престолу нашему, и что пользъ нашихъ никогда не раздѣляемъ мы отъ ихъ благосостоянія, которое едино составлять всегда будетъ все существо мыслей нашихъ и воли».

Все это было дѣйствительно ново, отъ всего вѣяло чѣмъ-то инымъ, небывалымъ, предвѣщавшимъ, какъ казалось, коренное измѣненіе государственнаго управленія имперіи.

8-го апрѣля было повелѣно уничтожить висѣлицы, поставленныя въ городахъ при публичныхъ мѣстахъ, и къ которымъ прибивались имена провинившихся лицъ.

9-го апрѣля послѣдовалъ указъ, избавлявшій солдатъ отъ ненавистныхъ пуклей, которыя приказано обрѣзать; косы пока еще сохранялись, и онѣ, имѣя длину въ 4 вершка, должны были завязываться на половинѣ воротника[35]. «Его императорское величество, дѣлая сіе облегченіе»,

сказано въ указѣ, «надѣется, что гг. шефы тѣмъ болѣе будутъ наблюдать опрятность нижнихъ чиновъ». Затѣмъ для войскъ была придумана новая форма; живые призраки временъ Семилѣтней войны наконецъ исчезли, но екатерининская форма обмундированія не была возстановлена. Широкіе и длинные прусскаго образца мундиры были перешиты въ узкіе и чрезъ мѣру короткіе; низкіе отложные воротники сдѣлались стоячими и до того высокими, что голова казалась точно въ ящикѣ и трудно было ее поворачивать. Тѣмъ не менѣе, всѣ восхищались новою обмундировкою.

22-го мая, въ указѣ Святѣйшему Синоду, повелѣно было: «священниковъ и діаконовъ, въ уголовныя преступленія впадшихъ и судомъ обличенныхъ, отъ тѣлеснаго наказанія освободить». При чтеніи этого указа императоръ Александръ лично присутствовалъ въ Синодѣ.

28-го мая генералъ-прокуроръ Беклешовъ сообщилъ президенту Академіи Наукъ, барону Николаи, слѣдующій указъ: «Его императорское величество высочайше повелѣть изволилъ, дабы объявленіе о продажѣ людей безъ земли ни отъ кого для припечатанія въ вѣдомостяхъ принимаемо не было». Это распоряженіе обращаетъ на себя вниманіе, какъ первое осторожное мѣропріятіе императора Александра, направленное противъ крѣпостного права[36].

Въ заключеніе этого краткаго перечня первыхъ мѣропріятій воцарившагося государя упомянемъ еще объ указѣ 26-го іюня, по которому отмѣнялись шлагбаумы по городамъ и селамъ, гдѣ отсутствовалъ военный гарнизонъ[37].

Къ числу первыхъ административныхъ преобразованій императора Александра относится указъ 26-го марта, по которому существовавшій при дворѣ совѣтъ былъ упраздненъ, впредь до учрежденія новаго совѣта на особенныхъ правилахъ, а членамъ его велѣно оставаться «при тѣхъ должностяхъ и мѣстахъ, гдѣ они по званію каждаго состоятъ». Въ этомъ указѣ ясно выражены побудительныя причины упраздненія прежняго совѣта, который, «бывъ рѣдко занимаемъ предметами существенными, досслѣ носилъ одно имя государственнаго установленія безъ ощутительнаго вліянія на дѣла общественныя»[38]. Черезъ четыре дня послѣ упраздненія прежняго совѣта въ указѣ Сенату отъ 30-го марта было возвѣщено: «для разсмотрѣнія и уваженія государственныхъ дѣлъ и постановленій, вмѣсто прежняго при дворѣ нашемъ совѣта, признали мы за благо учредить при насъ на особыхъ правилахъ совѣтъ непремѣнный, составивъ его изъ лицъ, довѣренностію нашею и общею почтенныхъ, коихъ число не ограничивая и предоставляя себѣ ихъ опредѣленіе и уменьшеніе, назначаемъ на сей разъ членами совѣта» (слѣдуютъ имена назначенныхъ лицъ[39], всего числомъ 12). «Въ основаніе дѣйствія сего совѣта дали мы ему особенный наказъ. И какъ

по силѣ онаго совѣтъ долженъ снабдить себя всѣми свѣдѣніями, до государственныхъ частей относящимися, то о доставленіи ихъ, по требованію совѣта, во всемъ совершенствѣ, соотвѣтственномъ важному предназначенію сего мѣста, Сенатъ нашъ имѣетъ учинить надлежащимъ мѣстамъ точнѣйшія предписанія».

Вслѣдъ за указомъ объ образованіи совѣта данъ сему установленію, 5-го апрѣля, наказъ[40], коимъ опредѣлялись: составъ совѣта, предметы его разсужденій, порядокъ производства въ немъ дѣлъ, степень власти, основныя правила для его дѣйствій и образованіе его канцеляріи[41]. Главное начальство надъ канцеляріею совѣта было поручено члену его Д. П. Трощинскому; чрезъ него восходили на высочайшее усмотрѣніе подлинные протоколы совѣта. Канцелярія совѣта раздѣлялась на четыре части: 1) по иностранной и коммерческой части; 2) военныхъ дѣлъ, сухопутныхъ и морскихъ; 3) по гражданской и духовной части, и 4) государственнаго хозяйства.

Указомъ отъ 23-го апрѣля 1801 года статскому совѣтнику Сперанскому повелѣно было быть экспедиторомъ по части гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ.

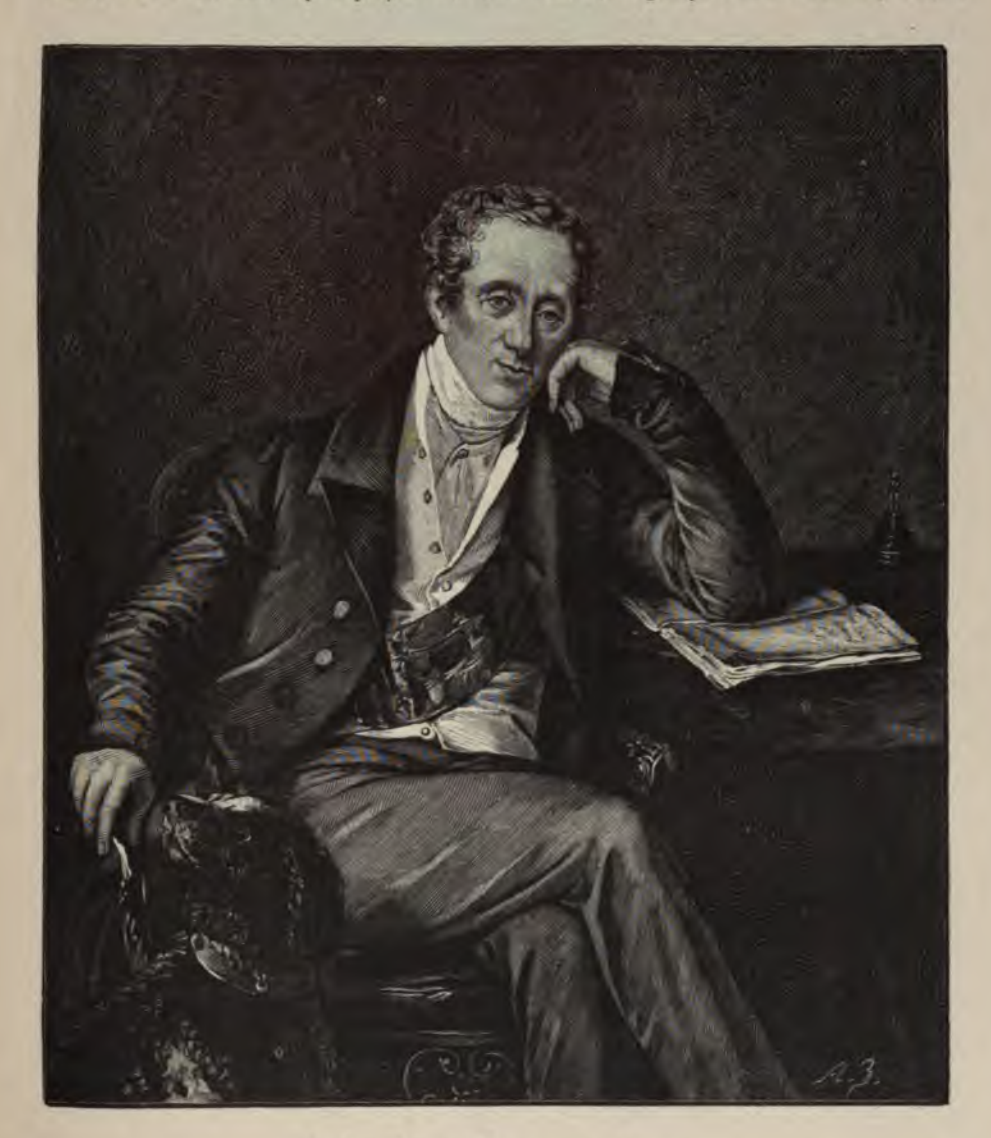
Императоръ Александръ присутствовалъ во вновь образованномъ совѣтѣ только одинъ разъ: 16-го мая 1801 года, при разсужденіяхъ о непродажѣ крѣпостныхъ людей безъ земли.

Хотя, по смыслу даннаго наказа, государь уполномочивалъ совѣтъ сдѣлать пересмотръ всѣхъ законовъ и постановленій и начертать проекты перемѣнъ и улучшеній, но, какъ пишетъ Сперанскій:[42] «установленіе сіе не достигло предположенной цѣли» — отъ бездѣйствія ли коммиссіи составленія законовъ, которая должна была содѣйствовать совѣту въ его работахъ, отъ состава ли совѣта, отъ недостатка ли внутренняго его устройства, или, можетъ быть, отъ всѣхъ сихъ причинъ въ совокупности. Послѣднее предположеніе, конечно, ближе всего приближается къ истинѣ.

Послѣ образованія новаго совѣта къ числу важнѣйшихъ мѣропріятій императора Александра принадлежитъ изданіе двухъ указовъ отъ 5-го іюня 1801 года, которые слѣдуетъ признать первымъ гласнымъ заявленіемъ задуманныхъ государемъ обширныхъ административныхъ преобразованій.

Сенату дано было въ этотъ день повелѣніе представить особый докладъ о своихъ правахъ и обязанностяхъ для утвержденія оныхъ силою закона на незыблемомъ основаніи, какъ государственный законъ[43]. Высочайшая воля была передана въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Уважая всегда Правительствующій Сенатъ, яко верховное мѣсто правосудія и исполненія законовъ, и зная, сколь много права и преимущества, отъ государей предковъ моихъ ему присвоенныя, по времени и различнымъ

обстоятельствамъ подвергалися перемѣнѣ къ ослабленію и самой силы закона, всѣмъ управлять долженствующаго, я желаю возставить оной на прежнюю степень ему приличную и для управленія мѣстъ ему подвластныхъ толико нужную; и на сей конецъ требую отъ Сената, чтобы

Графъ Никита Петровичъ Панинъ.
Съ гравюры Буассена, сдѣланной съ портрета Тропинина.

онъ, собравъ, представилъ мнѣ докладомъ все то, что составляетъ существенную должность, права и обязанность его, съ отверженіемъ всего того, что въ отмѣну или ослабленіе оныхъ доселѣ введено было. Права сіи и преимущества Правительствующаго Сената я намѣренъ

поставить на незыблемомъ основаніи, какъ государственный законъ, и силою данной мнѣ отъ Бога власти потщусь подкрѣплять, сохранять и содѣлать его на вѣки непоколебимымъ».

Во второмъ указѣ Сенату отъ 5-го же іюня сказано: «Комиссію о составленіи законовъ признали мы за благо, имѣя подъ собственнымъ нашимъ вѣдѣніемъ, поручить въ непосредственное управленіе дѣйствительному тайному совѣтнику графу Завадовскому, котораго на сей случай снабдили надлежащимъ наставленіемъ».

Въ особомъ рескриптѣ на имя графа Завадовскаго слѣдующимъ образомъ опредѣлены основныя начала, которыми руководствовался императоръ Александръ, поручая ему управленіе столь важной комиссіи: «Поставляя въ единомъ законѣ начало и источникъ народнаго блаженства и бывъ удостовѣренъ въ той истинѣ, что всѣ другія мѣры могутъ сдѣлать въ государствѣ счастливыя времена, но одинъ законъ можетъ утвердить ихъ на вѣки, въ самыхъ первыхъ дняхъ царствованія моего и при первомъ обозрѣніи государственнаго управленія призналъ я необходимымъ удостовѣриться въ настоящемъ части сей положеніи. Я всегда зналъ, что съ самаго изданія уложенія до дней нашихъ, то есть, въ теченіи почти одного вѣка съ половиною, законы, истекая отъ законодательной власти различными и часто противоположными путями, и бывъ издаваемы болѣе по случаямъ, нежели по общимъ государственнымъ соображеніямъ, не могли имѣть ни связи между собою, ни единства въ ихъ намѣреніяхъ, ни постоянности въ ихъ дѣйствіи. Отсюда всеобщее смѣшеніе правъ и обязанностей каждаго, мракъ, облежащій равно судью и подсудимаго, безсиліе законовъ въ ихъ исполненіи и удобность перемѣнить ихъ по первому движенію прихоти или самовластія».

Въ приведенной нами выдержкѣ изъ официальнаго акта 5-го іюня желаніе государя выдвинуть на первый планъ законъ проявляется съ такою ясностью, что не можетъ быть подвергнуто никакому сомнѣнію или превратному толкованію. Эта мысль господствовала тогда въ умѣ Александра, не будучи еще ограничена соображеніями противоположнаго свойства. «Какъ скоро я себѣ дозволю нарушить законы, кто тогда почтетъ за обязанность наблюдать ихъ?» — писалъ въ то время государь. «Быть выше ихъ, если бы я могъ, но конечно бы не захотѣлъ, ибо я не признаю на землѣ справедливой власти, которая бы не отъ закона истекала; напротивъ, я чувствую себя обязаннымъ первѣе всѣхъ наблюдать за исполненіемъ его, и даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ другіе могутъ быть снисходительны, а я могу быть только правосуднымъ»[44]. Нельзя не признать, что такія мысли не были до тѣхъ поръ высказаны ни однимъ русскимъ самодержцемъ. Онѣ всецѣло принадлежатъ Александру Первому.

Указъ Сенату о представленіи имъ доклада о сущности его правъ и обязанностей раскрылъ вполнѣ намѣренія, одушевлявшія императора въ эту счастливую пору его царствованія. По отзыву современника Шторха, въ издававшемся имъ тогда періодическомъ сборникѣ «Россія при Александрѣ Первомъ», можно судить, какое сильное впечатлѣніе произвелъ указъ 5-го іюня на общество. «Не подлежитъ никакому сомнѣнію», пишетъ Шторхъ[45]: «что императоръ могъ безъ шума (ohne Aufsehen) болѣе краткимъ и вѣрнымъ путемъ получить тѣ свѣдѣнія, какихъ онъ требовалъ здѣсь столь публично и столь торжественно; мы въ правѣ предположить, что онъ не безъ важныхъ причинъ отдалъ предпочтеніе публичному запросу, и потому можемъ съ вѣроятностью принять, что этотъ первый шагъ предназначенъ былъ къ тому, чтобы испытать общественное мнѣніе и приготовить умы къ предстоящимъ перемѣнамъ. И эта мѣра не осталась безъ своего дѣйствія. Впечатлѣніе, произведенное этимъ указомъ въ Сенатѣ, было всеобщее, и въ нѣсколько дней оно сообщилось всей образованной публикѣ столицы. Вмѣсто того, чтобы ограничиться историческими объясненіями о томъ, чѣмъ былъ до сихъ поръ Сенатъ, по существующимъ постановленіямъ и законамъ, это почтенное сословіе, напротивъ, собрало политическія мнѣнія (staatsrechtliche Meynungen) своихъ членовъ о томъ, чѣмъ Сенатъ могъ бы быть собственно при новомъ порядкѣ вещей, и въ числѣ этихъ мнѣній находилось много такихъ, которыя были весьма свободно высказаны и довольно близко подходили къ основному источнику всѣхъ политическихъ золъ въ Россіи... Въ самомъ дѣлѣ, какой государь, въ положеніи Александра, не отступилъ бы передъ симптомами этого рода или, по крайней мѣрѣ, не остановился бы на полдорогѣ? Нужно было болѣе чѣмъ обыкновенное самоотверженіе, нужно было живѣйшее и самое глубокое убѣжденіе въ безусловной необходимости начатыхъ мѣръ, чтобы не стать на ложный путь въ виду этихъ явленій, и кто осмѣлился бы предполагать это самоотверженіе, это убѣжденіе въ двадцатичетырехлѣтнемъ государѣ — и въ Россіи? Но этотъ государь былъ Александръ! Надежды человѣчества не были обмануты... Если нужно было достигнуть порядка въ дѣлахъ, правильности въ дѣйствіяхъ судовъ, если нужно было достигнуть законности въ понятіяхъ и представленіяхъ народа, то первымъ условіемъ для этого было именно смягченіе самодержавія и приближеніе его къ законно-монархической формѣ правленія».

Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что въ 1801 году не было правительства въ Европѣ, которое было бы столь исполнено добрыми намѣреніями, столь занято общественнымъ благомъ, какъ русское. Такое впечатлѣніе произвела, по крайней мѣрѣ, 1802 году на женевскаго гражданина Дюмона правительственная обстановка императора Александра. «Это не одни фейерверки, не газетная слава: если въ чемъ

есть недостатокъ», прибавляетъ Дюмонъ, «то въ исполнителяхъ, чтобы выполнить то добро, которое хотятъ сдѣлать. Люди должны быть откопаны или созданы, и въ этомъ главная трудность»[46].

При воцареніи Александра лучшіе друзья его, за исключеніемъ графа П. А. Строгонова, отсутствовали изъ Петербурга и пребывали за границею. Графъ В. П. Кочубей находился въ Дрезденѣ, князь Адамъ Чарторижскій въ Неаполѣ и Н. Н. Новосильцовъ въ Англіи. Лагарпъ жилъ въ окрестностяхъ Парижа. Одинъ за другимъ они поспѣшили собраться вокругъ своего вѣнценоснаго друга[47]. Благодаря этой случайности, графъ П. А. Строгоновъ былъ первымъ изъ друзей Александра, который удостоился слышать мысли его о предстоящихъ преобразованіяхъ. Первая бесѣда по этому предмету имѣла мѣсто 23-го апрѣля 1801 года. Графъ Строгоновъ высказалъ мнѣніе, что сперва надлежитъ устроить внутреннее управленіе (administration), а потомъ уже приступить къ разработкѣ, собственно говоря, конституціи (constitution proprement dite), и что она должна проистекать изъ сдѣланныхъ предварительно преобразованій. Императоръ съ этимъ вполнѣ согласился, прибавивъ, что главнымъ основаніемъ предстоящей работы должно служить опредѣленіе правъ гражданина (droits du citoyen). Графъ Строгоновъ на это замѣтилъ, что, по его мнѣнію, всѣ эти права заключались въ обезпеченіи имущества и въ неограниченной свободѣ каждаго дѣлать все, что не можетъ быть вредно для прочихъ. Императоръ сказалъ, что къ этому нужно еще присовокупить одно условіе, чтобы открытъ былъ свободный путь заслугамъ. Изъ этого перваго разговора графъ Строгоновъ вынесъ, однако, впечатлѣніе нѣкоторой туманности или неопредѣленности мнѣній государя относительно исполненія предстоявшаго государственнаго преобразованія[48]. Подобное же мнѣніе высказалъ нѣсколько позже графъ Кочубей; по этому поводу графъ Строгоновъ пишетъ: «M. de Kotchoubey fut frappé du peu d'ordre qui régnait encore dans tous les projets de l'Empereur. Il ne s'était fait aucun plan, il frappait pour ainsi dire à toutes les portes, n'étant pas trop sûr de son fait[49]».

Желая скорѣе выйти изъ сферы неопредѣленныхъ разговоровъ и создать почву для обсужденія государственнаго преобразованія, къ которому стремился государь, графъ Строгоновъ въ запискѣ, доложенной императору Александру 9-го мая 1801 г., предложилъ учредить негласный комитетъ; работы этого комитета должны были оставаться въ тайнѣ, чтобы не возбуждать преждевременнаго любопытства и толковъ среди общества. Императоръ Александръ согласился съ мнѣніемъ графа Строгонова и изъявилъ намѣреніе назначить членами этого негласнаго комитета графа Кочубея, князя Адама Чарторижскаго, Новосильцова и графа Строгонова[59]. Такимъ образомъ тѣсный кружокъ друзей Александра долженъ былъ образовать особый келейный совѣтъ, который государь

Графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ.
Съ гравюры Буассена, сдѣланной съ портрета Эванса.

въ шутку называлъ впослѣдствіи: «Комитетомъ общественнаго спасенія (Comité du salut public)». Собраніе этого комитета состоялось, однако, только по прошествіи нѣкотораго времени; политическія соображенія побудили Александра еще повременить этимъ дѣломъ[51].

Императоръ Александръ собственноручнымъ письмомъ отъ 17-го марта вызвалъ князя Адама Чарторижскаго изъ Италіи въ Петербургъ.

«Мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ», писалъ государь: «съ какимъ нетерпѣніемъ я васъ ожидаю». Князь Адамъ прибылъ въ Петербургъ во второй половинѣ іюня мѣсяца; онъ нашелъ Александра блѣднымъ и утомленнымъ. Императоръ принялъ его ласково, но, какъ казалось Чарторижскому, съ нѣкоторою сдержанностью; онъ увелъ друга въ кабинетъ и тамъ сказалъ ему: «Хорошо, что вы пріѣхали. Наши ждутъ васъ съ нетерпѣніемъ». Затѣмъ Александръ, перейдя къ недавнимъ событіямъ, прибавилъ: «Si vous aviez été ici, rien de tout cela ne serait arrivé; vous ayant auprès de moi, jamais je n'aurais été entrainé de la sorte»[52].

Вообще Чарторижскій замѣтилъ въ Александрѣ нѣкоторую перемѣну; онъ пересталъ думать объ отреченіи; подъ вліяніемъ обстоятельствъ въ немъ выработался болѣе практическій взглядъ на дѣла, и проглядывало сознаніе тѣхъ трудностей, съ которыми сопряжено осуществленіе многихъ задуманныхъ въ порывѣ юношескаго увлеченія реформъ. Но въ глубинѣ души его образъ мыслей оставался неизмѣннымъ, пишетъ князь Адамъ. «То была въ продолженіе многихъ лѣтъ какъ бы тайная страсть, въ коей мы не смѣемъ признаться передъ свѣтомъ, неспособнымъ понять ее, но которая не перестаетъ владѣть нами и увлекаетъ насъ, коль скоро намъ представляется возможность подчиниться ей». Чарторижскій сравниваетъ Александра съ человѣкомъ, который любитъ забавляться игрушками дѣтства и съ сожалѣніемъ покидаетъ любимое развлеченіе, чтобы возвратиться къ обязательнымъ занятіямъ обыденной жизни.

Въ одномъ только отношеніи Чарторижскій не замѣтилъ нарушенія павловскихъ порядковъ: печальной памяти вахтъ-парадъ производился попрежнему императоромъ ежедневно, съ тою только разницею, что отнынѣ онъ не сопровождался болѣе тѣми удручающими послѣдствіями, которыя вошли въ обычай съ 7-го ноября 1796 года.

Когда вѣсть о вступленіи на престолъ императора Александра дошла до Лагарпа, онъ написалъ своему бывшему воспитаннику нижеслѣдующій привѣтъ: «Я не поздравляю васъ съ тѣмъ, что вы сдѣлались властителемъ тридцати шести милліоновъ подобныхъ себѣ людей, но радуюсь, что судьба ихъ отнынѣ въ рукахъ монарха, который убѣжденъ, что человѣческія права не пустой призракъ, и что глава народа есть его первый слуга. Вамъ предстоитъ теперь примѣнить на дѣлѣ тѣ начала, которыя вы признаете истинными. Я воздержусь давать вамъ совѣты; но есть одинъ, мудрость котораго я уразумѣлъ въ несчастные восемнадцать мѣсяцевъ, когда я былъ призванъ управлять страной. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы въ теченіе нѣкотораго времени не останавливать обычнаго хода администраціи, не выбивать ея изъ давней колеи, а внимательно слѣдить за ходомъ дѣлъ, избѣгая скоропостижныхъ и насильственныхъ реформъ. Искренно желаю, чтобы человѣколюбивый

Александръ занялъ видное мѣсто въ лѣтописяхъ міра между благодѣтелями человѣчества и защитниками началъ истины и добра».

Императоръ Александръ 9-го (21-го) мая отвѣтилъ Лагарпу, что первою истинною радостью съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ во главѣ своей несчастной страны (mon malheureux pays), было полученіе письма отъ него. «Не могу выразить вамъ всего, что я чувствовалъ», писалъ государь, «особенно видя, что вы сохраняете ко мнѣ все тѣ же чувства, столь дорогія моему сердцу, и которыхъ ни отсутствіе, ни перерывъ сношеній не могли измѣнить. Вѣрьте, любезный другъ, что ничто въ мірѣ не могло также поколебать моей неизмѣнной привязанности къ вамъ и всей моей признательности за ваши заботы обо мнѣ, за познанія, которыми я вамъ обязанъ, за тѣ принципы, которые вы мнѣ внушили, и въ истинѣ которыхъ я имѣлъ столь часто случай убѣдиться. Не въ моей власти оцѣнить все, что вы для меня сдѣлали, и никогда я не въ состояніи буду заплатить за этотъ священный долгъ. Буду стараться сдѣлаться достойнымъ имени вашего воспитанника и всю жизнь буду этимъ гордиться. Я пересталъ писать вамъ, лишь повинуясь самымъ положительнымъ приказаніямъ, но не пересталъ думать о васъ и о проведенномъ съ вами времени. Мнѣ было бы отрадно надѣяться, что это время можетъ вновь настать, и я былъ бы несказанно счастливъ, если бы это осуществилось. Въ этомъ отношеніи все зависитъ отъ васъ и отъ домашнихъ вашихъ обстоятельствъ, потому что нѣтъ никакихъ другихъ, которыя бы могли этому препятствовать. Но объ одной милости прошу васъ, а именно, писать ко мнѣ отъ времени до времени и давать мнѣ ваши совѣты, которые будутъ мнѣ столь полезны на такомъ посту, какъ мой, и который я рѣшился принять только въ надеждѣ быть полезнымъ моей странѣ и предотвратить отъ нея въ будущемъ новыя бѣдствія. Почему вы не можете быть здѣсь, чтобы руководить мною съ помощью вашей опытности и оградить отъ козней, которымъ я могу подвергнуться по моей молодости и, можетъ быть, по невѣдѣнію злобы испорченныхъ душъ? Какъ часто случается, что судишь другихъ по себѣ, и, желая добра, до тѣхъ поръ легко поддаешься обольщенію, что они одушевлены тѣми же намѣреніями, пока опытъ не убѣдитъ въ противномъ; тогда наступаетъ разочарованіе, но, можетъ быть, слишкомъ поздно, когда зло уже совершилось. Вотъ, любезный другъ, почему просвѣщенный и опытный въ знаніи людей другъ представляетъ собою величайшее сокровище, которое только можно пріобрѣсти. Занятія мои не позволяютъ мнѣ писать вамъ болѣе. Скажу вамъ только, что болѣе всего мнѣ доставляетъ заботъ и труда согласовать частные интересы и ненависти и заставить другихъ содѣйствовать единственной и исключительной цѣли—общей пользѣ. Прощайте, любезный другъ, дружба ваша будетъ служить мнѣ утѣшеніемъ въ моихъ горестяхъ»[53].

Дружеское письмо императора Александра къ Лагарпу побудило бывшаго наставника государя снова посѣтить Россію; онъ прибылъ въ Петербургъ въ августѣ 1801 года[54].

Перечисляя друзей императора Александра, собравшихся вокругъ него послѣ 12-го марта, остается еще замѣтить, что среди нихъ отсутствовало только одно лицо: графъ Аракчеевъ. Какъ ни странно звучатъ слова: графъ Аракчеевъ—другъ императора Александра, если сопоставить ихъ съ заявленіями и дѣйствіями воцарившагося государя, тѣмъ не менѣе исторія должна признать существованіе этого печальнаго, неоспоримаго факта. Могло казаться, что онъ забытъ императоромъ и не будетъ болѣе призванъ на поприще государственной дѣятельности; однако, въ дѣйствительности этого не было, и, напротивъ того, какъ уже выше упомянуто, графъ Алексѣй Андреевичъ украсился въ глазахъ государя еще новою добродѣтелью: сердце его было чисто и духъ его правъ передъ Павломъ. Благоразумная осторожность и чувство самосохраненія побудили лишь «вѣрнаго друга» отложить до болѣе благопріятной минуты возвращеніе на службу грузинскаго отшельника. Дѣйствительно, въ это время Александръ шествовалъ еще рѣшительными шагами по восходящему пути широко задуманныхъ реформъ. Въ первыхъ указахъ новаго царствованія при каждомъ удобномъ случаѣ встрѣчались обращенія къ памяти «Великія Екатерины». Неудобно было возбудить подозрѣніе, что готовится нѣкоторый поворотъ на старую дорогу; нельзя было безнаказанно столь явно измѣнить торжественно данному обѣщанію царствовать по законамъ и по сердцу Екатерины II, имя же графа Аракчеева неразрывно было связано съ павловскими преданіями, отъ которыхъ все тогдашнее общество отворачивалось съ ужасомъ. Всѣ эти обстоятельства обезпечивали неприкосновенность сельской идилліи графа Аракчеева еще на нѣкоторое время; впрочемъ, сознаніе, что у него въ лицѣ преемника Павла есть такой же вѣрный другъ, какъ нѣкогда въ лицѣ цесаревича, могло служить Алексѣю Андреевичу до нѣкоторой степени утѣшеніемъ среди невольнаго бездѣйствія. Терпѣливое выжиданіе графа Аракчеева не осталось безъ щедраго вознагражденія.

Политическія соображенія, побуждавшія императора Александра отстранить Аракчеева, вынуждали его, съ другой стороны, привлечь къ дѣятельности нѣкоторыхъ изъ бывшихъ екатерининскихъ сановниковъ. Сверхъ Д. П. Трощинскаго и А. А. Беклешова такой же чести удостоились еще графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ, графъ Завадовскій и графъ Морковъ[55]. Находившійся въ Англіи графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ, подвергшійся опалѣ императора Павла, снова занялъ покинутый имъ дипломатическій постъ при великобританскомъ дворѣ; кромѣ того, запрещеніе, наложенное на его помѣстья въ Россіи, было снято Александромъ на другой же день по восшествіи на престолъ.

Къ екатерининскимъ дѣятелямъ юный императоръ относился вообще крайне недружелюбно; это подтверждается въ достаточной мѣрѣ его перепискою и засвидѣтельствовано современниками. Гатчинскія традиціи оставили въ немъ такой глубокій слѣдъ, что онъ не любилъ даже, когда

Михаилъ Михайловичъ Сперанскій въ 1806 году.

Съ портрета, писаннаго въ 1806 г. Ивановымъ.

вспоминали при немъ о царствованіи Екатерины. Графа Завадовскаго Александръ признавалъ ничтожествомъ, настоящей овцою. Къ графу А. Р. Воронцову онъ питалъ непреодолимое отвращеніе; все было ему антипатично въ старикѣ: устарѣлые пріемы, звукъ голоса, протяжный и гнусливый, привычныя тѣлодвиженія. Когда онъ въ 1804 году по бо-

лѣзни удалился отъ дѣлъ, Александръ, по замѣчанію очевидца, радовался, какъ ребенокъ.

Для довершенія затруднительности положенія старыхъ сановниковъ при дѣловыхъ сношеніяхъ съ государемъ они вздумали еще враждовать между собою, чѣмъ окончательно уронили себя въ его глазахъ[56]. Относительно Беклешова и Трощинскаго императоръ Александръ усвоилъ себѣ, по этому случаю, особую систему дѣйствій. «Они, безъ сомнѣнія, по опытности своей въ дѣлахъ знающѣе всѣхъ прочихъ государственныхъ чиновниковъ», сказалъ однажды государь, лѣтомъ 1801 года, генералъ-адъютанту Комаровскому: «но между ними есть зависть. Я примѣтилъ это, потому что, когда одинъ изъ нихъ объясняетъ какое-либо дѣло, кажется нельзя лучше; лишь только оное коснется для приведенія въ исполненіе до другого, тотъ совершенно опровергаетъ мнѣніе перваго, тоже, кажется, на самыхъ ясныхъ доказательствахъ. По неопытности моей въ дѣлахъ, я находился въ большомъ затрудненіи и не зналъ, кому изъ нихъ отдать справедливость; я приказалъ, чтобъ по генералъ-прокурорскимъ дѣламъ они приходили съ докладомъ ко мнѣ оба вмѣстѣ, и позволяю имъ спорить при себѣ сколько угодно, а изъ сего извлекаю для себя пользу»[57].

Державинъ въ своихъ запискахъ выражаетъ сожалѣніе о враждѣ Беклешова и Трощинскаго, благодаря которой они ослабили довѣренность къ нимъ государя «и сбили съ твердаго пути, такъ что онъ не зналъ, кому изъ нихъ вѣрить». Беклешова же Державинъ обвиняетъ сверхъ того въ томъ, что онъ присвоилъ себѣ всю власть, такъ сказать, самодержавную[58]. Антагонизмъ, существовавшій между генералъ-прокуроромъ и Трощинскимъ, подтверждается также свидѣтельствами и другихъ современниковъ Александрова царствованія. Михайловскій-Данилевскій пишетъ, что Беклешовъ и Трощинскій не имѣли столько патріотизма и возвышенности души, чтобы совокупно споспѣшествовать ко благу Россіи и оправдать тѣмъ довѣріе юнаго монарха. «Сколь ни велики были способности сихъ особъ», присовокупляетъ Данилевскій, «но онѣ не были въ согласности съ просвѣщеніемъ XIX вѣка»[59].

Изъ сдѣланнаго краткаго очерка мѣропріятій, сопровождавшихъ въ Россіи перемѣну царствованія, очевидно, насколько Александръ руководствовался еще въ то время своими идеальными воззрѣніями. При каждомъ удобномъ случаѣ государь выставлялъ принципъ законности, которому охотно подчинялъ неограниченность своей собственной самодержавной власти, и рѣшительно отклонялъ отъ себя всякій произволъ, на который его нерѣдко вызывали. Александръ въ эту пору своей жизни представлялъ вообще явленіе необычайное въ русской исторіи и обнаружилъ столько искренняго желанія добра и справедливости, что именно поэтому возбудилъ къ себѣ сочувствіе и уваженіе всѣхъ честныхъ людей

не только въ Россіи, но и въ Европѣ. Это чувство, замѣчаетъ современникъ александровской эпохи, и эта ревность къ общему благу хотя и не были обильны результатами, тѣмъ не менѣе сдѣлали то, что имя его будетъ съ честію жить въ исторіи [60].

Блистательное начало царствованія императора Александра не могло не возбудить къ нему любовь всего населенія. Золотой вѣкъ наступилъ наконецъ для Россіи, пишетъ г-жа Виже Лебренъ. «Въ этомъ нельзя было сомнѣваться, смотря на любовь, почтеніе, восторгъ, съ которыми русскіе относились къ своему новому императору. Этотъ восторгъ былъ настолько великъ, что всѣми почиталось за величайшее счастіе увидѣть и встрѣтиться съ Александромъ; если онъ выходилъ вечеромъ гулять въ Лѣтній садъ или проѣзжалъ по улицамъ Петербурга, толпа его окружала, благословляя, и онъ, привѣтливѣйшій изъ государей, удивительно милостиво отвѣчалъ на всю эту дань почтенія» [61].

Люди самыхъ противоположныхъ мнѣній и направленій встрѣтили воцареніе Александра съ одинаковыми радостными чувствами и искренними привѣтствіями. Подобное счастливое стеченіе благопріятныхъ условій едва ли когда-либо выпадало въ такой щедрой мѣрѣ на долю правителя. Дѣйствительно, никогда еще въ Россіи не испытали того чувства благосостоянія, которымъ объята была имперія въ первые шесть мѣсяцевъ владычества Александра. «Любовь ею управляла, и свобода вмѣстѣ съ порядкомъ водворялись въ ней», пишетъ свидѣтель тогдашнихъ восторговъ. «Не знаю, какъ описать то, что происходило тогда: всѣ чувствовали какой-то нравственный просторъ, взгляды сдѣлались у всѣхъ благосклоннѣе, поступь смѣлѣе, дыханіе свободнѣе» [62]. По современному свидѣтельству, чувства къ государю общества не могутъ быть выражены обычнымъ понятіемъ человѣческой преданности: его любили страстно, какъ любятъ обожаемую женщину.

Въ числѣ такихъ страстныхъ почитателей молодого государя выдающееся мѣсто принадлежитъ Василію Назарьевичу Каразину.

Въ царствованіе императора Павла онъ намѣревался побывать за границею для довершенія своего образованія, но любознательному юношѣ было отказано въ заграничномъ паспортѣ. Тогда Каразинъ рѣшился перебраться за границу безъ паспорта. Попытка его не увѣнчалась успѣхомъ; онъ былъ схваченъ разъѣздомъ при переправѣ черезъ Нѣманъ и доставленъ въ Ковно (3-го августа 1798 года). Гибель его казалась неминуемою; отчаяніе побудило узника обратиться къ самому опасному и несбыточному средству, которое, однако, и спасло его. Каразинъ написалъ письмо императору Павлу и откровенно высказалъ въ немъ причину своего бѣгства. «Я желалъ укрыться отъ твоего правленія, страшась его жестокости», откровенно признался Каразинъ государю. «Многіе примѣры, разнесенные молвою въ пространствѣ царства твоего,

молвою, вѣроятно, удесятиренные, грозили мысли и воображенію день и ночь. Я не зналъ за собою вины. Въ уединеніи сельской жизни не могъ я имѣть ни случаевъ, ниже поводовъ оскорбить тебя. Но свободный образъ моихъ мыслей могъ быть уже преступленіемъ». Императору Павлу не часто приходилось читать такія письма; онъ былъ пораженъ простодушнымъ признаніемъ Каразина и, потребовавъ его къ себѣ, сказалъ: «Я докажу тебѣ, молодой человѣкъ, что ты ошибаешься, что служба въ Россіи можетъ быть не дурна и при мнѣ; при комъ хочешь ты служить». Каразинъ назвалъ Трощинскаго. Послѣдовало высочайшее повелѣніе, по которому Каразинъ опредѣленъ былъ къ статскимъ дѣламъ въ канцелярію государственнаго казначейства и главнаго медицинской коллегіи директора «коллежскимъ переводчикомъ»[63].

Въ такомъ положеніи Каразина застало воцареніе Александра. Десять дней спустя послѣ кончины императора Павла, наканунѣ его погребенія, государь, возвратившись въ кабинетъ послѣ пріема, нашелъ на своемъ рабочемъ столѣ письмо, запечатанное и надписанное ему. Александръ прочелъ неизвѣстное посланіе и былъ глубоко растроганъ и взволнованъ его содержаніемъ. Оно начиналось слѣдующими словами: «Возлюбленному царю! одинъ изъ его подданныхъ. Марта 12-го и 22-го 1801 года». «Какимъ прекраснымъ днемъ началось твое царствованіе! Казалось намъ, что сама природа въ восторгѣ встрѣчаетъ тебя. Александръ, любимецъ сердецъ нашихъ! десятый разъ уже освѣщаетъ весеннее солнце твоихъ надеждами исполненныхъ подданныхъ; и день отъ дня, часъ отъ часу, ты оправдываешь сіи надежды. Какая лестная будущность насъ ожидаетъ!»

Затѣмъ авторъ продолжаетъ: «Во мракѣ и безмолвіи ночи проходя мимо чертоговъ твоихъ, надъ коими, казалось мнѣ, парилъ еще духъ великой оной жены, зрѣвшей въ тебѣ единомъ надежду Россіи, днемъ обращая на тебя среди вельможей двора твоего наполненныя слезъ очи, я размышлялъ, каковы будутъ пути твои. Неужели захочетъ онъ, говорилъ я самъ себѣ, произвольно разстроить рѣдкое согласіе неба и земли въ его пользу и благотворное предуготовленіе цѣлаго полвѣка оставить безъ исполненія? Неужели онъ созданному для душъ обыкновенныхъ удовольствію самовластія хладнокровно пожертвуетъ надеждою народовъ, безсмертною славою и тою наградою, которая по долголѣтней, безмятежной, семейныхъ радостей исполненной жизни ожидаетъ добродѣтельныхъ монарховъ въ странѣ блаженства? Нѣтъ: онъ раскроетъ напослѣдокъ великую ту книгу судьбы нашей и нашихъ потомковъ, которую лишь указалъ перстъ Екатерины. Онъ дастъ намъ непреложные законы. Клятвою многочисленныхъ племенъ своихъ подданныхъ утвердитъ онъ ихъ въ роды родовъ; онъ скажетъ Россіи: се предѣлъ самодержавія моего и моихъ наслѣдниковъ нерушимый во

ВЪ ПЕТЕРГОФСКОМЪ САДУ.

Іапошникова (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

оныя съ обстоятельствами своего народа, съ его правами, обычаями, религіею, съ мѣстнымъ его положеніемъ, съ просвѣщеніемъ своего вѣка напослѣдокъ; онъ составитъ коренное учрежденіе, изберетъ ему блюстителей и, оградивъ ихъ личною безопасностью, поставивъ внѣ сферы честолюбія и боязни, удѣлитъ имъ избытокъ своей власти на охраненіе святыхъ законовъ отечества... для совершенія великаго подвига законодательства, онъ конечно потщится сохранить миръ съ державами. Онъ употребитъ на сіе счастливыя средства, представляемыя ему теперь Провидѣніемъ, которое явно простираетъ къ Россіи милующую десницу. Ему безъ сомнѣнія предопредѣлено начертать смѣлый, постоянный планъ политики, свойственный россійской министеріи и одной ей принадлежащій. Не имѣетъ ли онъ надежнѣйшихъ способовъ держать всѣ дворы въ почтеніи къ себѣ, не преклоняясь ни на чью сторону? Находитъ ли онъ по нынѣшнему положенію своего государства, по его сопредѣльности, по его силамъ, малѣйшія причины или выгоды входить въ раздоры ихъ? Какая участь обращать на себя взоры надеждъ, а не зависти или злобы! заставлять народы отъ Финскихъ водъ до Атлантическаго океана видѣть въ себѣ судію ихъ дѣлъ и рѣшительнаго миротворца ихъ распрей! Въ счастливое то время вооруженная сила не останется безполезною. Напротивъ, тогда-то будетъ она выполнять истинный свой предметъ: охраненіе общаго спокойствія».

Въ заключеніе авторъ письма говорилъ: «Народы всегда будутъ то, чѣмъ угодно правительству, чтобъ они были. Царь Иванъ Васильевичъ хотѣлъ имѣть безотвѣтныхъ рабовъ, съ нимъ подлыхъ, между собою жестокосердыхъ; онъ имѣлъ ихъ. Петръ Первый желалъ видѣть насъ слѣпыми подражателями иностранцевъ; къ несчастію, мы съ излишествомъ таковыми стали. Премудрая Екатерина начала образовать россіянъ. Александръ, любимецъ народа, довершитъ великое сіе дѣло; наслаждаяся нѣкогда плодами своей юности, онъ будетъ блаженнѣйшимъ изъ смертныхъ, и слава его, утвержденная на любви подданныхъ, переходящей изъ рода въ родъ, на всеобщемъ земныхъ племенъ почтеніи, будетъ предметомъ желаній величайшихъ монарховъ! Слышалъ я, что юный нашъ владѣтель съ равнодушіемъ принимаетъ затверженныя восклицанія поэзіи, которая безстыдно приноровливаетъ ихъ ко всѣмъ царямъ, увѣряя каждаго, что онъ лучше своего предшественника: я смѣлъ начертать сіи мысли. О ты, котораго обожаетъ мое сердце! не отвергни сію дань его, въ простотѣ и съ безкорыстнѣйшими чувствами тебѣ приносимую. Государь! въ душѣ моей повергаюсь къ стопамъ твоимъ, орошаю ихъ слезами чистѣйшей, вѣчной преданности. Геній благотворитель моего любезнаго отечества!»[64].

Прочитавъ эту политическую исповѣдь неизвѣстнаго автора, излагавшаго съ такимъ увлеченіемъ свои взгляды, стремившіеся къ водво-

вѣки!.. И Россія войдетъ наконецъ въ число державъ монархическихъ, и желѣзный своенравія скипетръ уже не возможетъ сокрушить скрижалей ея завѣта. Онъ будетъ дѣйствовать медленно, какъ дѣйствуетъ великая природа въ таинственныхъ путяхъ, законами Творца ей уготованныхъ; онъ призоветъ въ помощь свою вѣчный разумъ, имѣющій

Графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій.
Съ портрета, приложеннаго къ «Русскому Архиву» 1888 г.

озарить его душу; вопроситъ совѣта у мужей мудрыхъ, счастливою для нихъ судьбою поставленныхъ близъ его, и другихъ, которыхъ гласъ изъ отдаленнѣйшихъ краевъ его государства истину повѣдать ему станетъ; онъ вопроситъ о ней у законодателей міра древнихъ и новыхъ: съ свѣтильникомъ безпристрастія пройдетъ творенія ихъ, сообразитъ

оныя съ обстоятельствами своего народа, съ его нравами, обычаями, религіею, съ мѣстнымъ его положеніемъ, съ просвѣщеніемъ своего вѣка напослѣдокъ; онъ составитъ коренное учрежденіе, изберетъ ему блюстителей и, оградивъ ихъ личною безопасностью, поставивъ внѣ сферы честолюбія и боязни, удѣлитъ имъ избытокъ своей власти на охраненіе святыхъ законовъ отечества... для совершенія великаго подвига законодательства, онъ конечно потщится сохранить миръ съ державами. Онъ употребитъ на сіе счастливыя средства, представляемыя ему теперь Провидѣніемъ, которое явно простираетъ къ Россіи милующую десницу. Ему безъ сомнѣнія предопредѣлено начертать смѣлый, постоянный планъ политики, свойственный россійской министеріи и одной ей принадлежащій. Не имѣетъ ли онъ надежнѣйшихъ способовъ держать всѣ дворы въ почтеніи къ себѣ, не преклоняясь ни на чью сторону? Находитъ ли онъ по нынѣшнему положенію своего государства, по его сопредѣльности, по его силамъ, малѣйшія причины или выгоды входить въ раздоры ихъ? Какая участь обращать на себя взоры надеждъ, а не зависти или злобы! заставлять народы отъ Финскихъ водъ до Атлантическаго океана видѣть въ себѣ судію ихъ дѣлъ и рѣшительнаго миротворца ихъ распрей! Въ счастливое то время вооруженная сила не останется безполезною. Напротивъ, тогда-то будетъ она выполнять истинный свой предметъ: охраненіе общаго спокойствія».

Въ заключеніе авторъ письма говорилъ: «Народы всегда будутъ то, чѣмъ угодно правительству, чтобъ они были. Царь Иванъ Васильевичъ хотѣлъ имѣть безотвѣтныхъ рабовъ, съ нимъ подлыхъ, между собою жестокосердыхъ; онъ имѣлъ ихъ. Петръ Первый желалъ видѣть насъ слѣпыми подражателями иностранцевъ; къ несчастію, мы съ излишествомъ таковыми стали. Премудрая Екатерина начала образовать россіянъ. Александръ, любимецъ народа, довершитъ великое сіе дѣло; наслаждаяся нѣкогда плодами своей юности, онъ будетъ блаженнѣйшимъ изъ смертныхъ, и слава его, утвержденная на любви подданныхъ, переходящей изъ рода въ родъ, на всеобщемъ земныхъ племенъ почтеніи, будетъ предметомъ желаній величайшихъ монарховъ! Слышалъ я, что юный нашъ владѣтель съ равнодушіемъ принимаетъ затверженныя восклицанія поэзіи, которая безстыдно приноровливаетъ ихъ ко всѣмъ царямъ, увѣряя каждаго, что онъ лучше своего предшественника: я смѣлъ начертать сіи мысли. О ты, котораго обожаетъ мое сердце! не отвергни сію дань его, въ простотѣ и съ безкорыстнѣйшими чувствами тебѣ приносимую. Государь! въ душѣ моей повергаюсь къ стопамъ твоимъ, орошаю ихъ слезами чистѣйшей, вѣчной преданности. Геній благотворитель моего любезнаго отечества!»[64].

Прочитавъ эту политическую исповѣдь неизвѣстнаго автора, излагавшаго съ такимъ увлеченіемъ свои взгляды, стремившіеся къ водво-

ренію въ Россіи законности и обезпеченію за помѣщичьими крестьянами человѣческихъ правъ, императоръ Александръ велѣлъ непремѣнно отыскать сочинителя. «Д. П. Трощинскій, по нѣкоторымъ догадкамъ, призвавъ меня къ себѣ, требовалъ, чтобъ я открылъ ему истину», пишетъ Каразинъ. «Я признался». Немедленно Каразинъ былъ представленъ императору. «Ты написалъ эту бумагу?» — «Я, государь!» — «Дай обнять

Графъ Павелъ Александровичъ Строгоновъ.

Съ гравюры Вендрамини, сдѣланной съ портрета Сентъ-Обена.

тебя и благодарить за благія твои пожеланія мнѣ и чувства истиннаго сына отечества! Продолжай всегда такъ чувствовать и дѣйствовать сообразно съ этими чувствами. Продолжай всегда говорить мнѣ правду! Я желалъ бы имѣть побольше такихъ подданныхъ!» Государь прижалъ его къ своей груди, и Каразинъ, рыдая, какъ ребенокъ, бросился къ его ногамъ со словами: «Клянусь, что буду всегда говорить правду». Александръ усадилъ Каразина и сказалъ, что онъ коснулся въ бумагѣ столькихъ предметовъ, что надобно подумать, съ чего начать работу.

громъ оружія, не побѣдный кликъ на развалинахъ чужого жилища — это подвиги, болѣе согласные съ требованіемъ вѣка, у нихъ болѣе правъ на благоволеніе народа, въ нихъ болѣе человѣческаго, христіанскаго значенія. Благоговѣйные помыслы о предержащей власти, сохранившей и возвеличившей Россію, есть святой долгъ, налагаемый и оправдываемый самымъ пытливымъ разумомъ, но счастливо время, въ которое исполненіе

Николай Николаевичъ Новосильцовъ.
Съ портрета, находящагося въ Академіи Наукъ.

долга сливается съ желаніемъ сердца, но радостна жизнь, если не разберешь, что велитъ долгъ и что внушаетъ любовь. Скажите, разобрали ли вы, чѣмъ недавно, чувствомъ долга или чувствомъ любви, билось ваше сердце, когда глаза ваши, застилаемые докучною слезой, останавливались недавно на трехъ незабвенныхъ словахъ: отмѣнить, простить, возвратить. И какъ счастливы были вы, зная, что ужъ этихъ словъ никто на землѣ отмѣнить не можетъ! Шекспиръ называетъ скипетръ знакомъ

численному множеству народа, который всегда жаденъ его видѣть и не можетъ на него наглядѣться. Единственное время отдохновенія — отъ полудня до обѣда, который всегда подается въ часъ. Затѣмъ онъ выходитъ пѣшкомъ или ѣдетъ верхомъ, но всякій разъ приказываетъ гофмаршалу немедленно извѣстить его, если до него будетъ дѣло кому-нибудь изъ его министровъ. Съ пяти часовъ пополудни онъ опять занимается дѣлами правленія, и эти занятія продолжаются иной разъ до одиннадцати часовъ ночи[67]. Вотъ образъ жизни, который предписалъ себѣ государь, а вотъ нѣсколько подлинныхъ анекдотовъ, его изображающихъ: онъ запретилъ черезъ полицію выходить изъ экипажей при встрѣчѣ съ нимъ. Одинъ офицеръ, желая поближе взглянуть на него, нарушилъ это распоряженіе. Государь приблизился къ нему и сказалъ: «Я васъ просилъ не выходить изъ экипажа». Фраки и круглыя шляпы появились съ первыхъ же дней новаго царствованія. Военный губернаторъ, въ видахъ охраненія военной выправки, вошелъ къ государю съ докладомъ, не прикажетъ ли сдѣлать распоряженіе относительно одежды офицеровъ. «Ахъ, Боже мой!» отвѣчалъ государь, «пусть они ходятъ, какъ хотятъ; мнѣ еще легче будетъ распознать порядочнаго человѣка отъ дряни». Г. Трощинскій представилъ къ подписанію милостивый манифестъ, начинавшійся извѣстными словами: «По сродному намъ къ вѣрноподданнымъ нашимъ милосердію» и пр. Императоръ зачеркнулъ эти слова, сказавъ: «Пусть народъ это думаетъ и говоритъ, а не намъ этимъ хвастаться». Другой разъ, тотъ же Трощинскій принесъ указъ Сенату съ обыкновеннымъ началомъ: «Указъ нашему Сенату». «Какъ», сказалъ съ удивленіемъ государь: «нашему Сенату! Сенатъ есть священное хранилище законовъ; онъ учрежденъ, чтобы насъ просвѣщать. Сенатъ не нашъ: онъ Сенатъ имперіи». И съ этого времени стали писать въ заголовкѣ: «Указъ Правительствующему Сенату». Г. Ламбъ, завѣдующій военною частію[68], возражая однажды противъ какого-то распоряженія, сказалъ: «Извините меня, государь, если я скажу, что это дѣло не такъ». «Ахъ, мой другъ», сказалъ императоръ, обнявъ его: «пожалуй, говори мнѣ чаще: не такъ. А то вѣдь насъ балуютъ». Я бы не кончилъ, если бы сталъ записывать вамъ подобнаго рода анекдоты нынѣшняго восхитительнаго царствованія: ихъ слышишь каждый день новые. Счастливые россіяне, съ радостью и признательностью въ сердцѣ и со слезами на глазахъ, восторженно повторяютъ всякое слово, исходящее изъ устъ обожаемаго государя. Не могу изобразить вашему сіятельству, до какой степени всѣ въ восхищеніи».

Къ 1801 году примѣнимо вполнѣ сказанное въ 1856 году современникомъ и очевидцемъ воцаренія второго Александра: «Съ Петра Великаго вы не назовете никакой эпохи въ нашей исторіи, гдѣ бы такъ много было сдѣлано въ такое немногое время. Конечно, это не оглушительный

громъ оружія, не побѣдный кликъ на развалинахъ чужого жилища — это подвиги, болѣе согласные съ требованіемъ вѣка, у нихъ болѣе правъ на благоволеніе народа, въ нихъ болѣе человѣческаго, христіанскаго значенія. Благоговѣйные помыслы о предержащей власти, сохранившей и возвеличившей Россію, есть святой долгъ, налагаемый и оправдываемый самымъ пытливымъ разумомъ, но счастливо время, въ которое исполненіе

Николай Николаевичъ Новосильцовъ.

Съ портрета, находящагося въ Академіи Наукъ.

долга сливается съ желаніемъ сердца, но радостна жизнь, если не разберешь, что велитъ долгъ и что внушаетъ любовь. Скажите, разобрали ли вы, чѣмъ недавно, чувствомъ долга или чувствомъ любви, билось ваше сердце, когда глаза ваши, застилаемые докучною слезой, останавливались недавно на трехъ незабвенныхъ словахъ: отмѣнить, простить, возвратить. И какъ счастливы были вы, зная, что ужъ этихъ словъ никто на землѣ отмѣнить не можетъ! Шекспиръ называетъ скипетръ знакомъ

временнаго могущества, а милосердіе принадлежностью самого Бога. Въ исторіи много примѣровъ милосердія, но всегда ли излечивалось разомъ столько ранъ, но вездѣ ли съ такимъ всеобъемлющимъ человѣколюбіемъ отгадывались разнообразныя боли человѣческаго сердца? Воображеніе не въ силахъ обнять эту массу страданій, этихъ людей всѣхъ сословій, всѣхъ вѣръ, всѣхъ народностей, которыхъ лучи милосердія отыщутъ въ глухихъ, неизвѣстныхъ мѣстностяхъ, на необъятныхъ пространствахъ»[69].

Даже за границею личность императора Александра привлекала къ себѣ общую симпатію и вызывала въ печати восторженные о немъ отзывы. Авторъ Мессіады, старецъ Клопштокъ, также привѣтствовалъ воцареніе Александра. На своемъ мистическомъ языкѣ Клопштокъ изображаетъ появленіе въ мірѣ человѣчности (Menschlichkeit) въ лицѣ русскаго государя Александра, который одержитъ прекрасную побѣду надъ грубою силою и смоетъ позоръ, лежащій на имени Александръ со времени Александра Македонскаго[70].

Въ восхваленіяхъ Александра проза не отставала отъ поэзіи. Фердинандъ Кауфманъ издалъ краснорѣчивое похвальное слово: «Александръ Россійскій»[71], которое начинается словами: «Какой даръ божества можетъ быть выше и прекраснѣе, чѣмъ великодушный и добродѣтельный государь?—Ни слова преувеличенія, лести: мы не говоримъ о деспотѣ, но о другѣ человѣчества, не о государѣ, но объ отцѣ. Онъ является однимъ изъ нашихъ и тѣмъ величественнѣе представляется его образъ, тѣмъ болѣе возвышается онъ среди всѣхъ: онъ чувствуетъ, что, будучи самъ человѣкъ, призванъ повелѣвать людьми».

Дюмонъ, женевскій гражданинъ, сотрудникъ Мирабо, близкій другъ и ревностный ученикъ Бентама, посѣтившій въ 1802 году Петербургъ, оставилъ въ своей перепискѣ слѣдующую замѣчательную характеристику правленія Александра, составлявшую плодъ его личныхъ наблюденій въ русской столицѣ[72]:

«Я не могу назвать этого государя безъ чувства удовольствія. Я не буду пересказывать того, что говорятъ о немъ его поклонники или люди, наиболѣе къ нему близкіе. Всего лучше хвалятъ его тѣ, которые полагаютъ, что бранятъ его,— то за его мягкость, «которая заводитъ его слишкомъ далеко»,—то за его экономію, «которая противорѣчитъ обычаямъ двора» или «унижаетъ внѣшнее величіе имперіи». Я не слышалъ болѣе сильныхъ порицаній, чѣмъ эти; и если разобрать факты, на которые указываютъ, то я не могу найти ни одного, который бы показывалъ какое-нибудь излишество въ этихъ двухъ добродѣтеляхъ. Александръ наслѣдовалъ правительству подозрительному, произвольному и суровому, чтобъ не сказать больше, правительству, черезъ мѣру расточительному, любившему роскошь и подкапывавшему свои собственныя основанія, чтобы поддержать эту роскошь. Нѣтъ сомнѣнія, что перемѣна

была слишкомъ рѣзкая, и вы можете себѣ представить, къ какому классу людей принадлежатъ эти полуосуждатели, полухвалители,—потому что въ концѣ концовъ ихъ осужденіе полуодобрительно. Сначала были опасенія за слишкомъ быстрое стремленіе къ эмансипаціи или освобожденію,—опасенія, что эта быстрота несовмѣстна съ существующимъ порядкомъ вещей, что правительственныя пружины слишкомъ ослаблены, тогда какъ прежде были слишкомъ натянуты; но теперь люди видятъ, что императоръ и благоразуменъ, и терпѣливъ—что онъ и приготовляетъ и даетъ созрѣвать своимъ планамъ».

Въ русской литературѣ восшествіе императора Александра Перваго на престолъ привѣтствуемо было дружнымъ хоромъ торжественныхъ одъ. Въ числѣ авторовъ были и ветераны нашей словесности: М. М. Херасковъ и Г. Р. Державинъ, и профессора московскаго университета—Сохацкій и Мерзляковъ; были и князья, и княжны, и гвардейскіе офицеры, и священники; былъ и писатель, которому суждено было впослѣдствіи составить литературную славу эпохи Александра I—Н. М. Карамзинъ[73]. «Какъ ни безцвѣтны, повидимому, многія изъ произведеній, вызванныхъ воцареніемъ Александра I, въ совокупности они служатъ живымъ памятникомъ своего времени, знакомятъ съ настроеніемъ тогдашняго общества и съ понятіями и требованіями образованнѣйшей его части. Всѣ эти оды привѣтствуютъ воспитанника Екатерины II, государя-человѣка, уважающаго законъ и ненавидящаго рабство. Такое представленіе вытекало изъ жизни: оно сложилось, очевидно, подъ вліяніемъ порядка вещей, господствовавшаго со времени кончины Екатерины и невольно пробуждавшаго воспоминаніе о той счастливой порѣ, когда съ высоты престола говорили о святости закона и рѣзко осуждали злоупотребленіе власти»[74].

Ода Державина «на всерадостное восшествіе на престолъ императора Александра Перваго, случившееся 12-го марта, когда солнце въ знакъ Овна, на путь весны, вступило, и началося новое столѣтіе, 1801 года»[75] заключала въ себѣ весьма прозрачные намеки на недавнія событія. Хотя пѣвецъ Фелицы утверждалъ, что слова его оды:

«Умолкъ ревъ Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взглядъ»

простая риторическая фигура, что онъ подразумѣвалъ лишь переходъ отъ зимы къ веснѣ, безъ всякихъ намековъ на минувшее царствованіе, что его недоброжелатели придали его стихамъ превратный смыслъ, однакоже и самые доброжелатели Державина не могли не сознаться, что и въ прочихъ строфахъ оды встрѣчается много и далеко непрозрачныхъ намековъ, которымъ развѣ только превратныя толкованія могли придать смыслъ не обидный недавнему прошлому. Генералъ-прокуроръ

Беклешовъ запретилъ цензурѣ пропустить эту оду; она была впервые напечатана только въ 1808 году. Императоръ Александръ, тѣмъ не менѣе, прислалъ поэту за оду перстень въ 5,000 рублей.

Среди общаго восторга, охватившаго съ 12-го марта всѣхъ, кто сколько-нибудь сознавалъ свое человѣческое и гражданское достоинство, раздавались, конечно, и неодобрительные голоса людей, которые не могли помириться съ новыми вѣяніями. «Александру въ особенности принадлежатъ проявленія мягкаго человѣколюбія и уклончивой скромности, съ какой нерѣдко онъ пользовался своею властью», пишетъ одинъ историкъ: «это не нравилось людямъ стараго вѣку, выросшимъ въ рабскомъ страхѣ и привыкшимъ думать, что власть должна являться только въ видѣ пугала»[76]. Недоброжелатели новой эры воздерживались, однако, въ первые мѣсяцы Александрова правленія отъ слишкомъ громкаго охужденія дѣятельности воцарившагося государя; во всякомъ случаѣ они составляли меньшинство. Въ неизданныхъ запискахъ Д. П. Рунича можно прочесть слѣдующій приговоръ новой эры: «Суровость Павла смѣнилась необузданною распущенностью. Либерализмъ обратился въ моду. При вступленіи на престолъ Александръ объявилъ о своемъ намѣреніи царствовать по примѣру своей бабки Екатерины II. Только и было разговоровъ, что о манифестѣ, содержавшемъ эту пошлую и смѣшную фразу (!!?), да о красотѣ юнаго императора и свободѣ, которую жаждали. Увы, что это за свобода! — Александръ долженъ былъ лавировать. Его мать была недовольна имъ, дворянство тоже (?), сторонники его отца ненавидѣли его. Тѣмъ не менѣе, когда могучая рука ослабляетъ петлю, готовую затянуться, эту руку цѣлуютъ. — Вполнѣ вѣрно, какъ говоритъ Маккіавель, что маленькія обиды всегда чувствительнѣе, чѣмъ большія. Запрещеніе носить круглыя шляпы и панталоны возбудило ненависть къ Павлу и среди знати, и среди не-знати. Купцы и народъ его любили. Разрѣшеніе наряжаться шутами, обмѣнъ рукопожатій, болтовня безъ удержу заставили полюбить Александра тотчасъ по вступленіи на престолъ»[77].

Г. Р. Державинъ, конечно, также принадлежалъ къ числу лицъ, сильно предубѣжденныхъ противъ новаго порядка: онъ открыто возставалъ противъ «коверканія» всѣхъ начинаній императора Павла[78] и, не стѣсняясь, изливалъ свое неудовольствіе противъ ближайшихъ совѣтниковъ и друзей Александра, набитыхъ французскимъ и польскимъ конституціоннымъ духомъ, не щадя даже екатерининскихъ стариковъ. Обвиненія его, направленныя противъ Беклешова, уже приведены нами выше. Друзей же государя, составлявшихъ его партикулярный или дружескій совѣтъ, онъ называлъ якобинскою шайкою и высказывалъ мнѣніе, что они ни государства, ни дѣлъ гражданскихъ основательно не знаютъ; неудовольствіе противъ нихъ Державина возросло впослѣдствіи

до того, что онъ обвинялъ совѣтниковъ Александра въ томъ, что они довели государство до близкой въ 1812 году погибели[79].

А. С. Шишковъ долженъ быть причисленъ, подобно Державину, къ числу недовольныхъ новымъ правленіемъ и предубѣжденныхъ противъ новаго порядка вещей, хотя порицаніе его отличается нѣсколько инымъ оттѣнкомъ. Онъ находилъ, что торжественное обѣщаніе государя идти по стопамъ бабки своей не исполнено. По мнѣнію Шишкова, «все

Князь Адамъ Чарторижскій.

Съ гравированнаго портрета начала XIX столѣтія.

то, чего при ней не было, и что въ подражаніе пруссакамъ введено послѣ нея, осталось ненарушимымъ: тѣ же по военной службѣ приказы, ежедневныя производства, отставки, мелочныя наблюденія, вахтъ-парады, экзерциръ-гаузы, шлагбаумы и проч., и проч.; та жъ раздача орденовъ лекарямъ и монахамъ. Однимъ словомъ, Павлово царствованіе, хотя и не съ тою строгостью, но съ подобными же иностранцамъ подражаніями и нововведеніями еще продолжалось». Не щадилъ также Шишковъ и приближенныхъ къ государю людей и оставилъ о нихъ

въ запискахъ характеристику, вполнѣ совпадающую съ оцѣнкою ихъ Державинымъ: «Молодые наперсники Александровы», пишетъ Шишковъ, «напыщенные самолюбіемъ, не имѣя ни опытности, ни познаній, стали всѣ прежніе въ Россіи постановленія, законы и обряды порицать, называть устарѣлыми, невѣжественными. Имена вольности и равенства, пріемлемыя въ превратномъ и уродливомъ смыслѣ, начали твердиться предъ младымъ царемъ»[80].

Василій Назарьевичъ Каразинъ.

Съ портрета, приложеннаго къ «Русской Старинѣ» 1875 года.

Беклешовъ также порицалъ новыхъ дѣятелей, появившихся послѣ событій 1801 года; онъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ характеризовалъ молодыхъ преобразователей: «Они, пожалуй, и умные люди, но лунатики. Посмотрѣть на нихъ, такъ не надивишься: одинъ ходитъ по самому краю высокой крыши, другой по оконечности крутого берега надъ бездною; но назови любого по имени, онъ очнется, упадетъ и расшибется въ прахъ».

Но всѣ эти болѣе или менѣе скрытыя чувства неудовольствія и порицанія, высказывавшіяся различными представителями общества, не могли заглушить восторга и сочувствія, охватившихъ всю мыслящую Россію. Современникъ замѣчаетъ[81]: «если бъ государь составилъ совѣтъ изъ 15-ти-лѣтнихъ мальчиковъ, то и его постановленія были бы приняты какъ плоды высокой мудрости. Молодая Россія была безъ памяти влюблена въ молодого Александра. А когда любовь бываетъ не слѣпа?»

Не легко было императору Александру управлять государствомъ и провести необходимыя преобразованія среди этихъ противорѣчивыхъ теченій, вызванныхъ непримиримымъ антагонизмомъ, существовавшимъ между приверженцами прежнихъ порядковъ и представителями прогрессивныхъ мѣропріятій. Всѣ эти затрудненія усложнялись еще послѣдствіями той исключительной обстановки, при которой совершилось восшествіе на престолъ преемника Павла.

Въ первые мѣсяцы новаго царствованія преобладающее вліяніе выпало, конечно, на долю графа фонъ-деръ-Палена. Пользуясь молодостью и неопытностью государя, властолюбивый графъ то принималъ покровительственный тонъ, то позволялъ себѣ вступать съ императоромъ въ споръ и навязывать ему собственныя мнѣнія. Александръ тяготился вліяніемъ и высокомѣріемъ графа Палена, но благоразуміе требовало пока избѣгать открытаго разрыва съ могущественнымъ временщикомъ, о которомъ его соотечественники справедливо говорили: «Er hat die Pfiffologie studiert». — Искусный царедворецъ былъ, однако, введенъ въ заблужденіе притворною скромностью молодого государя и, совершенно не подозрѣвая близости готовившейся опалы, продолжалъ дѣйствовать попрежнему съ обычною рѣшительностью, нисколько не стѣсняясь враждебными къ нему чувствами вліятельныхъ придворныхъ сферъ.

Вполнѣ довѣряя честности и прямодушію генералъ-прокурора Беклешова, императоръ Александръ не скрылъ отъ него непріятныхъ сторонъ своихъ отношеній къ графу Палену. Опытный дѣлецъ ограничился отвѣтомъ: «Когда у меня подъ носомъ жужжатъ мухи, я ихъ прогоняю»[82]. Совѣтъ произвелъ должное впечатлѣніе и не остался безъ послѣдствій. Вскорѣ неизбѣжная развязка ускорилась, благодаря новому неудовольствію вдовствующей императрицы Маріи Өеодоровны противъ распоряженій графа Палена. Императрица-мать потребовала отъ сына выбора между нею и петербургскимъ военнымъ губернаторомъ. Это обстоятельство рѣшило участь графа Палена, и въ одинъ мигъ надменный властолюбецъ съ высоты могущества былъ низринутъ въ ссылку; исполненіе воли вдовствующей императрицы оказалось тѣмъ легче осуществить, что удаленіе отъ дѣлъ графа Палена совпадало съ собственнымъ желаніемъ государя. Саблуковъ пишетъ, что, когда графъ Паленъ подъѣхалъ къ Зимнему дворцу, флигель-адъютантъ встрѣтилъ его съ

приказаніемъ императора Александра немедленно оставить Петербургъ и удалиться въ курляндскія помѣстья. 17-го (29-го) іюня 1801 года послѣдовалъ высочайшій указъ слѣдующаго содержанія, въ которомъ, однако, не была высказана вся правда: «Снисходя на всеподданнѣйшее прошеніе генерала-отъ-кавалеріи, Санктпетербургскаго военнаго губернатора и управляющаго гражданскою частію въ Санктпетербургской, Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерніяхъ графа фонъ-деръ-Палена, всемилостивѣйше увольняемъ его за болѣзнями отъ всѣхъ дѣлъ»[83]. Въ дѣйствительности оказалось, что опала, постигшая графа Палена, этого ливонскаго великаго визиря, какъ называлъ его графъ С. Р. Воронцовъ, не ограничилась однимъ удаленіемъ его отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ; къ немилости присоединилась еще ссылка, такъ какъ ему приказано было выѣхать изъ столицы и удалиться въ свое курляндское имѣніе. Графъ Паленъ безпрекословно повиновался и въ тотъ же день покинулъ Петербургъ, съ которымъ разстался уже навсегда. «Сей первый примѣръ искусства и рѣшимости новаго государя, боготворимаго и угрожаемаго въ одно время, и коего положеніе было не безъ затрудненій», повѣствуетъ современникъ, «могъ бы удивить и при Павлѣ, когда такія извѣстія почитали самыми обыкновенными. Но Москва и Россія утопали тогда въ веселіи; сіе важное происшествіе едва было замѣчено людьми, еще хмѣльными отъ радости»[84].

Выше было уже упомянуто о намѣреніи императора Александра собрать изъ ближайшихъ своихъ друзей негласный комитетъ. Но это намѣреніе не приводилось въ исполненіе: поджидали пріѣзда князя Адама Чарторижскаго; вѣроятно, и другія соображенія также повліяли на отсрочку этого собранія. Императоръ Александръ не располагалъ еще въ этомъ дѣлѣ достаточною свободою дѣйствій и долженъ былъ соображать свои начинанія со взглядами всесильнаго петербургскаго военнаго губернатора. Какъ бы то ни было, но немедленно послѣ удаленія отъ дѣлъ графа Палена начались правильныя засѣданія негласнаго комитета, при постоянномъ участіи самого государя. Первое собраніе комитета состоялось 24-го іюня 1801 года[85]; членами его были: графъ П. А. Строгоновъ, Н. Н. Новосильцовъ, князь Адамъ Чарторижскій и графъ В. П. Кочубей. Изъ нихъ Строгоновъ, Новосильцовъ и Чарторижскій образовали между собою тѣсный дружескій союзъ, который современное общество называло тріумвиратомъ.

Благодаря обыкновенію графа П. А. Строгонова по возвращеніи съ комитетскихъ собраній записывать у себя дома весь ходъ совѣщаній и даже споры, для исторіи сохранился драгоцѣнный источникъ, дающій возможность судить о томъ, какъ велось дѣло въ негласномъ комитетѣ, и какіе вопросы были тамъ затронуты[86].

«Лица, удостоенныя довѣріемъ его величества по участію, нѣкоторымъ образомъ, въ систематической работѣ надъ реформою безобразнаго зданія администраціи имперіи (réforme de l'édifice informe du gouvernement de l'Empire)»[87], пишетъ графъ Строгоновъ, «получили со стороны его величества согласіе на утвержденіе той идеи, что необходимо предварительно имѣть у себя передъ глазами картину дѣйствительнаго состоянія имперіи, во всѣхъ ея частяхъ, чтобы получить возможность судить болѣе сознательно — если смѣю такъ выразиться — и о болѣзни, и о методѣ леченія, которому должно слѣдовать. Г. Новосильцовъ взялъ на себя эту работу, и такъ какъ подобный трудъ потребуетъ много времени, то его величество согласился разсматривать его по частямъ».

Только послѣ такой предварительной работы опредѣлено было приступить къ тому, чтобы начать реформу различныхъ частей администраціи et enfin couronner ces différentes institutions par une garantie offerte dans une constitution réglée d'après le véritable esprit de la nation.

Такимъ образомъ комитетъ, раздѣливъ всю свою колоссальную работу на три части, предположилъ: 1) изучить дѣйствительное состояніе государства въ настоящемъ его видѣ; 2) произвести затѣмъ административныя реформы по различнымъ частямъ управленія, и, наконецъ, 3) увѣнчать всѣ эти преобразованія конституціею, которая ручалась бы за прочность административныхъ реформъ.

Въ одномъ изъ послѣдующихъ засѣданій комитета императоръ Александръ указалъ на желанную цѣль, къ которой онъ стремился при обсужденіи реформъ: обуздать деспотизмъ нашего правительства (de mettre un frein au despotisme de notre gouvernement). Эта мысль, какъ мы видѣли, уже давно занимала Александра; онъ всегда чувствовалъ отвращеніе къ деспотизму, къ произволу, стѣснялся неограниченностью предстоявшей ему власти, искалъ противовѣса ей и, вообще, стремился неопредѣленность абсолютной монархіи привести въ извѣстныя твердыя нормы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ можно было также прослѣдить, что всѣ эти передовыя мысли, весь этотъ отвлеченный или идеалистическій либерализмъ уживался въ его умѣ, уже въ дни юности, съ стремленіями и симпатіями совершенно противоположнаго свойства; судьба готовила имъ даже въ будущемъ преобладающее значеніе.

Для засѣданій комитета установился слѣдующій порядокъ. Члены комитета пользовались привилегіею обѣдать за царскимъ столомъ; послѣ кофе, поговоривъ нѣсколько минутъ съ прочими приглашенными, императоръ удалялся; но пока остальные гости разъѣзжались, четыре избранника вводились черезъ особый ходъ въ небольшую туалетную комнату, смежную съ внутренними покоями ихъ величествъ. Туда приходилъ го-

сударь, и тамъ, въ его присутствіи и при его участіи, происходили оживленныя и продолжительныя пренія по вопросамъ о реформѣ «безобразнаго зданія».

Въ этомъ собраніи, пишетъ князь Чарторижскій, «Строгоновъ былъ самый пылкій, Новосильцовъ самый разсудительный, Кочубей самый осторожный, я же самый безкорыстный и старавшійся всегда успокоить

Генералъ Дюрокъ.

Съ гравированнаго портрета Гопвуда.

чрезмѣрное нетерпѣніе». Александръ выслушивалъ мнѣнія, высказываемыя членами комитета, и обыкновенно оставлялъ своихъ совѣтниковъ въ невѣдѣніи, къ какому заключенію придетъ онъ самъ; онъ какъ будто присматривался и обдумывалъ вещи про себя, не отклоняясь отъ свойственныхъ ему сдержанности и осторожности. Когда же онъ останавливался на какомъ-нибудь мнѣніи, то выказывалъ чрезвычайное упорство. Строгоновъ замѣчаетъ по этому поводу, что возраженія и идеи Александра не всегда были основательны, но противорѣчить ему не рѣша-

лись: «вступивъ въ споръ съ императоромъ, слѣдовало опасаться, чтобы онъ не заупрямился (qu'il ne s'entêta), и благоразумнѣе было отложить возраженія до другого случая». Черезъ нѣсколько времени это упорство ослабѣвало само собою, и онъ опять становился способнымъ выслушивать возраженія. По отношенію къ внѣшнимъ дѣламъ этотъ оптимизмъ совѣтниковъ Александра оправдался менѣе всего; оказалось, что политическую точку зрѣнія, усвоенную разъ государемъ, было всего труднѣе поколебать. На этомъ поприщѣ впослѣдствіи потерпѣлъ рѣшительное пораженіе даже такой искусный политическій дѣлецъ, какимъ слѣдуетъ признать одного изъ вліятельныхъ членовъ тріумвирата—князь Адамъ Чарторижскій.

Въ августѣ 1801 года, какъ уже выше упомянуто, Лагарпъ прибылъ наконецъ въ Петербургъ; немедленно онъ былъ принятъ Александромъ и провелъ у него около трехъ часовъ. Государь приглашалъ его въ Москву на коронацію, но Лагарпъ отказался, чтобы не возбудить толковъ и зависти въ придворномъ кругу. Императоръ посѣщалъ Лагарпа два раза въ недѣлю; часто государь заставалъ его въ халатѣ, приходя къ нему побесѣдовать, какъ молодой другъ къ своему старому наставнику. Но Лагарпъ, бесѣдовавшій съ Александромъ въ 1801 году, былъ уже далеко не тотъ якобинецъ, который смущалъ русское придворное общество въ 1794 году. Опытъ управленія Гельветическою республикою оказалъ свою долю вліянія на образъ мыслей бывшаго директора ея. Отнынѣ Лагарпъ сталъ предостерегать своего воспитанника противъ призрачной свободы народныхъ собраній и противъ либеральныхъ увлеченій вообще; онъ убѣждалъ Александра дорожить своею властью, видоизмѣняя ее мало-по-малу мудрыми и прочными учрежденіями. Для подкрѣпленія своихъ доводовъ Лагарпъ указывалъ на примѣръ Пруссіи, нашедшей тайну соединить абсолютизмъ съ законностью и порядкомъ. Окончательно всѣ совѣты Лагарпа сводились теперь къ одному основному началу— твердой и непоколебимой власти, но, конечно, отнюдь не въ смыслѣ реакціи. «Вамъ, государь», писалъ Лагарпъ, «подобаетъ даровать народу своему великое благо—спасти его отъ произвола вашихъ преемниковъ и дать странѣ такія учрежденія, которыя, сохраняя правительству его силу, ограждали бы народъ отъ самовластія тирановъ. Вы такъ думали и чувствовали, когда еще не испытали обаянія власти. Будучи въ теченіе восемнадцати мѣсяцевъ облеченъ властью, которую обстоятельства дѣлали неограниченною, я могу засвидѣтельствовать, что требуются большія усилія и надо быть постоянно на-сторожѣ, чтобы не поддаться заманчивому призыву самовластія. Первая потребность вашего народа—миръ, вторая—просвѣщеніе, третья—судопроизводство, которое доставило бы жителямъ имперіи существенныя блага гражданской свободы. Ваше судопроизводство—сущій Дедалъ, и только кляузы, плутни и взятки помогаютъ выбраться изъ этого лабиринта. Заключу своимъ

№ 652

Милостивый Государь Дмит...

Будучи повиннымъ какъ ...
чами а особливо прозбами, ко...
лимъ Вы неоднократно прощать, ...
дительство конечно не взыщ...
не отвечалъ вамъ на никоторы...
писемъ. Днесь у насъ хло...

чтобы...
оную,
перес...
угре...
честь,
пребы...
и нем...

Іюня ...
180...
Минис...

Н. НОВОСИЛЬЦОВА КЪ Д. П. ТРОЩИНСКОМУ.

...въ, Милостивый Государь, препроводили
для разсмотрѣнія, въ коммиссію для
...дованія прежнихъ дѣлъ уголовныхъ
...денную въ слѣдствіи сего и много
... включивъ оную сюда, вамъ доставить,
...ся, впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ
...ершенною преданностію

Вашего Высокопревосходительства

Милостиваго Государя

Покорнѣйшій Слуга

13го дня

2 Николай Новосильцовъ

...

старымъ припѣвомъ: единственный вѣрный другъ монарха — его собственное здравое разсужденіе»[88].

Такимъ образомъ оказалось, что, противно всѣмъ опасеніямъ его недоброжелателей, Лагарпъ сталъ играть роль ревниваго охранителя независимости Александра, предостерегалъ его отъ политическихъ увлеченій и совѣтовалъ не отступать отъ спокойнаго благоразумія.

Что касается возбужденнаго тогда императоромъ Александромъ вопроса о правахъ Сената, то Лагарпъ высказался самымъ рѣшительнымъ

Митрополитъ московскій Платонъ.
Съ портрета, принадлежащаго княгинѣ Е. П. Кочубей.

образомъ противъ расширенія его правъ, усматривая въ этомъ западню, поставленную государю немедленно по его вступленіи на престолъ.

Относительно крестьянскаго вопроса, Лагарпъ говорилъ Александру слѣдующее: «главнымъ препятствіемъ для повсемѣстнаго распространенія школъ въ Россіи служитъ крѣпостное состояніе огромной массы народонаселенія. Какое образованіе возможно для людей, прикрѣпленныхъ къ землѣ, которыми владѣльцы ихъ могутъ распоряжаться произвольно, чтобы не сказать—безнаказанно. Народное просвѣщеніе соприкасается здѣсь съ вопросомъ о крѣпостномъ правѣ, который очень легко

рѣшаютъ въ кабинетѣ, но съ величайшимъ трудомъ—въ дѣйствительной жизни. Во всякомъ случаѣ вопросъ этотъ долженъ быть рѣшаемъ постепенно, безъ шума и тревоги, а главное — безъ малѣйшаго посягательства на права собственности»[89]. Лагарпъ простиралъ свою осторожность въ крестьянскомъ дѣлѣ до того, что совѣтовалъ даже государю всѣ относящіяся къ нему мѣры называть не иначе, какъ только улучшеніемъ или упрощеніемъ экономическаго быта (simplification apportée à leur économie), всячески избѣгая словъ: свобода, воля, освобожденіе.

Лагарпъ никогда не присутствовалъ въ засѣданіяхъ негласнаго комитета; императоръ только передавалъ его членамъ длинныя записки своего наставника по разнымъ вопросамъ, составлявшимъ предметъ обсужденія въ собраніяхъ[90]. Нѣкоторыя мысли Лагарпа получили примѣненіе въ намѣченныхъ преобразованіяхъ, въ особенности, по народному просвѣщенію.

Дѣятельность Лагарпа не ограничивалась, однако, одними совѣтами по вопросамъ общественнымъ, политическимъ и литературнымъ, но переходила нерѣдко и къ вопросамъ, касавшимся лично самого государя. Александръ просилъ своего наставника высказать мнѣніе, до какой степени его обращеніе, умѣнье держать себя и т. п. соотвѣтствуютъ высокому званію, къ которому онъ не успѣлъ еще привыкнуть. Лагарпъ отозвался на эту просьбу со всѣмъ усердіемъ няни, не спускающей глазъ съ своего любимаго дѣтища[91]. Лагарпъ принялся ревностно слѣдить за государемъ и во дворцѣ, и въ обществѣ, и на площади, смѣшиваясь съ толпою, чтобы удобнѣе замѣчать каждое его движеніе. Замѣтивъ нѣсколько разъ, какъ императоръ, краснѣя, проходилъ мимо стоявшихъ на колѣняхъ съ просьбами въ рукахъ, Лагарпъ сказалъ ему: «Монархъ въ толпѣ народа, собственными руками берущій просьбы у бѣдняковъ, покрытыхъ рубищами, несравненно величественнѣе, нежели впереди блестящаго двора, и могущественнѣе, нежели во главѣ многочисленной арміи». Наблюдая за Александромъ во время дворцовыхъ выходовъ, Лагарпъ нашелъ, что молодой государь вообще очень хорошо исполняетъ свою роль. Тѣмъ не менѣе, старый и строгій менторъ счелъ нужнымъ препроводить своему бывшему воспитаннику слѣдующія замѣчанія: «1) Вы вошли въ залу немного робко; хвалю ваше сердце: скромность какъ нельзя болѣе къ лицу юности, но государь долженъ имѣть видъ болѣе увѣренный; чистая совѣсть и искреннее желаніе блага Россіи — вотъ что даетъ вамъ право смотрѣть прямо и смѣло на все окружающее. 2) Вы обошли собраніе нѣсколько поспѣшно. 3) Вы весьма хорошо сдѣлали, обратившись съ привѣтомъ къ лицамъ, почтеннымъ по своимъ заслугамъ, но нѣкоторыхъ изъ нихъ вы не удостоили ласковымъ словомъ. 4) Мнѣ кажется, наконецъ, что, являясь вмѣстѣ съ императрицею, вы облегчили бы себѣ трудъ торжественнаго

Митрополитъ московскій Платонъ.

Съ гравированнаго портрета Вальперга.

пріема, не говоря уже о томъ, что это произвело бы отрадное впечатлѣніе на всѣхъ, искренно васъ любящихъ.—Гдѣ бы вы ни были, въ обществѣ ли, среди народа, или въ кругу лицъ, которымъ ввѣрили вы отдѣльныя отрасли управленія, держите себя по-царски: я вовсе не слѣпой поклонникъ этикета, но глава народа долженъ, употребляя живописное выраженіе Демосѳена, облекаться въ величіе своей страны»[92].

Несмотря на нѣкоторое измѣненіе прежнихъ взглядовъ Лагарпа и на осторожное отношеніе его къ общественнымъ вопросамъ, волновавшимъ тогда русское общество, онъ попрежнему подвергался нападкамъ своихъ многочисленныхъ недоброжелателей и завистниковъ. Графъ Н. П. Панинъ, въ особенности, относился къ нему съ непримиримою ненавистью; онъ старался даже по мѣрѣ силъ препятствовать появленію Лагарпа въ Петербургѣ, опасаясь вліянія на государя этого злодѣя (scélérat). Одушевлявшая Панина злоба выразилась въ слѣдующихъ язвительныхъ строкахъ его письма къ графу С. Р. Воронцову: «Швейцарецъ, извѣстный вамъ, ѣдетъ сюда, и, не взирая на сильныя представленія матери и на мои, паспортъ отправленъ къ нему на встрѣчу. Изъ Парижа и Берлина увѣдомляютъ меня, что онъ имѣетъ тайныя порученія отъ корсиканца. Повѣрьте мнѣ, милостивый мой графъ, что сей человѣкъ будетъ управлять своимъ воспитанникомъ и не допуститъ къ нему вѣрныхъ сыновъ отечества. Всѣ благомыслящіе со мною въ томъ согласны. Я совершенно увѣренъ, что нельзя мнѣ будетъ остаться на семъ мѣстѣ»[93].

Въ виду неудовольствія благомыслящихъ, императоръ Александръ счелъ даже нужнымъ успокоить встревоженныхъ вѣрныхъ сыновъ отечества, заявивъ графу Кочубею, что дѣла пойдутъ своимъ порядкомъ, и Лагарпъ, конечно, не будетъ принимать въ нихъ участія; государь поручилъ Кочубею написать объ этомъ графу С. Р. Воронцову въ Лондонъ[94].

Исполняя порученіе, данное ему Александромъ, графъ Кочубей представилъ вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдующую картину положенія Россіи въ эпоху, предшествовавшую коронаціи:

«Кому не пришлось быть свидѣтелемъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Павла I, и кто лишенъ возможности почерпнуть у самаго источника свѣдѣнія о всемъ томъ безпорядкѣ, разстройствѣ, полномъ хаосѣ, который они породили, тотъ никогда не пойметъ хорошенько нашего положенія и тѣхъ усилій, которыя приходится употреблять, чтобы разобраться во всемъ этомъ. Когда я думаю объ этомъ, я часто говорю себѣ, что всякая другая страна не выдержала бы этого, и радуюсь, видя необычайную жизнеспособность нашего отечества. Черезъ годъ, при бережливости императора, мы заживемъ совершенно иною жизнью, тогда мы вздохнемъ полною грудью. Неуравновѣшенное состояніе всѣхъ отраслей управленія войдетъ въ свою обычную колею,

всѣ привыкнуть наслаждаться своей свободою и безопасностью съ большимъ спокойствіемъ. Сегодня это еще горячка, неотвязчивое воспоминаніе о самомъ ужасномъ деспотизмѣ».

Такъ разсуждалъ графъ Кочубей. Иначе мыслили о положеніи дѣлъ непримиримые сторонники политическаго застоя. Краснорѣчивымъ представителемъ этихъ приверженцевъ старинныхъ идеаловъ можетъ служить графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ. По его убѣжденію, императору Александру слѣдовало возвратить дѣла въ то положеніе, въ которомъ они находились, въ отношеніи порядка и правосудія (l'ordre et

Медаль на коронованіе Александра I.

Снимокъ съ подлинной медали.

l'administration de la justice), со времени учрежденія Петромъ Великимъ Сената до перваго года царствованія Екатерины II; въ противномъ же случаѣ Россіи угрожала бы гибель. Такимъ образомъ, этотъ просвѣщенный дипломатъ, никогда не пожелавшій разстаться съ Англіею, отвергалъ даже пользу всѣхъ нововведеній екатерининскаго царствованія. Переходя затѣмъ къ правленію Александра, онъ находилъ, что, къ несчастью, государь окружилъ себя дѣльцами (des faiseurs), которые, будучи исполнены самолюбія и тщеславія, вообразили себя выше великаго основателя русской имперіи. Эти господа, пишетъ Воронцовъ въ письмѣ къ графу Ростопчину, начали работать надъ бѣдной Россіей регламентами (par des réglements), появлявшимися каждый день; эти господа были настоящими машинами для изготовленія регламентовъ (des machines à réglements); они только этимъ и занимались, притомъ, съ быстротою, равносильною ихъ невѣжеству и легкомыслію. Эти указы

основывались на гадательныхъ предположеніяхъ ихъ воображенія и не усвоенномъ чтеніи; это были опыты, которые они хотѣли производить надъ несчастной Россіей, но они не знали, что опыты хороши только въ физикѣ и химіи и что они гибельны въ юриспруденціи, въ администраціи и въ политической экономіи. Въ заключеніе графъ Воронцовъ приходилъ къ неизмѣнному выводу, что только одинъ Сенатъ и учрежденіе коллегій, основанные Петромъ Великимъ, могутъ помочь злу[95].

Когда графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ, въ концѣ мая 1802 г., навѣстилъ на короткое время Петербургъ, онъ остался вѣренъ своей программѣ и не переставалъ говорить императору Александру о Сенатѣ. Чарторижскій по этому поводу пишетъ съ ироніею въ своихъ запискахъ, что государь и во снѣ долженъ былъ слышать голоса, кричавшіе ему въ ухо: Сенатъ, Сенатъ![96]

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Политическія затрудненія, среди которыхъ начался 1801 годъ, побудили императора Александра обратить прежде всего вниманіе на возстановленіе дружескихъ сношеній съ Англіею. Съ этою цѣлью немедленно начались переговоры съ великобританскимъ правительствомъ. Между тѣмъ англійскій флотъ, прорвавшись черезъ Зундъ, приблизился къ Ревельскому порту; когда же, по требованію нашему, флотъ удалился «съ изъясненіями, что въ поступкѣ его не имѣлось никакого непріязненнаго покушенія на наши берега», то 6-го мая послѣдовалъ указъ Сенату о снятіи амбарго съ судовъ англійскихъ купцовъ и освобожденіи имѣній ихъ отъ секвестра. Продолжавшіеся затѣмъ переговоры привели къ заключенію въ Петербургѣ, 5-го (17-го) іюня 1801 года, конвенціи о взаимной дружбѣ; она была подписана графомъ Панинымъ и лордомъ Сентъ-Геленсъ.

Въ этой конвенціи опредѣлены были начала международнаго морского права. Англія отказалась отъ притязанія объявлять гавани состоящими въ блокадѣ, для преграждения плаванія къ нимъ нейтральныхъ судовъ, но взамѣнъ этой уступки достигла несравненно важнѣйшей цѣли, а именно: Россія признала два положенія: 1) нейтральный флагъ не прикрываетъ груза и 2) осмотръ торговыхъ судовъ допускается даже и въ такомъ случаѣ, когда они плывутъ подъ прикрытіемъ военныхъ кораблей. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было немедленно пригласить королей датскаго и шведскаго приступить къ этой конвенціи[97].

Императоръ Александръ не принялъ званія великаго магистра державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, но послѣ кончины родителя объявилъ манифестомъ отъ 16-го марта 1801 года, что сохраняетъ за собою только званіе протектора ордена[98]; затѣмъ, 26-го апрѣля, послѣдовалъ указъ о снятіи мальтійскаго креста съ русскаго государственнаго герба. Сверхъ сего, 25-го мая повелѣно было президенту академіи наукъ, при изданіи впредь календаря, не включать Мальты въ число городовъ Россійской имперіи, а въ придворномъ календарѣ печатать кавалеровъ всѣхъ россійскихъ орденовъ по старшинству учрежденія послѣднихъ, «въ заключеніе же состоящій подъ покровительствомъ его императорскаго величества орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго».

Такимъ образомъ фантастическое созданіе императора Павла безслѣдно исчезло, освободивъ русскую политику отъ мальтійскихъ соображеній.

Первый консулъ, увѣренный въ томъ, что участіе Россіи въ его борьбѣ съ Англіею вполнѣ обезпечено, принялъ извѣстіе о кончинѣ императора Павла, какъ личное несчастіе; въ порывѣ гнѣва и негодованія онъ придалъ объявленію о перемѣнѣ правленія въ Россіи форму грозной выходки противъ Англіи[99]. Но тѣмъ не менѣе уклоненіе Россіи отъ предстоявшей ей войны съ Великобританіею не привело къ разрыву съ республиканскою Франціею. Для лучшаго выясненія намѣреній русскаго правительства, Бонапартъ поспѣшилъ прислать въ Петербургъ своего довѣреннаго адъютанта Дюрока, чтобы привѣтствовать новаго императора; прибывъ сюда въ началѣ мая, тотъ встрѣтилъ въ столицѣ самый предупредительный и радушный пріемъ. 7-го (19-го) мая Дюрокъ представлялся государю.

По разсказу князя Чарторижскаго, Александръ былъ въ восхищеніи, увидавъ, наконецъ, французовъ пресловутой революціи, которыхъ онъ считалъ еще республиканцами; государь взиралъ на нихъ съ любопытствомъ и участіемъ; онъ столько наслышался про нихъ, такъ часто о нихъ думалъ! И онъ и великій князь Константинъ испытывали живѣйшее удовольствіе, именуя ихъ въ разговорѣ «citoyen» — названіе, которымъ — какъ полагалъ Александръ — они гордились. Но это при-

Побѣду подъ Бухарестомъ

одержанныя Генераломъ Р

Непріятелемъ отправдали а

—ность возложенную на меня

—тіе Его Императорскаго Ве

—брой своей Арміи, не въ

какомъ отношеніи ни ма

въ образъ начальства подъ н

вѣтствіе оказалось вовсе не по вкусу посланцамъ Бонапарта, и они вынуждены были нѣсколько разъ протестовать, что во Франціи болѣе не принято именоваться гражданами, прежде чѣмъ Александръ и братъ его перестали чествовать ихъ такимъ образомъ. Чарторижскій пишетъ еще, что тогда говорили, что на вопросъ Бонапарта, чего могутъ ждать отъ Александровскаго царствованія Франція и Европа, Дюрокъ отвѣ-

Графъ Николай Александровичъ Толстой.

Съ гравюры Моргена, сдѣланной съ портрета Анжелики Кауфманъ.

чалъ: «нечего надѣяться и нечего опасаться». Князь Адамъ признаетъ мнѣніе Дюрока вполнѣ справедливымъ, какъ основанное на вѣрной оцѣнкѣ характера Александра, какимъ онъ является въ началѣ его правленія, но затѣмъ это мнѣніе оказалось неточнымъ и было вполнѣ опровергнуто позднѣйшими событіями[100].

Дюрокъ остался весьма доволенъ пріемомъ императора Александра и, будучи вообще сторонникомъ сближенія Россіи съ Франціею, выска-

залъ по этому поводу въ своихъ донесеніяхъ слѣдующій взглядъ: «Россія по своему географическому положенію и по своимъ богатствамъ представляетъ державу, союзъ которой наиболѣе выгоденъ для Франціи съ точки зрѣнія политической и торговой». Отсюда видно, что мысли Дюрока относительно пользы русско-французскаго союза вполнѣ сходились съ мнѣніемъ перваго консула, высказаннымъ имъ еще въ 1800 году генералу Спренгтпортену, что оба государства по своему географическому положенію созданы къ тому, чтобы жить въ тѣсной между собой связи.

Относительно императора Александра Дюрокъ отозвался самымъ сочувственнымъ образомъ: «Въ императорѣ красивая и привлекательная наружность соединяется съ большою кротостію и вѣжливостію; онъ, кажется, обладаетъ хорошими правилами и образованъ. Онъ любитъ военное дѣло и пользуется расположеніемъ солдатъ, которыхъ онъ часто видитъ и заставляетъ учиться, не утруждая и не утомляя ихъ. Его любитъ народъ за простоту обхожденія и за предоставленную большую свободу, столь противоположную стѣснительной жизни въ предшествовавшее царствованіе и суровымъ обычаямъ, господствовавшимъ при Павлѣ I» [101].

Во время пребыванія Дюрока въ Петербургѣ, императоръ имѣлъ съ нимъ замѣчательный разговоръ въ Лѣтнемъ саду, при встрѣчѣ на прогулкѣ; бесѣда эта заслуживаетъ вниманія не только по политическому содержанію, но и по сохранившимся въ ней нѣкоторымъ чертамъ столь сложнаго по своимъ особенностямъ характера Александра. «Я всегда желалъ поддержать согласіе между Франціею и Россіей», сказалъ, между прочимъ, государь Дюроку: «это—двѣ великія и могущественныя націи, которыя обмѣнялись доказательствами взаимнаго уваженія и должны войти между собою въ соглашеніе, чтобы прекратить мелкіе раздоры на континентѣ. Въ этомъ смыслѣ сдѣланы были предложенія моему покойному родителю; я бы очень желалъ сговориться непосредственно съ первымъ консуломъ, честный характеръ котораго мнѣ хорошо извѣстенъ, не прибѣгая къ помощи многихъ посредниковъ, всегда опасныхъ. Я говорю съ вами откровенно, заявите ему объ этомъ отъ моего имени; но будьте осторожны: нѣтъ надобности говорить объ этомъ съ кѣмъ-либо изъ министровъ. Не пользуйтесь почтою: ваши письма пройдутъ через слишкомъ много рукъ. Скажите ему также, что я сочувствую его славѣ, и что не нужно, чтобы думали, что онъ стремится къ захватамъ (il ne faut pas qu'on pense de lui, qu'il veuille envahir)». Когда же Дюрокъ началъ говорить государю о тѣхъ выгодахъ, которыя найдетъ Россія отъ торговли на югѣ, Александръ отвѣтилъ: «Мнѣ лично ничего не нужно, я желаю только содѣйствовать спокойствію Европы (Je ne veux rien pour moi, je ne veux que contribuer à la tranquillité de l'Europe)».

Во время этой бесѣды императоръ Александръ упомянулъ также о піемонтскихъ и неаполитанскихъ дѣлахъ, которымъ суждено было въ скоромъ

времени разстроить зарождавшееся соглашеніе съ Франціею. «Участіе, принятое моимъ родителемъ въ судьбѣ сардинскаго короля, было дѣйствительно личное», сказалъ Александръ: — «я не знаю никого изъ этихъ принцевъ; я признаю, что король сардинскій неправъ передъ французскимъ правительствомъ. Но скажите, какое сопротивленіе можетъ онъ оказать требованіямъ помощи и продовольствія, дѣлаемымъ могущественными эскадрами, которыя окружаютъ и угрожаютъ со всѣхъ сторонъ принадлежащему ему острову? Мнѣ весьма прискорбно видѣть, что французское правительство какъ будто имѣетъ намѣреніе овладѣть Піемонтомъ. Читанныя нами послѣднія прокламаціи, гражданское управленіе страны, уподобленное республиканскому, даютъ поводъ думать, что оно намѣрено исполнить это. Я знаю, что для французской республики представлялось полезнымъ и даже необходимымъ занятіе нѣкоторыхъ пунктовъ для облегченія посылки подкрѣпленій въ Египетъ: но этимъ не удовольствовались, потребовали земельныхъ уступокъ и принудили неаполитанскаго короля къ денежнымъ и продовольственнымъ пожертвованіямъ, которыя онъ не въ состояніи выполнить. Я принимаю участіе въ неаполитанскомъ королѣ, съ которымъ меня связываютъ договоры; всѣ же эти вопросы имѣютъ столь мало значенія для такой великой націи, какъ Франція, что ей, конечно, не трудно прекратить вызываемыя подобными требованіями жалобы (toutes les criailleries), которыми меня осаждаютъ».

Въ заключеніе государь сказалъ еще Дюроку, что онъ не намѣренъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла другихъ государствъ; всякій воленъ избрать себѣ правительство, которое удовлетворяетъ его потребностямъ; онъ осуждаетъ тѣхъ, которые намѣрены противодѣйствовать этому[102].

Дюрокъ, слѣдуя указаніямъ перваго консула, намѣревался отправиться въ Москву къ предстоявшей коронаціи; ему былъ открытъ для этой цѣли кредитъ въ 600,000 франковъ. Императоръ также этого желалъ, но графъ Н. П. Панинъ, не сочувствовавшій сближенію съ Франціею, встрѣтилъ вообще Дюрока сухо и сдержанно и повелъ дѣло такимъ образомъ, чтобы онъ покинулъ Россію ранѣе московскихъ празднествъ.

Воззрѣнія императора Александра на предстоявшія Россіи политическія задачи, высказанныя Дюроку и переданныя послѣднимъ съ большою точностью въ донесеніи первому консулу, почти буквально сходятся съ нѣкоторою частью циркулярнаго рескрипта отъ высочайшаго имени, даннаго 5-го (17-го) іюля 1801 года представителямъ нашимъ въ Лондонѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ. Въ этой инструкціи между прочимъ сказано: «Я не вмѣшаюсь во внутреннія несогласія, волнующія другія государства; мнѣ нѣтъ нужды, какую бы форму правленія ни установили у себя народы, пусть только и въ отношеніи къ моей имперіи руководствуются тѣмъ же духомъ терпимости, какимъ руководствуюсь и я, и мы останемся въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ».

Внѣшнія сношенія обсуждались также и въ негласномъ комитетѣ. Въ засѣданіи 10-го (22-го) іюля Новосильцовъ въ своемъ докладѣ по этому предмету указалъ на неудобство личныхъ сношеній государя съ иностранными послами. Поводомъ къ этому послужили бесѣды съ ними императора Александра и постоянное пребываніе нѣкоторыхъ лицъ, изъ числа резидентовъ небольшихъ германскихъ государствъ, при высочайшемъ дворѣ въ Павловскѣ. Чтобы придать нашей внѣшней политикѣ постоянный, неколеблемый происками иностранныхъ агентовъ, ходъ, государь поручилъ графу Кочубею составить проектъ новаго порядка дѣлъ по внѣшнимъ сношеніямъ. Кочубей, желая положить мысли государя въ основаніе своей записки, просилъ его высказать свое мнѣніе объ иностранной политикѣ. Государь охотно согласился и въ нѣсколькихъ словахъ сдѣлалъ очеркъ нашихъ тогдашнихъ сношеній съ Даніей и Швеціей и коснулся послѣднихъ условій, заключенныхъ съ англійскимъ правительствомъ. Когда дѣло дошло до Франціи, князь Чарторижскій предложилъ съ своей стороны слѣдующее мнѣніе: «Лучшая политика съ французами состоитъ именно въ томъ, чтобы внушать имъ довѣріе прямотою собственныхъ дѣйствій, но въ то же время и давать имъ чувствовать, что мы вовсе не имѣемъ отвращенія къ тому, чтобы противодѣйствовать силою оружія ихъ властолюбивымъ замысламъ въ случаѣ, если они не захотятъ отъ нихъ отказаться». Всѣ единогласно высказались въ пользу мнѣнія Чарторижскаго, и самъ государь, одобривъ его, замѣтилъ, что «мы не имѣемъ надобности въ союзахъ съ иностранными государствами». Графъ Кочубей высказался въ такомъ же смыслѣ, полагая, что слѣдуетъ поступать такъ, чтобы всѣ дорожили нашею дружбою, но не связывать себя никакими обязательствами, подобно тому, какъ сдѣлала покойная императрица, заключивъ въ одно и то же время союзные трактаты съ вѣнскимъ и берлинскимъ дворами, коихъ интересы противоположны между собою. По мнѣнію графа Кочубея, съ Англіею слѣдовало заключить только торговый трактатъ, но государь нашелъ, что и въ этомъ не было особенной надобности. Окончательно пришли къ заключенію: «быть искренними въ иностранной политикѣ, но не связывать себя никакими договорами въ отношеніи кого бы то ни было; относительно же Франціи, искать возможности наложить узду на ея властолюбіе, не компрометируя, однако, себя; съ Англіею быть въ согласіи, потому что эта нація — естественный нашъ другъ».

Въ августѣ два засѣданія негласнаго комитета были посвящены чтенію записки графа Кочубея о сношеніяхъ съ иностранными державами и преніямъ, возбужденнымъ ею. Государь вполнѣ согласился съ нимъ, что намъ не нужно заключать никакихъ трактатовъ, кромѣ коммерческихъ, прибавивъ, что и въ послѣднихъ нѣтъ особой надобности, и что не слѣдуетъ покровительствовать никакому государству преимущественно

предъ другимъ. Далѣе въ запискѣ Кочубея была начертана обстоятельная картина нашихъ отношеній къ сосѣднимъ государствамъ, къ Шве-

Видъ Дерпта въ началѣ XIX столѣтія.
Съ гравюры Зенфа.

ціи, Турціи, Австріи, Пруссіи и Германіи. По его мнѣнію, турки и шведы были нашими природными непріятелями, но по своей слабости не могли быть опасны намъ, и потому надлежало, оставляя ихъ въ

прежнемъ положенiи, наблюдать только, чтобы, въ случаѣ раздѣла Турцiи, Молдавiя и Валахiя не достались Австрiи, а составили отдѣльное государство. Австрiя и Пруссiя, постоянно враждебныя между собою, будутъ искать союза съ нами для достиженiя своихъ видовъ, и намъ остается, соблюдая нейтралитетъ, отклониться отъ него въ пользу одной изъ сихъ державъ только лишь тогда, когда того потребуютъ наши собственныя выгоды.— Въ отношенiи Германiи, графъ Кочубей полагалъ, сохраняя влiянiе на сiю страну, не заботиться о тѣхъ измѣненiяхъ во внутреннемъ ея устройствѣ, которыя могутъ случиться впослѣдствiи.

Между тѣмъ переговоры въ Парижѣ затягивались. По мнѣнiю графа Панина, лицо, которому было поручено это дѣло, оказалось неспособнымъ; рѣшено было отозвать Колычева и замѣнить его графомъ Аркадiемъ Ивановичемъ Морковымъ[103].

Выборъ Моркова представителемъ Россiи въ Парижѣ нельзя признать удачнымъ. Хотя даже недоброжелатели его признавали этого екатерининскаго дѣятеля воплощенiемъ государственной пользы и связанной съ нею дипломатiи, чуждой справедливости и милосердiя, но вмѣстѣ съ тѣмъ Морковъ обладалъ также свойствами характера, которыя не могли ему прiобрѣсти расположенiе Бонапарта и упрочить согласiе между двумя правительствами, преслѣдовавшими столь несходственныя между собою цѣли. Чарторижскiй рисуетъ слѣдующiй портретъ этого дипломата: «Лицо его, испещренное оспою, постоянно выражало иронiю и презрѣнiе. Его круглые глаза и ротъ съ опущенными концами напоминали тигра. Онъ усвоилъ рѣчь и высокомѣрныя манеры стараго версальскаго двора, присоединивъ къ нимъ много надменности. Въ его обращенiи было мало вѣжливости и никакой любезности. Онъ прекрасно выражался по-французски, но слово его было вообще ѣдко, повелительно и непрiятно; въ немъ никогда не проглядывало и тѣни чувства. Таковъ былъ дипломатъ, перлъ среди русскихъ дипломатовъ, котораго Россiя отправила къ Бонапарту въ ознаменованiе желанiя своего оставаться съ нимъ въ дружбѣ. Его приняли сначала съ большою предупредительностью; однако, вскорѣ презрительное обращенiе и сарказмы, которые охотно позволялъ себѣ графъ Морковъ въ гостиныхъ, навлекли на него со стороны перваго консула сначала холодность, а затѣмъ привели и къ настоящимъ столкновенiямъ»[104].

По прибытiи графа Моркова въ Парижъ, въ сентябрѣ 1801 года, первый консулъ при первой же аудiенцiи ознакомилъ его съ своимъ взглядомъ на положенiе политическихъ дѣлъ, столь видоизмѣнившееся послѣ кончины императора Павла. Бонапартъ выразилъ сожалѣнiе, что переговоры между двумя державами затягиваются требованiями, основанными на обязательствахъ, данныхъ покойному императору Павлу. Эти обязательства, сказалъ онъ, были чисто личныя и вызваны исклю-

чительно широкими и великодушными взглядами этого государя, которые до того входили въ интересы Франціи, что онъ, первый консулъ, не задумался бы для ихъ исполненія принять на себя роль намѣстника Павла I (de se faire lieutenant de Paul Premier); но такъ какъ въ настоящее время императоръ Александръ возвращается въ границы политики благоразумной и умѣренной, не выходящей изъ обычной колеи, то и слѣдуетъ идти общепринятымъ путемъ; теперь нужно заботиться только о заключеніи мира, не задерживая его столь второстепенными соображеніями, каковыми должны быть для императора Александра участіе, принимаемое имъ въ сардинскомъ царькѣ (le roitelet de Sardaigne), котораго пришлось бы, даже въ случаѣ водворенія его въ Піемонтѣ, поддерживать вооруженною силою, такъ какъ его подданные единодушно противятся его возвращенію. Къ тому же, это участіе было высказано со стороны Россіи въ такихъ выраженіяхъ, которыя являлись какъ бы предписаніемъ закона и указывали, что съ Франціею обращаются, какъ съ Лукскою республикою.— Бонапартъ окончилъ рѣчь словами: «прежде всего заключимъ миръ, а потомъ уже будемъ говорить о другомъ (faisons la paix d'abord et puis nous parlerons d'autre chose)»[105].

Съ Талейраномъ графъ Морковъ сговорился довольно скоро, и 26-го сентября (8-го октября) 1801 года подписанъ былъ мирный договоръ съ Франціею, къ которому присоединили секретную конвенцію, помѣченную какъ бы совершенною двумя днями позже, т. е. 28-го сентября (10-го октября)[106].

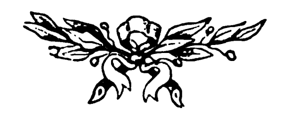
На основаніи заключеннаго договора Франція и Россія предоставили себѣ право съ обоюднаго согласія распредѣлить земли, которыми будутъ вознаграждены князья, потерявшіе владѣнія на лѣвомъ берегу Рейна, устроить дѣла въ Италіи, вознаградить короля сардинскаго, курфюрста баварскаго, герцога виртембергскаго и маркграфа баденскаго; Россія приняла на себя посредничество для возстановленія мира между Франціею и Оттоманскою Портою; затѣмъ другія постановленія касались Египта, Іоническихъ острововъ и проч. Казалось, что подобный трактатъ приведетъ къ диктатурѣ Россіи и Франціи въ Европѣ; но различіе, существовавшее тогда между политическими видами и взглядами, которыми руководствовались императоръ Александръ и Бонапартъ, должно было, напротивъ того, повести къ взаимнымъ неудовольствіямъ и даже недоразумѣніямъ, а не къ упроченію дружественнаго соглашенія, установившагося съ такимъ трудомъ въ Парижѣ въ 1801 году.

Справедливость подобнаго заключенія вполнѣ подтверждается рескриптомъ, даннымъ императоромъ Александромъ на имя графа Моркова по полученіи первыхъ его донесеній. Государь пишетъ: «Не удивили меня ни странный тонъ перваго консула въ разговорахъ съ вами, ни замашки министра Талейрана, чтобы или совсѣмъ уничтожить многое, уже въ про-

долженіе негоціаціи нашей условленное, или чтобы, по крайней мѣрѣ, ослабить разныя постановленія. Первое есть слѣдствіе степени, на которую Бонапарте возведенъ будучи счастіемъ—не знаетъ приличныхъ формъ; что же касается до министра внѣшнихъ сношеній, онъ слѣдовалъ съ вами той чертѣ поведенія, которую страшные успѣхи оружія французскаго или добровольныя или принужденныя угожденія разныхъ дворовъ ввели въ обыкновеніе въ кабинетѣ тюльерійскомъ. Я потому не могу довольно одобрить мѣру твердости, смѣшанную съ разумомъ согласія, кою употребили вы въ отвѣтахъ вашихъ, желая, чтобъ и впредь старалися вы оную соблюсти, уклоняясь однакожъ отъ всего того, что бы могло дать поводъ къ какимъ-либо непріятнымъ раздробленіямъ съ правленіемъ столь заносчивымъ, каково есть французское, и съ коимъ тѣмъ осторожнѣе поступать должно, что въ настоящемъ положеніи вещей не существуетъ способовъ укротить оное... Въ заключеніе возобновлю я здѣсь предписанія, заключенныя въ инструкціи, вамъ данной, о наблюденіи до времени теченія правленія, при коемъ вы узаконены, и о содержаніи его въ благопріятныхъ расположеніяхъ (d'amuser le tapis). Вы легко ощутите, что въ настоящемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ, и пока обстоятельства настоящія продолжатся, не остается ничего другого дѣлать. Выжидая благопріятнѣйшихъ случаевъ и не хотя отнюдь связать себѣ рукъ, дабы потомъ съ удобностію поступить на такія мѣры, какія признаны быть могутъ полезными для имперіи моей, располагаюся я такъ себя вести, чтобъ не дать никому подозрѣнія насчетъ видовъ или предпочтенія моего къ кому бы то ни было»[107].

Въ разговорѣ съ графомъ Кочубеемъ императоръ Александръ отозвался еще въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ о французскомъ правительствѣ. Выразивъ неудовольствіе по поводу тона перваго консула и Талейрана, онъ не могъ удержаться, чтобы не сказать: «какіе мошенники»! Подобныя выраженія указывали на весьма сомнительное расположеніе императора Александра къ французскому союзу[108].

Съ кончиною императора Павла прекратились также натянутыя, близкія къ полному разрыву отношенія къ Австріи. Немедленно по воцареніи Александра императоръ Францъ поспѣшилъ выразить въ письмѣ къ новому государю живѣйшее желаніе возвратиться къ прежней дружбѣ съ русскимъ дворомъ. 10-го (22-го) мая 1801 года послѣдовалъ указъ о возстановленіи миссіи при вѣнскомъ дворѣ. Графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій, давній благопріятель Австріи, снова занялъ мѣсто посла въ Вѣнѣ.

Mon Général

C'est le Général Du
remettra cette lettre,
près de vous pour q
selon que vous le jug
plusieurs Généraux
Il pourra servir à e
quelqu'un J'espère
digne de votre confia
mon Général l'assuran

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ИМПЕРАТОРЪ Александръ, руководствуясь, можетъ быть, примѣромъ Екатерины II, избралъ для своей коронаціи сентябрь мѣсяцъ; событіе это возвѣщено было особымъ манифестомъ еще 20-го мая 1801 года. Отъѣздъ государя изъ Петербурга послѣдовалъ 31-го августа[109], и, послѣ остановки въ Новгородѣ и Твери, ихъ величества прибыли въ Петровскій дворецъ 5-го сентября. Александръ былъ веселъ и «смотрѣлъ», по отзыву очевидца, «какъ майское утро». Когда въ Москвѣ узнали объ этомъ, несчетное множество народа направилось къ загородному дворцу, чтобы привѣтствовать императора. На другой день государь поѣхалъ одинъ прогуляться верхомъ по Тверской; когда народъ его узналъ, къ нему кинулись и окружили его. «Онъ былъ прижатъ народомъ такъ сильно и осторожно», пишетъ современникъ, «какъ страстная мать сжимаетъ въ объятіяхъ младенца своего. Ни крика, ни шуму; но сквозь легкій шопотъ услышалъ онъ во-

кругъ себя и «батюшка», и «родимый», и «красное солнышко», и все, что въ простонародномъ языкѣ есть нѣжно-выразительнаго. Царскій конь, сбруя и одежда, все въ народѣ освящалось его прикосновеніемъ; цѣловали его лошадь, его сапоги, ко всему прикладывались съ набожностію. Предъ владыками Востока народъ въ ужасѣ падаетъ ницъ, на Западѣ смотрѣли нѣкогда на королей въ почтительномъ молчаніи, на одной только Руси цари бываютъ иногда такъ смѣло и явно обожаемы» [110].

Торжественный въѣздъ государя въ Москву происходилъ 8-го сентября. Погода стояла чудесная и теплая. Населеніе столицы почти удвоилось; множество иностранцевъ появилось въ Москвѣ, успѣли также придти и пріѣхать толпами люди, возвращенные изъ Сибири. Среди общества и народа царствовалъ единодушный восторгъ. На блескъ этой пышной церемоніи смотрѣли, однако, почти разсѣянно; всѣ нетерпѣливо ожидали одного человѣка, всѣ взоры сосредоточились на немъ, когда онъ появился, и далеко провожали его. «О, какъ онъ былъ чудесенъ», пишетъ очевидецъ. «Въ сорокъ лѣтъ знали мы его еще молодцомъ и красавцемъ; что же былъ онъ въ двадцать три?»

Коронованіе совершилось въ воскресенье 15-го (27-го) сентября; среди духовенства первенствовалъ, какъ и четыре года тому назадъ, митрополитъ Платонъ.

Послѣ вѣнчанія Платонъ привѣтствовалъ императора словомъ, которое навсегда останется назиданіемъ для государей и блестящимъ памятникомъ русскаго витійства [111]. Говоря о томъ, что ожидаетъ новаго вѣнценосца, Платонъ, между прочимъ, сказалъ: «Предстанетъ лицу твоему пространнѣйшая въ свѣтѣ имперія, каковую едва ли когда видѣла вселенная, и будетъ отъ мудрости твоея ожидать во всѣхъ своихъ членахъ и во всемъ тѣлѣ совершеннаго согласія и благоустройства... Предстанетъ и самое человѣчество въ первородной своей и нагой простотѣ, безъ всякаго отличія порожденій и происхожденій: взирай, возопіетъ, общій отецъ, на права человѣчества. Мы равно всѣ чада твои. Никто не можетъ быть передъ тобой извергомъ, развѣ утѣснитель человѣчества и подымающій себя выше предѣловъ его... Но съ ангелами Божіими не усумнятся предстать и духи злобы. Отважатся окрестъ престола твоего пресмыкатися и ласкательство, и клевета, и пронырство со всѣмъ своимъ злымъ порожденіемъ, и дерзнутъ подумать, что, якобы подъ видомъ раболѣпности, можно имъ возобладать твоею прозорливостію. Откроетъ безобразную главу мздоимство и лицепріятіе, стремясь превратить вѣсы правосудія. Появится безстыдство и роскошь со всѣми видами нечистоты, къ нарушенію святости супружествъ и къ пожертвованію всего единой плоти и крови въ праздности и суетѣ» [112].

По совершеніи св. миропомазанія государь введенъ былъ митрополитомъ Платономъ чрезъ царскія врата внутрь алтаря и пріобщенъ у

Видъ Риги въ началѣ XIX столѣтія.

Съ рисунка того времени.

Престола св. Таинъ по чину царскому, особо тѣла и особо крови Христовыхъ[113].

Утро 15-го сентября не обѣщало хорошей погоды; небо было пасмурно, но при выходѣ царственной четы изъ Успенскаго собора порывомъ вѣтра согнало съ неба послѣднія тучи, покрывавшія солнце, и торжественное шествіе предстало во всемъ блескѣ. Среди зрителей раздались восклицанія: «Какъ онъ хорошъ, какой ангелъ!» Красота и благодушіе Александра выступали еще ярче въ присутствіи цесаревича Константина Павловича, отчасти напоминавшаго своею наружностью императора Павла. Въ лицѣ государя было болѣе задумчивости, робости, чѣмъ смѣлости: онъ какъ бы чувствовалъ всю важность, всю тягость царской власти, которую принялъ. Не съ самонадѣянностью и гордымъ величіемъ шелъ онъ; не страхъ внушали его взгляды, кроткіе, привѣтливые, а безпредѣльную любовь, сочувствіе и готовность къ самопожертвованію. Каждый мысленно ободрялъ его: «Смѣлѣе! смѣлѣе! Вѣрь, что господство дикой власти менѣе надежно, чѣмъ господство разума, что проявленіе благотворнаго добра въ нравственной жизни народа такъ же необходимо, какъ проявленіе солнечной теплоты въ царствѣ растительномъ. Смѣлѣе, смѣлѣе—Богъ милостивъ, мы за тобой!»[114].—Платонъ съ крестомъ въ рукахъ велъ помазанника; раздѣляя съ народомъ восторгъ и слезы умиленія, онъ сказалъ, указывая на вѣнценосца: «Посмотрите, православные, какимъ Богъ наградилъ насъ царемъ—прекрасенъ и лицомъ, и душою!»[115].

Одинъ изъ очевидцевъ народныхъ восторговъ 1801 года сохранилъ въ своихъ воспоминаніяхъ не лишенную историческаго интереса и значенія замѣтку, свидѣтельствующую о настроеніи, проявлявшемся среди нашего образованнаго общества во время коронаціи преемника Павла. «Въ этотъ день», пишетъ А. П. Бутеневъ, «у насъ къ обѣду собралось гостей болѣе обыкновеннаго. За столомъ не прекращались разговоры о великолѣпіи торжества и о всеобщемъ восторгѣ къ государю. Одинъ молодой преображенскій офицеръ замѣтилъ, что для полноты дѣла недоставало одного: молодому императору, на пути въ соборъ для воспріятія царскаго вѣнца, слѣдовало бы обратиться къ собравшимся зрителямъ и спросить ихъ, желаетъ ли русскій народъ имѣть его своимъ государемъ. Это было бы тѣмъ легче сдѣлать, прибавилъ офицеръ, что въ отвѣтѣ не могло быть сомнѣнія. Сидѣвшіе за обѣдомъ, повидимому, не придали никакого значенія этому отзыву и только посмѣялись надъ молодымъ человѣкомъ за его увлеченіе; но я крѣпко призадумался, можетъ быть, потому, что слова офицера какъ-то согласовались съ моею собственною способностью увлекаться. Нѣсколько лѣтъ позже я особенно вспоминалъ про эти слова, соображая о томъ, какъ уже въ началѣ этого столѣтія, тотчасъ вслѣдъ за управленіемъ самымъ строгимъ и насильственнымъ,

въ умахъ нашей военной молодежи могли возникнуть подобныя свободолюбивыя помышленія»[116].

Другой очевидецъ московскихъ торжествъ оставилъ намъ объ Александрѣ слѣдующій восторженный отголосокъ общественнаго настроенія того времени: «Это человѣкъ необыкновенный: въ немъ юность, красота, величество въ одной точкѣ, въ одномъ градусѣ высшаго совершенства; онѣ никакъ не раздѣлены: между ними нѣтъ и тѣни отличій того или другого въ первенствѣ. Нашъ государь, повторяю я, человѣкъ единственный; другого ему подобнаго человѣка едва ли еще возможно найти въ свѣтѣ»[117].

Но никто такъ прекрасно и вѣрно не выразилъ того, что тогда видѣли и чувствовали русскіе, какъ Жуковскій въ извѣстномъ стихотвореніи императору Александру[118]:

...«Когда жъ священный храмъ при громахъ растворился—
О! сколь плѣнителенъ ты намъ тогда явился,
Съ младымъ, всѣхъ благостей исполненнымъ лицомъ,
Подъ прародительскимъ сіяющій вѣнцомъ,
Намъ обреченный вождь ко счастію и славѣ!»

Награды, пожалованныя въ день коронаціи, не отличались особенною щедростью и вообще не выходили изъ разряда обыкновенныхъ[119]. Крестьянъ не было вовсе роздано, къ великому огорченію многихъ жаждавшихъ сего отличія. Вотъ что отвѣчалъ Александръ одному изъ сановниковъ, просившему пожалованія имѣніемъ: «Большая часть крестьянъ въ Россіи рабы: считаю лишнимъ распространяться объ уничиженіи человѣчества и о несчастіи подобнаго состоянія. Я далъ обѣтъ не увеличивать числа ихъ и потому взялъ за правило не раздавать крестьянъ въ собственность»[120].

Манифестъ о коронованіи даровалъ народу рядъ милостей, выраженныхъ въ 11-ти статьяхъ. Но манифестъ отъ 15-го сентября 1801 года всего болѣе заслуживаетъ вниманія по вступительнымъ словамъ, составляющимъ особенность его по сравненію съ другими манифестами подобнаго же рода; въ этомъ вступленіи перечислено было все то, что сдѣлано было правительствомъ съ 12-го марта 1801 года. «Воспріявъ вмѣстѣ съ престоломъ нашимъ прародительскимъ обязанности великаго нашего служенія», вѣщаетъ манифестъ, «и сознавъ въ душѣ своей, что съ сего торжественнаго мгновенія счастіе ввѣреннаго намъ народа должно быть единымъ предметомъ всѣхъ мыслей нашихъ и желаній, мы къ нему единому обратили всѣ движенія нашей воли и, въ основаніе его, въ самыхъ первыхъ дняхъ царствованія нашего, положили утвердить всѣ состоянія въ правахъ ихъ и въ непреложности ихъ преимуществъ... отвергнувъ ужасы тайной экспедиціи, мы исторгнули изъ заклеповъ ея всѣ ея жертвы; уничтоживъ безконечныя слѣдствія и суды надъ чиновни-

ками и всякаго званія людьми, вовлеченными въ преступленіе заблужденіемъ, случаемъ или порочными примѣрами, облегчили мы судьбу ихъ безъ ослабленія силы закона и въ твердомъ уповaніи, что сей опытъ благости послужитъ къ исправленію и обратитъ на путь истины съ него совратившихся... Тако исполняя обязанности наши предъ Богомъ, мы не мыслимъ, чтобъ достигнули уже тѣмъ совершенно великаго нашего предустановленія. Благосостояніе царствъ земныхъ зиждется временемъ и устроеется продолжительнымъ къ общему добру устремленіемъ. Всѣми сими постановленіями мы желали только означить, сколь искренно жаждемъ мы народнаго счастія, сколь пріятно намъ удостовѣрить истинныхъ сыновъ отечества въ любви нашей къ нему и во вниманіи къ его пользамъ».

Въ день коронованія обнародованъ былъ другой, не менѣе замѣчательный, указъ объ учрежденіи **комиссіи для пересмотра прежнихъ уголовныхъ дѣлъ**. Членами этой комиссіи были утверждены сена-

Медаль, выбитая по случаю мемельскаго свиданія.
Снимокъ съ подлинной медали.

торы, избранные самимъ Сенатомъ, а именно: князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, Новосильцовъ, Козодавлевъ и Макаровъ. 23-го сентября этой комиссіи данъ былъ особый именной указъ, въ которомъ государь «счелъ нужнымъ изъяснить къ единственному ея свѣдѣнію слѣдующія **разсужденія**», которыя по высказаннымъ въ нихъ мыслямъ являются замѣчательнымъ памятникомъ гуманныхъ воззрѣній, одушевлявшихъ императора Александра въ первые свѣтлые годы его царствованія: «1) Неоднократно до свѣдѣнія моего доходило», такъ сказано въ первомъ пунктѣ даннаго комиссіи наставленія, «что люди, вины которыхъ важны были только по обстоятельствамъ политическимъ и не предполагали, впрочемъ, ни умысла, ни разврата, ни безчестныхъ правилъ, ни нарушенія общаго государственнаго порядка, осуждены и сосланы были, какъ преступники, на вѣчное заточеніе. Часто одно безвинное и совершенно случайное прикосновеніе къ дѣлу, одинъ слухъ, одно слово, безъ намѣренія произнесенное, заставляло правительство при разныхъ

Король прусскій Вильгельмъ III.

Съ гравюры Кенига 1799 года.

его преобращеніяхъ исторгать изъ среды общества людей невинныхъ, для того только, чтобъ сокрыть свидѣтелей какого-либо происшествія и предупредить самую тѣнь его послѣдствій. Такимъ образомъ, именемъ закона наказывалось не преступленіе, не порокъ, но единая возможность разглашенія, и государственная тайна погребалась вмѣстѣ не только со всѣми лицами, кои въ ней участвовали, но кои могли или предполагали въ ней участвовать. Между тѣмъ обстоятельства, рѣшившія правительство на сію строгую мѣру, прешли совершенно, но жертвы ихъ остались въ томъ же положеніи по забвенію, по равнодушію, по недостатку искателей, а, можетъ быть, и по самой неизвѣстности, куда они сосланы и гдѣ теперь находятся. Сей родъ людей долженъ соста-

вить первый классъ въ розысканіяхъ комиссіи, и для открытія ихъ она будетъ въ необходимости собирать свѣдѣнія съ самыхъ мѣстъ заточенія. 2) Было время, когда, сообразуясь правамъ и общенароднымъ понятіямъ, правительство полагало себя въ необходимости, раздѣляя преступленія и наказанія на роды ихъ, назначать степени важности ихъ не по существу вреда, отъ нихъ проистекающаго, но по уваженію лицъ, къ коимъ они относились. Такимъ образомъ, оскорбительныя величеству слова признаны были въ числѣ первыхъ злодѣяній, но опытъ и лучшее познаніе о началѣ преступленій показали, что мнимое сіе злодѣяніе не что другое суть въ естествѣ своемъ, какъ сущій припадокъ заблужденія или слабоумія, и что власть и величество государей, бывъ основано на общемъ законѣ, не можетъ поколебаться отъ злорѣчія частнаго лица. Сколь ни естественно сіе разсужденіе, но встрѣтилось оно весьма поздно разуму законодателей и тогда уже, какъ тысящи жертвъ принесены были противному предразсудку. Сіи-то жертвы я желалъ бы открыть и облегчить ихъ участь. Указать мнѣ ихъ въ мѣстахъ заточенія и ссылки будетъ вторымъ предметомъ комиссіи. 3) Преступленія не намѣренныя, безъ умысла, не предполагающія ни вреда государству, ни разврата въ правилахъ и нравахъ, происшедшія отъ неосторожности, отъ случая, отъ сопряженія обстоятельствъ, должны составить третій классъ упражненій комиссіи; но при изслѣдованіи причинъ сихъ преступленій она должна принять за правило, что нѣтъ моего намѣренія ослабить силу закона, ни дѣянія, ему противныя, и что считаю я себѣ недозволеннымъ и самый человѣколюбивый поступокъ, когда несогласенъ онъ съ правосудіемъ, первою обязанностію государей.—Ввѣряя сіи правила единственному свѣдѣнію комиссіи, отъ трудовъ ея надѣюсь я имѣть то утѣшеніе, что откроетъ она мнѣ случай безъ нарушенія закона облегчить судьбу страждущаго человѣчества».

Трудно представить себѣ болѣе правдивую и безпощадную критику дѣяній истекшаго до 1801 года четырехлѣтія; вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ признать, что русская офиціальная литература не богата примѣрами подобной откровенной исповѣди въ правительственныхъ прегрѣшеніяхъ.

27-го сентября императоръ Александръ довершилъ свои благодѣянія уничтоженіемъ пытки. Сенату повелѣвалось наистрожайшимъ образомъ подтвердить, «чтобъ нигдѣ, ни подъ какимъ видомъ, ни въ вышнихъ, ни въ нижнихъ правительствахъ и судахъ, никто не дерзалъ ни дѣлать, ни допущать, ни исполнять никакихъ истязаній, подъ страхомъ неминуемаго и строгаго наказанія; чтобъ присутственныя мѣста, коимъ закономъ предоставлена ревизія дѣлъ уголовныхъ, въ основаніе своихъ сужденій и приговоровъ полагали личное обвиняемыхъ предъ судомъ сознаніе, чтобъ въ теченіе слѣдствія не были они подвержены какимъ-либо пристрастнымъ допросамъ, и чтобъ, наконецъ, самое названіе пытки,

Mademoiselle

Je prends la part la plus vive aux ma
votre mère; ignorant absolument le sujet d
qu'elle éprouve je ne puis à mon grand r

стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной»[121].

Основная мысль, которая въ то время руководствовала всѣми начинаніями императора Александра, лучше всего выразилась въ медали, выбитой по случаю коронованія. На этой медали находилось съ одной стороны изображеніе государя, а съ другой — обрѣзокъ колонны съ

Сергѣй Козьмичъ Вязмитиновъ.

Съ портрета, приложеннаго къ книгѣ А. Савельева: «Историч. очеркъ Инженернаго Управленія въ Россіи».

надписью «законъ», увѣнчанной императорскою короною и окаймленной многознаменательными словами: «Залогъ блаженства всѣхъ и каждаго».

За два мѣсяца до кончины императора Павла обнародованъ былъ, 18-го января 1801 года, манифестъ, возвѣщавшій о присоединеніи Грузинскаго царства къ Россіи. Александръ нѣкоторое время пребывалъ въ нерѣшимости относительно принятія мѣръ для осуществленія воли,

объявленной его родителемъ; поэтому государь поручилъ совѣту разсмотрѣть это дѣло, предупредивъ его «о крайнемъ отвращеніи принять это царство въ подданство Россіи, почитая несправедливымъ присвоеніе чужой земли». Кромѣ того, вопросъ о Грузіи подвергался обсужденію и въ негласномъ комитетѣ. Послѣ долгихъ колебаній, 12-го сентября, въ Москвѣ былъ обнародованъ наконецъ манифестъ объ учрежденіи внутренняго управленія въ Грузіи. Императоръ Александръ, принимая на себя бремя управленія Грузинскимъ царствомъ, объявлялъ, что оставляетъ подати съ земли въ пользу края и сохраняетъ народу его права, преимущества и вѣру, царевичамъ ихъ удѣлы, кромѣ отсутствующихъ. Главноуправляющимъ Грузіей былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Борисъ Ѳеодоровичъ Кноррингъ, а въ Тифлисѣ было учреждено верховное грузинское правительство.

Сверхъ всего сказаннаго, пребываніе императора Александра въ Москвѣ сопровождалось еще однимъ важнымъ событіемъ: графъ Н. П. Панинъ, встрѣченный столь радушно государемъ послѣ 12-го марта, былъ внезапно уволенъ отъ управленія иностранными дѣлами. Признаки неудовольствія противъ него государя проявлялись уже лѣтомъ 1801 года; политическіе взгляды графа Панина совершенно расходились съ намѣреніями и симпатіями императора Александра; къ тому же, существовавшій между ними разладъ усугублялся еще тяжелыми воспоминаніями недавняго прошлаго. Александръ не могъ простить Панину, что за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины Павла онъ первый завелъ съ нимъ рѣчь о необходимости установленія регентства[122]. Въ негласномъ комитетѣ государь, не стѣсняясь, выражалъ желаніе освободиться отъ Панина, который затруднялъ его занятія своимъ упрямствомъ и былъ ему непріятенъ[123]. Вообще у Панина, какъ у человѣка холоднаго, высокомѣрнаго и даже надменнаго, было очень мало друзей; поэтому въ недоброжелательствѣ по отношенію къ нему со всѣхъ сторонъ не было недостатка. Вмѣшательство въ дѣла номинальнаго вице-канцлера князя Куракина причиняло Панину также не мало огорченій и служебныхъ неудовольствій. Хотя по случаю коронаціи графъ Панинъ былъ награжденъ алмазными знаками ордена св. Александра Невскаго, но этимъ его положеніе при дворѣ не упрочилось, и вскорѣ ему не оставалось ничего другого сдѣлать, какъ добровольно удалиться отъ занимаемой должности. 30-го сентября графъ Панинъ письменно просилъ государя объ увольненіи отъ занимаемаго имъ мѣста и дарованіи отпуска для поправленія разстроеннаго здоровья; просьба графа была немедленно удовлетворена, и въ тотъ же день императоръ Александръ разрѣшилъ ему просимый трехгодичный отпускъ. Графъ Кочубей былъ назначенъ преемникомъ графа Никиты Петровича[124].

Предположеніямъ и толкамъ, возникшимъ по этому поводу среди общества, не было конца; но всѣ догадки ничего не выяснили — все осталось тайною между императоромъ и графомъ Панинымъ.

Въ числѣ причинъ, повліявшихъ на увольненіе графа Панина, немаловажную роль играли враждебныя къ нему отношенія графа С. Р. Воронцова, существовавшія, несмотря на дружескую между ними переписку. На вопросъ, сдѣланный Воронцовымъ, относительно мнѣнія Панина о новомъ царствованіи и о личномъ характерѣ молодого государя, графъ Никита Петровичъ откровенно написалъ ему, что не ожидаетъ ничего хорошаго, что императоръ молодой человѣкъ, легкомысленный, любящій танцы и болѣе заботящійся нравиться женщинамъ, чѣмъ вникать въ государственныя дѣла. Въ это время личное раздраженіе графа Воронцова противъ Панина и его управленія внѣшнею политикою возросло до ненависти, благодаря которой дружеское письмо Панина сдѣлалось извѣстнымъ императору Александру. — Хотя государь, по обыкновенію своему, сдержалъ свой гнѣвъ, но, когда графъ Панинъ заявилъ о желаніи своемъ воспользоваться отпускомъ для поправленія здоровья, ему не было въ этомъ отказано. Несмотря на это, Панинъ утѣшалъ себя мыслью еще вернуться черезъ нѣсколько лѣтъ къ политической дѣятельности, но Александръ остановился уже въ неизмѣнномъ рѣшеніи никогда болѣе не допускать графа Никиты Петровича къ какому-либо участію въ дѣлахъ. Подобное рѣшеніе государя было поддержано императрицею Маріею Ѳеодоровною, лишившею графа Панина прежняго довѣрія и благоволенія послѣ того, какъ она, при этомъ случаѣ, узнала отъ сына о предположеніяхъ бывшаго вице-канцлера учредить въ 1800 году регентство[125]. Съ этой минуты графу Панину суждено было испытать одинаковую участь съ графомъ Паленомъ и кончить жизнь въ изгнаніи.

Еще до отъѣзда въ Москву императоръ Александръ выразилъ желаніе, чтобы торжества по случаю коронованія были непродолжительны. Объ этомъ разсуждали въ негласномъ комитетѣ и полагали ограничить пребываніе въ Москвѣ шестью недѣлями. Государь при этомъ случаѣ шутя сказалъ: ««quand on fait voir un fantôme il ne faut pas le montrer longtemps, car il pourrait venir à crever». — Предначертанная программа была въ точности исполнена; 15-го октября императоръ Александръ разстался съ Москвою и 19-го числа возвратился въ Петербургъ[126].

Ко дню коронованія императора Александра предположено было обнародовать одинъ весьма важный фактъ, который хотя не состоялся, но тѣмъ не менѣе заслуживаетъ полнаго вниманія историка по мыслямъ, положеннымъ въ его основаніе: это былъ проектъ всемилостивѣйшей грамоты, русскому народу жалуемой.

«При вступленіи нашемъ, по волѣ Всевышняго, на прародительскій Россійскій императорскій престолъ», — такъ начинается грамата, — «извѣ-

щая о семъ любезныхъ нашихъ вѣрноподданныхъ того жъ дня манифестомъ, изъявили мы волю и намѣреніе наше употребить всѣ силы и старанія къ усчастливленію Россіи, управляя народомъ, скипетру нашему отъ Бога ввѣреннымъ, коренными законами, имѣя первымъ предметомъ благоденствіе всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ. Сей пріятный долгъ сердцу нашему потщимся мы во всемъ его пространствѣ выполнить, принося теплыя молитвы предъ Богомъ, да подкрѣпитъ и поможетъ въ бремени сего служенія, по волѣ Царя царей на насъ возложенномъ. По случаю коронованія и помазанія нашего, за долгъ себѣ поставляемъ предъ сердцевидцемъ Богомъ и предъ симъ славнымъ и многочисленнымъ народомъ, скипетру нашему подвластнымъ, изъявить, что всегда первый и единый нашъ предметъ будетъ: благополучіе, спокойствіе и сохраненіе цѣлости Россійскаго государства и народа. Не менѣе правиломъ себѣ поставляемъ признать сію истину, что не народы сдѣланы для государей, а сами государи промысломъ Божіимъ установлены для пользы и благополучія народовъ, подъ державою ихъ живущихъ; а потому узаконяемъ и обѣщаемъ императорскимъ нашимъ словомъ за насъ и преемниковъ нашихъ, яко кореннымъ закономъ, слѣдующія статьи».

За этими вступительными словами слѣдовали самыя статьи, числомъ двадцать шесть.

Послѣ царствованія Павла надлежало исправить многое и возстановить то, что было уже въ прежнихъ законахъ; но въ грамату внесено было также и нѣсколько постановленій совсѣмъ новыхъ и, сверхъ сего, нѣсколько обѣщаній правительства относительно будущихъ мѣропріятій. Подтверждались и возстановлялись въ прежней силѣ: дворянская грамата и городовое положеніе, право свободнаго выѣзда за границу, общія права собственности, личной безопасности и давности гражданской и уголовной, уничтоженіе конфискаціи и обращеніе имѣнія наказанныхъ гражданскою смертію, во всякомъ случаѣ, къ законнымъ наслѣдникамъ, наконецъ, обращеніе всякихъ исковъ сперва къ имѣнію, а потомъ уже къ лицу, и право послѣдняго владѣльца въ родѣ свободно располагать своимъ имѣніемъ.

Вновь постановлялось: 1) что обвиняемый въ преступленіи, пока онъ не объявленъ по законному приговору виновнымъ, долженъ сохранять неприкосновенно всѣ свои права; 2) что каждому подсудимому дозволяется избрать себѣ защитника и сверхъ того въ дѣлахъ, какъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ, отвергнуть по законнымъ причинамъ своихъ судей; 3) что тотъ, кто, бывъ задержанъ, въ теченіе трехъ дней отъ задержанія не будетъ представленъ къ суду для допроса, можетъ требовать отъ ближайшаго начальства немедленнаго своего освобожденія; 4) что наказанія за оскорбленіе величества должны быть прилагаемы къ однимъ только прямымъ дѣяніямъ, но отнюдь не къ словамъ и сочи-

неніямъ; 5) что никто не можетъ быть вторично потребованъ къ суду за такое преступленіе, за которое былъ уже однажды судомъ оправданъ; 6) что казна, по тяжбамъ съ частными лицами, подчиняется, въ порядкѣ судопроизводства, совершенно одинаковымъ съ послѣдними правиламъ; 7) что впредь никакіе подати и налоги не могутъ быть учреждены иначе, какъ по именному указу, обнародованному чрезъ Сенатъ.

Правительство затѣмъ обѣщало: усовершенствованіе вообще законовъ, покровительство торговлѣ и устройство удобныхъ путей сообщенія, свободу вѣры, мысли, слова, письма и дѣянія, поколику они законамъ государственнымъ не противны, усовершеніе правила о томъ, что всякъ судится не иначе, какъ равными себѣ. Наконецъ, присовокуплялось еще увѣреніе, что, до изданія устава судопроизводства, не будетъ дѣлаемо, собственно по этой части, никакихъ перемѣнъ, а если бы онѣ когда въ частности вознадобились, то дѣйствительными должны быть признаваемы только тѣ, которыя будутъ утверждены государемъ по докладамъ Сената въ общемъ совѣщаніи съ коллегіями и равными имъ мѣстами.

Нѣкоторыя мѣры, включенныя въ грамату, дѣйствительно, впослѣдствіи обращены были въ законъ, однако въ другой формѣ и не совокупнымъ актомъ, а каждая отдѣльно. Но то, что такимъ образомъ осуществилось, относилось почти исключительно къ возобновленію и возстановленію силы прежнихъ постановленій, а все предположенное въ граматѣ новое отпало и никогда не было приведено въ дѣйствіе.

Кто былъ составителемъ этой новой предположенно жалованной граматы, трудно рѣшить. Судя по напечатанному извлеченію изъ засѣданій негласнаго комитета[127], можно думать, что въ составленіи граматы принималъ дѣятельное участіе графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ, и представлена она была въ комитетъ по повелѣнію императора Александра. Грамата обсуждалась въ собраніяхъ комитета 15-го и 23-го іюля 1801 года. Кромѣ того, судя по нѣкоторымъ сдѣланнымъ Сперанскимъ поправкамъ, проектъ этой граматы прошелъ черезъ его руки[128]; но, по занимаемому тогда Сперанскимъ скромному служебному положенію, онъ не могъ видоизмѣнять проекта по существу, а долженъ былъ ограничиться поправками мелкими и ничтожными, не касаясь нигдѣ мыслей или даже оборотовъ самаго изложенія; такъ, напримѣръ, неудачное слово усчастливленіе онъ замѣнилъ словомъ благоденствіе.

При обсужденіи въ негласномъ комитетѣ проекта граматы, представленнаго графомъ Воронцовымъ[129], нѣкоторыя статьи ея, касающіяся правъ дворянства, возбудили большія пренія. Новосильцовъ настаивалъ на томъ, чтобы не распространять льготъ граматы на безграмотныхъ дворянъ, не имѣющихъ понятія о своихъ правахъ и обязанностяхъ, а равно

тѣхъ, кои сдѣлались недостойными чести присутствовать на дворянскихъ собраніяхъ жестокимъ обращеніемъ съ своими крестьянами. Государь, съ своей стороны, хотѣлъ положить рѣзкое различіе между принесшими пользу странѣ своею службою и проводящими жизнь въ праздности; онъ полагалъ, что особенными преимуществами должны пользоваться только тѣ, кои пріобрѣли на то права личными заслугами, а не цѣлое сословіе, и прибавилъ къ тому, что онъ возстановилъ дворянскую грамату противъ собственной своей воли, и что исключительность дарованныхъ ею правъ всегда была ему противна. Ему отвѣтили, что служба давала чины, которыхъ не имѣли неслужившіе дворяне; что же касается до исключительныхъ преимуществъ, то ничто не мѣшало со временемъ распространить ихъ на прочія сословія. Строгоновъ пишетъ, что государь, казалось, былъ доволенъ этимъ замѣчаніемъ[130].

Въ другомъ засѣданіи[131] разсужденія перешли на тѣ статьи проекта, которыя относились къ предоставленію крестьянамъ права пріобрѣтать общинныя земли (de pouvoir faire l'acquisition de communes). Государь возражалъ, что при настоящемъ положеніи дѣлъ помѣщики всегда имѣютъ возможность присвоить себѣ земли, купленныя ихъ крестьянами. Ему отвѣчали, что эта мѣра только первый шагъ, и, притомъ, крестьяне и до того времени уже пріобрѣтали недвижимую собственность на чужое имя (avec des prête-noms qui souvent en abusaient). Отъ этого вопроса перешли къ другому предложенію Воронцова, а именно—уничтожить «шлахтбаумы» и паспортныя формальности, которыя, по замѣчанію членовъ комитета, дѣйствительно, мѣшаютъ однимъ честнымъ людямъ въ ихъ полезной предпріимчивости, а воровъ, мошенниковъ нисколько не стѣсняютъ въ злыхъ умыслахъ. Горячія пренія по этому предмету не привели ни къ какимъ результатамъ. Затѣмъ обсуждались статьи проекта, относящіяся къ судебному порядку и заимствованныя изъ Habeas corpus[132]. Новосильцовъ замѣтилъ, что, прежде утвержденія такого права, слѣдуетъ хорошенько подумать, не будетъ ли правительство вынуждено иногда нарушать Habeas corpus, а въ такомъ случаѣ лучше уже и не принимать его. Государь сказалъ, что именно это самое замѣчаніе онъ уже сдѣлалъ графу Воронцову.

Въ заключеніе члены комитета обратились къ государю съ просьбою сообщить всѣ ихъ замѣчанія Воронцову, но только какъ свои собственныя, и предложить ему посовѣтоваться съ Новосильцовымъ и Кочубеемъ, чтобы вмѣстѣ съ ними выработать новый проектъ на основаніи замѣчаній, сдѣланныхъ въ комитетѣ.

Вотъ все, что намъ удалось выяснить относительно возникновенія и содержанія не осуществившейся граматы русскому народу[133].

Въ 1802 году въ Петербургѣ случилось происшествіе, которое причинило тогда въ столицѣ много шума. Героемъ этого дѣла былъ поручикъ

лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка Алексѣй Шубинъ. Этотъ молодой человѣкъ надѣлалъ много долговъ и для поправленія своихъ обстоятельствъ придумалъ, что какой-то Григорій Ивановъ предложилъ ему войти въ заговоръ противъ императора Александра; затѣмъ, однажды, когда смеркалось, онъ въ Лѣтнемъ саду прострѣлилъ себѣ руку и, бросивъ пистолетъ въ канаву, сказалъ, что это сдѣлалъ мнимый заговорщикъ, намѣревавшійся лишить его жизни за обнаруженіе заговора. Разслѣдованіе привело къ тому, что Шубинъ чистосердечно признался, что вся эта исторія была имъ выдумана въ надеждѣ, что государь его наградитъ. Онъ былъ отданъ подъ военный судъ, который приговорилъ его къ смертной казни; генералъ-аудиторъ смягчилъ наказаніе, приговоривъ Шубина къ лишенію чиновъ, дворянскаго достоинства и къ ссылкѣ въ каторгу. Указомъ 7-го (19-го) октября 1802 года императоръ Александръ повелѣлъ лишить Шубина чиновъ и сослать въ Сибирь на поселеніе.

Назначенный въ 1801 году, послѣ паденія графа Палена, петербургскимъ военнымъ губернаторомъ генералъ-отъ-инфантеріи Михаилъ Иларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ недолго занималъ порученную ему должность. Государь остался недоволенъ его управленіемъ и неудовлетворительнымъ состояніемъ петербургской полиціи. Извѣстный своими причудами и жестокостью фельдмаршалъ графъ Михаилъ Ѳедотовичъ Каменскій замѣнилъ Кутузова[134].—Фельдмаршалъ началъ свои подвиги на новомъ поприщѣ тѣмъ, что, когда явился къ нему правитель канцеляріи Кутузова, онъ обругалъ этого чиновника и толкалъ его кулаками подъ бока, такъ что несчастная жертва начальническаго внушенія «козлинымъ голосомъ вопіяла до небесъ» и по возвращеніи домой занемогла[135].

Къ счастью, фельдмаршалъ Каменскій недолго чудодѣйствовалъ въ столицѣ. Государь вскорѣ примѣтилъ, что графъ Каменскій былъ слишкомъ тороплнвъ, чрезмѣрно вспыльчивъ и даже переиначивалъ иногда получаемыя имъ высочайшія повелѣнія. Наконецъ Александръ доведенъ былъ до того, что сказалъ генералъ-адъютанту Комаровскому: «Не хочетъ ли графъ Каменскій проситься прочь? Если бъ сіе случилось, я поставилъ бы свѣчу Казанской Божіей Матери»[136]. Увольненіе фельдмаршала не заставило себя ждать. Въ томъ же 1802 году Каменскаго смѣнилъ генералъ графъ Петръ Александровичъ Толстой; онъ оставался на этой должности до 1805 года, когда при открытіи войны съ французами былъ назначенъ генералъ Вязмитиновъ главнокомандующимъ въ Петербургѣ.

[illegible]
Въ Мемелѣ, въ 1802 году.

Съ гравюры Вольдта, сдѣланной съ картины Делинга.

Свиданіе императора Александра I съ королемъ и королевой прусскими въ Мемелѣ, въ 1802 году.

Съ гравюры Вольдта, сдѣланной съ картины Делинга.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Графъ Кочубей принялъ управленіе внѣшними дѣлами имперіи крайне неохотно; съ самаго воцаренія Александра онъ опасался, что ему придется править частью иностранною, «ибо всегда внутренной департаментъ мнѣ казался предпочтителенъ», писалъ графъ Викторъ Павловичъ графу С. Р. Воронцову еще въ апрѣлѣ 1801 года. Но послѣ удаленія графа Панина, назначеніе Кочубея состоялось внезапно, безъ всякаго предупрежденія, и онъ узналъ объ этомъ на балу: это назначеніе явилось признакомъ усиливавшейся самостоятельности государя, и Кочубей справедливо замѣтилъ: «l'empereur a une volonté»[137].

Сдѣлавшись руководителемъ русской дипломатіи, графъ Кочубей остался вѣренъ высказаннымъ ранѣе убѣжденіямъ: держаться въ сторонѣ отъ европейскихъ дѣлъ, вмѣшиваться въ нихъ какъ можно менѣе и быть въ хорошихъ отношеніяхъ со всѣми, чтобы имѣть возможность все время и все вниманіе

посвящать улучшенію внутренняго положенія имперіи. — Россія, говорилъ Кочубей, достаточно велика и могущественна пространствомъ, населеніемъ и положеніемъ, она безопасна со всѣхъ сторонъ, лишь бы сама оставляла другихъ въ покоѣ. Она слишкомъ часто и безъ малѣйшаго повода вмѣшивалась въ дѣла, прямо до нея не касавшіяся. Никакое событіе не могло произойти въ Европѣ безъ того, чтобы она не предъявила притязанія на участіе въ немъ. Она вела войны безполезныя и дорого ей стоившія. Благодаря счастливому своему положенію, императоръ можетъ пребывать въ дружбѣ съ цѣлымъ міромъ и заняться исключительно внутренними преобразованіями, не опасаясь, чтобы кто-либо дерзнулъ потревожить его среди этихъ благородныхъ и спасительныхъ трудовъ. Внутри самой себя предстоитъ Россіи совершить громадныя завоеванія, установивъ порядокъ, бережливость, справедливость во всѣхъ концахъ обширной имперіи, содѣйствуя процвѣтанію земледѣлія, торговли и промышленности. Какое соотношеніе можетъ существовать между многочисленнымъ населеніемъ Россіи и европейскими дѣлами вмѣстѣ съ войнами, изъ нихъ проистекающими? Оно не извлекало изъ нихъ ни малѣйшей пользы; русскіе гибли въ этихъ войнахъ; съ отчаяніемъ поставляли они все болѣе рекрутовъ и платили все больше налоговъ. Между тѣмъ, дѣйствительное ихъ благосостояніе требовало продолжительнаго мира и постоянной попечительности мудрой и миролюбивой администраціи. Что можетъ лучшаго придумать государь съ его преобразовательными идеями и либеральными совѣщаніями[138]? Такъ разсуждалъ графъ Кочубей, и сначала казалось, что его взгляды вполнѣ согласовались съ намѣреніями императора Александра. Дѣйствительно, 31-го октября (12-го ноября) 1801 года государь писалъ графу С. Р. Воронцову: «Я буду стараться слѣдовать преимущественно національной системѣ (Je m'étudierai surtout à suivre un système national), т. е. системѣ, основанной на пользѣ государства, а не на пристрастіи (prédilection) къ той или другой державѣ, какъ это часто случалось. Если я найду это выгоднымъ для Россіи, я буду хорошъ съ Франціей, точно такъ же, какъ та же самая выгода Россіи побуждаетъ меня теперь поддерживать дружбу съ Великобританіею». Что же касается до Оттоманской Порты, то императоръ Александръ признавалъ однимъ изъ основаній своей политической системы «стремленіе поддерживать всѣми силами государство, слабость и дурная администрація котораго служатъ драгоцѣннымъ ручательствомъ безопасности»[139].

Но вскорѣ, уже въ концѣ 1801 года, графу Кочубею пришлось жаловаться на упрямство государя[140]; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ замѣтилъ первые признаки прусской дружбы, которая должна была привести къ крушенію политической системы, уклонявшейся отъ союзовъ, равно какъ и отъ вмѣшательства въ дѣла прочихъ государствъ, и усвоенной, какъ

казалось, императоромъ Александромъ: такъ думалъ, по крайней мѣрѣ, графъ Кочубей.

Прусское вліяніе, однако, не сразу обнаружилось и нѣкоторое время оставалось тайнымъ даже для близкихъ государю людей.

Графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ.
Съ миніатюры начала XIX столѣтія.

22-го января (3-го февраля) 1802 года графъ Кочубей читалъ въ негласномъ комитетѣ составленный имъ общій планъ политическихъ сношеній нашего правительства; въ этой запискѣ приняты были во вниманіе всѣ данныя, собранныя имъ со вступленія его въ вѣдомство иностранныхъ дѣлъ. Попрежнему, графъ предлагалъ оставаться въ бездѣйствіи, потому что положеніе Россіи позволяло ей не безпокоиться

о ходѣ дипломатическихъ сношеній Европы. Сознавая вполнѣ, что невозможно принять неизмѣнную систему (système immuable), онъ, однакоже, допускалъ пользу нѣкоторыхъ руководящихъ началъ, могущихъ служить общими правилами и обусловленныхъ географическимъ положеніемъ государствъ, ихъ силами, коммерческими сношеніями и проч. Затѣмъ, начертавъ картину политической системы при Екатеринѣ II и разстройства ея въ послѣдующее время, Кочубей пришелъ къ изслѣдованію современнаго ему положенія Россіи въ отношеніи къ прочимъ державамъ. По словамъ его, «наклонность Европы къ миру побуждаетъ всѣ государства къ бездѣйствію, такъ что, если бы мы рѣшились на какое-либо предпріятіе, то не могли бы надѣяться ни на чье содѣйствіе. Но если бы Франція или Австрія задумали усилиться на счетъ Турціи, то и намъ не слѣдовало бы оставаться сложа руки, и мы могли бы сдѣлать пріобрѣтенія, которыя обезпечили бы за нами внушительное положеніе (attitude respectable)». Отношенія Россіи къ Франціи вызвали въ комитетѣ пренія. По мнѣнію графа Строгонова, надлежало положить преграду властолюбивымъ видамъ Франціи, стараться, чтобы Турція оставалась въ своемъ тогдашнемъ положеніи, и не допускать ея ни усилиться, ни подвергнуться окончательному раздробленію. Графъ Кочубей сказалъ, что въ дѣйствительности Франція нестерпимо угнетаетъ прочія государства Европы, и что это можетъ повести къ войнѣ. По его мнѣнію, Россія, въ такомъ случаѣ, должна бы стать во главѣ европейскихъ державъ, но при данномъ положеніи дѣлъ нельзя ничего сдѣлать.

Князь Чарторижскій и графъ Строгоновъ, признавая справедливость мнѣнія, высказаннаго Кочубеемъ, замѣтили, что Россіи надлежало вести себя въ отношеніи къ французамъ такъ, чтобы они никогда не забывали, что мы можемъ сдѣлать болѣе вреда имъ, нежели они намъ. Говоря о жалобахъ австрійскаго и итальянскаго дворовъ на бездѣйствіе Россіи, графъ Кочубей назвалъ такіе толки нелѣпыми; но Чарторижскій и Строгоновъ возразили ему, что слѣдовало бы поставить на видъ Бонапарту, что мы располагаемъ средствами поддерживать нашъ голосъ въ дѣлахъ Европы[141].

Въ засѣданіи 24-го марта (5-го апрѣля) снова была затронута внѣшняя политика. Графъ Кочубей доложилъ его величеству, что многія обстоятельства убѣдили его въ существованіи предположенія, имѣющаго цѣлью союзъ между Россіею, Франціей и Пруссіей, и потому онъ осмѣливается спросить — нѣтъ ли какихъ-либо признаковъ тому въ перепискѣ съ королемъ прусскимъ? Государь отвѣчалъ, что онъ получилъ отъ короля только то письмо, которое показывалъ графу и въ коемъ ничего не сказано по этому предмету. Графъ Кочубей замѣтилъ, что желательно было бы знать, какой отзывъ слѣдуетъ сдѣлать въ случаѣ подобнаго

предложенія. «Прежде всего», сказалъ государь, «надлежитъ изслѣдовать, можетъ ли произойти какой вредъ отъ этого союза? Я не предвижу никакого (Je n'en vois aucun)». Кочубей возразилъ, что союзъ поселитъ опасенія во всѣхъ прочихъ государствахъ Европы, въ особенности же

Гавріилъ Романовичъ Державинъ.

Съ гравюры Гейзера, сдѣланной съ портрета Боровиковскаго.

встревожитъ Англію и Австрію, потому что Франція, и безъ того уже могущественная, будучи поддерживаема Россіей, сдѣлается еще болѣе опасною, что поведетъ къ нарушенію политическаго равновѣсія, безъ сомнѣнія, несогласному съ видами государя.

Но Александръ не согласился съ этими доводами и утверждалъ, что Англіи нѣтъ причины тревожиться подобнымъ союзомъ, потому что единственнымъ средствомъ удержать Францію въ предѣлахъ умѣренности и не позволить ей увеличиться является обузданіе ея договоромъ, въ силу котораго она не имѣла бы права расширить свои границы. Россія, прибавилъ государь, дѣйствительно, не имѣетъ надобности въ союзѣ для собственныхъ выгодъ, но если бы она могла пріобрѣсти полезное вліяніе на дѣла Европы, то это было бы весьма прилично, а потому онъ полагаетъ, что намъ слѣдуетъ выждать предложенія французскаго правительства и, давъ ему почувствовать, что мы вовсе не нуждаемся въ союзѣ съ нимъ, войти въ соглашеніе не иначе, какъ на такихъ условіяхъ, которыя привели бы насъ къ указанной выше цѣли.

Между тѣмъ, за спиною графа Кочубея, свиданіе императора съ королемъ прусскимъ было уже окончательно назначено[142]. Въ апрѣлѣ 1802 года Александръ, призвавъ къ себѣ Кочубея: объявилъ ему о рѣшеніи своемъ ѣхать въ Мемель и приказалъ составить маршрутъ. «Кому придетъ въ голову», пишетъ графъ Кочубей, «что два государя совершаютъ переѣздъ для того только, чтобы осмотрѣть нѣсколько полковъ? А въ сущности это такъ и не иначе. Кто повѣритъ, что министръ иностранныхъ дѣлъ не зналъ ничего объ этой продѣлкѣ? А между тѣмъ и это сущая правда»[143].

Такимъ-то образомъ императоръ Александръ остановился на рѣшеніи, которое опредѣлило навсегда направленіе политическихъ дѣлъ всего его царствованія.

12-го (24-го) мая, за недѣлю до отъѣзда императора изъ Петербурга, графъ Кочубей имѣлъ смѣлость затронуть въ негласномъ комитетѣ вопросъ о предстоявшей поѣздкѣ въ Мемель. Съ разрѣшенія государя онъ прочелъ записку съ изложеніемъ своихъ взглядовъ на этотъ предметъ; по мнѣнію Кочубея, всѣ дѣйствія русскаго монарха имѣютъ большую политическую важность, и взоры всей Европы будутъ устремлены на свиданіе его съ королемъ прусскимъ. Государю угодно было уже ранѣе заявить, что свиданіе это не болѣе какъ дружественное посѣщеніе, во время котораго будутъ устранены всякія политическія совѣщанія, а потому графъ высказалъ мнѣніе, что предположенное пятидневное пребываніе въ Мемелѣ было бы слишкомъ продолжительно, и что лучше ограничить его тремя днями. Императоръ Александръ подтвердилъ въ этомъ засѣданіи, что, конечно, поѣздка его не имѣетъ никакой дипломатической цѣли, и обѣщалъ, что въ Мемелѣ онъ не коснется политическихъ дѣлъ.

Опасенія графа Кочубея не оказались, однако, напрасными. Несмотря на обѣщанное устраненіе политики во время мемельскаго свиданія, послѣднее, тѣмъ не менѣе, сопровождалось политическими послѣдствіями перво-

степенной важности. Именно въ Мемелѣ положено было прочное основаніе личной дружбѣ Александра съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III, дружбѣ, которой король впослѣдствіи былъ обязанъ сохраненіемъ своей монархіи; но, къ сожалѣнію, для достиженія этой великодушной цѣли, сохраненія, а потомъ и возстановленія прусскаго могущества, потребовались потоки русской крови[144]. Нельзя не замѣтить, что въ роковыхъ послѣдствіяхъ мемельскаго свиданія можно прослѣдить такъ же, какъ и во многомъ другомъ, вредное вліяніе, обнаруженное гатчинскимъ воспитаніемъ на воззрѣнія императора Александра; именно оно, и не что другое, привило государю нѣкоторое предпочтеніе къ Пруссіи и къ ея королю, вполнѣ согласовавшееся съ унаслѣдованными имъ отцовскими политическими преданіями. Поэтому нельзя удивляться, если современники повѣствуютъ намъ о томъ, что Александръ заранѣе восторгался предстоявшимъ ему счастьемъ увидѣть наконецъ славныя прусскія войска, о коихъ былъ издавна самаго высокаго мнѣнія; намѣченная же въ 1802 году поѣздка представляла ему, сверхъ того, удобный случай расширить пріобрѣтенныя уже обширныя свѣдѣнія въ дѣлѣ строевого обученія, выправки и нарадовъ, въ которыхъ онъ усматривалъ существенную сторону военнаго дѣла.

Кромѣ того, по мнѣнію князя Чарторижскаго, Александръ радовался также знакомству съ прекрасною королевою и возможности порисоваться передъ нею и иностраннымъ дворомъ.

Отъѣздъ императора Александра изъ Петербурга послѣдовалъ 20-го мая (1-го іюня), въ 8 часовъ утра. Государя сопровождали графъ Кочубей, Новосильцовъ, оберъ-гофмаршалъ графъ Н. А. Толстой (неразлучный спутникъ Александра въ первыя двѣнадцать лѣтъ его царствованія), генералъ-адъютанты: князь П. П. Долгоруковъ, графъ Ливенъ, князь Волконскій и лейбъ-медикъ Вилліе. Все это путешествіе императора Александра можно сравнить съ тріумфальнымъ шествіемъ. Вечеромъ 20-го мая путешественники прибыли въ Нарву, а 22-го — въ Дерптъ.

При посѣщеніи императоромъ университета профессоръ физики Парротъ привѣтствовалъ его на французскомъ языкѣ замѣчательною рѣчью[145]. Александръ, сочувствовавшій всякому идеальному порыву, былъ особенно увлеченъ этимъ привѣтствіемъ и пожелалъ видѣть Паррота у себя; съ тѣхъ поръ между этими двумя страстными друзьями человѣчества завязались на многіе годы небывалыя въ исторіи сношенія подданнаго съ государемъ. Парротъ, ничего не искавшій, довольствовавшійся всю жизнь своимъ скромнымъ служебнымъ положеніемъ и даже рѣзко отклонявшій всякое внѣшнее изъявленіе царской милости, всецѣло предался Александру со всѣмъ пыломъ, свойственнымъ идеальнымъ стремленіямъ его возвышеннаго ума и любящаго сердца; постепенно

онъ усвоилъ себѣ роль и права сокровеннаго ментора и какъ бы живой совѣсти своего царственнаго друга. Александръ уполномочилъ Паррота писать о всемъ, что хочетъ, о предметахъ правительственныхъ, домашнихъ, сердечныхъ; во время же посѣщеній Парротомъ Петербурга, вслѣдъ за дерптскимъ знакомствомъ, онъ приглашался, до начала войны 1812 года, прямо въ кабинетъ государя и въ дружеской откровенной бесѣдѣ проводилъ съ нимъ цѣлые вечера.

24-го мая (5-го іюня) императора Александра встрѣтили съ небывалымъ торжествомъ въ Ригѣ. Несмотря на отвращеніе государя ко всѣмъ шумнымъ изъявленіямъ восторга, народъ, собравшійся у Песчаныхъ горъ, испросилъ его соизволеніе отпрячь лошадей у заставы и везти на себѣ царскій экипажъ въ городъ до замка. «Сначала государь не хотѣлъ на то согласиться, но просьбы ихъ были столько усильны, слезы столько убѣдительны, что государь невольнымъ образомъ отдался имъ. И вдругъ нѣсколько сотъ человѣкъ повлекли экипажъ въ городъ, и сей тихой ходъ коляски доставилъ простому народу ту выгоду, что они могли вдоволь насладиться его лицезрѣніемъ»[146]. Городскія улицы, по которымъ двигалось шествіе, были полны народа; во всѣхъ окнахъ развѣвались флаги, и во многихъ изъ нихъ были выставлены бюсты императора Александра, обставленные зеленью и увѣнчанные розами. Весь городъ былъ преисполненъ радостнымъ восторгомъ, который раздѣляли иностранцы, прибывшіе туда. Одинъ изъ любекскихъ шкиперовъ, пробираясь съ трудомъ сквозь толпу къ коляскѣ монарха, кричалъ: «Да позвольте же мнѣ, я долженъ посмотрѣть на императора мира (Friedenskaiser)».—Наконецъ ему удалось приблизиться къ царскому экипажу, но въ тѣснотѣ онъ попалъ подъ колесо, переѣхавшее ему черезъ ногу и отдавившее пальцы. Не обращая вниманія на это, шкиперъ сказалъ окружавшимъ его: «Какая важность въ томъ, что мнѣ помяло пальцы? Мои глаза видѣли императора мира. Я счастливъ».

Вечеромъ того же дня императоръ Александръ посѣтилъ театръ, а затѣмъ балъ, данный обществомъ «черноголовыхъ» (Schwarzen-Häupter), на который собралось болѣе 500 особъ обоего пола. Государь танцовалъ съ дамами всѣхъ сословій.

На слѣдующій день, 25-го мая (6-го іюня), императоръ отправился на обѣдъ, предложенный ему дворянствомъ въ «Ritterhaus»; тамъ, впереди его прибора, былъ поставленъ тотъ самый бокалъ, изъ котораго Петръ Великій. 18-го ноября 1711 года, на обѣдѣ, данномъ ему рижскими гражданами, пилъ за ихъ здоровье. Императоръ Александръ, вставъ съ своего мѣста съ этимъ бокаломъ, полнымъ шампанскаго, сказалъ: «Auf das Wohl des Adels, der Bürgerschaft und des ganzen Landes». Послѣ обѣда государь осмотрѣлъ цитадель и достопримѣчательности города. Вечеромъ Александръ снова пріѣхалъ въ дворянское собраніе на

№ 2827 Милостивый Гсдрь м…
Графъ Алексей А…
…

Государю Импер…
было поспешите от…
ляндію Сына моего Е…
Михайловича Щаст…
вляя такою себѣ Но…
правила тида Непол…

…РАФА М. Ѳ. КАМЕНСКАГО КЪ ГРАФУ АРАКЧЕЕВУ.

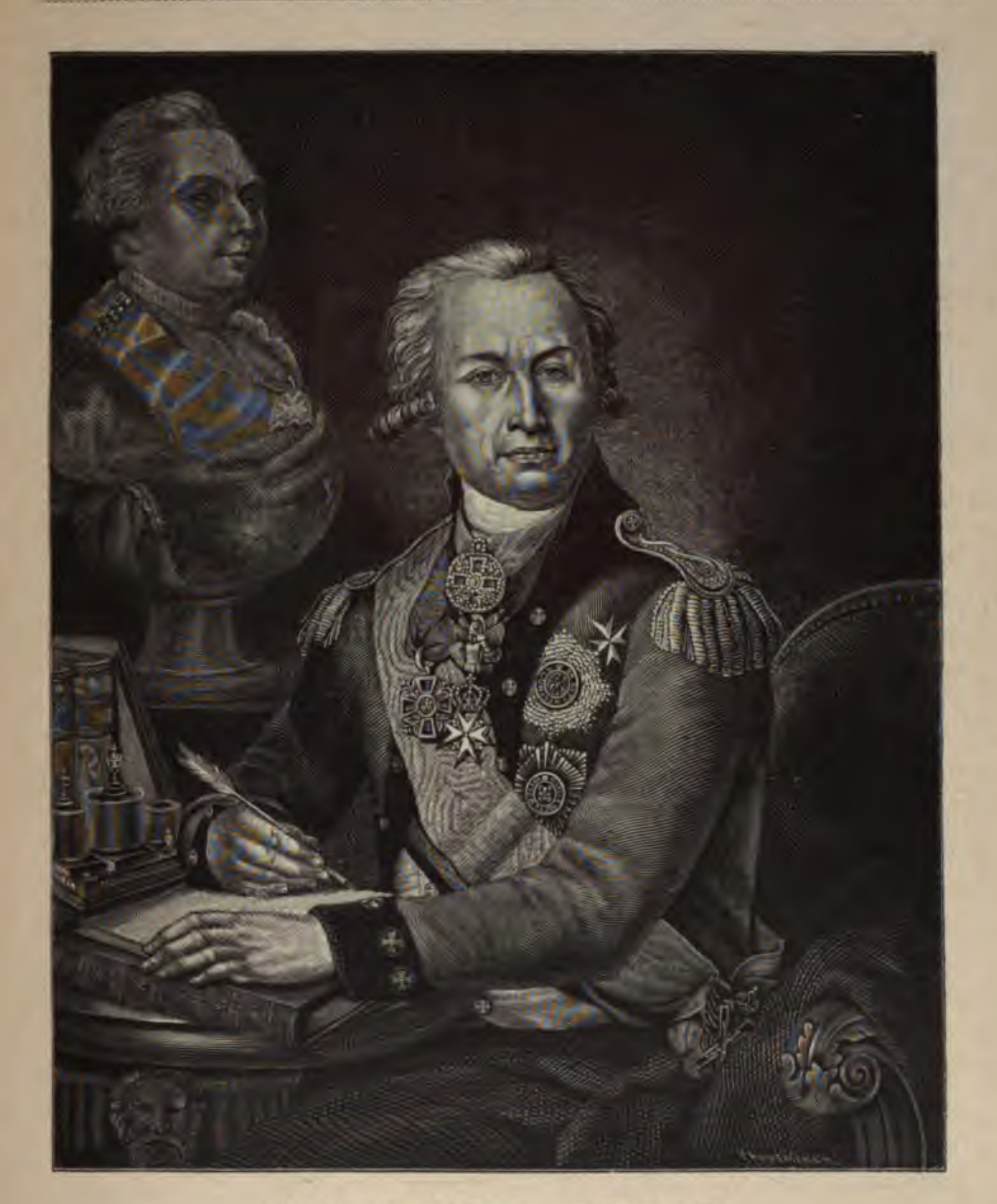
Орел…
18…

онъ усвоилъ себѣ роль и права сокровеннаго ментора и какъ бы живой совѣсти своего царственнаго друга. Александръ уполномочилъ Паррота писать о всемъ, что хочетъ, о предметахъ правительственныхъ, домашнихъ, сердечныхъ; во время же посѣщеній Парротомъ Петербурга, вслѣдъ за дерптскимъ знакомствомъ, онъ приглашался, до начала войны 1812 года, прямо въ кабинетъ государя и въ дружеской откровенной бесѣдѣ проводилъ съ нимъ цѣлые вечера.

24-го мая (5-го іюня) императора Александра встрѣтили съ небывалымъ торжествомъ въ Ригѣ. Несмотря на отвращеніе государя ко всѣмъ шумнымъ изъявленіямъ восторга, народъ, собравшійся у Песчаныхъ горъ, испросилъ его соизволеніе отпрячь лошадей у заставы и везти на себѣ царскій экипажъ въ городъ до замка. «Сначала государь не хотѣлъ на то согласиться, но просьбы ихъ были столько усильны, слезы столько убѣдительны, что государь невольнымъ образомъ отдался имъ. И вдругъ нѣсколько сотъ человѣкъ повлекли экипажъ въ городъ, и сей тихой ходъ коляски доставилъ простому народу ту выгоду, что они могли вдоволь насладиться его лицезрѣніемъ»[146]. Городскія улицы, по которымъ двигалось шествіе, были полны народа; во всѣхъ окнахъ развѣвались флаги, и во многихъ изъ нихъ были выставлены бюсты императора Александра, обставленные зеленью и увѣнчанные розами. Весь городъ былъ преисполненъ радостнымъ восторгомъ, который раздѣляли иностранцы, прибывшіе туда. Одинъ изъ любекскихъ шкиперовъ, пробираясь съ трудомъ сквозь толпу къ коляскѣ монарха, кричалъ: «Да позвольте же мнѣ, я долженъ посмотрѣть на императора мира (Friedenskaiser)».—Наконецъ ему удалось приблизиться къ царскому экипажу, но въ тѣснотѣ онъ попалъ подъ колесо, переѣхавшее ему черезъ ногу и отдавившее пальцы. Не обращая вниманія на это, шкиперъ сказалъ окружавшимъ его: «Какая важность въ томъ, что мнѣ помяло пальцы? Мои глаза видѣли императора мира. Я счастливъ».

Вечеромъ того же дня императоръ Александръ посѣтилъ театръ, а затѣмъ балъ, данный обществомъ «черноголовыхъ» (Schwarzen-Häupter), на который собралось болѣе 500 особъ обоего пола. Государь танцовалъ съ дамами всѣхъ сословій.

На слѣдующій день, 25-го мая (6-го іюня), императоръ отправился на обѣдъ, предложенный ему дворянствомъ въ «Ritterhaus»; тамъ, впереди его прибора, былъ поставленъ тотъ самый бокалъ, изъ котораго Петръ Великій, 18-го ноября 1711 года, на обѣдѣ, данномъ ему рижскими гражданами, пилъ за ихъ здоровье. Императоръ Александръ, вставъ съ своего мѣста съ этимъ бокаломъ, полнымъ шампанскаго, сказалъ: «Auf das Wohl des Adels, der Bürgerschaft und des ganzen Landes». Послѣ обѣда государь осмотрѣлъ цитадель и достопримѣчательности города. Вечеромъ Александръ снова пріѣхалъ въ дворянское собраніе на

Графъ Алексѣй Ивановичъ Васильевъ.

Съ гравюры Ухтомскаго, сдѣланной съ портрета Боровиковскаго.

балъ. 26-го мая (7-го іюня), въ 11 часовъ утра, императоръ покинулъ Ригу и направился въ Митаву [147].

Конечная цѣль путешествія оставалась, однако, все еще для всѣхъ тайною. 28-го мая (9-го іюня) государь, рескриптомъ изъ Полангена на имя генералъ-прокурора Беклешова, извѣстилъ его, что такъ какъ Фридрихъ-Вильгельмъ прибылъ въ Мемель по случаю смотра своихъ войскъ, то въ этомъ городѣ произойдетъ свиданіе съ прусскимъ королемъ.

[illegible] Александръ пробылъ въ Мемелѣ и былъ [illegible] Въ продолженіе этихъ дней [illegible] балами и прогулками. Гр[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Императоръ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Der Arme ist ganz [illegible] von der Königin.— Я очень огорчена, что эти прекрасные дни приходятъ къ концу.—Разставаясь съ нимъ, мы всѣ плакали [14].

Дѣйствительно, въ Мемелѣ, по справедливому замѣчанію князя Чарторижскаго, началось между императоромъ и королевою Луизою то платоническое кокетство (coquetterie platonique), родъ связи, который особенно нравился Александру, всегда готовому жертвовать ему немало времени [15].

Графъ Кочубей въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову замѣчаетъ, что не было знаковъ вниманія, предупредительности, вѣжливости, къ конмъ ни прибѣгали бы въ Мемелѣ, чтобы угодить государю, и не напрасно [16]. Въ это время въ Парижѣ начался самый безстѣнчивый торгъ нѣмецкими землями, которымъ руководилъ Талейранъ. Пруссія, конечно, захватила себѣ львиную долю при распредѣленіи этихъ земельныхъ вознагражденій и добивалась русской санкціи для своихъ сдѣлокъ съ Франціею. Король, согласно уговору, не коснулся въ Мемелѣ политическихъ дѣлъ, но довѣренный секретарь его, Ломбардъ, заговорилъ съ Кочубеемъ объ этомъ щекотливомъ вопросѣ. Русскій дипломатъ уклонился отъ рѣшительнаго отвѣта, полагая, что всего выгоднѣе de battre la campagne» и затѣмъ отложить все до возвращенія въ Петербургъ. Кочубей постарался въ этомъ смыслѣ повліять на государя, чѣмъ возбудилъ, однако, его неудовольствіе, и, какъ пишетъ самъ графъ: «Tolstoy est venu me prêcher de le moraliser moins».

Для окончательнаго выясненія политическаго значенія мемельскаго свиданія приведемъ еще отзывъ объ этомъ событіи Ломбарда: «Если возможно предвидѣть событія и составлять предположенія въ политикѣ, то можно думать, что результаты, имъ обѣщаемые, будутъ крайне счаст-

ливые. Оба государя возымѣли другъ къ другу живѣйшее уваженіе и дружбу. Разлукѣ и интригѣ, быть можетъ, и удастся охладить современемъ эти взаимныя чувства, но я сомнѣваюсь, чтобы они могли расторгнуть принятое, кажется, безмолвное обязательство (l'engagement tacite) оставаться соединенными навѣки интересами и дружбой. Вы поймете, что волшебница (l'enchanteresse) немало способствовала скрѣ-

Ѳедоръ Алексѣевичъ Голубцовъ.

Съ гравюры Ухтомскаго, сдѣланной съ портрета Боровиковскаго.

пленію узъ, связывающихъ нынѣ обоихъ государей. Это фея, подчиняющая все силѣ своего очарованія[151]. (C'est une fée, qui soumet tout au pouvoir de ses enchantements)».

Итакъ, мемельское свиданіе, безспорно, сопровождалось для Россіи болѣе существенными политическими послѣдствіями, чѣмъ это могло казаться съ перваго взгляда многимъ современникамъ, даже не сочувствовавшимъ сближенію съ Пруссіею. Болѣе проницательный князь

Чарторижскій вполнѣ предугадалъ пагубное значеніе этого свиданія для будущей политики императора Александра; въ 1806 году, въ письмѣ къ государю, онъ высказалъ по этому поводу свою точку зрѣнія съ полною откровенностью и поразительною ясностью: «Я смотрю на это свиданіе», писалъ князь Адамъ, «какъ на одно изъ самыхъ несчастныхъ происшествій для Россіи, какъ по своимъ непосредственнымъ послѣдствіямъ, такъ и по тѣмъ, которыя оно имѣло и будетъ еще имѣть. Интимная дружба, которая связала ваше императорское величество съ королемъ послѣ нѣсколькихъ дней знакомства, привела къ тому, что вы перестали разсматривать Пруссію какъ политическое государство, но увидѣли въ ней дорогую вамъ особу, по отношенію къ которой признали необходимымъ руководствоваться особыми обязательствами»[152].

4-го (16-го) іюня императоръ Александръ, послѣ семидневнаго пребыванія въ Мемелѣ, разстался съ прусскимъ королевскимъ семействомъ и предпринялъ обратный путь въ Петербургъ черезъ Ковно, Вильно, Гродно, Минскъ, Могилевъ, Витебскъ, Полоцкъ и Псковъ.

Упомянемъ здѣсь объ одномъ случаѣ, связанномъ съ воспоминаніемъ объ этомъ путешествіи и свидѣтельствующемъ о сострадательномъ сердцѣ Александра. На пути въ Вильну, близъ Ковно, государь, замѣтивъ народъ, столпившійся на берегу Нѣмана, приказалъ остановить коляску, подошелъ къ крестьянамъ и узналъ, что одинъ изъ нихъ, таща вмѣстѣ съ прочими барку, былъ сильно зашибленъ лопнувшимъ канатомъ. Императоръ помогъ поднять раненаго, послалъ за лекаремъ, поддерживалъ больного, пока ему пускали кровь, и поѣхалъ далѣе не прежде, какъ уложивъ страдальца на повозку и отправя его въ ближайшую деревню.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ВЪ ИСТОРІИ царствованія Александра 1802 годъ получилъ важное значеніе и по отношенію къ внутреннимъ дѣламъ имперіи: онъ ознаменованъ былъ важнымъ преобразованіемъ, совершенно измѣнившимъ существовавшій со временъ Петра Великаго административный строй государства.

Когда въ негласномъ комитетѣ обсуждался вопросъ о правахъ Сената, явилась мысль ввѣрить отдѣльныя части управленія лицамъ отвѣтственнымъ или министрамъ. Послѣ продолжительнаго обсужденія и горячихъ споровъ, коллегіальное управленіе Петра Великаго было замѣнено 8-го (20-го) сентября 1802 года учрежденіемъ министерствъ. Въ манифестѣ, изданномъ по этому случаю, сказано: «Мы заблагоразсудили раздѣлить государственныя дѣла на разныя части, сообразно естественной ихъ связи между собою, и для благоуспѣшнѣйшаго теченія поручить оныя вѣдѣнію избранныхъ нами министровъ, постановивъ имъ главныя

правила, коими они имѣютъ руководствоваться въ исполненіи всего того, чего будетъ требовать отъ нихъ должность и чего мы ожидаемъ отъ ихъ вѣрности, дѣятельности и усердія къ благу общему. На Правительствующій же Сенатъ, коего обязанности и первоначальную степень власти мы указомъ нашимъ, въ сей день даннымъ, утвердили, возлагаемъ важнѣйшую и сему верховному мѣсту наипаче свойственную должность разсматривать дѣянія министровъ по всѣмъ частямъ, ихъ управленію ввѣреннымъ, и, по надлежащемъ сравненіи и соображеніи оныхъ съ государственными постановленіями и съ донесеніями, прямо отъ мѣстъ до Сената дошедшими, дѣлать свои заключенія и представлять намъ докладомъ».

Манифестъ 8-го сентября состоялъ всего изъ девятнадцати статей и опредѣлялъ въ однѣхъ лишь общихъ чертахъ отношенія министерствъ къ верховной власти, къ Совѣту, къ Сенату и между собою. Всѣхъ министерствъ было учреждено восемь, а именно: 1) военныхъ сухопутныхъ силъ, 2) морскихъ силъ, 3) иностранныхъ дѣлъ, 4) юстиціи, 5) внутреннихъ дѣлъ, 6) финансовъ, 7) коммерціи и 8) народнаго просвѣщенія.

Министрамъ внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ, юстиціи, финансовъ и народнаго просвѣщенія, по обширности ввѣренныхъ имъ частей, положено было придать помощниковъ въ званіи товарищей министровъ. Военная коллегія, адмиралтействъ-коллегія и иностранная коллегія были оставлены на прежнемъ ихъ основаніи и подчинены министрамъ: военно-сухопутныхъ силъ, морскихъ силъ, иностранныхъ дѣлъ. Всѣ министры состояли вмѣстѣ съ тѣмъ членами Совѣта и присутствовали въ Сенатѣ. Прочія, существовавшія дотолѣ коллегіи, поступили въ составъ министерствъ и преобразовались въ департаменты. Министры подчинены были верховному надзору Сената; они обязывались доставлять ежегодно отчеты, каждый по дѣятельности своего министерства, Сенату, какъ важнѣйшему верховному мѣсту. Сенатъ же долженъ былъ дѣлать свои заключенія и представлять докладомъ государю. Введено было постановленіе, въ силу коего подпись государя на указахъ и повелѣніяхъ должна была быть контрасигнована подлежащимъ министромъ. Для совмѣстнаго обсужденія общихъ государственныхъ дѣлъ былъ учрежденъ Комитетъ министровъ[153]. Съ 16-го сентября 1802 года до сентября 1805 года, императоръ Александръ, за немногими исключеніями, лично предсѣдательствовалъ въ комитетѣ. Съ 1807 года посѣщеніе государемъ комитета совсѣмъ прекратилось.

При учрежденіи министерствъ сохранена была существовавшая въ то время въ видѣ самостоятельной части должность государственнаго казначея.

Образованный въ началѣ царствованія, 30-го марта 1801 года, Совѣтъ Непремѣнный сохраненъ былъ въ прежнемъ составѣ и про-

должалъ существовать до 1810 года, утративъ окончательно всякое значеніе; вновь созданная обширная власть министровъ отодвинула его на задній планъ. Совѣтъ сдѣлался почти исключительно высшею инстанціею для тяжебныхъ дѣлъ.

8-го сентября были назначены министрами: военныхъ сухопутныхъ силъ — генералъ-отъ-инфантеріи и вице-президентъ военной коллегіи Вязмитиновъ; военныхъ морскихъ силъ — адмиралъ и вице-президентъ

Михаилъ Никитичъ Муравьевъ.
Съ гравюры Уткина, сдѣланной съ портрета Моньє.

адмиралтействъ-коллегіи Мордвиновъ; иностранныхъ дѣлъ со званіемъ государственнаго канцлера — графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ; товарищемъ его — тайный совѣтникъ князь Адамъ Чарторижскій; юстиціи или генералъ-прокуроромъ — Державинъ; внутреннихъ дѣлъ — графъ Кочубей; товарищемъ его — тайный совѣтникъ графъ П. А. Строгоновъ; финансовъ — графъ Васильевъ; товарищемъ его — гофмейстеръ Гурьевъ; коммерціи — графъ Н. П. Ру-

мянцевъ; народнаго просвѣщенія — графъ Завадовскій; товарищемъ его — тайный совѣтникъ М. Н. Муравьевъ; государственнымъ казначеемъ былъ назначенъ тайный совѣтникъ Голубцовъ. Вице-канцлеръ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ былъ пожалованъ канцлеромъ россійскихъ орденовъ[154].

Въ указѣ по поводу этихъ новыхъ назначеній упомянуто было, что государь предоставляетъ себѣ впредь назначить министру юстиціи товарища. Это мѣсто, уже при преемникѣ Державина, занялъ дѣйствительный камергеръ Н. Н. Новосильцовъ.

Бывшій генералъ-прокуроръ Беклешовъ не пожелалъ быть министромъ юстиціи, такъ какъ въ новомъ званіи кругъ дѣятельности его значительно сокращался. Онъ остался лишь членомъ Непремѣннаго Совѣта.

Манифестъ о министерствахъ былъ составленъ безъ всякаго участія Трощинскаго; появленіе этого учрежденія было для него совершенною неожиданностью. Вѣроятно, въ знакъ утѣшенія, Трощинскій былъ 15-го октября 1802 года наименованъ министромъ удѣловъ съ оставленіемъ главнымъ директоромъ почтъ; кромѣ того, онъ продолжалъ завѣдывать канцеляріею Непремѣннаго Совѣта[155].

Одновременно со всѣми этими служебными перемѣщеніями послѣдовало повелѣніе: «Статсъ-секретарю Сперанскому быть при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ». Такимъ образомъ, Трощинскій въ одинъ и тотъ же день лишился и своего прежняго вліянія, и правой своей руки[156].

26-го октября 1802 года императоръ Александръ писалъ Лагарпу: «Министерство образовано и идетъ довольно хорошо уже болѣе мѣсяца. Дѣла отъ этого пріобрѣли болѣе ясности и методичности, и я знаю тотчасъ, съ кого требовать, если что-нибудь идетъ не такъ, какъ слѣдуетъ»[157].

Лагарпъ выразилъ сожалѣніе по поводу назначенія министромъ графа Завадовскаго. Государь поспѣшилъ его успокоить, заявляя, что значеніе его ничтожно (Il est nul): «Всѣмъ управляетъ совѣтъ, состоящій изъ Муравьева, Клингера, Чарторижскаго и др.», пишетъ Александръ: «нѣтъ бумаги, которая не была бы обработана ими, нѣтъ человѣка, назначеннаго не ими. Частныя сношенія мои, въ особенности съ двумя послѣдними, мѣшаютъ министру ставить какія-либо преграды добру, которое мы стараемся дѣлать. Впрочемъ, мы сдѣлали его снисходительнымъ до-нельзя: настоящая овца (un vrai mouton); словомъ, онъ ничтоженъ и находится въ составѣ министерства только для того, чтобы не кричалъ, что отстраненъ»[158].

Вѣроятно, назначеніе графа А. Р. Воронцова и Державина было вызвано подобными же соображеніями. Объ отношеніяхъ Александра къ этимъ двумъ государственнымъ дѣятелямъ уже упомянуто нами выше-

ДАМСКІЯ МОДЫ съ 1800 до 1810 годъ.

... графъ Завадовскій; това... Муравьевъ; государственнымъ ... Голубцовъ. Вице- ... князь Куракинъ былъ пожа...

... упомянуто было, что ... министру юстиціи това... ... занялъ действительный

... не пожелалъ быть мини... ... кругъ деятельности его ... членомъ Непременнаго

... безъ всякаго участія ... для него совершен... ... Трощинскій былъ ... уделовъ съ ... того, онъ продолжалъ ...

... перемещеніями последо... ... быть при министер- ... Трощинскій въ одинъ и тотъ ... правой своей руки[...]. ... Александръ писалъ Лагарпу: ... уже более месяца. ... и методичности, и я знаю ... идетъ не такъ, какъ сле-...

Лагарпъ выразилъ сожаленіе по поводу назначенія министромъ графа Завадовскаго. Государь поспешилъ его успокоить, заявляя, что значеніе его ничтожно (Il est nul): „Всемъ управляетъ советъ, состоящій изъ Муравьева, Кочубея, Чарторижскаго и др.", пишетъ Александръ: „нетъ ... которая не была бы обработана ими, нетъ человека, на-значеннаго ... Частныя ... мои, въ особенности съ двумя последними, ... министру ... какія-либо преграды добру, ... мы сделали его снисходитель-... mouton): словомъ, онъ ничто-... ...ства только для того, чтобы не ...

... Воронцова и Державина было ... Объ отношеніяхъ Александра ... уже упомянуто нами взаим-

ДАМСКІЯ МОДЫ ВЪ 1800 ПО 1810 ГОДЪ.

Изъ модныхъ журналовъ того времени.

Все это не предвѣщало особенной долговѣчности составу министерства 8-го сентября[159].

Недовольныхъ реформою оказалось немалое число. Старики, привязанные къ прежнимъ формамъ, громко возстали противъ новаго учре-

Николай Михайловичъ Карамзинъ.
Съ гравированнаго портрета Уткина.

жденія. Сожалѣли объ исчезновеніи коллегіальнаго порядка, установленнаго Петромъ Великимъ, и сокрушались объ утратѣ Сенатомъ какихъ-то правъ, примѣненіе которыхъ на дѣлѣ, однако, довольно трудно уловить въ его историческомъ прошломъ. Выразителемъ этихъ взглядовъ впослѣдствіи сдѣлался Карамзинъ, написавшій въ 1811 году:

«Съ Сенатомъ, съ коллегіями, съ генералъ-прокурорами у насъ шли дѣла, и прошло блестящее царствованіе Екатерины»; но въ то время, въ 1802 году, издавая «Вѣстникъ Европы», онъ еще писалъ панегирики и являлся восторженнымъ хвалителемъ либеральныхъ мѣръ императора Александра.

Одинъ изъ современниковъ, отдающій безусловное предпочтеніе коллегіальному порядку и признающій уничтоженіе его для Россіи пагубнымъ, пишетъ: «Кажется, простой разсудокъ въ самодержавномъ государствѣ указываетъ на необходимость коллегіальнаго управленія. Тамъ, гдѣ верховная неограниченная власть находится въ однѣхъ рукахъ, и гласъ народа, чрезъ представителей его, не можетъ до нея доходить, власть главныхъ правительственныхъ лицъ должна быть умѣряема совѣщательными сословіями, составленными изъ мужей болѣе или менѣе опытныхъ. Если сужденія ихъ, споры, даже несогласія нѣсколько замедляютъ ходъ дѣлъ, зато передъ государемъ они одни только обнажаютъ истину, выказываютъ ему способныхъ людей для каждаго мѣста и, такимъ образомъ, облегчаютъ ему выборы. Такъ было въ Россіи до Петра Великаго; приказы, думы, суды превратились при немъ въ коллегіи; число ихъ умножилось, перемѣнились названія, но не измѣнялся существовавшій порядокъ. Предъ обновленною имъ древностью благоговѣли всѣ его преемники до Александра. Молодость сего государя, по образу мыслей, данному ему воспитаніемъ, и по внушеніямъ почти столь же юныхъ совѣтниковъ, пренебрегла опытомъ вѣковъ». Затѣмъ строгій критикъ всѣхъ преобразовательныхъ начинаній Александра ставитъ вопросъ: передъ кѣмъ въ Россіи будутъ министры отвѣчать? «Передъ государемъ, который долго уважаетъ въ нихъ свой выборъ, котораго дѣлаютъ они участникомъ своихъ ошибокъ, и который, не признавшись въ оныхъ, не можетъ ихъ удалить? Передъ народомъ, который ничто? Передъ потомствомъ, о которомъ они не думаютъ? Развѣ только передъ своею совѣстью, когда невзначай есть она въ которомъ-нибудь изъ нихъ».— Окончательно онъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: «Можетъ быть, когда-нибудь случится, что разсѣянный государь ввѣрится небрежнымъ министрамъ, которые ввѣрятся лѣнивымъ директорамъ, которые ввѣрятся неблагоразумнымъ и неопытнымъ начальникамъ отдѣленій, а они ввѣрятся умнымъ и дѣятельнымъ, но не весьма благонамѣреннымъ и добросовѣстнымъ столоначальникамъ; тогда сіи послѣдніе безъ общей цѣли и связи будутъ одни управлять дѣлами государства. Вотъ будущность, которая съ 8-го сентября 1802 года открывалась для Россіи» [160].

Конечно, нельзя отрицать, что первое образованіе министерствъ, даже если смотрѣть на него безъ предубѣжденія въ пользу прежняго совѣщательнаго порядка, было произведеніемъ мало обдуманнымъ, незрѣлымъ, не согласованнымъ ни съ образованіемъ учрежденнаго ранѣе Непремѣннаго

Князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ.

Съ гравюры Валькера, сдѣланной съ портрета Боровиковскаго.

Совѣта, ни съ правами и властью Сената и коллегій, еще остававшихся на первое время въ прежнемъ своемъ составѣ и дѣйствіи. «Набросанное на бумагу въ нѣсколькихъ поверхностныхъ очеркахъ, безъ всякихъ подробностей исполненія, и между тѣмъ тотчасъ же приведенное въ дѣйствіе, это образованіе во всемъ носило на себѣ отпечатокъ особенной спѣшности и малой опытности составителей»[161].

Одновременно съ учрежденіемъ министерствъ послѣдовалъ указъ о расширеніи правъ Сената, которому было присвоено весьма высокое значеніе. Въ указѣ сказано: «Сенатъ есть верховное мѣсто въ имперіи нашей; имѣя себѣ подчиненными всѣ присутственныя мѣста, онъ, какъ хранитель законовъ, печется о повсемѣстномъ наблюденіи правосудія; наблюдаетъ за собираніемъ податей и за расходами штатными, имѣетъ попеченіе о средствахъ къ облегченію народныхъ нуждъ, соблюденію общаго спокойствія и тишины и прекращенію всякихъ противозаконныхъ дѣяній во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ». Затѣмъ далѣе говорится: «власть Сената ограничивается единою властью императорскаго величества; иной же вышней власти онъ надъ собою не имѣетъ». Въ числѣ правъ и обязанностей Сената, перечисленныхъ въ указѣ, заслуживаетъ вниманія статья о дозволеніи этому верховному мѣсту представлять государю о такихъ указахъ, которые въ исполненіи сопряжены съ великими неудобствами, или несогласны съ прочими узаконеніями, или же неясны; но когда по таковому представленію не будетъ учинено перемѣны, то указъ остается въ своей силѣ. Введеніе въ указъ 8-го сентября этой статьи, утвержденной не безъ нѣкотораго колебанія, имѣло въ виду ограничить произволъ министровъ, имѣвшихъ возможность испрашивать высочайшія повелѣнія помимо Сената, нисколько не сообразуясь съ существовавшими законами. Однако, при всей скромности содержанія этой статьи, она, на первыхъ же порахъ, оказалась мертвою буквою. Александръ, къ удивленію ближайшихъ своихъ сотрудниковъ, не замедлилъ обнаружить полную нетерпимость къ самому умѣренному и законному проявленію самостоятельности взглядовъ этого верховнаго мѣста въ имперіи[162].

Въ началѣ 1803 года Сенатъ, по инціативѣ графа Северина Потоцкаго (по словамъ графа Завадовскаго, еще не обрусѣвшаго), убѣжденнаго въ искренности либеральныхъ взглядовъ императора, вздумалъ воспользоваться предоставленнымъ ему закономъ правомъ всеподданнѣйшихъ представленій. Дѣло касалось обязательнаго 12-тилѣтняго срока службы дворянъ унтеръ-офицерскаго званія, не дослужившихся до оберъ-офицерства; докладъ по этому вопросу министра военно-сухопутныхъ силъ былъ высочайше утвержденъ 5-го декабря 1802 года; состоявшійся затѣмъ указъ объ этомъ прошелъ въ общемъ собраніи Сената безъ всякаго замѣчанія и былъ отосланъ въ военную коллегію для исполненія. Вслѣдъ за тѣмъ, 16-го января 1803 года, въ общемъ собраніи Сената прочитана была записка графа Потоцкаго, содержавшая въ себѣ критику доклада военной коллегіи, нарушившаго права дворянства, которыя Александръ торжественно наименовалъ и удостовѣрилъ «коренными и непрелагаемымъ закономъ». Въ заключеніе графъ Потоцкій обращался къ своимъ сотоварищамъ-сенаторамъ съ увѣщаніемъ не бояться злобы

сильныхъ и не колебаться, «когда священный гласъ должности взываетъ». Онъ напоминалъ, что докладъ генерала Вязмитинова коснулся почти единственнаго коренного закона, которымъ Россія справедливо можетъ гордиться. «Не обязаны ли мы говорить, когда общее мнѣніе, кажется, насъ уже предварило? Не должны ли мы слѣдовать духу царствованія сего, вѣроятно, единственнаго въ вѣкахъ, чтобы намъ, движимымъ благоволеніемъ монарха-благотворителя, возвратить верховному сословію имперіи, хранилищу законовъ, первобытную его силу, достоинство и славу? Ежели нерадѣніемъ нашимъ упустить такое время, то не понесемъ ли праведной укоризны позднѣйшаго потомства? Вслѣдствіе сего, мнѣніе мое — чтобы Правительствующій Сенатъ, на основаніи указа сентября 8-го дня 1802 года, вошелъ къ его величеству со всеподданнѣйшимъ докладомъ: не благоугодно ли будетъ повелѣть министрамъ разсмотрѣть вновь столь важное узаконеніе».

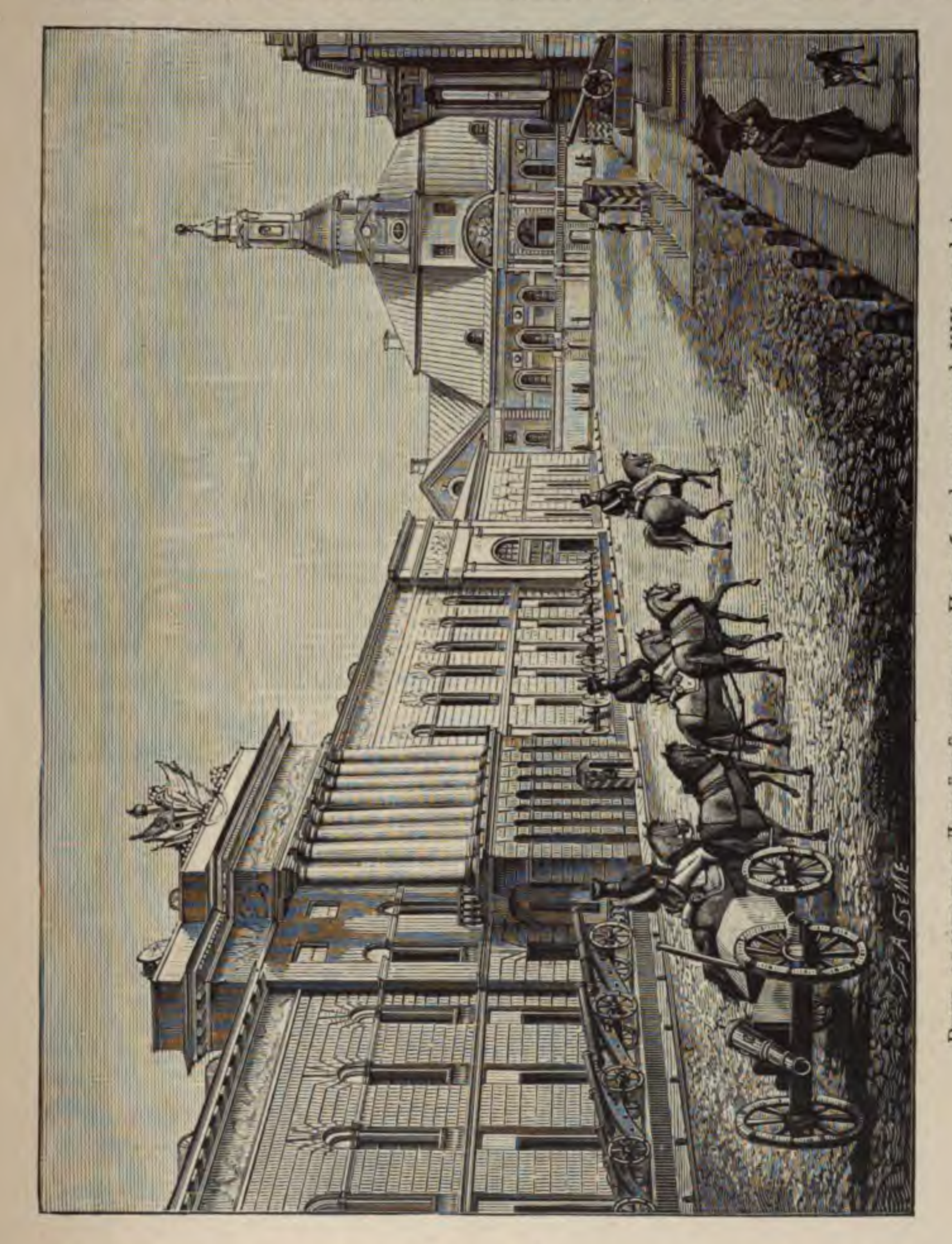
Державинъ нашелъ мнѣніе Потоцкаго возмутительнымъ по отношенію къ самодержавной власти государя и счелъ нужнымъ испросить высочайшую волю, вносить ли его въ Сенатъ. Императоръ, какъ пишетъ Державинъ, отвѣчалъ рѣзко: «Что же? Мнѣ не запретить мыслить, кто какъ хочетъ!—Пусть его подастъ, и Сенатъ пусть разсуждаетъ». Когда Державинъ заговорилъ о вредѣ такихъ мнѣній, особенно когда они подаются несвоевременно, государь сказалъ: «Сенатъ это и разсудитъ, а я не мѣшаюсь. Прикажите доложить».—Слушаніе записки Потоцкаго въ Сенатѣ вызвало бурное засѣданіе и великое смятеніе: большинство присоединилось къ Потоцкому и положило войти къ государю съ представленіемъ о пересмотрѣ министрами доклада Вязмитинова. Державинъ донесъ императору, что Сенатъ весь противъ него; Александръ такъ сильно встревожился, что поблѣднѣлъ, но разрѣшилъ министру дѣйствовать по закону. Генералъ-прокуроръ долженъ былъ дать согласительное предложеніе Сенату; оно не имѣло успѣха, и большинство осталось на сторонѣ Потоцкаго. Государь, узнавъ объ этомъ, съ негодованіемъ сказалъ: «Я имъ дамъ себя знать», но постепенно смягчился и долго держалъ у себя поступившее къ нему дѣло, не упоминая о немъ ни слова даже на докладахъ министра юстиціи.

Наконецъ, на Ѳоминой недѣлѣ, императоръ Александръ дозволилъ, чтобы, на основаніи даннаго Сенату права, отъ него явилась депутація для объясненія сего дѣла. Ее составляли, со стороны большинства, графъ А. С. Строгоновъ и Д. П. Трощинскій; единственнымъ же представителемъ противнаго мнѣнія былъ сопровождавшій ихъ генералъ-прокуроръ. «При вступленіи въ кабинетъ къ его величеству, часу въ 7-мъ ввечеру», пишетъ Державинъ, «хотя еще свѣтло было, но, неизвѣстно для чего, гардины у оконъ были завѣшаны и горѣли свѣчи. Великая вездѣ была тишина, и государь одинъ дожидался. Принявъ весьма важно

самъ, при письменномъ столѣ, и депутаціи (приказалъ) садиться, не говоря никому ни одного слова. Потомъ приказалъ Трощинскому читать бумаги, то-есть мнѣніе Потоцкаго, резолюцію Сената, предложеніе согласительное Державина и, наконецъ, послѣднее сенатское мнѣніе. По выслушаніи всталъ, весьма сухо сказалъ, что онъ дастъ указъ, и откланялся»[163].

Указъ дѣйствительно послѣдовалъ 21-го марта 1803 года. Въ немъ было выражено, что, «удостовѣрясь многими опытами, что законы, въ разныя времена и при различныхъ обстоятельствахъ изданные, бываютъ во многихъ случаяхъ несогласны и даже противорѣчущи, отчего могутъ произойти многія неудобства въ исполненіи и важныя затрудненія въ дѣлахъ государственныхъ и судебныхъ», государь почелъ за благо даровать Сенату право, въ случаѣ, «если бы по общимъ государственнымъ дѣламъ существовалъ указъ, который былъ бы сопряженъ съ великими неудобствами въ исполненіи или же неясенъ, представлять о томъ императорскому величеству». При этомъ пояснялось, однако, что слова эти не касаются новыхъ или вновь подтверждаемыхъ указовъ, и потому Сенатъ не имѣлъ основанія входить къ государю со своимъ представленіемъ по данному вопросу, такъ какъ высочайше утвержденный докладъ военной коллегіи являлся подтвержденіемъ давно существовавшихъ правилъ. Помимо этого въ указѣ оттѣнялось то, что положеніе о службѣ унтеръ-офицеровъ дворянскаго званія нисколько и не расходилось съ дарованными дворянству правами. Въ доказательство этого государь сослался на докладъ самого Сената отъ 5 мая 1801 года о возстановленіи статей дворянской граматы, отмѣненныхъ нѣкоторыми указами. Если бы, говорилось далѣе въ указѣ 21 марта 1803 года, правила «оныя несовмѣстны были съ существомъ правъ дворянскихъ, то Правительствующій Сенатъ, подвигнутый актомъ, коимъ торжественно ознаменовали мы предъ всѣми подданными нашими и цѣлымъ свѣтомъ преимущественное и никогда неизмѣняемое уваженіе наше и любовь къ благородному дворянскому сословію, знаменитому подвигами своими, для блага и славы отечества подъятыми, самъ Сенатъ, собравъ въ докладѣ своемъ 5 маія 1801 года, нами конфирмованномъ, все, что къ ослабленію правъ, оному присвоенныхъ, въ разныя времена допущено было, не обратилъ ли бы нашего вниманія на сіе обстоятельство, умолчалъ ли бы о сихъ правилахъ, мнимо предосудительныхъ? Наконецъ, не ведетъ ли сіе къ тому заключенію, что и онъ почиталъ ихъ тогда частнымъ распоряженіемъ, единственно до арміи принадлежащимъ?» Это непріятное для Сената заключеніе, которымъ ему ставилось на видъ, что онъ вмѣшался не въ свое дѣло, было скрашено цѣлымъ рядомъ пышныхъ фразъ по адресу дворянства и Сената.

Поступокъ графа Потоцкаго возбудилъ въ обществѣ множество толковъ даже въ провинціи. Въ Москвѣ мнѣніе Потоцкаго, какъ пишетъ Державинъ, «знатное и, можно сказать, глупое дворянство приняло съ восхищеніемъ, такъ что въ многолюдныхъ собраніяхъ клали его списки

Видъ арсенала и Литейной улицы въ Петербургѣ въ началѣ XIX столѣтія.
Съ рисунка съ натуры Галактіонова.

на голову и пили за здоровье графа Потоцкаго, почитая его покровителемъ россійскаго дворянства и защитникомъ отъ угнетенія; а глупѣйшія или подлѣйшія души не устыдились бюсты Державина и Вязмитинова, яко злодѣевъ, выставить на перекресткахъ, замаравъ ихъ дермомъ для

поруганія, не проникая въ то, что, попущеніемъ молодого дворянства въ праздность, нѣгу и своевольство безъ службы, подкапывались враги отечества подъ главную защиту государства».

По поводу сенатскаго происшествія современникъ и свидѣтель этого взаимнаго недоразумѣнія оставилъ правдивую характеристику внутренняго смысла всѣхъ дѣяній Александра въ разсматриваемую эпоху. Онъ пишетъ: «Великіе помыслы объ общемъ благѣ, великодушныя чувства, желаніе принесть имъ въ жертву собственныя удобства и часть своей власти, отказаться, наконецъ, отъ неограниченнаго могущества, дабы тѣмъ вѣрнѣе обезпечить въ будущемъ счастье людей, подчиненныхъ его волѣ, все это нѣкогда искренно занимало императора; все это продолжало занимать его и теперь, но это былъ юношескій порывъ, а не твердое рѣшеніе зрѣлаго человѣка. Императоръ любилъ наружныя формы свободы подобно тому, какъ увлекаются зрѣлищами. Ему нравился призракъ свободнаго правительства, и онъ хвастался имъ; но онъ домогался однѣхъ формъ и наружнаго вида, не допуская обращенія ихъ въ дѣйствительность; однимъ словомъ, онъ охотно даровалъ бы свободу всему міру при томъ условіи, чтобы всѣ добровольно подчинились исключительно его волѣ»[164].

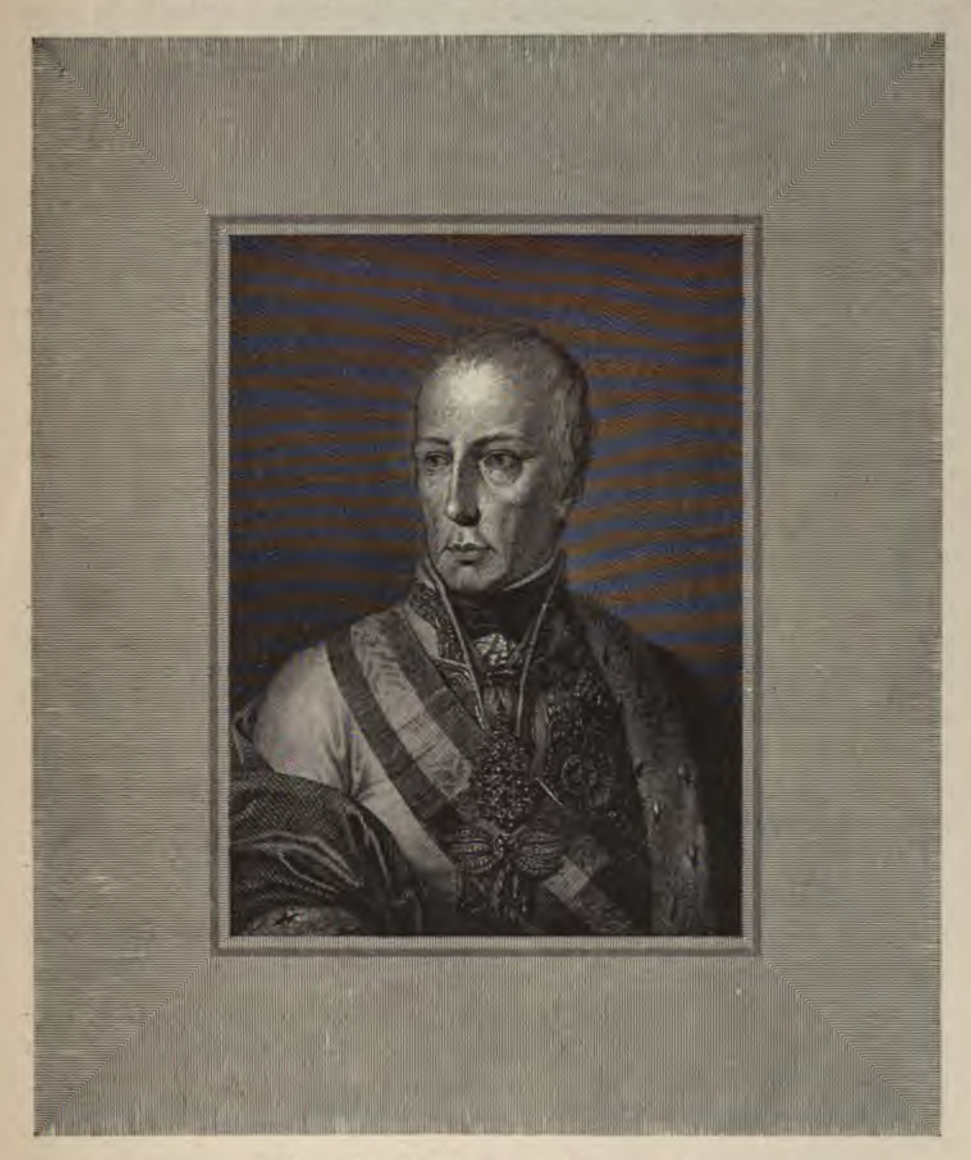
Относительно изданныхъ одновременно манифеста объ учрежденіи министерствъ и указа о правахъ Сената, слѣдуетъ вообще замѣтить, что, заключая въ себѣ постановленія, до нѣкоторой степени другъ другу противорѣчащія и недостаточно между собою согласованныя, они, при примѣненіи ихъ, должны были вызвать затрудненія и недоразумѣнія. Нѣкоторые изъ довѣренныхъ совѣтниковъ Александра сознавали неосуществимость многихъ изъ дарованныхъ Сенату правъ и предвидѣли, что они останутся безъ примѣненія; въ дѣйствительности такъ и случилось. Хотя по первоначальному плану министры подчинены были верховному надзору Сената, но, подъ вліяніемъ обстоятельствъ и въ силу довѣрія императора къ избраннымъ имъ министрамъ, они заняли первенствующее положеніе, отодвинувъ фактически на второй планъ Сенатъ и Совѣтъ.

Изъ образованныхъ въ 1802 году министерствъ наибольшую дѣятельность выказали тогда два министерства: внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

Графъ Кочубей озаботился своевременно пріобрѣсти содѣйствіе такого высокодаровитаго дѣятеля, какимъ уже тогда заявилъ себя Сперанскій; поэтому министерство внутреннихъ дѣлъ ранѣе другихъ получило нѣсколько болѣе стройную организацію. Всѣ проекты новыхъ постановленій по министерству писалъ Сперанскій и писалъ такъ, какъ никто до него; старинный нашъ приказный языкъ, благодаря искусному перу его, видимо сталъ облекаться въ новыя формы. Отчеты министра государю стали впервые печататься въ общее свѣдѣніе и, какъ пишетъ біографъ

je serai Monsieur l'amba
chez vous, a deux heures ou d
de trois comme j'avois eu l'honneur
vous l'annoncer hier je suppose
cela ne vous dérangera en rien . .
seroit avantageux d'avoir un
Mess. de Labensky avec nous
voulez vous pas le faire cherche
Mon Prince les assurances de ma

Сперанскаго, и теперь, спустя болѣе полустолѣтія, могутъ, по методѣ ихъ составленія, назваться образцовыми. Министерство внутреннихъ дѣлъ положило основаніе еще другому небывалому до тѣхъ поръ у насъ дѣлу, начавъ издавать съ 1804 года свой офиціальный ежемѣсячный журналъ

Австрійскій императоръ Францъ I.

Съ гравюры Лонгхи, сдѣланной съ портрета Чіавони.

подъ названіемъ: «Санктпетербургскій журналъ». Въ этомъ изданіи помѣщались примѣчательнѣйшіе указы, доклады и отчеты министра внутреннихъ дѣлъ; неофиціальный отдѣлъ заключалъ въ себѣ переводы и сочиненія, относившіеся до государственнаго управленія.

Непосредственныя работы императора Александра съ Сперанскимъ начались въ 1806 году, когда Кочубей, во время частыхъ своихъ болѣзней, началъ посылать его съ бумагами къ государю. Эта случайность послужила къ сближенію Александра со своимъ статсъ-секретаремъ. «Превосходный докладчикъ, ловкій и смѣтливый исполнитель принимаемыхъ повелѣній, умѣвшій на лету ловить и угадывать каждое слово, Сперанскій съ первыхъ поръ очаровалъ государя, который тогда же сталъ давать ему разныя порученія»[165].

По министерству народнаго просвѣщенія, въ сравнительно короткое время, также было сдѣлано чрезвычайно много. 24-го января 1803 года были высочайше утверждены «Предварительныя правила народнаго просвѣщенія», содержавшія выработанный въ министерствѣ планъ учрежденія и управленія высшими и низшими учебными заведеніями. Организованы были шесть учебныхъ округовъ. Въ городахъ были учреждены гимназіи и уѣздныя училища; въ Казани и Харьковѣ основаны университеты. Харьковскій университетъ былъ созданъ на средства, собранныя просвѣщенною заботливостью В. Н. Каразина. 12-го декабря 1802 года былъ изданъ актъ постановленія университета въ Дерптѣ.

24-го января 1803 года былъ образованъ виленскій учебный округъ, въ вѣдомство котораго были назначены восемь губерній, составлявшія области, присоединенныя отъ Польши въ царствованіе императрицы Екатерины II[166]. Мѣсто попечителя этого округа занялъ товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ князь Адамъ Чарторижскій[167]. 18-го мая 1803 года былъ утвержденъ уставъ или общія постановленія виленскаго университета и училищъ его округа[168]. 25-го іюня того же года состоялось обнародованіе новаго регламента для академіи наукъ. Президентомъ ея былъ назначенъ попечитель с.-петербургскаго округа Новосильцовъ. 16-го апрѣля 1804 года въ Петербургѣ былъ учрежденъ педагогическій институтъ для приготовленія юношества къ учительской дѣятельности; онъ составлялъ отдѣленіе предполагавшагося къ учрежденію въ Петербургѣ университета.

Изъ этого краткаго перечня дѣятельности министерства графа Завадовскаго видно, насколько въ первые годы правленія императора Александра велика была забота о народномъ просвѣщеніи.

Покровительство и поощреніе были оказаны и литературѣ.

Шторхъ пишетъ: «Рѣдко какой-нибудь правитель оказывалъ такое поощреніе литературѣ, какъ императоръ Александръ. Замѣчательныя литературныя заслуги лицъ, находящихся на службѣ, вознаграждаются чинами, орденами, пенсіями; писатели, не состоящіе на государственной службѣ, за литературные свои труды, доходящіе до свѣдѣнія императора, нерѣдко получаютъ подарки значительной цѣнности. При настоящемъ положеніи книжной торговли русскіе писатели не всегда могутъ

разсчитывать на приличный гонораръ за большія научныя сочиненія. Въ такихъ случаяхъ императоръ, смотря по обстоятельствамъ, жалуетъ писателямъ иногда крупныя суммы на напечатаніе ихъ трудовъ. Многіе писатели посылаютъ свои рукописи императору, и, если только онѣ имѣютъ какую-нибудь полезную тенденцію, онъ велитъ печатать ихъ на счетъ кабинета и затѣмъ даритъ обыкновенно все изданіе авторамъ»[169].

Въ виду желанія, изъявленнаго Карамзинымъ посвятить труды свои составленію полной исторіи Россійскаго государства, императоръ, указомъ 31-го октября 1803 года, пожаловалъ ему титулъ историографа и 2,000 рублей ежегодной пенсіи.

Еще въ царствованіе императора, Павла Александръ въ вышеприведенномъ нами письмѣ къ Лагарпу, отъ 27-го сентября 1797 года, высказалъ убѣжденіе въ необходимости перевода на русскій языкъ полезныхъ книгъ, чтобы «положить начало распространенію знанія и просвѣщенію умовъ» съ цѣлью подготовить, такимъ образомъ, общество къ воспринятію будущихъ реформъ. Послѣ своего воцаренія Александръ не замедлилъ привести въ исполненіе намѣреніе, обнаруженное имъ еще въ бытность цесаревичемъ. Дѣйствительно, въ преобразовательную эпоху появилось множество переводныхъ сочиненій, имѣвшихъ очевидною цѣлью внушить интересъ къ общественнымъ, экономическимъ и политическимъ вопросамъ и сообщить по этимъ предметамъ русскому обществу послѣднее слово западной науки.

Перечислимъ здѣсь нѣкоторыя изъ болѣе замѣчательныхъ переводныхъ сочиненій:

1) Изслѣдованіе свойства и причинъ богатства народовъ. Соч. Адама Смита. С.-Петербургъ. 1802. Переводъ Н. Политковскаго.

2) Два перевода сочиненія Беккарія о преступленіяхъ и наказаніяхъ. Д. Языкова (1803 года) и А. Хрущева (1806 года).

3) Разсужденіе о гражданскомъ и уголовномъ законоположеніи Бентама. Переводъ съ французскаго изданія Дюмона М. Михайлова. С.-Петербургъ. 1805.

4) Лѣтописи К. Корнелія Тацита. (Три части). С.-Петербургъ. 1805. Переводъ съ латинскаго Ѳ. Поспѣлова. Напечатано по высочайшему повелѣнію и посвящено императору Александру. Въ посвятительномъ письмѣ переводчикъ пишетъ: «Почитая исторію училищемъ людей всякаго состоянія, пола и возраста, преимущественно можно сказать сіе о «Римской исторіи», писанной Тацитомъ, которую ваше императорское величество соизволили указать перевести мнѣ на россійской языкъ въ прошломъ 1803 году въ 21 день октября».

5) Конституція Англіи или состояніе англійскаго правленія, сравненнаго съ республиканскою формою и съ другими европейскими монархіями. Сочиненіе Г. де-Лолма. Москва. 1806. Переводъ съ фран-

нужкаго Ивана Татищева. Напечатано по высочайшему повелѣнію и посвящено императору Александру. Въ посвятительномъ письмѣ императору Александру переводчикъ проситъ государя всемилостивѣйше воззрѣть на переводъ сей книги. «Сей знаменитый авторъ занимается преимущественно изъясненіемъ средствъ, употребленныхъ въ Англіи для установленія существующаго тамъ всеобщаго и безпристрастнаго правосудія, толь любезной вашему сердцу добродѣтели и одной изъ главныхъ и надежнѣйшихъ подпоръ престола и царствъ».

6) О существѣ законовъ. Монтескье. Переводъ Д. Языкова. С.-Петербургъ. 1809.

При учрежденіи министерствъ не забыта была также цензура: она была отнесена къ министерству народнаго просвѣщенія. Послѣдствіемъ этого распоряженія было снабженіе ея особымъ уставомъ (9-го іюля 1804 года), «но не для стѣсненія» — какъ именно упоминается въ докладѣ министра — «свободы мыслить и писать, а единственно для принятія пристойныхъ мѣръ противъ злоупотребленія оной». Весь уставъ состоялъ изъ 47 параграфовъ; обстоятельство это заслуживаетъ вниманія, если принять въ соображеніе, что цензурный уставъ, представленный въ 1826 г. А. С. Шишковымъ, возросъ до 230 параграфовъ[170].

По александровскому уставу главное назначеніе цензуры заключалось въ томъ, чтобы «доставить обществу книги и сочиненія, способствующія истинному просвѣщенію ума и образованію нравовъ, и удалить книги и сочиненія, противныя сему намѣренію». Цензура была поручена университетамъ, т. е. цензурнымъ при нихъ комитетамъ изъ профессоровъ и магистровъ, состоявшимъ въ общемъ вѣдѣніи учрежденнаго тогда же при министерствѣ народнаго просвѣщенія главнаго управленія училищъ. Основаніемъ дѣйствій устроенной такимъ образомъ цензуры поставлены были слѣдующія три главныя положенія:

1) Наблюденіе, чтобъ въ пропускаемыхъ къ печатанію книгахъ, періодическихъ изданіяхъ и представляемыхъ на театрѣ пьесахъ «ничего не было противнаго закону Божію, правленію, нравственности и личной чести какого-либо гражданина».

2) Предложеніе при запрещеніи печатанія или пропуска книгъ и сочиненій «руководствоваться благоразумнымъ снисхожденіемъ, удаляясь всякаго пристрастнаго толкованія сочиненій или мѣстъ въ оныхъ, которыя по какимъ-либо мнимымъ причинамъ кажутся подлежащими запрещенію; когда же мѣсто, подверженное сомнѣнію, имѣетъ двоякій смыслъ, въ такомъ случаѣ лучше толковать оное выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели его преслѣдовать».

3) Разъясненіе, что «скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до вѣры, человѣчества, гражданскаго уложенія, законоположенія, управленія государственнаго или какой бы

то ни было отрасли правленія, не только не подлежитъ и самой умѣренной строгости цензуры, но пользуется совершенною свободою тисненія, возвышающею успѣхи просвѣщенія».

Въ такомъ видѣ цензурный уставъ оставался безъ измѣненія болѣе двадцати лѣтъ, то есть въ продолженіе всего царствованія императора Александра. Только съ 1817 года, съ учрежденіемъ министерства ду-

Кондратій Селивановъ.

Съ портрета, изданнаго И. П. Липранди.

ховныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, цензура получила особый, вопреки либеральному духу устава, стѣснительный оттѣнокъ: являются полнѣйшая нетерпимость, фанатизмъ и придирчивость, которыя отсутствовали въ началѣ царствованія Александра.

Среди всѣхъ предпринятыхъ императоромъ Александромъ административныхъ преобразованій не было также позабыто и крестьянское дѣло[171]. Государь не ограничился однимъ запрещеніемъ дѣлать объявленія о продажѣ крестьянъ безъ земли и совершеннымъ прекраще-

ніемъ раздачи населенныхъ земель въ собственность частнымъ лицамъ; онъ желалъ сдѣлать въ пользу этого сословія нѣчто большее. Поэтому крестьянскій вопросъ обсуждался неоднократно въ негласномъ комитетѣ; но государь относился къ этому вопросу крайне боязливо и склонялся къ мнѣнію лицъ, предлагавшихъ принимать мѣры къ улучшенію быта крестьянъ такимъ образомъ, чтобы не раздражать помѣщиковъ и не волновать крестьянъ.

Изъ всѣхъ совѣтниковъ Александра графъ П. А. Строгоновъ высказался самымъ рѣшительнымъ образомъ въ пользу этого великаго дѣла и пришелъ къ заключенію, что если во всемъ этомъ вопросѣ есть опасность, то она заключается не въ освобожденіи крестьянъ, а въ удержаніи крѣпостного состоянія[172].

Къ числу попытокъ императора Александра вступить на путь, который бы велъ къ разрѣшенію крестьянскаго вопроса, слѣдуетъ отнести указъ отъ 20-го февраля 1803 года о свободныхъ земледѣльцахъ. Этимъ указомъ разрѣшалось всѣмъ помѣщикамъ, кто пожелаетъ, увольнять своихъ крестьянъ цѣлыми селеніями или отдѣльно съ землею по заключеніи условій, на обоюдномъ согласіи основанныхъ. Министерству внутреннихъ дѣлъ предоставлялись разсмотрѣніе и утвержденіе этихъ условій. Мѣра эта была обнародована вслѣдствіе изъявленнаго графомъ Сергѣемъ Петровичемъ Румянцевымъ желанія отпустить на волю нѣкоторыхъ крестьянъ съ участками земли. Эта благая мѣра, согласовавшаяся съ задушевными мыслями и желаніями императора, нашла себѣ, какъ и слѣдовало ожидать, ожесточенныхъ критиковъ среди русскаго общества. Державинъ, занимавшій тогда должность министра юстиціи, употребилъ всѣ усилія, чтобы убѣдить Александра въ неудобствѣ сего новаго закона, но тщетно; онъ старался даже внушить сенаторамъ, чтобъ они представили всеподданнѣйшій докладъ о неполезности указа, но и въ этомъ не имѣлъ успѣха. Зато Державинъ въ своихъ запискахъ не пощадилъ сенаторовъ, а, главнымъ образомъ, обрушился на виновника этой ненавистной ему мѣры; въ своихъ запискахъ онъ пишетъ: «Румянцевъ выдумалъ (смѣю сказать, изъ подлой трусости государю угодить) средства, какимъ образомъ сдѣлать свободными господскихъ крестьянъ. Какъ это любимая была мысль государя, внушенная при воспитаніи его нѣкоторымъ его учителемъ Лагарпомъ, то Румянцевъ, чтобы подольститься государю, стакнувшись напередъ, смѣю сказать, съ якобинскою шайкою — Чарторижскимъ, Новосильцовымъ и прочими, подалъ проектъ, чтобъ дать свободу крестьянамъ отъ господъ своихъ откупаться»[173].

Въ жизни русскаго народа указъ 20-го февраля не сопровождался тѣми благодѣтельными послѣдствіями, которыя были возможны; онъ былъ обставленъ такими стѣснительными формальностями, и исполненіе его отличалось такою боязливостью, что скромный успѣхъ въ освобо-

дительномъ смыслѣ былъ возможенъ отчасти только въ первое время, когда преобразовательный пылъ новаго царствованія и еуспѣлъ еще охладѣть. Затѣмъ непрерывный рядъ внѣшнихъ войнъ похоронилъ крестьянскій вопросъ; къ тому же, императоръ Александръ не допускалъ въ дѣлѣ освобожденія проявленія частной инціативы, считая его своимъ личнымъ дѣломъ. Поэтому въ его царствованіе крестьянскій вопросъ не пошелъ далѣе смутныхъ филантропическихъ стремленій и разсужденій, оставшись безъ всякихъ практическихъ послѣдствій. Но зато съ тѣхъ поръ въ общество прочно запала идея объ освобожденіи крестьянъ, и въ концѣ царствованія она уже стала неопровержимою истиною въ убѣжденіяхъ многихъ выдающихся передовыхъ дѣятелей той эпохи.

1803 годъ ознаменовался для столицы необыкновеннымъ торжествомъ: 14-го мая Петербургъ праздновалъ первое столѣтіе своего существованія. Въ этотъ день депутація отъ города поднесла императору Александру золотую медаль съ надписью: «отъ благодарнаго потомства», вычеканенную по этому случаю. На одной ея сторонѣ изображены: увѣнчанная лаврами голова Петра I съ обнаженною шеей и звѣзда, лучи которой, проходя сквозь зубчатую корону, освѣщаютъ голову царя. Оборотная сторона медали представляетъ Геркулеса, сидящаго на части земного шара и указывающаго правой рукою на щитъ съ видомъ нынѣшней крѣпости, подъ которой обозначенъ 1803 годъ; у ногъ Геркулеса лежитъ планъ прежней крѣпости съ надписью 1703; лѣвою рукою Геркулесъ держитъ на лѣвомъ плечѣ палицу, одинъ конецъ которой съ зубчатой короной указываетъ на Близнецовъ въ ряду знаковъ Зодіака. Указомъ 16-го мая Александръ повелѣлъ Правительствующему Сенату внести эту медаль съ подобающею честью и приличными обрядами въ Петропавловскій соборъ и отъ лица Россіи, благословляющей великія его начинанія, положить ее на гробѣ отца отечества «въ незабвенное свидѣтельство предъ грядущими вѣками, колико память его Россіи священна».

Празднованіе столѣтія Петербурга совпало съ другимъ важнымъ событіемъ, роковое вліяніе котораго на будущую судьбу Россійской имперіи едва ли предчувствовалъ кто-либо изъ современниковъ этой эпохи. Въ 1803 году личная власть императора Александра, въ сравненіи съ 1801 годомъ, уже настолько окрѣпла, что государь не имѣлъ болѣе причинъ отказать себѣ въ удовольствіи видѣть снова графа Аракчеева въ Петербургѣ на покинутомъ имъ нѣкогда, столь внезапно, служебномъ поприщѣ. Поэтому 26-го апрѣля 1803 года отправлена была къ графу Аракчееву въ Грузино записка слѣдующаго содержанія: «Алексѣй Андреевичъ! имѣя нужду видѣться съ вами, прошу васъ пріѣхать въ Петербургъ».— Свиданіе грузинскаго отшельника съ «вѣрнымъ другомъ» сопровождалось приказомъ, по которому, 14-го мая 1803 года,

графъ Аракчеевъ былъ принятъ въ третій разъ на службу съ назначеніемъ, попрежнему, инспекторомъ всей артиллеріи и командиромъ лейбъ-гвардіи артиллерійскаго батальона. Генералъ Эйлеръ вспоминаетъ по этому случаю въ своихъ запискахъ, что артиллеристы интриговали, стараясь удержать государя отъ принятія на службу графа Аракчеева, но всѣ усилія и хлопоты, какъ и слѣдовало ожидать, остались тщетными. »Служба», прибавляетъ онъ, «сдѣлалась во всѣхъ отношеніяхъ строгая»[174].

Конечно, снова занявъ мѣсто инспектора артиллеріи, графъ Аракчеевъ не сразу пріобрѣлъ тотъ обширный и вліятельный кругъ дѣйствій, который открылся ему черезъ нѣсколько лѣтъ; однако, тѣмъ не менѣе, уже и въ то время Алексѣй Андреевичъ чрезвычайно много значилъ. Первый, самый трудный шагъ былъ сдѣланъ; отнынѣ графъ Аракчеевъ могъ спокойно выжидать постепеннаго и неизбѣжнаго возрастанія своего вліянія и могущества, чтобы подъ конецъ царствованія Александра стать первымъ вельможею, какъ выразился о немъ Карамзинъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не избѣгъ печальной участи заслужить отъ современниковъ и потомства лестное наименованіе «вреднѣйшаго человѣка въ Россіи».

Нельзя не признать, что возвращеніе графа Аракчеева на службу послѣ всѣхъ подвиговъ, совершенныхъ имъ въ царствованіе императора Павла, бросаетъ нѣкоторую тѣнь сомнѣнія на искренность убѣжденій и идеальныхъ стремленій, которыми руководствовался Александръ въ такъ называемый преобразовательный періодъ своего царствованія. Невольно припоминается рѣзкій, хотя и односторонній отзывъ объ Александрѣ, высказанный въ 1822 году однимъ русскимъ Варнгагену и воспроизведенный имъ въ своемъ дневникѣ. Этотъ русскій говорилъ ему, что самыя существенныя свойства Александра — тщеславіе и хитрость или притворство; что Александръ любитъ только посредственность, а настоящій геній, умъ и талантъ пугаютъ его, и что онъ только въ крайнемъ случаѣ, противъ воли и отвернувшись, пользуется подобными людьми[175].

Дѣйствительно, возвращеніе въ 1803 году графа Аракчеева къ дѣламъ какъ-то трудно согласовать съ обнаруженными неоднократно Александромъ чувствами великодушнаго благожелательства, съ его скорбью о безправномъ положеніи русскаго человѣка и съ представленіемъ его о законѣ, какъ залогѣ блаженства всѣхъ и каждаго. Всѣ эти возвышенные помыслы, воодушевлявшіе несомнѣнно императора Александра, соединенные съ неизмѣнностью дружескаго его расположенія къ графу Аракчееву, останутся навсегда загадкою при психологическомъ разборѣ характера этого, повидимому, столь гуманнаго государя. «Le vrai peut quelquefois n'être pas vraisemblable», писалъ Буало, и это изреченіе вполнѣ примѣнимо къ отношеніямъ, установившимся между Аракчеевымъ и его царственнымъ другомъ.

№ 92.

Милостивый Госу

рий Прокофьевичъ!

Прилагаемой у

Правительствующа

департамента, о Зе

мляхъ находящимис

губерніи Панцырны

Государь Импера

повелѣть соизволил

сударственной Совѣ

Съ Совершеннымъ

Но требованія и вѣянія новой эры были, однако, въ ту пору еще столь сильны, что коснулись даже черствой души Алексѣя Андреевича, и если и не поколебали его убѣжденій, то, по крайней мѣрѣ, заставили его подчиниться изъ расчета новымъ условіямъ; въ перепискѣ графа

Дворецъ въ Пулавахъ.
Съ гравюры начала XIX столѣтія.

съ государемъ сохранились несомнѣнные слѣды этого. «Безъ лести преданный» другъ принимаетъ въ ней нерѣдко несвойственный ему образъ заботливаго, гуманнаго начальника, зная, что это будетъ пріятно государю. Такъ, напримѣръ, осматривая въ 1804 году, по занимаемой имъ должности инспектора артиллеріи, арсеналы и пороховые заводы,

графъ Аракчеевъ писалъ императору Александру изъ Брянска: «Нашелъ я еще въ здѣшнемъ городѣ несчастнаго офицера Путвинскаго, который, бывъ выпущенъ изъ гродненскаго корпуса, въ нынѣшнемъ году, 22-го января, въ прапорщики въ Борисоглѣбскій драгунскій полкъ, расположенный на кавказской линіи, и не доѣзжая сего города, опрокинута была ямщикомъ его кибитка, отчего и переломило ему лѣвую руку въ двухъ мѣстахъ. Молодой жалкой человѣкъ началъ нынѣ выздоравливать, но въ кавалеріи служить будетъ уже неспособенъ, то и проситъ о переводѣ въ пѣхотный полкъ, не имѣя чѣмъ содержаться; я осмѣлился изъ находящихся у меня вашихъ дорожныхъ денегъ оставить ему именемъ вашего величества»[176]. Затѣмъ, осмотрѣвъ въ томъ же году Шостенскій пороховой заводъ, Аракчеевъ писалъ: «Люди обмундированы всѣ сполна, положенное по законамъ получили безъ изъятія и благословляютъ имя вашего императорскаго величества за положенную десятикопѣешную ежедневную порцію, которой они очень достойны, ибо, выключая ежедневной, тяжелой, опасной работы, и мѣсто, занимаемое заводомъ, чрезвычайно дурно и нездорово, окружено будучи со всѣхъ сторонъ болотами и уединено отъ всѣхъ постороннихъ селеній. Люди принесли мнѣ двѣ жалобы, 1-ю, что они, будучи въ 1802 году употреблены на построеніе при оныхъ заводахъ плотины, не получили никакой сверхъ жалованья своего платы. Вторую, что имѣющіе дѣтей не получаютъ на оныхъ провіанта, когда во всемъ вашего величества войскѣ оные довольствуются, почему первое остается отъ милосердаго вашего разрѣшенія, а о второмъ отнесся я чрезъ министра военныхъ силъ. Осмѣлился бы просить у вашего императорскаго величества симъ бѣднымъ по рублю, ежели бы не боялся онымъ наскучить. Число же ихъ 520 человѣкъ»[177].

Въ послѣдующей служебной дѣятельности графа Аракчеева уже не встрѣчается болѣе слѣдовъ такого человѣколюбиваго отношенія къ подчиненнымъ; когда онъ вошелъ въ силу, всѣ лица, имѣвшія счастіе состоять подъ гнетомъ его неограниченнаго произвола, пріучились страдать, и страдать, не смѣя жаловаться.

Выше было уже замѣчено, что министерство 8-го сентября 1802 года не обѣщало быть долговѣчнымъ. Дѣйствительно, личный составъ его быстро видоизмѣнился. Первымъ удалился по прошествіи четырехъ мѣсяцевъ адмиралъ Мордвиновъ, который своими рѣзкими, несдержанными сужденіями не былъ пріятенъ государю. Въ управленіе министерствомъ вступилъ, назначенный 31-го декабря 1802 года товарищемъ министра морскихъ силъ, вице-адмиралъ П. В. Чичаговъ, который пользовался особеннымъ довѣріемъ и благорасположеніемъ императора Александра[178].

Одинъ изъ сослуживцевъ Чичагова (В. М. Головнинъ) оставилъ слѣдующую характеристику его: «Человѣкъ въ лучшихъ лѣтахъ му-

жества, балованное дитя счастія, все зналъ по книгамъ и ничего по опытамъ, всѣмъ и всегда командовалъ и никогда ни у кого не былъ подъ начальствомъ. Во всѣхъ дѣлахъ вѣрилъ самому себѣ болѣе всѣхъ; для остраго слова не щадилъ ни Бога, ни царя, ни ближняго. Самого себя считалъ способнымъ ко всему, а другихъ ни къ чему. Вотъ истинный характеръ того министра, который, соря деньгами, воображалъ, что дѣлаетъ морскія наши силы непобѣдимыми. Подражая слѣпо англичанамъ и вводя нелѣпыя новизны, мечталъ, что кладетъ камень величію русскаго флота. Наконецъ, испортивъ все, что оставалось еще добраго въ немъ (во флотѣ), и наскучивъ наглостію своею и расточеніемъ казны верховной власти, удалился, поселивъ презрѣніе къ флоту въ оной и чувство глубокаго огорченія въ морякахъ»[179]. Этотъ строгій до безпощадности отзывъ преисполненъ враждебности, но, тѣмъ не менѣе, многія намѣченныя здѣсь черты подтверждаются всею дѣятельностью Чичагова какъ по морскому управленію, такъ и во время командованія имъ арміею въ 1812 году.

Державинъ тоже недолго пробылъ министромъ юстиціи: всего годъ и одинъ мѣсяцъ. Онъ разссорился со всѣми министрами и сенаторами и вооружилъ противъ себя государя. Объясненія его при докладахъ кончились однажды тѣмъ, что Александръ сказалъ ему съ гнѣвомъ: «Ты меня всегда хочешь учить; я самодержавный государь и такъ хочу»[180]. Вскорѣ окончательная немилость выразилась въ указѣ 7-го октября 1803 года, по которому Державинъ получилъ увольненіе отъ всѣхъ дѣлъ[181].

Министромъ юстиціи былъ назначенъ князь Лопухинъ. Затѣмъ, 21-го октября того же года, послѣдовалъ указъ, по которому коммиссіи о составленіи законовъ повелѣно было состоять въ вѣдѣніи министра юстиціи; одновременно съ этимъ товарищемъ къ нему назначенъ былъ дѣйствительный камергеръ Новосильцовъ, который, сверхъ того, находился при его величествѣ при особо порученныхъ дѣлахъ.

Того же 21-го октября 1803 года послѣдовалъ еще указъ по личному составу высшей администраціи, которому суждено было сопровождаться въ будущемъ важными послѣдствіями: дѣйствительному камергеру, правящему должность оберъ-прокурора въ 1-мъ департаментѣ Сената, князю Александру Николаевичу Голицыну повелѣно быть статсъ-секретаремъ и оберъ-прокуроромъ Св. Синода[182].

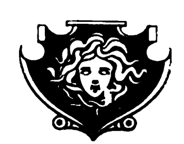
Назначеніе князя Голицына состоялось слѣдующимъ образомъ. Однажды за обѣдомъ въ Таврическомъ дворцѣ императоръ Александръ сказалъ князю: «Я очень бы желалъ, чтобъ ты занялъ мѣсто оберъ-прокурора въ Синодѣ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы преданный мнѣ и мой, такъ сказать, человѣкъ занималъ эту важную должность. Ты будешь непосредственно имѣть со мною дѣло, потому что вмѣстѣ съ симъ я

назначаю тебя и моимъ статсъ-секретаремъ. Знаю, что сперва тебѣ покажется дико это новое занятіе; но мнѣ совершенно извѣстны твои честныя правила, отъ которыхъ, равно какъ и отъ твоей добросовѣстности, я всего надѣюсь добраго»[183].

Послѣ нѣкотораго колебанія князю Голицыну оставалось только повиноваться. — «Ты можешь отговариваться какъ тебѣ угодно, но все же ты будешь синодскимъ оберъ-прокуроромъ», заключилъ государь[184].

Сдѣлавшись главнымъ представителемъ державной власти въ ея сношеніяхъ съ церковною властью, князь началъ, какъ онъ выражался, отправлять свою должность съ языческою, такъ сказать, добросовѣстностью. Новый родъ занятій незамѣтнымъ образомъ превратилъ князя Голицына въ другого человѣка. Будучи въ то время въ религіозныхъ вопросахъ вольнодумцемъ, преданнымъ вмѣстѣ съ тѣмъ самой разсѣянной свѣтской жизни, новый оберъ-прокуроръ постепенно перешелъ на новый путь, на которомъ ему суждено было, много лѣтъ спустя, играть вліятельную роль.

Вскорѣ послѣ своего воцаренія императоръ Александръ, какъ выше упомянуто нами, разрѣшилъ Радищеву пріѣздъ въ столицу, возвративъ ему чинъ коллежскаго совѣтника и владимірскій крестъ 4-й степени. Кромѣ того, Радищевъ былъ снова опредѣленъ на службу и поступилъ въ коммиссію о составленіи законовъ подъ начальство графа Завадовскаго. Дѣйствія новаго правительства возбудили въ немъ ложныя надежды, что теперь настала пора серьезныхъ реформъ; мысль объ освобожденіи крестьянъ снова овладѣла его помыслами, и въ разговорахъ съ графомъ Завадовскимъ онъ, не стѣсняясь, обнаружилъ свой свободный образъ сужденій. Графъ замѣтилъ ему однажды, что этотъ слишкомъ восторженный образъ мыслей уже разъ навлекъ на него несчастіе. Разсказываютъ, что Завадовскій обратился къ нему даже съ дружескимъ упрекомъ: «Эхъ, Александръ Николаевичъ, охота тебѣ пустословить попрежнему! или мало тебѣ Сибири?» — Пораженный этими словами опытнаго государственнаго дѣльца, Радищевъ сдѣлался задумчивъ, сталъ тревожиться, говорилъ, что до него добираются. Вдругъ, утромъ 11-го (23-го) сентября 1802 года, Радищевъ схватилъ большой стаканъ царской водки и выпилъ его разомъ. Участь несчастнаго страдальца была рѣшена, и въ первомъ часу пополуночи Радищевъ скончался[185].

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Мирныя отношенія, установившіяся между Французскою республикою и Англіею послѣ Аміенскаго договора, просуществовали недолго. Въ 1803 году взаимныя неудовольствія привели къ новому разрыву, и на этотъ разъ борьба продолжалась уже безъ перерыва до 1814 года. Одновременно съ этимъ новымъ усложненіемъ въ международныхъ отношеніяхъ произошелъ также рѣзкій переломъ въ личныхъ отношеніяхъ Александра къ первому консулу, вызванный, главнымъ образомъ, принятіемъ Бонапартомъ въ 1802 году пожизненнаго консульства. Послѣ этого рѣшительнаго шага Бонапарта на пути упроченія присвоенной себѣ власти, существовавшія дотолѣ симпатіи государя къ главѣ французскаго правительства подверглись сразу рѣзкому измѣненію. «Завѣса упала», писалъ Александръ Лагарпу: «онъ самъ лишилъ себя лучшей славы, какой можетъ достигнуть смертный и которую ему оставалось стяжать, — славы доказать, что онъ безъ всякихъ личныхъ видовъ ра-

боталъ единственно для блага и славы своего отечества, и, пребывая вѣрнымъ конституціи, которой онъ самъ присягалъ, сложить черезъ десять лѣтъ власть, которая была въ его рукахъ. Вмѣсто того онъ предпочелъ подражать дворамъ, нарушивъ вмѣстѣ съ тѣмъ конституцію своей страны. Нынѣ это знаменитѣйшій изъ тирановъ, какихъ мы находимъ въ исторіи»[186].

Еще въ 1801 году, передъ отъѣздомъ Лагарпа въ Россію, Фуше призвалъ его и началъ ему говорить о томъ, какъ бы онъ могъ быть полезенъ для установленія добраго согласія между императоромъ Александромъ и Бонапартомъ. Лагарпъ отвѣчалъ, что онъ готовъ содѣйствовать этому дѣлу, если Франція будетъ умѣренна въ своихъ сношеніяхъ съ Россіею. Когда затѣмъ Лагарпъ, въ апрѣлѣ 1802 года, готовился покинуть Петербургъ, императоръ Александръ написалъ въ его комнатѣ письмо первому консулу, прочелъ его и, запечатавъ, вручилъ своему другу. Въ этомъ письмѣ Александръ предлагалъ Бонапарту совмѣстно идти къ одной цѣли и сноситься обо всемъ съ Лагарпомъ, помимо министровъ. Принимая письмо, Лагарпъ сказалъ государю, что передастъ письмо только въ такомъ случаѣ, если найдетъ, что Бонапартъ хочетъ добра. По возвращеніи въ Парижъ Лагарпъ убѣдился, что первый консулъ заботится не о благѣ человѣчества, но о водвореніи своей безграничной власти на развалинахъ сокрушенной свободы. Отнынѣ, замѣчаетъ Лагарпъ, невозможны искреннія сношенія между Александромъ и Наполеономъ: со стороны перваго — законность, справедливость, либеральныя идеи и человѣколюбіе; со стороны второго — двуличіе, непомѣрное властолюбіе и преслѣдованіе либеральныхъ идей[187]. Неудивительно, что при такомъ воззрѣніи на дѣятельность перваго консула Лагарпъ не призналъ возможнымъ вступить въ непосредственныя сношенія съ Бонапартомъ; предназначенное же послѣднему письмо не вышло изъ рукъ неподкупнаго республиканца[188]. Изъ вышеприведенныхъ строкъ императора Александра, столь рѣзко осуждающихъ Бонапарта, видно, что въ этомъ вопросѣ между бывшимъ наставникомъ и его царственнымъ ученикомъ существовало полное единомысліе.

Непріязненныя чувства Александра къ Бонапарту, къ несчастью, поддерживались еще донесеніями графа Моркова, не стѣснявшагося въ проявленіи своихъ враждебныхъ отношеній къ главѣ французскаго правительства[189]. Въ 1803 году разладъ между ними дошелъ до того, что первый консулъ въ письмѣ къ императору Александру жаловался на Моркова, обвиняя его въ непріятномъ вмѣшательствѣ въ мелкія мѣстныя интриги (des petites intrigues du pays)[190]. Государственный канцлеръ, графъ А. Р. Воронцовъ, съ своей стороны, находилъ, что не слѣдуетъ дозволять первому консулу «кроить и перековеркивать, какъ похочетъ, на твердой землѣ»; Англію же онъ считалъ за ту «стѣну, что

Храмъ Сибиллы въ Пулавахъ.
Съ гравюры начала XIX столѣтія.

охраняетъ безопасность и независимость Европы и къ которой прислониться могутъ всѣ тѣ, кои о независимости своей еще помышляютъ». — Наконецъ, въ 1803 году, графъ Морковъ былъ отозванъ изъ Парижа, но вмѣстѣ съ тѣмъ награжденъ орденомъ св. Андрея, въ которомъ онъ и откланивался первому консулу 26-го ноября (8-го де-

кабря) въ Тюльерійскомъ дворцѣ. По отъѣздѣ графа Моркова повѣреннымъ въ дѣлахъ Россіи остался старшій изъ чиновниковъ посольства, Убри.

Разрывъ съ Франціею становился неизбѣжнымъ. Первый консулъ не замедлилъ доставить своимъ врагамъ удобный предлогъ къ этому. Отрядъ французскихъ войскъ увезъ изъ баденскихъ владѣній герцога Энгіенскаго, и 9-го (21-го) марта 1804 года послѣдній потомокъ Конде былъ разстрѣлянъ въ Венсенскомъ замкѣ; послѣ этого потрясающаго событія нельзя было болѣе сомнѣваться въ образованіи новой коалиціи противъ Франціи, душою которой явился императоръ Александръ. При русскомъ дворѣ былъ наложенъ трауръ, и государь выразилъ свое негодованіе по поводу кровавой расправы съ герцогомъ Энгіенскимъ въ двухъ протестахъ[191]. Въ нотѣ, переданной въ Регенсбургѣ германскому сейму, Россія приглашала всѣ нѣмецкія державы протестовать по поводу неприкосновенности предѣловъ Германіи. Въ Парижѣ 30-го апрѣля (12-го мая) русскій повѣренный въ дѣлахъ вручилъ Талейрану другую ноту, въ коей императоръ Александръ, выражая скорбь о судьбѣ, постигшей герцога Энгіенскаго, изъявлялъ надежду, что первый консулъ «почувствуетъ необходимость употребить самыя дѣйствительныя средства, чтобы успокоить всѣ правительства относительно только что внушенныхъ имъ опасеній и содѣйствовать прекращенію порядка вещей въ Европѣ, слишкомъ тревожнаго для ихъ безопасности и независимости, на которыя они имѣютъ неоспоримое право». Талейранъ, въ свою очередь, отвѣтилъ 4-го (16-го) мая рѣзкою нотою, содержаніе которой наносило императору Александру личное оскорбленіе, соединенное съ клеветою на англійское правительство[192]. На другой день, 5-го (17-го) мая, первый консулъ послалъ французскому послу при русскомъ дворѣ, генералу Гедувилю, приказаніе выѣхать изъ Петербурга 48 часовъ спустя по полученіи этого увѣдомленія. 6-го же (18-го) мая генералъ Бонапартъ былъ провозглашенъ императоромъ французовъ: на міровую сцену явился Наполеонъ.

Всѣ эти обстоятельства ускорили зарожденіе коалиціи, однако, тѣмъ не менѣе, императору Александру предстояло еще побѣдить немало затрудненій. Австрія хотя и стала обнаруживать склонность къ сближенію съ Россіею, но вмѣстѣ съ тѣмъ она не желала немедленнаго разрыва съ Франціею и старалась поддерживать миръ всѣми средствами; что же касается Пруссіи, то она еще болѣе уклонялась отъ всякаго рѣшительнаго, враждебнаго Наполеону шага.

Императоръ Александръ, желая подвинуть впередъ дѣло коалиціи, началъ держать въ разное время присланному къ нему австрійскому полковнику, барону Стутергейму, такія рѣчи[193]: «Этотъ человѣкъ дѣлается безумнымъ по мѣрѣ возрастанія малодушія французовъ. Я думаю, что онъ сойдетъ еще съ ума». — «Я желалъ бы, чтобы вы были на-сторожѣ.

Преступное честолюбіе этого человѣка желаетъ вамъ зла; онъ помышляетъ только о вашей гибели. Если европейскія державы желаютъ во что бы то ни стало погубить себя, я буду вынужденъ запереть всѣмъ свои границы, чтобы не быть увлеченнымъ ихъ погибелью. Впрочемъ, я могу оставаться спокойнымъ зрителемъ всѣхъ ихъ несчастій. Со мною ничего не случится; когда я захочу, я могу жить здѣсь; какъ въ Китаѣ. Я не понимаю малодушной политики Пруссіи; мы можемъ только насильственными мѣрами заставить ее принять рѣшеніе».

Воинственному обороту, принятому русской политикой, не мало способствовало еще слѣдующее обстоятельство. Въ началѣ 1804 года государственный канцлеръ, графъ А. Р. Воронцовъ, по болѣзни удалился отъ дѣлъ и уѣхалъ въ свое владимірское имѣніе; тогда явился вопросъ, кто замѣнитъ больного канцлера въ управленіи иностранными дѣлами. Государь болѣе всѣхъ настаивалъ на томъ, чтобы эту обязанность принялъ на себя товарищъ министра, князь Чарторижскій. «То было однимъ изъ тѣхъ капризовъ, какими часто задавался Александръ», пишетъ князь Адамъ, «и онъ не зналъ покоя, пока не удовлетворялъ ихъ. Когда подобная фантазія приходила ему въ голову, онъ постоянно возвращался къ ней, всѣми путями стремился къ ея достиженію. Умъ его не пытался разобрать, насколько она хороша или дурна, полезна или вредна. Его занимала одна мысль объ устраненіи всѣхъ препятствій. Достигнувъ же успѣха, онъ успокаивался, становился часто равнодушнымъ, иногда даже враждебнымъ тому, чего самъ такъ страстно добивался»[194]. Послѣ нѣкотораго колебанія Чарторижскій уступилъ настоятельнымъ просьбамъ своего царственнаго друга.

Рѣшеніе государя назначить поляка-патріота на одну изъ важнѣйшихъ должностей въ имперіи возбудило въ современномъ обществѣ и въ придворныхъ сферахъ сильнѣйшее неудовольствіе[195]. Князь Чарторижскій сознается въ своихъ запискахъ, что какое-нибудь почетное званіе не столько бы возмутило русскихъ людей, какъ привлеченіе его къ отвѣтственной государственной дѣятельности. «Полякъ», пишетъ онъ, «пользующійся полнымъ довѣріемъ императора и посвященный во всѣ дѣла, былъ явленіемъ, которое оскорбляло самыя закоренѣлыя ихъ понятія и чувства».

Когда князь Чарторижскій сталъ во главѣ управленія иностранными дѣлами, онъ рѣшился воспользоваться благопріятными обстоятельствами и при содѣйствіи коалиціонной войны противъ Наполеона осуществить свою любимую мечту, съ которою этотъ пылкій патріотъ никогда не разставался: возстановить Польшу въ предѣлахъ 1772 года, при условіи династической связи ея съ Россіею. Планъ Чарторижскаго, по существу, состоялъ въ слѣдующемъ: въ образованіи европейской коалиціи противъ Наполеона, въ возстановленіи Польскаго королевства, въ установленіи

династическаго союза его съ Россiею и въ возвращенiи королевству польскихъ областей, доставшихся Австрiи и Пруссiи при раздѣлахъ Рѣчи Посполитой.

Князь Чарторижскiй указывалъ Александру, что единственная политика въ грандiозномъ стилѣ, достойная такого монарха, заключается въ томъ, чтобы пробудить въ Европѣ чувство солидарности и уваженiя къ международному праву и, ставъ во главѣ коалицiи, поднять знамя во имя высшихъ принциповъ. Чтобы низвергнуть колосса, недостаточно присутствiя одной военной силы, а необходимо противопоставить политикѣ завоеванiя принципы справедливости и законности. Князь Чарторижскiй желалъ провести Александра по Европѣ съ этимъ знаменемъ въ рукахъ, какъ избавителя народовъ и какъ противника Наполеона, поправшаго по своему произволу династическiе законы и независимость народовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Чарторижскiй доказывалъ, что ключомъ положенiя, первымъ укрѣпленiемъ, которымъ необходимо заблаговременно овладѣть въ этой борьбѣ идеи и принциповъ, является Польша. Слѣдовательно, надо было прежде всего предупредить въ польскомъ вопросѣ инициативу Наполеона и провозгласить возстановленiе Польскаго королевства. Россiя сдѣлалась бы, такимъ образомъ, охранительницею международнаго права, порядка и свободы и внесла бы въ мiровую политику справедливость и евангельскiя начала.

Но для осуществленiя подобнаго фантастическаго плана руководителю русской политики предстояло преодолѣть, помимо нерѣшительнаго характера Александра, еще величайшiя затрудненiя и препятствiя[196]. Они были двоякаго рода: внутреннiя, исходившiя отъ людей и партiй въ Россiи, не сочувствовавшихъ предположенiямъ князя Чарторижскаго, и внѣшнiя, выдвигавшiяся преимущественно прусской дипломатiею. Князь Чарторижскiй, убѣжденный въ томъ, что политическая обстановка минуты требовала быстрыхъ и рѣшительныхъ дѣйствiй, говорилъ императору, что одинъ только Наполеонъ сознаетъ великое значенiе времени, и что онъ покоряетъ мiръ именно тѣмъ, что сразу облекаетъ въ дѣйствiе самые отважные замыслы противъ своихъ враговъ. Но императоръ Александръ уклонялся отъ рѣшительныхъ мѣръ въ духѣ политической программы князя Чарторижскаго, и время проходило въ безплодныхъ совѣщанiяхъ и переговорахъ; довольствовались, по заведенному обыкновенiю, полумѣрами.

Всего болѣе затрудняли Александра отношенiя къ Пруссiи; онъ все еще не терялъ надежды убѣдить Фридриха Вильгельма III въ необходимости добровольно присоединиться къ коалицiи, тогда какъ князь Чарторижскiй признавалъ войну съ Пруссiею залогомъ успѣха воинственной политики, направленной противъ Наполеона[197].

Самымъ влiятельнымъ противникомъ Чарторижскаго и его политической системы былъ въ то время князь Петръ Петровичъ Долго-

Клятва въ вѣчной дружбѣ императора Александра и короля Вильгельма III у гроба Фридриха Великаго.

Гравюра Мейера съ картины Катели.

руковъ, молодой генералъ-адъютантъ императора Александра. Пользуясь дружбой, которою его удостоивалъ государь, онъ старался, по мѣрѣ силъ, препятствовать планамъ польскаго магната[198]. Однажды, за царскимъ столомъ, онъ вступилъ въ жаркій споръ съ своимъ антагонистомъ и ска-

залъ ему: «Вы разсуждаете какъ польскій князь, а я разсуждаю какъ русскій князь». Чарторижскій поблѣднѣлъ и умолкъ [199].

Преслѣдуя разныя конечныя политическія цѣли, расходясь во взглядахъ на отношенія Россіи къ Пруссіи, оба князя сходились, однако, въ одномъ убѣжденіи: въ необходимости дѣйствовать оружіемъ противъ коронованнаго корсиканца. Первымъ шагомъ къ разрѣшенію политическихъ затрудненій была декларація, подписанная 25-го октября (6-го ноября) 1804 года, въ Петербургѣ, о тѣсномъ союзѣ Россіи съ Австріею [200]. Затѣмъ, 2-го (14-го) января 1805 года, заключенъ былъ союзный договоръ съ Швеціею, а 30-го марта (11-го апрѣля) съ Англіею. Наконецъ, Австрія, долго уклонявшаяся отъ послѣдняго рѣшительнаго шага, также приступила къ союзному договору Россіи съ Англіею особою деклараціею отъ 28-го іюля (9-го августа) [201]. Война стала отнынѣ уже неизбѣжною.

Распредѣленіе русскихъ вооруженныхъ силъ осенью 1805 года было слѣдующее:

Армія, сосредоточенная около Радзивилова, въ составѣ 50,000 человѣкъ, подъ начальствомъ генерала М. И. Голенищева-Кутузова, должна была слѣдовать черезъ Галицію на соединеніе съ австрійскими войсками въ Баваріи.

Армія, собранная на западной границѣ у Гродно и Брестъ-Литовска, въ числѣ 90,000 человѣкъ, подъ главнымъ начальствомъ генерала Михельсона, предназначалась для дѣйствій противъ Пруссіи. Она состояла изъ трехъ корпусовъ: одинъ, генерала барона Беннгсена, въ составѣ 40,000 человѣкъ, имѣлъ цѣлью демонстрацію противъ Пруссіи, а слѣдующіе два, графа Буксгевдена и Эссена, силою до 50,000 человѣкъ (въ томъ числѣ и гвардія), должны были дѣйствовать совокупно съ австрійцами, если Пруссія дозволитъ русскимъ двинуться черезъ Силезію въ Моравію. Въ противномъ случаѣ генералъ Михельсонъ уполномоченъ былъ обратить ихъ противъ Пруссіи.

Кромѣ того, 16,000 человѣкъ подъ начальствомъ графа П. А. Толстого были отправлены моремъ изъ Кронштадта въ Стральзундъ, чтобы угрожать Пруссіи съ сѣвера.

На Днѣстрѣ, на молдавской границѣ, сосредоточивался резервный корпусъ генерала Тормасова, численностью до 15,000 человѣкъ.

Войска, находившіяся на Іоническихъ островахъ, силою до 20,000 человѣкъ, предполагалось перевезти моремъ въ Неаполь.

Сверхъ сего, 6-го октября 1805 года, генералу Римскому-Корсакову повелѣно было приступить еще къ сформированію резервной арміи, предназначенной расположиться вдоль нашей западной границы отъ Полангена до Проскурова.

1-го сентября былъ объявленъ рекрутскій наборъ по четыре человѣка съ 500 душъ, и въ указѣ, данномъ по этому поводу Сенату, выставлены

слѣдующія побудительныя причины подготовлявшейся войны: «Среди происшествій, покой Европы столь сильно возмутившихъ, не могли мы взирать равнодушно на опасности, ей угрожающія. Безопасность имперіи нашей, достоинство ея, святость союзовъ и желаніе, единственную и непремѣнную цѣль нашу составляющее, водворить въ Европѣ на прочныхъ основаніяхъ миръ, рѣшили насъ двинуть нынѣ часть войскъ нашихъ за границу и сдѣлать къ достиженію намѣренія сего новыя усилія» [202].

9-го (21-го) сентября, въ осенній сумрачный день, императоръ Александръ прямо изъ Казанскаго собора отправился къ арміи, сосредоточенной на австрійской границѣ [203].

За нѣсколько дней до отъѣзда изъ Петербурга государь посѣтилъ извѣстнаго въ то время старца Севастьянова, жившаго въ Измайловскомъ полку. Онъ умолялъ императора не ѣздить и войны съ проклятымъ французомъ теперь не начинать — добру тутъ не быть. «Не пришла еще пора твоя», говорилъ старецъ: «побьетъ тебя и твое войско; придется бѣжать, куда ни попало; погоди, да укрѣпляйся, часъ твой придетъ; тогда и Богъ поможетъ тебѣ сломить супостата» [204].

Зловѣщему пророчеству суждено было вскорѣ исполниться съ буквальною точностью.

Въ поѣздкѣ императора Александра въ армію его сопровождали: оберъ-гофмаршалъ графъ П. А. Толстой, генералъ-адъютанты: графъ Ливенъ, князь П. П. Долгоруковъ и князь Волконскій, управлявшій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ князь Чарторижскій, тайные совѣтники Новосильцовъ и графъ П. А. Строгоновъ и лейбъ-хирургъ Виллie [205].

Императоръ, нагнавъ гвардію близъ Витебска, продолжалъ путь черезъ Могилевъ и 16-го (28-го) сентября прибылъ въ Брестъ-Литовскъ. Въ первый разъ послѣ Петра Великаго русскій государь являлся лично на театрѣ военныхъ дѣйствій. Эта рѣшимость показалась современникамъ событіемъ чрезвычайнымъ, но послѣдующія частыя и продолжительныя войны александровскаго царствованія пріучили ихъ къ этому явленію.

17-го (29-го) сентября Александръ направился изъ Бреста въ Пулавы, гдѣ онъ предполагалъ остановиться на нѣкоторое время въ семействѣ своего друга и министра. Здѣсь должна была рѣшиться судьба Европы.

Князь Чарторижскій поскакалъ впередъ, чтобы предупредить своихъ родителей о скоромъ пріѣздѣ императора. Ночью съ 17-го (29-го) на 18-е (30-е) сентября, въ два часа пополуночи, когда въ пулавскомъ дворцѣ всѣ уже спали, Александръ неожиданно прибылъ пѣшкомъ, забрызганный грязью, въ сопровожденіи еврея, освѣщавшаго дорогу фонаремъ. Запретивъ будить кого-либо въ домѣ, государь приказалъ провести себя въ приготовленные для него покои и тамъ, не раздѣваясь.

бросился на кровать и проспалъ такъ до семи часовъ утра[206]. Оказалось, что сопутствовавшіе императору, въ качествѣ проводниковъ, австрійскіе чиновники, преднамѣренно устранявшіе польскихъ обывателей отъ высокаго путешественника, сбились въ темнотѣ съ дороги и затѣмъ скрылись; къ довершенію несчастія, кучеръ зацѣпилъ за пень и сломалъ экипажъ. Государя выручилъ изъ бѣды еврей, везшій бочку съ водкой; у него оказались кремень и сальная свѣчка, и онъ вызвался провести государя по лѣснымъ тропинкамъ въ пулавскій дворецъ, отстоявшій оттуда на разстояніи полумили.

Утромъ родители князя Адама были приняты императоромъ Александромъ. «Мы застали его», пишетъ княгиня Чарторижская, «въ мундирѣ, прохаживающимся по комнатѣ съ сыномъ нашимъ Адамомъ. Мы выразили благодарность за честь, оказанную посѣщеніемъ нашего дома. На это онъ отвѣчалъ, что онъ намъ обязанъ еще большею благодарностью за то, что мы дали ему лучшаго друга въ жизни».

Это пребываніе императора Александра на польской землѣ, хотя и бывшей тогда австрійской территоріей, и сопровождавшія его политическія совѣщанія, происходившія въ резиденціи польскаго вельможи, становились европейскимъ событіемъ и пробуждали во всей Польшѣ справедливыя надежды, а въ Берлинѣ опасенія.

Императоръ изъявилъ желаніе познакомиться съ возможно большимъ числомъ поляковъ, и въ Пулавы стали стекаться изъ Варшавы и окрестностей, на смѣну однихъ другими, цѣлыя толпы гостей, стремившихся увидѣть русскаго императора. Согласно общему отзыву современниковъ, молодой двадцативосьмилѣтній императоръ своею поразительною красотою и своею чрезвычайною любезностью производилъ на всѣхъ чарующее впечатлѣніе; видѣвшіе его мужчины становились его горячими поклонниками; женщины же оставались въ восхищеніи отъ вѣнценоснаго рыцаря. Государь, являясь здѣсь только въ качествѣ друга семьи, отбросилъ ненавистный ему придворный этикетъ и придерживался его только въ присутствіи русскихъ военныхъ и дипломатическихъ чиновниковъ. Князь Адамъ, казалось, былъ тогда самымъ приближеннымъ лицомъ къ императору, который на каждомъ шагу отличалъ его отъ другихъ и не скупился на изъявленія своей искренней дружбы и полнаго довѣрія къ нему; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ разсыпался въ любезностяхъ къ его родителямъ и къ пулавскимъ гостямъ.

Каэтанъ Кожмянъ посвятилъ въ своихъ запискахъ впечатлѣнію, вынесенному имъ въ 1805 году изъ пребыванія въ Пулавахъ, слѣдующій восторженный отзывъ: «Если бы императоръ Александръ былъ частнымъ лицомъ, онъ все же оставался бы самымъ красивымъ, самымъ привѣтливымъ въ обращеніи и самымъ благовоспитаннымъ человѣкомъ въ мірѣ; поэтому можно себѣ представить, какое очаровательное впечатлѣніе про-

изводилъ этотъ самодержецъ могущественнѣйшаго государства, блиставшій всей красою расцвѣтающей весны и сдѣлавшійся съ начала своего царствованія предметомъ поклоненія своихъ подданныхъ и чужеземцевъ, надеждою всего человѣчества: онъ очаровывалъ тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе окружалъ себя блескомъ пышнаго двора».

Генералъ Савари.

Съ гравюры начала XIX столѣтія.

Ежедневно утромъ императоръ отправлялся верхомъ въ лагерь и производилъ смотры войскамъ. По возвращеніи во дворецъ онъ надѣвалъ статское платье и затѣмъ большую часть дня проводилъ среди собраннаго въ Пулавахъ общества. Обѣдъ происходилъ обыкновенно за общимъ столомъ въ большой залѣ дворца; князь Адамъ представлялъ вновь прибывшихъ лицъ государю, который каждому подавалъ руку; если же онъ сидѣлъ, то указывалъ мѣсто подлѣ себя и, имѣя всегда наготовѣ какое-нибудь привѣтливое слово, завязывалъ болѣе продолжительный разговоръ.

Иногда государь обѣдалъ въ семейномъ кругу, въ маленькихъ апартаментахъ[207]. Александръ съ присущимъ ему оттѣнкомъ меланхоліи, съ гамлетовскимъ раздумьемъ на лицѣ, искалъ среди пулавскаго общества забвенія отъ испытанныхъ имъ горестей и стремился къ ознакомленію съ польскимъ міромъ. Чарторижскіе почили, что надо показать ему этотъ міръ сквозь призму поэзіи, историческихъ воспоминаній и глубокой скорби о потерѣ самостоятельности.

Послѣ обѣда предпринимались прогулки и поѣздки по окрестностямъ, гдѣ изобрѣтательная княгиня Чарторижская заранѣе подготовляла какія-либо зрѣлища или сцены изъ народной жизни, чтобы развернуть и эту страницу сельской польской поэзіи передъ монархомъ, сочувствовавшимъ поэтическимъ и идиллическимъ картинамъ. Употреблены были все стараніе и искусство, чтобы Александръ всецѣло проникся польской атмосферой. Во время прогулокъ по саду посѣщали также храмъ Сивиллы, построенный въ 1798 году, съ надписью надъ входомъ: «прошедшее будущему»; въ этомъ храмѣ княгиня собрала памятники, относившіеся къ археологіи и исторіи Польши. Императоръ вписалъ свое имя въ книгу посѣтителей. Продолжительные разговоры объ искусствѣ, поэзіи, исторіи заканчивались обыкновенно воспоминаніями о минувшемъ величіи польскаго народа, объ испытанныхъ имъ несчастіяхъ и правахъ его на существованіе въ будущемъ. Казалось, что мечта о возрожденіи Польши принимала съ каждымъ днемъ въ умѣ Александра болѣе осязательный образъ[208].

Вникая ближе въ психологическій анализъ загадочной личности императора Александра, нельзя не замѣтить, что между нимъ и духовнымъ міромъ пулавскихъ обитателей было много общаго. Отмѣтимъ здѣсь нѣкоторыя свойственныя обѣимъ сторонамъ черты: преобладаніе чувствительности, идеальныхъ порывовъ, мечтательности, политическую идиллічность, характеризующія воспитанника Лагарпа, въ особенности въ первую эпоху его царствованія; именно этими свойствами изобиловалъ этотъ польскій центръ, гдѣ муза Делиля давала тонъ и вдохновляла, и гдѣ чуть ли не на каждомъ памятникѣ, на ряду съ девизами о спасеніи отечества, были вырѣзаны афоризмы о благоденствіи человѣчества. Однимъ словомъ, здѣсь нашлись и превосходная рама для нравственнаго облика императора, и обстановка, гармонировавшая съ личностью и характеромъ высокаго гостя.

Между тѣмъ вся Польша готова была возстать противъ Пруссіи и увеличить ряды русской арміи, ожидавшейся, какъ избавительница. Варшава волновалась и готовилась къ торжественной встрѣчѣ императора. Даже князь Іосифъ Понятовскій, всегда враждебно относившійся къ Россіи, приготовлялъ пріемъ для Александра въ своемъ замкѣ Вилановѣ, на тотъ случай, если онъ явится въ качествѣ врага Пруссіи, чтобы

Королева Луиза Пруссии

Съ портрета писаннаго Рихтеромъ (оригиналъ [illegible])

Т-во Голике и Вильборгъ.

[illegible] другу [illegible] маленькихъ анаф[illegible]
[illegible] ему оттѣнкомъ меланхоліи [illegible]
[illegible] пулавскаго общества
[illegible] къ ознакомленію
[illegible] надо показать ему
[illegible] воспоминаній и глубокой

[illegible] и старостами
[illegible] какія
[illegible] разнофасонныя
[illegible] сохранившаяся
[illegible] все
[illegible] польской атмо-
[illegible] храмъ Сивиллы
[illegible] [illegible]
[illegible] относившіеся
[illegible] свое имя въ книгу
[illegible] поэзіи, исторіи
[illegible] великій поль-
[illegible] на суще-
[illegible] Польши пре-
[illegible] болѣе усладительно.

[illegible] личности
[illegible] жизнь и душа
[illegible] Очѣнивая
[illegible] преобладаніе
[illegible] политическую сна-
[illegible] Лагарпа, въ особенности въ
[illegible] именно этими свойствами пользовать
[illegible] мужа [illegible] давали тонъ и вдохновляли, и
[illegible] на ряду съ дѣвками о спасеніи
[illegible] афоризмы о благоденствіи человѣчества.
[illegible] и превосходная для правственнаго
[illegible] и обстановка, гармонировавшая съ личностью и ха-
рактеро[illegible]

Ме[illegible] Польш[illegible] была въ [illegible] Пруссіи и
[illegible] какъ избавителя. Вар-
[illegible] торжественной встрѣчѣ императора.
[illegible] всегда враждебно относившійся къ
Россі[illegible] пріемъ [illegible] Александра въ своемъ замкѣ Пила-
[illegible] если онъ явится въ качествѣ [illegible] Пруссіи, чтобы

Королева Луиза Прусская.

Съ портрета писаннаго Рихтеромъ (оригиналъ находится въ Кельнѣ).

Т-во Голике и Вильборгъ.

Графъ Михаилъ Иларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ.

Съ гравюры Корделли.

провозгласить себя королемъ польскимъ. Въ Варшавѣ отношенія между пруссаками и поляками обострились до того, что, по современнымъ донесеніямъ, рыночныя торговки открыто говорили прусскимъ полицейскимъ чиновникамъ: «ваше царство недолговѣчно, русскіе придутъ, и мы васъ выгонимъ»[209].

Въ дипломатическихъ переговорахъ князь Чарторижскій также добился удовлетворительнаго результата. Въ Пулавы прибылъ изъ Вѣны

графъ Стадіонъ; императоръ Францъ ожидалъ спасенія отъ Россіи, и можно было разсчитывать, что Австрія не воспрепятствуетъ провозглашенію Александра королемъ польскимъ въ виду предназначавшагося ей вознагражденія—Силезіи и Баваріи. Въ Лондонѣ соглашались заставить Пруссію силою оружія присоединиться къ коалиціи, и Фоксъ писалъ, что, если враждебныя дѣйствія откроются противъ Пруссіи, нужно ихъ вести рѣшительно и не думать объ остальномъ[210]. Насколько императоръ Александръ, видимо, склонялся къ мысли о разрывѣ съ Пруссіею, можно судить по слѣдующему заявленію князя Чарторижскаго въ депешѣ его къ графу А. К. Разумовскому въ Вѣну, отъ 28-го сентября (10-го октября), посланной изъ Пулавъ: «Его величество твердо рѣшился начать войну противъ Пруссіи»[211].

Императоръ Александръ еще изъ Бреста послалъ своего любимца князя Долгорукова въ Берлинъ для довѣрительныхъ переговоровъ съ прусскимъ королемъ. Такимъ образомъ въ рукахъ непримиримаго антагониста князя Чарторижскаго сходились нити политики, способной въ конецъ разрушить задуманный имъ планъ переустройства карты Европы. Сначала Фридрихъ-Вильгельмъ упорствовалъ въ принятомъ первоначально рѣшеніи считать за объявленіе войны всякое посягательство Россіи на нейтралитетъ Пруссіи; но, когда было получено неожиданное извѣстіе, что французскія войска нарушили неприкосновенность прусскихъ владѣній въ Анспахѣ, король изъявилъ согласіе на проходъ русскихъ войскъ черезъ прусскую территорію. Это обстоятельство придало всему дѣлу неожиданную развязку: 4-го (16-го) октября императоръ Александръ объявилъ Чарторижскому намѣреніе ѣхать въ Козеницу, гдѣ находилась главная квартира генерала Михельсона, а оттуда безостановочно слѣдовать въ Берлинъ съ цѣлью склонить Пруссію немедленно присоединиться къ коалиціи. Такимъ образомъ намѣреніе идти съ войсками въ Варшаву не состоялось, и планы Чарторижскаго рушились. Недоразумѣнія же съ Пруссіею кончились циркулярнымъ предписаніемъ, даннымъ генераламъ Кутузову, Михельсону и Буксгевдену, сжечь немедленно всѣ политическія бумаги, въ которыхъ заключалось что-либо враждебное противъ этой державы, въ особенности же проектъ деклараціи противъ Пруссіи. На смѣну пулавской идилліи приближалась потсдамская мелодрама.

Въ Пулавахъ послѣ упоенія побѣдою и смѣлыми надеждами настала минута горькаго разочарованія. Князь Адамъ страдалъ болѣе всѣхъ, потому что испыталъ тройное разочарованіе — въ патріотическихъ надеждахъ, въ замыслахъ государственнаго человѣка и въ своихъ дружескихъ чувствахъ; это было первое и самое тяжелое разочарованіе, сопровождавшее дружескую связь князя Чарторижскаго съ императоромъ Александромъ[212]. Оказалось, что проявленіе личной дружбы къ семьѣ Чарторижскихъ и сочувствіе къ Польшѣ прикрывало только неустойчи-

вость собственныхъ намѣреній государя и колеблющееся довѣріе къ министру-другу. Въ этомъ случаѣ Александръ поступилъ согласно усвоенному имъ въ рѣшительныя минуты жизни образу дѣйствій: оставлять многое въ сомнѣніи, въ неопредѣленности, а затѣмъ внезапнымъ рѣшеніемъ въ противоположномъ духѣ и направленіи приводить всѣхъ въ недоумѣніе[213]. Чарторижскому было суждено ознакомиться съ этою чертою характера Александра въ 1805 году, прусскому же королю въ 1807 году, Наполеону въ 1809 году, а Сперанскому въ 1812 году. Одинъ только человѣкъ остался избавленнымъ отъ подобныхъ разочарованій,—это былъ графъ Аракчеевъ; для него одного во всемъ существовало исключеніе, непримѣнимое къ другимъ смертнымъ; но, къ сожалѣнію, именно это необычайное въ жизни Александра проявленіе постоянства принесло Россіи одни горькіе плоды.

Въ Козеницѣ, главной квартирѣ генерала Михельсона, государя встрѣтилъ графъ Калькрейтъ, и здѣсь условились относительно движенія русскихъ войскъ черезъ Силезію въ Моравію. Отказъ отъ враждебныхъ дѣйствій противъ Пруссіи имѣлъ послѣдствіемъ упраздненіе роли, предназначенной генералу Михельсону; онъ былъ отпущенъ въ Россію и получилъ затѣмъ, въ видѣ утѣшенія, андреевскую ленту.

13-го (25-го) октября императоръ Александръ при пушечной пальбѣ въѣхалъ въ Берлинъ. Весь гарнизонъ стоялъ подъ ружьемъ, а населеніе встрѣтило русскаго государя съ восторгомъ. Ряды приверженцевъ Франціи при прусскомъ дворѣ видимо рѣдѣли, и Александръ съ полнымъ успѣхомъ далъ ходъ врожденной способности плѣнять людей. Самъ король подчинился чарующему вліянію императора, который съ скромнымъ и благоговѣйнымъ вниманіемъ ухаживалъ за королевой, сочувствуя ея патріотическимъ мыслямъ и стремленіямъ. На долю князя Чарторижскаго, сопровождавшаго государя въ Берлинъ, выпала второстепенная роль; князь Долгоруковъ торжествовалъ побѣду и безбоязненно обличалъ передъ Александромъ предательскіе, по его убѣжденію, замыслы министра-поляка. Тѣмъ не менѣе, несмотря на благопріятную для коалиціи обстановку дѣлъ, вслѣдствіе общаго возбужденія умовъ противъ французовъ, успѣхъ, достигнутый въ Берлинѣ, въ политическомъ отношеніи, былъ болѣе чѣмъ умѣренный. 22-го октября (3-го ноября) подписана была потсдамская конвенція, по которой присоединеніе Пруссіи къ коалиціи было только условнымъ и предстояло еще въ далекомъ будущемъ въ томъ случаѣ, если Наполеонъ отвергнетъ посредничество короля для заключенія всеобщаго мира. Но даже такое условное содѣйствіе Пруссіи русской дипломатіи пришлось купить дорогою цѣною. Тайною статьею потсдамскаго договора Россія обязалась употребить всѣ старанія, чтобы утвердить за Пруссіей обладаніе Ганноверомъ. Такимъ образомъ, присоединеніе Пруссіи къ коалиціи окончательно лишало его

значенія «подвига безкорыстія», которое силился придать ему императоръ Александръ. «Предпринятая, во имя началъ права и справедливости, война монархической Европы съ Франціею обращалась просто-напросто въ борьбу изъ-за своекорыстныхъ выгодъ самихъ участниковъ коалиціи, за исключеніемъ, разумѣется, Россіи» [214].

Въ это время Наполеонъ нанесъ уже коалиціи рѣшительный ударъ плѣненіемъ подъ Ульмомъ, 8-го (20-го) октября, австрійской арміи генерала Макка; послѣ столь блистательнаго открытія кампаніи началось наступленіе французской арміи къ Вѣнѣ. Это неожиданное событіе побудило императора Александра поспѣшить къ своей арміи въ Моравію; поэтому на слѣдующій день по подписаніи конвенціи государь намѣревался покинуть Потсдамъ. Во время послѣдняго ужина Александръ выразилъ сожалѣніе, что оставляетъ Потсдамъ, не воздавши дани уваженія останкамъ великаго Фридриха. «На это еще хватитъ времени», отвѣтилъ король. Въ одиннадцать часовъ оба монарха и королева Луиза встали изъ-за стола; въ полночь они спустились въ склепъ, освѣщенный свѣчами. Подъ вліяніемъ душевнаго волненія Александръ прикоснулся устами къ славному гробу, поцѣловалъ его, протянулъ руку королю и королевѣ и поклялся имъ и королевскому дому въ вѣчной дружбѣ, залогомъ которой будетъ освобожденіе Германіи.

Отправляясь въ армію, императоръ заѣхалъ еще въ Веймаръ къ великой княгинѣ Маріи Павловнѣ и, пробывъ здѣсь три дня, 29-го октября (10-го ноября) черезъ Лейпцигъ выѣхалъ въ Дрезденъ. Вездѣ Александра ожидали торжественныя встрѣчи; народъ привѣтствовалъ его какъ избавителя Европы. Государь намѣревался продолжать путь черезъ Прагу, но извѣстіе о появленіи французскихъ разъѣздовъ въ Пильзенѣ побудило его повернуть на Бреславль, чтобы этою дорогою достигнуть конечной цѣли поѣздки — Ольмюца; здѣсь поджидалъ своего союзника императоръ Францъ.

Между тѣмъ успѣхи французскаго оружія продолжали возрастать въ ужасающей степени. Наполеонъ устремился къ Вѣнѣ, занялъ австрійскую столицу, захватилъ Дунайскій мостъ и выдвинулся къ Брюнну. Несмотря на критическое положеніе, въ которое Кутузовъ былъ поставленъ пораженіемъ Макка, онъ со славою совершилъ свое знаменитое отступленіе въ Моравію и, соединившись съ войсками графа Буксгевдена, сосредоточилъ въ позиціи подъ Ольшаномъ, впереди Ольмюца, до 86,000; изъ этого числа на австрійцевъ приходилось только 14,000 человѣкъ.

6-го (18-го) ноября императоръ Александръ прибылъ въ Ольмюцъ; онъ встрѣтилъ здѣсь обстановку далеко не радостную. Свидѣтель и участникъ печальныхъ событій 1805 года, графъ Ланжеронъ, пишетъ по этому поводу: «Я былъ пораженъ, подобно всѣмъ прочимъ генераламъ, холодностью и глубокимъ молчаніемъ, съ которымъ войска встрѣтили

Аустерлицкое сраженіе.

Съ картины Жерара.

императора»[215]. Разгадка этого отсутствія радостнаго воодушевленія была весьма простая. Войска голодали, не имѣли сапогъ; проявился упадокъ духа, и стала замѣтна нѣкоторая распущенность. Кромѣ того, это обстоятельство разстроило добрыя отношенія къ союзникамъ. Не получая ничего законнымъ образомъ, солдаты, претерпѣвая во всемъ крайнюю нужду, стали по необходимости прибѣгать къ грабежамъ и опустошеніямъ. Такіе безпорядки развивали взаимную вражду и положили начало непріязни къ австрійскимъ властямъ. Вслѣдствіе этого среди войскъ двухъ союзныхъ армій зарождался антагонизмъ, который вскорѣ дошелъ до открытаго обвиненія австрійцевъ въ измѣнѣ[216].

Ввиду намѣренія императора Александра оставаться при арміи князь Чарторижскій высказался противъ этого рѣшенія и совѣтовалъ предоставить Кутузову самостоятельное распоряженіе военными дѣйствіями. Мнѣніе Чарторижскаго не было уважено государемъ, и совѣты его произвели даже непріятное впечатлѣніе. Почтительныя представленія Кутузова о предстоявшемъ образѣ дѣйствій арміи еще менѣе понравились. По мнѣнію главнокомандующаго, слѣдовало избѣгать рѣшительнаго сраженія, какъ наиболѣе отвѣчавшаго интересамъ Наполеона, и продолжать держаться выжидательнаго образа дѣйствій, поджидая подкрѣпленія и избѣгая сложныхъ маневровъ. Такой осторожный планъ дѣйствій оскорблялъ тщеславіе Александра; дальнѣйшее бездѣйствіе въ кутузовскомъ смыслѣ казалось государю позоромъ.

Въ дѣйствительности, Кутузовъ являлся главнокомандующимъ только по имени; у него отнято было самостоятельное начальство надъ арміею. Положеніе его становилось крайне двусмысленнымъ. Онъ не имѣлъ власти и не пользовался уваженіемъ[217]. При такихъ обстоятельствахъ австрійскій генералъ-квартирмейстеръ Вейротеръ сдѣлался главнымъ совѣтникомъ Александра. Обладая вообще умѣньемъ поддѣлываться къ вліятельнымъ лицамъ, онъ вошелъ также въ довѣріе къ той молодежи, которая руководила главной квартирой союзной арміи и, въ особенности, къ князю Долгорукову[218]. Вспоминая много лѣтъ спустя о несчастномъ днѣ Аустерлицкаго сраженія, Александръ сказалъ: «Я былъ молодъ и неопытенъ; Кутузовъ говорилъ мнѣ, что намъ надо было дѣйствовать иначе, но ему слѣдовало быть въ своихъ мнѣніяхъ настойчивѣе». Едва ли проявленіе большей настойчивости со стороны Кутузова могло бы привести къ благопріятному результату и спасти союзниковъ отъ неминуемаго пораженія; голосъ безвластнаго главнокомандующаго остался бы гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Для уясненія полной безотрадности его печальнаго положенія достаточно привести слѣдующій примѣръ: однажды Кутузовъ, испрашивая приказанія государя относительно движенія арміи, получилъ отвѣтъ: «Cela ne vous regarde pas!» Упрекаютъ еще Кутузова въ томъ, что онъ, осужденный начальствовать при такой

невозможной обстановкѣ, не сложилъ съ себя званія главнокомандующаго. На это обвиненіе можно возразить, что сомнительно, чтобы ему дозволили отказаться отъ занимаемаго имъ мѣста; колеблясь между желаніемъ пожать лавры полководца и опасеніемъ неудачи, Александръ не пожелалъ бы уступить Кутузову славы въ случаѣ успѣха или же принять на себя отвѣтственность въ случаѣ пораженія.

Наполеонъ находился въ это время въ Брюннѣ и, сознавая затруднительность своего положенія въ случаѣ, если война затянется, отправилъ въ Ольмюцъ генерала Савари съ письмомъ къ императору Александру[219], чтобы поздравить государя съ прибытіемъ къ арміи. Савари не только не задержали на аванпостахъ, а допустили въ самую главную квартиру; появленіе въ Ольмюцѣ этого французскаго генерала принесло, однако, дѣлу коалиціи громадный вредъ. Въ сущности Савари имѣлъ порученіе высмотрѣть положеніе австро-русской арміи, въ особенности же ознакомиться съ настроеніемъ и образомъ мыслей главной квартиры, при чемъ онъ долженъ былъ притворно выразить опасеніе атаки со стороны союзниковъ; не трудно было посланному генералу убѣдиться въ слѣпой самоувѣренности пылкой и неопытной молодежи, съ княземъ Долгоруковымъ во главѣ, окружавшей императора Александра; сговорчивость же, высказанная Савари относительно открытія переговоровъ, послужила окончательнымъ поводомъ къ начатію предположеннаго наступленія[220]. Такимъ образомъ, цѣль посылки Савари была вполнѣ достигнута, и Наполеону удалось выманить союзниковъ на желанный имъ бой.

15-го (27-го) ноября началось наступленіе союзной арміи; она подвигалась въ величайшемъ порядкѣ: войскамъ приказано было идти въ одну ногу! На слѣдующій день произошло авангардное дѣло у Вишау, памятное тѣмъ, что здѣсь императоръ Александръ былъ впервые въ огнѣ: 56 эскадроновъ, поддержанные пѣхотою, прогнали 8 французскихъ эскадроновъ. Сначала государь въ веселомъ расположеніи духа слѣдовалъ за наступавшими колоннами, но когда пальба стихла, онъ шагомъ и безмолвно объѣзжалъ поле сраженія, всматриваясь, при помощи лорнета, въ лежавшія тѣла и приказывая подать помощь тѣмъ, въ комъ замѣчалъ искру жизни. Опечаленный зрѣлищемъ пораженныхъ смертью и ранами, государь весь день не вкушалъ пищи и къ вечеру почувствовалъ себя нездоровымъ. Успѣшная стычка у Вишау послужила къ возбужденію въ союзной главной квартирѣ еще большей самонадѣянности[221].

Наполеонъ немедленно приступилъ къ сосредоточенію своей нѣсколько разбросанной арміи. Съ цѣлью выиграть время онъ вторично послалъ генерала Савари къ императору Александру съ предложеніемъ перемирія и свиданія. Пользуясь этимъ случаемъ, Савари вновь провѣрилъ впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ посѣщенія Ольмюца, о слѣпой самонадѣянности, господствовавшей среди вліятельныхъ совѣтниковъ

главной квартиры. Александръ отклонилъ предложенное свиданіе, но послалъ для переговоровъ съ Наполеономъ своего довѣреннаго и любимаго генералъ-адъютанта князя Долгорукова. Но послѣднему не удалось проникнуть во французскую главную квартиру. Наполеонъ приказалъ задержать князя на линіи передовыхъ постовъ и вступилъ съ нимъ въ продолжительный разговоръ на большой дорогѣ. Впослѣдствіи Наполеонъ назвалъ князя Долгорукова «un freluquet impertinent», «ce polisson de Dolgorouki» и жаловался, что русскій посланный говорилъ съ нимъ, какъ съ бояриномъ, котораго собираются сослать въ Сибирь[222]. Разспросивъ о здоровьѣ императора Александра, Наполеонъ сказалъ: «Долго ли намъ воевать? Чего хотятъ отъ меня? За что воюетъ со мною императоръ Александръ? Чего требуетъ онъ? Пусть онъ распространяетъ границы Россіи на счетъ своихъ сосѣдей, особенно турокъ, тогда всѣ споры его съ Франціей кончатся». Князь Долгоруковъ сдѣлалъ видъ, что слушаетъ Наполеона съ отвращеніемъ, и отвергъ сдѣланныя имъ предложенія, какъ несовмѣстныя съ характеромъ императора Александра, не желавшаго завоеваній и вооружившагося только для защиты независимости Европы, не питая никакой вражды противъ Франціи. Далѣе Долгоруковъ говорилъ, что императоръ неможетъ равнодушно взирать на занятіе французами Голландіи, на бѣдствія, постигшія сардинскаго короля, не получившаго вознагражденія, обѣщаннаго ему договорами. «Россіи надо слѣдовать совсѣмъ другой политикѣ», отвѣтилъ Наполеонъ, «и помышлять о своихъ собственныхъ выгодахъ». Въ заключеніе Наполеонъ сказалъ: «Итакъ, будемъ драться». Не отвѣчая ни слова и во время свиданія не назвавъ Наполеона «императорскимъ величествомъ», князь Долгоруковъ сѣлъ на коня и отправился въ обратный путь.

Возвратившись къ императору Александру, князь Долгоруковъ представилъ донесеніе, существенныя черты котораго заключались въ замѣченныхъ имъ у французовъ мнимой нерѣшительности, робости и унынiи[223]. «Нашъ успѣхъ несомнѣненъ», утверждалъ Долгоруковъ: «стоитъ только идти впередъ, и непріятели отступятъ, какъ отступили они отъ Вишау».

Впечатлѣнія, вынесенныя княземъ Долгоруковымъ изъ пребыванія во французской передовой цѣпи, окончательно утвердили союзную главную квартиру въ увѣренности, что противника ожидаетъ неминуемое пораженіе. Рѣшено было атаковать французскую армію согласно плану, выработанному генераломъ Вейротеромъ; онъ заключался въ томъ, чтобы захватить путь отступленія Наполеона, обойдя его съ праваго фланга, и отрѣзать его отъ Вѣны. Но для исполненія этого сложнаго стратегическаго маневра потребовалось трое сутокъ, которыми Наполеонъ воспользовался въ совершенствѣ для сосредоточенія своихъ силъ и подготовки предстоявшаго боя.

Князь Петръ Петровичъ Долгоруковъ.
Съ портрета масляными красками, находящагося у Е. И. В. Великаго Князя Николая Михаиловича.

Наконецъ, въ полночь съ 19-го на 20-е ноября (2-го декабря), собраны были у Кутузова въ Кршеновицѣ главные начальники колоннъ, предназначенныхъ для атаки непріятеля. Генералъ Вейротеръ, разло-

Поле Аустерлицкаго сраженія въ настоящее время.

Съ современнаго рисунка.

живъ подробную карту окрестностей Брюнна и Аустерлица, приступилъ къ чтенію и разъясненію своей многорѣчивой диспозиціи. По разсказу очевидца, графа Ланжерона, онъ напоминалъ собою учителя, объясняющаго урокъ молодымъ школьникамъ. Кутузовъ тотчасъ погрузился въ

глубокій сонъ, въ чемъ и выразилась, въ этомъ случаѣ, вся его оппозиція плану, получившему уже одобреніе императора Александра. Графъ Буксгевденъ слушалъ чтеніе стоя и, какъ замѣчаетъ графъ Ланжеронъ въ описаніи этого совѣщанія, навѣрное ничего не понималъ. Милорадовичъ молчалъ[224], Пршибышевскій стоялъ сзади, и одинъ Дохтуровъ внимательно разсматривалъ карту.

Когда Вейротеръ окончилъ свою утомительную лекцію, ему возражалъ одинъ графъ Ланжеронъ. Онъ замѣтилъ: «Все это прекрасно, но, если непріятель насъ предупредитъ и атакуетъ въ Праценѣ, что мы будемъ дѣлать? Этотъ случай не предусмотрѣнъ» (Le cas n'est pas prévu). Вейротеръ отвѣчалъ: «Вамъ извѣстна смѣлость Бонапарта; если бы онъ могъ насъ атаковать, онъ это сдѣлалъ бы сегодня».—«Итакъ, вы полагаете, что онъ не силенъ?» возразилъ Ланжеронъ. — «У него никакъ не болѣе 40,000 человѣкъ», сказалъ Вейротеръ. — «Въ такомъ случаѣ», заключилъ Ланжеронъ, «выжидая атаку съ нашей стороны, онъ готовитъ себѣ гибель; но я считаю его слишкомъ искуснымъ, чтобы дѣйствовать столь неосмотрительно. Дѣйствительно, если мы отрѣжемъ его отъ Вѣны, какъ вы разсчитываете или полагаете это, то ему остается только одинъ путь отступленія—черезъ Богемскія горы. Но я предполагаю съ его стороны другой планъ; онъ потушилъ свои огни, и въ лагерѣ его слышно большое движеніе». Тогда Вейротеръ заключилъ споръ словами: «Значитъ, онъ отступаетъ или перемѣняетъ позицію; но, предполагая даже, что онъ займетъ позицію въ Турасѣ, онъ этимъ значительно облегчитъ намъ дѣло, а диспозиціи останутся безъ измѣненія».

Въ это время Кутузовъ проснулся и, отпустивъ собранныхъ генераловъ, поручилъ имъ оставить адъютантовъ, чтобы снять копіи съ диспозиціи, къ переводу которой съ нѣмецкаго приступилъ тогда майоръ Толь. Было около трехъ часовъ пополуночи. Можно было предвидѣть, что войска не получатъ диспозиціи своевременно; дѣйствительно, такъ и случилось. Нѣкоторые изъ частныхъ начальниковъ получили ее уже во время движенія къ предназначеннымъ мѣстамъ расположенія и пошли въ дѣло, не имѣя никакой возможности прочесть это пространное сочиненіе.

Между тѣмъ князь Долгоруковъ тревожился мыслью, что непріятель, пользуясь ночною темнотою, уйдетъ; объѣзжая ночью передовые посты, онъ приказывалъ наблюдать, по какой дорогѣ пойдутъ французы назадъ, говоря, что знаетъ навѣрное о рѣшеніи ихъ отступить.

Въ свитѣ императора Александра находился также графъ Аракчеевъ. Государь намѣревался поручить ему въ предстоявшемъ сраженіи начальство надъ одною изъ колоннъ, но графъ Алексѣй Андреевичъ пришелъ отъ предложенной ему чести предводительствовать войсками въ бою въ

неописанное волненіе и отклонилъ отъ себя столь лестное порученіе, ссылаясь на несчастную раздражительность своихъ нервовъ. Вѣроятно, графъ высказалъ свои опасенія съ достаточною убѣдительностью, потому что съ тѣхъ поръ государь отказался отъ мечты увѣнчать своего любимца военными лаврами и сдѣлать изъ него героя; за нимъ осталась только слава самоотверженнаго служенія на другомъ, болѣе безопасномъ кровавомъ полѣ — на полѣ военныхъ экзекуцій. Хотя нѣкоторые писатели и называютъ графа Аракчеева въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ Александра на Аустерлицкомъ полѣ сраженія, но это, по всей вѣроятности, недоразумѣніе; если же онъ и находился около императора, то лишь до начала самаго дѣла, которое разыгралось внезапно, противно предусмотрѣнію составителя диспозиціи. Затѣмъ о графѣ Аракчеевѣ ничего не было уже слышно, и имя его не встрѣчается ни въ донесеніяхъ, ни въ запискахъ очевидцевъ Аустерлицкаго боя. Въ позднѣйшихъ войнахъ графъ Аракчеевъ никогда не отважился, даже въ императорской свитѣ, показаться въ сраженіи въ чертѣ выстрѣловъ. Эта особенность служебнаго поприща графа Аракчеева блистательно подтвердилась во время походовъ 1813 и 1814 годовъ: онъ никогда не могъ совладать съ собою даже настолько, чтобы совершеніемъ столь скромнаго подвига выйти изъ разряда плацпарадныхъ генераловъ.

Настало утро 20-го ноября (2-го декабря), такъ нетерпѣливо ожидавшееся увѣренными въ побѣдѣ союзниками. Когда началось выступленіе войскъ согласно пагубной вейротеровской диспозиціи, густой туманъ покрывалъ мѣстность. Еще до солнечнаго восхода императоръ Александръ, сопровождаемый Кутузовымъ, подъѣхалъ къ бивуаку бригады генерала Берга (четвертой колонны). Они сошли съ лошадей и грѣлись у огня. «Что, твои ружья заряжены?» спросилъ государь у Берга. Когда генералъ Бергъ отвѣтилъ, что нѣтъ, государь приказалъ заряжать ружья. Изъ этихъ словъ генералъ Бергъ впервые узналъ, что въ тотъ день предстояло дѣло.

Генералъ Бергъ былъ еще свидѣтелемъ слѣдующаго замѣчательнаго разговора императора Александра съ Кутузовымъ, проливающаго яркій свѣтъ на невозможную обстановку, при которой разыгралось «странное событіе» 20-го ноября[225]. Когда императоръ Александръ снова сѣлъ на коня, онъ спросилъ Кутузова: «Ну, что, какъ вы полагаете, дѣло пойдетъ хорошо?».—Старый полководецъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ловкій царедворецъ, улыбаясь, отвѣтилъ: «Кто можетъ сомнѣваться въ побѣдѣ подъ предводительствомъ вашего величества».—Императоръ возразилъ: «Нѣтъ, вы командуете здѣсь, я только зритель». На эти слова Кутузовъ отвѣтилъ поклономъ. Когда же государь нѣсколько удалился, Кутузовъ обратился къ генералу Бергу и сказалъ ему по-нѣмецки: «Вотъ прекрасно! Я долженъ здѣсь командовать, когда я не распорядился

этою атакою, да и не хотѣлъ вовсе предпринимать ее»[226]. Услышавъ это, генералъ Бергъ двинулся съ войсками съ мрачнымъ предчувствіемъ предстоявшихъ намъ невзгодъ.

Михайловскій-Данилевскій приводитъ въ своей исторіи войны 1805 г. не менѣе характерный разговоръ императора Александра съ Кутузовымъ. Замѣтивъ въ четвертой колоннѣ, что ружья стоятъ въ козлахъ, государь спросилъ главнокомандующаго: «Михайло Ларіоновичъ! Почему не идете вы впередъ?».—«Я поджидаю», отвѣчалъ Кутузовъ: «чтобы всѣ войска колонны пособрались».—Императоръ сказалъ: «Вѣдь мы не на Царицыномъ лугу, гдѣ не начинаютъ парада, пока не придутъ всѣ полки».—«Государь!» отвѣчалъ Кутузовъ: «потому-то я и не начинаю, что мы не на Царицыномъ лугу. Впрочемъ, если прикажете...». Приказаніе было отдано[227]. Главная причина остановки четвертой колонны, независимо отъ вытягиванія и перекрещиванія третьей и пятой колоннъ, заключалась въ томъ, что Кутузовъ, вѣрно цѣня значеніе Праценскихъ высотъ, неохотно оставлялъ ихъ и подъ разными предлогами затягивалъ движеніе.

Наполеонъ не далъ союзникамъ времени спокойно привести въ исполненіе мудрыя предначертанія Вейротера. Онъ занялъ Праценскія высоты и, прорвавъ такимъ образомъ центръ союзныхъ войскъ, поставилъ тѣмъ своихъ противниковъ въ положеніе оборонительное, вовлекая ихъ въ случайный бой со всей присущей ему безпорядочностью. «Всѣ сознавали необходимость во что бы то ни стало вновь овладѣть высотами; всѣ стремились къ этой цѣли, но войска находились въ неудобномъ для боя порядкѣ (походномъ); общаго плана и общаго руководства свыше не было. Слѣдствіемъ этого былъ упорный, отчаянный двухчасовой бой (съ девяти до одиннадцати часовъ), состоявшій изъ ряда блестящихъ частныхъ атакъ, безъ внутренней связи между собою, и кончившійся разгромомъ центра»[228].

Слова, сказанныя Наполеономъ наканунѣ Аустерлицкаго сраженія, оправдались: «Если русскіе покинутъ Праценскія высоты, то они погибнутъ безповоротно».

Утвердившись на Праценскихъ высотахъ и занявъ ихъ сильною артиллеріею, Наполеонъ перешелъ къ рѣшительному наступленію противъ обоихъ фланговъ противника, окончательно рѣшившему участь дня. Къ вечеру союзная армія очутилась на дорогѣ въ Венгрію, потерявъ до 27,000 человѣкъ (въ томъ числѣ на русскихъ приходится 21,000) и 158 орудій (изъ нихъ 133 русскихъ). Сверхъ того, наша армія потеряла 30 знаменъ. Убыль французовъ доходила до 12,000 человѣкъ. Къ счастію побѣжденныхъ, преслѣдованіе французовъ было не такъ настойчиво, какъ могло бы быть.

Наполеонъ съ гордостью сознавалъ превосходство своихъ распоряженій подъ Аустерлицомъ. Онъ сказалъ по этому поводу: «J'ai livré

trente batailles, mais je n'en ai vu aucune où la victoire ait été si décidée et les destins si peu balancés».

До конечнаго пораженія четвертой колонны императоръ Александръ находился при ней. Подлѣ него ранило картечью лошадь Виллie; находившуюся саженяхъ въ тридцати позади государя заводную лошадь убило гранатою; въ двухъ шагахъ передъ нимъ упало ядро и осыпало его землею. Смятеніе во время боя было такъ велико, что находившіяся

Петръ Яковлевичъ Убри.
Съ гравированнаго портрета Тассара.

при императорѣ Александрѣ лица потеряли его изъ виду[229], разсѣялись въ различныя стороны и присоединились къ нему уже ночью, а нѣкоторыя черезъ день, даже черезъ два. Поэтому въ продолженіе большей части сраженія при государѣ находились только лейбъ-медикъ Виллie, берейторъ Ене, конюшій и два казака[230].

Майоръ Толь слѣдовалъ верхомъ съ бѣгущими войсками четвертой колонны и не мало удивился, увидѣвъ въ нѣкоторомъ разстояніи императора, который ѣхалъ по полю въ сопровожденіи Виллie и берейтора Ене. Толь не посмѣлъ приблизиться къ государю, но ему казалось опас-

нымъ оставлять его почти одного, и онъ не терялъ изъ виду всадниковъ, провожая ихъ издали. Незначительный полевой ровъ задержалъ нѣсколько императора и его спутниковъ. Александръ не былъ хорошимъ ѣздокомъ и колебался перескочить ровъ, отыскивая удобный переѣздъ, между тѣмъ какъ берейторъ, перескакивая ровъ, неоднократно старался показать, насколько это легко исполнить. Наконецъ лошадь государя послѣдовала за Ене, и препятствіе было побѣждено. Уже въ теченіе четырехъ дней, со времени дѣла при Вишау, Александру нездоровилось; теперь же онъ почувствовалъ такое разстройство физическое и нравственное, что не могъ ѣхать дальше. Онъ слѣзъ съ лошади, сѣлъ подъ деревомъ на землю, закрылъ лицо платкомъ и залился слезами; рѣзкій и внезапный переходъ отъ недавнихъ побѣдоносныхъ надеждъ къ послѣдовавшимъ затѣмъ потрясающимъ событіямъ былъ, конечно, весьма горекъ. Спутники государя въ смущеніи стояли подлѣ. Тогда Толь подъѣхалъ, слѣзъ съ лошади и присоединился къ нимъ. Видя продолжавшуюся горесть государя, Толь, послѣ нѣкотораго колебанія, подошелъ и старался утѣшить и ободрить своего монарха. Александръ выслушалъ Толя, отеръ слезы, всталъ, молча обнялъ его, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ далѣе къ Годьежицу[231]. Здѣсь государь случайно встрѣтился съ Кутузовымъ и, переговоривъ съ нимъ, за неимѣніемъ экипажа, продолжалъ слѣдовать верхомъ среди ночного ненастья по дорогѣ въ Чейчъ; но болѣе семи верстъ онъ проѣхать не могъ. Пришлось остановиться въ селеніи Уржицъ, гдѣ уже расположился на ночлегъ императоръ Францъ.

Государь пріютился въ крестьянской избѣ и провелъ ночь на соломѣ. Соединеніе нравственнаго и физическаго безпокойства, вызваннаго Аустерлицкимъ днемъ, усилили болѣзненное состояніе Александра; онъ жаловался на ознобъ и разстройство желудка. Вилліе хотѣлъ подкрѣпить больного глинтвейномъ, но не нашлось краснаго вина. Послали къ австрійскому оберъ-гофмаршалу Ламберти, который на обращенную къ нему просьбу отозвался, что императоръ Францъ почиваетъ, а безъ его приказанія онъ не можетъ касаться собственнаго императорскаго запаса. Выручили изъ бѣды казаки, у которыхъ оказалось немного вина; былъ изготовленъ горячій напитокъ, который, съ прибавкою капель опіума, доставилъ облегченіе страждущему государю[232]. Послѣ успокоительнаго сна, Александръ сѣлъ на коня и поѣхалъ въ Чейчъ. Появленіе государя обрадовало войска, такъ какъ разнеслась вѣсть, будто онъ былъ раненъ.

Наполеонъ не замедлилъ распространить басню, что императоръ Александръ, будучи окруженъ послѣ Аустерлицкаго сраженія войсками маршала Даву, неминуемо попался бы въ плѣнъ, если бы великодушный противникъ его не предоставилъ ему возможности спастись—и все это было сдѣлано изъ уваженія къ другу перваго консула (L'Empereur voulant respecter l'ami du Premier Consul). Ближайшій разборъ обстановки

21-го ноября (3-го декабря) приводитъ, напротивъ того, къ заключенію, что это одна изъ самыхъ наглыхъ выдумокъ, которыми когда-либо пытались обогатить исторію. Въ запискѣ, продиктованной по этому случаю Наполеономъ Фэну (Fain), онъ утверждаетъ, что положеніе, занятое маршаломъ Даву, было таково, что, внѣ всякаго сомнѣнія, ни одинъ русскій не могъ бы спастись, начиная съ императора и кончая послѣднимъ барабанщикомъ (depuis l'Empereur jusqu'au dernier tambour)[233]. Все это до крайности преувеличено Наполеономъ; конечно, при болѣе настойчивомъ преслѣдованіи, послѣ разгрома союзной арміи, побѣдитель могъ бы добиться еще болѣе плачевныхъ для насъ результатовъ боя 20-го ноября; но отъ подобнаго бѣдствія до плѣненія императора Александра еще далеко. Во всякомъ случаѣ государь имѣлъ полную возможность достигнуть Гединга и перейти Мархъ ранѣе занятія здѣсь переправы войсками маршала Даву.

Военныя дѣйствія не замедлили прекратиться. 22-го ноября (4-го декабря) состоялось свиданіе императора Франца съ Наполеономъ, послѣ котораго было заключено перемиріе для обѣихъ союзныхъ армій съ тѣмъ, чтобы русскія войска немедленно очистили австрійскія владѣнія. Императоръ Александръ предоставилъ австрійскому монарху полную свободу дѣйствій, требуя только одного, чтобы Россію не впутывали въ переговоры. Что же касается до выхода русскихъ войскъ изъ австрійскихъ областей, то государь словесно изъявилъ свое согласіе по этому предмету генералу Савари, присланному Наполеономъ для переговоровъ въ Голичъ.

Александръ разстался съ своимъ бывшимъ союзникомъ въ Голичѣ 27-го ноября (9-го декабря) и поѣхалъ черезъ Тренчинъ и Тешенъ въ Россію. Въ тотъ же день Кутузовъ выступилъ съ своими войсками черезъ Кашау въ Лембергъ и оттуда прибылъ въ Радзивиловъ 26-го декабря 1805 года (7-го января 1806 года). Гвардія возвратилась въ Петербургъ только 9-го (21-го) апрѣля 1806 года. Въ рядахъ русской арміи не досчитывалось болѣе 25,000 человѣкъ; но для Россіи, какъ выразился графъ де-Местръ, это была только капля крови[234].

Передъ отъѣздомъ въ Россію императоръ Александръ отправилъ къ королю Фридриху-Вильгельму письмо, въ которомъ государь отдавалъ въ полное распоряженіе Пруссіи корпуса графа Толстого и Бенигсена. Выразивъ надежду, что королю удастся войти въ соглашеніе съ Франціею, Александръ присовокупилъ: «Dans tous les cas et à tout jamais je suis prêt à la soutenir (т. е. Пруссію) de toutes mes forces, et ma personne même est à ses ordres»[235]. Это письмо поручено было отвезти въ Берлинъ генералъ-адъютанту князю Долгорукову; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ передать королю словесно подробности послѣднихъ событій. Но Аустерлицкое побоище не наставило князя Долгорукова на путь истины,

и онъ остался тѣмъ же «freluquet», какимъ его призналъ Наполеонъ. Князь Петръ Петровичъ обвинилъ въ испытанной нами неудачѣ однихъ лишь австрійцевъ и даже приписалъ ее ихъ измѣнѣ; онъ увѣрилъ короля, что распоряженія Наполеона передъ 20-мъ ноября основывались на знаніи имъ нашихъ предположеній; по его словамъ, австрійцы, желая во что бы то ни стало мира, преднамѣренно погубили нашу армію[236].

Между тѣмъ Наполеонъ не переставалъ изыскивать средства для сближенія съ Россіею. Отпуская плѣннаго полковника кавалергардскаго полка князя Репнина, онъ поручилъ ему передать императору Александру дословно слѣдующее: «Для чего мы воюемъ другъ съ другомъ? Если бы онъ выслушалъ мои предложенія и согласился бы на свиданіе между аванпостами, я покорился бы прекрасной душѣ его. Онъ выяснилъ бы мнѣ свои намѣренія относительно мира въ Европѣ, я и согласился бы съ нимъ; но вмѣсто себя онъ прислалъ дерзкаго вѣтреника (un freluquet impertinent), который осмѣлился наговорить дерзостей предводителю французской арміи среди ея колоннъ. Что же вышло? Мы сразились, и теперь я имѣю право объявить свою волю. Но мы можемъ еще сблизиться; пусть онъ пришлетъ мнѣ уполномоченнаго въ Вѣну, но только не изъ тѣхъ царедворцевъ, какіе находятся въ его главномъ штабѣ. Истина далека отъ монарховъ; Александръ родился на престолѣ, а я самъ сдѣлался монархомъ, и то мои прежніе товарищи, мои прежніе начальники не смѣютъ говорить мнѣ правды»[237].

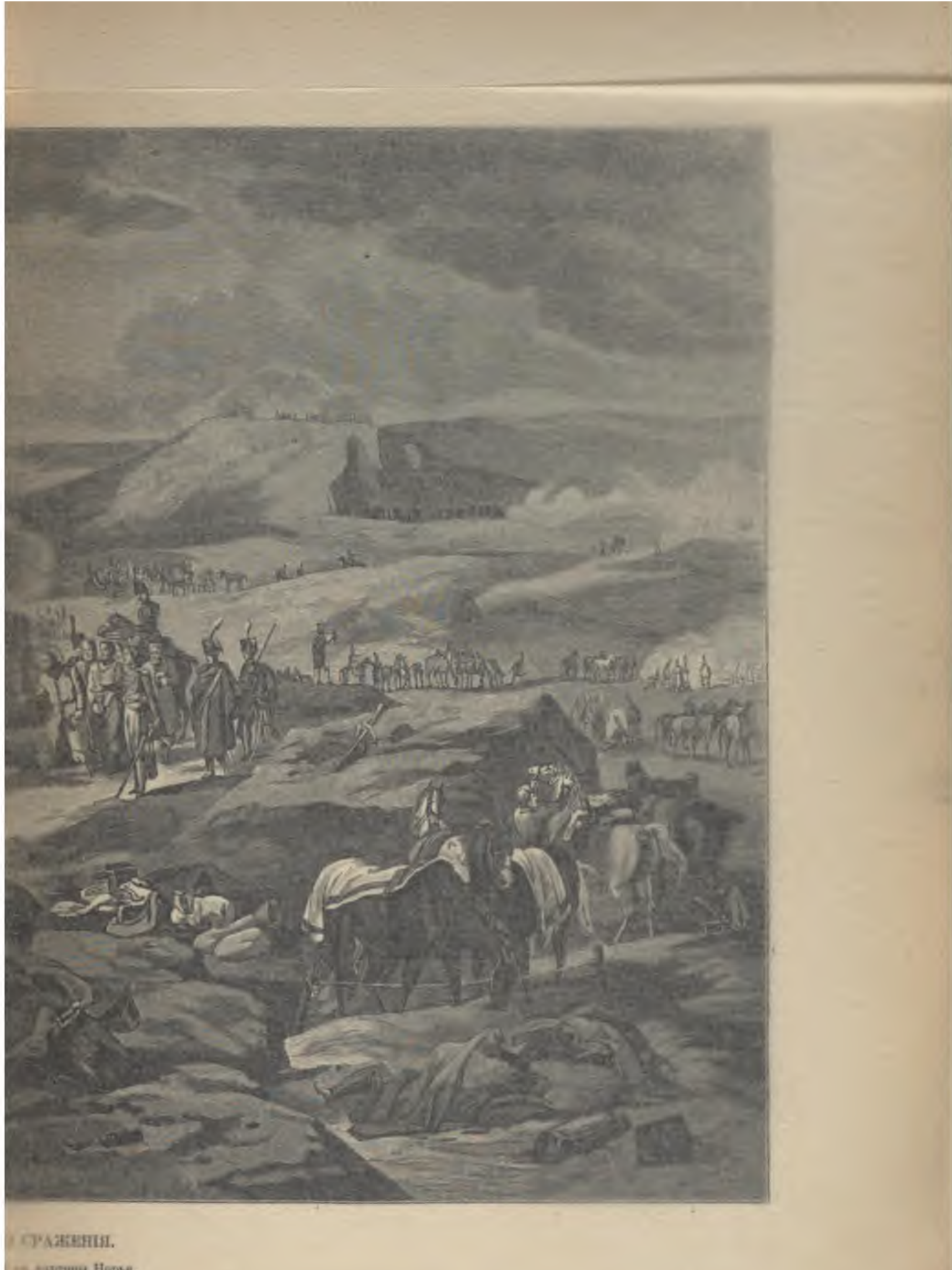
Послѣ Аустерлицкаго пораженія князь Чарторижскій убѣждалъ императора Александра начать переговоры о мирѣ совмѣстно съ императоромъ Францомъ; онъ справедливо полагалъ, что Наполеонъ поставитъ Австріи менѣе стѣснительныя условія, когда будетъ имѣть дѣло съ двумя союзными державами; кромѣ того, онъ совѣтовалъ, въ виду распаденія коалиціи, искать сближенія съ Наполеономъ. Доводы князя Адама не удостоились одобренія со стороны государя, и поступлено было какъ разъ въ противоположномъ смыслѣ. Такимъ образомъ богатый событіями 1805 годъ безпрепятственно закончился полнымъ торжествомъ Наполеона: 3-го (15-го) декабря графъ Гаугвицъ подписалъ въ Шенбрунѣ отъ имени Пруссіи оборонительный и союзный договоръ съ Франціею, принявъ отъ нея въ даръ Ганноверъ, принадлежавшій Англіи, а 14-го (26-го) декабря Австрія заключила тягостный и унизительный для нея Пресбургскій мирный договоръ, по которому она окончательно утратила свое первенство въ Германіи.

Возвращеніе императора Александра въ Петербургъ послѣдовало 9-го (21-го) декабря[238]. Вскорѣ затѣмъ, 13-го декабря, кавалерская Дума св. Георгія, будучи преисполнена благоговѣнія къ великимъ подвигамъ, которыми монархъ лично подавалъ примѣръ войску своему противъ непріятеля, одушевляя его собственнымъ присутствіемъ во всѣхъ

УТРО АУСТЕР

Съ гравюры Шарона,

СРАЖЕНІЯ.

съ картины Норье.

опасностяхъ, осмѣлилась просить его величество возложить на себя знаки ордена св. Георгія и тѣмъ возвысить цѣну воздаянія, установленнаго въ честь и ободреніе россійскому воинтельному духу. Старшій кавалеръ, генералъ князь Прозоровскій, поднесъ всеподданнѣйшій докладъ, а канцлеръ князь Куракинъ знаки ордена перваго класса. Императоръ препоручилъ имъ благодарить Думу «за вниманіе ея къ такимъ дѣяніямъ его, которыя онъ почитаетъ своею обязанностію», и объявить, «что знаки перваго класса сего ордена должны быть наградою за распоряженія начальственныя, что онъ не командовалъ, а храброе войско свое привелъ на помощь своего союзника, который всѣми онаго дѣйствіями распоряжалъ по собственнымъ своимъ соображеніямъ, и что потому не думаетъ онъ, чтобы все то, что онъ въ семъ случаѣ сдѣлалъ, могло доставить ему сіе отличіе; что во всѣхъ подвигахъ своихъ раздѣлялъ онъ токмо неустрашимость своихъ войскъ и ни въ какой опасности себя отъ нихъ не отдѣлялъ, и что сколько ни лестно для него изъявленное кавалерскою Думою желаніе, но, имѣвъ еще единственный случай оказать личную свою храбрость, и въ доказательство, сколь онъ военный орденъ уважаетъ, находитъ теперь приличнымъ принять только знакъ четвертаго класса онаго».

Современникъ пишетъ: «Аустерлицкая баталія сдѣлала великое вліяніе надъ характеромъ Александра, и ее можно назвать эпохою въ его правленіи. До того онъ былъ кротокъ, довѣрчивъ, ласковъ, а тогда сдѣлался подозрителенъ, строгъ до безмѣрности, неприступенъ и не терпѣлъ уже, чтобы кто говорилъ ему правду; къ одному графу Аракчееву имѣлъ полную довѣренность, который по жестокому своему свойству приводилъ государя на гнѣвъ и тѣмъ отвлекъ отъ него людей, истинно любящихъ его и Россію»[239].

Неудовольствіе и гнѣвъ императора Александра противъ нѣкоторыхъ изъ участниковъ сраженія 20-го ноября не замедлили обнаружиться. Графу Ланжерону государь разрѣшилъ просить увольненія отъ службы. Генералъ Пршибышевскій, взятый въ плѣнъ, былъ по возвращеніи въ Россію отданъ подъ судъ и разжалованъ въ солдаты. Та же участь постигла генерала Лошакова. Штабъ- и оберъ-офицерамъ Новгородскаго мушкетерскаго полка было приказано носить шпаги безъ темляковъ, нижнимъ чинамъ тесаковъ не имѣть, а къ сроку службы ихъ было прибавлено по пяти лѣтъ. Имена офицеровъ и солдатъ, найденныхъ въ вагенбургѣ, были обнародованы и, сверхъ того, они лишились нѣкоторыхъ служебныхъ правъ.

Хотя Кутузовъ и былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра первой степени и назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Кіевъ, но Аустерлицкое сраженіе окончательно лишило его расположенія къ нему государя. Въ послѣдовавшихъ за 1805 годомъ ближайшихъ войнахъ онъ

опасностяхъ, осмѣлилась просить его величество возложить на себя знаки ордена св. Георгія и тѣмъ возвысить цѣну воздаянія, установленнаго въ честь и ободреніе россійскому воительному духу. Старшій кавалеръ, генералъ князь Прозоровскій, поднесъ всеподданнѣйшій докладъ, а канцлеръ князь Куракинъ знаки ордена перваго класса. Императоръ препоручилъ имъ благодарить Думу «за вниманіе ея къ такимъ дѣяніямъ его, которыя онъ почитаетъ своею обязанностію», и объявить, «что знаки перваго класса сего ордена должны быть наградою за распоряженія начальственныя, что онъ не командовалъ, а храброе войско свое привелъ на помощь своего союзника, который всѣми онаго дѣйствіями распоряжалъ по собственнымъ своимъ соображеніямъ, и что потому не думаетъ онъ, чтобы все то, что онъ въ семъ случаѣ сдѣлалъ, могло доставить ему сіе отличіе; что во всѣхъ подвигахъ своихъ раздѣлялъ онъ токмо неустрашимость своихъ войскъ и ни въ какой опасности себя отъ нихъ не отдѣлялъ, и что сколько ни лестно для него изъявленное кавалерскою Думою желаніе, но, имѣвъ еще единственный случай оказать личную свою храбрость, и въ доказательство, сколь онъ военный орденъ уважаетъ, находитъ теперь приличнымъ принять только знакъ четвертаго класса онаго».

Современникъ пишетъ: «Аустерлицкая баталія сдѣлала великое вліяніе надъ характеромъ Александра, и ее можно назвать эпохою въ его правленіи. До того онъ былъ кротокъ, довѣрчивъ, ласковъ, а тогда сдѣлался подозрителенъ, строгъ до безмѣрности, неприступенъ и не терпѣлъ уже, чтобы кто говорилъ ему правду; къ одному графу Аракчееву имѣлъ полную довѣренность, который по жестокому своему свойству приводилъ государя на гнѣвъ и тѣмъ отвлекъ отъ него людей, истинно любящихъ его и Россію»[239].

Неудовольствіе и гнѣвъ императора Александра противъ нѣкоторыхъ изъ участниковъ сраженія 20-го ноября не замедлили обнаружиться. Графу Ланжерону государь разрѣшилъ просить увольненія отъ службы. Генералъ Пршибышевскій, взятый въ плѣнъ, былъ по возвращеніи въ Россію отданъ подъ судъ и разжалованъ въ солдаты. Та же участь постигла генерала Лошакова. Штабъ- и оберъ-офицерамъ Новгородскаго мушкетерскаго полка было приказано носить шпаги безъ темляковъ, нижнимъ чинамъ тесаковъ не имѣть, а къ сроку службы ихъ было прибавлено по пяти лѣтъ. Имена офицеровъ и солдатъ, найденныхъ въ вагенбургѣ, были обнародованы и, сверхъ того, они лишились нѣкоторыхъ служебныхъ правъ.

Хотя Кутузовъ и былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра первой степени и назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Кіевъ, но Аустерлицкое сраженіе окончательно лишило его расположенія къ нему государя. Въ послѣдовавшихъ за 1805 годомъ ближайшихъ войнахъ онъ

долго оставался безучастнымъ зрителемъ; пребываніе въ Кіевѣ служило для Кутузова какъ бы почетной ссылкой.

Итакъ, 1805 годъ принесъ императору Александру чувствительныя огорченія. Онъ, который мечталъ о политическихъ и военныхъ подвигахъ, при первомъ же появленіи на аренѣ великихъ европейскихъ событій отступился отъ явно покровительствуемаго имъ польскаго дѣла, которое вскорѣ перешло въ руки Наполеона, и позволилъ Пруссіи обмануть себя, не добившись отъ нея никакихъ уступокъ и существенной помощи. Стремясь къ военной славѣ и жертвуя собою на полѣ сраженія, онъ, во главѣ русской арміи, испыталъ небывалое въ лѣтописяхъ ея ужасающее пораженіе, покинулъ союзника, не сблизился съ противникомъ и добровольно устранилъ себя отъ участія въ новомъ переустройствѣ Европы.

Пребываніе Александра въ Пулавахъ вызвало, конечно, горькое разочарованіе среди лицъ, введенныхъ въ заблужденіе насчетъ истинныхъ намѣреній его; но, тѣмъ не менѣе, оно оставило по себѣ неизгладимыя воспоминанія. Очарованіе, произведенное личностью императора Александра, было такъ велико, что заставило позабыть политическія заблужденія и огорченія минуты, поддерживая надежду, что онъ когда-нибудь, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, снова обратится къ покинутому имъ дѣлу. Незначащій самъ по себѣ фактъ послужилъ какъ бы подтвержденіемъ этому. Императоръ прислалъ изъ Петербурга пулавскимъ владѣльцамъ стеклянную плиту, предназначенную для помѣщенія въ сводѣ надъ храмомъ Сибиллы. Этотъ даръ долженъ былъ служить залогомъ, что, несмотря на измѣнчивость судьбы, монархъ остался неизмѣннымъ къ своей дружбѣ и желаетъ помѣстить въ храмѣ польскихъ воспоминаній свой даръ на такомъ мѣстѣ, откуда бы онъ свѣтилъ свыше лучомъ надежды.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

По ОКОНЧАНІИ первой войны съ Наполеономъ заботы императора Александра неизбѣжно обратились на усиленіе оборонительныхъ средствъ государства. Необходимо было немедленно принять мѣры для укомплектованія арміи, сильно разстроенной продолжительнымъ походомъ и появившимися затѣмъ болѣзнями; матеріальная часть также нуждалась въ неусыпномъ попеченіи. А между тѣмъ политическая обстановка представляла мало надежды на сохраненіе мира; новая война «противъ общаго врага тишины Европы» становилась съ каждымъ днемъ болѣе вѣроятною.

Князь Долгоруковъ, находясь въ Берлинѣ, долго не могъ узнать сущности состоявшагося между Пруссіею и Франціею соглашенія; все это дѣло велось въ глубочайшей тайнѣ. Послѣ дружескаго письма императора Александра, отправленнаго къ королю изъ Голича, такой образъ дѣйствій берлинскаго кабинета, въ распоряженіе котораго были даны рус-

скія войска, долженъ былъ казаться, по меньшей мѣрѣ, страннымъ даже такому стороннику прусскаго двора, какимъ постоянно являлся князь Долгоруковъ. Оказалось, что король, послѣ нѣкотораго колебанія, утвердилъ съ разными оговорками договоръ, заключенный въ Шенбрунѣ графомъ Гаугвицемъ, первая статья котораго обязывала Пруссію не отдѣляться отъ Франціи и всѣми силами помогать ей во всѣхъ войнахъ; но до времени все это скрывалось отъ наиболѣе заинтересованной въ этомъ дѣлѣ державы — Россіи. Наконецъ, въ исходѣ 1805 года, король почувствовалъ потребность оправдать въ глазахъ императора Александра усвоенный имъ образъ дѣйствій, и рѣшено было отправить въ Петербургъ для личныхъ объясненій герцога Карла Брауншвейгскаго. Въ письмѣ къ императору Александру отъ 26-го декабря 1805 года (7-го января 1806 года) король писалъ: «Вы знаете, что для меня существуютъ отношенія, передъ которыми исчезаютъ всѣ интересы. Пусть же они останутся вамъ столь же дороги, какъ и мнѣ! Но я былъ бы неблагодаренъ, выказывая сомнѣніе въ этомъ!»[240].

Князь Чарторыжскій имѣлъ мужество предостеречь императора Александра противъ льстивыхъ внушеній его личнаго друга и указать на вредъ, проистекавшій для Россіи отъ тѣснаго сближенія съ Пруссіей. Онъ изложилъ свои мысли и соображенія въ запискѣ отъ 17-го (29-го) января 1806 года[241], въ которой представилъ государю замѣчательную характеристику прусской политики; въ заключеніе князь Адамъ высказывалъ увѣренность, что, «довѣряясь Пруссіи и слѣпо подчиняясь ея внушеніямъ, Россія готовитъ себѣ неминуемую гибель».

Никакіе доводы не могли, однако, поколебать сердечнаго влеченія императора Александра къ прусскому двору. Онъ увѣрилъ герцога Брауншвейгскаго въ непоколебимой привязанности къ прусской монархіи и вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ надежду, что соглашеніе берлинскаго кабинета съ Наполеономъ не станетъ въ противорѣчіе съ прежними обязательствами Пруссіи передъ Россіею. Но не успѣлъ герцогъ Брауншвейгскій выѣхать изъ Россіи, какъ король увѣдомилъ его, что, вопреки ожиданіямъ, Наполеонъ не утвердилъ оговорокъ прусской ратификаціи заключеннаго въ Шенбрунѣ договора, что посланный въ Парижъ графъ Гаугвицъ былъ вынужденъ подписать тамъ новый договоръ, еще тѣснѣе прежняго связывавшій Пруссію съ Франціею, и что подъ гнетомъ роковой необходимости договоръ уже ратификованъ въ Берлинѣ. Когда герцогъ явился съ этою неожиданною вѣстью къ государю, онъ выразилъ рѣшимость выждать извѣщенія о взглядахъ короля на будущія отношенія Пруссіи къ Россіи. Фридрихъ-Вильгельмъ поспѣшилъ сообщить государю, что онъ готовъ подписать декларацію, имѣющую цѣлью успокоить Россію относительно новаго направленія прусской политики. Между тѣмъ обстоятельства заставили короля уволить барона Гарденберга отъ упра-

Наполеонъ въ сраженіи при Іенѣ.

Съ картины Ораса Верне.

вленія внѣшними сношеніями и замѣнить его графомъ Гаугвицемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ императору Александру пришлось, по требованію короля, отозвать своего посланника Алопеуса, какъ главнаго участника въ переговорахъ, увѣнчавшихся Потсдамскимъ договоромъ 1805 года. Всѣ эти обстоятельства побудили короля предложить слѣдующую мѣру для устраненія существовавшихъ затрудненій: поручить довѣрительные переговоры по деклараціи прусскому уволенному министру Гарденбергу и русскому отозванному посланнику Алопеусу. Эта негоціація походила на заговоръ и содержалась въ глубочайшей тайнѣ. 19-го іюня (1-го іюля) 1806 года Фридрихъ-Вильгельмъ подписалъ секретную союзную декларацію, которая была обмѣнена на другую контръ-декларацію, подписанную Александромъ 12-го (24-го) іюля[242]. Обмѣнъ этихъ декларацій создалъ для Пруссіи положеніе, которому нѣтъ примѣра въ исторіи дипломатическихъ сношеній государствъ. Въ одно и то же время Пруссія состояла въ союзѣ съ Франціей противъ Россіи и съ Россіей противъ Франціи. Спрашивается, которую изъ этихъ двухъ державъ Пруссія готовилась обмануть? «Въ Петербургѣ не сомнѣвались, повидимому, что предпочтеніе Пруссіи на сторонѣ Россіи, но и въ Парижѣ имѣли немало основаній думать, что она искренно дружитъ Франціи, если не по влеченію сердца, то по политическому расчету. Дружественныя увѣренія король одинаково расточалъ въ письмахъ къ Александру и къ Наполеону»[243]. Если первому онъ писалъ: «Пусть узы, насъ соединяющія, будутъ столь же неизмѣнны, какъ и чувства, ихъ внушившія»[244], то второму онъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ изливалъ свою душу: «Я не умѣю быть чѣмъ бы то ни было въ половину. Коль скоро мы связаны обязательствами столь высокой важности, я желаю, чтобы мы оба находили въ нихъ лишь поводъ къ удовольствію. Вы требуете отъ меня откровенности и довѣрія. Они мнѣ ничего не стоятъ»[245].

Графъ Гаугвицъ выразился еще болѣе опредѣлительно относительно истиннаго значенія франко-прусскаго союза и, 3-го (15-го іюня) 1806 года писалъ Луккезини въ Парижъ: «Если бы Наполеонъ могъ читать въ сердцѣ короля, то убѣдился бы, что не существуетъ въ мірѣ человѣка, на котораго онъ могъ бы болѣе положиться, чѣмъ на Фридриха-Вильгельма. Вотъ какъ онъ разсуждаетъ при этомъ: Франція могущественна и Наполеонъ — мужъ вѣка. Въ соединеніи съ нимъ могу ли я опасаться чего-либо въ будущемъ?»[246].

Въ то время, когда устанавливались окончательно столь ненормальныя политическія отношенія между Россіею и Пруссіею, князь Чарторижскій пересталъ быть министромъ; расходясь съ императоромъ Александромъ въ воззрѣніяхъ на существенные вопросы русской политики и не пользуясь болѣе довѣріемъ государя, князь Адамъ предпочелъ сложить съ себя эту тяжелую обязанность. 17-го (29-го) іюня 1806 года

генералъ-отъ-инфантеріи баронъ Андрей Яковлевичъ Будбергъ былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, а 2-го (14-го) іюля товарищемъ его — графъ Александръ Николаевичъ Салтыковъ. Должность попечителя виленскаго учебнаго округа осталась, попрежнему, за княземъ Чарторижскимъ.

Пока тянулись переговоры о секретномъ союзѣ съ Пруссіею, благоразуміе требовало, однако, не отказываться отъ принятія мѣръ къ воз-

Графъ Михаилъ Ѳедотовичъ Каменскій.

Съ гравированнаго портрета Осипова.

становленію мира съ Франціею[247]. Подъ предлогомъ облегченія участи находившихся во Франціи русскихъ военноплѣнныхъ Чарторижскій отправилъ въ Парижъ статскаго совѣтника Убри, снабдивъ его соотвѣтственными полномочіями. 24-го іюня (6-го іюля) Убри прибылъ въ Парижъ, а 8-го (20-го) іюля подписалъ окончательный мирный договоръ[248]. На другой день по подписаніи договора Убри повезъ его на утвержденіе императора Александра.

Когда Убри явился въ Петербургъ[249], министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ уже не князь Чарторижскій, а баронъ Будбергъ, и сверхъ того уже послѣдовалъ обмѣнъ съ Пруссіею тайныхъ союзныхъ деклараций. Императоръ Александръ, благодаря этой измѣнившейся политической обстановкѣ, не призналъ возможнымъ скрѣпить своею подписью мирный трактатъ, заключенный съ Наполеономъ; рѣшено было всю вину взвалить на Убри. Поэтому государь передалъ договоръ на обсужденіе Совѣта, при чемъ объявилъ, что онъ радъ былъ бы утвердить миръ, «совмѣстный съ его достоинствомъ, съ обязательствами предъ союзниками, съ безопасностью его народовъ и со спокойствіемъ Европы», но что, по сличеніи трактата съ данными Убри инструкціями, оказалось, что дипломатъ этотъ не понялъ смысла возложеннаго на него порученія и превысилъ свои полномочія, а потому его величество и не нашелъ возможнымъ ратификовать «актъ сего мнимаго умиротворенія» (l'acte de cette prétendue pacification). Совѣтъ, «вдохновляемый сознаніемъ народной славы и всѣмъ извѣстной высокой честности монарха», единодушно привѣтствовалъ это рѣшеніе[250]. Затѣмъ, 30-го августа (11-го сентября), появился манифестъ, въ которомъ Александръ выражалъ увѣренность, что вѣрные подданные его «соединятъ усилія свои съ нимъ, какъ скоро безопасность Россіи, гласъ славы и велѣнія наши призовутъ ихъ дѣйствовать на пользу общую». Манифестъ заключался торжественнымъ провозглашеніемъ безкорыстія, какъ неизмѣннаго основного начала политики императора Александра: «Во всѣхъ предпріятіяхъ нашихъ не расширенія нашихъ предѣловъ и не тщетной славы преходящихъ побѣдъ мы ищемъ, но желаемъ и дѣйствуемъ въ утвержденіе общей безопасности, въ охраненіе нашихъ союзовъ и въ огражденіе достоинства Имперіи Нашей»[251].

Едва все это было объявлено во всеобщее свѣдѣніе, какъ въ Берлинѣ совершился полный переворотъ въ отношеніяхъ Фридриха-Вильгельма къ Наполеону.

Придуманный Пруссіею, наподобіе Рейнскаго союза[252], планъ Сѣвернаго союза не встрѣченъ былъ въ Германіи съ сочувствіемъ; онъ вызвалъ даже противодѣйствіе со стороны нѣмецкихъ дворовъ, предназначавшихся стать жертвою прусскихъ честолюбивыхъ замысловъ. Родственные русскому императорскому дому государи обратились за покровительствомъ къ императору Александру. Вольные же города просили о заступничествѣ Францію. Тогда Наполеонъ объявилъ, что не потерпитъ распространенія Сѣвернаго союза на государства, которыя откажутся вступить въ него добровольно. Это извѣстіе и слухъ, дошедшій до берлинскаго двора, о намѣреніи Наполеона возвратить Англіи Ганноверъ, уступленный имъ Пруссіи, побудили короля отказаться отъ явнаго французскаго союза и воспользоваться благами другого, русскаго, союза, который пока держался втайнѣ, на черный день. Рѣшеніе это сопро-

вождалось приведеніемъ прусской арміи на военную ногу. Предварительно Фридрихъ-Вильгельмъ обратился къ императору Александру и умолялъ государя сказать ему, можетъ ли онъ надѣяться, что русскія войска останутся по близости, дабы оказать Пруссіи поддержку, и въ правѣ ли онъ разсчитывать на нихъ въ случаѣ нападенія[253]. Императоръ Александръ не замедлилъ отвѣтить, что, согласно принятому на себя обязательству, онъ всѣ силы Россіи предоставляетъ въ распоряженіе Пруссіи для борьбы ея съ Франціей.

Между тѣмъ Наполеонъ, получивъ извѣстіе объ отказѣ императора Александра ратификовать мирный договоръ съ Франціею и подозрѣвая

Графъ Өедоръ Өедоровичъ Буксгевденъ.

Факсимиле медали, выбитой въ его честь въ Варшавѣ въ 1795 году.

связь между прусскими вооруженіями и этимъ отказомъ, тотчасъ отмѣнилъ выступленіе французскихъ войскъ изъ Германіи и самъ приступилъ къ вооруженіямъ. Въ письмѣ къ королю Наполеонъ подтвердилъ, что не хочетъ войны, ничего не желаетъ и не требуетъ отъ Пруссіи и готовъ прекратить свои вооруженія, какъ только король отмѣнитъ свои[254]. Фридрихъ-Вильгельмъ отвѣтилъ длиннѣйшимъ письмомъ, въ которомъ перечислялъ всѣ оказанныя Пруссіею Франціи услуги и жаловался, что послѣдняя отплатила за нихъ Пруссіи черною неблагодарностью[255].

19-го сентября (1-го октября) Пруссія предъявила французскому правительству ультиматумъ, въ которомъ требовала вывода всѣхъ французскихъ войскъ изъ Германіи и обязательства Франціи не препятство-

вать образованію Сѣвернаго союза изъ всѣхъ безъ исключенія нѣмецкихъ государствъ, не вошедшихъ въ составъ союза Рейнскаго. Тогда Наполеонъ, находясь уже въ Бамбергѣ, обратился 24-го сентября (6-го октября) къ своимъ войскамъ съ воззваніемъ, которымъ объявлялась война Пруссіи; оканчивалось воззваніе слѣдующими словами: «Пусть постигнетъ прусскую армію участь, которую она испытала четырнадцать лѣтъ тому назадъ! Пусть она узнаетъ, что если легко достигнуть приращенія владѣній и могущества посредствомъ дружбы великаго народа, то вражда его, которую возможно вызвать лишь отреченіемъ отъ всякой мудрости и разума, ужаснѣе бурь океана».

На этотъ разъ пророчество Наполеона сбылось съ поразительною точностью: судьба Пруссіи рѣшилась черезъ недѣлю неудачнымъ исходомъ одного сраженія. Въ восемь дней армія, монархія, нѣмецкіе союзники ея—все было сокрушено однимъ ударомъ. Причины этого явленія извѣстны: слабость короля, нерѣшительность въ совѣтахъ, разногласіе и зависть среди генераловъ, полное незнаніе французской системы веденія войны, непринятіе мѣръ на случай неудачи, отсутствіе общественнаго духа среди народонаселенія, а среди арміи—самомнѣніе, доведенное до безразсудства.

15-го (27-го) октября Наполеонъ торжественно вступилъ въ Берлинъ и поселился въ королевскомъ дворцѣ; ежедневно побѣдитель получалъ ключи постыдно безъ боя сдававшихся ему прусскихъ крѣпостей по Везеру, Эльбѣ и Одеру. Королю и его семейству пришлось искать убѣжища на восточныхъ окраинахъ государства.

Мнѣніе, высказанное Наполеономъ послѣ Аустерлицкаго сраженія относительно русскихъ: «Ils en ont pour trente ans sans intervenir dans nos affaires»[256], не оправдалось. Императоръ Александръ, со свойственнымъ ему великодушіемъ, рѣшился выручить друга и союзника, хотя послѣ пораженія пруссаковъ при Іенѣ и Ауэрштедтѣ, вмѣсто наступательной войны, приходилось помышлять о защитѣ границъ Россіи[257]. 22-го октября (3-го ноября) Александръ писалъ королю: «Долгомъ считаю вновь торжественно подтвердить вашему величеству, что, каковы бы ни были послѣдствія вашихъ великодушныхъ усилій, я никогда не откажусь отъ извѣстныхъ вашему величеству намѣреній. Будучи вдвойнѣ связанъ съ вашимъ величествомъ, въ качествѣ союзника и узами нѣжнѣйшей дружбы, для меня нѣтъ ни жертвъ, ни усилій, которыхъ я не совершилъ бы, чтобы доказать вамъ всю мою преданность дорогимъ обязанностямъ, налагаемымъ на меня этими двумя наименованіями... Соединимся же тѣснѣе, нежели когда-либо, пребудемъ вѣрны началамъ чести и славы и предоставимъ остальное Промыслу, который не преминетъ положить предѣлъ успѣхамъ узурпаціи и тираніи, даруя торжество самому справедливому и прекрасному дѣлу (en faisant triompher la plus juste et la plus belle des causes)».

22-го октября (3-го ноября) корпусъ генералъ Бенигсена перешелъ границу у Гродно въ составѣ около 60,000 человѣкъ при 276 орудіяхъ. Мѣсяцъ спустя 40,000 человѣкъ при 216 орудіяхъ, подъ начальствомъ графа Буксгевдена, вступили въ Остроленку. Прусскій король подчинилъ Бенигсену единственный уцѣлѣвшій остатокъ своей арміи, 14,000 корпусъ Лестока съ 92 орудіями, и сказалъ, что ввѣряетъ участь Пруссіи императору Александру. Война началась, но Наполеонъ такъ быстро раздѣлался съ Пруссіею, что русская армія не имѣла еще главнокомандующаго.

Общественное мнѣніе указывало на 69-тилѣтняго старца, фельдмаршала графа Михаила Ѳедотовича Каменскаго, какъ на спасителя отечества. Подражая Суворову, графъ Каменскій старался быть оригинальнымъ, юродствовалъ и тѣмъ привлекалъ на себя общее вниманіе. О Кутузовѣ и слышать не хотѣли; онъ, по словамъ современника, провинился тѣмъ, что молодые генералъ-адъютанты на зло ему проиграли Аустерлицкое сраженіе. «Полагаясь на мысли всего государства», императоръ Александръ вызвалъ графа Каменскаго изъ его орловской деревни и назначилъ главнокомандующимъ заграничною арміею, предоставивъ ему дѣйствовать во всѣхъ случаяхъ по собственному усмотрѣнію. Его приняли въ Петербургѣ, какъ спасителя. Въ это время императрица Елисавета Алексѣевна разрѣшилась отъ бремени дочерью (3-го ноября 1806 года), нареченною Елисаветою. Императрица тѣмъ не менѣе пожелала видѣть фельдмаршала передъ его отъѣздомъ въ армію; она съ чувствомъ говорила ему о защитѣ, о спасеніи горячо любимой ею Россіи. По словамъ Каменскаго, ему казалось, что онъ слышитъ небесный голосъ, призывающій его на святое дѣло. 10-го (22-го) ноября фельдмаршалъ выѣхалъ изъ Петербурга[258].

16-го (28-го) ноября манифестъ объявилъ о начатіи войны съ французами; въ немъ говорилось, что «огнь войны» возгорѣлся въ предѣлахъ Пруссіи и приближается къ нашимъ пограничнымъ владѣніямъ. Отсюда выводилось заключеніе, что «россіянамъ, обыкшимъ любить славу своего отечества и всѣмъ ему жертвовать, нѣтъ нужды изъяснять, сколь происшествія сіи дѣлаютъ настоящую войну необходимою». Предвидя возможность вторженія непріятеля въ русскіе предѣлы, императоръ Александръ озаботился воодушевить народъ противъ приближавшагося къ намъ врага. Поэтому 30-го ноября (12-го декабря) послѣдовалъ еще другой манифестъ о составленіи и образованіи повсемѣстныхъ временныхъ ополченій или милицій въ 612,000 ратниковъ[259]. Всѣ сословія государства были призваны къ пожертвованіямъ деньгами, хлѣбомъ, аммуничными вещами и особенно оружіемъ[260]. Ко всему этому присовокупили еще слѣдующую мѣру: Святѣйшему Синоду, на основаніи даннаго ему 6-го декабря именного указа, повелѣно было пред-

писать духовенству, да внушаетъ оно своимъ прихожанамъ, что православная церковь, угрожаемая нашествіемъ непріятеля, призываетъ вѣрныхъ чадъ своихъ къ временному ополченію, что не исканіе тщетной славы, но безопасность предѣловъ государства, собственное личное благосостояніе каждаго влагаютъ имъ въ руки оружіе.

Каждый воскресный и праздничный день, по окончаніи литургіи, духовенство обязано было читать въ церквахъ сочиненное по этому поводу объявленіе Святѣйшаго Синода, въ которомъ перечислялся длинный рядъ прегрѣшеній неистоваго врага мира и благословенныя тишины, Наполеона Бонапарте. Его обвиняли въ томъ, что онъ дерзаетъ угрожать Россіи вторженіемъ въ ея предѣлы и потрясеніемъ православной церкви; что во время революціи онъ отложился отъ Христовой вѣры, воздавая поклоненіе, одному Богу подобающее, истуканамъ, человѣческимъ тварямъ, блудницамъ и идольскимъ изображеніямъ; что въ Египтѣ онъ пріобщился къ гонителямъ церкви Христовой, проповѣдывалъ алкоранъ Магометовъ, объявилъ себя защитникомъ мусульманъ, торжественно выказывалъ презрѣніе къ пастырямъ церкви Христовой, наконецъ, къ вящшему посрамленію оной, созвалъ во Франціи іудейскія синагоги, установилъ новый великій сангедринъ еврейскій, сей самый богопротивный соборъ, который нѣкогда дерзнулъ осудить на распятіе Спасителя, а теперь помышляетъ соединить іудеевъ, гнѣвомъ Божіимъ разсыпанныхъ по всей землѣ, подвинуть ихъ на ниспроверженіе церкви Христовой и—«о, дерзость ужасная, превосходящая мѣру всѣхъ злодѣяній!» — на провозглашеніе въ его лицѣ Мессіи. Синодъ сзывалъ духовенство вооружиться силою слова Божія, не бѣжать подобно наемникамъ, имѣть попеченіе о спасеніи правовѣрныхъ, не пріобщаться къ богопротивнымъ начинаніямъ и разглашеніямъ Наполеона, примѣромъ и увѣщаніями возбуждать въ душѣ каждаго мужество на пораженіе враговъ и исполненіе присяги. Въ заключеніе Синодъ говорилъ: «Наполеонъ дерзаетъ противъ Бога и Россіи; явите себя защитниками славы Божіей и вѣрными сынами Россіи. Отринувъ мысли о правосудіи Божіемъ, онъ мечтаетъ въ буйствѣ своемъ, съ помощію ненавистниковъ имени христіанскаго и способниковъ его нечестія, іудеевъ, похитить (о чемъ каждому человѣку и помыслить ужасно!) священное имя Мессіи. Покажите ему, что онъ тварь, совѣстью сожженная и достойная презрѣнія. Благодать Божія отступила отъ него, ничто уже не соединитъ его съ Богомъ, Которому онъ сдѣлался столь ужасно невѣрнымъ. Не вѣрьте ему, ниспровергните его злодѣйства, накажите безчеловѣчія, оказанныя надъ многими неповинными; ихъ гласъ вопіетъ на небо: осужденіе вѣчное преслѣдуетъ!»

Перечитывая грозное объявленіе Синода, которое преподносили тогда въ храмахъ молящемуся народу на всемъ пространствѣ Россійской

имперіи, и изъ котораго духовенство было обязано заимствовать мысли для своихъ проповѣдей, нельзя не удивляться искусству, съ которымъ извращалась въ этомъ объявленіи историческая обстановка данной минуты. Войну, предпринятую единственно ради спасенія по-

Баронъ Леонтій Леонтьевичъ Бенигсенъ.
Съ гравюры Вольдта, сдѣланной съ портрета Шмейдлера 1805 г.

гибавшей Пруссіи, чтобы не дать этому государству исчезнуть съ карты Европы, превращали въ народную войну, направленную противъ гонителя православной церкви, мечтавшаго провозгласить себя Мессіей. Ввиду подобныхъ чудовищныхъ замысловъ, приписываемыхъ Наполеону, призывъ ополченія дѣлался вполнѣ понятнымъ народу; но зато,

когда впослѣдствіи война заключилась дружественнымъ договоромъ съ Франціею, послѣдній неизбѣжно получалъ въ глазахъ народной массы окраску какъ бы посягательства на вѣру и возбудилъ общее къ себѣ несочувствіе[261].

Наконецъ, полный разрывъ съ Франціею сопровождался мѣрою, принятою относительно пребывавшихъ въ Россіи природныхъ французовъ, а также и уроженцевъ земель, состоявшихъ подъ властью французскаго правительства. Всѣ они были высланы за границу черезъ десять дней по объявленіи указа[262], за исключеніемъ тѣхъ, которые пожелали принять русское подданство. На этотъ разъ французскій консулъ въ Петербургѣ Лессепсъ, остававшійся въ Россіи во время войны 1805 года, не избѣгъ общей опалы, постигшей французовъ, и былъ также удаленъ.

Такимъ образомъ, Россія изъ-за Пруссіи была вовлечена въ новую и самую жестокую войну съ Наполеономъ; но одного несчастья было мало: въ октябрѣ 1806 года началась еще семилѣтняя война съ Турціей (1806—1812 гг.)[263], такъ что на рукахъ императора Александра одновременно оказались двѣ войны, помимо войны съ Персіей, возгорѣвшейся въ 1804 году, вслѣдствіе утвержденія русскаго владычества въ Закавказьи. Едва начались восточныя осложненія, какъ неожиданный и рѣшительный разгромъ Пруссіи вызвалъ необходимость увеличить число войскъ, назначенныхъ на помощь союзнику. Поэтому образованную подъ начальствомъ генерала Михельсона Днѣстровскую армію, въ составѣ пяти дивизій (60,000 человѣкъ), пришлось убавить почти на половину. Двѣ дивизіи, составлявшія корпусъ Эссена, были двинуты для поддержки войскъ, сражавшихся въ Пруссіи; въ началѣ декабря онѣ подходили только къ Бресту. Съ оставшимися затѣмъ войсками генералу Михельсону повелѣно было, избѣгая разрыва съ Оттоманскою Портою, занять Бессарабію, Молдавію и Валахію, чтобы принудить султана къ исполненію нарушенныхъ имъ обязательствъ.

Графъ Каменскій, направляясь къ войскамъ своей арміи, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья провелъ въ дорогѣ до Вильны три недѣли. Изъ Вильны онъ донесъ государю: «Я лишился почти послѣдняго зрѣнія: ни одного города на картѣ самъ отыскать не могу... Боль въ глазахъ и въ головѣ; неспособенъ я долго верхомъ ѣздить, пожалуйте мнѣ, если можно, наставника, друга вѣрнаго, сына отечества, чтобы сдать ему команду и жить при немъ въ арміи. Истинно чувствую себя неспособнымъ къ командованію столь обширнымъ войскомъ». Подъѣзжая къ Пултуску 7-го (19-го) декабря, графъ Каменскій, въ подражаніе Суворову, сѣлъ на телѣжку и прискакалъ въ ней въ главную квартиру, но государю продолжалъ писать въ прежнемъ духѣ: «Старъ я для арміи;

ничего не вижу; ѣздить верхомъ почти не могу, но не отъ лѣни, какъ другіе; мѣстъ на ландкартахъ отыскивать совсѣмъ не могу, а земли не знаю... дерзаю испрашивать себѣ перемѣны. Подписываю не знаю что».

Только семь дней фельдмаршалъ предводительствовалъ войскомъ, а всѣ дѣла запуталъ до неимовѣрности, едва не погубивъ при этомъ арміи[264]. Не довѣряя самому себѣ, еще менѣе довѣряя своимъ подчиненнымъ, онъ входилъ въ самыя мелочныя распоряженія, собственноручно писалъ маршруты, лично отправлялъ курьеровъ, ѣздилъ отъ одной дивизіи къ другой и отдавалъ встрѣчаемымъ по пути полкамъ, помимо ихъ прямыхъ начальниковъ, приказанія, противорѣчившія одно другому, мечталъ даже вторгнуться въ прусскую Силезію[265].

Начался рядъ дѣлъ на рѣкѣ Вкрѣ. Но фельдмаршалъ уже не былъ въ силахъ вести армію въ бой. Ночью на 14-е (26-е) декабря графъ Каменскій измѣнилъ свое первоначальное намѣреніе и началъ помышлять объ отступленіи. Бушевала буря, пронзительный вѣтеръ разметывалъ биваки русскихъ и французовъ; фельдмаршалъ изнемогалъ силами. По словамъ Михайловскаго-Данилевскаго[266], «бремя заботъ и отвѣтственности, усугубляемое частыми порывами гнѣва, подавило старца, лишило его сна и довѣренности къ самому себѣ. Среди бореній стихій боролся онъ самъ съ собою». Наконецъ, главнокомандующій послалъ за Бенигсеномъ; когда тотъ явился, было три часа пополуночи; онъ вручилъ ему письменное повелѣніе о ретирадѣ на наши границы и вслѣдъ за тѣмъ уѣхалъ въ Остроленку, сказавъ, что не хочетъ потерять прежней славы своей и омываетъ себѣ руки. Изъ Остроленки Каменскій писалъ государю: «Увольте старика въ деревню, который и такъ обезславленъ остается, что не смогъ выполнить великаго и славнаго жребія, къ которому былъ избранъ... таковыхъ, какъ я, въ Россіи тысячи». Графу Буксгевдену, которому онъ передалъ командованіе арміею, какъ старшему, фельдмаршалъ приказалъ бросать по дорогѣ батарейную артиллерію, если она будетъ затруднять движеніе войскъ, и заботиться единственно о спасеніи людей. Начальникамъ дивизій Каменскій отъ себя предписывалъ имѣть ретираду на россійскія границы: «а какъ мнѣ въ Пруссіи дороги неизвѣстны», добавлялъ онъ: «то самимъ генераламъ и бригаднымъ командирамъ навѣдываться о кратчайшемъ трактѣ къ нашей границѣ, къ Вильнѣ и ниже по Нѣману... а, вошедъ въ границу, послѣ такого несчастія, явиться къ старшему»[267].

Пробывъ нѣсколько дней въ Остроленкѣ, а потомъ въ Ломжѣ, графъ Каменскій направился въ Гродно; здѣсь онъ получилъ рескриптъ объ увольненіи его отъ званія главнокомандующаго[268].

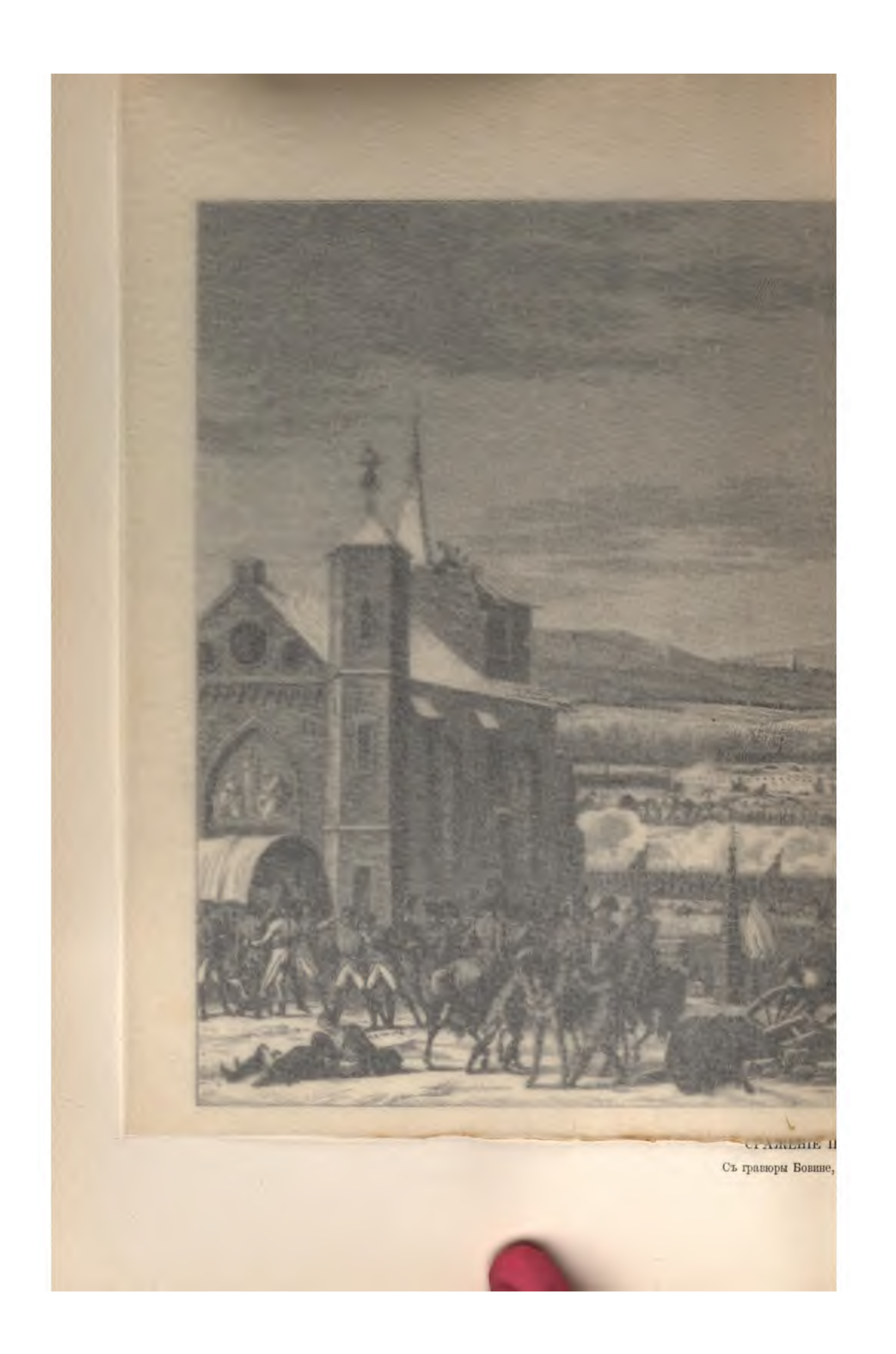
На наше счастіе, Наполеонъ не могъ знать царствовавшей у насъ неурядицы и приписалъ сначала перепутанное отступленіе русскихъ

войскъ и безсвязность нашихъ дѣйствій какому-либо задуманному маневру. Это опасеніе вызвало со стороны Наполеона промедленіе въ его наступательныхъ дѣйствіяхъ, спасшее нашу армію отъ окончательнаго пораженія.

Бенигсенъ рѣшился ослушаться приказанія идти обратно въ Россію и сталъ ожидать, напротивъ того, нападенія французовъ въ занятой подъ Пултускомъ позиціи. Самыя обстоятельства вынуждали его принять здѣсь бой; войска, утомленныя передвиженіями по плохимъ дорогамъ, обратившимся въ бездонныя топи, при отсутствіи продовольствія подверглись бы совершенному разстройству. Занявъ позицію у Пултуска, можно было замедлить движеніе противника и выиграть время для сосредоточенія силъ. 14-го (26-го) декабря Бенигсенъ, не побоявшись отвѣтственности, принялъ сраженіе, вопреки приказанію графа Каменскаго и не узнавъ воли графа Буксгевдена, которому онъ, какъ старшему, былъ подчиненъ повелѣніемъ фельдмаршала. Успѣхъ увѣнчалъ собою бой подъ Пултускомъ, а «побѣдителей не судятъ». Побѣда подъ Пултускомъ неоспоримо принадлежитъ Бенигсену, хотя онъ ее сильно преувеличилъ въ донесеніи къ государю[269]. Русскія войска ночевали на полѣ сраженія, а на другой день наши разъѣзды не встрѣтили непріятеля на разстояніи десяти верстъ; все это пространство покрыто было валявшимися въ грязи ранеными и усталыми французами, равно какъ и брошенными ими обозами и орудіями[270]. Одновременно съ боемъ подъ Пултускомъ непріятель въ превосходныхъ силахъ атаковалъ князя Голицына въ Голыминѣ и принудилъ его къ вечеру отступить; это обстоятельство побудило Бенигсена съ разсвѣтомъ 15-го (27-го) декабря отойти къ Остроленкѣ.

Императоръ Александръ получилъ почти одновременно извѣстіе о бѣгствѣ графа Каменскаго изъ ввѣренной ему арміи и о побѣдѣ, одержанной Бенигсеномъ подъ Пултускомъ. Снова пришлось рѣшать въ Петербургѣ замысловатый вопросъ, кому быть главнокомандующимъ. «Трудно описать затруднительное положеніе, въ которомъ я нахожусь», писалъ императоръ Александръ дежурному генералу въ арміи, графу П. А. Толстому, 3-го (15-го) января 1807 года. «Гдѣ у насъ тотъ человѣкъ, пользующійся общимъ довѣріемъ, который соединялъ бы военныя дарованія съ необходимою строгостію въ дѣлѣ командованія? Что касается до меня, то я его не знаю. Ужъ не Михельсонъ ли, Григорій Волконскій изъ Оренбурга, Сергѣй Голицынъ, Георгій Долгорукій, Прозоровскій, Мейендорфъ, Сухтеленъ, Кноррингъ, Татищевъ? Вотъ они всѣ, и ни въ одномъ изъ нихъ я не вижу соединенія требуемыхъ качествъ»[271].

Выборъ императора Александра остановился на мнимомъ побѣдителѣ Наполеона подъ Пултускомъ — генералѣ Бенигсенѣ[272]. Графу

СРАЖЕНІЕ П

Съ гравюры Бовине,

Буксгевдену повелѣно было ѣхать въ Ригу, и съ удаленіемъ его въ арміи водворилось единство власти[273].

Въ исходѣ 1806 года императоръ Александръ испыталъ еще другое огорченіе. Осенью государь отправилъ своего любимца генералъ-адъютанта князя П. П. Долгорукова въ армію генерала Михельсона, предназначенную для дѣйствія противъ Оттоманской Порты; когда же послѣдовалъ разгромъ Пруссіи и началась война съ Франціею, Александръ повелѣлъ ему немедленно явиться въ Петербургъ. Долгоруковъ поскакалъ въ столицу въ курьерской телѣжкѣ, но на шестой день послѣ

Карикатура на медленность движенія русской арміи въ 1806 году.

Уменьшенное факсимиле подлинной карикатуры.

пріѣзда скончался въ Зимнемъ дворцѣ въ день рожденія государя, 12-го декабря 1806 года, на 29-мъ году жизни. Александръ отмѣнилъ во дворцѣ балъ, плакалъ неутѣшно и въ теченіе трехъ дней не выходилъ на прогулку и не являлся на разводъ. Графъ Ланжеронъ замѣчаетъ по поводу кончины этого вліятельнаго сановника: «Никто о немъ не сожалѣлъ. Его смерть благодѣяніе для Россіи, ниспосланное небомъ (sa mort est un bienfait du ciel pour la Russie). — Это былъ человѣкъ, генералъ, подданный, гражданинъ, столь же опасный для своего отечества, какъ и для общества. — Онъ не скрывалъ своего желанія господствовать деспотически, прикрываясь именемъ своего государя (Il ne dissimulait pas son désir de régner despotiquement sous le nom de son Maître)»[274].

Одновременно съ воинственнымъ характеромъ, принятымъ русскою политикою съ 1805 года, замѣчается также новый оттѣнокъ въ управленіи внутренними дѣлами имперіи. Нечувствительно и, можетъ быть, незамѣтно для себя самого Александръ отдалялся отъ порядковъ, съ такимъ увлеченіемъ созданныхъ имъ самимъ въ началѣ царствованія, и возвращался на старую дорогу. Тотчасъ послѣ воцаренія Александръ торжественно уничтожилъ тайную экспедицію и въ рѣзкихъ выраженіяхъ заклеймилъ въ манифестѣ (2-го апрѣля 1801 года) установившійся по этой части прежній порядокъ. Между тѣмъ въ 1805 году уничтоженная экспедиція возродилась до нѣкоторой степени изъ пепла, но подъ другимъ названіемъ, чѣмъ въ корнѣ подрывались всѣ стремленія государя къ водворенію въ имперіи законности. Передъ самымъ отъѣздомъ императора Александра въ армію, въ 1805 году состоялось 5-го (17-го) сентября высочайшее повелѣніе объ учрежденіи комитета для совѣщанія по дѣламъ, относящимся къ той части высшей полиціи, которая имѣетъ цѣлью своею «сохраненіе всеобщаго спокойствія и тишины гражданъ и облегченіе народнаго продовольствія». Онъ состоялъ изъ трехъ министровъ: военныхъ сухопутныхъ силъ и главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ—генерала Вязмитинова, юстиціи—князя Лопухина и внутреннихъ дѣлъ—графа Кочубея. Комитету дано было секретное наставленіе въ одиннадцати пунктахъ[275]. Въ 1807 году въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ новый и болѣе рѣшительный шагъ. 13-го (25-го) января былъ учрежденъ комитетъ охраненія общей безопасности, продолжавшій существовать до конца царствованія императора Александра[276]. «Комитетъ 13-го января 1807 года», какъ онъ именовался офиціально, закрѣпилъ начинавшійся внутренній разладъ въ умѣ Александра съ самимъ собою и съ стремленіями, охватившими лучшіе умы того времени; но полнаго своего развитія этотъ разладъ достигъ только послѣ 1815 года.

Личный составъ комитета 13-го января, при самомъ учрежденіи его, состоялъ изъ министра юстиціи князя Лопухина и сенаторовъ Макарова и Новосильцова; въ случаѣ нужды должны были также присутствовать въ комитетѣ генералъ Вязмитиновъ и графъ Кочубей[277]. Для характеристики дѣятельности комитета достаточно сказать, что самымъ дѣятельнымъ членомъ его былъ Александръ Семеновичъ Макаровъ, бывшій когда-то преемникомъ печальной памяти Шешковскаго по тайной экспедиціи. Не успѣлъ комитетъ открыть своей дѣятельности, какъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 19-го февраля ему пришлось уже донести, что количество дѣлъ, ему препорученныхъ, день отъ дня увеличивается, «ибо начинаютъ присылать ихъ изъ всѣхъ мѣстъ», а потому комитетъ призналъ необходимымъ устроеніе особенной для него канцеляріи.

Наполеонъ въ сраженіи при Фридландѣ.

Съ гравюры Цижо, сдѣланной съ картины Звебаха.

Наполеонъ въ сраженіи при Фридландѣ.

Съ гравюры Пижо, сдѣланной съ картины Звебаха.

Одновременно съ воинственнымъ характеромъ, принятымъ русскою политикою съ 1805 года, замѣчается также новый оттѣнокъ въ управленіи внутренними дѣлами имперіи. Нечувствительно и, можетъ быть, незамѣтно для себя самого Александръ отдалялся отъ порядковъ, съ такимъ увлеченіемъ созданныхъ имъ самимъ въ началѣ царствованія, и возвращался на старую дорогу. Тотчасъ послѣ воцаренія Александръ торжественно уничтожилъ тайную экспедицію и въ рѣзкихъ выраженіяхъ заклеймилъ въ манифестѣ (2-го апрѣля 1801 года) установившійся по этой части прежній порядокъ. Между тѣмъ въ 1805 году уничтоженная экспедиція возродилась до нѣкоторой степени изъ пепла, но подъ другимъ названіемъ, чѣмъ въ корнѣ подрывались всѣ стремленія государя къ водворенію въ имперіи законности. Передъ самымъ отъѣздомъ императора Александра въ армію, въ 1805 году состоялось 5-го (17-го) сентября высочайшее повелѣніе объ учрежденіи комитета для совѣщанія по дѣламъ, относящимся къ той части высшей полиціи, которая имѣетъ цѣлью своею «сохраненіе всеобщаго спокойствія и тишины гражданъ и облегченіе народнаго продовольствія». Онъ состоялъ изъ трехъ министровъ: военныхъ сухопутныхъ силъ и главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ — генерала Вязмитинова, юстиціи — князя Лопухина и внутреннихъ дѣлъ — графа Кочубея. Комитету дано было секретное наставленіе въ одиннадцати пунктахъ[275]. Въ 1807 году въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ новый и болѣе рѣшительный шагъ.

13-го (25-го) января былъ учрежденъ комитетъ охраненія общей безопасности, продолжавшій существовать до конца царствованія императора Александра[276]. «Комитетъ 13-го января 1807 года», какъ онъ именовался офиціально, закрѣпилъ начинавшійся внутренній разладъ въ умѣ Александра съ самимъ собою и съ стремленіями, охватившими лучшіе умы того времени; но полнаго своего развитія этотъ разладъ достигъ только послѣ 1815 года.

Личный составъ комитета 13-го января, при самомъ учрежденіи его, состоялъ изъ министра юстиціи князя Лопухина и сенаторовъ Макарова и Новосильцова; въ случаѣ нужды должны были также присутствовать въ комитетѣ генералъ Вязмитиновъ и графъ Кочубей[277]. Для характеристики дѣятельности комитета достаточно сказать, что самымъ дѣятельнымъ членомъ его былъ Александръ Семеновичъ Макаровъ, бывшій когда-то преемникомъ печальной памяти Шешковскаго по тайной экспедиціи. Не успѣлъ комитетъ открыть своей дѣятельности, какъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 19-го февраля ему пришлось уже донести, что количество дѣлъ, ему препорученныхъ, день отъ дня увеличивается, «ибо начинаютъ присылать ихъ изъ всѣхъ мѣстъ», а потому комитетъ призналъ необходимымъ устроеніе особенной для него канцеляріи.

дующаго орденомъ св. Андрея и пожизненною пенсіею въ 12,000 рублей. Въ томъ же письмѣ онъ спрашивалъ Бенигсена насчетъ времени, когда прибытіе его къ арміи окажется наиболѣе полезнымъ. 9-го (21-го) марта Бенигсенъ просилъ императора поспѣшить отъѣздомъ. Отвѣтъ главнокомандующаго причинилъ государю «чувствительное удовольствіе», и 16-го (28-го) марта императоръ Александръ поспѣшилъ выѣхать изъ Петербурга въ армію; государя сопровождали оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, министръ иностранныхъ дѣлъ баронъ Будбергъ и генералъ-адъютанты графъ Ливенъ и князь Волконскій. Бывшій тріумвиратъ, князь Чарторижскій, Новосильцовъ и графъ П. А. Строгоновъ, также послѣдовалъ за государемъ.

Еще ранѣе сдѣланы были распоряженія объ усиленіи арміи, дѣйствовавшей противъ Наполеона. 13-го (25-го) февраля началось выступленіе гвардіи въ походъ[282]; за нею послѣдовалъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ. 17-я и 18-я дивизіи получили приказаніе идти изъ Москвы и Калуги къ Нѣману.

Проѣздомъ черезъ Митаву императоръ Александръ посѣтилъ проживавшаго въ герцогскомъ замкѣ графа Лильскаго и сказалъ ему, что день, когда онъ водворитъ его во Франціи, будетъ счастливѣйшимъ днемъ его жизни. По другимъ свѣдѣніямъ, будущій Людовикъ XVIII произвелъ на него самое неблагопріятное впечатлѣніе, показавшись ему ничтожнымъ человѣкомъ, неспособнымъ царствовать когда-либо.

20-го марта (1-го апрѣля) государь прибылъ въ пограничное мѣстечко Полангенъ, куда выѣхалъ ему навстрѣчу король Фридрихъ-Вильгельмъ. На другой день оба монарха прибыли въ Мемель. Удрученная несчастіями королева Луиза при видѣ государя имѣла только силу промолвить: «Ah! mon cousin», и затѣмъ въ нѣмой печали протянула ему руку. Императоръ Александръ отвѣчалъ, что пріѣхалъ не только какъ союзникъ, но и какъ другъ, и что не отступитъ ни передъ какими усиліями и жертвами для исполненія священнаго долга, налагаемаго на него честью и дружбой[283].

Графиня Фоссъ записала въ своемъ дневникѣ: «Императоръ все тотъ же несравненно привѣтливый человѣкъ, исполненный доброты и сердечности. Онъ обнялъ меня съ теплымъ чувствомъ и глубоко тронутый. Да, это человѣкъ, какого другого нѣтъ въ мірѣ». День спустя она прибавила: «Императоръ въ самомъ дѣлѣ все тотъ же, что и прежде: неизмѣненъ въ обхожденіи и столь же сердеченъ, развѣ немного искусственнѣе (nur vielleicht ein Bischen mehr artificiell), чѣмъ былъ, и болѣе прежняго занимается молодыми дамами; но все же онъ очень мягокъ и пріятенъ»[284].

23-го марта (4-го апрѣля) императоръ, а за нимъ король и королева отправились въ Кидулленъ, близъ Юрбурга, на смотръ прибывшей изъ Петербурга гвардіи. Александръ вручилъ королю строевой рапортъ и,

Обязанности комитета были опредѣлены въ инструкціи, состоящей изъ семи пунктовъ[278]. Въ дополненіе къ ней, 31-го января 1807 года, послѣдовало высочайшее повелѣніе въ комитетѣ: «никому никакихъ наказаній не опредѣлять», но по предварительному всеподданнѣйшему докладу всякій разъ отсылать преступника, съ прописаніемъ вины его, въ надлежащее судебное мѣсто для поступленія съ нимъ по всей строгости законовъ[279].

Изъ дѣлъ, производившихся въ комитетѣ, особенно выдаются тѣ, которые возникли вслѣдствіе попытокъ, клонившихся къ возбужденію народа слухами о вольности крестьянъ, несомнѣнно существовавшими въ эпоху войны 1806 и 1807 годовъ. Въ народѣ говорили: Бонапарте писалъ государю, чтобъ освободилъ всѣхъ крѣпостныхъ, а безъ этого война никогда не прекратится; одинъ крестьянинъ повторялъ на основаніи слуховъ, что французъ крестьянъ не будетъ трогать, а только будетъ истреблять помѣщиковъ, дабы облегчить чернь отъ притѣсненій. Вообще слухи и толки объ освобожденіи крестьянъ волновали русское общество въ продолженіе всего александровскаго царствованія; они дошли наконецъ до того, что комитетъ 13-го января призналъ въ 1815 году даже необходимымъ предписать начальникамъ губерній, чтобы на этотъ предметъ было обращено особенное вниманіе; по отысканіи же виновныхъ въ этихъ разглашеніяхъ предлагалось поступать съ ними по всей строгости законовъ. Но слухи, безпокоившіе правительство, тѣмъ не менѣе не прекращались, и, какъ свидѣтельствовалъ одинъ подсудимый въ комитетѣ, «народная о томъ молва идетъ явная».

Обратимся теперь къ дальнѣйшимъ событіямъ войны 1807 года.

Наступательныя дѣйствія, предпринятыя генераломъ Бенигсеномъ послѣ принятія имъ начальства надъ арміею, привели 27-го января (8-го февраля) къ кровопролитному бою при Прейсишъ-Эйлау, стоившему намъ 26,000 человѣкъ убитыми и ранеными. То было, по собственному признанію Наполеона, «не сраженіе, а рѣзня»[280]. На этотъ разъ Бенигсенъ имѣлъ, дѣйствительно, дѣло съ самимъ Наполеономъ. Обѣ воевавшія стороны приписали себѣ побѣду подъ Эйлау; однако, въ 10 часовъ вечера Бенигсенъ приказалъ арміи отступить къ Кенигсбергу, а потому Наполеонъ, простоявъ послѣ этого девять дней на полѣ сраженія, имѣлъ право назвать себя побѣдителемъ[281]. Затѣмъ обѣ арміи расположились на зимнихъ квартирахъ. Французы продолжали осаду Грауденца и Данцига.

Императоръ Александръ, по полученіи извѣстія объ Эйлауской побѣдѣ, писалъ 8-го (20-го) февраля генералу Бенигсену: «На вашу долю выпала слава побѣдить того, кто еще никогда не былъ побѣжденъ (C'est à vous, mon général, qu'a été réservée la gloire de vaincre celui qui ne l'a jamais été encore)». Вмѣстѣ съ тѣмъ государь наградилъ главнокоман-

дующаго орденомъ св. Андрея и пожизненною пенсіею въ 12,000 рублей. Въ томъ же письмѣ онъ спрашивалъ Бенигсена насчетъ времени, когда прибытіе его къ арміи окажется наиболѣе полезнымъ. 9-го (21-го) марта Бенигсенъ просилъ императора поспѣшить отъѣздомъ. Отвѣтъ главнокомандующаго причинилъ государю «чувствительное удовольствіе», и 16-го (28-го) марта императоръ Александръ поспѣшилъ выѣхать изъ Петербурга въ армію; государя сопровождали оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, министръ иностранныхъ дѣлъ баронъ Будбергъ и генералъ-адъютанты графъ Ливенъ и князь Волконскій. Бывшій тріумвиратъ, князь Чарторижскій, Новосильцовъ и графъ П. А. Строгоновъ, также послѣдовалъ за государемъ.

Еще ранѣе сдѣланы были распоряженія объ усиленіи арміи, дѣйствовавшей противъ Наполеона. 13-го (25-го) февраля началось выступленіе гвардіи въ походъ[282]; за нею послѣдовалъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ. 17-я и 18-я дивизіи получили приказаніе идти изъ Москвы и Калуги къ Нѣману.

Проѣздомъ черезъ Митаву императоръ Александръ посѣтилъ проживавшаго въ герцогскомъ замкѣ графа Лильскаго и сказалъ ему, что день, когда онъ водворитъ его во Франціи, будетъ счастливѣйшимъ днемъ его жизни. По другимъ свѣдѣніямъ, будущій Людовикъ XVIII произвелъ на него самое неблагопріятное впечатлѣніе, показавшись ему ничтожнымъ человѣкомъ, неспособнымъ царствовать когда-либо.

20-го марта (1-го апрѣля) государь прибылъ въ пограничное мѣстечко Полангенъ, куда выѣхалъ ему навстрѣчу король Фридрихъ-Вильгельмъ. На другой день оба монарха прибыли въ Мемель. Удрученная несчастіями королева Луиза при видѣ государя имѣла только силу промолвить: «Ah! mon cousin», и затѣмъ въ нѣмой печали протянула ему руку. Императоръ Александръ отвѣчалъ, что пріѣхалъ не только какъ союзникъ, но и какъ другъ, и что не отступитъ ни передъ какими усиліями и жертвами для исполненія священнаго долга, налагаемаго на него честью и дружбой[283].

Графиня Фоссъ записала въ своемъ дневникѣ: «Императоръ все тотъ же несравненно привѣтливый человѣкъ, исполненный доброты и сердечности. Онъ обнялъ меня съ теплымъ чувствомъ и глубоко тронутый. Да, это человѣкъ, какого другого нѣтъ въ мірѣ». День спустя она прибавила: «Императоръ въ самомъ дѣлѣ все тотъ же, что и прежде: неизмѣненъ въ обхожденіи и столь же сердеченъ, развѣ немного искусственнѣе (nur vielleicht ein Bischen mehr artificiell), чѣмъ былъ, и болѣе прежняго занимается молодыми дамами; но все же онъ очень мягокъ и пріятенъ»[284].

23-го марта (4-го апрѣля) императоръ, а за нимъ король и королева отправились въ Кидулленъ, близъ Юрбурга, на смотръ прибывшей изъ Петербурга гвардіи. Александръ вручилъ королю строевой рапортъ и,

лично представляя союзнику свою гвардію, обнялъ его и со слезами на глазахъ воскликнулъ: «Не правда ли, никто изъ насъ двухъ не падетъ одинъ? Или оба вмѣстѣ, или ни тотъ, ни другой!»[285]. Первымъ слѣдствіемъ пріѣзда государя было назначеніе Гарденберга министромъ иностранныхъ дѣлъ вмѣсто генерала Цастрова, сторонника отдѣльнаго соглашенія Пруссіи съ Наполеономъ; русское вліяніе восторжествовало, и было рѣшено продолжать войну самымъ энергичнымъ образомъ.

Послѣ смотра, произведеннаго монархами, гвардія пошла изъ Юрбурга на соединеніе съ арміею по едва проходимымъ дорогамъ. Пробывъ въ Юрбургѣ нѣсколько дней, императоръ Александръ, въ сопровожденіи короля, выѣхалъ 2-го (14-го) апрѣля въ Бартенштейнъ, гдѣ находилась главная квартира генерала Бенигсена. Прибывъ туда 5-го (17-го) апрѣля государь встрѣтилъ главнокомандующаго чрезвычайно милостиво. Вспоминая печальный опытъ Аустерлицкаго боя, Александръ предоставилъ Бенигсену дѣйствовать по собственному усмотрѣнію и велѣлъ отдать по арміи слѣдующій приказъ, собственноручно имъ написанный: «Побѣды подъ Пултускомъ и Прейсишъ-Эйлау, одержанныя генераломъ Бенигсеномъ надъ непріятелемъ, оправдали и увеличили довѣренность, возложенную на искусство его. Прибытіе его императорскаго величества къ храброй своей арміи не вводитъ ни въ какомъ отношеніи ни малѣйшей перемѣны въ образѣ начальства, подъ которымъ общее благо Европы столь ощутительно начинаетъ уже возникать. Всѣ повелѣнія выходятъ попрежнему отъ одного главнокомандующаго генерала Бенигсена, равно какъ и рапорты доставляются прямо къ нему».

Пока императоръ со своимъ союзникомъ объѣзжалъ позиціи разныхъ частей войскъ, бароны Гарденбергъ и Будбергъ также съѣхались въ Бартенштейнѣ и приступили къ переговорамъ, приведшимъ 14-го (26-го) апрѣля къ заключенію конвенціи. Новый договоръ еще тѣснѣе сплотилъ союзъ Россіи съ Пруссіею, при чемъ цѣлью войны было провозглашено возвращеніе человѣчеству благодѣяній общаго и прочнаго мира, основаннаго на распредѣленіи владѣній, которое обезпечило бы ихъ за каждою державою подъ общимъ ихъ ручательствомъ. Не побѣдивъ еще Наполеона, союзники намѣревались, для утвержденія независимости Германіи, уничтожить Рейнскій союзъ, заставить Наполеона отвести свои войска за Рейнъ и основать въ Германіи конституціонную федерацію подъ руководствомъ Австріи и Пруссіи. Въ случаѣ присоединенія Австріи ил Англіи къ союзу, имъ было обѣщано территоріальное расширеніе. Россія за всѣ пожертвованія въ пользу общаго дѣла не выговаривала себѣ ничего; мало того, 12-ю статьею конвенціи еще провозглашались независимость и цѣлость Оттоманской Порты. Высокія договаривавшіяся стороны, какъ сказано въ конвенціи, «не потерпятъ, чтобы имъ былъ нанесенъ малѣйшій ущербъ». Любопытно, что въ договоръ могла быть

Князь Дмитрій Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій.
Съ портрета, принадлежащаго князю А. В. Лобанову-Ростовскому.

включена подобная статья, если принять въ соображеніе, что Россія съ 1806 года состояла въ войнѣ съ Оттоманской Портой. Вообще, основаніемъ дѣйствій союзниковъ должны были служить: безкорыстіе, уваженіе собственности и умѣренность; руководствуясь подобными началами, полагали возможнымъ возвести такое прочное зданіе, которое не могло бы разрушиться при первомъ покушеніи потрясти его[286].

Къ счастію для Россіи, другія державы не нашли для себя возможнымъ присоединиться къ конвенціи 14-го (26-го) апрѣля и вступить въ предлагавшійся безкорыстный союзъ.

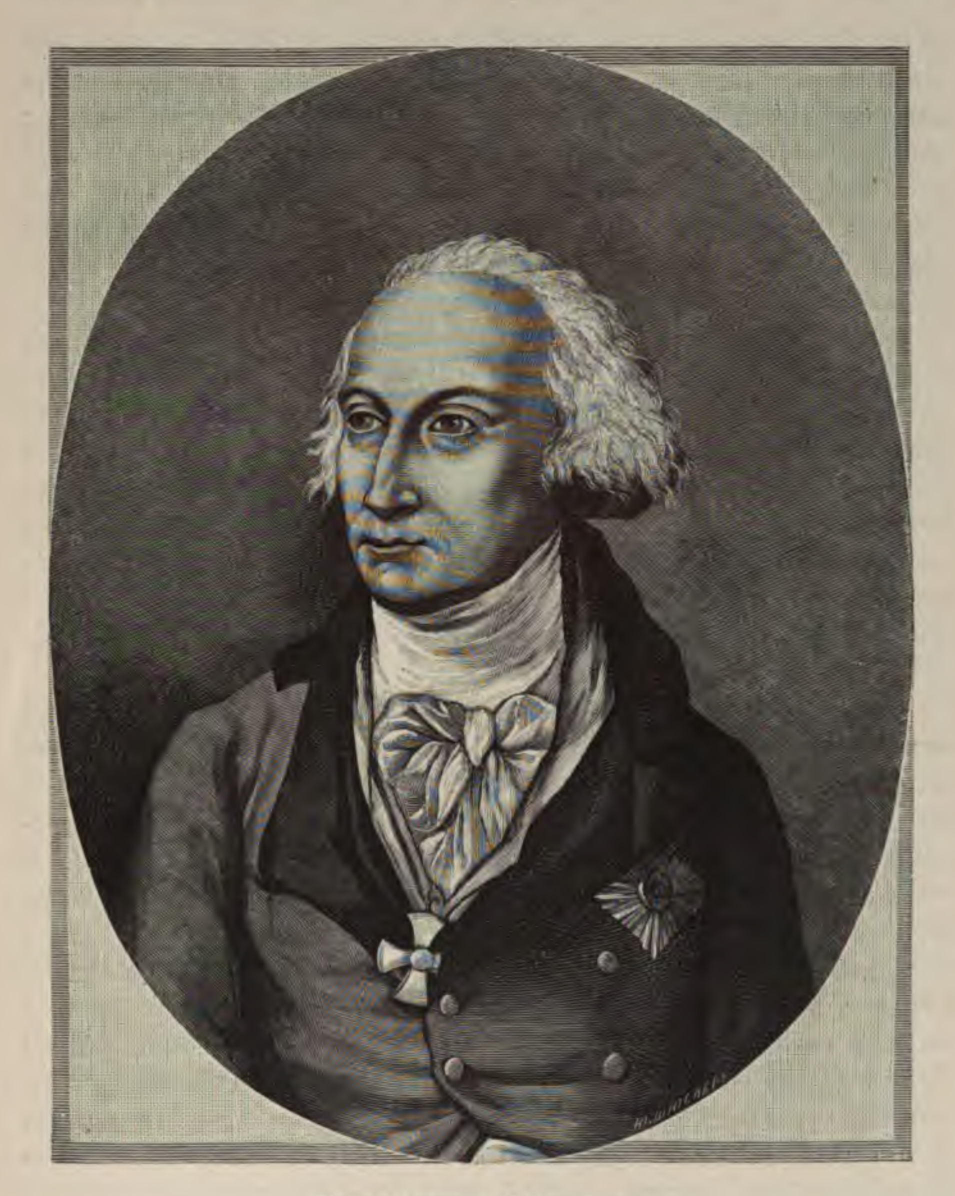
Австрія признала условія Бартенштейновской конвенціи столь неумѣренными, что полагала невозможнымъ добиться предначертанной цѣли даже послѣ ряда самыхъ блистательныхъ военныхъ успѣховъ. Вообще, въ Вѣнѣ, по традиціонному предубѣжденію, взирали крайне несочувственно на Пруссію и на затѣянную ею войну съ Наполеономъ; однажды графъ Стадіонъ въ припадкѣ откровенности высказалъ графу Разумовскому слѣдующее: «Tenez, voulez-vous que je vous dise ce qu'on pense ici. C'est que vous faites la guerre pour la Prusse».

Не менѣе остроумно отнесся и Каннингъ къ настоятельному приглашенію приступить къ конвенціи. Онъ признался, что ему извѣстенъ проектъ Гарденберга объ организаціи Сѣверо-германскаго союза, главою котораго долженъ былъ быть король прусскій; по мнѣнію Каннинга, при такой организаціи Германіи военное господство въ Европѣ перешло бы къ Пруссіи и было бы сходно съ деспотическою властью Наполеона надъ членами Рейнскаго союза, обративъ германскихъ князей въ вассаловъ прусскаго короля.

Осмотрѣвъ различныя части арміи, императоръ Александръ уѣхалъ въ Тильзитъ; Фридрихъ-Вильгельмъ отправился въ Кенигсбергъ. Передъ отъѣздомъ государь отдалъ въ Бартенштейнѣ 9-го (21-го) мая приказъ, который подтверждалъ полную свободу дѣйствій, предоставленную генералу Бенигсену, и былъ составленъ въ самыхъ лестныхъ для главнокомандующаго выраженіяхъ.

Содержаніе приказа было слѣдующее: «Его императорское величество, отъѣзжая на время отъ своей арміи, оставляетъ сей драгоцѣнный залогъ безопасности и славы отечества ревности и искусству главнокомандующаго, генерала-отъ-кавалеріи Бенигсена, ввѣряя ему полную и неограниченную власть для соблюденія строжайшей дисциплины, безъ которой военныя дѣйствія при самомъ лучшемъ соображеніи остаются безуспѣшными. Его императорское величество совершенно увѣренъ, что новые успѣхи не замедлятъ увѣнчать подвиги неустрашимыхъ его войскъ, коихъ храбрость и мужество ознаменованы предъ цѣлымъ свѣтомъ въ двухъ побѣдахъ, одержанныхъ надъ непріятелемъ, мечтавшимъ быть непобѣдимымъ».

Хотя императоръ Александръ твердо рѣшился продолжать свое единоборство съ Наполеономъ, но въ это время среди русской арміи начали уже раздаваться вліятельные голоса въ пользу мира[287]. Къ нимъ принадлежалъ и цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Прибывъ въ Тильзитъ послѣ Гейльсбергскаго сраженія, разыгравшагося 29-го мая (10-го іюня)[288], цесаревичъ горячо убѣждалъ своего державнаго брата вступить въ переговоры съ Наполеономъ. Между ними произошла бурная сцена[289], но императоръ остался непреклоненъ въ рѣшеніи продолжать войну и приказалъ цесаревичу возвратиться къ арміи. Затѣмъ

Карлъ-Августъ Гарденбергъ.

Съ гравированнаго портрета Зинцениха.

государь 2-го (14-го) іюня вечеромъ выѣхалъ въ Юрбургъ навстрѣчу прибывшимъ изъ Россіи резервамъ. Находившійся также въ Тильзитѣ король прусскій 3-го (15-го) іюня утромъ направился въ Мемель.

Въ Тильзитѣ начали распространяться зловѣщіе слухи; тамъ царствовало въ это время, по свидѣтельству очевидца, князя Куракина[290], настоящее вавилонское столпотвореніе; это было смѣшеніе языковъ и чувствъ; въ одно время и страшились, и надѣялись, волновались, гово-

рили, разспрашивали и не понимали другъ друга; никто не зналъ, что говорить, чего ожидать и куда идти. Умолкли голоса стратеговъ, твердившихъ при началѣ прусско-русскаго столкновенія съ Франціей: если война затянется, она послужитъ школой для Россіи; нужно стараться даже придать ей такой характеръ; французы, оставшись побѣдителями, окажутъ императору Александру ту же услугу, какъ нѣкогда шведы Петру Великому, и такимъ образомъ рано или поздно сѣверъ Европы отплатитъ югу за его неблагоразумные уроки[291].

Передъ отъѣздомъ въ армію цесаревичъ пригласилъ къ себѣ въ Тильзитѣ на обѣдъ князя Куракина и Н. Н. Новосильцова. Коснувшись въ разговорѣ положенія дѣлъ, великій князь высказалъ мнѣніе, что было бы весьма желательно, сохраняя армію въ полной боевой готовности, послать парламентера къ Бонапарту, чтобы вывѣдать его дальнѣйшія намѣренія, равно какъ и условія возможнаго съ нимъ соглашенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ цесаревичъ замѣтилъ, что такой образъ дѣйствій не только соотвѣтствовалъ бы выгодамъ Россіи, но и ободрительно повліялъ бы на армію, которая увидѣла бы въ этомъ доказательство заботливости о сбереженіи ея.

Изъ лицъ, окружавшихъ императора Александра, по отзыву цесаревича, только министръ иностранныхъ дѣлъ баронъ Будбергъ настаивалъ на необходимости продолжать войну[292]. По этому поводу великій князь разсказалъ еще Куракину, что наканунѣ утромъ генералъ Будбергъ пришелъ къ нему и откровенно высказалъ свой образъ мыслей въ присутствіи князя Чарторижскаго и Новосильцова. Министръ съ жаромъ отстаивалъ свое мнѣніе, утверждая, что наша армія еще не разбита, что у насъ имѣется еще резервная армія, и что мы можемъ разсчитывать на вѣрность нашихъ польскихъ провинцій, а государь можетъ положиться на свой народъ. Князь Чарторижскій вмѣшался въ разговоръ, увѣряя Будберга, что онъ сильно ошибается относительно настроенія нашихъ польскихъ подданныхъ, что сѣмя возстанія распространено между ними, и что они, безъ сомнѣнія, поголовно возстанутъ, какъ только Бонапартъ перейдетъ границу. Великій князь, съ своей стороны, замѣтилъ, что сторонники войны напрасно разсчитываютъ на поддержку большой резервной арміи; напротивъ того, вся наша надежда и все наше спасеніе находится въ зависимости отъ цѣлости и сомнительныхъ успѣховъ только одной арміи Бенигсена; что въ настоящее время резервы состоятъ въ дѣйствительности только изъ двухъ дивизій Лобанова и Горчакова, въ составѣ едва 35,000 человѣкъ. Кромѣ того, цесаревичъ указалъ еще на другія неблагопріятныя къ продолженію войны обстоятельства, заключавшіяся въ недостаткѣ у насъ оружія, припасовъ и денегъ. Что же касается русскаго народа, то хотя онъ извѣстенъ своею доблестью и безпредѣльною преданностью своимъ государямъ, но въ случаѣ

вторженія побѣдоносной арміи, населеніе не можетъ оказать сопротивленія безъ регулярныхъ войскъ.

Между тѣмъ, во время отсутствія изъ арміи цесаревича, участь похода 1807 года была рѣшена. 2-го (14-го) іюня на берегахъ рѣки Алле произошло Фридландское сраженіе, послѣ котораго не подлежало уже сомнѣнію, на чьей сторонѣ находилась побѣда. Генералъ Бенигсенъ, величавшій себя доселѣ побѣдителемъ непобѣдимаго (le vainqueur de l'invincible), былъ на этотъ разъ окончательно разбитъ «авантюристомъ Бонапартомъ»[293]. Выѣхавъ изъ Тильзита, цесаревичъ встрѣтилъ въ Инстербургѣ остатки разбитой арміи. Результатомъ боя оказались громадныя потери, до 15,000 человѣкъ, и неизбѣжное отступленіе русской арміи за Нѣманъ, сопровождавшееся занятіемъ Кенигсберга французами. Фридрихъ-Вильгельмъ III сдѣлался окончательно королемъ безземельнымъ: вся Пруссія отъ Везера до Нѣмана, кромѣ Кольберга, Пиллау, Грауденца и Мемеля, находилась во власти Наполеона[294].

Императоръ Александръ получилъ извѣстіе о фридландскомъ пораженіи въ Олитѣ 4-го (16-го) іюня, во время смотра 17-й дивизіи князя Лобанова-Ростовскаго. Генералъ Бенигсенъ, въ заключеніе своего краткаго донесенія отъ 3-го (15-го) іюня изъ Алленбурга, повергалъ на благоусмотрѣніе государя мнѣніе о необходимости завязать съ непріятелемъ мирные переговоры (quelques négociations de paix), чтобы выиграть хотя бы нѣсколько время, нужное для вознагражденія потерь, понесенныхъ арміею. Но, независимо отъ донесенія главнокомандующаго, императоръ Александръ прочелъ еще частное письмо старшаго дипломатическаго чиновника въ арміи, Цизмера, къ министру иностранныхъ дѣлъ, въ которомъ говорилось по поводу постигшаго насъ злополучія, что генералъ Бенигсенъ, не желая огорчить государя, пишетъ ему не все и представляетъ дѣло въ менѣе мрачномъ видѣ, нежели какъ было въ дѣйствительности. «Если очевидцу всей кампаніи позволено будетъ откровенно говорить начальнику», сказано въ письмѣ: «то осмѣлюсь доложить, что намъ остается одно средство: какъ можно скорѣе предложить перемиріе или вступить въ переговоры о мирѣ»[295].

Всѣ эти безотрадныя вѣсти побудили императора Александра написать въ тотъ же день, т. е. 4-го (16-го) іюня, въ Олитѣ, генералу Бенигсену слѣдующее собственноручное письмо:

«Ввѣривъ вамъ, генералъ, армію прекрасную, явившую столь много доказательствъ своей храбрости, я совершенно не былъ подготовленъ получить извѣстія, которыя вы мнѣ нынѣ сообщили. Если у васъ, кромѣ открытія переговоровъ о перемиріи, нѣтъ другихъ средствъ выйти изъ затруднительнаго положенія, въ которомъ находитесь, то разрѣшаю вамъ сіе исполнить, но съ тѣмъ, однако, чтобы вы договаривались отъ имени вашего. Я призналъ за благо отправить къ вамъ генералъ-лейтенанта

князя Лобанова-Ростовскаго, находя его во всѣхъ отношеніяхъ способнымъ получить отъ васъ порученіе для веденія этихъ щекотливыхъ переговоровъ[296]. Онъ словесно передастъ вамъ приказанія, которыми я снабдилъ его, и, посовѣтовавшись съ генераломъ Поповымъ, отправьте его къ Бонапарту. Вы должны чувствовать, сколь тяжко мнѣ обратиться къ сему средству (Vous devez sentir tout ce qu'il m'en coute de passer par ce moyen)».

Письмо на имя главнокомандующаго государь отправилъ въ армію подъ открытою печатью къ В. С. Попову для прочтенія и, полагаясь на его безпристрастное сужденіе, уполномочивалъ его рѣшить вопросъ, дѣйствительно ли армія до такой степени разстроена, какъ утверждаетъ Бенигсенъ, что надобно прекратить военныя дѣйствія? Въ послѣднемъ случаѣ Поповъ долженъ былъ передать главнокомандующему письмо государя.

Нѣмецкіе историки приходятъ въ негодованіе, что рѣшеніе вопроса о мирѣ и войнѣ могло было быть довѣрено интендантскому чиновнику — «diesen Popow», какъ презрительно пишетъ Бернгарди въ своей исторіи Россіи, и, къ довершенію горя, безъ всякаго предварительнаго соглашенія съ королемъ прусскимъ, находившимся въ Мемелѣ[297]. Но порицатели императора Александра забываютъ, что В. С. Поповъ состоялъ въ военной службѣ съ 1765 по 1797 годъ, принималъ участіе во второй екатерининской войнѣ съ Турціею и, пользуясь особеннымъ довѣріемъ князя Потемкина, прошелъ при свѣтлѣйшемъ въ качествѣ правителя его канцеляріи такую школу, что не могъ оставаться чуждымъ и военному дѣлу. Поэтому его слѣдуетъ признать полноправнымъ судьею въ рѣшеніи вопроса, которое было возложено на него высочайшимъ довѣріемъ.

Поповъ донесъ императору Александру о необходимости прекратить на время военныя дѣйствія и вручилъ генералу Бенигсену письмо государя[298]. Когда такимъ образомъ главнокомандующему развязали руки, онъ обратился 6-го (18-го) іюня къ князю Багратіону съ письмомъ, въ которомъ изъявлялъ желаніе вступить съ непріятелемъ въ переговоры о перемиріи, чтобы положить конецъ кровопролитію. Князю Багратіону, командовавшему нашимъ аріергардомъ, поручено было сообщить эти намѣренія главнокомандующаго начальнику французскаго авангарда, приложивъ письмо генерала Бенигсена, но не ранѣе, какъ послѣ перехода всѣхъ нашихъ войскъ на правый берегъ Нѣмана[299]. Предложеніе о перемиріи, которое повезъ майоръ Шёпингъ 7-го (19-го) іюня, встрѣтило со стороны французовъ, какъ и слѣдовало ожидать, самый сочувственный пріемъ.

Наполеонъ издавна уже сознавалъ, что ему нужно пріобрѣсти для Франціи вѣрнаго континентальнаго союзника, на котораго можно было бы

Або въ началѣ XIX столѣтія.

Съ гравюры того времени.

положиться въ будущемъ. Событія войны 1806 и 1807 годовъ еще болѣе убѣдили его въ необходимости прочнаго союза съ одною изъ европейскихъ великихъ державъ. «Необходимо», писалъ Наполеонъ Талейрану: «чтобы все это окончилось системою тѣснаго союза или съ Россіею, или съ Австріею». Вѣнскій кабинетъ не сумѣлъ своевременно извлечь для себя возможной выгоды изъ борьбы, завязавшейся на сѣверовосточной окраинѣ Прусскаго королевства. Пока австрійскіе дипломаты колебались и не знали, къ какому берегу пристать, Фридландское сраженіе опредѣлило дальнѣйшее направленіе французской политики; къ крайнему огорченію вѣнскаго кабинета, Наполеонъ протянулъ руку примиренія Россіи и не встрѣтилъ отказа со стороны императора Александра, поставившаго на этотъ разъ пользы и выгоды Россіи выше сохраненія цѣлости Пруссіи. Маренго обезпечило за Наполеономъ владычество въ Италіи, Аустерлицъ повергъ къ его стопамъ Австрію, Фридландъ же привлекъ къ побѣдителю союзника, содѣйствіе котораго входило съ 1801 года въ политическую программу французскаго владыки. Не подлежитъ сомнѣнію, что Наполеонъ съ своей стороны искренно желалъ мира и сознавалъ необходимость остановиться на этотъ разъ на Нѣманѣ. Хотя впослѣдствіи Наполеонъ писалъ императору Александру[300]: «я могъ быть въ Вильнѣ черезъ двѣнадцать дней послѣ сраженія при Фридландѣ», но занятіе Вильны, конечно, не обусловило бы исхода борьбы съ Россіею, требовавшей громадной подготовки.

Въ десять часовъ вечера 7-го (19-го) іюня къ русскому главнокомандующему прибылъ Дюрокъ, съ которымъ онъ познакомился еще въ Петербургѣ въ 1801 году. Французскій посланный сказалъ, что Наполеонъ намѣренъ вести переговоры не только о перемиріи, но и о мирѣ, и между прочимъ увѣрилъ Бенигсена, что Наполеонъ искренно желаетъ сближенія съ императоромъ Александромъ, «mais qu'il fallait s'entendre»; онъ нѣсколько разъ повторялъ это выраженіе, которое, по мнѣнію Бенигсена, содержало намекъ на свиданіе между обоими монархами[301].

Между тѣмъ князь Лобановъ, посланный въ Тильзитъ для веденія переговоровъ по заключенію перемирія, встрѣтилъ нѣкоторую задержку въ исполненіи даннаго ему порученія, вслѣдствіе требованія Наполеона о сдачѣ ему прусскихъ крѣпостей Грауденца, Пиллау и Кольберга. Цесаревичъ отправился съ этимъ извѣстіемъ къ государю, находившемуся въ Шавли. Отсутствіе великаго князя было непродолжительно; 9-го (21-го) іюня онъ привезъ отвѣтъ императора Александра Бенигсену, что Грауденцъ, Пиллау и Кольбергъ ему не принадлежатъ, и что, слѣдовательно, онъ не можетъ давать согласія на уступку этихъ крѣпостей французамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ государь прислалъ полномочіе князю Лобанову вступить въ переговоры для заключенія мира. Это рѣшеніе, принятое государемъ, отстранило всѣ затрудненія къ соглашенію.

10-го (22-го) іюня князь Лобановъ съ полномочіями отправился въ Тильзитъ и былъ принятъ Наполеономъ. «Я много наслышался о васъ хорошаго», сказалъ Наполеонъ князю, пристально смотря ему въ глаза, «и благодаренъ императору Александру за сдѣланный имъ выборъ». Потомъ, приблизившись къ столу, на которомъ лежала карта, онъ прибавилъ, указывая на Вислу: «вотъ граница обѣихъ имперій: съ одной стороны долженъ владычествовать вашъ государь, съ другой — я». На это князь Лобановъ, памятуя данныя ему инструкціи, отвѣчалъ: «Государь мой твердо намѣренъ защищать владѣнія союзника своего, короля прусскаго». Наполеонъ, тѣмъ не менѣе, продолжалъ излагать Лобанову доводы въ пользу своихъ предположеній. Князь слушалъ его хладнокровно и потомъ напомнилъ ему о цѣли своего пріѣзда. Наполеонъ, готовясь къ соглашенію съ Россіею, собралъ уже предварительно вѣрныя данныя о характерѣ и способностяхъ императора Александра; вступая съ нимъ въ переговоры, онъ зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Въ одномъ онъ только ошибся, полагая, что Александръ, вѣрный словамъ своего манифеста, изданнаго при восшествіи на престолъ, раздѣлялъ и всѣ великія мысли своей геніальной бабки[302]. Отвѣтъ князя Лобанова отрезвилъ Наполеона: замѣтивъ, что краснорѣчіе его политической импровизаціи не встрѣчаетъ ожидаемаго отголоска со стороны русскаго посланнаго, императоръ обратился къ Бертье и приказалъ ему заняться редакціею перемирія согласно полученному уже наставленію.

Въ тотъ же день, 10-го (22-го) іюня, перемиріе было утверждено Наполеономъ. Пятою статьею этого договора императоръ россійскій и императоръ французовъ обязывались назначить въ самомъ скорѣйшемъ времени полномочныхъ для постановленія окончательнаго мира между обоими народами. Съ Пруссіею Наполеонъ предоставлялъ себѣ право заключить особое перемиріе.

Въ седьмомъ часу пополудни Наполеонъ пригласилъ къ своему столу князя Лобанова и обошелся съ русскимъ уполномоченнымъ весьма ласково. Въ продолженіе обѣда, къ которому приглашены были также Бертье и Дюрокъ, Наполеонъ потребовалъ шампанскаго, налилъ себѣ и князю Лобанову и провозгласилъ тостъ за здоровье императора Александра. Когда затѣмъ за обѣдомъ зашла рѣчь объ императрицѣ Екатеринѣ, и при воспоминаніи о ней на глазахъ у Лобанова навернулись слезы, Наполеонъ схватилъ за руку сидѣвшаго возлѣ него Дюрока и сказалъ ему: «Regardez, regardez, Duroc, comme les russes aiment leurs souverains». Князь Лобановъ оставался у Наполеона до девяти часовъ вечера. «Онъ былъ веселъ и говорливъ до безконечности», доносилъ князь Лобановъ государю: «повторялъ мнѣ не одинъ разъ, что онъ всегда былъ преданъ (dévoué) и чтилъ ваше императорское величество, что польза взаимная обѣихъ державъ всегда требовала союза, и что ему соб-

ственно никакихъ видовъ на Россію имѣть нельзя было. Онъ заключилъ тѣмъ, что истинная и натуральная граница россійская должна быть рѣка Висла».

Въ то время, когда въ Тильзитѣ изготовляли договоръ о перемиріи, императоръ Александръ имѣлъ въ Шавли съ княземъ Куракинымъ достопамятный разговоръ, въ которомъ исчислилъ всѣ соображенія, заставившія его желать мира. Государь сказалъ: мы потеряли ужасающее число офицеровъ и солдатъ; всѣ наши генералы, и въ особенности лучшіе, ранены и больны; въ арміи только пять-шесть генералъ-лейтенантовъ, которые, какъ, напримѣръ, Горчаковъ, Уваровъ и Голицынъ, не имѣютъ ни опытности, ни военныхъ талантовъ, и что, слѣдовательно, у насъ нѣтъ свѣдущихъ начальниковъ, способныхъ командовать войсками и отдѣльными корпусами[303]. Затѣмъ государь упомянулъ, что ему невозможно продолжать войну одному, безъ помощи союзниковъ; что Англія вела себя дурно съ самаго начала и теперь дала незначащее обѣщаніе выставить вспомогательный корпусъ численностью отъ 10 до 15,000 человѣкъ, не опредѣляя въ точности, въ какое время она приступитъ къ его исполненію, и, что когда прибудутъ эти войска, будетъ уже поздно; что лордъ Говеръ, прибывшій съ этими увѣреніями, объяснилъ также, что Англія не можетъ назначить болѣе 2.200,000 фунтовъ стерлинговъ въ годъ для поддержки своихъ континентальныхъ союзниковъ, и что эту сумму должно еще раздѣлить между Россіей, Пруссіей и Австріей; что подобная незначительная денежная поддержка не можетъ ему служить облегченіемъ ввиду предстоящихъ громадныхъ издержекъ[304], и что онъ надѣется, что Франція не нарушитъ неприкосновенности нашихъ границъ[305], а для возврата Пруссіи ея владѣній онъ можетъ предложить соотвѣтственные эквиваленты, какъ-то: Молдавію, Валахію и семь Іоническихъ острововъ. Наконецъ, заключилъ Александръ, «бываютъ обстоятельства, среди которыхъ надобно думать преимущественно о самомъ себѣ и руководствоваться однимъ побужденіемъ: благомъ государства»[306].

Относительно Бенигсена государь замѣтилъ тому же князю Куракину, что онъ понять не можетъ, какимъ образомъ объ этомъ генералѣ сложилось въ столицѣ такое высокое мнѣніе; его нисколько не уважаютъ среди арміи; всѣ находятъ его вялымъ и лишеннымъ энергіи; онъ послѣ каждой битвы только все отступаетъ, вмѣсто того, чтобы идти впередъ, какъ къ тому привыкъ русскій солдатъ и какъ это всегда исполнялъ Суворовъ, и что нашими побѣдами при Пултускѣ и Эйлау мы обязаны не ему и его мнимымъ талантамъ, а единственно доблести нашихъ войскъ.

Король прусскій, прибывшій изъ Мемеля, по приглашенію императора Александра въ Шавли, нашелъ уже всю политическую систему измѣнившеюся какъ бы дѣйствіемъ волшебнаго жезла[307]. Ему только

Свиданіе императора Александра I съ Наполеономъ на Нѣманѣ въ 1807 году.

Съ гравюры Лиго [illegible] сдѣланной съ рисунка съ натуры Лорье.

Свиданіе императора Александра I съ Наполеономъ на Нѣманѣ въ 1807 году.

Съ гравюры Лимо, сдѣланной съ рисунка съ натуры Лорье.

оставался одинъ исходъ — послѣдовать примѣру союзника и вступить въ переговоры о перемиріи съ своимъ грознымъ противникомъ. Король поручилъ заключеніе перемирія фельдмаршалу графу Калькрейту. Выборъ оказался неудачнымъ; по неосторожности уполномоченнаго, приняты были самыя невыгодныя для Пруссіи условія. Гарденбергъ, несмотря на свои настойчивыя старанія, не былъ допущенъ къ переговорамъ; когда же имя составителя бартенштейновскаго договора было произнесено, Наполеонъ, гнѣвно топнувъ ногою, сказалъ: «Я знать не хочу Гарденберга, не имѣю къ нему довѣрія и готовъ вести войну еще 40 лѣтъ, чтобы не допустить его къ переговорамъ» [308].

11-го (23-го) іюня князь Лобановъ отправился съ актомъ перемирія къ императору Александру, прибывшему изъ Шавли въ Таурогенъ. Государь встрѣтилъ князя съ распростертыми объятіями и благодарилъ его въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ [309]. Радость преисполнила сердца сторонниковъ мира: «Ничего болѣе счастливаго для насъ не могло случиться», сообщилъ князь Куракинъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. «Небо ниспослало намъ благословеніе и оказало покровительство въ самую трудную пору, въ какой только Россія находилась когда-либо. Оставленные или неподдержанные въ должной мѣрѣ нашими союзниками, мы были вынуждены нести всю тяжесть войны, которую мы могли бы выдержать лишь при дѣятельномъ содѣйствіи Англіи и Австріи; у насъ не было ни денегъ, ни продовольствія, ни оружія; наши войска послѣ испытанныхъ ими потерь могли бы быть пополнены только на счетъ нашего народонаселенія, и, къ тому же, новые рекруты не могли бы сразу замѣнить нашихъ старыхъ солдатъ; мы имѣли передъ собою, у нашихъ границъ, побѣдоноснаго непріятеля, съ силами втрое большими, чѣмъ наши собственныя, которымъ оставалось сдѣлать одинъ шагъ впередъ, чтобы вступить въ наши польскія провинціи, гдѣ тлѣетъ огонь возмущенія — и все готово было принять непріятеля и возстать! Что же мы могли ему противопоставить? Остатки большой арміи, упавшей духомъ вслѣдствіе всего вынесеннаго ею по милости генераловъ; полное разстройство нашихъ средствъ и ихъ источниковъ; отсутствіе всякой надежды на успѣхъ и совершенную безполезность всѣхъ пожертвованій въ случаѣ дальнѣйшаго упорства съ нашей стороны. Эта картина, совершенно правдивая, въ которой нѣтъ ничего пристрастнаго или преувеличеннаго, достаточно убѣждаетъ, насколько мы счастливы, что вышли съ такою выгодою изъ этой трудной и опасной борьбы, въ которую мы были вовлечены» [310].

Императоръ Александръ, утвердивъ перемиріе, снабдилъ князя Лобанова слѣдующимъ собственноручнымъ наставленіемъ: «Вы засвидѣтельствуете императору Наполеону искреннюю мою благодарность за все, переданное по его порученію, и увѣрите его въ моихъ пожела-

ніяхъ, чтобы тѣсный союзъ (union étroite) между обоими нашими народами загладилъ прошедшія бѣдствія. Скажите ему, что этотъ союзъ Франціи съ Россіею постоянно былъ предметомъ моихъ желаній, и что, по моему убѣжденію, одинъ только этотъ союзъ можетъ обезпечить счастіе и спокойствіе мира [311]. Система совершенно новая должна замѣнить ту, которая существовала донынѣ, и я льщу себя надеждою, что мы съ императоромъ Наполеономъ легко сговоримся, если только станемъ переговариваться безъ посредниковъ (pourvu que nous traitions sans intermédiaires). Прочный миръ можетъ быть заключенъ между нами въ нѣсколько дней».

Итакъ, переходъ Россіи къ новой политической системѣ былъ рѣшенъ въ умѣ государя; романтика уступила наконецъ мѣсто государственному эгоизму.

Возвратившись въ главную квартиру, князь Лобановъ увѣдомилъ Бертье объ утвержденіи перемирія императоромъ Александромъ. Тотчасъ къ нему явился Дюрокъ для размѣна ратификацій: это происходило въ часъ пополуночи на 12-е (24-е) іюня. Дюрокъ въ разговорѣ съ Лобановымъ спрашивалъ, не имѣетъ ли онъ какихъ-либо приказаній отъ своего государя относительно будущихъ переговоровъ. — «Взаимное объясненіе монарховъ», отвѣчалъ князь, «очень можетъ облегчить ихъ и ускорить окончаніе». Заявленіе это доставило Дюроку видимое удовольствіе, и онъ обѣщалъ передать его Наполеону. Оказалось, что обѣ договаривавшіяся стороны стремились къ достиженію одной и той же цѣли.

Желая находиться ближе къ мѣсту переговоровъ, императоръ Александръ, въ сопровожденіи короля прусскаго, 12-го (24-го) іюня выѣхалъ изъ Таурогена въ Пиктупёненъ. Утромъ того же дня князь Лобановъ отправился въ Тильзитъ и имѣлъ вторичную продолжительную аудіенцію у Наполеона [312]. Затѣмъ Дюрокъ явился къ государю въ Пиктупёненъ, чтобы поздравить его величество отъ имени императора Наполеона съ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій и предложить свиданіе. Императоръ Александръ принялъ приглашеніе, послѣ чего условились съѣхаться на слѣдующій день 13-го (25-го) іюня на Нѣманѣ.

Памятуя фридриховскую традицію исправлять по мѣрѣ силъ фигуру Пруссіи (régler la figure de la Prusse), баронъ Гарденбергъ счелъ умѣстнымъ въ виду предстоявшихъ переговоровъ о мирѣ выступить съ фантастическимъ проектомъ переустройства Европы, клонившимся къ новому возвеличенію Пруссіи на счетъ Россіи и Турціи.

Еще 10-го (22-го) іюня, т. е. за три дня до перваго свиданія императоровъ, Гарденбергъ убѣдилъ императора Александра принять за основаніе переговоровъ съ Франціею придуманное имъ новое земельное разграниченіе, которое обезпечивалось бы союзомъ между Россіею, Пруссіею и Франціею. Подобную политическую систему нѣкогда желалъ

установить Наполеонъ, и поэтому, какъ говорилъ Гарденбергъ, въ случаѣ принятія его предложеній, Франція не можетъ желать ослабленія Пруссіи, но должна будетъ, напротивъ того, приложить старанія сдѣлать ее сильнѣе. Для достиженія этой цѣли прусскій министръ находилъ, что раздѣлъ европейской Турціи представлялъ бы удобное средство для удовлетворенія всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ, предоставляя Франціи желаемое ею господство на Средиземномъ морѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Наполеонъ достигъ бы этимъ путемъ столь преслѣдуемой имъ цѣли--свободы морей.

Предложенный Гарденбергомъ въ представленной имъ государю запискѣ раздѣлъ Турціи находился въ связи съ возстановленіемъ Польши и заключался въ слѣдующемъ:

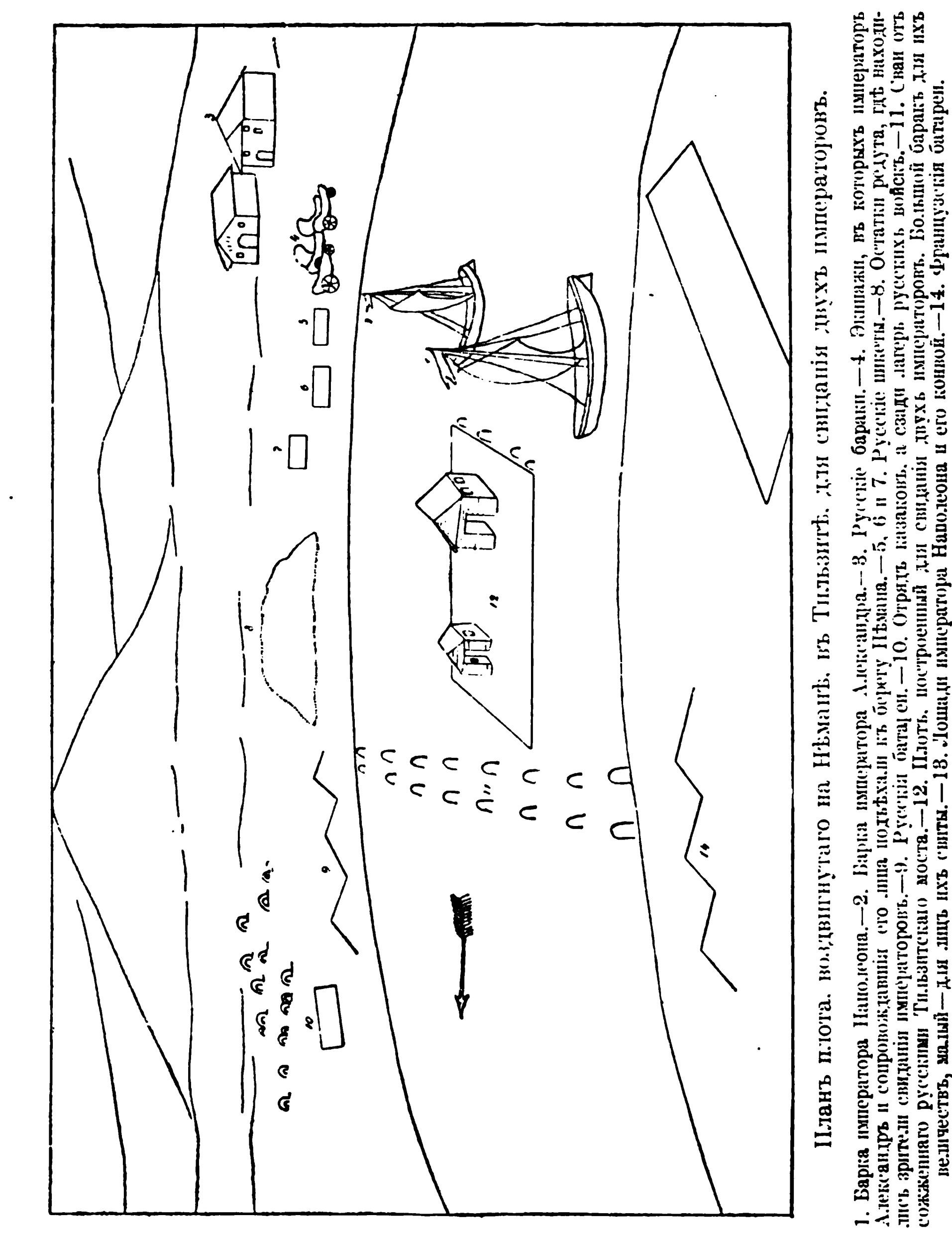
Россія получала Молдавію и Валахію съ лѣвымъ берегомъ Ольты, Бессарабію, Румелію (названную въ запискѣ «La Romanie») съ замками на азіатскомъ берегу и Болгарію. Слѣдовательно, Россіи присуждался Константинополь, хотя въ запискѣ это и не было сказано прямо. Но этотъ щедрый прусскій даръ предстояло еще завоевать; своему же королю, какъ увидимъ ниже, Гарденбергъ назначалъ богатѣйшія владѣнія Германіи, образуя изъ нихъ нѣчто въ родѣ сѣверо-германскаго союза 1866 года; пріобрѣтеніе этихъ владѣній не стоило бы Пруссіи ни капли крови.

Австрія получала Далмацію, Боснію, Сербію и часть Валахіи (т. е. Малую Валахію), король неаполитанскій Фердинандъ — Албанію и Іоническіе острова, король сардинскій — Македонію, Франція — Ѳессалію, Ливадію, Негропонтъ, Морею, Кандію и всѣ острова европейскаго архипелага. Наконецъ, Сицилію и Сардинію Гарденбергъ уступалъ королю Іосифу и Франціи.

Затѣмъ начинается самая любопытная часть гарденберговскаго проекта, имѣющая предметомъ возстановленіе польскаго королевства. Для этой цѣли щедрый на чужое добро дипломатъ предлагалъ возвратить Польшѣ земли, отнятыя у нея по послѣднему раздѣлу, но, конечно, оставляя за Пруссіею «le département de Posen et Danzig et Thorn», а за Россіею только «ce qu'il lui faut pour les communications nécessaires», т. е., вѣроятно, узкую полосу земли для связи имперіи съ новыми пріобрѣтеніями, которыя предстояло еще завоевать на Балканскомъ полуостровѣ. Королемъ этой вновь созданной Польши предполагалось назначить саксонскаго короля.

Въ заключеніе Гарденбергъ переходилъ къ плану возвеличенія Пруссіи и обращенія безземельнаго короля въ многоземельнаго; читая послѣдующія фантастическія комбинаціи, можно думать, что Франція испытала въ 1806 и 1807 годахъ рядъ пораженій, а Пруссія угрожала уже Парижу. Фридриху-Вильгельму выговаривалось сохраненіе всѣхъ

его нѣмецкихъ владѣній (за исключеніемъ Вестфаліи, уступавшейся Франціи, и Байрейта), и затѣмъ присуждались Саксонія и Лузація, часть земель Бамберга и Вюрцбурга, Любекъ и Гамбургъ. Сверхъ того, подъ главенствомъ Пруссіи, предполагалось образовать федеративную

Планъ плота, воздвигнутаго на Нѣманѣ, въ Тильзитѣ, для свиданія двухъ императоровъ.

1. Барка императора Наполеона.—2. Барка императора Александра.—3. Русскіе бараки.—4. Экипажи, въ которыхъ императоръ Александръ и сопровождавшія его лица подъѣхали къ берегу Нѣмана.—5, 6 и 7. Русскіе пикеты.—8. Остатки редута, гдѣ находились зрители свиданія императоровъ.—9. Русскія батареи.—10. Отрядъ казаковъ, а сзади лагерь русскихъ войскъ.—11. Сваи отъ сожженнаго русскими Тильзитскаго моста.—12. Плотъ, построенный для свиданія двухъ императоровъ. Большой баракъ для ихъ величествъ, малый—для лицъ ихъ свиты.—13. Лошади императора Наполеона и его конвой.—14. Французскія батареи.

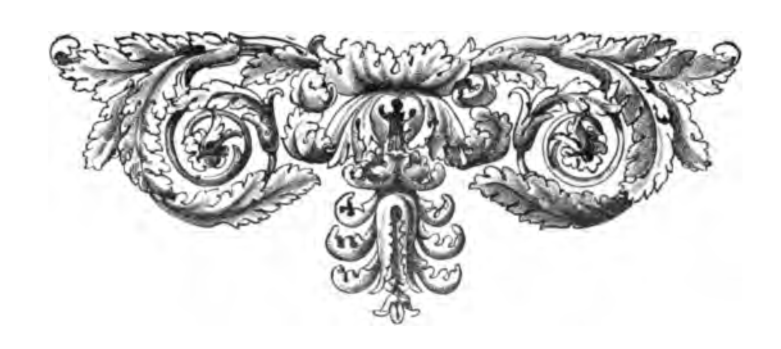
систему изъ Мекленбургскихъ герцогствъ и князей: Ангальтскихъ, Шварцбурга, Рейсъ, Штольбергъ и Саксонскихъ герцогскихъ домовъ. Къ этому союзу должны были еще примкнуть курфюрстъ гессенъ-кассельскій и князь Фульда, которымъ возвращались полностью владѣнія,

утраченныя ими во время войны. Союзъ между Россіею, Пруссіею и Франціею долженъ былъ доставить устойчивость этому новому приращенію политическаго могущества монархіи Фридриха Великаго.

Наконецъ, Гарденбергъ не обошелъ также своими щедротами Англію; онъ предоставлялъ ей Египетъ, возвращалъ Ганноверъ и уступалъ Мальту при условіи, однако, принятія съ ея стороны либеральныхъ принциповъ въ области морского права. Въ случаѣ же отказа Англіи признать свободу морей должно было послѣдовать закрытіе для нея Балтійскаго моря.

Всѣ эти фантастическіе проекты были прочтены и подверглись обсужденію въ нѣсколькихъ конференціяхъ въ присутствіи императора Александра и короля прусскаго и, какъ увѣряетъ Гарденбергъ въ своихъ запискахъ, были утверждены государемъ, какъ руководство для предстоявшихъ переговоровъ [313].

Но русскій Богъ не допустилъ прусскаго дипломата совершить предположенное имъ неслыханное обездоленіе Россіи. Наполеонъ освободилъ императора Александра отъ пагубной прусской дружбы, и Россія снова вступила на путь прежней національной политики, завѣщанной имперіи славными преданіями Петра I и Екатерины II.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

НАПОЛЕОНЪ пожелалъ, по мѣрѣ силъ и средствъ, придать свиданію съ своимъ могущественнымъ противникомъ возможную торжественность. Съ этою цѣлью построили посреди Нѣмана, противъ Тильзита, плотъ съ двумя павильонами, обтянутыми бѣлымъ полотномъ. Одинъ изъ нихъ, предназначавшійся для обоихъ монарховъ, былъ обширнѣе и украшенъ съ возможною роскошью; другой, меньшій, предназначался для ихъ свиты. На фронтонахъ павильоновъ были нарисованы зеленою краскою съ нашей стороны огромное А, а со стороны, обращенной къ Тильзиту, такой же величины N. Къ неудовольствію пруссаковъ, вензель Фридриха-Вильгельма III отсутствовалъ на украшеніяхъ нѣманскаго плота. Французская гвардія выстроилась въ нѣсколько линій, фронтомъ къ рѣкѣ. «Все это войско», пишетъ очевидецъ, «ожидало появленія непобѣдимаго вождя своего, громоноснаго сво-

его полубога, чтобы привѣтствовать его въ минуту быстраго его проскока къ пристани»[314]. Тысячи тильзитскихъ жителей и французскихъ военныхъ покрывали высокій лѣвый берегъ Нѣмана.

Съ нашей стороны не было сдѣлано никакихъ приготовленій, кромѣ лодки съ гребцами[315], двухъ взводовъ кавалергардовъ и эскадрона прусской кавалеріи, расположившихся по берегу Нѣмана, подлѣ разоренной корчмы Оберъ-Мамельшенъ-Кругъ; здѣсь государь предполагалъ остановиться по прибытіи изъ главной квартиры, находившейся въ Амтъ-Баубленъ, чтобы потомъ сѣсть въ лодку и причалить къ плоту не ранѣе и не позже Наполеона.

Разочарованный въ своихъ союзникахъ и въ политической системѣ, усвоенной Россіей съ 1801 года и преслѣдовавшей одну цѣль—общее благо, въ ущербъ истиннымъ выгодамъ имперіи, Александръ Павловичъ опасался встрѣтить въ Наполеонѣ суроваго побѣдителя. Было надъ чѣмъ призадуматься, въ особенности, въ виду предстоявшей необходимости отстоять въ переговорахъ дальнѣйшее существованіе Пруссіи, спасти отъ окончательной гибели бывшаго союзника, обратившагося въ безземельнаго короля.

Около одиннадцати часовъ утра 13-го (25-го) іюня, императоръ Александръ, король прусскій, цесаревичъ Константинъ и лица свиты выѣхали изъ главной квартиры въ Амтъ-Баубленѣ въ коляскахъ и отправились къ берегу Нѣмана по тильзитскому тракту. Прочіе генералы съ адъютантами своими скакали верхомъ по обѣимъ сторонамъ экипажей. По прибытіи въ Оберъ-Мамельшенъ-Кругъ всѣ вошли въ огромную сельскую горницу[316]. Государь сѣлъ близъ окна лицомъ къ выходу; онъ положилъ свою шляпу и перчатки на столъ, стоявшій возлѣ него. Вся горница наполнилась генералами.

Императоръ Александръ имѣлъ на себѣ преображенскій мундиръ, на правомъ плечѣ висѣлъ эксельбантъ, эполетъ же тогда не носили. Панталоны были лосныя бѣлыя, ботфорты короткіе. Голова была покрыта пудрою. Шляпа была высокая; по краямъ ея выступалъ бѣлый плюмажъ, а черный султанъ вѣялъ на гребнѣ ея. Перчатки были бѣлыя лосныя, шпага на бедрѣ, шарфъ вокругъ таліи и Андреевская лента чрезъ плечо. Такъ одѣтъ былъ, по словамъ Д. В. Давыдова, императоръ Александръ.

«Я не спускалъ глазъ съ государя», продолжаетъ тотъ же очевидецъ: «мнѣ казалось, что онъ прикрывалъ искусственнымъ спокойствіемъ и даже иногда веселостію духа различныя чувства, его обуревавшія и невольно обнаружившіяся въ ангельскомъ его взглядѣ и на его открытомъ высокомъ челѣ. И какъ могло быть иначе? Дѣло шло о свиданіи съ величайшимъ полководцемъ, политикомъ, законодателемъ, администраторомъ и завоевателемъ, поразившимъ въ теченіе двухъ только лѣтъ

войска всей Европы и уже два раза нашу армію и нынѣ стоявшимъ на рубежѣ Россіи. Дѣло шло о свиданіи съ человѣкомъ, обладавшимъ даромъ неограниченно господствовать надъ всѣми, съ коими онъ имѣлъ дѣло, и замѣчательнымъ по своей чудесной проницательности».

Черезъ полчаса послѣ прибытія императора Александра къ Нѣману, поставленный на берегу флигель-адъютантъ торопливо отворилъ дверь корчмы и сказалъ: «ѣдетъ, ваше величество». Государь хладнокровно и

Баронъ Андрей Яковлевичъ Будбергъ.
Съ гравированнаго портрета Зенфа.

нимало не торопясь всталъ съ своего мѣста, взялъ шляпу, перчатки и съ спокойнымъ лицомъ вышелъ обыкновеннымъ шагомъ изъ комнаты. Взоры всѣхъ устремились за Нѣманъ. Наполеонъ съ пышнымъ конвоемъ несся верхомъ между двухъ рядовъ своей старой гвардіи. Гулъ восторженныхъ привѣтствій и восклицаній гремѣлъ вокругъ него и доносился до нашего берега.

Оба императора вступили въ лодки въ одно время. Государя сопровождали цесаревичъ Константинъ Павловичъ, генералъ Бенигсенъ, баронъ Будбергъ, князь Лобановъ-Ростовскій, генералъ-адъютанты графъ

Наконецъ, оставалось еще переговорить о несчастномъ Фридрихѣ-Вильгельмѣ III, пребывавшемъ на правомъ берегу Нѣмана въ полномъ невѣдѣніи участи, предстоявшей королевству, проиграннному на Іенскомъ полѣ. Наполеонъ примирился уже съ мыслью сохранить политическое бытіе Пруссіи и потому уступилъ настоятельнымъ просьбамъ императора Александра, согласившись допустить короля къ свиданію на плоту на слѣдующій день.

По окончаніи дѣлового разговора Наполеонъ принялъ лицъ государевой свиты, которыя были представлены ему императоромъ Александромъ, начиная съ цесаревича Константина Павловича. Бенигсену Наполеонъ сказалъ: «Мы уже встрѣчались съ вами, генералъ, и я нашелъ, что вы были иногда злы!»[322]. Затѣмъ Наполеонъ представилъ императору Александру свою свиту; государь обратился съ лестною рѣчью къ Мюрату и Бертье, признавъ ихъ достойными помощниками величайшаго полководца новѣйшихъ временъ.

Такъ какъ Наполеонъ встрѣтилъ императора Александра при выходѣ его изъ лодки, то этикетъ требовалъ, чтобы государь, въ свою очередь, проводилъ Наполеона до лодки, на которой тотъ пріѣхалъ, что и было исполнено. Тѣмъ заключилось къ обоюдному удовольствію первое свиданіе будущихъ союзниковъ[323].

Въ виду предстоявшаго переселенія императора Александра въ Тильзитъ, условились раздѣлить городъ на двѣ половины, одну—для русскихъ, а другую—для французовъ, и ввести въ него по одному батальону русской и французской гвардіи, а при нихъ небольшія конныя части для конвоя. Государь назначилъ комендантомъ нашей половины Тильзита командовавшаго Преображенскимъ полкомъ полковника Козловскаго и велѣлъ ему переговорить съ Дюрокомъ о раздѣленіи Тильзита и учрежденіи карауловъ. Пріѣхавъ въ Тильзитъ, Козловскій получилъ отъ Дюрока уже утвержденное Наполеономъ письменное условіе, отвѣчавшее тому, что между нимъ и государемъ было согласовано на словахъ, съ прибавленіемъ, что пароли, отзывы и лозунги будутъ общіе русскимъ и французскимъ войскамъ. Прочитавъ условіе, императоръ велѣлъ Козловскому переправить въ Тильзитъ первый батальонъ Преображенскаго полка, нѣсколько кавалергардовъ, лейбъ-гусаровъ и лейбъ-казаковъ, съ подтвержденіемъ обращаться съ французами какъ можно ласковѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ было строго запрещено называть Наполеона Бонапартомъ, а до тѣхъ поръ другого имени ему у насъ и не давали. Первымъ батальономъ Преображенскаго полка командовалъ графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ; онъ по образу мыслей своихъ до такой степени не сочувствовалъ союзу съ Франціею, что сказался больнымъ и не пошелъ съ батальономъ на лѣвый берегъ Нѣмана, не желая видѣть того, что должно было произойти въ Тильзитѣ[324]. Вообще въ русскомъ лагерѣ замѣчалось мало сочув-

ствія къ французамъ. Несмотря на проявившееся въ концѣ похода 1807 года стремленіе къ миру, оказалось, что прусская дружба пустила столь глубокіе корни, что трудно было разстаться съ нею. Признавали срамомъ приступать къ миру, не отомстивъ за Фридландъ. По словамъ

Пріемъ Наполеономъ въ Тильзитѣ представителей русскихъ иррегулярныхъ войскъ.

Гравюра Удали, съ картины Вержере, находящейся въ Версальскомъ музеѣ.

Давыдова: «общество французовъ намъ ни къ чему не служило; ни одинъ изъ насъ не искалъ не только дружбы, даже знакомства ни съ однимъ изъ нихъ, не взирая на ихъ стараніе, — вслѣдствіе тайнаго приказа Наполеона,—привлекать насъ всякаго рода привѣтливостями и вѣжливостію.

За привѣтливости и вѣжливости платили привѣтливостями и вѣжливостію—и все тутъ. 1812 годъ стоялъ уже посреди насъ, русскихъ, съ своимъ штыкомъ въ крови по дуло, съ своимъ ножомъ въ крови по локоть». Немного было у насъ тогда прозорливыхъ людей, смотрѣвшихъ на предстоявшій русско-французскій союзъ съ другой точки зрѣнія, болѣе соотвѣтствовавшей истиннымъ выгодамъ Россіи.

14-го (26-го) іюня, императоръ Александръ въ сопровожденіи короля прусскаго отправился для вторичнаго свиданія съ Наполеономъ на Нѣманѣ. Въ свитѣ короля находились графъ Калькрейтъ, генералъ Лестокъ и флигель-адъютантъ Клейстъ. Наполеонъ явился на свиданіе при звѣздѣ Чернаго Орла. Фридрихъ-Вильгельмъ, по словамъ Гарденберга, съ величайшимъ отвращеніемъ возложилъ на себя орденъ Почетнаго Легіона. Король держалъ себя передъ побѣдителемъ съ достоинствомъ. Тьеръ пишетъ: «Il fut triste, digne et roide». Онъ старался доказать Наполеону, что причиною его разрыва съ Франціею было нарушеніе нейтралитета Пруссіи въ 1805 году занятіемъ Анспахской области. Наполеонъ утверждалъ съ своей стороны, что всѣ бѣдствія, постигшія Пруссію, вызваны происками англичанъ; затѣмъ онъ повторилъ королю рѣшимость свою не допускать Гарденберга къ переговорамъ о мирѣ [325], порицалъ прусскія войска и гражданское управленіе. Разставаясь, Наполеонъ пригласилъ императора Александра къ обѣду у себя въ Тильзитѣ; король остался безъ приглашенія. При прощаніи Наполеонъ не счелъ даже нужнымъ представить ему своихъ генераловъ.

Фридрихъ-Вильгельмъ возвратился на правый берегъ Нѣмана въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Онъ сказалъ въ присутствіи Гарденберга и другихъ близкихъ къ нему лицъ, что Наполеонъ прекрасно знакомъ съ недостатками прусскихъ войскъ, и что его собственное мнѣніе, которое онъ постоянно поддерживалъ, вполнѣ подтвердилось: капитаны имѣютъ слишкомъ много доходовъ [326]. Императоръ Александръ замѣтилъ, что разговоръ на этомъ свиданіи былъ въ высшей степени непріятенъ, но что онъ не отчаивается достигнуть лучшаго результата.

Этимъ эпизодомъ закончился прологъ тильзитскаго соглашенія; слѣдующія дѣйствія этой исторической драмы разыгрались уже на лѣвомъ берегу Нѣмана, среди военной ставки Наполеона [327].

Вечеромъ 14-го (26-го) іюня, императоръ Александръ переселился въ Тильзитъ [328]. Наполеонъ устроилъ русскому государю торжественную встрѣчу. Какъ только Александръ ступилъ на лѣвый берегъ Нѣмана, французская артиллерія привѣтствовала его выстрѣлами. Наполеонъ ожидалъ высокаго гостя на берегу и проводилъ до своего дома черезъ ряды французскихъ войскъ, отдававшихъ почести новому союзнику Франціи и преклонявшихъ предъ нимъ свои побѣдоносныя знамена. Послѣ обѣда государь отправился, въ сопровожденіи Наполеона, въ назначенный для его жительства

домъ, тотъ самый, который занималъ онъ во время пребыванія въ Тильзитѣ незадолго до фридландскаго погрома. Въ день прибытія государя въ Тильзитъ пароль, отзывъ и лозунгъ были отданы Наполеономъ—Александръ, Россія, величіе (Alexandre, Russie, grandeur), а на другой день императоромъ Александромъ—Наполеонъ, Франція, храбрость (Napoléon, France, bravoure). На третьи сутки условились, чтобы одинъ Наполеонъ отдавалъ пароли, послѣ чего они были посылаемы ежедневно къ нашему тильзитскому коменданту полковнику Козловскому въ запечатанныхъ конвертахъ.

Первоначально Наполеонъ не хотѣлъ, чтобы прусскій король жилъ въ Тильзитѣ, и намѣревался совершенно отстранить его отъ переговоровъ. Поэтому Фридрихъ-Вильгельмъ ежедневно пріѣзжалъ по утрамъ въ городъ къ императору Александру. При отведенномъ для остановокъ короля домѣ стоялъ французскій караулъ. Черезъ пять дней, по желанію государя, Наполеонъ изъявилъ согласіе на жительство короля въ Тильзитѣ, но съ условіемъ, чтобы онъ не имѣлъ при себѣ прусскихъ войскъ, а караулъ у него содержался бы французами. Наконецъ, и въ этомъ дѣлѣ Наполеонъ уступилъ настояніямъ императора Александра, старавшагося по мѣрѣ силъ облегчить участь своего друга и бывшаго союзника, и разрѣшилъ ввести въ Тильзитъ небольшое, самое необходимое для карауловъ при королѣ, число прусскихъ войскъ[329].

Во все время пребыванія въ Тильзитѣ императора Александра русскія войска гарнизона были гостями французовъ. Они продовольствовались вмѣстѣ съ французскою гвардіею. Ежедневно въ часъ пополудни для нашихъ генераловъ и офицеровъ былъ завтракъ у Бертье; кромѣ того, ихъ часто приглашали къ обѣду Бертье, Коленкуръ и Дюрокъ. За исключеніемъ чиновъ русскаго гарнизона въ Тильзитѣ, никому изъ русскихъ не было дозволено переходить на лѣвый берегъ Нѣмана, кромѣ адъютантовъ, посылавшихся туда изъ арміи въ императорскую главную квартиру. Но любопытство видѣть Наполеона восторжествовало надъ всѣми запрещеніями: генералы и офицеры ѣздили въ Тильзитъ въ партикулярномъ платьѣ и проживали здѣсь по нѣсколько дней.

Утро начиналось тѣмъ, что графъ Толстой и Дюрокъ приходили освѣдомляться первый о здоровьѣ Наполеона, а второй о здоровьѣ Александра. Затѣмъ, до обѣда оба императора, иногда въ сопровожденіи короля прусскаго, отправлялись на смотры и ученія французскихъ войскъ, расположенныхъ около Тильзита. Наполеонъ показывалъ государю маневрированіе своихъ войскъ. Императора Александра встрѣчали во французскомъ лагерѣ съ тѣми же почестями, какія отдавались самому Наполеону. Свиту государя составляли всѣ маршалы и множество генераловъ[330]. Возвращаясь съ этихъ поѣздокъ, Наполеонъ удерживалъ у себя императора Александра и посылалъ къ государю въ домъ за всѣмъ необходимымъ для переодѣванія. Наполеонъ нерѣдко снабжалъ государя

даже своими галстуками и носовыми платками. Великолѣпный золотой дорожный нессесеръ Наполеона обратилъ на себя однажды вниманіе императора Александра и былъ немедленно поднесенъ государю и принятъ его величествомъ.

Ежедневно императоръ Александръ обѣдалъ у Наполеона. Иногда бывали приглашаемы къ императорскому столу прусскій король, цесаревичъ Константинъ Павловичъ и Мюратъ. За столъ садились въ восемь часовъ. Потомъ императоры разставались на короткое время, чтобы дать прусскому королю возможность удалиться. Часовъ въ десять вечера Наполеонъ приходилъ къ государю пѣшкомъ, одинъ, безъ свиты и адъютантовъ. Тогда начинались историческія бесѣды двухъ императоровъ, продолжавшіяся далеко за полночь, послѣдствіемъ которыхъ было совершенное видоизмѣненіе карты Европы.

Переговоры о мирѣ вели съ русской стороны князь А. Б. Куракинъ и князь Лобановъ-Ростовскій, а со стороны Франціи Талейранъ; но главное участіе въ нихъ принадлежало самимъ императорамъ. Вотъ обстановка, при которой начались тильзитскіе переговоры, но при оцѣнкѣ ихъ не слѣдуетъ забывать, что Наполеонъ, при ясно намѣченной политической программѣ, имѣлъ за собою еще Талейрана; Александръ же былъ одинъ и не располагалъ подходящими совѣтниками въ столь неравномъ состязаніи съ своимъ геніальнымъ соперникомъ. По неопытности и склонности къ мечтательному увлеченію, Александръ не позаботился о надлежащемъ формулированіи и внесеніи въ секретныя статьи договора всѣхъ тѣхъ обѣщаній и предположеній, которыя Наполеонъ расточалъ щедрою рукою въ бесѣдахъ съ своимъ удивленнымъ слушателемъ. Александръ ошибся, полагая, что можно рѣшать на словахъ столь важные вопросы, которые въ своемъ конечномъ результатѣ приводили, такъ сказать, къ мировому раздѣлу. Поэтому неудивительно, что словесныя соглашенія оказались въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ письменнымъ договоромъ; случалось даже, что живое слово тильзитскихъ бесѣдъ совершенно расходилось съ мертвою буквой трактата. Можно сказать, что ихъ нерѣдко раздѣляла цѣлая пропасть, восполнявшаяся въ воображеніи императора Александра только разными словесными соглашеніями. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, Наполеонъ руководствовался, въ послѣдовавшихъ затѣмъ въ 1807 и 1808 годахъ дальнѣйшихъ переговорахъ, исключительно статьями писаннаго трактата, не придавая никакого значенія прекраснымъ фразамъ, которыя онъ высказывалъ въ Тильзитѣ (les belles phrases que j'ai débitées à Tilsit), или же предлагалъ ввести въ договоры новыя условія, не соотвѣтствовавшія политическимъ видамъ императора Александра.

Для поправленія безнадежныхъ прусскихъ дѣлъ рѣшено было привлечь въ Тильзитъ королеву Луизу. Совѣтники Фридриха-Вильгельма

ПРІЕМЪ НАПОЛЕОНОМЪ КОРОЛЕВЫ ПРУССКОЙ ЛУИЗЫ ВЪ ТИЛЬЗИТѢ ВЪ 1807 ГОДУ.

Съ картины Госса.

Ливенъ и Уваровъ. Съ Наполеономъ находились: Мюратъ, Бертье, Бессьеръ, Дюрокъ и Коленкуръ.

Когда обѣ лодки отчалили, величіе зрѣлища, ожиданіе событій міровой важности взяли верхъ надъ всѣми чувствами. Всеобщее вниманіе было обращено къ лодкѣ, «несущей этого чудеснаго человѣка, этого невиданнаго и неслыханнаго полководца со временъ Александра Великаго и Юлія Цезаря».

Наполеонъ стоялъ на лодкѣ впереди своей свиты особо и безмолвно, со сложенными на груди руками, какъ его представляютъ на картинахъ. На немъ былъ мундиръ старой гвардіи и лента Почетнаго Легіона черезъ плечо, а на головѣ та маленькая историческая шляпа, форма которой сдѣлалась извѣстною всему міру. Причаливъ къ плоту нѣсколько ранѣе императора Александра, Наполеонъ быстро взошелъ на него и поспѣшилъ навстрѣчу къ государю. Соперники подали одинъ другому руку, обнялись[317] и молча вошли въ павильонъ, сопровождаемые радостными криками войскъ и мѣстныхъ жителей, являвшихся свидѣтелями мірового событія—примиренія Россіи съ Франціею. Въ ту же минуту отчалило отъ лѣваго берега Нѣмана большое судно съ вооруженными солдатами—ихъ было человѣкъ двадцать—и стало между плотомъ и нашимъ берегомъ. Какъ видно, Наполеонъ не постѣснялся принять явныя мѣры предосторожности противъ возможныхъ случайностей!

Въ этотъ день король прусскій не ѣздилъ на свиданіе: Наполеонъ не пожелалъ видѣть его. Фридрихъ-Вильгельмъ оставался на правомъ берегу Нѣмана. «Въ роковой часъ, когда рѣшался жребій его монархіи, онъ постоянно устремлялъ взоръ и слухъ на плотъ, какъ будто желая вслушаться въ разговоры обоихъ императоровъ. Одинъ разъ онъ поѣхалъ съ берега въ рѣку и остановился, когда вода была по поясъ лошади его»[318].

Первое свиданіе Александра и Наполеона продолжалось часъ и пятьдесятъ минутъ[319].

«Я ненавижу англичанъ не менѣе васъ», было первымъ словомъ императора Александра, «и готовъ васъ поддерживать во всемъ, что вы предпримите противъ нихъ».—«Если такъ», отвѣтилъ Наполеонъ: «то все можетъ быть улажено, и миръ упроченъ»[320].

Наполеонъ, пользуясь враждебнымъ къ Великобританіи настроеніемъ императора Александра, началъ грозную филиппику противъ коварнаго Альбіона, изображая его націю лихоимною, алчною, всегда готовою жертвовать ради наживы всѣмъ, даже самыми вѣрными союзниками. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ Наполеонъ постарался внушить государю, что онъ былъ жертвою своихъ союзниковъ, и что онъ ошибается, покровительствуя нѣмцамъ, этимъ неблагодарнымъ и завистливымъ сосѣдямъ, и поддерживая интересы жадныхъ купцовъ, являющихся представителями

Англіи; все это происходило, по его словамъ, отъ чувства великодушія, доведеннаго до крайности, и отъ недоразумѣній, вызванныхъ неспособными или подкупленными министрами. Затѣмъ Наполеонъ сталъ восхвалять поразившія его подъ Аустерлицемъ, Эйлау и Фридландомъ доблесть и храбрость русскихъ войскъ; онъ находилъ, что солдаты съ обѣихъ сторонъ сражались какъ истинные титаны и что соединенныя арміи Россіи и Франціи могутъ господствовать надъ міромъ (maîtriser le monde), даруя ему благоденствіе и спокойствіе. До сихъ поръ Россія безплодно расточала свои силы, не имѣя въ виду никакого вознагражденія; въ союзѣ же съ Франціею она пріобрѣтетъ славу и во всякомъ случаѣ существенныя выгоды. Россія, конечно, связана обязательствами съ Пруссіею, и въ этомъ отношеніи необходимо оградить честь императора Александра. Въ заключеніе Наполеонъ высказалъ намѣреніе возвратить Пруссіи столько земли, чтобы съ почетомъ развязать государя съ союзникомъ; послѣ этого, утверждалъ онъ, русскій кабинетъ будетъ въ

Медаль, выбитая по случаю Тильзитскаго мира.
Снимокъ съ подлинной медали.

состояніи слѣдовать новой политикѣ, сходной во всемъ съ политикою великой Екатерины. Только эту политику Наполеонъ и признавалъ единственно возможною и выгодною для Россіи (Seule vraie, seule profitable).

Польстивъ Александру, какъ государю, Наполеонъ, чтобы довершить очарованіе, принялся льстить и человѣку. «Мы скорѣе придемъ къ соглашенію», сказалъ онъ: «если вступимъ въ непосредственные переговоры, отстранивъ министровъ, которые насъ нерѣдко обманываютъ или же не понимаютъ; мы вдвоемъ въ одинъ часъ болѣе подвинемъ дѣла, чѣмъ наши посредники по прошествіи нѣсколькихъ дней. Между вами и мною никого не должно быть[321]. Я буду вашимъ секретаремъ, а вы будете моимъ», прибавилъ Наполеонъ. На этомъ основаніи онъ предложилъ императору Александру переселиться ради удобства переговоровъ въ Тильзитъ, объявивъ городъ нейтральнымъ. Государь съ удовольствіемъ принялъ сдѣланное Наполеономъ приглашеніе. Условились немедленно же приступить къ переговорамъ для окончательнаго соглашенія по этому дѣлу.

Наконецъ, оставалось еще переговорить о несчастномъ Фридрихѣ-Вильгельмѣ III, пребывавшемъ на правомъ берегу Нѣмана въ полномъ невѣдѣніи участи, предстоявшей королевству, проигранному на Іенскомъ полѣ. Наполеонъ примирился уже съ мыслью сохранить политическое бытіе Пруссіи и потому уступилъ настоятельнымъ просьбамъ императора Александра, согласившись допустить короля къ свиданію на плоту на слѣдующій день.

По окончаніи дѣлового разговора Наполеонъ принялъ лицъ государевой свиты, которыя были представлены ему императоромъ Александромъ, начиная съ цесаревича Константина Павловича. Бенигсену Наполеонъ сказалъ: «Мы уже встрѣчались съ вами, генералъ, и я нашелъ, что вы были иногда злы!»[322]. Затѣмъ Наполеонъ представилъ императору Александру свою свиту; государь обратился съ лестною рѣчью къ Мюрату и Бертье, признавъ ихъ достойными помощниками величайшаго полководца новѣйшихъ временъ.

Такъ какъ Наполеонъ встрѣтилъ императора Александра при выходѣ его изъ лодки, то этикетъ требовалъ, чтобы государь, въ свою очередь, проводилъ Наполеона до лодки, на которой тотъ пріѣхалъ, что и было исполнено. Тѣмъ заключилось къ обоюдному удовольствію первое свиданіе будущихъ союзниковъ[323].

Въ виду предстоявшаго переселенія императора Александра въ Тильзитъ, условились раздѣлить городъ на двѣ половины, одну—для русскихъ, а другую—для французовъ, и ввести въ него по одному батальону русской и французской гвардіи, а при нихъ небольшія конныя части для конвоя. Государь назначилъ комендантомъ нашей половины Тильзита командовавшаго Преображенскимъ полкомъ полковника Козловскаго и велѣлъ ему переговорить съ Дюрокомъ о раздѣленіи Тильзита и учрежденіи карауловъ. Пріѣхавъ въ Тильзитъ, Козловскій получилъ отъ Дюрока уже утвержденное Наполеономъ письменное условіе, отвѣчавшее тому, что между нимъ и государемъ было согласовано на словахъ, съ прибавленіемъ, что пароли, отзывы и лозунги будутъ общіе русскимъ и французскимъ войскамъ. Прочитавъ условіе, императоръ велѣлъ Козловскому переправить въ Тильзитъ первый батальонъ Преображенскаго полка, нѣсколько кавалергардовъ, лейбъ-гусаровъ и лейбъ-казаковъ, съ подтвержденіемъ обращаться съ французами какъ можно ласковѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ было строго запрещено называть Наполеона Бонапартомъ, а до тѣхъ поръ другого имени ему у насъ и не давали. Первымъ батальономъ Преображенскаго полка командовалъ графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ; онъ по образу мыслей своихъ до такой степени не сочувствовалъ союзу съ Франціею, что сказался больнымъ и не пошелъ съ батальономъ на лѣвый берегъ Нѣмана, не желая видѣть того, что должно было произойти въ Тильзитѣ[324]. Вообще въ русскомъ лагерѣ замѣчалось мало сочув-

ствія къ французамъ. Несмотря на проявившееся въ концѣ похода 1807 года стремленіе къ миру, оказалось, что прусская дружба пустила столь глубокіе корни, что трудно было разстаться съ нею. Признавали срамомъ приступать къ миру, не отомстивъ за Фридландъ. По словамъ

Пріемъ Наполеономъ въ Тильзитѣ представителей русскихъ иррегулярныхъ войскъ.

Гравюра Удали, съ картины Бержере, находящейся въ Версальскомъ музеѣ.

Давыдова: «общество французовъ намъ ни къ чему не служило; ни одинъ изъ насъ не искалъ не только дружбы, даже знакомства ни съ однимъ изъ нихъ, не взирая на ихъ стараніе, — вслѣдствіе тайнаго приказа Наполеона, — привлекать насъ всякаго рода привѣтливостями и вѣжливостію.

За привѣтливости и вѣжливости платили привѣтливостями и вѣжливостію—и все тутъ. 1812 годъ стоялъ уже посреди насъ, русскихъ, съ своимъ штыкомъ въ крови по дуло, съ своимъ ножомъ въ крови по локоть». Немного было у насъ тогда прозорливыхъ людей, смотрѣвшихъ на предстоявшій русско-французскій союзъ съ другой точки зрѣнія, болѣе соотвѣтствовавшей истиннымъ выгодамъ Россіи.

14-го (26-го) іюня, императоръ Александръ въ сопровожденіи короля прусскаго отправился для вторичнаго свиданія съ Наполеономъ на Нѣманѣ. Въ свитѣ короля находились графъ Калькрейтъ, генералъ Лестокъ и флигель-адъютантъ Клейстъ. Наполеонъ явился на свиданіе при звѣздѣ Чернаго Орла. Фридрихъ-Вильгельмъ, по словамъ Гарденберга, съ величайшимъ отвращеніемъ возложилъ на себя орденъ Почетнаго Легіона. Король держалъ себя передъ побѣдителемъ съ достоинствомъ. Тьеръ пишетъ: «Il fut triste, digne et roide». Онъ старался доказать Наполеону, что причиною его разрыва съ Франціею было нарушеніе нейтралитета Пруссіи въ 1805 году занятіемъ Анспахской области. Наполеонъ утверждалъ съ своей стороны, что всѣ бѣдствія, постигшія Пруссію, вызваны происками англичанъ; затѣмъ онъ повторилъ королю рѣшимость свою не допускать Гарденберга къ переговорамъ о мирѣ [325], порицалъ прусскія войска и гражданское управленіе. Разставаясь, Наполеонъ пригласилъ императора Александра къ обѣду у себя въ Тильзитѣ; король остался безъ приглашенія. При прощаніи Наполеонъ не счелъ даже нужнымъ представить ему своихъ генераловъ.

Фридрихъ-Вильгельмъ возвратился на правый берегъ Нѣмана въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Онъ сказалъ въ присутствіи Гарденберга и другихъ близкихъ къ нему лицъ, что Наполеонъ прекрасно знакомъ съ недостатками прусскихъ войскъ, и что его собственное мнѣніе, которое онъ постоянно поддерживалъ, вполнѣ подтвердилось: капитаны имѣютъ слишкомъ много доходовъ [326]. Императоръ Александръ замѣтилъ, что разговоръ на этомъ свиданіи былъ въ высшей степени непріятенъ, но что онъ не отчаивается достигнуть лучшаго результата.

Этимъ эпизодомъ закончился прологъ тильзитскаго соглашенія; слѣдующія дѣйствія этой исторической драмы разыгрались уже на лѣвомъ берегу Нѣмана, среди военной ставки Наполеона [327].

Вечеромъ 14-го (26-го) іюня, императоръ Александръ переселился въ Тильзитъ [328]. Наполеонъ устроилъ русскому государю торжественную встрѣчу. Какъ только Александръ ступилъ на лѣвый берегъ Нѣмана, французская артиллерія привѣтствовала его выстрѣлами. Наполеонъ ожидалъ высокаго гостя на берегу и проводилъ до своего дома черезъ ряды французскихъ войскъ, отдававшихъ почести новому союзнику Франціи и преклонявшихъ предъ нимъ свои побѣдоносныя знамена. Послѣ обѣда государь отправился, въ сопровожденіи Наполеона, въ назначенный для его жительства

домъ, тотъ самый, который занималъ онъ во время пребыванія въ Тильзитѣ незадолго до фридландскаго погрома. Въ день прибытія государя въ Тильзитъ пароль, отзывъ и лозунгъ были отданы Наполеономъ—Александръ, Россія, величіе (Alexandre, Russie, grandeur), а на другой день императоромъ Александромъ—Наполеонъ, Франція, храбрость (Napoléon, France, bravoure). На третьи сутки условились, чтобы одинъ Наполеонъ отдавалъ пароли, послѣ чего они были посылаемы ежедневно къ нашему тильзитскому коменданту полковнику Козловскому въ запечатанныхъ конвертахъ.

Первоначально Наполеонъ не хотѣлъ, чтобы прусскій король жилъ въ Тильзитѣ, и намѣревался совершенно отстранить его отъ переговоровъ. Поэтому Фридрихъ-Вильгельмъ ежедневно пріѣзжалъ по утрамъ въ городъ къ императору Александру. При отведенномъ для остановокъ короля домѣ стоялъ французскій караулъ. Черезъ пять дней, по желанію государя, Наполеонъ изъявилъ согласіе на жительство короля въ Тильзитѣ, но съ условіемъ, чтобы онъ не имѣлъ при себѣ прусскихъ войскъ, а караулъ у него содержался бы французами. Наконецъ, и въ этомъ дѣлѣ Наполеонъ уступилъ настояніямъ императора Александра, старавшагося по мѣрѣ силъ облегчить участь своего друга и бывшаго союзника, и разрѣшилъ ввести въ Тильзитъ небольшое, самое необходимое для карауловъ при королѣ, число прусскихъ войскъ[329].

Во все время пребыванія въ Тильзитѣ императора Александра русскія войска гарнизона были гостями французовъ. Они продовольствовались вмѣстѣ съ французскою гвардіею. Ежедневно въ часъ пополудни для нашихъ генераловъ и офицеровъ былъ завтракъ у Бертье; кромѣ того, ихъ часто приглашали къ обѣду Бертье, Коленкуръ и Дюрокъ. За исключеніемъ чиновъ русскаго гарнизона въ Тильзитѣ, никому изъ русскихъ не было дозволено переходить на лѣвый берегъ Нѣмана, кромѣ адъютантовъ, посылавшихся туда изъ арміи въ императорскую главную квартиру. Но любопытство видѣть Наполеона восторжествовало надъ всѣми запрещеніями: генералы и офицеры ѣздили въ Тильзитъ въ партикулярномъ платьѣ и проживали здѣсь по нѣсколько дней.

Утро начиналось тѣмъ, что графъ Толстой и Дюрокъ приходили освѣдомляться первый о здоровьѣ Наполеона, а второй о здоровьѣ Александра. Затѣмъ, до обѣда оба императора, иногда въ сопровожденіи короля прусскаго, отправлялись на смотры и ученія французскихъ войскъ, расположенныхъ около Тильзита. Наполеонъ показывалъ государю маневрированіе своихъ войскъ. Императора Александра встрѣчали во французскомъ лагерѣ съ тѣми же почестями, какія отдавались самому Наполеону. Свиту государя составляли всѣ маршалы и множество генераловъ[330]. Возвращаясь съ этихъ поѣздокъ, Наполеонъ удерживалъ у себя императора Александра и посылалъ къ государю въ домъ за всѣмъ необходимымъ для переодѣванія. Наполеонъ нерѣдко снабжалъ государя

даже своими галстуками и носовыми платками. Великолѣпный золотой дорожный нессесеръ Наполеона обратилъ на себя однажды вниманіе императора Александра и былъ немедленно поднесенъ государю и принятъ его величествомъ.

Ежедневно императоръ Александръ обѣдалъ у Наполеона. Иногда бывали приглашаемы къ императорскому столу прусскій король, цесаревичъ Константинъ Павловичъ и Мюратъ. За столъ садились въ восемь часовъ. Потомъ императоры разставались на короткое время, чтобы дать прусскому королю возможность удалиться. Часовъ въ десять вечера Наполеонъ приходилъ къ государю пѣшкомъ, одинъ, безъ свиты и адъютантовъ. Тогда начинались историческія бесѣды двухъ императоровъ, продолжавшіяся далеко за полночь, послѣдствіемъ которыхъ было совершенное видоизмѣненіе карты Европы.

Переговоры о мирѣ вели съ русской стороны князь А. Б. Куракинъ и князь Лобановъ-Ростовскій, а со стороны Франціи Талейранъ; но главное участіе въ нихъ принадлежало самимъ императорамъ. Вотъ обстановка, при которой начались тильзитскіе переговоры, но при оцѣнкѣ ихъ не слѣдуетъ забывать, что Наполеонъ, при ясно намѣченной политической программѣ, имѣлъ за собою еще Талейрана; Александръ же былъ одинъ и не располагалъ подходящими совѣтниками въ столь неравномъ состязаніи съ своимъ геніальнымъ соперникомъ. По неопытности и склонности къ мечтательному увлеченію, Александръ не позаботился о надлежащемъ формулированіи и внесеніи въ секретныя статьи договора всѣхъ тѣхъ обѣщаній и предположеній, которыя Наполеонъ расточалъ щедрою рукою въ бесѣдахъ съ своимъ удивленнымъ слушателемъ. Александръ ошибся, полагая, что можно рѣшать на словахъ столь важные вопросы, которые въ своемъ конечномъ результатѣ приводили, такъ сказать, къ мировому раздѣлу. Поэтому неудивительно, что словесныя соглашенія оказались въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ письменнымъ договоромъ; случалось даже, что живое слово тильзитскихъ бесѣдъ совершенно расходилось съ мертвою буквой трактата. Можно сказать, что ихъ нерѣдко раздѣляла цѣлая пропасть, восполнявшаяся въ воображеніи императора Александра только разными словесными соглашеніями. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, Наполеонъ руководствовался, въ послѣдовавшихъ затѣмъ въ 1807 и 1808 годахъ дальнѣйшихъ переговорахъ, исключительно статьями писаннаго трактата, не придавая никакого значенія прекраснымъ фразамъ, которыя онъ высказывалъ въ Тильзитѣ (les belles phrases que j'ai débitées à Tilsit), или же предлагалъ ввести въ договоры новыя условія, не соотвѣтствовавшія политическимъ видамъ императора Александра.

Для поправленія безнадежныхъ прусскихъ дѣлъ рѣшено было привлечь въ Тильзитъ королеву Луизу. Совѣтники Фридриха-Вильгельма

ПРІЕМЪ НАПОЛЕОНОМЪ КОРОЛЕВЫ ПРУССКОЙ ЛУИЗЫ ВЪ ТИЛЬЗИТѢ ВЪ 1807 ГОДУ.

Съ картины Госса.

мечтали смягчить такимъ путемъ желѣзную волю суроваго побѣдителя, чуждаго, однако, сентиментальныхъ увлеченій и не допускавшаго вторженія ихъ въ область политики. Вѣроятно, вспомнили мемельское свиданіе 1802 года, потсдамскую мелодраму 1805 года и великую пользу, извлеченную нѣкогда для Пруссіи изъ чувствительнаго сердца юнаго русскаго монарха. По мнѣнію Гарденберга, выраженному въ особой запискѣ, королева должна была, не вмѣшиваясь въ политическія дѣла, обратиться къ сердцу Наполеона, какъ мать и жена; отнынѣ, писалъ Гарденбергъ, отъ императора будетъ зависѣть пріобрѣсти дружбу короля и привязать къ себѣ Пруссію, королева же приметъ на себя ручательство въ неизмѣнности этихъ чувствъ.

24-го іюня (6-го іюля) королева Луиза прибыла въ Тильзитъ. Черезъ часъ послѣ ея пріѣзда Наполеонъ прискакалъ къ дому, занимаемому Фридрихомъ-Вильгельмомъ, и, не выпуская изъ рукъ хлыста, поднялся по лѣстницѣ въ королевскіе покои. «Истинное воплощеніе успѣха!» восклицаетъ графиня Фоссъ, описывая въ своемъ дневникѣ встрѣчу королевы съ французскимъ императоромъ [331]. Но прусскіе дипломаты ошиблись. Наполеонъ не желалъ принять на себя роль великодушнаго побѣдителя и сказалъ графу Толстому: «Je ne ferai pas pour les beaux yeux de la reine de Prusse ce que je n'ai pu accorder à l'amitié de votre empereur» [332].

Столь же рѣзко Наполеонъ отнесся по этому поводу и къ графу Гольцу, рѣшительно отклонивъ всякое дальнѣйшее ходатайство пруссаковъ о возвращеніи областей, которыя должны были отойти отъ Пруссіи, и выразилъ сожалѣніе, что королева приняла за положительныя обѣщанія «phrases de politesse», съ которыми обыкновенно обращаются къ дамамъ. «Вашъ король», сказалъ Наполеонъ, «всѣмъ обязанъ рыцарской привязанности къ нему императора Александра: безъ него династія короля лишилась бы престола, и я бы отдалъ Пруссію брату моему Іерониму. При такихъ обстоятельствахъ вашъ монархъ долженъ считать одолженіемъ съ моей стороны, если я что-либо оставляю въ его власти».

Въ дневникѣ Жаксона приведенъ еще болѣе рѣзкій отзывъ Наполеона относительно Пруссіи, высказанный имъ въ Тильзитѣ императору Александру: «C'est un vilain roi, une vilaine nation, une vilaine armée, une puissance qui a trompé tout le monde et qui ne mérite pas d'exister. Tout ce qu'elle garde, elle le doit à vous». — «Вотъ что мнѣ нужно», присовокупилъ Наполеонъ, указавъ на картѣ области, уступки которыхъ онъ требовалъ отъ Пруссіи: «остальное принадлежитъ вамъ, и вы можете этимъ располагать» [333].

Фридрихъ-Вильгельмъ также не щадилъ въ своихъ отзывахъ Наполеона и въ разговорахъ называлъ его «le monsieur à Tilsit» [334]. Нерасположеніе было обоюдное, и побѣжденный смотрѣлъ на миръ только

какъ на средство для отомщенія въ будущемъ Франціи за испытанныя пораженія. Наполеонъ сознавалъ это какъ нельзя лучше; по его словамъ, «крылья будутъ теперь обрѣзаны пруссакамъ настолько коротко, чтобы отнять у нихъ всякую возможность безпокоить насъ».

Тильзитскій миръ былъ подписанъ 25-го іюня (7-го іюля). Онъ состоялъ изъ мирнаго договора (29 статей), отдѣльныхъ секретныхъ статей (числомъ 7) и союзнаго договора, наступательнаго и оборонительнаго (9 статей).

Сущность тильзитскаго мирнаго договора (Traité de paix et d'amitié), объявленнаго тогда во всеобщее свѣдѣніе, заключалась въ слѣдующемъ. Наполеонъ, изъ вниманія къ императору всероссійскому (par égard) и во изъявленіе своего искренняго желанія соединить обѣ націи узами довѣренности и непоколебимой дружбы, возвращалъ Фридриху-Вильгельму часть завоеваннаго королевства. Изъ польскихъ областей, принадлежавшихъ Пруссіи, было составлено Великое Герцогство Варшавское и отдано саксонскому королю. Данцигъ былъ объявленъ вольнымъ городомъ, а Бѣлостокская область присоединена къ Россіи. Императоръ Александръ признавалъ всѣ измѣненія, произведенныя Наполеономъ въ политическомъ строѣ Европы. Герцогамъ Кобургскому, Ольденбургскому и Мекленбургъ-Шверинскому были возвращены ихъ владѣнія. Россія обязывалась заключить перемиріе съ Оттоманскою Портою и вывести войска свои изъ Молдавіи и Валахіи, которыя турки не должны были занимать до заключенія при посредничествѣ Франціи окончательнаго мира. Александръ принималъ на себя посредничество въ примиреніи Англіи съ Франціей. Императоры русскій и французскій взаимно ручались за цѣлость своихъ владѣній и владѣній державъ, упомянутыхъ въ договорѣ.

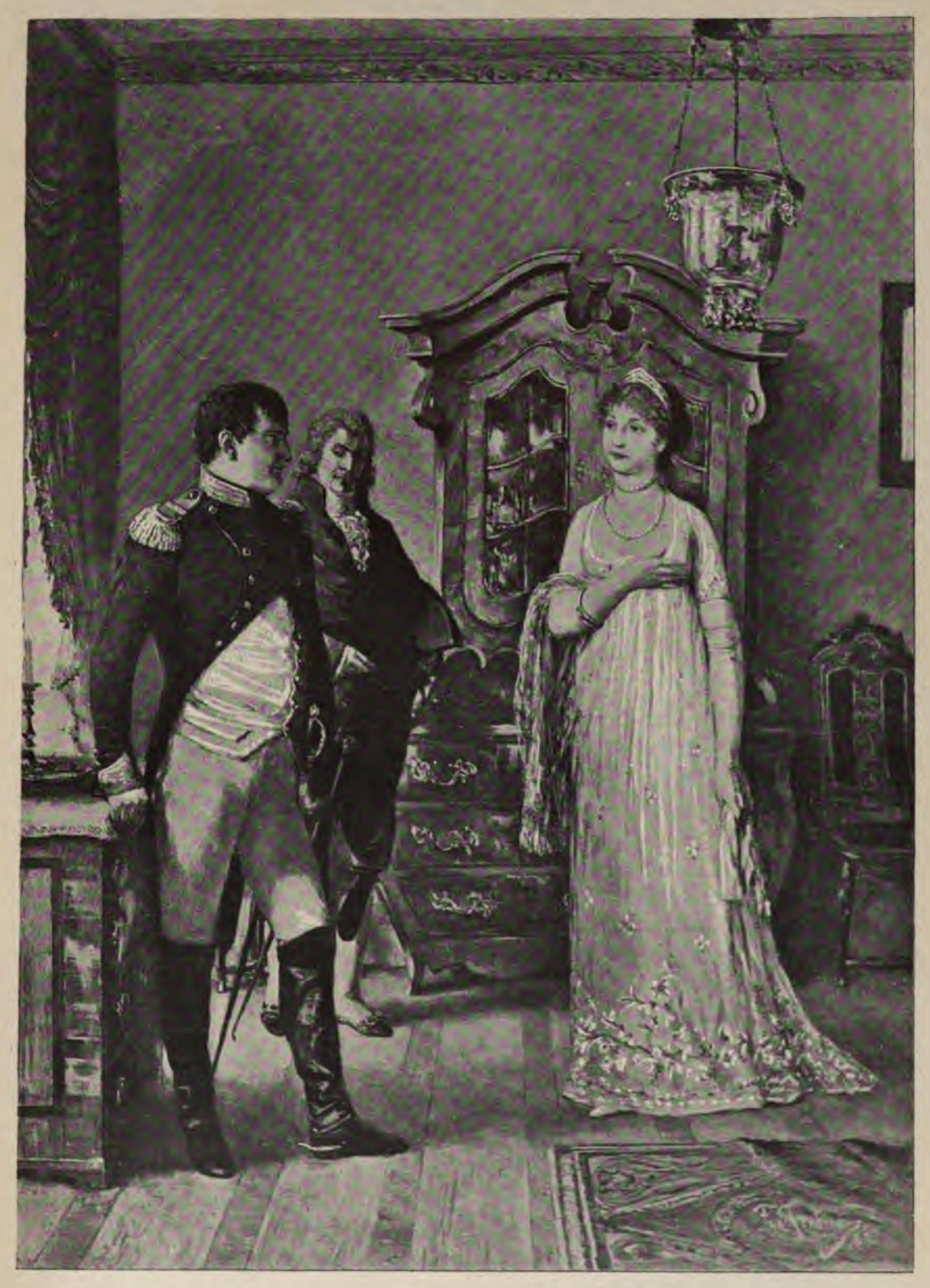
По секретному союзному договору, наступательному и оборонительному (Traité d'alliance offensive et défensive), оба императора обязывались воевать заодно на морѣ и на сушѣ во всѣхъ войнахъ, которыя Россія или Франція будутъ вынуждены вести противъ какой-либо европейской державы. Если Англія не приметъ русскаго посредничества, то Россія будетъ дѣйствовать заодно съ Франціею противъ этой державы. Въ случаѣ отказа Англіи, союзники одновременно пригласятъ копенгагенскій, стокгольмскій и лиссабонскій дворы запереть англичанамъ свои гавани и отозвать изъ Лондона своихъ посланниковъ, а если какая-либо изъ этихъ трехъ державъ не согласится на сдѣланное предложеніе, то Россія и Франція поступятъ съ нею непріязненно. Въ случаѣ отказа со стороны Швеціи, союзники согласились заставить Данію объявить ей войну. Если Оттоманская Порта не приметъ посредничества Франціи для примиренія съ Россіею, или, принявъ его, не заключитъ мира въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, то императоры Александръ и Наполеонъ войдутъ между собою въ соглашеніе относительно избавленія отъ ига и

притѣсненій турокъ всѣхъ областей Оттоманской имперіи въ Европѣ, за исключеніемъ города Константинополя и Румелійской области.

Въ силу отдѣльныхъ секретныхъ статей (Articles séparés et secrets) Россія уступала Наполеону Каттаро и Іоническіе острова.

До тильзитскихъ переговоровъ императоръ Александръ, какъ выше упомянуто, смотрѣлъ на Турцію, какъ на безопаснаго сосѣда, а потому и какъ на наилучшаго, порицая вмѣстѣ съ тѣмъ начинанія Екатерины II относительно Востока. Чарующая рѣчь Наполеона возбудила въ его слушателѣ сочувствіе къ политическому призванію Россіи на Востокѣ. «Надо покончить съ государствомъ, которое не можетъ болѣе существовать», сказалъ Наполеонъ. Но въ договорѣ онъ условнымъ образомъ допускалъ распространеніе русскаго владычества за Дунаемъ только до Балканъ: уступить Россіи Константинополь онъ признавалъ невозможнымъ. Обладаніе Константинополемъ, по его словамъ, — «господство надъ вселенной»[335]. Между тѣмъ, тильзитскіе политическіе уроки принесли свои плоды и даже превзошли своимъ успѣхомъ ожиданія Наполеона. Александръ не замедлилъ опередить своего союзника на указанномъ имъ пути, и въ умѣ его вскорѣ укоренилось сознаніе необходимости пріобрѣтенія для Россіи проливовъ или, какъ онъ впослѣдствіи не разъ выражался, ключа своего дома[336]. Конечно, тогда можно было бы вполнѣ удовольствоваться границами, намѣченными въ Тильзитѣ для Балканскаго полуострова Наполеономъ, но эта уступка была имъ весьма искусно поставлена въ зависимость отъ принятія турками условій перемирія. Когда же Александръ, по возвращеніи въ Петербургъ, выказалъ намѣреніе руководствоваться въ восточныхъ дѣлахъ словесными обѣщаніями Наполеона, а не буквою трактата, то выгодныя для насъ стороны тильзитскаго договора, касавшіяся восточнаго вопроса, сразу оказались воображаемыми, и Франція потребовала отъ насъ новыхъ уступокъ и пожертвованій на счетъ Пруссіи. Впрочемъ, еще въ Тильзитѣ, Наполеонъ по поводу словесныхъ обѣщаній, не стѣсняясь, сказалъ однажды Александру, что въ его привычки входитъ не держать даннаго обѣщанія. «Иной разъ весьма полезно кое-что обѣщать», прибавилъ онъ[337]. При такомъ взглядѣ Наполеона на значеніе словесныхъ обѣщаній объясняется многое въ послѣдовавшемъ, послѣ Тильзита, постепенномъ охлажденіи дружескихъ чувствъ Александра къ своему геніальному сопернику.

Самымъ тяжелымъ условіемъ тильзитскаго договора было, конечно, предстоявшее и неизбѣжное присоединеніе Россіи къ континентальной системѣ, придуманной Наполеономъ противъ Англіи послѣ занятія имъ Берлина въ 1806 году. Прекращеніе торговли съ Англіею должно было составить тяжелое бремя для нашего финансоваго положенія, но разрывъ съ Великобританіею представлялъ собою лишь необходимую вре-

Свиданіе королевы прусской Луизы съ Наполеономъ.

Съ картины Франца Скарбина.

мечтали смягчить такимъ путемъ желѣзную волю суроваго побѣдителя, чуждаго, однако, сентиментальныхъ увлеченій и не допускавшаго вторженія ихъ въ область политики. Вѣроятно, вспомнили мемельское свиданіе 1802 года, потсдамскую мелодраму 1805 года и великую пользу, извлеченную нѣкогда для Пруссіи изъ чувствительнаго сердца юнаго русскаго монарха. По мнѣнію Гарденберга, выраженному въ особой запискѣ, королева должна была, не вмѣшиваясь въ политическія дѣла, обратиться къ сердцу Наполеона, какъ мать и жена; отнынѣ, писалъ Гарденбергъ, отъ императора будетъ зависѣть пріобрѣсти дружбу короля и привязать къ себѣ Пруссію, королева же приметъ на себя ручательство въ неизмѣнности этихъ чувствъ.

24-го іюня (6-го іюля) королева Луиза прибыла въ Тильзитъ. Черезъ часъ послѣ ея пріѣзда Наполеонъ прискакалъ къ дому, занимаемому Фридрихомъ-Вильгельмомъ, и, не выпуская изъ рукъ хлыста, поднялся по лѣстницѣ въ королевскіе покои. «Истинное воплощеніе успѣха!» восклицаетъ графиня Фоссъ, описывая въ своемъ дневникѣ встрѣчу королевы съ французскимъ императоромъ [331]. Но прусскіе дипломаты ошиблись. Наполеонъ не желалъ принять на себя роль великодушнаго побѣдителя и сказалъ графу Толстому: «Je ne ferai pas pour les beaux yeux de la reine de Prusse ce que je n'ai pu accorder à l'amitié de votre empereur» [332].

Столь же рѣзко Наполеонъ отнесся по этому поводу и къ графу Гольцу, рѣшительно отклонивъ всякое дальнѣйшее ходатайство пруссаковъ о возвращеніи областей, которыя должны были отойти отъ Пруссіи, и выразилъ сожалѣніе, что королева приняла за положительныя обѣщанія «phrases de politesse», съ которыми обыкновенно обращаются къ дамамъ. «Вашъ король», сказалъ Наполеонъ, «всѣмъ обязанъ рыцарской привязанности къ нему императора Александра: безъ него династія короля лишилась бы престола, и я бы отдалъ Пруссію брату моему Іерониму. При такихъ обстоятельствахъ вашъ монархъ долженъ считать одолженіемъ съ моей стороны, если я что-либо оставляю въ его власти».

Въ дневникѣ Жаксона приведенъ еще болѣе рѣзкій отзывъ Наполеона относительно Пруссіи, высказанный имъ въ Тильзитѣ императору Александру: «C'est un vilain roi, une vilaine nation, une vilaine armée, une puissance qui a trompé tout le monde et qui ne mérite pas d'exister. Tout ce qu'elle garde, elle le doit à vous». — «Вотъ что мнѣ нужно», присовокупилъ Наполеонъ, указавъ на картѣ области, уступки которыхъ онъ требовалъ отъ Пруссіи: «остальное принадлежитъ вамъ, и вы можете этимъ располагать» [333].

Фридрихъ-Вильгельмъ также не щадилъ въ своихъ отзывахъ Наполеона и въ разговорахъ называлъ его «le monsieur à Tilsit» [334]. Нерасположеніе было обоюдное, и побѣжденный смотрѣлъ на миръ только

какъ на средство для отомщенія въ будущемъ Франціи за испытанныя пораженія. Наполеонъ сознавалъ это какъ нельзя лучше; по его словамъ, «крылья будутъ теперь обрѣзаны пруссакамъ настолько коротко, чтобы отнять у нихъ всякую возможность безпокоить насъ».

Тильзитскій миръ былъ подписанъ 25-го іюня (7-го іюля). Онъ состоялъ изъ мирнаго договора (29 статей), отдѣльныхъ секретныхъ статей (числомъ 7) и союзнаго договора, наступательнаго и оборонительнаго (9 статей).

Сущность тильзитскаго мирнаго договора (Traité de paix et d'amitié), объявленнаго тогда во всеобщее свѣдѣніе, заключалась въ слѣдующемъ. Наполеонъ, изъ вниманія къ императору всероссійскому (par égard) и во изъявленіе своего искренняго желанія соединить обѣ націи узами довѣренности и непоколебимой дружбы, возвращалъ Фридриху-Вильгельму часть завоеваннаго королевства. Изъ польскихъ областей, принадлежавшихъ Пруссіи, было составлено Великое Герцогство Варшавское и отдано саксонскому королю. Данцигъ былъ объявленъ вольнымъ городомъ, а Бѣлостокская область присоединена къ Россіи. Императоръ Александръ признавалъ всѣ измѣненія, произведенныя Наполеономъ въ политическомъ строѣ Европы. Герцогамъ Кобургскому, Ольденбургскому и Мекленбургъ-Шверинскому были возвращены ихъ владѣнія. Россія обязывалась заключить перемиріе съ Оттоманскою Портою и вывести войска свои изъ Молдавіи и Валахіи, которыя турки не должны были занимать до заключенія при посредничествѣ Франціи окончательнаго мира. Александръ принималъ на себя посредничество въ примиреніи Англіи съ Франціей. Императоры русскій и французскій взаимно ручались за цѣлость своихъ владѣній и владѣній державъ, упомянутыхъ въ договорѣ.

По секретному союзному договору, наступательному и оборонительному (Traité d'alliance offensive et défensive), оба императора обязывались воевать заодно на морѣ и на сушѣ во всѣхъ войнахъ, которыя Россія или Франція будутъ вынуждены вести противъ какой-либо европейской державы. Если Англія не приметъ русскаго посредничества, то Россія будетъ дѣйствовать заодно съ Франціею противъ этой державы. Въ случаѣ отказа Англіи, союзники одновременно пригласятъ копенгагенскій, стокгольмскій и лиссабонскій дворы запереть англичанамъ свои гавани и отозвать изъ Лондона своихъ посланниковъ, а если какая-либо изъ этихъ трехъ державъ не согласится на сдѣланное предложеніе, то Россія и Франція поступятъ съ нею непріязненно. Въ случаѣ отказа со стороны Швеціи, союзники согласились заставить Данію объявить ей войну. Если Оттоманская Порта не приметъ посредничества Франціи для примиренія съ Россіею, или, принявъ его, не заключитъ мира въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, то императоры Александръ и Наполеонъ войдутъ между собою въ соглашеніе относительно избавленія отъ ига и

притѣсненій турокъ всѣхъ областей Оттоманской имперіи въ Европѣ, за исключеніемъ города Константинополя и Румелійской области.

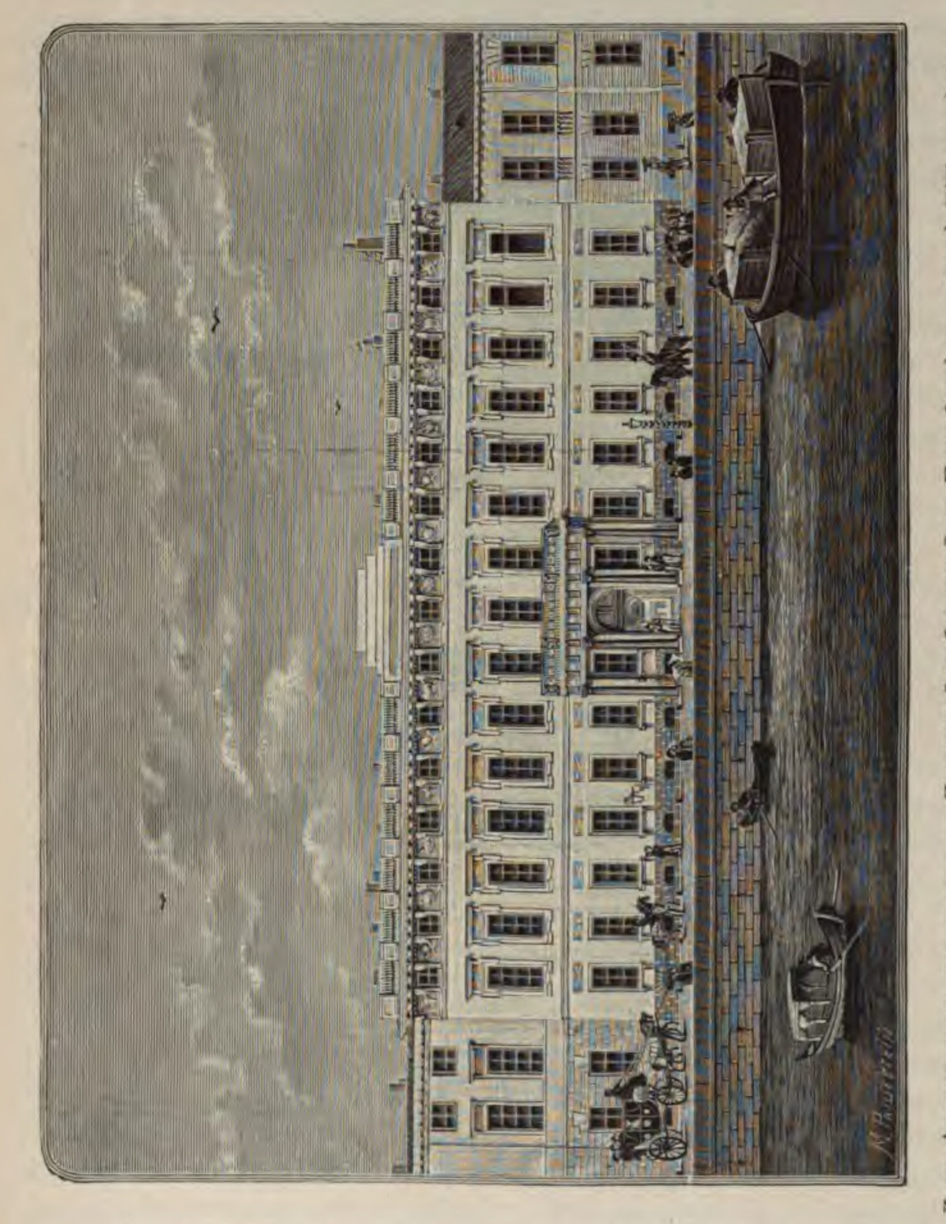
Въ силу отдѣльныхъ секретныхъ статей (Articles séparés et secrets) Россія уступала Наполеону Каттаро и Іоническіе острова.

До тильзитскихъ переговоровъ императоръ Александръ, какъ выше упомянуто, смотрѣлъ на Турцію, какъ на безопаснаго сосѣда, а потому и какъ на наилучшаго, порицая вмѣстѣ съ тѣмъ начинанія Екатерины II относительно Востока. Чарующая рѣчь Наполеона возбудила въ его слушателѣ сочувствіе къ политическому призванію Россіи на Востокѣ. «Надо покончить съ государствомъ, которое не можетъ болѣе существовать», сказалъ Наполеонъ. Но въ договорѣ онъ условнымъ образомъ допускалъ распространеніе русскаго владычества за Дунаемъ только до Балканъ: уступить Россіи Константинополь онъ признавалъ невозможнымъ. Обладаніе Константинополемъ, по его словамъ, — «господство надъ вселенной» [335]. Между тѣмъ, тильзитскіе политическіе уроки принесли свои плоды и даже превзошли своимъ успѣхомъ ожиданія Наполеона. Александръ не замедлилъ опередить своего союзника на указанномъ имъ пути, и въ умѣ его вскорѣ укоренилось сознаніе необходимости пріобрѣтенія для Россіи проливовъ или, какъ онъ впослѣдствіи не разъ выражался, ключа своего дома [336]. Конечно, тогда можно было бы вполнѣ удовольствоваться границами, намѣченными въ Тильзитѣ для Балканскаго полуострова Наполеономъ, но эта уступка была имъ весьма искусно поставлена въ зависимость отъ принятія турками условій перемирія. Когда же Александръ, по возвращеніи въ Петербургъ, высказалъ намѣреніе руководствоваться въ восточныхъ дѣлахъ словесными обѣщаніями Наполеона, а не буквою трактата, то выгодныя для насъ стороны тильзитскаго договора, касавшіяся восточнаго вопроса, сразу оказались воображаемыми, и Франція потребовала отъ насъ новыхъ уступокъ и пожертвованій на счетъ Пруссіи. Впрочемъ, еще въ Тильзитѣ, Наполеонъ по поводу словесныхъ обѣщаній, не стѣсняясь, сказалъ однажды Александру, что въ его привычки входитъ не держать даннаго обѣщанія. «Иной разъ весьма полезно кое-что обѣщать», прибавилъ онъ [337]. При такомъ взглядѣ Наполеона на значеніе словесныхъ обѣщаній объясняется многое въ послѣдовавшемъ, послѣ Тильзита, постепенномъ охлажденіи дружескихъ чувствъ Александра къ своему геніальному сопернику.

Самымъ тяжелымъ условіемъ тильзитскаго договора было, конечно, предстоявшее и неизбѣжное присоединеніе Россіи къ континентальной системѣ, придуманной Наполеономъ противъ Англіи послѣ занятія имъ Берлина въ 1806 году. Прекращеніе торговли съ Англіею должно было составить тяжелое бремя для нашего финансоваго положенія, но разрывъ съ Великобританіею представлялъ собою лишь необходимую вре-

менную жертву, которую оставалось только умѣло эксплоатировать для достиженія завѣтныхъ цѣлей русской политики [338].

Болѣе выгодными и существенными оказались уступки Наполеона относительно будущихъ отношеній Россіи къ Швеціи. Онъ обратилъ

Домъ французскаго посольства на Дворцовой набережной въ Петербургѣ въ началѣ XIX столѣтія.

Съ акварели съ натуры Патерсона.

вниманіе императора Александра на географическаго непріятеля (l'ennemi géographique), предвидя, что Густавъ IV, по свойственнымъ ему упрямству и ограниченной прямолинейности, не откажется отъ англійскаго союза. Поэтому Наполеонъ предложилъ императору Алексан-

дру овладѣть Финляндіею. «Правда, шведскій король вашъ зять и вашъ союзникъ», сказалъ Наполеонъ: «слѣдовательно, онъ долженъ слѣдовать вашей политикѣ, либо испытать послѣдствія своего упрямства. С.-Петербургъ слишкомъ близокъ къ финляндской границѣ; русскія красавицы въ Петербургѣ не должны болѣе слышать изъ своихъ дворцовъ грома шведскихъ пушекъ». Такимъ образомъ, на основаніи тильзитскихъ соглашеній, Финляндія заранѣе уступалась императору Александру, какъ бы въ вознагражденіе Россіи за войну, которую неизбѣжно предстояло ей вести съ Англіею, вслѣдствіе присоединенія государя къ континентальной системѣ.

Остается сказать еще нѣсколько словъ относительно польскаго вопроса.

Имѣлъ ли Наполеонъ намѣреніе, пользуясь небывалыми побѣдами, возстановить Польшу? Едва ли безпристрастная исторія представляетъ достаточно данныхъ для рѣшенія этого вопроса въ одностороннемъ польскомъ смыслѣ. Въ политической системѣ Наполеона Польша служила для него только средствомъ для достиженія различныхъ преслѣдуемыхъ имъ цѣлей [339]. Въ 1807 году онъ выражался вообще о судьбѣ Польши загадочно, осторожно присовокупляя нѣсколько неопредѣленныхъ и условныхъ обѣщаній, когда приходилось отвѣчать на восторженные призывы о помощи: Наполеонъ щадилъ Австрію въ настоящемъ и Россію въ будущемъ [340]. Послѣ Фридландской битвы, во время переговоровъ о перемиріи, Наполеонъ сдѣлалъ Россіи предложенія, которыя не имѣли ничего общаго съ польскими надеждами: онъ признавалъ Вислу истинною и естественною границею Россіи и неоднократно высказывалъ эту мысль русскому уполномоченному, а затѣмъ и государю, но въ отвѣтъ на эти предложенія получался постоянно одинъ неизмѣнный отвѣтъ: императоръ Александръ отстаиваетъ только права несчастнаго союзника [341].

Будучи еще великимъ княземъ, Александръ оплакивалъ паденіе Польши и, какъ государь, продолжалъ мечтать объ ея возстановленіи. Дѣло это составляло завѣтное намѣреніе императора Александра, его любимую мысль (mon idée favorite) [342]; онъ признавалъ своею обязанностью и призваніемъ свыше исправленіе якобы исторической несправедливости, совершенной Екатериною II,—несправедливости, принявшей постепенно въ его умѣ даже образъ вопіющаго преступленія. Издавна лелѣя эту мысль, императоръ Александръ затруднялся только осуществленіемъ своего проекта, который требовалъ отторженія отъ Пруссіи доставшихся ей, по послѣднему раздѣлу, коренныхъ польскихъ областей. Совершить самолично ампутацію монархіи Фридриха Великаго представлялось для императора Александра столь щекотливымъ дѣломъ, что онъ никогда бы не рѣшился исполнить его; доказательствомъ тому служатъ

1805 годъ и участь, постигшая политическія предположенія князя Чарторижскаго. Въ 1807 году онъ по этимъ же соображеніямъ отвергнулъ предложенную ему границу по Вислѣ, но этого было еще мало. Князь Куракинъ пишетъ: «Отъ него самого зависѣло присоединить къ своимъ обширнымъ владѣніямъ всѣ польскія провинціи Пруссіи и принять титулъ короля польскаго. Наполеонъ предлагалъ его государю, но онъ имѣлъ великодушіе не пожелать этого»[343]. Въ Тильзитѣ представился, однако, императору Александру другой способъ для разрѣшенія этого, близкаго его сердцу, вопроса, а именно отторгнуть рукою Наполеона отъ Пруссіи ея польскія области и создать хотя и скромное, но самостоятельное польское государство, предоставивъ всемогущему времени сдѣлать остальное и подготовить благопріятную почву для будущихъ политическихъ комбинацій. Этотъ планъ и былъ приведенъ въ исполненіе. Поэтому слѣдуетъ признать, что коварство въ этомъ случаѣ вовсе не было на сторонѣ фридландскаго побѣдителя, а императора Александра нельзя считать жертвою наполеоновскаго двуличія и его макіавелистической политики. Напротивъ того, позволительно утверждать, что истинный творецъ Варшавскаго герцогства не Наполеонъ, а императоръ Александръ[344].

Не подлежитъ сомнѣнію, что если бы въ эпоху тильзитскихъ дружескихъ изліяній императоръ Александръ заявилъ рѣшительный протестъ противъ созданія Варшавскаго герцогства, то эта своеобразная политическая комбинація никогда не осуществилась бы на дѣлѣ[345]. Съ другой же стороны, было бы въ высшей степени странно и недальновидно, если бы Наполеонъ, встрѣтивъ со стороны русскаго императора болѣе чѣмъ сочувственное отношеніе къ польскому дѣлу, не поспѣшилъ воспользоваться въ свою пользу подобной благопріятной обстановкой. Въ сущности, для Наполеона вопросъ сводился къ тому, чтобы по инициативѣ и даже съ одобренія русскаго государя создать на Вислѣ удобный базисъ для удержанія Россіи на пути тильзитскихъ соглашеній на тотъ всегда возможный случай, если бы императоръ Александръ снова перешелъ на сторону враговъ Франціи.

Но императоръ Александръ не удовольствовался образованіемъ Варшавскаго герцогства и зашелъ еще далѣе. Изъ переписки государя съ Наполеономъ, относящейся ко времени тильзитскихъ переговоровъ, оказывается, что французскому властелину приходилось даже умѣрять полонофильство и предупредительность своего новаго союзника. Явилось предположеніе возвести Іеронима, брата Наполеона, на престолъ саксонскій и варшавскій, женивъ его на великой княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ[346]. Наполеонъ воспротивился этому перемѣщенію варшавскаго престола почти непосредственно въ его руки и нашелъ, что осуществленіе подобнаго предположенія повело бы къ новымъ недоразумѣ-

ніямъ. «Одной этой политической ошибкой», писалъ Наполеонъ императору Александру, «мы расторгнемъ нашъ договоръ союза и дружбы и подготовимъ поводы къ несогласіямъ, болѣе существеннымъ, чѣмъ тѣ, которыя существовали донынѣ» [347]. Обмѣнъ мыслей между обоими императорами по этому вопросу привелъ къ водворенію саксонскаго короля въ Варшавѣ и къ присоединенію Бѣлостокской области къ Россіи.

27-го іюня (9-го іюля) послѣдовала ратификація Тильзитскаго договора. Въ этотъ день императоръ Александръ поручилъ князю Куракину поднести Наполеону отъ его имени пять знаковъ ордена св. Андрея Первозваннаго, назначавшихся Наполеону, Іерониму, королю вестфальскому, Мюрату, Талейрану и маршалу Бертье. Въ то же время Дюрокъ передалъ императору Александру пять знаковъ ордена Почетнаго Легіона, которые должны были возложить на себя государь, цесаревичъ Константинъ Павловичъ, баронъ Будбергъ и оба русскіе уполномоченные — князь Куракинъ и князь Лобановъ-Ростовскій.

Затѣмъ императоръ Александръ въ лентѣ Почетнаго Легіона, а Наполеонъ въ андреевской поѣхали одинъ къ другому верхомъ и, встрѣтившись на половинѣ пути, на улицѣ, по сторонамъ которой были построены развернутымъ фронтомъ батальонъ Преображенскаго полка и батальонъ французской гвардіи, направились къ дому, занимаемому государемъ. Здѣсь произошелъ обмѣнъ ратификацій.

По окончаніи этой церемоніи императоры присутствовали на парадѣ войскъ. Гвардія Наполеона и, во главѣ ея, батальонъ Преображенскаго полка прошли мимо обоихъ императоровъ. Наполеонъ подъѣхалъ къ Преображенскому батальону и, желая выказать особенное вниманіе къ храбрымъ русскимъ войскамъ, сказалъ государю:

— «Votre Majesté me permettra-t-elle de donner la Légion d'Honneur au plus brave, à celui qui s'est le mieux conduit dans cette campagne?»

Александръ отвѣчалъ: «Je demande à Votre Majesté la permission de consulter le commandant», и, обращаясь къ полковнику Козловскому, спросилъ: «кому дать?»

— «Кому прикажете», было отвѣтомъ полковника.

— «Да вѣдь надобно же отвѣчать ему!» возразилъ государь.

Тогда Козловскій вызвалъ правофланговаго гренадера Лазарева. Наполеонъ снялъ съ себя орденъ Почетнаго Легіона и возложилъ его на Лазарева, сказавъ ему:

— «Tu te souviendras que c'est le jour où nous sommes devenus amis, ton maître et moi» (ты будешь помнить, что это день, когда мы, твой государь и я, сдѣлались друзьями).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Наполеонъ приказалъ производить Лазареву ежегодно по 1,200 франковъ пенсіи. Возвратясь домой, государь, съ своей

стороны, послалъ Наполеону знакъ отличія военнаго ордена для храбрѣйшаго изъ французскихъ солдатъ.

Нѣкоторые къ этому же дню пріурочиваютъ обѣдъ, который, по приказанію Наполеона, батальонъ его гвардіи давалъ на полѣ батальону Преображенскаго полка. Подлѣ каждаго нашего гвардейца сидѣлъ фран-

Графъ Петръ Александровичъ Толстой.

Съ рѣдчайшей гравюры Генриха Доу (Изъ собранія Д. А. Ровинскаго).

цузскій солдатъ; угощеніе для всѣхъ солдатъ было на серебряныхъ приборахъ. Преображенцы примѣряли французскіе мундиры и медвѣжьи шапки, а французы русскіе мундиры и кивера. Общее веселье кончилось тѣмъ, что нѣкоторые повалились подъ столъ.

Сохранился разсказъ, что во время пребыванія въ Тильзитѣ Александръ тоже намѣревался угостить французскихъ гвардейцевъ, но у

насъ не нашлось приборовъ. Государь, узнавъ объ этомъ, сказалъ съ неудовольствіемъ оберъ-гофмаршалу графу Толстому:

— «Возьми хоть по двадцати пяти червонцевъ на человѣка, но постарайся, чтобъ былъ обѣдъ».

Графъ Толстой, съ отличавшей его рѣзкой откровенностью, отвѣчалъ государю:

— «Такъ развѣ прикажете положить червонцы передъ каждымъ солдатомъ? Приборовъ у насъ всего двѣнадцать; больше вы не велѣли брать въ походъ».

27-го же іюня (9-го іюля), послѣ послѣдней прощальной бесѣды, Наполеонъ и Александръ обняли другъ друга и при восторженныхъ восклицаніяхъ войска и населенія разстались, при чемъ государь обѣщалъ своему союзнику посѣтить его въ Парижѣ[348]. Наполеонъ оставался на берегу Нѣмана, пока императоръ Александръ не переправился на противоположную сторону рѣки[349].

Въ тотъ же день былъ также подписанъ миръ Франціи съ Пруссіею. По этому договору Пруссія лишилась половины своихъ подданныхъ; всѣ прусскія владѣнія по лѣвую сторону Эльбы и почти всѣ земли, пріобрѣтенныя при раздѣлахъ Польши, были уступлены побѣдителю. Пруссія присоединялась къ континентальной системѣ и обязывалась уплатить денежную контрибуцію (41 милліонъ талеровъ)[350].

Императоръ Александръ покинулъ Тильзитъ въ полномъ восхищеніи; наступило время, когда дружба великаго человѣка казалась ему благодѣяніемъ боговъ. «Que ne l'ai-je vu plus tôt... le voile est déchiré et le temps de l'erreur est passé», такъ выражался Александръ въ 1807 году, вспоминая о дняхъ, проведенныхъ имъ въ Тильзитѣ въ обществѣ своего новаго друга и союзника.

Но исторія сохранила и другія слова, позволяющія до нѣкоторой степени сомнѣваться въ искренности дружескихъ чувствъ императора Александра къ Наполеону, къ которымъ примѣшивалось много напускного увлеченія. Поэтому весьма вѣроятно, что при заключеніи Тильзитскаго мира государь дѣйствительно сказалъ королю и королевѣ прусскимъ: «Потерпите, мы свое воротимъ. Онъ сломитъ себѣ шею. Несмотря на всѣ мои демонстраціи и наружныя дѣйствія, въ душѣ я — вашъ другъ и надѣюсь доказать вамъ это на дѣлѣ»[351]. Въ запискахъ баварскаго министра графа Монжела по этому поводу разсказанъ другой подходящій случай. Разбирая русскую политику наканунѣ 1812 года, Монжела утверждаетъ, что въ то время нерѣдко припоминали слова, сорвавшіяся съ устъ императора Александра при подписаніи Тильзитскаго договора: «По крайней мѣрѣ я выиграю время»[352].

Вообще, при обсужденіи вопроса объ отношеніяхъ, установившихся въ Тильзитѣ между двумя новыми союзниками, слѣдуетъ принять во

вниманіе особенность характера императора Александра, отличавшагося памятозлобіемъ и никогда въ душѣ своей не прощавшаго обидъ, хотя часто, изъ видовъ благоразумія и политики, скрывавшаго и подавлявшаго въ себѣ это чувство. Онъ никогда не простилъ Наполеону содержанія дерзкой ноты Талейрана отъ 4-го (16-го) мая 1804 года, напи-

Иванъ Ивановичъ Михельсонъ.

Съ гравированнаго портрета Пожалостина.

санной по приказанію перваго консула въ отвѣтъ на протестъ Россіи по поводу казни герцога Энгіенскаго. Но въ Тильзитѣ сила обстоятельствъ заставила Александра принести въ жертву своему долгу и Россіи свои личныя чувства; вмѣстѣ съ тѣмъ государь, послѣ первой встрѣчи съ Наполеономъ, былъ безспорно очарованъ и увлеченъ геніемъ своего про-

тивника, смутно сознавая въ то же время всю выгоду союза съ императорскою Франціею. Нельзя также не принять во вниманіе, что Наполеонъ обладалъ рѣдкимъ даромъ привязывать къ себѣ своихъ собесѣдниковъ, если онъ желалъ того; устоять противъ его краснорѣчія было такъ же трудно, какъ и сопротивляться его оружію[353]. Неудивительно поэтому, что тильзитское свиданіе сопровождалось нѣкоторымъ, можетъ быть, даже искреннимъ увлеченіемъ Наполеономъ, свойственнымъ впечатлительной натурѣ Александра, нѣсколько склонной къ идеализаціи[354].

Но какъ бы то ни было, въ Тильзитѣ императоръ Александръ рѣшился воспользоваться выгодами, проистекавшими для Россіи отъ тѣснаго сближенія съ Франціею. Наполеонъ предоставлялъ своему союзнику полную свободу дѣйствій противъ Швеціи и отчасти противъ Турціи; подобное предложеніе нельзя было оставить безъ вниманія, не пожертвовавъ преднамѣренно жизненными интересами Россіи. Александръ, скрѣпя сердце, ради выгодъ Россіи, временно какъ бы позабылъ клятву у гроба Фридриха Великаго. Затѣмъ весь дальнѣйшій успѣхъ вновь установленной политической системы зависѣлъ уже, главнымъ образомъ, отъ исполнителей и разумной поддержки начинаній государя со стороны общественнаго мнѣнія страны. Но, къ сожалѣнію, выборъ этихъ исполнителей на политическомъ и военномъ поприщахъ оказался крайне неудачнымъ; невѣжество же общественнаго мнѣнія и ослѣпленіе государственныхъ дѣятелей этой эпохи превзошли всякое вѣроятіе. Императоръ Александръ стоялъ почти одиноко, поддерживая новый союзъ, подвергавшійся со всѣхъ сторонъ дружному натиску внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ Тильзитскаго соглашенія; вслѣдствіе всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ условій союзъ съ Франціею оказался непрочнымъ и не далъ ожидаемыхъ плодовъ для будущаго благополучія Россіи. Вскорѣ прежнія заботы о благѣ Европы восторжествовали надъ чувствомъ государственнаго эгоизма, которое Наполеонъ сумѣлъ вселить на время въ Александра; старая привязанность къ романтикѣ, подъ вліяніемъ эмиграціи и нѣмецкихъ друзей, вступила въ свои законныя права, и при первой же возможности императоръ Александръ возвратился на прежній излюбленный путь всероссійскаго великодушія.

Неожиданный исходъ войны, начавшейся въ 1806 году, засталъ Австрію совершенно врасплохъ. Политики ея долго недоумѣвали, къ какому лагерю пристать; спорили и колебались, пока Наполеонъ между тѣмъ одерживалъ одну побѣду за другой. Наконецъ, грянулъ бой при Прейсишъ-Эйлау, но и онъ не былъ въ силахъ вызвать присоединенія Австріи къ коалиціи. Благопріятный моментъ для вмѣшательства былъ безвозвратно утраченъ. Наконецъ Фридландское сраженіе вызвало къ жизни русско-французскій союзъ, и настала пора совмѣстной диктатуры двухъ императоровъ въ Европѣ. Ввиду столь грознаго политическаго

явленія австрійскіе государственные люди упали духомъ. Графъ Стадіонъ высказалъ даже императору Францу мнѣніе, что новая политическая обстáновка можетъ каждый день заставить Австрію все поставить на карту[355].

Тѣмъ не менѣе, вѣнскій кабинетъ рѣшилъ отправить генерала Стутергейма въ главную квартиру императора Александра съ предложе-

Генералъ Коленкуръ.

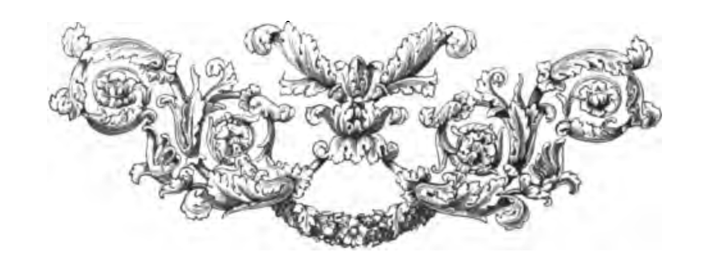
Съ гравированнаго портрета Гопвуда.

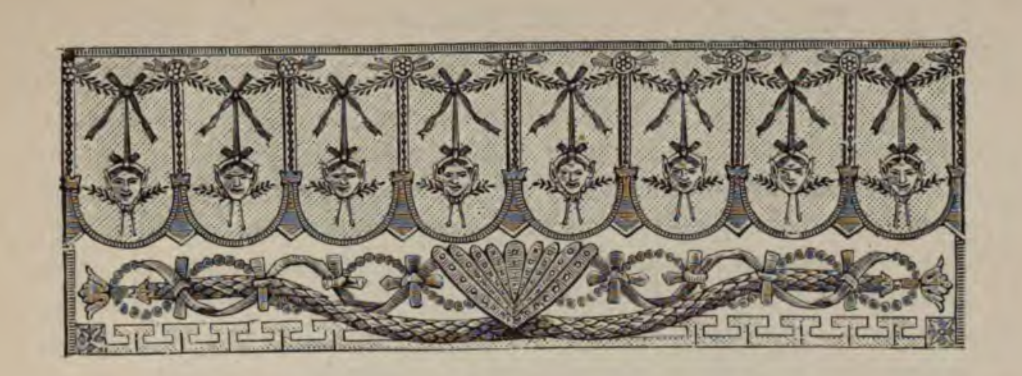
ніями посредничества Австріи; но генералъ прибылъ въ Тильзитъ только 27-го іюня (9-го іюля), въ день ратификаціи мирнаго договора. Отнынѣ Австріи оставалось только соображать свои дѣйствія съ совершившимся фактомъ.

Генералъ Стутергеймъ не замедлилъ обратиться къ барону Будбергу съ просьбою испросить ему аудіенцію у императора Александра. Недовольный политикой вѣнскаго кабинета, государь не принялъ Стутер-

гейма. Тогда австрійскій посланный рѣшился просить аудіенціи у Наполеона и былъ милостиво принятъ императоромъ. Стутергеймъ доложилъ, что онъ присланъ къ императору Александру и къ королю прусскому съ предложеніями посредничества Австріи, но, къ сожалѣнію, опоздалъ.—«Дѣло кончено», отвѣчалъ ему Наполеонъ не безъ юмора: «и императоръ (австрійскій) долженъ быть въ восторгѣ, что прекратилась война, которая велась близъ его границъ, причиняя ему немало безпокойствъ; я лично считаю себя обязаннымъ ему; положеніе мое было иной разъ затруднительно, и для меня было бы чрезвычайно опасно навлечь на свою шею еще одну армію, подобную австрійской». Въ заключеніе этой правоучительной бесѣды Наполеонъ сказалъ: «Повторяю еще разъ, я признаю себя обязаннымъ императору»[356].

Наполеонъ возвратился въ Парижъ черезъ Кёнигсбергъ; здѣсь онъ поручилъ генералу Савари немедленно отправиться въ Петербургъ. Въ данной ему инструкціи сказано, что «il n'est là que comme aide de camp et comme militaire et n'a aucun titre diplomatique». Призвавъ къ себѣ Савари, Наполеонъ передалъ ему, между прочимъ, еще слѣдующія словесныя наставленія: «Я только что заключилъ миръ; мнѣ говорятъ, что я ошибся и буду обманутъ; но, говоря правду, довольно воевать, надо дать міру покой. Я, до избранія посла, намѣренъ послать въ Петербургъ васъ; я дамъ вамъ письмо къ императору Александру, которое замѣнитъ вѣрительную грамоту. Вы исполните тамъ мои порученія: помните только, что я не хочу войны съ кѣмъ бы то ни было, и пусть это послужитъ основаніемъ вашихъ дѣйствій... Если возможно скрѣпить союзъ мой съ этой страной и создать что-либо прочное въ этомъ отношеніи, ничѣмъ не пренебрегайте для достиженія этой цѣли. Вы видѣли, какъ я былъ обманутъ австрійцами и пруссаками; я довѣряю русскому императору, и между обоими народами нѣтъ ничего, что могло бы помѣшать полному ихъ сближенію; поработайте же для этого»[357].

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Императоръ Александръ, 4-го (16-го) іюля 1807 года, возвратился въ Петербургъ и остановился въ Таврическомъ дворцѣ. На другой день государь присутствовалъ на молебнѣ въ Казанскомъ соборѣ. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ.

Однимъ изъ первыхъ распоряженій правительства, вызванныхъ новымъ положеніемъ дѣлъ, было запрещеніе, послѣдовавшее 18-го (30-го) іюля, читать по церквамъ разосланныя въ 1806 году Святѣйшимъ Синодомъ объявленія и заимствовать изъ нихъ священникамъ мысли для проповѣдей.

9-го (21-го) августа былъ обнародованъ манифестъ, въ которомъ возвѣщалось прекращеніе войны съ Франціею: «благословенный миръ паки возстановленъ». Въ немъ же государь изъявлялъ народу и войску свое благоволеніе[358]. По поводу предложеннаго Наполеономъ расширенія предѣловъ Россіи, замѣненнаго только нѣкоторымъ исправленіемъ границъ, въ манифестѣ упоминается слѣдующее: «Въ

основаніи сего мира всѣ предположенія къ распространенію нашихъ предѣловъ, а наче изъ достоянія нашего союзника, признали мы не согласными съ справедливостью и достоинствомъ Россіи. Въ ополченіи нашемъ не расширенія пространной нашей Имперіи мы искали, но желали возстановить нарушенное спокойствіе и отвратить опасность, угрожавшую державѣ, сопредѣльной и союзной. Постановленіемъ настоящаго мира не токмо прежніе предѣлы Россіи во всей ихъ неприкосновенности обезпечены, но и приведены въ лучшее положеніе присоединеніемъ къ нимъ выгодной и естественной грани».

Относительно Пруссіи, спасенной отъ окончательной гибели заступничествомъ императора Александра, въ манифестѣ было сказано: «Союзнику нашему возвращены многія страны и области, жребіемъ войны отторгнутыя и оружіемъ покоренныя». Чувство скромности, свойственное государю, не позволило сказать болѣе. Но въ откровенной бесѣдѣ съ майоромъ Шёлеромъ, посланнымъ королемъ въ Петербургъ, Александръ признался, что въ Тильзитѣ онъ иной разъ забывалъ, что самъ онъ русскій[359]. Наполеонъ въ рѣчи къ законодательному корпусу, отъ 4-го (16-го) августа, выразился болѣе положительнымъ образомъ и, не скрывая истины, приписалъ сохраненіе династіи Фридриха-Вильгельма единственно дружескимъ чувствамъ, внушеннымъ ему могущественнымъ императоромъ Сѣвера[360].

По поводу этого щекотливаго для Пруссіи вопроса князь Куракинъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ совершившихся событій, писалъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ еще изъ Тильзита: «Государь отказался раздѣлить владѣнія побѣжденнаго и лишеннаго средствъ союзника. Россія дѣлается ангеломъ-хранителемъ короля прусскаго, который въ императорѣ находитъ себѣ спасителя и изъ его рукъ получаетъ снова большую часть своихъ владѣній, которыя онъ самъ не умѣлъ сберечь и защитить».

Пруссаки и во главѣ ихъ Гарденбергъ негодовали, конечно, на Александра за его, какъ они выражались, недостойный образъ дѣйствій, приписывая свое униженіе предательству Россіи[361]. Но король оказался прозорливѣе своихъ дипломатовъ; онъ настойчиво повторялъ недоброжелателямъ Россіи: «Нѣтъ, я не отстану отъ Александра (Nein, von Alexander lass ich nicht)»[362]. Дружескія чувства его къ государю нисколько не поколебались безпощадными условіями Тильзитскаго договора[363]; дальнѣйшія событія блистательно оправдали проницательность короля.

21-го августа (5-го сентября) государь встрѣтилъ на петергофской дорогѣ гвардію, возвращавшуюся изъ похода. Съ какими чувствами отнеслось къ этому торжеству русское общество, ясно видно изъ отзывовъ современниковъ: въ гнѣвѣ своемъ на состоявшееся примиреніе

тивника, смутно сознавая въ то же время всю выгоду союза съ императорскою Франціею. Нельзя также не принять во вниманіе, что Наполеонъ обладалъ рѣдкимъ даромъ привязывать къ себѣ своихъ собесѣдниковъ, если онъ желалъ того; устоять противъ его краснорѣчія было такъ же трудно, какъ и сопротивляться его оружію[353]. Неудивительно поэтому, что тильзитское свиданіе сопровождалось нѣкоторымъ, можетъ быть, даже искреннимъ увлеченіемъ Наполеономъ, свойственнымъ впечатлительной натурѣ Александра, нѣсколько склонной къ идеализаціи[354].

Но какъ бы то ни было, въ Тильзитѣ императоръ Александръ рѣшился воспользоваться выгодами, проистекавшими для Россіи отъ тѣснаго сближенія съ Франціею. Наполеонъ предоставлялъ своему союзнику полную свободу дѣйствій противъ Швеціи и отчасти противъ Турціи; подобное предложеніе нельзя было оставить безъ вниманія, не пожертвовавъ преднамѣренно жизненными интересами Россіи. Александръ, скрѣпя сердце, ради выгодъ Россіи, временно какъ бы позабылъ клятву у гроба Фридриха Великаго. Затѣмъ весь дальнѣйшій успѣхъ вновь установленной политической системы зависѣлъ уже, главнымъ образомъ, отъ исполнителей и разумной поддержки начинаній государя со стороны общественнаго мнѣнія страны. Но, къ сожалѣнію, выборъ этихъ исполнителей на политическомъ и военномъ поприщахъ оказался крайне неудачнымъ; невѣжество же общественнаго мнѣнія и ослѣпленіе государственныхъ дѣятелей этой эпохи превзошли всякое вѣроятіе. Императоръ Александръ стоялъ почти одиноко, поддерживая новый союзъ, подвергавшійся со всѣхъ сторонъ дружному натиску внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ Тильзитскаго соглашенія; вслѣдствіе всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ условій союзъ съ Франціею оказался непрочнымъ и не далъ ожидаемыхъ плодовъ для будущаго благополучія Россіи. Вскорѣ прежнія заботы о благѣ Европы восторжествовали надъ чувствомъ государственнаго эгоизма, которое Наполеонъ сумѣлъ вселить на время въ Александра; старая привязанность къ романтикѣ, подъ вліяніемъ эмиграціи и нѣмецкихъ друзей, вступила въ свои законныя права, и при первой же возможности императоръ Александръ возвратился на прежній излюбленный путь всероссійскаго великодушія.

Неожиданный исходъ войны, начавшейся въ 1806 году, засталъ Австрію совершенно врасплохъ. Политики ея долго недоумѣвали, къ какому лагерю пристать; спорили и колебались, пока Наполеонъ между тѣмъ одерживалъ одну побѣду за другой. Наконецъ, грянулъ бой при Прейсишъ-Эйлау, но и онъ не былъ въ силахъ вызвать присоединенія Австріи къ коалиціи. Благопріятный моментъ для вмѣшательства былъ безвозвратно утраченъ. Наконецъ Фридландское сраженіе вызвало къ жизни русско-французскій союзъ, и настала пора совмѣстной диктатуры двухъ императоровъ въ Европѣ. Ввиду столь грознаго политическаго

явленія австрійскіе государственные люди упали духомъ. Графъ Стадіонъ высказалъ даже императору Францу мнѣніе, что новая политическая обстановка можетъ каждый день заставить Австрію все поставить на карту[355].

Тѣмъ не менѣе, вѣнскій кабинетъ рѣшилъ отправить генерала Стутергейма въ главную квартиру императора Александра съ предложе-

Генералъ Коленкуръ.

Съ гравированнаго портрета Гопвуда.

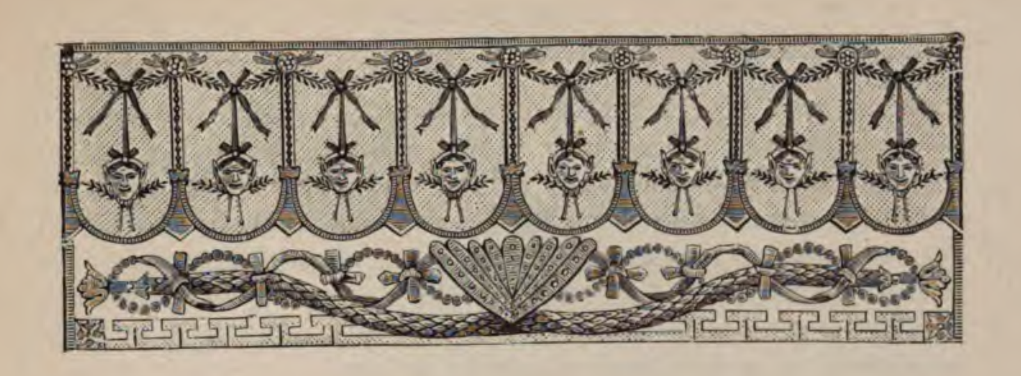
ніями посредничества Австріи; но генералъ прибылъ въ Тильзитъ только 27-го іюня (9-го іюля), въ день ратификаціи мирнаго договора. Отнынѣ Австріи оставалось только соображать свои дѣйствія съ совершившимся фактомъ.

Генералъ Стутергеймъ не замедлилъ обратиться къ барону Будбергу съ просьбою испросить ему аудіенцію у императора Александра. Недовольный политикой вѣнскаго кабинета, государь не принялъ Стутер-

гейма. Тогда австрійскій посланный рѣшился просить аудіенціи у Наполеона и былъ милостиво принятъ императоромъ. Стутергеймъ доложилъ, что онъ присланъ къ императору Александру и къ королю прусскому съ предложеніями посредничества Австріи, но, къ сожалѣнію, опоздалъ. — «Дѣло кончено», отвѣчалъ ему Наполеонъ не безъ юмора: «и императоръ (австрійскій) долженъ быть въ восторгѣ, что прекратилась война, которая велась близъ его границъ, причиняя ему немало безпокойствъ; я лично считаю себя обязаннымъ ему; положеніе мое было иной разъ затруднительно, и для меня было бы чрезвычайно опасно навлечь на свою шею еще одну армію, подобную австрійской». Въ заключеніе этой нравоучительной бесѣды Наполеонъ сказалъ: «Повторяю еще разъ, я признаю себя обязаннымъ императору»[356].

Наполеонъ возвратился въ Парижъ черезъ Кёнигсбергъ; здѣсь онъ поручилъ генералу Савари немедленно отправиться въ Петербургъ. Въ данной ему инструкціи сказано, что «il n'est là que comme aide de camp et comme militaire et n'a aucun titre diplomatique». Призвавъ къ себѣ Савари, Наполеонъ передалъ ему, между прочимъ, еще слѣдующія словесныя наставленія: «Я только что заключилъ миръ; мнѣ говорятъ, что я ошибся и буду обманутъ; но, говоря правду, довольно воевать, надо дать міру покой. Я, до избранія посла, намѣренъ послать въ Петербургъ васъ; я дамъ вамъ письмо къ императору Александру, которое замѣнитъ вѣрительную грамоту. Вы исполните тамъ мои порученія: помните только, что я не хочу войны съ кѣмъ бы то ни было, и пусть это послужитъ основаніемъ вашихъ дѣйствій... Если возможно скрѣпить союзъ мой съ этой страной и создать что-либо прочное въ этомъ отношеніи, ничѣмъ не пренебрегайте для достиженія этой цѣли. Вы видѣли, какъ я былъ обманутъ австрійцами и пруссаками; я довѣряю русскому императору, и между обоими народами нѣтъ ничего, что могло бы помѣшать полному ихъ сближенію; поработайте же для этого»[357].

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Императоръ Александръ, 4-го (16-го) іюля 1807 года, возвратился въ Петербургъ и остановился въ Таврическомъ дворцѣ. На другой день государь присутствовалъ на молебнѣ въ Казанскомъ соборѣ. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ.

Однимъ изъ первыхъ распоряженій правительства, вызванныхъ новымъ положеніемъ дѣлъ, было запрещеніе, послѣдовавшее 18-го (30-го) іюля, читать по церквамъ разосланныя въ 1806 году Святѣйшимъ Синодомъ объявленія и заимствовать изъ нихъ священникамъ мысли для проповѣдей.

9-го (21-го) августа былъ обнародованъ манифестъ, въ которомъ возвѣщалось прекращеніе войны съ Франціею: «благословенный миръ паки возстановленъ». Въ немъ же государь изъявлялъ народу и войску свое благоволеніе[358]. По поводу предложеннаго Наполеономъ расширенія предѣловъ Россіи, замѣненнаго только нѣкоторымъ исправленіемъ границъ, въ манифестѣ упоминается слѣдующее: «Въ

съ Франціею графъ С. Р. Воронцовъ дошелъ даже до предложенія, чтобы сановники, подписавшіе Тильзитскій договоръ, совершили въѣздъ въ столицу на ослахъ.

Въ тяжелыя минуты, послѣдовавшія послѣ Фридландскаго сраженія, императоръ Александръ не поколебался принести въ жертву долгу и Россіи свои личныя чувства и дорогія сердцу привязанности; примиреніемъ съ Наполеономъ онъ обезпечилъ отечество отъ непріятельскаго

Маршалъ Ланнъ.

Съ гравюры Модюизона.

вторженія и пріобрѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ для Имперіи существенныя выгоды. Но то, что было ясно и осязательно для государя, не могло быть усвоено въ той же мѣрѣ современниками этихъ происшествій. Искусственно возбужденная ненависть противъ Наполеона и политическое недомысліе принялись подтачивать дѣло разумнаго политическаго расчета. На Петербургъ, на Москву, на всѣ тѣ мѣста, коихъ наиболѣе коснулось просвѣщеніе, Тильзитъ произвелъ самое тягостное впечатлѣніе. Проигранныя сраженія, какъ Аустерлицъ и Фридландъ, не оскорбили на-

родной чести; это были неудачи, какъ выразился современникъ, но не пятно; а Тильзитскій миръ Россія признала постыднымъ для себя. Когда же послѣдовалъ въ томъ же 1807 году разрывъ съ Англіею, вызвавшій остановку въ торговлѣ, затрудненія въ денежныхъ оборотахъ и упадокъ ассигнацій, то союзъ съ Франціею сдѣлался предметомъ единодушнаго осужденія всѣхъ сословій государства. Неудовольствіе поддерживалось и укрѣплялось также англійскими интригами и преобладающимъ вліяніемъ, которымъ пользовались въ высшемъ русскомъ обществѣ эмигранты и нѣмецкіе недоброжелатели Наполеона. «Вообще, неудовольствіе противъ императора болѣе и болѣе возрастаетъ», доносилъ графъ Стедингъ королю Густаву IV: «и на этотъ счетъ говорятъ такія вещи, что страшно слушать»[364].

Не было возможности не только наказывать за изъявленія всеобщаго неудовольствія, но даже и сдерживать ихъ, ибо, какъ выразился весьма своеобразно одинъ современникъ, «отъ знатнаго царедворца до малограмотнаго писца, отъ генерала до солдата, все, повинуясь, роптало съ негодованіемъ»[365].

Все это было вполнѣ извѣстно императору Александру, но не поколебало его въ принятомъ рѣшеніи поддерживать союзъ съ Франціею и въ увѣренности, что онъ среди обстоятельствъ, возникшихъ послѣ 2-го (14-го) іюня, сдѣлалъ все для спасенія Россіи отъ ожидавшихъ ее неминуемыхъ бѣдствій и для упроченія будущаго ея величія. Государь обнаружилъ въ этомъ дѣлѣ замѣчательную стойкость, выдержку и политическую прозорливость; если этотъ замѣчательный въ его жизни подвигъ не былъ оцѣненъ современниками, то, по крайней мѣрѣ, потомство должно возстановить истину и воздать должную дань признательности памяти своего вѣнценоснаго вождя.

Генералу Савари, присланному Наполеономъ въ Петербургъ до назначенія посла, государь сказалъ 11-го (23-го) іюля, на первой же аудіенціи: «Я далъ ему слово и сдержу его[366] (Il a ma parole et je la tiendrai)». Относительно противниковъ тильзитскаго союза Александръ въ бесѣдахъ своихъ съ Савари выражался въ разное время слѣдующимъ образомъ: «Если эти ...... имѣютъ намѣреніе отправить меня на тотъ свѣтъ, то пусть торопятся; но только они напрасно воображаютъ, что могутъ меня принудить къ уступчивости или обезславить. Я буду толкать Россію къ Франціи, насколько я въ состояніи сдѣлать это. — Не судите объ общественномъ мнѣніи по разговорамъ нѣсколькихъ бездѣльниковъ, въ которыхъ я вовсе не нуждаюсь, и, къ тому же, слишкомъ трусливыхъ, чтобы предпринять что-либо. Здѣсь недостаетъ для этого ни ума, ни рѣшимости.—Горе тому, кто не идетъ прямымъ путемъ. Мнѣ извѣстно, что интригуютъ, что Англія еще работаетъ и что то, что вы видѣли, является результатомъ этихъ происковъ. Я не опа-

саюсь ихъ; несмотря ни на что, я буду идти къ своей цѣли. Будьте спокойны на этотъ счетъ. Въ концѣ концовъ должны будутъ подчиниться.—Я работаю надъ тѣмъ, чтобы все перемѣнить, но могу произвести все это лишь медленно; я намѣренъ все поставить на другую ногу.—Я очень люблю моихъ родныхъ, но я царствую и требую, чтобы мнѣ оказывали должное вниманіе»[367]. Въ этихъ словахъ императора Александра ясно и отчетливо обрисовывается печальная обстановка, среди которой государю приходилось отстаивать новое направленіе русской политики.

При дворѣ главнымъ и самымъ вліятельнымъ врагомъ Наполеона была вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна. Она стояла во главѣ оппозиціи и, не стѣсняясь, осуждала новую политику Александра; подобный образъ дѣйствій возмущалъ кроткую и безгранично преданную императору Елисавету Алексѣевну, которая въ слѣдующихъ словахъ высказала свое негодованіе въ письмѣ къ матери отъ 29-го августа (11-го сентября) 1807 года: «Императрица, которая, какъ мать, должна была бы поддерживать, защищать интересы своего сына, по непослѣдовательности, вслѣдствіе самолюбія (и, конечно, не по какой-либо другой причинѣ, потому что она неспособна къ дурнымъ умысламъ) дошла до того, что стала походить на главу оппозиціи; всѣ недовольные, число которыхъ очень велико, сплачиваются вокругъ нея, прославляютъ ее до небесъ, и никогда еще она не привлекала столько народа въ Павловскъ, какъ въ этомъ году. Не могу вамъ выразить, до какой степени это возмущаетъ меня»[368].

Среди народа тильзитская дружба также возбуждала разнообразные толки. Церковныя увѣщанія и проповѣди, предписанныя въ 1806 году Святѣйшимъ Синодомъ, принесли свои печальные плоды: они распространили и укрѣпили среди народа молву, что Наполеонъ антихристъ, что тутъ дѣйствуетъ нечистая сила. Когда въ Россіи узнали о свиданіи императоровъ, въ народѣ стала распространяться слѣдующая легенда. Зашла объ этомъ событіи рѣчь у двухъ мужичковъ. «Какъ же это (говоритъ одинъ) нашъ батюшка, православный царь, могъ рѣшиться сойтись съ этимъ окаяннымъ, съ этимъ нехристемъ? Вѣдь это страшный грѣхъ!»—«Да какъ же ты, братецъ (отвѣчаетъ другой), не разумѣешь и не смекаешь дѣла? Развѣ ты не знаешь, что они встрѣтились на рѣкѣ? Нашъ батюшка именно съ тѣмъ и повелѣлъ приготовить плотъ, чтобы сперва окрестить Бонапартія въ рѣкѣ, а потомъ уже допустить его предъ свои свѣтлыя царскія очи»[369].

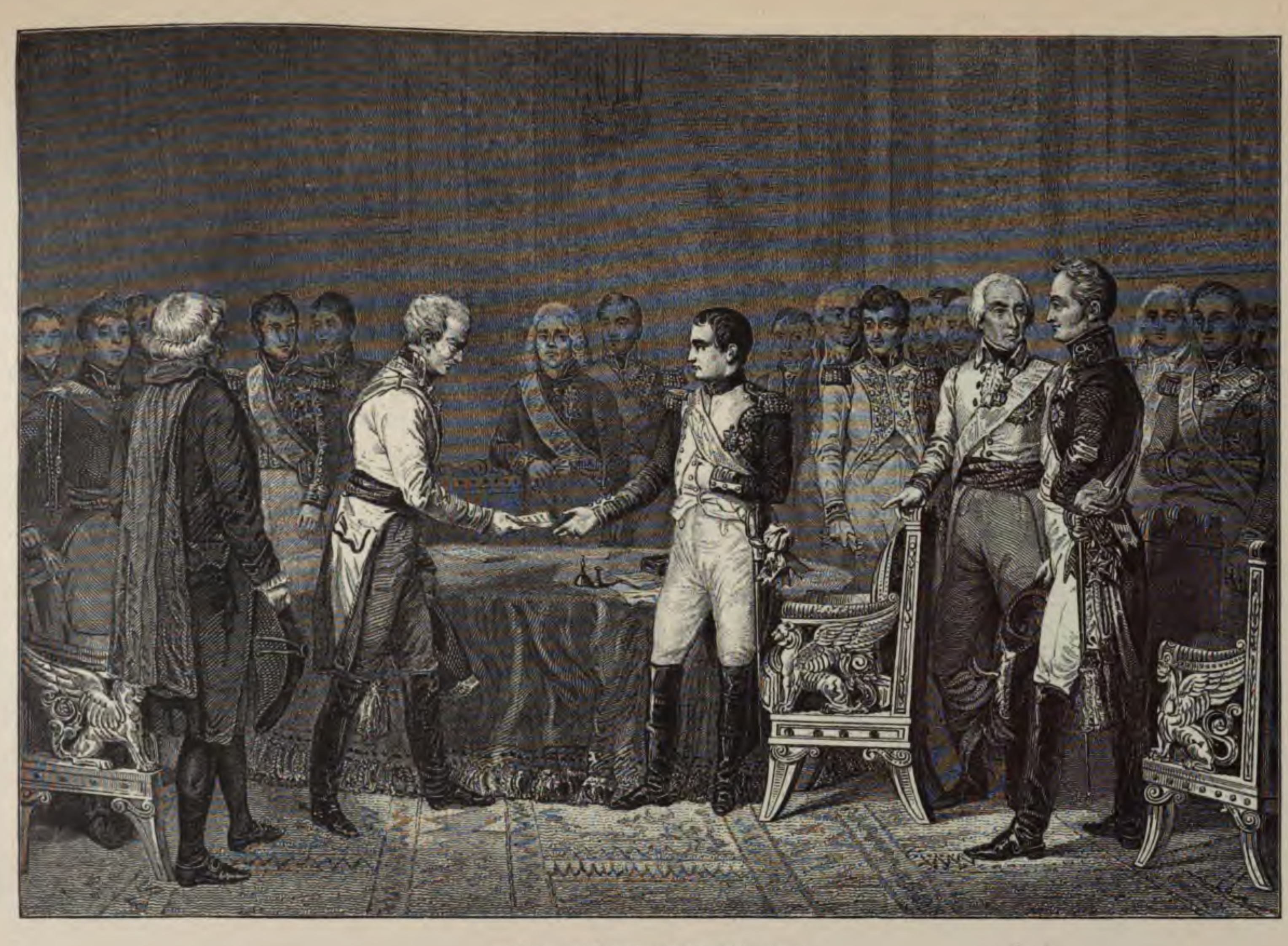
Изъ всѣхъ этихъ приведенныхъ нами краткихъ указаній видно, насколько тильзитская дружба поколебала народную привязанность къ обожаемому доселѣ Александру. По поводу этой измѣнчивости народныхъ чувствъ Вигель справедливо замѣчаетъ: «И вотъ эпоха, въ которую

нѣжнѣйшая любовь, какую могутъ только имѣть подданные къ своему государю, превратилась вдругъ въ нѣчто хуже вражды, въ чувство какого-то омерзѣнія. Я не хвалюсь великою мудростью, но въ этомъ увидѣлъ я жестокую несправедливость русскихъ. Мнѣ за нихъ стало стыдно: такъ презираемые ими черемисы и чуваши сѣкутъ своихъ боговъ, когда они не исполняютъ ихъ желаній. Все, что человѣкъ, не рожденный полководцемъ, можетъ сдѣлать, все то сдѣлалъ императоръ Александръ. Что оставалось ему, когда онъ увидѣлъ безчисленную рать непріятельскую, разбитое свое войско, подкрѣпленное одною только свѣжею новоформированною дивизіею князя Лобанова, и всѣмъ ужаснаго Наполеона, стоящаго уже на границѣ своего государства? Что бы сказали русскіе, если бы за нее впустилъ онъ его? И въ этомъ тяжкомъ для его сердца примиреніи развѣ не сохранилъ онъ своего достоинства? Развѣ не умѣлъ онъ, побѣжденный, стать совершенно наравнѣ съ побѣдителемъ и тутъ еще явиться покровителемъ короля? Такимъ ли бѣдствіямъ, такимъ ли униженіямъ подвергался императоръ Францъ II? Что дѣлали его подданные? Дѣлили съ нимъ горе и съ каждымъ новымъ несчастіемъ крѣпче тѣснились къ нему и сыновнѣе его любили. Лѣтъ пятнадцать послѣ того наказаніе Божіе едва было не постигнуло насъ за неблагодарность нашу къ Александру: онъ былъ долготерпѣливъ и мстителенъ и все вспомянулъ во дни славы своей. Когда вмѣстѣ со счастіемъ возвратилось къ нему обожаніе подданныхъ, на распростертый передъ нимъ народъ взглянулъ онъ съ досаднымъ презрѣніемъ, и не было слова его потомъ, не было дѣйствія, которое бы его не выражало. Онъ думалъ, что съ нимъ можно все себѣ дозволить...... Народы бываютъ иногда такъ же подлы, какъ люди»[370].

Настал періодъ царствованія Александра, когда все измѣнилось въ немъ и вокругъ него, когда онъ долженъ былъ разорвать прежніе союзы, удалить отъ себя прежнихъ любимцевъ, когда притворство сдѣлалось для него необходимостью.

Тильзитскій миръ окончательно уничтожилъ всякую возможность возобновленія негласнаго комитета и навсегда лишилъ членовъ его всякаго значенія. Тріумвиратъ окончательно распался. Новосильцовъ былъ уволенъ за границу, графъ Кочубей замѣненъ княземъ Алексѣемъ Борисовичемъ Куракинымъ; графъ П. А. Строгоновъ предпочелъ мечъ перу и, получивъ еще въ кампанію 1807 года, въ чинѣ тайнаго совѣтника, орденъ св. Георгія 3-го класса, былъ произведенъ въ генералъ-майоры и пожалованъ въ генералъ-адъютанты. Новая внѣшняя политика потребовала и новаго министра: графъ Николай Петровичъ Румянцевъ замѣнилъ барона Будберга[371].

Графъ Румянцевъ вполнѣ сочувствовалъ новому направленію русской политики; онъ не раздѣлялъ ненависти къ Наполеону, господствовавшей

Эрфуртскій конгрессъ 1808 года.

(Генералъ Винсентъ вручаетъ Наполеону письмо австрійскаго императора).

Съ гравюры Монье, сдѣланной съ картины Госса.

тогда среди большей части русскаго общества, и являлся защитникомъ цѣлесообразности союза съ Франціею. Какъ и слѣдовало ожидать, новое назначеніе графа Румянцева было встрѣчено русскимъ обществомъ съ такимъ же несочувствіемъ, какъ и тильзитская политика императора Александра; говорили, что по своимъ способностямъ онъ могъ бы управлять департаментомъ иностранныхъ дѣлъ въ С.-Маринской республикѣ, и что если и не купленъ Франціею, «то изъ единственной въ своемъ родѣ глупости и неспособности». Графъ Ростопчинъ, несмотря на обычное злорѣчіе своего пера, писалъ: «Румянцевъ былъ человѣкъ свѣтскій, съ манерами вельможи. Политика его въ отношеніи Наполеона сводилась къ двумъ пунктамъ: 1) выиграть время; 2) избѣгать войны. Публика, постоянно пребывающая покорнѣйшимъ слугою клеветы и послушнымъ эхо глупости (le public qui est toujours le très humble serviteur de la calomnie et l'écho docile de la bêtise), глядѣла на него, какъ на человѣка, преданнаго Наполеону и жертвовавшаго ему интересами Россіи; но для опроверженія этой клеветы достаточно вспомнить имя, которое онъ носилъ, его привязанность къ государю и гордость его души» [372].

Остается упомянуть еще о двухъ назначеніяхъ: 1-го января 1808 года князю Лобанову-Ростовскому повелѣно было быть с.-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, а 13-го января графу Аракчееву—военнымъ министромъ [373].

Хотя императоръ Александръ зналъ, до какой степени имя графа Аракчеева было ненавистно всѣмъ русскимъ, онъ не поколебался передать въ суровыя руки этого человѣка армію для искорененія по военному управленію замѣченныхъ во время войны безпорядковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это назначеніе свидѣтельствовало, что Александръ пересталъ дорожить общимъ мнѣніемъ и болѣе щадить его не намѣренъ [374]. Но быть военнымъ министромъ на прежнемъ основаніи не могло удовлетворить безграничнаго властолюбія графа Аракчеева; онъ потребовалъ устраненія генералъ-адъютанта графа Ливена отъ доклада по военнымъ дѣламъ и передачи военно-походной канцеляріи въ полное его распоряженіе, равно какъ и распространенія власти министра до того, чтобы сами главнокомандующіе арміями должны были принимать его приказанія. Государь, на зло недовольнымъ, на все изъявилъ свое согласіе [375].

Усиленіе значенія графа Аракчеева обнаружилось тотчасъ послѣ заключенія Тильзитскаго мира. Во время войны императоръ Александръ остался доволенъ одной артиллеріей. 27-го іюня (9-го іюля) 1807 года послѣдовало производство графа Аракчеева въ генералы-отъ-артиллеріи. Въ рескриптѣ, данномъ на его имя 28 іюня въ Таурогенѣ, сказано: «Доведеніе до превосходнаго состоянія артиллеріи и успѣшное дѣйствіе оной въ продолженіе сей войны, также и исправное снабженіе оной всѣмъ нужнымъ, обязываетъ меня сдѣлать достойное воздаяніе заслу-

гамъ вашимъ, почему приказомъ моимъ вчерашняго дня произведены вы въ генералы-отъ-артиллеріи. Примите сіе знакомъ моей признательности и особеннаго моего благоволенія».

Но этимъ рескриптомъ не исчерпывались милости государя. Препоручая графу Аракчееву исполнить разныя распоряженія по артиллерійскому департаменту, императоръ Александръ въ новомъ рескриптѣ снова обратился къ нему съ изъявленіемъ монаршей признательности. «Со вступленія вашего въ службу», писалъ государь, «сдѣланныя вами распоряженія по артиллерійскому департаменту при нынѣшней кампаніи, исправнымъ дѣйствіемъ артиллеріи и достаточными во всѣхъ частяхъ онаго департамента запасами, оправдали мою къ вамъ довѣренность, а симъ самымъ уже вы и получаете собственное ваше и мое удовольствіе»[376].

Затѣмъ, 12-го (24-го) декабря 1807 года, въ день рожденія императора Александра, графъ Аракчеевъ, при сохраненіи носимыхъ имъ званій, былъ назначенъ состоящимъ при государѣ императорѣ по артиллерійской части. 14-го (26-го) декабря послѣдовалъ указъ, заключающій въ себѣ доказательство необыкновеннаго довѣрія къ нему государя: «Объявляемыя генераломъ-отъ-артиллеріи графомъ Аракчеевымъ Высочайшія повелѣнія считать именными нашими указами». Наконецъ, 21-го декабря графу Аракчееву препоручено было присутствовать въ государственной военной коллегіи и артиллерійской ея экспедиціи, «есть ли исправленіе дѣлъ, особо вамъ препорученныхъ отъ насъ, позволитъ».

Но, несмотря на возраставшее вліяніе графа Аракчеева, Александръ въ тильзитскую эпоху не вполнѣ еще разстался со своими юношескими идеалами и попрежнему чувствовалъ необходимость привлекать къ дѣлу государственнаго управленія просвѣщенныхъ сотрудниковъ; въ немъ не угасли еще горячая и искренняя любовь къ человѣчеству и желаніе сдѣлаться благодѣтелемъ Россіи. Руководствуясь подобными мыслями, Александръ приблизилъ къ себѣ Сперанскаго. 19-го (31-го) октября 1807 года, за нѣсколько недѣль до удаленія графа Кочубея[377], Сперанскій былъ уволенъ отъ должности управляющаго второю экспедиціею министерства внутреннихъ дѣлъ «съ оставленіемъ при прочихъ должностяхъ по званію статсъ-секретаря». Современникъ замѣчаетъ: «благоразумный Сперанскій, мѣняясь съ обстоятельствами, потихоньку, неприметнымъ образомъ, перешелъ изъ почитателей Великобританіи въ обожатели Наполеона, изъ англичанина сдѣлался французомъ. Сія перемѣна въ правилахъ и въ образѣ мыслей была для него чрезвычайно полезна, ибо еще болѣе приблизила его къ царю».

Союзъ съ Франціею, независимо отъ перемѣны въ личномъ составѣ ближайшихъ сотрудниковъ Александра, отразился также на организаціи, обученіи и обмундированіи русскихъ войскъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Послѣ Фридланда императоръ Александръ, недовольный распоряженіями генерала Бенигсена, призвалъ въ Тильзитъ отставленнаго въ 1806 году соперника его, графа Буксгевдена; ему была поручена армія на другой день послѣ заключенія мира для приведенія разстроенныхъ частей ея въ должный порядокъ[378]. Главная квартира графа Буксгевдена была переведена въ Витебскъ. Осенью 1807 года государь пожелалъ осмотрѣть ввѣренныя ему войска, которымъ предстояло готовиться къ новымъ подвигамъ на дальнемъ сѣверѣ. Александръ выѣхалъ изъ Петербурга 29-го сентября (11-го октября) и возвратился въ столицу 10-го (22-го) октября. Путешествіе это замѣчательно еще тѣмъ, что государь взялъ съ собою Сперанскаго, что естественно повело къ большему сближенію между ними, подготовивъ почву для будущаго возвышенія даровитаго статсъ-секретаря.

Подобно тому, какъ послѣ Аустерлица, въ 1807 году также послѣдовали карательныя мѣры по военному вѣдомству. Провіантскіе и коммиссаріатскіе чиновники были лишены права носить общій армейскій мундиръ; государь поставилъ имъ въ вину, что большая ихъ часть, имѣя въ виду свое обогащеніе, возвышали цѣны на всѣ припасы, тогда какъ войска терпѣли во всемъ нужду, и важныя предпріятія были тѣмъ останавливаемы ко вреду государства.

«Подражаніе обычаю или одѣянію какого-нибудь народа всегда въ Россіи есть вѣрнѣйшій признакъ добраго съ нимъ согласія»,—замѣчаетъ одинъ изъ современниковъ событій 1807 года. Такъ случилось и послѣ Тильзита: перестали слѣдовать простотѣ австрійскихъ мундировъ и съ сентября мѣсяца начали переодѣвать гвардію по французскому образцу, а въ слѣдующемъ году принялись и за армію. Вслѣдствіе царившаго тогда нерасположенія къ Франціи и эти распоряженія вызвали неудовольствіе; въ новыхъ мундирахъ видѣли французскую ливрею, а по поводу эполетъ съ насмѣшкою говорили, что теперь Наполеонъ сидитъ на плечахъ у всѣхъ русскихъ офицеровъ.

Воинскіе уставы также подверглись многимъ измѣненіямъ; недаромъ же Александръ въ Тильзитѣ въ продолженіе тринадцати дней основательно знакомился съ строевою частью наполеоновскихъ войскъ.

Послѣ назначенія графа Румянцева на должность министра иностранныхъ дѣлъ, императору Александру предстояло еще избрать для Парижа достойнаго представителя Россіи. По важности выгодъ, сопряженныхъ съ упроченіемъ французскаго союза или, какъ выражался Наполеонъ: «l'ouvrage de Tilsit», удачный выборъ этого лица представлялъ особенную важность.

Еще во время тильзитскихъ переговоровъ Наполеонъ и Талейранъ высказывали князю Куракину желаніе, чтобы государь назначилъ его посломъ въ Парижъ. Но осторожный царедворецъ, хотя и сочувствовалъ

новому направленію русской политики, однако уклонился отъ почетнаго предложенія и, предпочитая быть посломъ въ Вѣнѣ, просилъ императора Александра не измѣнять принятаго имъ рѣшенія. Князь Куракинъ съ полною откровенностью высказалъ государю, что не можетъ принять новаго назначенія, потому что слишкомъ старъ, чтобы подвергать себя

Наполеонъ въ 1808 году.

Съ портрета, нарисованнаго во время эрфуртскаго свиданія съ натуры карандашомъ адъютантомъ великаго князя Константина Павловича, Килемъ.

ложнымъ толкованіямъ, которыя приверженцы въ Петербургѣ противоположной системы не преминули бы дать всѣмъ его дѣйствіямъ, хотя бы они были внушены самою чистою ревностью къ службѣ и стремленіями къ благу Россіи [379].

Къ несчастью, выборъ императора Александра палъ на генерала графа Петра Александровича Толстого, который, подобно брату своему, оберъ-гофмаршалу графу Николаю Александровичу, принадлежалъ

къ числу сановниковъ, относившихся враждебно къ новой политической системѣ, принятой государемъ. Его симпатіи клонились безусловно на сторону Австріи и Пруссіи. Хотя графъ Толстой и отказывался упорно ѣхать въ Парижъ, императоръ Александръ, отклоняя его возраженія, все-таки рѣшилъ назначить его посломъ. «Мое глубокое убѣжденіе осталось непоколебимымъ», писалъ государь графу Толстому [380], «что именно вы болѣе, чѣмъ всякій другой, отвѣчаете тому мѣсту, которое я предназначаю вамъ». Затѣмъ его величество, ссылаясь на извѣстную ему привязанность графа Толстого, выражалъ увѣренность, что генералъ отправится въ Парижъ, и если, по прошествіи нѣкотораго времени, замѣтитъ, что не можетъ освоиться съ своимъ положеніемъ, то предоставлялъ ему право написать о томъ въ Петербургъ, обѣщая принять во вниманіе желанія графа. Императоръ заключилъ письмо свое словами: «помните хорошенько одно, что мнѣ вовсе не нуженъ дипломатъ, а храбрый и честный воинъ, а эти качества принадлежатъ вамъ» [381]. Послѣ этого письма графу Толстому оставалось только одно: покориться судьбѣ. Онъ согласился исполнить волю государя и принять званіе чрезвычайнаго и полномочнаго посла при императорѣ Наполеонѣ, продолжая, однако, смотрѣть на свое назначеніе, какъ на величайшую жертву, приносимую имъ престолу изъ усердія и преданности своему монарху; но вмѣстѣ съ тѣмъ графъ умолялъ государя отозвать его изъ Парижа какъ можно скорѣе.

Такимъ образомъ, графу Толстому предстояла, противно его политическимъ убѣжденіямъ, незавидная участь работать въ пользу упроченія дѣла, которое онъ ненавидѣлъ всею душою. Что же касается императора Александра, то онъ сознательно совершилъ величайшую ошибку, въ которую только можетъ впасть государь, поручая выполненіе предначертанной задачи лицу, не одобряющему ея, какъ не согласную съ усвоеннымъ имъ воззрѣніемъ. Подобнаго рода заблужденій судьба никогда не прощаетъ. Въ политикѣ чувство личной пріязни не должно играть роли; такъ гласитъ теорія, а на дѣлѣ часто выходитъ иначе. Это вполнѣ сказалось въ посольствѣ графа Толстого и испортило въ корнѣ плоды тильзитскаго соглашенія. Въ выигрышѣ оказались Австрія и Пруссія, которыя довели Россію до безплодной чести прослыть избавительницею Европы въ ущербъ собственнымъ интересамъ [382].

Передъ отъѣздомъ графа Толстого въ Парижъ императоръ Александръ снабдилъ посла подробною инструкціею [383].

Въ заключеніи этой инструкціи императоръ Александръ пишетъ: «Вы убѣдитесь, что, руководствуясь неизмѣнно одними и тѣми же началами справедливости, безкорыстія и непреложною заботливостью о сохраненіи моихъ союзниковъ, я ничѣмъ не пренебрегъ, по мѣрѣ силъ моихъ, для поддержанія и защиты ихъ. Независимо отъ дипломатиче-

скихъ сношеній, сдѣланныхъ съ этою цѣлью по моему приказанію, я два раза вступалъ въ борьбу съ Франціею и, конечно, ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ не будутъ меня упрекать въ преслѣдованіи какихъ-либо личныхъ выгодъ. Усматривая постепенное разрушеніе началъ, на которыхъ уже столько вѣковъ основывались спокойствіе и благоденствіе Европы, я чувствовалъ, что долгъ и достоинство россійскаго государя обязываютъ не оставаться празднымъ зрителемъ этого окончательнаго разрушенія. Я сдѣлалъ все, что было въ силахъ человѣческихъ. Но въ томъ положеніи, до котораго ошибками другихъ доведены были дѣла, когда мнѣ одному пришлось бороться со всѣми силами Франціи, поддержанными огромными средствами, доставленными ей Германіею, Италіею, Голландіею и даже Испаніею; когда я былъ совершенно покинутъ союзниками, на которыхъ имѣлъ всего болѣе поводовъ разсчитывать; наконецъ, когда увидѣлъ, что границы моей имперіи подвергаются опасности отъ сцѣпленія ошибокъ и обстоятельствъ, которыя мнѣ невозможно было тотчасъ отвратить,—я разсудилъ, что имѣю полное право воспользоваться предложеніями, неоднократно сдѣланными мнѣ въ продолженіе всей войны императоромъ французовъ. Тогда и я, въ свою очередь, предложилъ перемиріе, за которымъ, въ скоромъ времени, послѣдовалъ окончательный миръ между Россіею и Франціею. Какія бы ни были причины этого долгаго разрыва между Россіею и Франціею, и какое положеніе дѣлъ отсюда бы ни проистекало, я рѣшился предать прошедшее совершенному забвенію (je suis déterminé à ensevelir le passé dans un parfait oubli) и въ точности выполнить принятыя на себя обязательства, полагая, что императоръ французовъ одушевленъ, съ своей стороны, подобными же намѣреніями, въ чемъ онъ самъ увѣрялъ меня самымъ положительнымъ образомъ. Я желаю поддерживать съ неослабнымъ вниманіемъ связи, установившіяся теперь между обѣими имперіями, даже стараться объ упроченіи ихъ при каждомъ случаѣ, гдѣ дѣло коснется нашихъ взаимныхъ выгодъ, и по возможности избѣгать всякаго повода къ непріятнымъ пререканіямъ, которыя могли бы нарушить доброе согласіе, столь счастливымъ образомъ между нами возстановленное. Вотъ, по моему мнѣнію, самыя лучшія средства, чтобы обоюдно достигнуть цѣли и извлечь пользу изъ возстановленія сношеній Россіи съ Франціею».

Оцѣнивая инструкцію, данную графу Толстому, остается вообще замѣтить, что хотя она мѣстами и отличается преувеличенною заботливостью о прусскихъ интересахъ и нѣкоторыми недомолвками и противорѣчіями, но, тѣмъ не менѣе, въ рукахъ искуснаго дипломата, сочувствующаго основной ея мысли, выраженной императоромъ Александромъ съ достаточною ясностью, разумное исполненіе ея могло бы принести Россіи немалую пользу. Въ дѣйствительности же случилось какъ разъ

обратное. Исполнитель ея остался совершенно чуждымъ основному духу этого наставленія и, перетолковывая содержаніе его въ одностороннемъ смыслѣ, началъ проводить въ Парижѣ собственную политику [384], усердно подготовляя почву для будущихъ недоразумѣній съ Франціею. Эта политика заключалась въ систематическомъ недовѣріи къ Наполеону, въ неумѣренномъ заступничествѣ за Пруссію и въ подготовленіи австро-русскаго союза.

17-го (29-го) сентября графъ Толстой выѣхалъ изъ Петербурга и 20-го октября (1-го ноября) прибылъ въ Парижъ. 25-го октября (6-го ноября) послѣдовалъ торжественный пріемъ посла въ Фонтенебло, при чемъ Наполеонъ сказалъ, что дни, проведенные съ государемъ въ Тильзитѣ, онъ считаетъ лучшими въ своей жизни и питаетъ величайшее уваженіе къ русскому народу.

Однимъ изъ ближайшихъ послѣдствій Тильзитскаго договора было посредничество, принятое на себя Россіею для примиренія Англіи съ Франціею. Какъ и слѣдовало ожидать, оно не привело къ умиротворенію враждующихъ сторонъ. Великобританское правительство поспѣшило даже принять мѣры, сдѣлавшія всякое соглашеніе невозможнымъ. Въ отвѣтъ на Тильзитскій миръ англійскій флотъ бомбардировалъ Копенгагенъ, увелъ датскіе корабли и истребилъ верфи и арсеналы. Слѣдствіемъ этого нападенія была декларація Россіи противъ Англіи, отъ 25-го октября (6-го ноября) 1807 года, сопровождавшаяся разрывомъ торговыхъ связей. Другимъ ближайшимъ послѣдствіемъ этихъ мѣропріятій противъ Англіи была потеря Средиземной эскадры Сенявина, которой не удалось возвратиться въ отечество; англичане захватили ее въ Лиссабонѣ.

На Балканскомъ полуостровѣ дѣла находились въ слѣдующемъ положеніи. Тильзитскій миръ засталъ армію генерала Михельсона въ Молдавіи и Валахіи; крѣпости Хотинъ и Бендеры были заняты, но Измаилъ не удалось захватить. Турки продолжали также владѣть на лѣвомъ берегу Дуная Журжею и Браиловымъ. Только 18-го (30-го) декабря 1806 года Оттоманская Порта объявила наконецъ Россіи войну. Попытка турокъ овладѣть Букарестомъ не увѣнчалась успѣхомъ; Милорадовичъ разбилъ ихъ въ Обилешти и заставилъ отказаться отъ замышлявшагося покушенія. На морѣ дѣйствія эскадры Сенявина были не менѣе благопріятны для русскаго оружія. Онъ овладѣлъ островомъ Тенедосомъ у входа въ Дарданеллы и разбилъ турецкій флотъ у Аѳонской горы. Сербы возстали подъ предводительствомъ Георгія Чернаго. Затѣмъ военныя дѣйствія прекратились. На основаніи постановленій Тильзитскаго договора, 12-го (24-го) августа было подписано перемиріе. Но во время переговоровъ, 5-го (17-го) августа, скончался генералъ Михельсонъ; старшій по немъ, генералъ Мейендорфъ, утвердилъ перемиріе и немедленно приступилъ къ очищенію княжествъ. Хотя

Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ.

Съ гравюры Вендрамини, сдѣланной съ портрета Боровиковскаго.

туркамъ, согласно условій перемирія, воспрещался доступъ на лѣвый берегъ Дуная, но они, тѣмъ не менѣе, вступили въ Валахію, заняли Галацъ и стали грабить жителей. Между тѣмъ императоръ Александръ, узнавъ о смерти Михельсона, назначилъ главнокомандующимъ фельдмаршала князя Прозоровскаго, придавъ ему помощникомъ, по собственной его просьбѣ, М. И. Голенищева-Кутузова. Вслѣдъ за тѣмъ государь, узнавъ о ратификаціи Мейендорфомъ условій перемирія, отвергъ его, какъ несовмѣстное съ достоинствомъ Россіи, и приказалъ пріостановить выступленіе войскъ изъ княжествъ до прибытія князя Прозоровскаго. Тогда же начались переговоры съ Франціею о присоединеніи къ Россіи княжествъ Молдавіи и Валахіи; этими пріобрѣтеніями желали оправдать предъ возбужденнымъ общественнымъ мнѣніемъ союзъ, заключенный съ Наполеономъ[385].

Въ отвѣтъ на эти требованія русскаго правительства Наполеонъ прикрылся условіями Тильзитскаго договора и, въ свою очередь, за уступку въ смыслѣ желаній, изъявленныхъ императоромъ Александромъ, потребовалъ вознагражденія на счетъ Пруссіи. Во всякомъ случаѣ Наполеонъ признавалъ за собою право не выводить своихъ войскъ изъ Пруссіи, пока русскіе не очистятъ княжествъ.

Въ это время въ Петербургъ прибылъ 5-го (17-го) декабря 1807 г. французскій посолъ Коленкуръ[386]. Во время первой же бесѣды его съ императоромъ Александромъ, 9-го (21-го) декабря, былъ затронутъ вопросъ о княжествахъ. Государь сообщилъ ему, что предложенія Наполеона, переданныя графомъ Толстымъ, огорчили его (cela m'a peiné). «Никогда», продолжалъ Александръ, «не было и рѣчи о предназначеніи Пруссіи служить вознагражденіемъ за турецкія дѣла (en compensation des affaires de Turquie)[387]. Императоръ Наполеонъ первый заговорилъ о Валахіи и Молдавіи, точно также какъ и о другой части Турціи. Онъ самъ назначилъ себѣ свою долю (lui même a désigné son lot) и считалъ себя совершенно освобожденнымъ отъ всякихъ обязательствъ низложеніемъ султана Селима. Конечно, не было сказано ни одного слова, которое могло бы заставить предположить, что бѣдная Пруссія должна явиться эквивалентомъ въ сдѣлкѣ, вызываемой скорѣе анархіей и революціей въ провинціяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, чѣмъ выгодами Россіи. Генералъ Савари могъ передать вамъ, какъ мнѣ не хотѣлось подобнаго соглашенія; я не могу согласиться быть фактическимъ участникомъ въ раздѣлѣ жалкихъ остатковъ владѣній несчастнаго государя, возстановленнаго на своемъ престолѣ, какъ засвидѣтельствовалъ объ этомъ самъ императоръ передъ лицомъ всей Европы и Франціи, единственно изъ уваженія ко мнѣ. И, по закону чести, онъ не можетъ перестать быть моимъ союзникомъ, пока не будетъ введенъ во владѣніе всѣмъ тѣмъ, что возвращаетъ ему миръ. — А затѣмъ уже пусть будетъ то, что угодно Господу Богу. Я нисколько не

сомнѣваюсь въ намѣреніяхъ императора, но въ данномъ случаѣ требуется что-либо такое, что показало бы народу и арміи, что нашъ союзъ заключенъ не исключительно въ вашу пользу. Въ вашихъ же интересахъ сдѣлать его народнымъ (il est de votre intérêt de la nationaliser). Я говорю съ вами откровенно, что это будетъ даже услугою, оказанною мнѣ лично. Императоръ, судя по тому, что онъ говорилъ мнѣ въ Тильзитѣ, вовсе не такого мнѣнія о туркахъ, чтобы оно побуждало его поддерживать ихъ. Онъ же самъ назначилъ нашу долю и свою собственную; вмѣстѣ съ тѣмъ предположено дать что-нибудь Австріи, скорѣе для удовлетворенія ея самолюбія, чѣмъ честолюбія,—вотъ каковы были его намѣренія. Они не могли измѣниться, такъ какъ съ тѣхъ поръ я постоянно предупреждалъ всѣ могущія появиться у него желанія.—Турки первые нарушили перемиріе. Если бы я не былъ чистосердеченъ въ отношеніи къ императору, то я могъ бы воспользоваться настоящимъ предлогомъ для разрыва съ турками, нисколько не посягая этимъ на Тильзитскій договоръ»[388].

Послѣ этой первой бесѣды государя съ Коленкуромъ переговоры по поводу княжествъ не прекращались въ Петербургѣ; они постепенно расширялись и превратились наконецъ въ обсужденіе фантастическаго проекта раздѣла Оттоманской имперіи. Въ это время графъ Толстой оставался не только совершенно въ сторонѣ, но и въ полномъ невѣдѣніи относительно происходившихъ въ Петербургѣ переговоровъ и, въ довершеніе ненормальнаго положенія дѣла, долженъ былъ, съ своей стороны, согласно Тильзитскому договору, вести мирные переговоры съ турецкимъ уполномоченнымъ въ Парижѣ. Всѣ эти словопренія въ Петербургѣ и въ Парижѣ не только не привели ни къ какому результату, но сопровождались даже для Россіи вредными послѣдствіями. Наполеонъ, пользуясь правомъ посредничества между Россіею и Турціею, предоставленнымъ ему договоромъ, задерживалъ начало рѣшительныхъ дѣйствій противъ Оттоманской имперіи и препятствовалъ также своими внушеніями мирной развязкѣ нашихъ восточныхъ дѣлъ.

По прошествіи перваго мѣсяца послѣ пріѣзда въ Парижъ графа Толстого, этого «невольнаго посла» (cet ambassadeur malgré lui), какъ его называлъ Меттернихъ, можно было предвидѣть, что дипломатическая миссія его не оправдаетъ ожиданій императора Александра. Графъ Толстой настойчиво продолжалъ высказывать полное недовѣріе къ дружбѣ Наполеона; не сочувствуя новой политикѣ русскаго кабинета, онъ усматривалъ въ тильзитской системѣ неминуемую гибель Россіи и, предвѣщая неизбѣжность новой войны съ Франціею, совѣтовалъ заключить союзъ съ Австріею (entente franche et loyale) и организовать ополченіе въ Россіи[389]. Кромѣ того, графъ Толстой просилъ отозвать его съ занимаемаго имъ поста, съ каждымъ днемъ сознавая, какъ онъ

писалъ графу Румянцеву, все большую недостаточность своихъ способностей для поприща, которое его заставили избрать.

Получивъ такого рода донесенія изъ Парижа, императоръ Александръ поручилъ графу Румянцеву сообщить послу о своемъ неудовольствіи въ слѣдующихъ выраженіяхъ[390]:

«Его величество желаетъ чистосердечнаго сближенія и близкихъ отношеній съ вѣнскимъ дворомъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ инструкція, данная нашему послу, князю Куракину; въ томъ же духѣ были составлены и указанія, полученныя вашимъ превосходительствомъ для поддержанія въ Парижѣ съ графомъ Меттернихомъ отношеній дружественныхъ и полныхъ довѣрія. Его императорское величество съ удовольствіемъ усмотрѣлъ изъ нѣсколькихъ вашихъ депешъ, съ какимъ успѣхомъ удалось вамъ установить это согласіе, столь полезное для его службы... Но государь предписалъ мнѣ увѣдомить васъ, что онъ желаетъ установить подобное согласіе и сближеніе лишь для поддержанія и упроченія союза, существующаго между его величествомъ и императоромъ французовъ, но отнюдь не для того, чтобы замѣнить его. Рѣшительная воля его императорскаго величества заключается въ томъ, чтобы имѣть въ настоящее время главнымъ союзникомъ императора Наполеона; поэтому государю угодно, чтобы никакой ошибочный пріемъ, никакая, если смѣю такъ выразиться, параллельная дружба (amitié collatérale) не могли бы повредить дружбѣ его съ Франціею, и ему было бы крайне непріятно, если бы императоръ французовъ нашелъ поводъ къ безпокойству относительно его дружбы. Императоръ убѣдился долгимъ и печальнымъ опытомъ, какъ мало выгодъ (peu de profit) извлекъ онъ изъ предшествовавшихъ союзовъ, и призналъ теперь, что благо его имперіи требуетъ уничтоженія и замѣны ихъ союзомъ, заключеннымъ съ императоромъ французовъ. Государь желаетъ и повелѣваетъ мнѣ наблюдать, чтобы всѣ наши дипломатическія сношенія шли въ этомъ новомъ направленіи, признанномъ его величествомъ полезнымъ для блага его имперіи. Вслѣдствіе сего соблаговолите, г. посолъ, сообразоваться съ этимъ принципомъ и поддерживать дружественныя и полныя довѣрія отношенія съ графомъ Меттернихомъ, съ величайшею осторожностью избѣгая всего, что могло бы возбудить подозрѣніе (donner ombrage) императора Наполеона и навести его на мысль, что мы не считаемъ союзъ съ нимъ прочнымъ и для насъ полезнымъ».

Но графъ Толстой былъ неисправимъ; упорство его въ преслѣдованіи цѣлей, совершенно противоположныхъ непремѣнной и ясно выраженной волѣ государя, не могло быть поколеблено никакими увѣщаніями[391]. Поэтому и эта энергическая отповѣдь министра, сдѣланная по непосредственному приказанію императора Александра, не привела къ разсѣянію укоренившихся у посла предубѣжденій противъ Наполеона и не

Милостивый Государь, Нико

Въ числѣ родственниковъ
имѣвъ я честь препоручить
склонности вашего превосхо
встрѣтилъ я здѣсь одного
вѣра зятя моему Вы ведъ
просьбу мою во стократъ мил
и снисхожденіе ваше къ н
опытъ удостовѣрили. Съ
особенно о немъ возобнов
покорнѣйшую просьбу. Онъ
торенъ въ дворянской оп
стоящему преобразованію
чемъ милости Вы же он

обратное. Исполнитель ея остался совершенно чуждымъ основному духу этого наставленія и, перетолковывая содержаніе его въ одностороннемъ смыслѣ, началъ проводить въ Парижѣ собственную политику [384], усердно подготовляя почву для будущихъ недоразумѣній съ Франціею. Эта политика заключалась въ систематическомъ недовѣріи къ Наполеону, въ неумѣренномъ заступничествѣ за Пруссію и въ подготовленіи австро-русскаго союза.

17-го (29-го) сентября графъ Толстой выѣхалъ изъ Петербурга и 20-го октября (1-го ноября) прибылъ въ Парижъ. 25-го октября (6-го ноября) послѣдовалъ торжественный пріемъ посла въ Фонтенебло, при чемъ Наполеонъ сказалъ, что дни, проведенные съ государемъ въ Тильзитѣ, онъ считаетъ лучшими въ своей жизни и питаетъ величайшее уваженіе къ русскому народу.

Однимъ изъ ближайшихъ послѣдствій Тильзитскаго договора было посредничество, принятое на себя Россіею для примиренія Англіи съ Франціею. Какъ и слѣдовало ожидать, оно не привело къ умиротворенію враждующихъ сторонъ. Великобританское правительство поспѣшило даже принять мѣры, сдѣлавшія всякое соглашеніе невозможнымъ. Въ отвѣтъ на Тильзитскій миръ англійскій флотъ бомбардировалъ Копенгагенъ, увелъ датскіе корабли и истребилъ верфи и арсеналы. Слѣдствіемъ этого нападенія была декларація Россіи противъ Англіи, отъ 25-го октября (6-го ноября) 1807 года, сопровождавшаяся разрывомъ торговыхъ связей. Другимъ ближайшимъ послѣдствіемъ этихъ мѣропріятій противъ Англіи была потеря Средиземной эскадры Сенявина, которой не удалось возвратиться въ отечество; англичане захватили ее въ Лиссабонѣ.

На Балканскомъ полуостровѣ дѣла находились въ слѣдующемъ положеніи. Тильзитскій миръ засталъ армію генерала Михельсона въ Молдавіи и Валахіи; крѣпости Хотинъ и Бендеры были заняты, но Измаилъ не удалось захватить. Турки продолжали также владѣть на лѣвомъ берегу Дуная Журжею и Браиловымъ. Только 18-го (30-го) декабря 1806 года Оттоманская Порта объявила наконецъ Россіи войну. Попытка турокъ овладѣть Букарестомъ не увѣнчалась успѣхомъ; Милорадовичъ разбилъ ихъ въ Обилешти и заставилъ отказаться отъ замышлявшагося покушенія. На морѣ дѣйствія эскадры Сенявина были не менѣе благопріятны для русскаго оружія. Онъ овладѣлъ островомъ Тенедосомъ у входа въ Дарданеллы и разбилъ турецкій флотъ у Аѳонской горы. Сербы возстали подъ предводительствомъ Георгія Чернаго. Затѣмъ военныя дѣйствія прекратились. На основаніи постановленій Тильзитскаго договора, 12-го (24-го) августа было подписано перемиріе. Но во время переговоровъ, 5-го (17-го) августа, скончался генералъ Михельсонъ; старшій по немъ, генералъ Мейендорфъ, утвердилъ перемиріе и немедленно приступилъ къ очищенію княжествъ. Хотя

Въѣздъ въ Петербургъ короля прусскаго Вильгельма въ 1808 году.

Съ гравюры Лемана, сдѣланной съ рисунка съ натуры Вольфа.

остановила его влеченія къ Австріи. Графъ Толстой продолжалъ упорствовать въ принятомъ разъ направленіи и по собственной винѣ былъ отстраненъ отъ всѣхъ важныхъ переговоровъ; такимъ образомъ положеніе русскаго посла при дворѣ Наполеона стало по-истинѣ трагическимъ, если не смѣшнымъ, и дни пребыванія его въ Парижѣ были сочтены. Въ этомъ сознавался, впрочемъ, самъ графъ Толстой, судя по одному изъ его писемъ къ императору Александру, въ которомъ онъ говоритъ: «Je ne fais rien ici, rien absolument... je ne puis me cacher que je deviens ridicule et au gouvernement, auprès duquel je suis accrédité et au public, au milieu duquel je dois figurer» [392].

Политическія убѣжденія, открыто высказывавшіяся графомъ Толстымъ, конечно, не могли расположить къ нему Наполеона; не отказывая Толстому въ уваженіи и не гнѣваясь на него за его откровенные пріемы (ses allures franches), Наполеонъ въ перепискѣ съ Коленкуромъ отозвался о своемъ непримиримомъ антагонистѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Я не сомнѣваюсь, что гр. Толстой напишетъ много глупостей [393]. Я очень хорошо отношусь къ Толстому, но не говорю съ нимъ о дѣлахъ; онъ ничего въ нихъ не смыслитъ и не способенъ къ нимъ. Однимъ словомъ, Толстой—дивизіонный генералъ, который никогда не былъ причастенъ къ дѣламъ и который критикуетъ безъ разбора вкривь и вкось». Въ другомъ письмѣ Наполеонъ пишетъ: «Я думаю, что если ему окажутъ довѣріе и будутъ хорошо руководить имъ изъ Петербурга, то безразлично имѣть здѣсь посломъ его или другого... Опишу его въ двухъ словахъ: это дивизіонный генералъ, который не сознаетъ нескромности того, что говоритъ, и находится въ нѣкоторой оппозиціи съ духомъ двора, но который, впрочемъ, довольно преданъ императору» [394].

Среди всѣхъ неудовольствій, которыя причинялъ императору Александру ходъ политическихъ дѣлъ, нѣкоторымъ утѣшеніемъ государю могъ служить только успѣхъ, сопровождавшій наши дѣйствія противъ географическаго непріятеля—Швеціи.

Густавъ IV отвергъ предложенія вступить въ союзъ съ Россіею противъ Англіи и возвратилъ императору Александру знаки ордена св. Андрея, написавъ, что онъ не можетъ носить такого же ордена, какъ и Бонапартъ. 8-го (20-го) февраля 1808 года русскія войска въ составѣ 24,000 человѣкъ, подъ начальствомъ графа Буксгевдена, перешли шведскую границу и въ теченіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ заняли почти всю Финляндію. 22-го апрѣля (4-го мая) сдался Свеаборгъ. Но уже ранѣе, а именно 20-го марта (1-го апрѣля), послѣдовалъ манифестъ, по которому шведская Финляндія навсегда присоединялась къ Россійской имперіи; тогда же было повелѣно принять отъ обывателей присягу на вѣрное подданство.

Однако шведы, оправившись отъ внезапнаго натиска, сосредоточили свои силы и, пользуясь разбросаннымъ положеніемъ русскихъ войскъ,

перешли въ наступленіе; появились партизаны, и народная война, при содѣйствіи пересѣченной мѣстности, быстро развилась. Удачныя дѣйствія графа Н. М. Каменскаго остановили успѣхи шведскаго оружія, и походъ 1808 года окончился конвенціею, заключенною 7-го (19-го) ноября въ Олькіоки. Финляндія на этотъ разъ была уже окончательно завоевана по рѣку Кемь, составлявшую въ то время ея границу съ Швеціею. Въ декабрѣ графъ Буксгевденъ получилъ просимое имъ увольненіе и былъ замѣненъ генераломъ Богданомъ Ѳедоровичемъ Кноррингомъ[395].

Враждебное настроеніе, съ которымъ относились въ Россіи къ союзу съ Наполеономъ, привело къ странному явленію: наступательная война противъ шведовъ, этихъ старинныхъ враговъ имперіи, была громко осуждаема всѣми русскими, и успѣхи нашихъ войскъ почитались безславіемъ. Современникамъ этихъ событій казалось, что Александръ вооружился противъ слабаго сосѣда и, къ тому же, близкаго родственника[396] во исполненіе не своей собственной, а чуждой воли, исходившей отъ ненавистнаго завоевателя и притѣснителя народовъ; въ новомъ пріобрѣтеніи усматривали одно только беззаконное насиліе.

Пока Наполеонъ занималъ императора Александра фантастическими проектами о раздѣлѣ Оттоманской имперіи и даже предположеніями о походѣ въ Индію, самъ онъ вторгнулся въ Португалію, занялъ подъ видомъ дружественной державы Испанію и принудилъ династію Бурбоновъ уступить ему въ Байонѣ свои державныя права. Затѣмъ декретомъ Наполеона братъ его, неаполитанскій король Іосифъ, былъ назначенъ испанскимъ королемъ, а Мюратъ—неаполитанскимъ. Россія признала эти перемѣны[397].

Раздѣлавшись съ Бурбонами, Наполеонъ, неожиданно для себя, встрѣтилъ препятствіе, на которое не разсчитывалъ, затѣвая все это дѣло. Испанцы поголовно возстали и нашли себѣ поддержку въ Англіи. Въ первый разъ французское оружіе потерпѣло пораженіе: генералъ Дюпонъ подписалъ байленскую капитуляцію, и король Іосифъ былъ вынужденъ покинуть Мадридъ. Австрія, пользуясь невзгодами, обрушившимися на Наполеона, начала открыто готовиться къ новой борьбѣ съ Франціею. Чтобы пріобрѣсти свободу дѣйствій въ Испаніи и обезпечить себя отъ враждебныхъ замысловъ вѣнскаго кабинета, Наполеонъ былъ вынужденъ искать поддержки Россіи и установить съ нею новое соглашеніе, примѣненное къ вновь возникшимъ политическимъ усложненіямъ. Для достиженія этой цѣли свиданіе съ императоромъ Александромъ являлось настоятельною необходимостью. Кромѣ того, въ эту пору дружныя старанія враговъ Тильзитскаго союза и ошибки самого Наполеона, старавшагося уклониться отъ словесныхъ обѣщаній, данныхъ императору Александру и не включенныхъ въ договоръ, посѣяли уже

зародыши нѣкотораго охлажденія между обоими императорами; поэтому для устраненія въ будущемъ могущихъ возникнуть недоразумѣній и скрѣпленія дружественныхъ связей, дѣйствительно, оставалось одно средство—испробовать снова личное соглашеніе.

Переговоры о предположенномъ свиданіи велись при посредствѣ Коленкура, помимо графа Толстого, который въ новомъ соглашеніи съ Наполеономъ видѣлъ только гибель Россіи[398]. Сначала Александръ поставилъ условіемъ своего согласія на свиданіе принятіе со стороны Наполеона восточныхъ проектовъ, выработанныхъ въ Петербургѣ; но въ концѣ концовъ государь все-таки уступилъ желанію Наполеона и согласился на свиданіе безъ предварительныхъ условій (l'entrevue sans condition). Мѣстомъ встрѣчи былъ избранъ Эрфуртъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ИМПЕРАТОРЪ Александръ отправился изъ Петербурга за границу для своего второго и послѣдняго свиданія съ Наполеономъ 2-го (14-го) сентября. Государя сопровождали во время этой поѣздки цесаревичъ Константинъ Павловичъ, оберъ-гофмаршалъ графъ Н. А. Толстой, графъ Румянцевъ, генералъ-адъютанты: князь Волконскій, князь Гагаринъ, графъ Шуваловъ, графъ Ожаровскій, статсъ-секретари: князь Александръ Николаевичъ Голицынъ (оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода) и Сперанскій, а также французскій посолъ Коленкуръ.

Императрица Марія Ѳеодоровна смотрѣла на предстоявшее въ Эрфуртѣ свиданіе съ безпокойствомъ и не скрывала своихъ опасеній за благополучный исходъ путешествія; не только ей, но и многимъ другимъ казалось возможнымъ повтореніе недавнихъ байонскихъ событій. — Начало поѣздки было невеселое: Александру пришлось остановиться въ Кёнигсбергѣ и выслушать жалобы прусскаго

двора. Штейнъ возбудилъ въ императорѣ опасенія относительно ненасытнаго честолюбія Наполеона и вселилъ въ своего слушателя чувства состраданія къ несчастной Пруссіи. «Повѣрьте, я сдѣлаю все, что окажется въ моихъ силахъ», сказалъ Александръ.— Переправившись черезъ Вислу, государь встрѣтился уже съ французскими войсками; въ Фридбергѣ его привѣтствовалъ 10-го (22-го) сентября маршалъ Ланнъ. Въ донесеніи своемъ Наполеону Ланнъ писалъ: «Нѣтъ такихъ пріятныхъ вещей, которыхъ онъ не сказалъ бы мнѣ, имѣя въ виду ваше величество. Онъ повторялъ мнѣ часто и отъ души: я очень люблю императора Наполеона и дамъ ему доказательства этого при какихъ угодно обстоятельствахъ» [399].

Императоръ Александръ, не останавливаясь, проѣхалъ въ Веймаръ, гдѣ провелъ два дня у великой княгини Маріи Павловны.

15-го (27-го) сентября, Александръ направился въ Эрфуртъ; близъ города его встрѣтилъ Наполеонъ, выѣхавшій навстрѣчу къ своему союзнику, окруженный блестящею свитою. Замѣтивъ экипажъ государя, Наполеонъ поскакалъ къ нему, сошелъ съ коня и обнялъ вышедшаго изъ коляски Александра. Затѣмъ оба императора верхомъ въѣхали въ Эрфуртъ при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ. Наполеонъ лично проводилъ государя въ домъ, назначенный для него; это былъ самый красивый въ городѣ и роскошно убранный домъ, принадлежавшій фабриканту Трибелю [400].

Наполеонъ обставилъ свиданіе съ Александромъ всевозможною торжественностью; нѣмецкимъ королямъ, герцогамъ и принцамъ разрѣшено было прибыть въ Эрфуртъ. Для содержанія почетныхъ карауловъ былъ вытребованъ сводный батальонъ императорской гвардіи; кромѣ того, въ составъ гарнизона города вошло нѣсколько отборныхъ полковъ французской арміи. Роскошное убранство совершенно преобразило эрфуртскіе дома. Изъ Парижа прибыли лучшіе актеры для исполненія произведеній Корнеля, Расина и Вольтера. При Наполеонѣ находились Талейранъ, Шампаньи, Маре, Дюрокъ, Бертье, Нансути, Лористонъ, Савари. Комендантомъ города былъ Удино. Наполеонъ пригласилъ также въ Эрфуртъ и русскаго посла, графа Толстого.

Императоръ Францъ, съ своей стороны, прислалъ для привѣтствія Наполеона генерала Винцента. Графу Меттерниху, всячески домогавшемуся получить приглашеніе въ Эрфуртъ, было отказано въ этомъ; онъ остался въ Парижѣ, поджидая возвращенія Талейрана, чтобы сообразовать дальнѣйшій ходъ австрійской политики съ его предательскими сообщеніями.

По примѣру 1807 года дружескія бесѣды двухъ императоровъ снова возобновились, но вскорѣ Наполеонъ долженъ былъ замѣтить, что передъ нимъ находится уже не неопытный и восторженный слушатель Тиль-

зита. Въ мысляхъ Александра недовѣріе къ Наполеону и къ его политическимъ замысламъ успѣло пустить глубокіе корни. «Votre Empereur Alexandre est têtu comme une mule: il fait le sourd sur ce qu'il ne veut pas entendre», сказалъ Наполеонъ Коленкуру и затѣмъ присовокупилъ: «ces diablesses d'affaires d'Espagne, elles me coûtent cher». — Чувствуя неизбѣжность войны съ Австріею, Наполеонъ находилъ, что единственное средство для обезпеченія мира заключается въ совмѣстномъ рѣшительномъ воздѣйствіи Россіи и Франціи на вѣнскій кабинетъ, доведенномъ до требованія немедленнаго разоруженія. Александръ отказывался отъ всякихъ угрозъ Австріи и полагалъ, что дружеское и успокоительное увѣщаніе скорѣе приведетъ къ желаемой цѣли — къ сохраненію мира. Обмѣнъ мыслей по этому вопросу кончился тѣмъ, что Наполеонъ вышелъ изъ себя и, бросивъ на полъ свою шляпу, началъ топтать ее ногами. Александръ посмотрѣлъ на него съ улыбкой и, помолчавъ немного, сказалъ спокойно: «Vous êtes violent; moi je suis entêté: avec moi la colère ne gagne donc rien. Causons, raisonnons, ou je pars», — и затѣмъ направился къ двери. Наполеонъ долженъ былъ удержать своего союзника и, успокоившись, продолжать бесѣду въ умѣренномъ духѣ[401].

Роли перемѣнились, когда Александръ началъ настаивать на полномъ очищеніи французами Пруссіи, требуя этой уступки, какъ залога умѣренности Наполеона по отношенію къ Россіи и Европѣ[402]. Тогда собесѣдникъ государя, въ свою очередь, остался непреклоннымъ. «И это мой другъ, мой союзникъ», возразилъ съ оттѣнкомъ негодованія Наполеонъ: «который предлагаетъ мнѣ отказаться отъ позиціи, откуда я могу угрожать Австріи съ фланга въ случаѣ нападенія съ ея стороны, когда мои силы будутъ находиться на югѣ Европы. Впрочемъ, если вы рѣшительно требуете эвакуаціи, я согласенъ, но тогда, вмѣсто того, чтобы идти въ Испанію, я сейчасъ же покончу свою ссору съ Австріею». — Подобный наполеоновскій оборотъ дѣла менѣе всего соотвѣтствовалъ желаніямъ императора Александра, и онъ поспѣшилъ отказаться отъ своего требованія[403].

Хотя Александръ явился въ Эрфуртъ уже съ убѣжденіемъ, что нарушенію мира угрожаютъ не австрійскія вооруженія, а скрытые замыслы Наполеона, однако только тамъ этотъ взглядъ получилъ должное направленіе и окончательно окрѣпъ, благодаря измѣнническимъ проискамъ Талейрана[404]. Онъ не замедлилъ обратиться къ царственному гостю Наполеона съ слѣдующимъ наставленіемъ: «Государь, зачѣмъ вы пріѣхали? Вамъ предстоитъ спасти Европу, и вы можете достигнуть этого не иначе, какъ только не поддаваясь Наполеону. Французскій народъ цивилизованъ, а его государь нѣтъ; русскій государь цивилизованъ, а его народъ нѣтъ; поэтому русскому государю надлежитъ быть

союзникомъ французскаго народа».—При другомъ свиданіи Талейранъ еще подробнѣе развилъ свою предательскую программу: «Рейнъ, Альпы, Пиренеи», сказалъ онъ: «это завоеванія Франціи. Все прочее—завоеванія императора. Франція не дорожитъ ими»[405].

Разладъ, начинавшійся между Александромъ и Наполеономъ, оставался, однако, тайною для всѣхъ; внѣшнія проявленія дружбы союзныхъ императоровъ не оставляли желать ничего лучшаго. Одинъ изъ свидѣтелей эрфуртскихъ торжествъ пишетъ: «Наполеонъ очень внимателенъ (très empressé) къ русскому императору, и въ первый разъ въ жизни мнѣ довелось видѣть, какъ онъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы нравиться»[406]. Изрѣдка только случалось, что Наполеонъ уклонялся отъ намѣченной себѣ роли и оправдывалъ слова, сказанныя о немъ впослѣдствіи Талейраномъ: «Какъ жаль, что такой великій человѣкъ такъ дурно воспитанъ».

Во время съѣзда государей въ Эрфуртѣ французскіе полки безпрерывно проходили черезъ этотъ городъ, и Наполеонъ производилъ имъ смотры, сопровождаемый при этомъ Александромъ. Это были войска, которыхъ императоръ не видѣлъ съ Тильзитскаго мира. Однажды, выѣхавъ въ поле, Наполеонъ далъ шпоры своему коню и поскакалъ вдоль фронта войскъ, нисколько не заботясь о государѣ, который долженъ былъ слѣдовать сзади, какъ какой-нибудь адъютантъ. Послѣ этого Наполеонъ крикнулъ: «les braves en avant». Офицеры, унтеръ-офицеры и нижніе чины вышли впередъ и образовали большой полукругъ. Наполеонъ сошелъ съ лошади и пригласилъ государя и цесаревича Константина Павловича стать по правой сторонѣ, имѣя съ лѣвой Бертье съ записною книжкою въ рукахъ. Оставшійся еще открытымъ съ одной стороны полукругъ сомкнулся присутствовавшими принцами и свитой. Полковой командиръ вызывалъ по очереди каждаго по имени и представлялъ его Наполеону, который спрашивалъ, гдѣ и когда онъ отличился? Осматриваемый полкъ содѣйствовалъ подъ Фридландомъ одержанію побѣды, и всѣ раздававшіяся награды были назначены какъ разъ за это сраженіе. По разсказу Мюффлинга, вызванные храбрецы начали разсказывать совершенные ими подвиги: одинъ убилъ собственноручно столько-то русскихъ и столько-то человѣкъ взялъ въ плѣнъ, другой овладѣлъ знаменемъ, третій захватилъ орудія, четвертый вогналъ русскій батальонъ въ воду, гдѣ тотъ потонулъ, и т. д. Наполеонъ выслушивалъ все со вниманіемъ и затѣмъ рѣшалъ, что слѣдовало записать Бертье,—производство или крестъ Почетнаго Легіона. Каждому представлявшемуся Наполеонъ снова предлагалъ тѣ же самые вопросы, такъ что присутствующимъ казалось, будто онъ съ намѣреніемъ хотѣлъ причинить огорченіе императору Александру и подвергнуть его нравственной пыткѣ. Взоры всѣхъ обратились на русскаго государя, который съ полнымъ спокойствіемъ стоялъ возлѣ Наполеона и оставался въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока послѣдній изъ

Видъ города Борго.
Съ рисунка Лаверньи.

имѣвшихъ получить награду не окончилъ своего разсказа. Но цесаревичъ не выдержалъ и, удалившись изъ кружка, осматривалъ выѣхавшую батарею[407].

Въ отвѣтъ на эти неумѣстныя выходки «нецивилизованнаго», по выраженію Талейрана, повелителя Франціи Александръ расточалъ при каждомъ случаѣ утонченныя изъявленія своихъ дружескихъ чувствъ къ Наполеону. Никто, какъ извѣстно, не обладалъ такимъ даромъ того, что называютъ «l'à-propos de la politesse», какъ Александръ. Когда однажды государь забылъ свою шпагу, Наполеонъ предложилъ ему свою. «Je ne la tirerai jamais contre Votre Majesté», сказалъ государь, принимая ее[408]. На одномъ изъ спектаклей, когда въ трагедіи Вольтера «Эдипъ» произнесены были слова:

«L'amitié d'un grand homme est un bienfait des dieux»,

Александръ всталъ и, повернувшись къ Наполеону, пожалъ ему руку при громкихъ восклицаніяхъ окружавшаго ихъ «parterre de rois».

Въ частныхъ разговорахъ, при упоминаніи о своемъ союзникѣ, Александръ заходилъ еще далѣе и какъ-то сказалъ саксонскому королю, что онъ «чувствуетъ себя лучшимъ послѣ каждой бесѣды съ императоромъ Наполеономъ, и что часъ разговора съ этимъ великимъ человѣкомъ обогащаетъ его болѣе, нежели десять лѣтъ жизненнаго опыта»[409].

Свидѣтели эрфуртскихъ празднествъ, не посвященные въ тайны происходившихъ дипломатическихъ переговоровъ, имѣли полное основаніе думать, что дружба Александра и Наполеона укрѣплена отнынѣ на незыблемомъ основаніи. Соглашеніе двухъ императоровъ закончилось секретною конвенціею, подписанною 30-го сентября (12-го октября). Она заключалась, главнымъ образомъ, въ слѣдующихъ постановленіяхъ. Наполеонъ отказывался отъ всякаго посредничества въ турецкихъ дѣлахъ, признавалъ присоединеніе Молдавіи и Валахіи къ Россіи, предоставляя ей склонить Оттоманскую Порту къ этой уступкѣ; Россія же обязывалась дѣйствовать сообща съ Франціею противъ Австріи въ случаѣ объявленія послѣднею войны Наполеону. Вмѣстѣ съ тѣмъ союзники обязались сообща открыть мирные переговоры съ Англіею при условіи сохраненія неприкосновенности всѣхъ владѣній обѣихъ имперій.

Въ это время Наполеона уже занимала мысль о разводѣ и заключеніи новаго брака; онъ избралъ повѣренными своей тайны Талейрана и Коленкура и поручилъ имъ вызвать императора Александра на разговоръ по вопросу, столь важному для него въ династическомъ отношеніи. Разговоръ, дѣйствительно, послѣдовалъ, но ограничился обоюдными неопредѣленными заявленіями. Такимъ образомъ, ко всѣмъ существовавшимъ недоразумѣніямъ и недомолвкамъ присоединился еще новый нерѣшенный вопросъ, которому суждено было вызвать впослѣдствіи окончательное крушеніе русско-французскаго союза.

Эрфуртскія совѣщанія сопровождались назначеніемъ новаго русскаго посла въ Парижъ; императоръ Александръ освободилъ наконецъ графа П. А. Толстого отъ ненавистной для него обязанности работать въ Парижѣ въ пользу дѣла, которому онъ не сочувствовалъ. «Cet ambassadeur malgré lui», какъ его остроумно называлъ Меттернихъ, былъ замѣненъ княземъ Александромъ Борисовичемъ Куракинымъ[410]. Для предположенныхъ переговоровъ съ Англіею былъ посланъ въ Парижъ графъ Румянцевъ, но великобританскій кабинетъ снова отказался отъ всякихъ уступокъ въ пользу мира. Что же касается заступничества императора Александра за Пруссію, то оно привело только къ нѣкоторому облегченію ея финансовыхъ тягостей: Наполеонъ, желая угодить своему союзнику, уменьшилъ на 20 милліоновъ франковъ военную контрибуцію, которую прусское правительство обязалось уплатить Франціи.

2-го (14-го) октября императоръ Александръ и Наполеонъ, выѣхавъ вмѣстѣ изъ Эрфурта, простились на веймарской дорогѣ и разстались навсегда. Коленкуръ донесъ Наполеону, что государь, по прибытіи въ Веймаръ, тотчасъ отправилъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ слѣдующія успокоительныя строки: «Nous avons quitté la forteresse d'Erfurt et avec regret l'empereur Napoléon: je vous écris de Weimar».

Опасенія императрицы-матери насчетъ благополучнаго исхода эрфуртскаго свиданія раздѣлялись многими.

Возвращаясь въ Россію черезъ Мемель, императоръ вступилъ въ этомъ городѣ въ разговоръ съ прусскимъ комендантомъ, старымъ генераломъ Рембовъ; послѣдній отличался въ своихъ рѣчахъ простодушною откровенностью и сказалъ государю: «хорошо, что ваше величество снова возвращаетесь назадъ, ибо ни одинъ человѣкъ не вѣрилъ, что Наполеонъ отпуститъ васъ обратно»[411].

Эти слова непріятно поразили императора Александра; онъ тотчасъ же сѣлъ въ экипажъ и поспѣшилъ уѣхать.

Проѣздомъ черезъ Кёнигсбергъ государь вторично остановился въ этомъ городѣ. Графиня Фоссъ записала по этому поводу въ своемъ дневникѣ: «императоръ сдѣлалъ для насъ невозможное и выказалъ себя чрезвычайно преданнымъ». Опасенія ея, что «эрфуртскія комедіи» могутъ сбить съ толку слабаго друга, не оправдались[412].

16-го (28-го) октября, императоръ Александръ благополучно возвратился въ Петербургъ.

Въ виду неизбѣжности разрыва между Австріею и Франціею императору Александру представился въ Эрфуртѣ единственный въ своемъ родѣ случай: утвердить за Россіею ея естественныя границы, Карпаты, и вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно рѣшить польскій вопросъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что тогда открывалась полная возможность для Александра выговорить себѣ Варшавское герцогство, какъ вознагражденіе за побѣдо-

носную войну съ Австріею. Наполеонъ пожертвовалъ бы этимъ герцогствомъ, разъ у него явились бы убѣжденіе, что Россія дѣйствительно вошла во всѣ его планы и твердо сознаетъ свои собственныя выгоды. Россіи надлежало временно перемѣнить фронтъ и позабыть о Балканскомъ полуостровѣ, такъ какъ силою обстоятельствъ восточный вопросъ пріобрѣталъ второстепенное значеніе; справедливость позднѣйшаго афоризма, что путь въ Константинополь ведетъ черезъ Вѣну, оправдалась бы уже въ 1809 году. Отъ вниманія императора Александра не ускользнула возможность подобнаго образа дѣйствій, какъ это видно изъ словъ его, сказанныхъ Коленкуру въ январѣ 1809 года по поводу воинственныхъ приготовленій Австріи: «alors l'affaire des turcs ne serait que secondaire». Но во время безплодныхъ эрфуртскихъ совѣщаній, лукавое и предательское посредничество Талейрана погубило возможное проявленіе даже самаго зародыша подобной политической комбинаціи. Поэтому конвенція 30-го сентября (12-го октября) нисколько не увѣнчала недостроеннаго въ Тильзитѣ зданія[413], и на политическомъ горизонтѣ Россіи надолго воцарился пагубный для нея лозунгъ: спасеніе Европы въ ущербъ собственнымъ интересамъ. Государственный эгоизмъ снова уступилъ мѣсто романтикѣ.

Дружескія внушенія, которыя Александръ не замедлилъ сдѣлать въ Вѣнѣ, равно какъ и успокоительное письмо къ императору Францу, конечно, не могли остановить австрійскихъ вооруженій и предотвратить войны. Напротивъ того, видя русско-французскій союзъ поколебленнымъ, въ чемъ графъ Меттернихъ окончательно удостовѣрился изъ словъ Талейрана: «Alexandre n'est plus entrainable contre vous», вѣнскій кабинетъ пришелъ къ убѣжденію, что, если война не входитъ въ расчеты Наполеона, она обязательно должна входить въ австрійскія соображенія[414]. Поэтому, пока Наполеонъ занималъ Мадридъ и углублялся въ Испанію, пожиная тамъ безполезные лавры, Австрія съ лихорадочною дѣятельностью готовилась къ разрыву, стараясь только выиграть время для окончанія своихъ вооруженій. Однако, Наполеонъ остановился во время. Неблагопріятныя извѣстія изъ Вѣны и въ особенности предательскія интриги Талейрана и Фуше, «la conspiration des hypothèses», побудили императора поспѣшно возвратиться во Францію. 11-го (23-го) января 1809 года онъ прибылъ въ Парижъ[415].

Между тѣмъ, въ Петербургѣ новый годъ начался блестящими придворными празднествами, вызванными пріѣздомъ иностранныхъ гостей. 25-го декабря 1808 года (6-го января 1809 года) прибыли въ Стрѣльну король и королева прусскіе, сопровождаемые братомъ короля, принцемъ Вильгельмомъ, и дядею, принцемъ Августомъ; здѣсь они были встрѣчены императоромъ Александромъ. На слѣдующій день царственные гости въ сильнѣйшій морозъ имѣли «церемоніальный въѣздъ» въ Петербургъ

при пушечной стрѣльбѣ и колокольномъ звонѣ. Гвардія была размѣщена въ городѣ по пути слѣдованія высочайшихъ особъ до Зимняго дворца; государь и король ѣхали верхомъ. Отъѣздъ прусскихъ гостей состоялся только 19-го (31-го) января 1809 года.

Принцъ Георгій Ольденбургскій.
Съ гравированнаго портрета Соколовскаго.

Едва прусская королевская семья покинула Петербургъ, какъ въ столицу прибылъ князь Шварценбергъ; онъ былъ присланъ вѣнскимъ кабинетомъ, чтобы убѣдить государя въ цѣлесообразности вооруженій Австріи, составлявшихъ, какъ онъ утверждалъ, единственное средство ея спасенія. При аудіенціи 31-го января (12-го февраля) Александръ указалъ австрійскому дипломату на существованіе союзныхъ обязательствъ

между Россіею и Франціею и предостерегъ его словами: «Si vous bougez, je marche—vous mettrez le feu en Europe et vous en serez la victime». Передавая Коленкуру содержаніе своей бесѣды съ Шварценбергомъ, Александръ продолжалъ убѣждать французскаго посла въ необходимости все-таки придерживаться умѣреннаго дипломатическаго воздѣйствія на Австрію; только этимъ путемъ государь признавалъ еще возможнымъ избавить Европу отъ бѣдствій грозившей ей новой войны.

Если разговоръ Шварценберга съ императоромъ не вполнѣ удовлетворилъ австрійскаго посла, то нижеслѣдующія слова императрицы-матери должны были навести Шварценберга на другія, болѣе радостныя мысли и возбудить въ немъ нѣкоторыя надежды: «Дѣйствіе, разсчитанное съ хладнокровіемъ и благоразуміемъ, но выполненное съ быстротою и величайшею энергіею во всѣхъ его частностяхъ, произвело бы здѣсь въ скоромъ времени самое благопріятное вліяніе»[416]. Послѣ подобнаго откровеннаго объясненія неудивительно, что Шварценбергъ высказалъ въ своихъ донесеніяхъ убѣжденіе, что только страхъ руководитъ распоряженіями Александра, но что въ сущности императоръ благословилъ бы случай, который избавилъ бы его отъ французской зависимости.

Когда начались австрійскія усложненія, императоръ Александръ все еще имѣлъ на рукахъ шведскую войну; желая воспользоваться благопріятными условіями зимняго времени, государь повелѣлъ генералу Кноррингу предпринять наступательныя дѣйствія противъ береговъ Швеціи. Однако, миновала уже половина февраля, а главнокомандующій все еще бездѣйствовалъ. Наконецъ, въ Финляндію былъ посланъ военный министръ графъ Аракчеевъ[417]. Донесенія его вызвали письмо къ нему государя отъ 7-го марта 1809 года, въ которомъ между прочимъ читаемъ: «Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Я тебя не могу довольно благодарить за все твое усердіе и привязанность къ себѣ. Но и моя къ тебѣ не лицемѣрна, и ежедневно болѣе чувствую всю твою цѣну. Поведеніе Кнорринга безстыдное, и одно твое желаніе, чтобы я не сердился, удерживаетъ меня вымыть ему голову, какъ оного онъ заслуживаетъ... Я не могу довольно нахвалиться твоею рѣшимостью, и оною ты мнѣ оказалъ настоящую услугу. Богъ да поможетъ намъ и впредь. При семъ прилагаю указъ на твое имя, удовлетворяющій желанію твоему.— Твой вѣрный другъ».

Упомянутый въ письмѣ императора указъ заключался въ слѣдующихъ немногихъ внушительныхъ строкахъ: «Нахожу нужнымъ симъ моимъ указомъ ввѣрить вамъ власть неограниченную во всей Финляндіи и право представлять сей указъ вездѣ, гдѣ польза службы онаго востребуетъ. С.-Петербургъ, 7-го марта 1809 года. Александръ».

Пребываніе графа Аракчеева въ Финляндіи сопровождалось рядомъ геройскихъ подвиговъ русскихъ войскъ: князь Багратіонъ занялъ Аланд-

скіе острова, а Кульневъ появился 7-го (19-го) марта въ Гриссельгамѣ, въ окрестностяхъ Стокгольма; Барклай де-Толли перешелъ изъ Вазы въ Умео черезъ Кваркенъ; графъ Шуваловъ двинулся по сухому пути черезъ Торнео въ Вестроботнію и принудилъ шведскаго генерала Грипенберга положить оружіе.

Между тѣмъ успѣхи русскихъ войскъ рѣшили участь несчастнаго Густава IV. 1-го (13-го) марта король былъ арестованъ, и регентомъ былъ провозглашенъ дядя его, герцогъ Карлъ Зюдерманландскій. Генералъ Кноррингъ, разсчитывая на скорый миръ, заключилъ съ новымъ шведскимъ правительствомъ перемиріе; русскія войска возвратились въ Финляндію тѣмъ же путемъ.

Еще въ началѣ года, 20-го января (1-го февраля), послѣдовало высочайшее повелѣніе о созваніи народныхъ представителей Финляндіи въ городѣ Борго. 13-го (25-го) марта императоръ Александръ, сопровождаемый графомъ Румянцевымъ и Сперанскимъ, отправился для открытія сейма въ Финляндію; оно послѣдовало 16-го (28-го) марта послѣ рѣчи, произнесенной государемъ на французскомъ языкѣ. Въ этой рѣчи Александръ сказалъ: «Я обѣщалъ сохранить вашу конституцію, ваши основные законы; собраніе ваше здѣсь служитъ ручательствомъ моего обѣщанія»[418]. Наканунѣ открытія сейма особая грамата подтвердила сохраненіе религіи, коренныхъ законовъ, правъ и преимуществъ, коими пользовались дотолѣ каждое сословіе въ особенности и всѣ жители Финляндіи вообще по ихъ конституціямъ.

Изъ Борго императоръ отправился въ Гельсингфорсъ, осмотрѣлъ Свеаборгъ и 19-го (31-го) марта торжественно въѣхалъ въ Або, гдѣ воздвигнута была тріумфальная арка съ надписью на шведскомъ языкѣ, которая въ точномъ переводѣ гласила слѣдующее: «Александру I, войска котораго покорили край и благость котораго покорила народъ». 25-го марта (6-го апрѣля) государь возвратился въ Петербургъ. Перемиріе было повелѣно прекратить, и военныя дѣйствія продолжались. 29-го мая 1809 года главнокомандующимъ въ Финляндіи былъ назначенъ Барклай де-Толли, о которомъ государь писалъ графу Аракчееву, что онъ часъ отъ часу ему болѣе нравится.

Въ то время, когда въ Петербургѣ продолжали измышлять наилучшіе способы для дипломатическаго предостереженія Австріи, послѣдняя внезапно обнаружила настоящую цѣль своихъ вооруженій. 29-го марта (10-го апрѣля) 1809 года эрцгерцогъ Карлъ съ главною арміею вторгнулся въ Баварію, эрцгерцогъ Іоаннъ въ Италію и эрцгерцогъ Фердинандъ въ Варшавское герцогство. Патріотическія прокламаціи призывали Германію ополчиться противъ Наполеона. 5-го (17-го) апрѣля Наполеонъ прибылъ въ Донаувертъ, и съ 7-го (19-го) по 11-е (23-е) апрѣля великій полководецъ побѣдилъ эрцгерцога Карла въ сраже-

ніяхъ при Таннѣ, Экмюлѣ, Ландсгутѣ, Абенсбергѣ и Регенсбургѣ. Слѣдствіемъ этого пятидневнаго боя явились отступленіе эрцгерцога Карла на лѣвый берегъ Дуная и движеніе Наполеона къ Вѣнѣ, которая была имъ занята 30-го апрѣля (12-го мая).

Вступленіе австрійскихъ войскъ въ герцогство Варшавское сдѣлалось извѣстнымъ въ Петербургѣ 14-го (26-го) апрѣля. На слѣдующій день императоръ Александръ не замедлилъ объявить Коленкуру, что онъ считаетъ миссію князя Шварценберга оконченною и что вечеромъ будетъ отправлено повелѣніе о вступленіи русскихъ войскъ въ Галицію[419]. «Я сдѣлалъ все, чтобы избѣжать войны», сказалъ государь: «но такъ какъ австрійцы вызвали и начали ее, императоръ найдетъ во мнѣ союзника, который будетъ дѣйствовать открыто; я ничего не буду дѣлать въ половину»[420].

Слова эти, сказанныя Коленкуру, нѣсколько расходятся съ содержаніемъ донесенія князя Шварценберга отъ 13-го (25-го) апрѣля; австрійскій посолъ сообщилъ въ Вѣну о слѣдующемъ разговорѣ съ государемъ. «Императоръ въ доказательство великаго ко мнѣ довѣрія сказалъ, что ничего не будетъ забыто, что̀ только человѣчески возможно придумать для ослабленія наносимыхъ намъ ударовъ; онъ присовокупилъ, что его положеніе настолько странное, что хотя мы и находимся въ противныхъ лагеряхъ, однакоже онъ не можетъ удержаться отъ выраженія пожеланій въ пользу нашихъ успѣховъ»[421].

Среди начавшихся новыхъ военныхъ тревогъ день 18-го (30-го) апрѣля ознаменовался въ царской семьѣ событіемъ, не лишеннымъ политическаго значенія въ смыслѣ нѣкотораго затаеннаго протеста противъ нашего офиціально признаннаго союзника, Наполеона: стараніями императрицы Маріи Ѳеодоровны состоялось бракосочетаніе великой княжны Екатерины Павловны съ принцемъ Георгіемъ Ольденбургскимъ[422]. — Государь даровалъ принцу титулъ императорскаго высочества и возложилъ на него званіе генералъ-губернатора новгородскаго, тверского и ярославскаго и главнаго директора водяныхъ коммуникацій. Резиденціею для принца была избрана Тверь, гдѣ новому генералъ-губернатору отдѣлали заново дворецъ.

На случай войны съ Австріею на западной границѣ была сосредоточена армія въ составѣ 70,000 человѣкъ подъ начальствомъ князя Сергія Ѳеодоровича Голицына. Изъ этой арміи только 32,000 человѣкъ переправились наконецъ черезъ Бугъ 22-го мая (3-го іюня) и вступили на австрійскую территорію въ то время, когда Наполеонъ послѣ ряда блистательныхъ побѣдъ уже нѣсколько недѣль занималъ Вѣну. Съ нашей стороны началась тогда безкровная война: другого названія нельзя присвоить этому странному и небывалому походу русскихъ войскъ. Достаточно сказать, что въ дѣлѣ при Подгуржѣ,

ПОЖАЛОВАНІЕ НАПОЛЕОНОМЪ ОРДЕНА ПОЧЕТНАГО ЛЕГІ

Съ картины Лю

УССКОМУ ГРЕНАДЕРУ ВЪ ТИЛЬЗИТѢ, ВЪ 1807 ГОДУ.

ие.

между Россiею и Францiею и предостерегъ его словами: «Si vous bougez, je marche—vous mettrez le feu en Europe et vous en serez la victime». Передавая Коленкуру содержанiе своей бесѣды съ Шварценбергомъ, Александръ продолжалъ убѣждать французскаго посла въ необходимости все-таки придерживаться умѣреннаго дипломатическаго воздѣйствiя на Австрiю; только этимъ путемъ государь признавалъ еще возможнымъ избавить Европу отъ бѣдствiй грозившей ей новой войны.

Если разговоръ Шварценберга съ императоромъ не вполнѣ удовлетворилъ австрiйскаго посла, то нижеслѣдующiя слова императрицы-матери должны были навести Шварценберга на другiя, болѣе радостныя мысли и возбудить въ немъ нѣкоторыя надежды: «Дѣйствiе, разсчитанное съ хладнокровiемъ и благоразумiемъ, но выполненное съ быстротою и величайшею энергiею во всѣхъ его частностяхъ, произвело бы здѣсь въ скоромъ времени самое благопрiятное влiянiе»[416]. Послѣ подобнаго откровеннаго объясненiя неудивительно, что Шварценбергъ высказалъ въ своихъ донесенiяхъ убѣжденiе, что только страхъ руководитъ распоряженiями Александра, но что въ сущности императоръ благословилъ бы случай, который избавилъ бы его отъ французской зависимости.

Когда начались австрiйскiя усложненiя, императоръ Александръ все еще имѣлъ на рукахъ шведскую войну; желая воспользоваться благопрiятными условiями зимняго времени, государь повелѣлъ генералу Кноррингу предпринять наступательныя дѣйствiя противъ береговъ Швецiи. Однако, миновала уже половина февраля, а главнокомандующiй все еще бездѣйствовалъ. Наконецъ, въ Финляндiю былъ посланъ военный министръ графъ Аракчеевъ[417]. Донесенiя его вызвали письмо къ нему государя отъ 7-го марта 1809 года, въ которомъ между прочимъ читаемъ: «Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Я тебя не могу довольно благодарить за все твое усердiе и привязанность къ себѣ. Но и моя къ тебѣ не лицемѣрна, и ежедневно болѣе чувствую всю твою цѣну. Поведенiе Кнорринга безстыдное, и одно твое желанiе, чтобы я не сердился, удерживаетъ меня вымыть ему голову, какъ оного онъ заслуживаетъ... Я не могу довольно нахвалиться твоею рѣшимостью, и оною ты мнѣ оказалъ настоящую услугу. Богъ да поможетъ намъ и впредь. При семъ прилагаю указъ на твое имя, удовлетворяющiй желанiю твоему.— Твой вѣрный другъ».

Упомянутый въ письмѣ императора указъ заключался въ слѣдующихъ немногихъ внушительныхъ строкахъ: «Нахожу нужнымъ симъ моимъ указомъ ввѣрить вамъ власть неограниченную во всей Финляндiи и право представлять сей указъ вездѣ, гдѣ польза службы онаго востребуетъ. С.-Петербургъ, 7-го марта 1809 года. Александръ».

Пребыванiе графа Аракчеева въ Финляндiи сопровождалось рядомъ геройскихъ подвиговъ русскихъ войскъ: князь Багратiонъ занялъ Аланд-

скіе острова, а Кульневъ появился 7-го (19-го) марта въ Гриссельгамѣ, въ окрестностяхъ Стокгольма; Барклай де-Толли перешелъ изъ Вазы въ Умео черезъ Кваркенъ; графъ Шуваловъ двинулся по сухому пути черезъ Торнео въ Вестроботнію и принудилъ шведскаго генерала Грипенберга положить оружіе.

Между тѣмъ успѣхи русскихъ войскъ рѣшили участь несчастнаго Густава IV. 1-го (13-го) марта король былъ арестованъ, и регентомъ былъ провозглашенъ дядя его, герцогъ Карлъ Зюдерманландскій. Генералъ Кноррингъ, разсчитывая на скорый миръ, заключилъ съ новымъ шведскимъ правительствомъ перемиріе; русскія войска возвратились въ Финляндію тѣмъ же путемъ.

Еще въ началѣ года, 20-го января (1-го февраля), послѣдовало высочайшее повелѣніе о созваніи народныхъ представителей Финляндіи въ городѣ Борго. 13-го (25-го) марта императоръ Александръ, сопровождаемый графомъ Румянцевымъ и Сперанскимъ, отправился для открытія сейма въ Финляндію; оно послѣдовало 16-го (28-го) марта послѣ рѣчи, произнесенной государемъ на французскомъ языкѣ. Въ этой рѣчи Александръ сказалъ: «Я обѣщалъ сохранить вашу конституцію, ваши основные законы; собраніе ваше здѣсь служитъ ручательствомъ моего обѣщанія»[418]. Наканунѣ открытія сейма особая грамата подтвердила сохраненіе религіи, коренныхъ законовъ, правъ и преимуществъ, коими пользовались дотолѣ каждое сословіе въ особенности и всѣ жители Финляндіи вообще по ихъ конституціямъ.

Изъ Борго императоръ отправился въ Гельсингфорсъ, осмотрѣлъ Свеаборгъ и 19-го (31-го) марта торжественно въѣхалъ въ Або, гдѣ воздвигнута была тріумфальная арка съ надписью на шведскомъ языкѣ, которая въ точномъ переводѣ гласила слѣдующее: «Александру I, войска котораго покорили край и благость котораго покорила народъ». 25-го марта (6-го апрѣля) государь возвратился въ Петербургъ. Перемиріе было повелѣно прекратить, и военныя дѣйствія продолжались. 29-го мая 1809 года главнокомандующимъ въ Финляндіи былъ назначенъ Барклай де-Толли, о которомъ государь писалъ графу Аракчееву, что онъ часъ отъ часу ему болѣе нравится.

Въ то время, когда въ Петербургѣ продолжали измышлять наилучшіе способы для дипломатическаго предостереженія Австріи, послѣдняя внезапно обнаружила настоящую цѣль своихъ вооруженій. 29-го марта (10-го апрѣля) 1809 года эрцгерцогъ Карлъ съ главною арміею вторгнулся въ Баварію, эрцгерцогъ Іоаннъ въ Италію и эрцгерцогъ Фердинандъ въ Варшавское герцогство. Патріотическія прокламаціи призывали Германію ополчиться противъ Наполеона. 5-го (17-го) апрѣля Наполеонъ прибылъ въ Донаувертъ, и съ 7-го (19-го) по 11-е (23-е) апрѣля великій полководецъ побѣдилъ эрцгерцога Карла въ сраже-

Великая княгиня Екатерина Павловна.

Съ гравированнаго портрета Меку.

2-го (14-го) іюля, важнѣйшемъ въ продолженіе всей войны 1809 года съ Австріею, были убиты два казака и ранены подполковникъ Стакельбергъ и казачій сотникъ[423]. Во время этого похода настоящимъ непріятелемъ русскихъ войскъ являлись не австрійцы, а союзныя варшавскія войска, отъ совокупнаго дѣйствія съ которыми повелѣно было вообще уклоняться. «Союзники озабочиваютъ меня болѣе, нежели непріятель», доносилъ главнокомандующій, князь Голицынъ[424].

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Во время побѣдоноснаго движенія Наполеона къ Вѣнѣ вниманіе его было отвлечено отъ двусмысленной роли, принятой на себя Россіей; но когда, послѣ двухдневнаго боя подъ Асперномъ, 9-го (21-го) и 10-го (22-го) мая, французы отступили на островъ Лобау, и эрцгерцогъ Карлъ могъ провозгласить себя побѣдителемъ, то отсутствіе надлежащей союзной помощи со стороны императора Александра возбудило сильнѣйшее неудовольствіе Наполеона. Слова, сказанныя имъ въ началѣ года еще въ Парижѣ графу Румянцеву: «Нашъ союзъ кончится тѣмъ, что сдѣлается постыднымъ (notre alliance finira par être honteuse)», получили печальное подтвержденіе. Однако геній великаго полководца и безъ посторонней помощи не замедлилъ восторжествовать надъ постигшими его невзгодами. Ваграмскій бой 24-го іюня (6-го іюля) рѣшилъ участь кампаніи. Австрія смирилась, 30-го іюня (12-го іюля) было заключено перемиріе въ Цнаймѣ, и затѣмъ начались переговоры о мирѣ въ Альтенбургѣ, продолжавшіеся три мѣсяца. Наши успѣхи въ Галиціи довершились занятіемъ 3-го (15-го) іюля Кракова, послѣдовавшимъ, однако, уже послѣ Ваграмской побѣды и едва не сопровождавшимся кровавымъ столкновеніемъ съ варшавскими войсками.

Императоръ Александръ не прислалъ уполномоченныхъ въ Альтенбургъ, предоставивъ своему союзнику договариваться съ Австріею за Россію; государь отказывался отъ всякаго вознагражденія, но напомнилъ Наполеону не забывать интересовъ его имперіи по отношенію къ бывшей Польшѣ (la ci-devant Pologne)[425].

Пока длились переговоры съ Австріею, Александру удалось наконецъ сломать сопротивленіе Швеціи, и 5-го (17-го) сентября 1809 года графъ Румянцевъ подписалъ Фридрихсгамскій миръ, по которому Финляндія съ Аландскими островами была присоединена къ Россіи. Миръ, возвѣщенный петербургскимъ жителямъ 6-го (18-го) сентября пушечными выстрѣлами, не былъ встрѣченъ изъявленіями общественной радости. Сожалѣли о Швеціи, о бѣдныхъ шведахъ, и только немногіе русскіе, знакомые съ исторіей, сознавали всю важность мира, даровавшаго намъ Финляндію.

6-го сентября императоръ Александръ прислалъ графу Аракчееву орденъ св. Андрея при слѣдующемъ милостивомъ собственноручномъ письмѣ:

«Миръ, слава Всевышнему, заключенъ мною на предположенныхъ основаніяхъ. Чтобы не терять времени, я, отступя отъ порядка, приказалъ адъютанту заѣхать въ крѣпость съ повелѣніемъ выстрѣлить 101 пушку. При семъ посылаю то, что по всей справедливости тебѣ слѣдуетъ, а чтобы болѣе изъявить мою благодарность за всю твою службу и чтобы пріятнѣе тебѣ было оный носить, прилагаю здѣсь мой собственный, который я носилъ».

Но графъ Аракчеевъ, стремившійся вездѣ и во всемъ представлять собою исключеніе сравнительно съ прочими государственными сановниками, осмѣлился сдѣлать то, что не обошлось бы безнаказанно ни одному вѣрноподданному[426]. Въ тотъ же день онъ упросилъ государя взять орденъ обратно, что и было милостиво исполнено[427]. Желая вознаградить столь безкорыстнаго слугу другимъ знакомъ царскаго вниманія, императоръ Александръ прислалъ 7-го сентября графу Аракчееву рескриптъ слѣдующаго содержанія:

«Въ воздаяніе ревностной и усердной службы военнаго министра графа Аракчеева, войскамъ отдавать слѣдующія ему почести и въ мѣстахъ высочайшаго пребыванія его императорскаго величества»[428].

Графъ Румянцевъ за заключеніе Фридрихсгамскаго мира возведенъ былъ 17-го (29-го) сентября въ званіе государственнаго канцлера.

Австрійскія дѣла, къ величайшему огорченію императора Александра, кончились менѣе удовлетворительно. 2-го (14-го) октября Наполеонъ заключилъ Шёнбрунскій миръ, по которому Россія получила Тарнопольскую область, въ то время какъ большая часть Галиціи отошла къ Варшавскому герцогству; послѣднее условіе какъ разъ противорѣчило положительно выраженному желанію государя. Отнынѣ союзъ между обѣими имперіями былъ окончательно поколебленъ въ своемъ основаніи; оба императора имѣли справедливыя причины быть недовольными исходомъ войны и недовѣрять другъ другу; каждая сторона обвиняла съ нѣкоторымъ основаніемъ другую въ несоблюденіи союза.

Не подлежитъ сомнѣнію, что болѣе рѣшительный образъ дѣйствій Россіи въ продолженіе войны съ Австріею доставилъ бы ей всю Галицію, а можетъ быть и болѣе. Въ одной изъ позднѣйшихъ бесѣдъ съ Чернышевымъ (въ 1810 году) Наполеонъ высказалъ ему свой взглядъ на задачу, предстоявшую намъ рѣшить въ 1809 году; онъ, на нашемъ мѣстѣ, обратилъ бы армію, находившуюся въ княжествахъ, противъ Австріи и, вступивъ съ 100,000 человѣкъ въ Венгрію, предписалъ бы миръ обѣимъ сторонамъ. Между тѣмъ, отстраняя даже съ нашей стороны проявленіе подобной бонапартовской предпріимчивости, нельзя не признать, что союзная помощь, оказанная Россіей, была настолько сомнительнаго свойства, что Наполеонъ имѣлъ неоспоримое основаніе замѣтить: «Vous avez été sans couleur. On n'a pas tiré le sabre une seule fois». Изъ опыта 1809 года онъ могъ вполнѣ убѣдиться въ существованіи двухъ для него печальныхъ истинъ: что нельзя въ трудную минуту полагаться на императора Александра и что нельзя разсчитывать на содѣйствіе Россіи, основанное не на буквѣ связывавшаго ее договора, а на сознаніи обоюдныхъ политическихъ расчетовъ.

Если война съ Австріею не была встрѣчена съ сочувствіемъ среди русскаго общества при существовавшей тогда всеобщей ненависти къ

Наполеону, какъ исчадію французской революціи, то миръ и сопряженная съ нимъ уступка Россіи Тарнопольской области вызвали еще болѣе рѣзкое осужденіе. Въ запискахъ Греча сохранился отголосокъ распространеннаго тогда мнѣнія относительно этого наполеоновскаго дара. «Общее мнѣніе Россіи порицало Александра», пишетъ Гречъ: «Наполеонъ осрамилъ его, давъ ему изъ земель, отнятыхъ у Австріи, не именно какую-нибудь область, а четыреста тысячъ душъ, какъ, бывало, у насъ цари награждали своихъ клевретовъ»[429].

Еще за годъ до войны съ Австріею, когда въ 1808 году императоръ Александръ послалъ съ письмомъ къ своему союзнику флигель-адъютанта князя П. Г. Волконскаго, Наполеонъ сказалъ ему за обѣдомъ: «Передайте вашему государю, что я его другъ, но чтобы онъ остерегался тѣхъ, которые стараются насъ поссорить. Если мы въ союзѣ, миръ будетъ принадлежать намъ (si nous sommes unis, le monde est à nous). Вселенная подобна этому яблоку, которое я держу въ рукахъ. Мы можемъ разрѣзать его на двѣ части, и каждый изъ насъ получитъ половину. Для этого намъ только нужно быть согласными, и дѣло сдѣлано». Когда князь Волконскій отдавалъ отчетъ о своей поѣздкѣ, онъ разсказалъ и о сравненіи міра съ яблокомъ, сдѣланномъ Наполеономъ. Государь замѣтилъ: «сначала онъ удовольствуется одною половиною яблока, а тамъ придетъ охота взять и другую». Со времени эрфуртскаго свиданія, а въ особенности послѣ Шёнбрунскаго мира, эта мысль окончательно утвердилась въ умѣ Александра, и чувство недовѣрія къ Наполеону не могло быть уже ничѣмъ поколеблено; прежнее убѣжденіе Александра «que le monde était assez grand pour s'arranger» утратило навсегда свою привлекательную силу. Старанія же Наполеона сохранять неприкосновенность союза и даже воскресить его съ новой силой привели только къ новымъ печальнымъ недоразумѣніямъ, ускорившимъ окончательный разрывъ между тильзитскими друзьями[430].

Увеличеніе Варшавскаго герцогства и вызванное этою мѣрою возбужденіе польскихъ надеждъ побудили императора Александра потребовать отъ Коленкура установленія формальнаго обязательства, что французское правительство не будетъ содѣйствовать возстановленію Польши. Желанія государя были предупреждены Наполеономъ; въ доказательство искренности своихъ намѣреній поддержать во всей силѣ союзъ съ Россіей, онъ предлагалъ вычеркнуть имя Польши изъ офиціальныхъ актовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ уполномочилъ Коленкура подписать конвенцію, которая дала бы полное удовлетвореніе Россіи по польскому вопросу.

Наполеонъ не ограничился, однако, этими изъявленіями своей дружбы. Забывая справедливое неудовольствіе свое противъ Россіи за войну 1809 года и желая загладить непріятное впечатлѣніе, произведенное на

императора Александра Шёнбрунскимъ договоромъ, Наполеонъ въ рѣчи, произнесенной въ законодательномъ корпусѣ 21-го ноября (3-го декабря), сказалъ: «Союзникъ и другъ мой россійскій императоръ присоединилъ къ своей обширной имперіи Финляндію, Молдавію и Валахію и часть Галиціи. Не соперничаю ни въ чемъ, могущемъ послужить ко благу Россіи. Мои чувства къ ея славному монарху согласны съ моею политикою». Сверхъ сего, министръ внутреннихъ дѣлъ Монталиве за-

Князь Сергѣй Ѳедоровичъ Голицынъ.

Съ гравированнаго портрета Шерфа.

явилъ въ отчетѣ о состояніи имперіи, что Наполеонъ никогда не имѣлъ въ виду возстановленія Польши.

Заявленіе Наполеона относительно придунайскихъ княжествъ имѣло для Россіи важное значеніе въ виду нерѣшительнаго исхода военныхъ дѣйствій, предпринятыхъ въ 1809 году на Балканскомъ полуостровѣ. Фельдмаршалъ князь Прозоровскій началъ кампанію двумя неудачными штурмами: Журжи и Браилова. Затѣмъ, совершивъ переправу черезъ Дунай, занявъ Исакчу, Тульчу и Бабадагъ, семидесяти семи-

лѣтній старецъ главнокомандующій скончался 9-го, (21-го) августа, въ лагерѣ за Дунаемъ, близъ Мачина. Его замѣнилъ князь Багратіонъ; во время командованія послѣдняго была одержана побѣда подъ Рассеватомъ, занятъ Измаилъ, покоренъ Браиловъ, но въ заключеніе пришлось снять осаду Силистріи и отвести войска на лѣвый берегъ Дуная, отказавшись отъ зимовки въ Болгаріи. Главнокомандующій просилъ увольненія; преемникомъ его былъ назначенъ графъ Николай Михайловичъ Каменскій. Надѣялись, что въ 1810 году новый главнокомандующій увѣнчаетъ наконецъ рѣшительнымъ успѣхомъ русское оружіе въ войнѣ противъ Оттоманской Порты, длившейся уже безъ всякаго результата четыре года.

28-го ноября (10-го декабря) императоръ Александръ отправился въ Тверь для свиданія съ великой княгиней Екатериною Павловною. Здѣсь явились къ государю депутаты, прибывшіе изъ Москвы, графъ Иванъ Андреевичъ Остерманъ и князь Петръ Алексѣевичъ Голицынъ, съ просьбою обрадовать первопрестольную столицу своимъ посѣщеніемъ. Императоръ Александръ милостиво соизволилъ обѣщать прибыть въ Москву къ Николину дню.

6-го декабря государь торжественно въѣхалъ въ Москву, въ которой не былъ со времени коронаціи, въ 1801 году. Императоръ слѣдовалъ верхомъ съ принцемъ Ольденбургскимъ, великая княгиня Екатерина Павловна ѣхала въ парадной придворной каретѣ. Населеніе встрѣтило своего монарха съ необычайнымъ, единодушнымъ восторгомъ. «Милосердый и чувствительный государь», пишетъ очевидецъ, «согрѣтый сими своего народа восторгами, проливалъ драгоцѣнныя слезы,— слезы, доказывающія нѣжность богоподобной души его! Онъ останавливаетъ свое шествіе на каждомъ шагѣ и съ осторожнымъ сердоболіемъ бережется, чтобы лошадь его не повредила кого изъ окружающихъ толь близко восхищенныхъ его чадъ! Онъ говоритъ: берегитесь, «берегитесь, чтобы лошадь кого не зашибла!» На это многіе голоса воскликнули: «Батюшка! мы на плечахъ и тебя и лошадь понесемъ; намъ подъ тобою легко!» О, голосъ прямыхъ россіянъ! О, истина, изліянная изъ сердецъ, чувствующихъ благость и кроткое правленіе государя, умѣющаго цѣнить приверженность и любовь народа! Кто жъ изъ владыкъ земныхъ когда-либо былъ такъ встрѣчаемъ? Какой побѣдитель, съ тріумфомъ входящій, осыпаемъ былъ толь простыми выраженіями сердечныхъ чувствованій? Государь! ты входишь украшенъ и лаврами, и оливами, по окончаніи войны, по увѣнчаніи ея и славнымъ миромъ, и расширеніемъ предѣловъ твоихъ; но доброму, чувствительному твоему сердцу всѣхъ лавровъ сладостнѣе любовь твоего народа!»[431].

При входѣ въ Успенскій соборъ московскій митрополитъ Платонъ привѣтствовалъ императора, уже въ послѣдній разъ, краткимъ словомъ. По вступленіи въ соборъ, графъ Аракчеевъ прочиталъ только что полу-

ченную реляцію о покореніи Браилова[432], и затѣмъ послѣдовало благодарственное молебствіе.

Императоръ Александръ пробылъ въ Москвѣ семь дней. Отпраздновавъ въ древней столицѣ день своего рожденія, государь въ открытыхъ саняхъ въ двѣнадцатомъ часу ночи отправился обратно въ Петербургъ; 14-го (26-го) декабря, въ 10 часовъ вечера, онъ былъ уже въ Зимнемъ дворцѣ, совершивъ переѣздъ въ 43 часа[433].

Князь Александръ Александровичъ Прозоровскій.
Съ гравированнаго портрета Иванова.

Столь богатый потрясающими событіями 1809 годъ закончился еще однимъ происшествіемъ, послѣдствія котораго получили вскорѣ первостепенное политическое значеніе. Наполеонъ, ради упроченія своей династіи, привелъ наконецъ въ исполненіе уже давно намѣченное намѣреніе развестись съ императрицей Жозефиной. Вслѣдъ за тѣмъ, 10-го (22-го) ноября, онъ поручилъ Коленкуру просить для него руки великой княжны Анны Павловны, требуя категорическаго отвѣта по прошествіи двухъ дней. Коленкуръ исполнилъ повелѣніе Наполеона тотчасъ по

возвращеніи государя изъ Москвы, при первомъ же пріемѣ, состоявшемся 16-го (28-го) декабря. Александръ отвѣтилъ послу, что, если бы дѣло зависѣло отъ него, то Коленкуръ заручился бы его словомъ, не выходя изъ кабинета. «Cette idée me sourit», прибавилъ императоръ; но, продолжалъ онъ, согласно духовному завѣщанію императора Павла, судьбою его сестеръ располагаетъ исключительно императрица-мать, поэтому для полученія отвѣта потребуется десятидневный срокъ. По истеченіи назначеннаго времени оказалось, что требуется новая отсрочка, также въ десять дней, и такимъ образомъ наступилъ 1810 годъ среди оживленныхъ переговоровъ, отъ успѣшнаго окончанія которыхъ несомнѣнно зависѣла будущая судьба русско-французскаго союза.

Одновременно съ брачными переговорами разработывалась также конвенція о Польшѣ, на скоромъ утвержденіи которой Наполеономъ особенно настаивалъ императоръ Александръ. 24-го декабря 1809 года (5-го января 1810 года) Коленкуръ подписалъ конвенцію, вполнѣ согласную съ видами русскаго правительства, и отправилъ ее для ратификаціи въ Парижъ. По условіямъ этого акта постановили:

1) Королевство Польское никогда не будетъ возстановлено.

2) Договаривающіяся стороны употребятъ всѣ средства, чтобы названіе Польши и поляковъ никогда не присвоивалось какой-либо области, входившей въ составъ бывшаго Польскаго королевства, и было бы навсегда изглажено изъ государственныхъ актовъ.

Остальныя статьи этой странной конвенціи касались уничтоженія польскихъ орденовъ, воспрещенія принимать русскихъ подданныхъ на службу Варшавскаго герцогства и обязательства не увеличивать герцогства областями, нѣкогда принадлежавшими Польшѣ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

НЕЗАВИСИМО отъ обсужденія въ негласномъ комитетѣ «реформы безобразнаго зданія управленія имперіи» Александръ привлекалъ къ этой работѣ и другихъ лицъ. Въ іюнѣ 1804 года министръ юстиціи, князь Лопухинъ, на котораго возложено было также, съ 21-го октября 1803 года, управленіе комиссіею составленія законовъ, призвавъ къ себѣ секретаря и перваго референдарія этой комиссіи барона Розенкампфа, объявилъ, что ему поручается, по высочайшей волѣ, написать проектъ конституціи[434]. Напрасно Розенкампфъ, едва вѣря слышанному, возражалъ, что не сдѣлано еще никакихъ подготовительныхъ работъ; что въ такомъ дѣлѣ невозможно руководствоваться одною теоріею, не изучивъ прежде въ точности прошедшаго и исторической связи разныхъ племенъ, со-

ставляющихъ Россію; что для прочной конституціи мало однихъ поверхностныхъ очерковъ или набора громкихъ, не исчерпывающихъ предмета словъ, а нужны глубокія изысканія, основательное изученіе общественнаго устройства имперіи, спаянной изъ столькихъ разнородныхъ частей. Но всѣ эти возраженія были оставлены безъ вниманія, и данное повелѣніе было вновь подтверждено. Тогда Розенкампфъ нашелся вынужденнымъ представить кадръ конституціи, со многими, однако, пробѣлами, въ особенности для низшаго класса народа, относительно котораго дѣлалась лишь ссылка на имѣющія впредь послѣдовать положенія. Кадръ Розенкампфа былъ переданъ Новосильцову и Чарторижскому; они выработали полный проектъ, который не получилъ дальнѣйшаго движенія вслѣдствіе внѣшнихъ усложненій, сопровождавшихся двумя кровопролитными войнами (1805, 1806 и 1807 годовъ), и распаденія бывшаго тріумвирата. Настала новая эпоха не только по отношенію къ внѣшней политикѣ Россіи, но и по отношенію къ порядку внутренняго управленія имперіей. На сцену явился Сперанскій.

Еще во время эрфуртскаго свиданія императоръ Александръ обратился однажды къ Сперанскому съ вопросомъ: «Какъ нравится тебѣ за границею?».—Сперанскій отвѣчалъ: «У насъ люди лучше, но здѣсь лучше установленія».—«Это и моя мысль», продолжалъ государь: «мы еще поговоримъ объ этомъ съ тобою, когда воротимся».

И, дѣйствительно, послѣ возвращенія въ Петербургъ, Александръ, несмотря на возраставшее бремя заботъ по внѣшней политикѣ, началъ занимать Сперанскаго предметами, касавшимися высшаго управленія государства. Сперанскій, наслѣдовавъ, послѣ увольненія въ отпускъ Новосильцова, всѣ личные доклады у государя, занялъ вмѣстѣ съ тѣмъ, съ 16-го декабря 1808 года, мѣсто товарища министра юстиціи, главнѣйшимъ образомъ, для занятій въ комиссіи составленія законовъ [435]. Вскорѣ не только все законодательство, но почти и все высшее управленіе сосредоточились въ его рукахъ. Довѣріе государя не было обмануто: Сперанскій явился даровитымъ и краснорѣчивымъ выразителемъ тайныхъ стремленій Александра. Молодому статсъ-секретарю не трудно было встрѣтиться въ видахъ и желаніяхъ съ императоромъ, который съ своей стороны искалъ только оружія и средствъ для осуществленія своихъ давнишнихъ либеральныхъ и преобразовательныхъ намѣреній. Сперанскій съ организаторскимъ своимъ умомъ, умѣвшимъ представлять всѣ трудности легкими, съ многосторонними знаніями, съ обаятельнымъ краснорѣчіемъ, и одаренный притомъ способностью работать быстро и не зная усталости, былъ именно такимъ человѣкомъ, котораго досeлѣ тщетно искалъ Александръ для осуществленія своихъ преобразовательныхъ плановъ. Если князь Чарторижскій опредѣлилъ значеніе Новосильцова слѣдующими словами [436]: «L'Empereur trouvait en lui un instrument qui

savait donner une forme russe à ses désirs européens», то эта оцѣнка съ еще большимъ основаніемъ должна быть примѣнена къ Сперанскому. Несомнѣнно, что онъ одинъ былъ способенъ стать дѣятельнымъ орудіемъ замышлявшихся преобразованій. Безъ преувеличенія можно сказать, что съ тѣхъ поръ въ исторіи нашего управленія не появлялось такого ума. «Въ дѣлѣ опыта онъ былъ по крайней мѣрѣ знакомъ съ центральнымъ управленіемъ и хорошо извѣдалъ его недостатки; въ дѣлѣ мысли—онъ бралъ огромный перевѣсъ надъ своими современниками въ привычкѣ къ труду и въ болѣе серьезномъ образованіи. Находясь, по происхожденію, въ близкомъ отношеніи къ низшимъ классамъ, онъ сверхъ того приносилъ съ собою инстинктъ человѣка, не чуждаго народу и горячо сочувствующаго его нуждамъ и потребностямъ» [437].

Современный ему русскій порядокъ представлялся Сперанскому совершенной политической безсмыслицей, которую не стоило поправлять, а нужно было просто устранить, замѣнивъ новымъ порядкомъ, построеннымъ на правилахъ логики. «Il faut trancher dans le vif, tailler en plein drap», любилъ говорить смѣлый реформаторъ въ пылу своихъ преобразовательныхъ работъ, начавшихся послѣ эрфуртскаго путешествія.

По мѣрѣ сближенія съ Сперанскимъ императоръ Александръ коснулся, конечно, въ разговорахъ не покидавшей его мысли даровать Россіи «внутреннее политическое бытіе». Вручивъ ему вышеупомянутый проектъ Новосильцова и Чарторижскаго, государь нерѣдко проводилъ съ своимъ статсъ-секретаремъ цѣлые вечера въ чтеніи разныхъ сочиненій, къ этому предмету относившихся. «Изъ всѣхъ сихъ упражненій», писалъ впослѣдствіи Александру Сперанскій изъ пермской ссылки, «изъ стократныхъ, можетъ быть, разговоровъ и разсужденій вашему величеству надлежало наконецъ составить одно цѣлое. Отсюда произошелъ планъ всеобщаго государственнаго образованія. Въ существѣ своемъ онъ не содержалъ ничего новаго, но идеямъ, съ 1801 года занимавшимъ ваше вниманіе, дано въ немъ систематическое расположеніе. Весь разумъ сего плана состоялъ въ томъ, чтобъ, посредствомъ законовъ и установленій, утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію сея власти болѣе правильности, достоинства и истинной силы».

«Сила всѣхъ предложенныхъ преобразованій въ томъ состояла», писалъ Сперанскій въ другой запискѣ: «чтобъ постановить управленіе имперіи на непремѣняемомъ законѣ и дать Россіи внутреннее политическое бытіе, а съ сею цѣлью опредѣлить прежде всего разумъ коренныхъ государственныхъ законовъ, т. е. начертать планъ конституціи».

Вотъ, слѣдовательно, въ чемъ состояла задача, которую по высочайшей волѣ предложено было рѣшить Сперанскому. Такимъ образомъ оказывается, что мысль о подобной коренной реформѣ русскаго государ-

ственнаго управленія исходила отъ самого самодержца, безъ всякаго внѣшняго вліянія или понужденія: явленіе безпримѣрное и, можно сказать, единственное въ исторіи. Касаясь этого обстоятельства въ одной изъ своихъ записокъ, Сперанскій говоритъ: «конституціи во всѣхъ почти государствахъ устрояемы были въ разныя времена отрывками и по большей части среди жестокихъ политическихъ бурь. Россійская конституція одолжена будетъ бытіемъ своимъ не воспаленію страстей и крайности обстоятельствъ, но благодѣтельному вдохновенію верховной власти, которая, устроя политическое существованіе своего народа, можетъ и имѣетъ всѣ способы дать ему самыя правильныя формы» [438].

Обширная работа, порученная Сперанскому, созрѣвала въ мысляхъ и подъ перомъ его съ изумительною быстротою; онъ работалъ съ неистовствомъ, сидя за своимъ письменнымъ столомъ по восемнадцати часовъ въ день. Поэтому неудивительно, что уже въ октябрѣ 1809 года планъ всеобщаго государственнаго образованія лежалъ на столѣ императора Александра.

Сущность плана государственнаго образованія Сперанскаго заключалась въ томъ, что къ участію въ законодательствѣ, судѣ и управленіи должно было допустить народныхъ представителей. Въ основаніи этого представительства положено было землевладѣніе.

Порядокъ законодательный долженъ былъ имѣть четыре степени. Первая степень представительства—волостная дума, вторая—окружная (т. е. уѣздная) дума, третья—губернская дума и четвертая—государственная дума.

Въ порядкѣ судномъ предполагалось учредить четыре степени: волостной судъ, окружный судъ, губернскій судъ и верховный судъ, подъ именемъ Судебнаго Сената.

Въ порядкѣ исполнительномъ Сперанскій тоже останавливался на четырехъ главныхъ раздѣленіяхъ, а именно на управленіяхъ: волостномъ, окружномъ, губернскомъ и государственномъ, или министерствѣ.

Для предварительнаго разсмотрѣнія законовъ, уставовъ и учрежденій «въ первообразныхъ ихъ начертаніяхъ» учреждался Государственный Совѣтъ.

Къ этому обширному зданію государственныхъ установленій или сословій Сперанскій присоединилъ еще одно учрежденіе, въ которое должны были стекаться высшія дѣла государственныя, получая здѣсь «верховное свое совершеніе»: Кабинетъ. Кромѣ того, Правительствующій Сенатъ, независимо отъ Судебнаго Сената, долженъ былъ замѣнить учрежденный въ 1802 году комитетъ министровъ.

Весь октябрь и ноябрь 1809 года прошли въ ежедневномъ почти разсмотрѣніи государственнаго уложенія Сперанскаго; сдѣланы были многія

Графъ Николай Михайловичъ Каменскій.
Съ гравированнаго портрета Афанасьева.

поправки и дополненія, и наконецъ государь положилъ приводить его въ дѣйствіе.

Но если Сперанскій отличался смѣлостью въ замышляемыхъ реформахъ, то должно отдать справедливость осторожности, съ которою онъ намѣревался приступить къ ихъ осуществленію. Онъ сознавалъ опасность перемѣнить все вдругъ, основываясь на одной теоріи, и сумѣлъ обуздать до нѣкоторой степени свою нетерпѣливость видѣть скорѣе все

ственнаго управленія исходила отъ самого самодержца, безъ всякаго внѣшняго вліянія или понужденія: явленіе безпримѣрное и, можно сказать, единственное въ исторіи. Касаясь этого обстоятельства въ одной изъ своихъ записокъ, Сперанскій говоритъ: «конституціи во всѣхъ почти государствахъ устрояемы были въ разныя времена отрывками и по большей части среди жестокихъ политическихъ бурь. Россійская конституція одолжена будетъ бытіемъ своимъ не воспаленію страстей и крайности обстоятельствъ, но благодѣтельному вдохновенію верховной власти, которая, устрояя политическое существованіе своего народа, можетъ и имѣетъ всѣ способы дать ему самыя правильныя формы» [438].

Обширная работа, порученная Сперанскому, созрѣвала въ мысляхъ и подъ перомъ его съ изумительною быстротою; онъ работалъ съ неистовствомъ, сидя за своимъ письменнымъ столомъ по восемнадцати часовъ въ день. Поэтому неудивительно, что уже въ октябрѣ 1809 года планъ всеобщаго государственнаго образованія лежалъ на столѣ императора Александра.

Сущность плана государственнаго образованія Сперанскаго заключалась въ томъ, что къ участію въ законодательствѣ, судѣ и управленіи должно было допустить народныхъ представителей. Въ основаніи этого представительства положено было землевладѣніе.

Порядокъ законодательный долженъ былъ имѣть четыре степени. Первая степень представительства—волостная дума, вторая—окружная (т. е. уѣздная) дума, третья—губернская дума и четвертая—государственная дума.

Въ порядкѣ судномъ предполагалось учредить четыре степени: волостной судъ, окружный судъ, губернскій судъ и верховный судъ, подъ именемъ Судебнаго Сената.

Въ порядкѣ исполнительномъ Сперанскій тоже останавливался на четырехъ главныхъ раздѣленіяхъ, а именно на управленіяхъ: волостномъ, окружномъ, губернскомъ и государственномъ, или министерствѣ.

Для предварительнаго разсмотрѣнія законовъ, уставовъ и учрежденій «въ первообразныхъ ихъ начертаніяхъ» учреждался Государственный Совѣтъ.

Къ этому обширному зданію государственныхъ установленій или сословій Сперанскій присоединилъ еще одно учрежденіе, въ которое должны были стекаться высшія дѣла государственныя, получая здѣсь «верховное свое совершеніе»: Кабинетъ. Кромѣ того, Правительствующій Сенатъ, независимо отъ Судебнаго Сената, долженъ былъ замѣнить учрежденный въ 1802 году комитетъ министровъ.

Весь октябрь и ноябрь 1809 года прошли въ ежедневномъ почти разсмотрѣніи государственнаго уложенія Сперанскаго; сдѣланы были многія

б) смѣшеніе въ Сенатѣ дѣлъ управленія и суда дошло уже до такого безпорядка, что, независимо отъ общаго преобразованія, нельзя болѣе отлагать нужныя мѣры исправленія, а мѣры сіи во всѣхъ предположеніяхъ не могутъ быть иначе приняты, какъ отдѣленіемъ части управленія и назначеніемъ ей особеннаго порядка».

«Предлогами къ преобразованію Совѣта весьма естественно могутъ быть приняты: 1) разсмотрѣніе гражданскаго уложенія, къ совершенію коего, послѣ тщетныхъ во всѣ царствованія, начиная съ Петра Великаго, попытокъ, теперь настало время, и 2) финансы, скрывать затрудненіе коихъ есть вѣрный способъ умножать запутанность и питать безпокойство».

«Время открытія Совѣта можно назначить 1-го января 1810 года. Органическіе его законы, въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ они въ свое время войдутъ въ составъ государственнаго уложенія, должны быть къ 15-му декабря не только изготовлены, но совершенно разсмотрѣны и рѣшены. Послѣднія двѣ недѣли опредѣлятся на окончательное избраніе разныхъ чиновъ, къ устройству сему принадлежащихъ. При открытіи, въ Совѣтъ внесутся гражданское уложеніе и планъ финансовъ. Слѣдуя установленному порядку, онъ передаетъ ихъ въ свои департаменты, и такимъ образомъ два департамента: Законовъ и Экономіи, тотчасъ воспріимутъ свое дѣйствіе, а два остальные департамента отсрочатся на двѣ недѣли, чтобъ дать время пересмотрѣть дѣла безъ торопливости. Черезъ двѣ недѣли и общія собранія Совѣта должны воспріять свое дѣйствіе. Изъ департамента Законовъ внесутся туда первыя разсмотрѣнныя главы гражданскаго уложенія, а изъ департамента Экономіи разсмотрѣнный планъ финансовъ. Послѣдній долженъ быть рѣшенъ къ концу января и оконченъ манифестомъ. Дальнѣйшія занятія Совѣта состоять будутъ: 1) въ продолженіи разсмотрѣнія гражданскаго уложенія; 2) въ постепенномъ устройствѣ одного изъ остальныхъ трехъ государственныхъ установленій, а именно порядка исполнительнаго, т. е. общаго плана министерствъ, общаго министерскаго наказа, частныхъ образованій каждаго министерства и учрежденія о управленіи губерній; 3) въ разрѣшеніи дѣлъ, кои поступать будутъ изъ департаментовъ Совѣта».

«II. Вмѣстѣ съ открытіемъ Совѣта наименовать министерство финансовъ и казначейства, кои съ 1-го января и должны вступить въ свои званія. Доколѣ въ Совѣтѣ разсматриваться будетъ планъ финансовъ, что продолжится мѣсяцъ, они будутъ имѣть время сдѣлать всѣ главные распорядки по плану, который имъ за шесть недѣль будетъ уже извѣстенъ».

«III. Въ то же время, т. е. съ 1-го февраля, открыть и министерство полиціи и присоединить коммерцію къ дѣламъ внутреннимъ. Сіи

части въ теченіе января также легко перемѣститься могутъ, тѣмъ болѣе, что для первоначальнаго образованія министерства полиціи есть уже готовая экспедиція (въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ), а министерство коммерціи по дѣламъ его столь мало нужно, что и перемѣщать нечего».

«IV. Вмѣстѣ съ симъ, и въ теченіе того же января, дѣла 1-го департамента Сената размѣстить по министерствамъ, 2-му дать наименованіе 1-го и т. д.» [440].

«V. Вмѣстѣ съ симъ наименовать канцлера юстиціи, поручивъ ему на первый разъ въ общихъ выраженіяхъ главный надзоръ за судебною частію».

«VI. Можно бы даже было и учебную часть поручить главному директору, а министру сдѣлать нѣкоторое вознагражденіе» [441].

«Всѣ сіи распоряженія», продолжалъ Сперанскій, «включатся въ составъ общаго манифеста объ учрежденіи Совѣта. Съ 1-го февраля Совѣтъ со всѣми его установленіями и первоначальное устройство министерствъ войдутъ въ полное ихъ дѣйствіе, и, утвердясь такимъ образомъ въ средоточіи, можно уже будетъ съ надежностію поступить далѣе, а именно: 1) образованіе исполнительной части какъ въ министерствахъ, такъ и во всѣхъ ея разрядахъ должно быть совершенно кончено къ маю мѣсяцу; 2) къ сему же времени будетъ разсмотрѣно въ Совѣтѣ гражданское уложеніе; 3) государственное уложеніе въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ не только будетъ составлено, но и во всѣхъ частяхъ успѣетъ быть разсмотрѣно: слѣдовательно, съ 1-го мая можно положить первыя начала его введенію; 4) для сего манифестомъ, сообразнымъ тому, какой изданъ былъ въ 1766 году [442], назначить выборъ депутатовъ изъ всѣхъ состояній, взявъ предлогомъ изданіе гражданскаго уложенія; 5) срокъ собранія опредѣлить на 15-е августа, наименовать его государственною думою и назначить срокъ ея продолженія; 6) для разсмотрѣнія депутатскихъ наказовъ, какъ то и прежде было, наименовать канцлера государственной думы, кому и предъявятъ депутаты свои полномочія; на разсмотрѣніе ихъ опредѣлить двѣ недѣли; 7) въ первый день сентября, новый годъ по старому русскому лѣтосчисленію, открыть государственную думу со всѣми приличными обрядами; 8) дѣйствіе ея начнется гражданскими законами; 9) между тѣмъ распоряженія депутатовъ будутъ надлежащимъ образомъ испытуемы и пріуготовляемы; если не встрѣтится какихъ-либо непреоборимыхъ препятствій, то съ Божіею помощью предложится государственное уложеніе; 10) принятіе его утверждено будетъ общею присягою; 11) съ сего времени государственная дума воспріиметъ предназначенное ей въ порядкѣ государственныхъ установленій мѣсто; 12) за симъ образуется и судная часть, и Сенатъ станетъ также въ порядкѣ государственныхъ сословій».

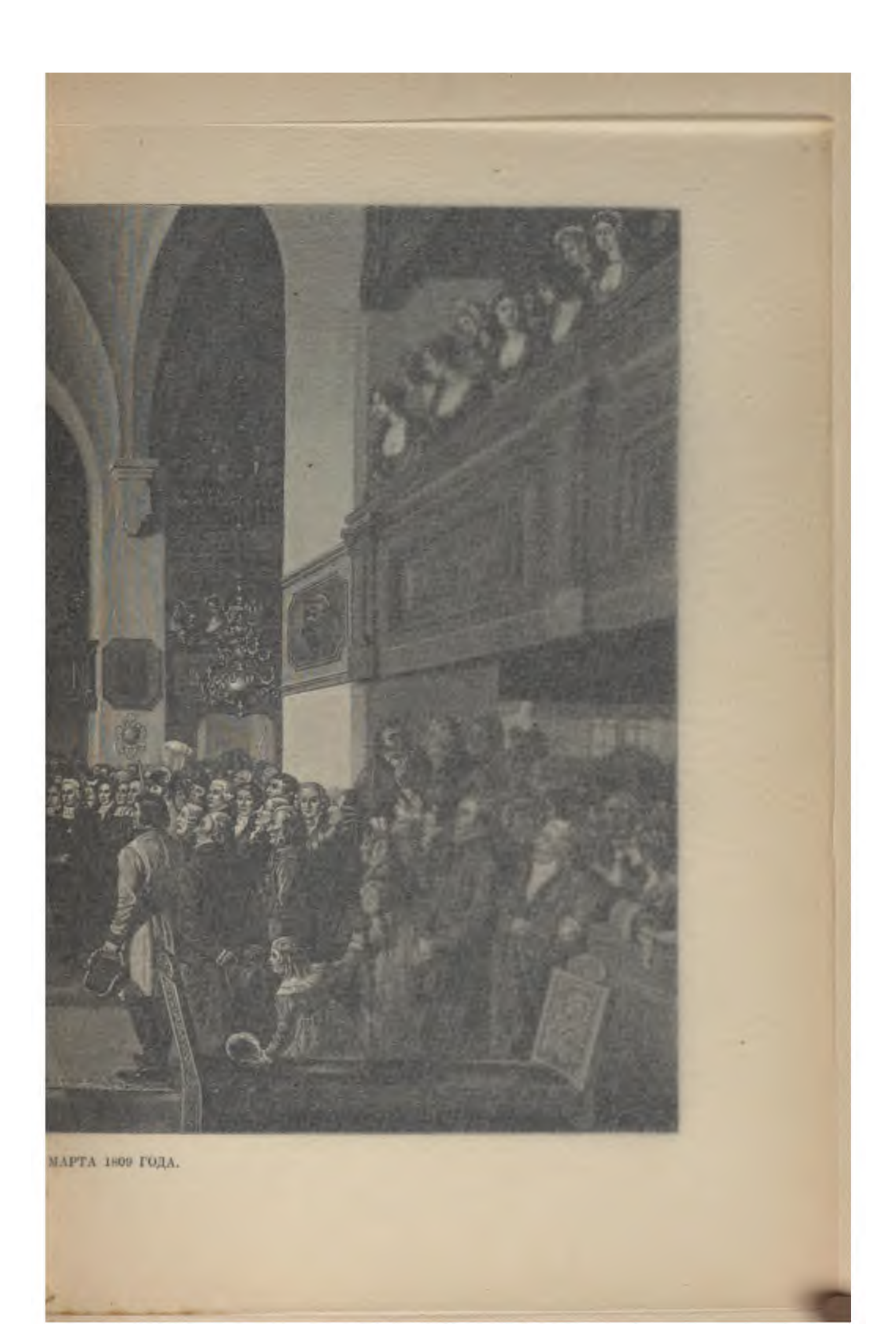
части въ течепіе января также легко перемѣститься могутъ, тѣмъ болѣе, что для первоначальнаго образованія министерства полиціи есть уже готовая экспедиція (въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ), а министерство коммерціи по дѣламъ его столь мало нужно, что и перемѣщать нечего».

«IV. Вмѣстѣ съ симъ, и въ теченіе того же января, дѣла 1-го департамента Сената размѣстить по министерствамъ, 2-му дать наименованіе 1-го и т. д.» [440].

«V. Вмѣстѣ съ симъ наименовать канцлера юстиціи, поручивъ ему на первый разъ въ общихъ выраженіяхъ главный надзоръ за судебною частію».

«VI. Можно бы даже было и учебную часть поручить главному директору, а министру сдѣлать нѣкоторое вознагражденіе» [441].

«Всѣ сіи распоряженія», продолжалъ Сперанскій, «включатся въ составъ общаго манифеста объ учрежденіи Совѣта. Съ 1-го февраля Совѣтъ со всѣми его установленіями и первоначальное устройство министерствъ войдутъ въ полное ихъ дѣйствіе, и, утвердясь такимъ образомъ въ средоточіи, можно уже будетъ съ надежностію поступить далѣе, а именно: 1) образованіе исполнительной части какъ въ министерствахъ, такъ и во всѣхъ ея разрядахъ должно быть совершенно кончено къ маю мѣсяцу; 2) къ сему же времени будетъ разсмотрѣно въ Совѣтѣ гражданское уложеніе; 3) государственное уложеніе въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ не только будетъ составлено, но и во всѣхъ частяхъ успѣетъ быть разсмотрѣно: слѣдовательно, съ 1-го мая можно положить первыя начала его введенію; 4) для сего манифестомъ, сообразнымъ тому, какой изданъ былъ въ 1766 году [442], назначить выборъ депутатовъ изъ всѣхъ состояній, взявъ предлогомъ изданіе гражданскаго уложенія; 5) срокъ собранія опредѣлить на 15-е августа, наименовать его государственною думою и назначить срокъ ея продолженія; 6) для разсмотрѣнія депутатскихъ наказовъ, какъ то и прежде было, наименовать канцлера государственной думы, кому и предъявятъ депутаты свои полномочія; на разсмотрѣніе ихъ опредѣлить двѣ недѣли; 7) въ первый день сентября, новый годъ по старому русскому лѣтосчисленію, открыть государственную думу со всѣми приличными обрядами; 8) дѣйствіе ея начнется гражданскими законами; 9) между тѣмъ распоряженія депутатовъ будутъ надлежащимъ образомъ испытуемы и пріуготовляемы; если не встрѣтится какихъ-либо непреоборимыхъ препятствій, то съ Божіею помощью предложится государственное уложеніе; 10) принятіе его утверждено будетъ общею присягою; 11) съ сего времени государственная дума воспріиметъ предназначенное ей въ порядкѣ государственныхъ установленій мѣсто; 12) за симъ образуется и судная часть, и Сенатъ станетъ также въ порядкѣ государственныхъ сословій».

МАРТА 1809 ГОДА.

ОТКРЫТIE СЕ

Великая княгиня Анна Павловна.

Съ гравированнаго портрета Меку.

«Если Богъ благословитъ всѣ сіи начинанія», заключилъ Сперанскій свою записку: «то въ 1811 году, къ концу десятилѣтія настоящаго царствованія, Россія воспріиметъ новое бытіе и совершенно во всѣхъ частяхъ преобразится».

Но Богъ не благословилъ. Все казалось рѣшеннымъ, законченнымъ, и только, чтобы еще болѣе обезпечить успѣхъ выработаннаго преобра-

зованія, назначались для исполненія сроки, избранные усмотрѣніемъ самого Сперанскаго. И что же? Важнѣйшія части плана Сперанскаго никогда не были приведены въ исполненіе; осуществилось лишь то, что самъ онъ считалъ внѣ прямой связи съ задуманными реформами. «Все прочее осталось только на бумагѣ», говоритъ біографъ Сперанскаго, «и даже исчезло изъ памяти людей, какъ стертый временемъ очеркъ смѣлаго карандаша» [443].

Намѣренія Александра измѣнились, государственное уложеніе осталось однимъ сокровеннымъ планомъ, творцу его пришлось многіе годы провести въ ссылкѣ, а Россія сохранила и донынѣ сохраняетъ прежнее свое бытіе.

Когда, въ 1775 году, Вольтеръ узналъ о смѣлыхъ мѣропріятіяхъ Тюрго, онъ испугался за участь, ожидавшую его знаменитаго друга, и написалъ [444]:

«Quel Hercule, disais-je, a fait ce grand ouvrage?
Quel dieu vous a sauvé?» — On répond: «c'est un sage».
«Un sage! Ah! juste ciel! à ce nom je frémis.
Un sage! Il est perdu: c'en est fait, mes amis».

То же явленіе повторилось въ Россіи, когда даровитый сторонникъ политической реформы выступилъ противъ легіона недоброжелателей и завистниковъ; Тюрго не внялъ предостереженіямъ Вольтера, и Сперанскій, по всей вѣроятности, поступилъ бы подобнымъ же образомъ. Онъ смѣло и довѣрчиво приступилъ къ дѣлу, пренебрегая опасностями, которыми усѣянъ былъ скользкій путь, на которомъ приходилось дѣйствовать. «Il y a un principe dans l'homme qui le pousse à courir les chances», писалъ Сперанскій въ то время, когда онъ съ самоувѣренностью затѣвалъ ломку всего существовавшаго; но счастіе не улыбнулось смѣлому реформатору, и вмѣсто вынужденной отставки, какъ это было съ Тюрго, его ожидали въ будущемъ жестокія испытанія и безпримѣрное паденіе.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ

ВЪ ТО ВРЕМЯ, когда Сперанскій трудился надъ разработкою государственнаго уложенія, онъ принималъ не менѣе дѣятельное участіе въ текущемъ законодательствѣ. Къ числу этихъ работъ относятся два указа, обнародованные въ 1809 г. и вызвавшіе противъ составителя ихъ непримиримую вражду лицъ, затронутыхъ новыми постановленіями. Съ ихъ появленіемъ на Сперанскаго посыпались обвиненія въ иллюминатствѣ, революціонномъ духѣ, въ ненависти къ дворянству; вмѣстѣ съ тѣмъ явились нерасположеніе и предубѣжденіе среди общества ко всѣмъ послѣдовавшимъ за симъ административнымъ реформамъ, выработаннымъ Сперанскимъ.

Первый указъ нанесъ чувствительное огорченіе вельможному міру. 3-го апрѣля 1809 года появился никѣмъ нежданный указъ о придворныхъ званіяхъ, рѣшенный единственно между Сперанскимъ и государемъ. Этимъ указомъ повелѣвалось: имѣвшимъ уже званіе камергеровъ и камеръ-юнкеровъ, которые не состояли въ военной или гражданской службѣ, из-

брать, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, родъ дѣйствительной службы, впредь же эти званія, при пожалованіи ихъ вновь, считать отличіями, не приносящими никакого чина; наконецъ, всякому, принимаемому ко двору въ упомянутыя званія, продолжать вмѣстѣ съ исправленіемъ придворныхъ обязанностей и дѣйствительную службу и проходить ее наравнѣ съ прочими дворянами, безъ чего онъ будетъ отставленъ.

Слѣдующій затѣмъ указъ коснулся сословія чиновниковъ; онъ появился при слѣдующей обстановкѣ. Въ концѣ лѣта 1809 года императоръ Александръ, бывъ опрокинутъ изъ экипажа при переѣздѣ по Петербургской сторонѣ, съ Каменнаго острова въ Петергофъ, повредилъ себѣ ногу. Этотъ ушибъ, послѣдствія котораго государь чувствовалъ до самой своей кончины, принудилъ его оставаться въ Петергофѣ нѣсколько недѣль, не выходя изъ комнаты. Онъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы обдумать и выработать совмѣстно съ Сперанскимъ указъ о чинахъ гражданскихъ, обнародованный 6-го августа 1809 года. — Изъ постороннихъ зналъ о появленіи указа одинъ только графъ Аракчеевъ [445]. Сущность новаго закона состояла въ томъ, чтобы впредь никого не производить въ чинъ коллежскаго ассесора безъ предъявленія свидѣтельства одного изъ русскихъ университетовъ о томъ, что представляемый къ производству успѣшно окончилъ въ немъ курсъ или, явясь на испытаніе, заслужилъ одобреніе въ своихъ знаніяхъ. Такое же университетское свидѣтельство установлялось и для производства въ статскіе совѣтники, съ тѣмъ еще, чтобы представляемый состоялъ на службѣ вообще не менѣе 10 лѣтъ и въ это время по крайней мѣрѣ два года занималъ одну изъ перечисленныхъ въ указѣ должностей [446]. — «Если постановленіе о придворныхъ званіяхъ возбудило противъ Сперанскаго высшее сословіе», пишетъ его біографъ, «то легко представить себѣ, какой вопль за постановленіе объ экзаменахъ поднялся противъ него въ многочисленномъ сословіи чиновниковъ, для которыхъ этимъ постановленіемъ такъ внезапно измѣнялись всѣ ихъ застарѣлыя привычки, всѣ цѣли, вся, можно сказать, жизнь» [447]. Ропотъ былъ такой, какъ будто бы отечеству грозила гибель вродѣ новаго нашествія Батыя. Сатиры, карикатуры, эпиграммы сыпались на Сперанскаго съ небывалымъ ожесточеніемъ и подготовили почву для обвиненій его въ будущемъ въ несравненно болѣе тяжкихъ посягательствахъ [448]. Указъ 6-го августа просуществовалъ, однако, въ полной силѣ весьма недолго; общая его ломка началась тотчасъ послѣ паденія Сперанскаго въ 1812 году [449].

Руководствуясь запискою Сперанскаго о порядкѣ послѣдовательнаго введенія въ дѣйствіе вновь предположенныхъ установленій, императоръ Александръ занялся разсмотрѣніемъ новаго образованія Государственнаго Совѣта.

Какъ уже выше упомянуто, императоръ отправился въ послѣднихъ числахъ ноября 1809 года въ Тверь и затѣмъ въ Москву. Въ это

время Сперанскій, остававшійся въ Петербургѣ, высылалъ къ нему проектъ новаго учрежденія Государственнаго Совѣта по частямъ; но для сохраненія этого дѣла въ тайнѣ онъ передавалъ тетради камердинеру Мельникову безъ надписи, а тотъ уже пересылалъ ихъ къ Государю въ Москву. Сопутствовавшій Александру графъ Аракчеевъ находился въ полномъ невѣдѣніи относительно предстоявшей реформы, и, къ величайшему его огорченію, содержаніе таинственныхъ пакетовъ оставалось для него неизвѣстнымъ. «Мельниковъ важный человѣкъ», съ усмѣшкою говорилъ своимъ приближеннымъ графъ Алексѣй Андреевичъ, крайне негодуя на то, что государь замышляетъ какое-то дѣло, ему неизвѣстное. На обсужденіе проектъ Сперанскаго былъ сообщенъ только графу Н. И. Салтыкову, графу Завадовскому, князю Лопухину и графу Кочубею, которые одобрили его и словесно и письменно[450]. Потомъ дали еще взглянуть на него государственному канцлеру графу Румянцеву, долженствовавшему предсѣдательствовать въ новомъ Совѣтѣ, въ случаѣ отсутствія императора. Почти наканунѣ обнародованія новаго образованія Совѣта императоръ Александръ ознакомилъ съ нимъ графа Аракчеева. Военный министръ воспылалъ гнѣвомъ за скрытность, съ которою, помимо него, вели это дѣло, и никогда не простилъ Сперанскому довѣрія и предпочтенія, выказанныхъ ему государемъ въ ущербъ исключительному положенію, которое занималъ онъ самъ; неудовольствіе Аракчеева было столь сильно, что онъ рѣшился отказаться отъ ввѣренной ему должности и съ этою цѣлью написалъ въ Петербургъ, 24-го декабря 1809 года, императору Александру слѣдующее письмо:

«Всемилостивѣйшій Государь!

«Пятнадцать уже лѣтъ я пользуюсь вашими милостями и сегодняшнія бумаги есть новый знакъ продолженія оныхъ, послѣ чего могъ ли я медлить прочтеніемъ столь важныхъ государственныхъ бумагъ. Я, Государь, прежде отъѣзда моего[451] все прочиталъ и не осмѣлюсь ихъ никогда иначе понять, какъ только сообразить свои собственныя познанія и силы съ разумомъ сихъ мудрыхъ установленій.

«Государь! Вамъ извѣстна мѣра бывшаго моего въ молодости воспитанія; оно, къ несчастію моему, ограничено было въ тѣсномъ самомъ кругѣ данныхъ мнѣ пособій, а чрезъ то я въ нынѣшнихъ уже своихъ лѣтахъ не болѣе себя чувствую, какъ добрымъ офицеромъ, могущимъ только наблюдать въ точности за исполненіемъ военнаго нашего ремесла.

«На сихъ понятіяхъ и правилахъ я принудилъ себя по волѣ вашей принять занимаемое мною нынѣ мѣсто.

«Нынѣ же къ точному исполненію мудрыхъ вашихъ постановленій потребенъ министръ, получившій полное воспитаніе о общихъ свѣдѣніяхъ. Таковой будетъ только полезенъ сему важному сословію и под-

держитъ сіе первое въ государствѣ званіе военное, которое, кажется, всегда должно быть защитителемъ и самаго Совѣта, ибо безъ защиты военной и самыя лучшія разсужденія Совѣта прерваны быть могутъ.

«Я къ оному, Государь, неспособенъ и, не въ состояніи будучи защитить сего званія, унижу его. Сіе вамъ, Государь, доказываетъ ежедневное мое обращеніе и сіе самое письмо.

«Государь! не гнѣвайтесь на человѣка, безъ лести полвѣка прожившаго, но увольте его изъ сего званія, какъ вамъ угодно.

«Молю васъ, Государь, не затрудняться въ ономъ, ибо, чрезъ нескорую перемѣну меня изъ сего званія, будетъ малая польза вамъ и государству, и только остановка въ дѣлахъ, въ коихъ дѣятельность по военной части необходима»[452].

Въ отвѣтъ на эти, можно сказать, дерзкія, не лишенныя ироніи, строки разгнѣваннаго, безъ лести преданнаго графа императоръ Александръ отправилъ строптивому министру слѣдующее внушеніе и призывъ къ исполненію долга:

«Не могу скрыть отъ васъ, Алексѣй Андреевичъ, что удивленіе мое было велико при чтеніи письма вашего.

«Чему долженъ приписать я намѣреніе ваше оставить мѣсто, вами занимаемое. Говорить обинякамы было бы здѣсь неумѣстно. Причины, вами изъясняемыя, не могу я принять за настоящія. Если до сихъ поръ вы были полезны въ званіи вашемъ, то при новомъ устройствѣ Совѣта почему сія полезность можетъ уменьшиться? Сіе никому не будетъ понятно. Всѣ читавшіе новое устройство Совѣта нашли его полезнымъ для блага Имперіи. Вы же, на чье содѣйствіе я болѣе надѣялся, вы, твердившіе мнѣ столь часто, что, кромѣ привязанности вашей къ отечеству, личная любовь ко мнѣ вамъ служитъ побужденіемъ,— вы, не взирая на оное, одни забывъ пользу Имперіи, спѣшите бросить управляемую вами часть въ такое время, гдѣ совѣсть ваша не можетъ не чувствовать, сколь невозможно васъ замѣнить. Вопросите искренно самого себя, какое побужденіе въ васъ дѣйствуетъ? и если вы будете справедливы на свой счетъ, то вы сіе побужденіе не похвалите.

«Но позвольте мнѣ, отложа здѣсь званіе, которое я на себѣ ношу, говорить съ вами какъ съ человѣкомъ, къ которому я лично привязанъ, которому во всѣхъ случаяхъ я доказалъ сію привязанность. Какое вліяніе произведетъ въ глазахъ публики ваше увольненіе отъ должности въ такую минуту, гдѣ преобразованіе, полезное и пріятное для всѣхъ, введено будетъ въ правительствѣ? Конечно, весьма дурное для васъ самихъ. Устройство Совѣта будетъ напечатано, всякій судить будетъ, что не отъ чего было вамъ оставлять своего мѣста, и заключенія будутъ весьма невыгодны на вашъ счетъ.

«Въ такую эпоху, гдѣ я право имѣлъ ожидать отъ всѣхъ благомыслящихъ и привязанныхъ къ своему отечеству жаркаго и ревностнаго содѣйствія,

вы одни отъ меня отходите и, предпочитая личное честолюбіе, мнимо тронутое, пользѣ Имперіи, настоящимъ уже образомъ повредите своей репутаціи.

«Если все вышеписанное, противъ чаянія моего, надъ вами дѣйствія никакого не произведетъ, то, по крайней мѣрѣ, я въ правѣ требовать отъ васъ, чтобы до назначенія преемника вашего вы продолжали исполнять обязанность вашу, какъ долгъ честнаго человѣка онаго требуетъ. При первомъ свиданіи вашемъ вы мнѣ рѣшительно объявите, могу ли я въ васъ видѣть того же графа Аракчеева, на привязанность котораго я думалъ, что твердо могъ надѣяться, или необходимо мнѣ будетъ заняться выборомъ новаго военнаго министра».

Убѣжденія и доводы императора Александра не поколебали, однако, рѣшенія, принятаго графомъ Аракчеевымъ. «Личное честолюбіе, мнимо затронутое», какъ справедливо замѣтилъ государь въ вышеприведенномъ письмѣ къ министру, восторжествовало надъ «чистѣйшею преданностью», которою любилъ щеголять предъ своимъ благодѣтелемъ, устно и письменно, «чистый сердцемъ и душою, вѣрнѣйшій безъ лести вѣрноподданный». Возвратившись изъ Грузина, графъ Аракчеевъ, 29-го декабря, обратился къ императору Александру съ новымъ письмомъ, въ которомъ встрѣчаются тѣ же неумѣстныя, ироническія выходки, которыми было преисполнено письмо его отъ 24-го декабря: «Простите мнѣ», писалъ графъ Аракчеевъ: «что я отнимаю у вашего величества время, но, кажется, отъ подобныхъ мнѣ ваше величество болѣе бывали утруждены, а я въ первый разъ, да можетъ и въ послѣдній, обезпокоиваю моими просьбами. — Мнѣнія публики столь различны, что на оныя никогда положиться нельзя, и лучшее мнѣніе въ свѣтѣ — спокойная въ человѣкѣ совѣсть; я имѣю ее и буду съ нею вездѣ спокоенъ» [453].

«Государь! Я равно съ другими радуюсь сему новому учрежденію, есть ли оно полезно Государю и отечеству моему, что и окажетъ время и дѣла.

«Увѣряю васъ, Государь, что, до назначенія мнѣ преемника, буду исправлять должность съ тѣмъ же раченіемъ, какое я имѣлъ всегда, но прошу вашего величества избрать онаго, и мнѣ остаться въ томъ предположеніи, какое я себѣ опредѣлилъ.

«Вездѣ пребуду вѣрнымъ вѣрноподданнымъ до конца жизни».

По поводу этой размолвки между императоромъ Александромъ и военнымъ министромъ Василій Романовичъ Марченко [454], состоявшій тогда при графѣ Аракчеевѣ, сообщаетъ въ своихъ запискахъ слѣдующія подробности: «Графу крайне досадно было, что новости сіи скрыты отъ него. Онъ готовился ѣхать въ Грузино, но государь задержалъ, обѣщая прочесть съ нимъ образованіе Совѣта. Хотя, по словамъ графа, онъ отзывался, что трудъ будетъ напрасенъ, ибо онъ гражданской части не знаетъ, но примѣтно было желаніе узнать то, что всѣхъ занимало. Одинъ вечеръ хотѣлъ государь прислать за нимъ послѣ бани; онъ и

дожидался, но вдругъ докладываютъ, что присланъ отъ государя Сперанскій. Не прошло десяти минутъ, какъ графъ, отпустивъ Сперанскаго, спросилъ меня съ дѣлами. Я и не видывалъ еще его въ подобномъ бѣшенствѣ. Не ставъ слушать бумагъ, приказалъ прислать ихъ въ Грузино, куда сейчасъ онъ отъѣзжаетъ. Послѣ разсказывалъ, что Михаилъ Михайловичъ привезъ ему одно оглавленіе, дабы на словахъ разсказать существо новой организаціи, но онъ не сталъ ничего слушать, отпустилъ его съ грубостію и послалъ письмо государю объ отставкѣ. Тутъ припомнилъ онъ мнѣ безыменные конверты, въ Москву присланные. Три дня проведено въ безпрестанной пересылкѣ фельдъегерей въ Грузино, но 30-го декабря графъ пріѣхалъ въ столицу[455]. Сей и послѣдующій дни прошли въ объясненіяхъ, прочитано образованіе Совѣта, и, по словамъ графа, на вопросъ государя: чѣмъ хочетъ быть графъ, министромъ (т. е. оставаться военнымъ министромъ), или предсѣдателемъ департамента (въ Государственномъ Совѣтѣ), онъ отвѣчалъ, что лучше самъ будетъ дядькою, нежели надъ собою имѣть дядьку. Вечеромъ послѣ сего, 31-го декабря, государь прислалъ въ подарокъ графу пару лошадей съ санями, что крайне его порадовало, ибо едва ли не первый это былъ случай въ столицѣ. 1-го января 1810 года, возвратясь изъ дворца, онъ объявилъ, что сдѣланъ предсѣдателемъ военнаго департамента и что министръ будетъ другой.

Императоръ Александръ намѣревался открыть Государственный Совѣтъ, согласно новому его образованію, 1-го января 1810 года; всѣ подготовительныя работы были закончены Сперанскимъ къ этому дню. Наканунѣ, 31-го декабря, вечеромъ, тридцать пять сановниковъ получили повѣстку собраться 1-го января въ половинѣ девятаго въ одну изъ залъ Шепелевскаго дворца.

1809 годомъ заканчивается первый періодъ царствованія императора Александра, которому присвоиваютъ обыкновенно наименованіе эпохи преобразованій. По внутреннему управленію имперіи преобразовательныя стремленія Александра останавливаются на учрежденіи Государственнаго Совѣта по плану Сперанскаго. По внѣшней политикѣ союзъ Россіи съ Наполеономъ, съ исходомъ 1809 года, является сильно поколебленнымъ, и возможность новой кровопролитной борьбы съ Франціею съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ большую вѣроятность. Такимъ образомъ, съ 1810 года правленіе императора Александра вступаетъ въ новый періодъ, общій смыслъ котораго сосредоточивается на борьбѣ съ наполеоновскою Франціею. Эта борьба завязывается сперва на дипломатической почвѣ, но затѣмъ быстро переходитъ въ вооруженное столкновеніе, и съ 1812 года начинается воинственная эпопея, которая только въ 1815 году приводитъ къ общему замиренію Европы.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ.

1) Metternich: Mémoires. T. I. Alexandre I, empereur de Russie. Portrait tracé par le prince de Metternich en 1829 (p.p. 315—332).

2) Comte de Langeron: Mémoire sur la mort de Paul I, 11 Mars 1801 (Paris: Archives des affaires étrangères de France. — Russie 21). Этотъ отрывокъ изъ записокъ графа Ланжерона впервые напечатанъ въ Revue Britannique. 1895, № 7.

3) Камеръ-фурьерскій журналъ 1801 года повѣствуетъ: «Его императорское высочество наслѣдникъ великій князь Александръ Павловичъ, по кончинѣ родителя своего, принявъ верховный престолъ, изволилъ отбыть съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ изъ Михайловскаго замка въ Зимній дворецъ въ два часа ночи. Ея величество императрица Елисавета Алексѣевна и вдовствующая императрица Марія Θеодоровна, также великіе князья Николай и Михаилъ Павловичи, великія княжны Екатерина, Марія и Анна Павловны и великая княгиня Анна Θеодоровна остались въ Михайловскомъ замкѣ до утра и прибыли въ Зимній дворецъ: императрица Елисавета Алексѣевна и великая княгиня Анна Θеодоровна въ 9 часовъ утра, вдовствующая императрица въ 10 часовъ». Великіе князья и княжны прибыли послѣ.

4) Въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ сказано: «По учиненной того же утра, 12-го марта, повѣсткѣ, съѣхались въ 9 часовъ утра въ Зимнемъ дворцѣ всѣ вообще военные и гражданскіе чины въ Большую церковь».

5) «A peine âgé de 24 ans, sans expérience, sans guide, Alexandre... avec une prudence au-dessus de son âge... raffermit peu-à-peu son autorité chancelante. Ce succès ne le consolait point de la mort d'un père. Obligé de le cacher à tout ce qui l'entourait, il s'enfermait souvent dans le réduit le plus caché de son appartement, et là, s'abandonnant à sa douleur, il poussait de sourds gémissements accompagnés de torrents de larmes. O, combien ce simple récit que je tiens de lui-même doit attendrir sur la condition des souverains!» Mémoires de la comtesse Edling, p. 38.

Князю Адаму Чарторижскому, старавшемуся, послѣ своего пріѣзда, утѣшить огорченнаго императора, онъ отвѣчалъ: «Non, c'est impossible, il n'y a pas de remède à cela; je dois souffrir; comment voulez-vous que je cesse de souffrir? Cela ne peut changer». Mémoires du prince Adam Czartoryski. T. I, p. 261.

6) Записки Ф. Ф. Вигеля. Часть 1-я, стр. 180.

7) «Son âme sensible en restera à jamais déchirée... Il faut à celui-ci l'idée de rendre le bien-être à sa patrie, pour le soutenir; il n'y a point d'autre motif qui puisse lui donner de la fermeté. Et il en faut, car grand Dieu! dans quel état a-t-il reçu cet empire... Tout est calme et tranquille, si ce n'est une joie presque folle qui règne depuis le dernier du peuple jusqu'à la noblesse entière; il est bien triste que cela ne doit pas même étonner... je ne puis cependant m'empêcher d'avouer que je respire avec la Russie entière». Письмо императрицы Елисаветы Алексѣевны къ матери маркграфинѣ Баденской отъ 13-го (25-го) и 14 (26-го) марта 1801 года. Первое письмо напечатано въ Politisches Correspondenz Karl Friedrichs von Baden 1783—1806. Band 4 (Heidelberg. 1895), p. 140.

8) 20-го марта (1-го апрѣля) 1801 года, императоръ Александръ испыталъ еще новое огорченіе, получивъ извѣстіе о кончинѣ сестры своей великой княгини Александры Павловны, супруги эрцгерцога Іосифа Палатина Венгерскаго, послѣдовавшей 4-го (16-го) марта въ Офенѣ. По этому поводу 31-го марта (12-го апрѣля) послѣдовалъ манифестъ, въ которомъ сказано: «Среди скорби и печали, нанесенной намъ внезапною кончиною любезнаго родителя нашего государя императора Павла I-го, къ вящшему усугубленію горести нашей получили мы плачевное извѣстіе, что любезнѣйшая сестра наша государыня великая княгиня Александра Павловна эрцгерцогиня Австрійская въ 4-й день сего мѣсяца послѣ девятидневной болѣзни скончалась. Бога Всемогущаго, Коего недовѣдомымъ судьбамъ угодно было таковыми ударами испытать терпѣніе наше, призывая въ единое себѣ утѣшеніе, мы увѣрены и пр.».

9) Русскій біографическій словарь, т. I-й (С.-Петербургъ, 1896). Біографія императора Александра I. Н. Шильдера, стр. 167.

10) См. въ приложеніяхъ нѣкоторые отзывы иностранныхъ дипломатовъ и агентовъ о первыхъ дняхъ александровскаго царствованія, а также извлеченія изъ камеръ-фурьерскаго журнала съ 12-го по 23-е марта 1801 года.

11) Архивъ князя Воронцова. Книга 12-я, стр. 263. Письмо графа Завадовскаго графу А. Р. Воронцову изъ Москвы, отъ 7-го апрѣля 1801 года.

12) Архивъ князя Воронцова. Книга 12-я, стр. 264. Письмо графа Завадовскаго графу С. Р. Воронцову изъ С.-Петербурга, отъ 13-го мая 1801 года.

13) Другой современникъ этой эпохи, Ф. Ф. Вигель, подтверждаетъ мысль, высказанную здѣсь Карамзинымъ относительно общественнаго настроенія. Онъ пишетъ, что еще при жизни Павла число недовольныхъ было такъ велико, что, несмотря на дѣятельность тайныхъ агентовъ, никто не опасался явно порицать и злословить его. «Употребляемые секретной полиціей не могли имѣть довольно времени, чтобъ доносить на всѣхъ виновныхъ въ нескромности; вѣроятно, они довольствовались мщеніемъ за личности; къ тому же, они сами трепетали и ненавидѣли правительство, коему столь постыдно служили».

Въ такомъ же смыслѣ высказывается и Н. И. Гречъ; въ запискахъ его читаемъ: «При всей тягости ига, которое лежало на Россіи въ царствованіе Павла, нельзя сказать, чтобы онъ умѣлъ заслужить голосъ общаго мнѣнія. Приверженцы его, приближенные, подлецы, хвалили всѣ дѣла его; оптимисты старались его извинять и оправдывать, ухватывались за всякое обстоятельство, самое ничтожное, чтобы возвысить его добродѣтели и прикрыть пороки, но большинство народа, масса его ненавидѣла, и рѣдко кто скрывалъ эти чувства». (Записки о моей жизни Н. И. Греча. С.-Петербургъ, 1886, стр. 125).

14) Архивъ князя Воронцова. Книга 8-я, стр. 292. Письмо графа Ростопчина изъ деревни Воронова, отъ 30-го іюня 1801 года.

15) «Его слишкомъ мало знали, онъ же никого не зналъ; дѣятельный, всегда торопливый, кипучій, повелительный, любезный, обворожительный, даже и безъ царскаго вѣнца, онъ желалъ править одинъ, все видѣть, все дѣлать къ лучшему; создалъ множество неблагодарныхъ и умеръ несчастнымъ».

Авторъ этихъ стиховъ остался неизвѣстнымъ.

August von Kotzebue: Das merkwürdigste Jahr meines Lebens.—Berlin, 1802 (Neue Ausgabe). 2-ter Theil, p. 244.

16) Записки Ф. Ф. Вигеля. Часть 1-я, стр. 177.

Другой современникъ этого достопамятнаго событія, находившійся въ это время въ Нижнемъ-Новгородѣ, пишетъ: «другъ друга поздравляли и обнимали, какъ будто Россія была угрожаема нашествіемъ варваровъ и освободилась». Записки Л. Н. Энгельгардта. Москва, 1867, стр. 219.

17) Général S—off: La mort de Paul I. «Revue moderne». 1865. T. 35, p. 132. — Изъ записокъ Н. А. Саблукова. «Русскій Архивъ» 1869 года, стр. 1946.

18) Записки Ф. Ф. Вигеля. Часть 1-я, стр. 180.

19) Саблуковъ разсказываетъ, что въ день 12-го марта графъ Паленъ подошелъ къ нему и сказалъ: «Je vous ai craint plus que toute la garnison».—«Et vous avez eu raison», répondis-je.—«Aussi, reprit-il, ai-je eu soin de vous faire renvoyer». «Revue moderne». 1865, p. 133.

20) Кромѣ того, въ указѣ Сенату отъ 19-го марта, сказано, что положенное Сперанскому по должности правителя канцеляріи комиссіи о снабженіи столицы припасами жалованье, по 2,000 рублей въ годъ, обратить ему въ пенсіонъ по смерть его.

21) Еще въ царствованіе императора Павла, генералъ-прокуроръ Обольяниновъ сообщилъ 26-го февраля 1801 года графу Панину, что государь снова разрѣшилъ ему въѣздъ въ обѣ столицы. Возвращеніе его въ Петербургъ совершилось, однако, уже въ новое царствованіе.

22) Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

23) По поводу назначенія графа Панина, читаемъ слѣдующее въ письмѣ графа В. П. Кочубея графу С. Р. Воронцову, отъ 21-го апрѣля (3-го мая) 1801 года, изъ Кенигсберга: «Графъ Никита Панинъ правитъ частью иностранною. Не по зависти и по желанію моему имѣть сіе мѣсто, но изъ единаго усердія къ пользѣ дѣлъ нашихъ о семъ жалѣю. Увидите, что тутъ выйдутъ замашки. Людовикъ XVIII не имѣетъ эмигранта, болѣе его запальчиваго, и легко окажется, что мы изъ одной крайности бросимся въ другую. Желательно было бы, чтобъ кто-нибудь его унялъ, но нѣтъ никого на мѣстѣ». (Архивъ князя Воронцова. Книга 14-я, стр. 149).

Послѣ этого отзыва графа Кочубея понятно, что австрійскій агентъ Віаццоли (Viazzoli), остававшійся въ Петербургѣ послѣ отъѣзда Кобенцеля, называлъ графа Панина «la perle des hommes et des ministres».

24) Матеріалы для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина. Изданіе Брикнера. С.-Петербургъ, 1892. Т. 6-й, стр. 4—11.

25) Камеръ-фурьерскій журналъ 1801 года.

26) Записки о моей жизни. Н. И. Греча, стр. 154.

27) Надпись на гробницѣ была сдѣлана слѣдующая:

«Государь императоръ и самодержецъ всероссійскій Павелъ Первый. Родился въ 1754 году, 20-го сентября. Вступилъ на престолъ 1796 года, ноября 6-го. Великимъ магистромъ державнаго ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго 1798 года, декабря 16-го. Скончался 1801 года, марта съ 11-го на 12-е, погребенъ того же мѣсяца 23-го числа.

28) Характеристика императора Александра I. Ф. А. Терновскаго. Кіевъ. 1878.

29) Государственный Архивъ. Разрядъ V, № 206.

30) Записки графа Александра Ивановича Рибопьера: «Русскій Архивъ» 1877 года стр. 595.

Нѣкоторые приписываютъ эту надпись Ермолову; это очевидная нелѣпость, такъ какъ Алексѣй Петровичъ находился въ это время въ Костромѣ.

31) 23-го апрѣля императоръ Александръ возвратилъ бывшему штабсъ-капитану Кирпичникову дворянское достоинство, чины и ордена. Припомнимъ здѣсь, что несчастный Кирпичниковъ подвергся прогнанію шпицрутенами черезъ тысячу человѣкъ разъ.

32) Записка А. С. Стурдзы о судьбѣ православной церкви русской въ царствованіе императора Александра I: «Русская Старина» 1876 года, т. 15-й, стр. 268.

33) Прибавленіе къ № 61 «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей», 30-го іюля 1862 года.

34) На основаніи манифеста, былъ составленъ докладъ Сената, который высочайше утвержденъ 2-го апрѣля, о возстановленіи статей дворянской грамоты, отмѣненныхъ указами императора Павла, между которыми значилась и статья, возвращавшая дворянству право освобожденія отъ тѣлеснаго наказанія.

35) Русская армія избавилась отъ косъ лишь во время второй войны императора Александра съ Наполеономъ; 2-го декабря 1806 года, генералъ-адъютантъ графъ Ливенъ объявилъ военной коллегіи слѣдующее высочайшее повелѣніе: «Государь императоръ въ облегченіе войскъ, высочайше повелѣть изволилъ: всѣмъ нижнимъ воинскимъ чинамъ, исключая гвардіи и гусарскихъ полковъ, обрѣзать косы подъ гребенку; что же касается до генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ, его величество предоставляетъ имъ поступить въ семъ случаѣ по собственной ихъ волѣ».

36) Въ дополненіе всего вышесказаннаго, упомянемъ еще о слѣдующихъ трехъ указахъ:

12-го апрѣля. Указъ Сенату объ утвержденіи прежняго назначенія университета въ Дерптѣ, потомъ перемѣщеннаго въ Митаву.

13-го апрѣля. Указъ Вольному Экономическому Обществу объ отпускѣ ежегодно въ оное по 5,000 рублей, причемъ сказано: «всѣ полезныя заведенія, къ благу вѣрныхъ подданныхъ моихъ относящіяся, всегда будутъ предметомъ особеннаго моего вниманія».

13-го іюня данъ указъ президенту Россійской Академіи Нартову о возстановленіи ежегоднаго отпуска 6,250 рублей изъ кабинета, на содержаніе оной Академіи опредѣленныхъ.

Кромѣ того, въ 1802 году повелѣно было печатать издаваемыя Академіею сочиненія на счетъ кабинета.

37) Въ связи съ этими освободительными указами находится одно изъ позднѣйшихъ высочайшихъ повелѣній, объявленное графомъ Ливеномъ, 18-го января 1802 года, военной коллегіи: «чтобъ отнынѣ впредь употребляемую комиссіями военныхъ судовъ въ нѣкоторыхъ приговорахъ рѣчь, нещадно, касательно наказанія, въ приговорахъ не употреблять».

38) Въ царствованіе императора Павла дѣятельность Совѣта была обращена главнымъ образомъ на разсмотрѣніе рукописей и книгъ, запрещенныхъ цензурою.

39) Фельдмаршалъ графъ Салтыковъ, генералъ-отъ-инфантеріи князь Зубовъ, генералъ-отъ-инфантеріи графъ Зубовъ, дѣйств. тайн. сов. и вице-канцлеръ князь Куракинъ, генералъ-отъ-инфантеріи и вице-президентъ военной коллегіи Ламбъ, генералъ-отъ-инфантеріи и генералъ-прокуроръ Беклешовъ, дѣйств. тайн. сов. и государственный казначей баронъ Васильевъ, генералъ-отъ-кавалеріи и с.-петербургскій военный губернаторъ графъ фонъ-деръ-Паленъ, дѣйств. тайн. сов. князь Лопухинъ, дѣйств. тайн. сов. и министръ коммерціи князь Гагаринъ, адмиралъ и вице-президентъ адмиралтействъ-коллегіи графъ Кушелевъ и тайн. сов. Трощинскій.

Въ апрѣлѣ 1801 года назначены были еще, кромѣ упомянутыхъ лицъ, членами Совѣта: графъ Завадовскій и графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ.

40) Въ Полномъ Собраніи Законовъ Россійской Имперіи сего Наказа не находится. Онъ напечатанъ въ «Новомъ Памятникѣ Законовъ». Отд. II, ч. X, т. I.—С.-Петербургъ, 1829, стр. 89—93.

41) Относительно Совѣта въ Наказѣ сказано, что онъ, не имѣя никакой распорядительной или исполнительной власти и никакой силы, кромѣ силы соображенія, учрежденъ единственно для разсужденія о дѣлахъ государственныхъ. Поручаемое ему относится только къ части законодательной, а исполнительная предоставлялась Сенату.

42) Записка Сперанскаго о государственныхъ установленіяхъ.

43) 9-го мая 1801 года Д. П. Трощинскій читалъ государю записку о Сенатѣ, въ которой объяснены причины, поставившія Сенатъ въ униженіе, и средства вывести его изъ онаго. Причины униженія, по мнѣнію Трощинскаго, заключались въ побочномъ вліяніи и властолюбивыхъ видахъ лицъ, чрезъ которыя Сенатъ представлялъ свои дѣла.

Къ запискѣ были приложены пять проектовъ указа Сенату о возстановленіи правъ его.

44) Письмо императора Александра къ княгинѣ Маріи Григорьевнѣ Голицыной отъ 7-го августа 1801 года.

«Русская Старина» 1870 года, т. 1-й, стр. 44 (Изданіе 1-е).

Письмо это было написано по поводу просьбы княгини Голицыной остановить взысканіе долговъ, коихъ законность была утверждена подписью ея мужа.

45) Russland unter Alexander dem Ersten. St.-Petersburg und Leipzig. 1804. Band I, p. 21—23.

46) А. Пыпинъ: Русскія отношенія Бентама. «Вѣстникъ Европы» 1869 г., т. 1-й, стр. 607.

47) Графъ Кочубей 27-го марта (8-го апрѣля) 1801 года писалъ графу С. Р. Воронцову изъ Дрездена:

«Je pars parce que je crois devoir quelque chose au Grand Duc Alexandre; je pars, parce que je crois que tous les honnêtes gens doivent se réunir autour de lui et faire tous leurs efforts pour cicatriser les plaies infinies portées par son père à sa partie; et après cela voudra-t-il m'employer, je le servirai de mon mieux, et de préférence dans quelque branche de l'administration interne».

Въ этомъ французскомъ письмѣ графа Кочубея встрѣчаются еще слѣдующія, не лишенныя интереса, русскія строчки: «Знаю, что особа, аще изъ утробы произведохъ, вельми вліяти имѣетъ, лучи же разсудка оныя не велiи суть» (Архивъ князя Воронцова. Книга 18-я, стр. 236).

Первое впечатлѣніе, вынесенное графомъ Кочубеемъ по пріѣздѣ въ Петербургъ изъ ближайшаго ознакомленія съ дѣйствіями новаго государя, было вполнѣ благопріятное. 1-го (13-го) мая онъ писалъ графу С. Р. Воронцову: «Toutes les actions de notre nouveau maître sont frappées au coin de la sagesse, de la modération et d'une mesure étonnante pour son âge» (Архивъ князя Воронцова. Книга 18-я, стр. 238).

48) Résultat d'une conversation avec l'empereur, le 23 Avril 1801.

49) Résultat d'une conférence avec le comte Kotchoubey, du 9 Mai 1801.

50) Всѣ разговоры и разсужденія, которые привели къ учрежденію негласнаго комитета, записаны графомъ П. А. Строгоновымъ. Они до сихъ поръ не появлялись въ печати и помѣщены нами въ приложеніяхъ въ французскомъ подлинникѣ. Всѣ эти замѣтки представляютъ собою историческій матеріалъ первостепенной важности и даютъ ключъ къ истинному пониманію этой еще совершенно не разработанной первой преобразовательной эпохи александровскаго царствованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ записки графа Строгонова освѣщаютъ какъ нельзя лучше характеръ и намѣренія императора Александра, столь трудно поддающіеся историческому анализу.

51) Графъ П. А. Строгоновъ извѣстилъ Н. Н. Новосильцова слѣдующими строками о воцареніи Александра:

«Mon bon ami, le courrier part, je n'ai le temps que de vous dire deux mots: l'Empereur Alexandre I-er règne».

52) Mémoires du prince Adam Czartoryski. T. I, p. 223.

53) Государственный Архивъ. Разрядъ V, № 190.

54) Въ біографическомъ очеркѣ Лагарпа (Notice biographique par C. Monnard.—Lausanne, 1838), читаемъ: «M. de la Harpe fut sur le point de ne pouvoir pas arriver en Russie, le comte Panin, alors ministre des affaires étrangères, ayant exigé des légations russes par une circulaire ignorée de son souverain, qu'elles lui refusassent les passeports nécessaires pour son voyage». P. 60.

55) Графъ Завадовскій удалился въ свою малороссійскую деревню послѣ немилости, постигшей его въ царствованіе императора Павла въ 1799 году. По воцареніи Александра онъ былъ немедленно вызванъ въ Петербургъ милостивымъ рескриптомъ слѣдующаго содержанія: «При самомъ началѣ вступленія моего на престолъ, я вспомнилъ и вѣрную вашу службу и дарованія ваши, кои на пользу ея вы всегда обращали. Въ семъ убѣжденіи желаю, чтобы вы поспѣшили пріѣхать сюда принять увѣреніе изустное, что я пребываю вамъ доброжелательный».

Императоръ Александръ не позабылъ также другого екатерининскаго дѣятеля, фельдмаршала князя Репнина; государь послалъ ему 25-го марта 1801 года слѣдующій рескриптъ, «Князь Николай Васильевичъ! примите истинную признательность мою за всѣ желанія, коими сопровождаете вы меня въ путь, судьбами Вышняго мнѣ предуставленный. Среди трудовъ и попеченій, Промысломъ на меня возложенныхъ, утѣшительно мнѣ вѣрить, что мольбы людей добродѣтельныхъ, какъ вы, привлекутъ на царство мое благословеніе и покровительство небесъ, и что благодать Вышняго поможетъ мнѣ оправдать и совершить надежды вѣрныхъ моихъ подданныхъ, въ числѣ коихъ я нахожу истинную славу и удовольствіе считать васъ, коего службу, разумъ и добродѣтель я всегда отлично уважалъ и съ симъ чувствомъ всегда пребываю вамъ доброжелательный».

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

Князь Репнинъ не могъ воспользоваться милостивымъ расположеніемъ къ нему новаго императора: онъ скончался 12-го мая 1801 года.

56) 12-го (24-го) мая 1801 года графъ Кочубей въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову высказывается, по этому поводу, слѣдующимъ образомъ: «Ses vues (т. е. императора) sont excellentes. Les mots de l'utilité publique, du bien de la patrie, sont sans cesse dans sa bouche parce qu'ils sont depuis longtemps empreints dans son coeur; mais il n'est malheureusement pas aussi bien secondé qu'il voudrait l'être. Personne ne s'entend ici. Les gens qui occupent les premières places font, si je peux m'exprimer ainsi, autant de puissances séparées. Chacun travaille d'après sa tète et ses vues, et il n'y a aucun ensemble. De là un décousu dans les différentes branches d'administration; de là beaucoup d'abus continuent de se perpétuer». Архивъ князя Воронцова. Книга 18-я, стр. 239.

57) Записки графа Евграфа Ѳедотовича Комаровскаго. «Русскій Архивъ» 1867 года, стр. 562.

58) Записки Державина, стр. 759 (Сочиненія Державина, т. 6-й).

59) Рукописный журналъ 1815 года.

60) N. Tourgueneff: La Russie et les Russes.—Paris. 1847. T. I, p. 519. «C'est parce que son coeur ne lui permettait pas de rester entièrement inaccessible aux voeux dictés par le désir du bien général, qu'il a mérité les égards, l'estime et les respects des hommes bien intentionnés. Ce sentiment et son zèle pour le bien public, bien qu'ils n'aient pas été féconds en résultats utiles, n'en feront pas moins vivre avec honneur son nom dans l'histoire. Alexandre sans doute est mort despote, mais il était né pour être mieux que cela».

61) Souvenirs de madame Vigée Le Brun.—Paris, 1869. T. II, p. 80.

62) Записки Ф. Ф. Вигеля. Часть 1-я. стр. 180.

63) 22-го января 1801 года Каразинъ, за собраніе матеріаловъ къ исторіи медицины въ Россіи, также и къ исторіи финансовъ, награжденъ чиномъ коллежскаго ассесора.

64) Подлинное письмо В. Н. Каразина, которое 22-го марта лежало на столѣ императора Александра, хранится въ Военно-ученомъ архивѣ, отд. IV, № 127. Оно во многихъ частяхъ разнится съ письмомъ, напечатаннымъ (съ большими пропусками) въ «Русской Старинѣ» 1870 года. Каразинъ возстанавливалъ свое достопамятное письмо по оставшимся у него черновымъ набраскамъ и поэтому неизбѣжно явилась нѣкоторая разница между подлинникомъ и послѣдующею редакціею письма, которая, судя по замѣткѣ самого автора, относится къ 1812 году. См. въ приложеніяхъ письмо Каразина въ его настоящемъ видѣ.

65) 11-го апрѣля 1801 года, В. Н. Каразинъ за труды, которые были лично извѣстны его величеству, пожалованъ (черезъ чинъ) въ коллежскіе совѣтники, и въ тотъ же день награжденъ богатымъ перстнемъ.

66) «Русскій Архивъ» 1876 года. Книга 1-я, стр. 126.

67) Можетъ быть, къ этому времени относится нижеслѣдующая собственноручная записка императора Александра, найденная въ его бумагахъ послѣ его кончины и подаренная императоромъ Николаемъ графу Дибичу въ 1826 году.

«Tu dors malheureux et un tas d'affaires t'attendent. Tu négliges tes devoirs pour te livrer au sommeil ou aux plaisirs, et les malheureux souffrent pendant que tu te vautres sur tes matelats. Quelle honte, tu n'a pas le courage de surmonter cette paresse qui a été toujours ton apanage. Lève-toi, secoue le joug de tes propres faiblesses, redeviens homme et citoyen utile de ta patrie». Военно-ученый архивъ, отд. 1, № 969.

68) Вице-президентъ военной коллегіи Иванъ Варѳоломеевичъ Ламбъ, генералъ-отъ-инфантеріи. Умеръ въ декабрѣ 1801 года.

69) Рѣчь Н. Ф. Павлова, сказанная въ Москвѣ 3-го сентября 1856 года.

70) Klopstock's Werke. 7-ter Band.—Leipzig, 1804, p. 50.

Подобныя же мысли и образы, какъ у Клопштока, встрѣчаются и въ произведеніяхъ русскихъ писателей. Напр.: стихи его императорскому величеству Александру Первому, самодержцу всероссійскому, при восшествіи на престолъ. Москва 1801. Въ концѣ стиховъ подпись: Владиміръ Измайловъ. Москва, 1801 года 15-го марта.

71) Alexander von Russland. Mannheim, bei dem Hofbuchhändler F. Kaufmann. Похвальное слово посвящено Лейпингенскому наслѣдному принцу (Dem Erbprinzen von Leiningen). Въ книгѣ не указано года изданія: по содержанію, похвальное слово должно быть отнесено къ 1802 году, такъ какъ въ немъ упоминается о первомъ посѣщеніи Риги императоромъ. Можетъ быть, авторъ былъ очевидцемъ восторженной встрѣчи, учиненной Александру населеніемъ этого города.

72) А. Пыпинъ: Русскія отношенія Бентама.

73) По каталогамъ Сопикова и Смирдина, общее число одъ на восшествіе на престолъ и на коронованіе Александра I простиралось до 57-ми.

74) Рѣчь въ торжественномъ собраніи Академіи наукъ по случаю столѣтняго юбилея Александра I, академика М. И. Сухомлинова.—С.-Петербургъ, 1877, стр. 4.

Къ разряду этихъ хвалебныхъ литературныхъ произведеній слѣдуетъ также отнести еще одно, хотя и позднѣйшее прозаическое сочиненіе Павла Львова: Нума Помпилій Александру I монарху Россіи.—С.-Петербургъ, 1803. Оно отражаетъ въ себѣ всецѣло тѣ чувства восторга и любви, которыми преисполнено было русское образованное общество въ 1801 году къ воцарившемуся государю. Въ предисловіи авторъ говоритъ, что, излагая достохвальныя свойства богоподобнаго Нумы, онъ имѣлъ передъ глазами самый лучшій подлинникъ царей добродѣтельныхъ: «Я взиралъ на Александра I и описывалъ Нуму. Тотъ и другой оба равны. Нума былъ Александръ въ Римѣ; а Александръ днесь Нума въ Россіи». Не позабыта была и Екатерина; авторъ пишетъ, что сердце каждаго сына Россіи познаетъ въ богинѣ Астреѣ «ту великую царицу и премудрую законодательницу, коею воспитанъ Александръ ради блаженства народовъ, обширное владычество его населяющихъ».

75) Такое заглавіе ода Державина имѣла въ рукописи и въ тѣхъ спискахъ, которые въ 1801 году ходили по рукамъ.

76) Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I, А. Н. Пыпина (Изданіе 2-е).—С.-Петербургъ, 1885, стр. 103.

77) «A la dureté de Paul succéda une licence effrénée. Le libéralisme fut à l'ordre du jour. A son avénement Alexandre annonça son intention de régner à l'exemple de sa grand mère Catherine II. On ne parlait que du manifeste qui contenait cette phrase banale et ridicule; de la beauté du jeune Empereur et de la liberté que l'on respirait. Hélàs quelle liberté.—Il fallut qu'Alexandre basculat! Sa mère lui en voulait, la noblesse de même, le parti de son père l'abhorait! Néanmoins quand une main puissante relàche un noeud prêt à étrangler on baise la main qui le relàche! Le couronnement fut annoncé. On se rendit à Moscou qui dans l'enivrement se crut ressuscitée. Tant il est vrai, comme dit Machiavel, que les petites offenses sont toujours plus sensibles que les grandes! Le pantalon et le chapeau rond prohibés firent détester Paul par les notables et non notables. Les marchands et le peuple l'aimaient! La permission de se mettre en polichinelle, l'échange des poignées de main, un bavardage sans frein, firent aimer Alexandre, le lendemain de sa souveraineté» (Изъ неизданныхъ записокъ Д. П. Рунича).

Изъ этой картины начала правленія Александра, начертанной Руничемъ, можно видѣть, что онъ уже тогда придерживался взглядовъ, омрачившихъ его позднѣйшую государственную дѣятельность. Для него были, конечно, чужды и непонятны чувства безпредѣльнаго восторга, которыя должны были ощущать въ большей или меньшей степени всѣ образованные люди этой эпохи, испытавшіе четыре года сряду тяжкій произволъ, отъ котораго Екатерина отучила Россію; поэтому воцареніе Александра и не могло ему казаться зарею пробужденія.—Что же касается замѣчанія Рунича, что народъ и купцы любили Павла, то едва ли это справедливо. Фонъ-Визинъ пишетъ въ своихъ запискахъ, что восторгъ, по поводу событій 1801 года, изъявляло одно дворянство, между тѣмъ какъ прочія сословія приняли вѣсть о кончинѣ Павла довольно равнодушно—это будетъ ближе къ истинѣ; народная масса издавна привыкла относиться довольно равнодушно къ перемѣнамъ въ правленіи, что выказалось и въ разсматриваемомъ случаѣ.

78) Записки Державина, стр. 758 (Сочиненія Державина, т. 6-й). «Началось неуваженіе законовъ и самые безпорядки въ Сенатѣ: охуждая правленіе императора Павла начали безъ разбора, такъ сказать, все коверкать, что имъ ни сдѣлано». Неудовольствіе

Державина противъ новой эры возросло до того, что онъ нашелъ возможнымъ совмѣстить въ умѣ своемъ понятіе объ уваженіи законовъ, сопоставляя его съ дѣяніями павловскаго царствованія.

79) Державинъ излилъ даже гнѣвъ свой на друзей Александра въ баснѣ «Жмурки», сочиненной въ 1805 году (Сочиненія Державина, т. 3-й стр. 554).

80) Записки А. С. Шишкова, т. 1-й, стр. 84—85.

81) Записки Ф. Ф. Вигеля. Москва, 1892. Ч. 2-я. стр. 13.

82) «Quand j'ai des mouches qui me bourdonnent autour du nez, je les chasse». Mémoires du prince Adam Czartoryski. T. I, p. 226.

83) Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ назначенъ былъ генералъ-отъ-инфантеріи Михаилъ Иларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ.

По свидѣтельству современниковъ, окончательный разрывъ графа Палена съ государемъ произошелъ по поводу иконы, помѣщенной императрицей Маріей Ѳеодоровной въ церкви воспитательнаго дома. На этой иконѣ находилась надпись: текстъ, заимствованный изъ Св. Писанія, изъ Книги Царей. Графъ Паленъ приказалъ снять икону и представилъ ее императору.

84) Записки Ф. Ф. Вигеля. Часть 1-я, стр. 181.

Не всѣ приближенныя къ Александру лица осуждали дѣятельность графа Палена. Такъ, напримѣръ, графъ Кочубей писалъ 12-го (24-го) мая 1801 года графу С. Р. Воронцову: «Rien n'a pris encore une assiette solide. Il s'est formé des parties, et l'on voit parci par-là des gens qui s'imaginent, je crois, que ce n'est pas par ordre de succession que l'Empereur est parvenu au trône, mais parce qu'on l'a bien voulu. Il me semble qu'il faudra en venir à un peu plus d'énergie. Pahlen est l'homme pour la faire exécuter. Il a une tête bien ouverte et une activité qui, réunie à l'opinion publique qui est pour lui, le rendent, selon moi, bien utile dans cette lutte des passions et après un règne de fer. Au désespoir a succédé l'ivresse de la joie, du bonheur. Tout cela est un état violent, et il faut bien de la mesure dans toute la marche du gouvernement et dans la police» (Архивъ князя Воронцова. Книга 18-я, стр. 241).

85) Засѣданія негласнаго комитета совершенно прекратились въ концѣ 1803 года, когда первый преобразовательный пылъ Александра уступилъ мѣсто новому увлеченію: стать во главѣ зарождавшейся европейской коалиціи противъ Франціи.

86) Для исторіи царствованія императора Александра было бы весьма важно ознакомиться съ французскимъ подлинникомъ записокъ графа Строгонова о негласномъ комитетѣ въ полномъ ихъ объемѣ. Къ сожалѣнію, намъ удалось это сдѣлать только относительно записокъ графа Строгонова о совѣщаніяхъ съ императоромъ Александромъ, предшествовавшихъ открытію самаго комитета. Въ «Вѣстникѣ Европы» 1856 года (т. 1-й, стр. 172—194) напечатано было лишь извлеченіе изъ засѣданій комитета въ русскомъ переводѣ; изрѣдка встрѣчаются нѣсколько строкъ французскаго текста. То же самое, въ нѣсколько иномъ видѣ, сдѣлалъ Богдановичъ въ своей исторіи Александра I-го.

87) См. въ приложеніяхъ записку графа Строгонова: «Essai sur le système à suivre dans la réformation de l'administration de l'Empire». — Présenté le 9 Mai 1801.

88) Ф.-Ц. Лагарпъ, М. И. Сухомлинова, стр. 72.

89) Въ противоположность охранительнымъ взглядамъ Лагарпа можно привести мнѣніе князя Чарторижскаго, высказанное въ негласномъ комитетѣ: онъ замѣтилъ, что право помѣщиковъ на крестьянъ столь ужасно (si horrible), что не должно ничего опасаться при его нарушеніи.

90) «Il avait eu le bon esprit de ne pas vouloir assister à nos réunions, et l'Empereur l'avait aussi préféré afin d'échapper, je suppose, aux caquetages. — On lui disait cependant toujours qu'il était un de nos collègues, et qu'à nos réunions il y avait toujours une chaise qui l'attendait; aussi en partant il nous assura qu'en esprit il prendrait toujours part à nos délibérations». Mémoires du prince A. Czartoryski. T. 1-er, p. 273.

91) Ф.-Ц. Лагарпъ. М. И. Сухомлинова. стр. 85.

92) Ф.-Ц. Лагарпъ, М. И. Сухомлинова, стр. 86.

93) Архивъ князя Воронцова. Книга 11-я, стр. 148, письмо графа Н. П. Панина отъ 11-го (23-го) августа 1801 года.

94) Императоръ Александръ сказалъ графу Кочубею: «Je désirerais que vous écrivissiez au comte de W. C'est au sujet de Laharpe. Je ne l'ai pas fait venir, mais voici ce qui s'est passé. Laharpe m'écrivit une lettre de félicitation à mon avénement au trône et me marqua qu'il se croirait fort heureux, si après m'avoir approché pendant tant d'années, il pouvait encore me voir une fois momentanément. J'ai cru que je ne pouvais lui refuser sa demande, et je lui fis écrire qu'il pouvait venir; mais d'ailleurs qu'est ce que cela peut faire aux affaires qui iront toujours leur train, et Laharpe ne pourra sans doute y prendre aucun part». Графъ Кочубей, сообщая Воронцову разговоръ съ государемъ, присовокупляетъ: «Voilà mot pour mot les paroles de l'Empereur».

Архивъ князя Воронцова. Книга 14-я, стр. 154, письмо графа Кочубея отъ 6-го (18-го) августа 1801 года.

95) Всѣ эти разсужденія графа С. Р. Воронцова встрѣчаются въ позднѣйшемъ письмѣ его къ графу Ростопчину изъ Лондона, отъ 7-го іюня 1814 года, въ которомъ онъ возвращается къ оцѣнкѣ первыхъ годовъ царствованія Александра.—Matériaux en grande partie inédits pour la biographie future du comte Théodore Rostoptchine (tiré à douze exemplaires).—Bruxelles, 1864, p. 372.

96) «Chaque phrase du comte Simon commençait et finissait par le Sénat, et, quand il ne savait que dire et que répondre, il se répétait sans rien ajouter». Mémoires du prince Adam Czartoryski. T. I, p. 304.

97) Насколько англичане были довольны переворотомъ, послѣдовавшимъ въ русской политикѣ послѣ 12-го марта 1801 года, можно видѣть изъ письма лорда Витворта къ графу С. Р. Воронцову, отъ апрѣля 1801 года:

«Comment vous exprimer tout ce que je ressens de ce coup de Providence? Plus je le contemple, plus j'en remercie le Ciel. Enfin donc nous pouvons espérer de voir renaître le bon temps où la Russie et l'Angleterre ne faisaient qu'un».

Архивъ князя Воронцова. Книга 29-я, стр. 394.

98) Относительно выбора новаго великаго магистра сказано: «Какъ скоро съ согласія прочихъ дворовъ можно будетъ назначить мѣсто и средства къ созыву генеральнаго капитула державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, то первый подвигъ нашего покровительства будетъ содѣйствіе къ избранію великаго магистра, достойнаго предводительствовать орденомъ и возстановить оный въ древнее его достояніе».

Манифестъ 16 марта контрасигнировалъ великій канцлеръ фонъ-деръ-Паленъ.

99) Въ «Монитерѣ» были напечатаны слѣдующія многозначательныя строки:

«Paul I est mort dans la nuit du 24 au 25 Mars. — L'escadre anglaise a passé le Sund le 31. — L'histoire nous apprendra les rapports qui peuvent exister entre ces deux événements».

100) Mémoires du prince Adam Czartoryski, T. I, p. 285.

101) Въ такихъ выраженіяхъ Дюрокъ сдѣлалъ характеристику императора Александра для перваго консула. Почти въ такихъ же выраженіяхъ Дюрокъ сообщилъ свои впечатлѣнія Талейрану, немедленно послѣ пріѣзда въ Петербургъ: «Le nouvel Empereur est très aimé, parce qu'il fait tout ce qu'il peut pour l'être et qu'à la gêne et à la tyrannie, sous laquelle on vivait sous Paul I, il a fait succéder une grande liberté». Сборникъ И. Р. И. О., т. 70-й, стр. 161 и 180.

Нѣсколько позднѣе, 28-го августа (9-го сентября) 1802 года, французскій посолъ генералъ Гедувиль писалъ Талейрану объ Александрѣ: «Il a trop peu de représentation, et il est certain que sa bonté et son économie ne sont pas appreciées par les russes et principalement par les nobles, qui veulent être frappés par l'éclat, sont avides de richesses et ont besoin d'être menés rudement. Où trouveraient-ils un plus honnête homme et plus occupé du bonheur de ses peuples? Les souverains sont ici plus qu'ailleurs sur un volcan et leur grandeur ne peut les dédommager de leur pénible existence».

102) Любопытно, что первый консулъ вмѣнилъ Дюроку въ обязанность отзываться объ императрицѣ Екатеринѣ II, «какъ о государынѣ, предвидѣвшей паденіе Турецкой имперіи и вполнѣ постигавшей, что процвѣтаніе русской торговли зависитъ отъ напра-

вленія ея къ югу».—Бонапартъ не могъ, конечно, представить себѣ, что Александръ относится отрицательно къ политической дѣятельности своей великой бабки.

103) Въ запискѣ графа Панина о политической системѣ Россіи (Du système politique de la Russie) сказано: «Celui, qui conduit la négociation avec la France, est incapable et doit être relevé». Кромѣ того, въ письмѣ его къ графу С. Р. Воронцову отъ 11-го августа 1801 года, читаемъ: «On est mécontent de Kolytchew là-bas et ici. Le pauvre homme est au-dessous d'une grande mission».

А. Брикнеръ: Матеріалы для жизнеописанія графа Н. П. Панина. Т. 6-й, стр. 27 и 173.

104) Mémoires du prince Adam Czartoryski. T. I, p. 357.

105) Графъ Морковъ—императору Александру. Парижъ, 1-го (13-го) октября 1801 года.

106) Еще ранѣе заключенія мира съ Франціею были возстановлены дружественныя сношенія съ Испаніею; трактатъ былъ подписанъ въ Парижѣ 22-го сентября (4-го октября) 1801 года.

107) Сборникъ И. Р. И. О., т. 70-й, стр. 286: Рескриптъ императора Александра графу Моркову отъ 4-го (16-го) ноября 1801 года.

108) «L'Empereur a été content de la signature de la paix avec la France, mais le ton du premier Consul et celui de Talleyrand ne lui a pas plu; il lui est échappé de dire: «какіе мошенники!». Je vous rapporte cette circonstance, qui prouve qu'il n'est pas prévenu aussi favorablement pour les Français qu'on le pense communément».

Графъ Кочубей графу Александру Романовичу Воронцову, 22-го октября (3-го ноября) 1801 года. Архивъ князя Воронцова. Книга 14-я, стр. 161.

109) Дворъ отправился въ Москву въ три пріема. Въ первомъ поѣздѣ великіе князья Николай и Михаилъ Павловичи съ сестрою Анною Павловною; во второмъ—императрица Марія Θеодоровна съ другими великими княжнами, и въ третьемъ—императоръ съ императрицею.

Путешествіе государя вызвало слѣдующій рескриптъ, данный 1-го сентября на имя графа Н. П. Румянцева, главнаго директора водяныхъ коммуникацій и экспедиціи устроенія дорогъ въ государствѣ: «извѣщаясь по слухамъ и удостовѣрясь по разспросамъ, на мѣстѣ учиненнымъ, что московская дорога, незадолго до моего путешествія исправленная, не была для всѣхъ открыта, но одну ея часть берегли только для меня, а другую, въ самомъ дурномъ состояніи бывшую, оставляли для проѣзжающихъ, которые должны были терпѣть всю невыгоду безпокойства», государь поручалъ графу Румянцеву дать почувствовать чиновникамъ дорожной экспедиціи, сколь неосмотрительно поступили они въ семъ случаѣ и пренебрегли правиломъ, «что когда съ одной стороны полезно и нужно содержать дороги въ порядкѣ и исправности, то съ другой справедливо, чтобъ оными всѣ и каждый безъ различія состояній пользовались свободно».

Въ этихъ немногихъ словахъ вполнѣ обрисовывается характеръ новой эпохи, наступившей послѣ Павла I.

Въ такомъ же духѣ былъ составленъ рескриптъ къ новгородскому гражданскому губернатору Обольянинову отъ 1-го сентября 1801 года относительно того, что при проѣздахъ государя не дѣлать никакихъ встрѣчъ или особыхъ приготовленій, могущихъ составить излишнюю тягость для обывателей. Рескриптъ состоялся по поводу зажженныхъ по обѣимъ сторонамъ огней, «каковая иллюминація продолжалась на цѣломъ 16-тиверстномъ разстояніи къ Чудову, и сколько сама по себѣ была безполезна, столько наипаче тягостна жителямъ, къ ней употребленнымъ, и селенія даже подвергала опасности пожара». Повелѣвалось о семъ распоряженіи сообщить въ Тверскую губернію.

110) Записки Ф. Ф. Вигеля. Москва, 1892. Ч. 1-я, стр. 189.

111) Н. М. Снегиревъ: Жизнь московскаго митрополита Платона. Москва, 1856 (2-е изданіе).

112) Не всѣ царедворцы остались довольны рѣчью митрополита Платона и предсказывали ему неудовольствіе за смѣло высказанную правду; но недоброжелатели его ошиблись. Александръ оцѣнилъ по достоинству слово Платона; по высочайшему повелѣнію оно было напечатано и переведено на латинскій, греческій, французскій, итальянскій и нѣмецкій языки. Вся Европа читала это слово.

113) Жизнь митрополита Платона, Снегирева. Ч. 2-я, стр. 9.

Сочиненіе это, написанное на основаніи достовѣрныхъ источниковъ, заслуживаетъ полнаго довѣрія и вниманія. Между тѣмъ Богдановичъ въ Исторіи царствованія императора Александра Перваго описываетъ этотъ моментъ иначе, не упоминая источника, изъ котораго заимствовалъ свое описаніе: «Когда Александръ подошелъ къ митрополиту для принятія святыхъ даровъ, святитель вручилъ ему чашу, чтобы онъ по уставу церкви причастился самъ, какъ Помазанникъ Божій, въ день вѣнчанія на царство. Но государь смиренно возвратилъ ему чашу, пожелавъ принять Тѣло и Кровь Христовы наравнѣ со всѣми вѣрующими».

Замѣтимъ здѣсь еще, что Александръ, при короновании, не возложилъ на себя, по примѣру родителя, царскаго далматика.

114) Ег. Ковалевскій: Графъ Блудовъ и его время.—С.-Петербургъ, 1866, стр. 24.

115) Снегиревъ: Жизнь митрополита Платона. Ч. 2-я, стр. 10.

Разсказываютъ, что митрополитъ Платонъ по прибытіи въ Москву императора, съ намѣреніемъ уколоть князя Платона Зубова, сказалъ ему: «Дай Богъ, чтобъ Александръ долго царствовалъ, дабы не утруждать такъ часто нашу старость такимъ образомъ».— «Будьте спокойны, владыко», отвѣчалъ князь Зубовъ: «вы уже не будете имѣть нужды подъять такой трудъ: Александръ не вашъ ученикъ». — Анастасевичъ, въ запискахъ котораго приведенъ этотъ разговоръ, прибавляетъ: «Отвѣтъ острый и справедливый» (Рукопись Публичной библіотеки).

116) Воспоминанія Аполлинарія Петровича Бутенева. «Русскій Архивъ», 1881 года. Книга 3-я, стр. 26.

Въ 1895 году въ Петербургѣ изданъ французскій подлинникъ этихъ записокъ: «Souvenirs de mon temps par Apollinaire Bouténeff. 1787—1866. St.-Pétersbourg, 1895».

117) М. Н. Макаровъ: «Воспоминанія о коронаціи императора Александра I», въ «Памятникахъ новой русской исторіи». Сборникъ Кашпирова.—С.-Петербургъ, 1871. Т. 1-й, стр. 76.

118) Стихотворенія В. Жуковскаго. С.-Петербургъ, 1849. Т. 2-й, стр. 161.

119) Вновь пожалованы двѣ андреевскія ленты (генераламъ Ламбу и Беклешову) и четыре александровскія. Затѣмъ нѣкоторые сановники получили ордена, украшенные брильянтами, табакерки съ портретомъ, чины и пр.

Фельдмаршалъ графъ Н. И. Салтыковъ получилъ портретъ, алмазами украшенный. Баронъ Васильевъ возведенъ въ графское достоинство. Графъ Николай Александровичъ Толстой назначенъ оберъ-гофмаршаломъ, князь П. М. Волконскій генералъ-адъютантомъ и прочее.

Современникъ пишетъ: «Никто не обидѣлся, никто не удивился бережливости царя при раздачѣ милостей въ сей памятный день. Всѣ были напуганы столько же жестокостію, какъ и расточительностію его родителя. И, дѣйствительно, искусство награждать есть великое искусство». (Вигель. Ч. 1-я, стр. 191).

Въ дѣлѣ Государственнаго Архива, разрядъ V, № 206, имѣются собственноручныя отмѣтки и записки императора Александра о награжденіяхъ по случаю коронованія 1801 года.

120) Въ негласномъ комитетѣ, въ засѣданіи 29-го іюля (10-го августа) 1801 года императоръ Александръ, упоминая о наградахъ, которыя онъ былъ намѣренъ раздать въ Москвѣ, замѣтилъ, что никому не дастъ крестьянъ, и что въ этомъ отношеніи онъ не отступитъ отъ принятаго имъ намѣренія.

121) Указъ 27-го сентября вызванъ былъ слѣдующимъ случаемъ, происшедшимъ въ Казани; вслѣдствіе частыхъ пожаровъ арестованъ былъ по подозрѣнію въ зажигательствѣ одинъ гражданинъ и «пытками и мученіемъ исторгнуто у него признаніе», на основаніи котораго его предали суду и осудили на казнь. Слѣдствіе, произведенное по высочайшему повелѣнію флигель-адъютантомъ Албедилемъ, обнаружило, что «не въ первый разъ допущены тамошнимъ правительствомъ таковыя безчеловѣчныя и противозаконныя мѣры».

122) Графъ Кочубей въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову отъ 6-го октября 1801 года пишетъ: «C'est Panin, comme vous savez, qui lui a porté la première parole au sujet

de la régence; or, l'Empereur pousse ses scrupules jusqu'au point de trouver, qu'il était criminel de sa part, à lui Empereur, de songer à cette régence. C'est en vérité cependant une chose que tout homme sensé lui aurait conseillée». Архивъ князя Воронцова. Книга 18-я, стр. 245.

123) Князь Адамъ Чарторижскій въ своихъ запискахъ пишетъ: «L'empereur avait une grande envie de s'en débarasser, il le gênait, lui était odieux et suspect». (Стр. 277).

Графъ Ростопчинъ, одинъ изъ самыхъ ярыхъ противниковъ графа Панина, отзывался о немъ 17-го февраля 1801 года въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «C'est un véritable démon d'intrigue et un enfant légitime de Machiavel». Архивъ князя Воронцова. Книга 14-я, стр. 146.

124) Императоръ Александръ сказалъ графу Кочубею: «qu'il lui était impossible de ne pas accepter la démission du comte de Panin sans se compromettre lui-même, parce qu'il se serait cru dès lors si nécessaire, qu'on n'en serait pas venu à bout». Архивъ князя Воронцова. Книга 18-я, стр. 245 (Письмо графа Кочубея—графу С. Р. Воронцову изъ Москвы отъ 6-го октября 1801 года).

125) Матеріалы для жизнеописанія графа Н. П. Панина. Томъ 6-й, стр. 625.

126) Относительно московскихъ празднествъ князь Чарторижскій въ своихъ запискахъ пишетъ: «Il y avait une sorte de mélancolie répandue sur les commencements de ce règne qui contrastait avec l'éclat qu'on voulut lui donner aux fêtes du couronnement... Le jeune et beau couple qu'on allait couronner n'avait pas l'apparence du bonheur... Les fêtes du couronnement furent pour Alexandre une source de tristesse rodoublée... il avait des heures d'anéantissement, au point que l'on craignait pour sa raison... je m'évertuai à adoucir l'amertume des reproches qu'il ne cessait de se faire. Je tâchais de le racommoder avec lui-même, avec la grande tâche qu'il avait devant lui... Mes exhortations n'obtenaient qu'imparfaitement leur effet, elles contribuèrent pourtant à l'engager à prendre assez d'empire sur lui même pour que le public ne pût trop lire dans son âme. Mais le ver rongeur y resta toujours». Mémoires du prince Adam Czartoryski. T. I, pp. 290—292. Душевное настроеніе Александра, очерченное здѣсь Чарторижскимъ, объясняетъ многое въ послѣдующихъ событіяхъ этого царствованія.

127) «Вѣстникъ Европы» 1866 года, т. 1-й, стр. 172, и Богдановичъ: Исторія Александра I (т. 1, приложенія стр. 38).

128) Рукою Сперанскаго въ концѣ грамоты написано карандашомъ: «и дана въ престольномъ градѣ нашемъ Москвѣ, сентября дня 1801 года».

129) Засѣданіе 15-го іюля 1801 года.

130) Строгоновъ пишетъ: «Видно, что неблаговоленіе государя къ проекту Воронцова распространялось и на самого его составителя; по крайней мѣрѣ, Чарторижскій, замѣтивъ то, сказалъ въ заключеніе засѣданія: «желательно было бы, чтобы государь почаще видался съ Воронцовымъ и совѣщался съ нимъ почаще; хотя Воронцовъ старъ, но идеи его молоды, и притомъ онъ не держится старыхъ предразсудковъ». Императоръ возразилъ, что онъ съ нимъ видится, но что хотя Воронцовъ кажется свободнымъ отъ старыхъ предразсудковъ, однако упорно держится своихъ идей; однимъ словомъ, что онъ не имѣетъ о графѣ Воронцовѣ того понятія, какого отъ него желаютъ.—Чарторижскій не соглашался съ государемъ и замѣтилъ, какъ опасно оскорблять такого человѣка, какъ Воронцовъ».

131) Засѣданіе 23-го іюля 1801 года.

132) Такъ называется въ англійскомъ законодательствѣ право каждаго гражданина требовать своего освобожденія отъ ареста, который онъ считаетъ несправедливымъ; оно даровано еще въ 1679 году и составляетъ до сихъ поръ краеугольный камень личной свободы въ Англіи.

133) Упомянемъ здѣсь еще объ одномъ манифестѣ 1801 года, которымъ отмѣнялось также одно изъ дѣяній царствованія Павла I-го; онъ появился 12-го (24-го) декабря 1801 года и возстановлялъ «во всей ихъ силѣ и пространствѣ» статуты орденовъ св. Георгія и св. Владиміра, учрежденные Екатериною II. Относительно правъ къ полученію ордена св. Владиміра послѣдовали нѣкоторыя дополненія и поясненія къ первоначальному его статуту.

134) Припомнимъ, что императрица Екатерина писала еще въ 1791 году о Каменскомъ слѣдующее: «Онъ столько шалитъ, какъ можетъ, и показываетъ, что ни гроша нѣтъ соображенія... его дурачества всѣхъ огорчаютъ до крайности».

135) Записки В. Н. Геттуна 1771—1815. «Историческій Вѣстникъ» 1880 года.

136) Записки графа Е. Ѳ. Комаровскаго. «Русскій Архивъ» 1867 года, стр. 575.

137) Архивъ князя Воронцова: книги 14-я и 18-я.

1-го (13-го) мая 1801 года, графъ Кочубей писалъ: «Je servirai volontiers l'Empereur dans l'intérieur, s'il juge à propos de m'employer, mais la carrière diplomatique j'y renonce bien volontiers et à jamais». (Книга 18-я, стр. 238).

138) По поводу политической программы графа Кочубея въ запискахъ князя Чарторижскаго встрѣчается слѣдующее замѣчаніе: «Ce système, qui a beaucoup de vrai et de spécieux, a l'inconvénient de faire tomber dans la nullité le pays qui le suit trop à la lettre; il risque alors de devenir le complaisant et le jouet des gouvernements plus entreprenants et plus actifs de son époque. Ce système, si l'on veut s'y tenir constamment, exige aussi beaucoup de tact et de fermeté négative, pour ne pas se laisser entraîner à des velléités de demi-action bien difficiles à éviter dans la situation actuelle des rapports européens». Mémoires du prince Adam Czartoryski. T. I, pp. 292—293.

139) Архивъ князя Воронцова. Книга 28-я, стр. 451.

140) J'ai trouvé l'Empereur récalcitrant... prévenu de la manière la plus favorable pour le roi de Prusse personnellement et pour son ministère. J'ai découvert que ce prince avait écrit des lettres particulières à l'Empereur, dont le ministère ici n'a eu aucune connaissance. Cette correspondance, et plus encore, les démarches du prince héréditaire de Meklenbourg, du duc de Holstein et de tous ces ministres de famille que nous avons vus à Pavlovsk, ont je crois laissé des traces profondes et sans doute bien nuisibles pour un système d'impartialité, qui, selon moi, peut seul nous convenir».

Архивъ князя Воронцова. Книга 14-я, стр. 172: Письмо графа Кочубея графу С. Р. Воронцову, отъ 27-го ноября 1801 года.

141) 27-го января продолжалось въ комитетѣ чтеніе записки графа Кочубея; но въ извлеченіи изъ «засѣданій неофиціальнаго комитета», сообщенномъ Богдановичемъ въ его исторіи Александра I, не встрѣчается болѣе никакихъ подробностей о впечатлѣніи, произведенномъ трудомъ Кочубея на его слушателей.

142) Посредникомъ въ подготовленіи мемельскаго свиданія государь избралъ генералъ-адъютанта князя Петра Петровича Долгорукова; онъ ѣздилъ въ Берлинъ съ письмами и, вѣроятно, съ устными порученіями къ королю Фридриху Вильгельму III.

143) Въ письмѣ отъ 7-го (19-го) мая 1802 года графъ Кочубей пишетъ графу С. Р. Воронцову: «Il compte se mettre en route le 20 de ce mois pour faire une tournée dans quelques provinces, comme la Livonie, la Courlande, la Lithuanie etc., mais principalement pour avoir une entrevue avec le roi de Prusse à Memel. J'espère, mon digne ami, n'avoir aucun besoin de vous assurer que je n'ai eu aucune part à une démarche aussi impolitique, et qu'il n'a pas dépendu de moi de l'empêcher. Il s'est trouvé que l'Empereur sans en rien dire à personne, avait encore l'année passée promis au roi de Prusse de le voir quelque part sur la frontière, et le tout s'est passé par l'entremise du prince héréditaire de Mecklenbourg, son beau frère, un sot du premier ordre. Il y a trois semaines que, mandé à la Cour, l'Empereur me fit part de ce voyage et me donna l'ordre de faire la marche-route. J'en ai été et j'en suis encore très fâché. Qui s'imaginera que deux souverains se déplacent pour voir quelques régiments? Et au fond cela n'est pas autre chose. Qui s'imaginera qu'un ministre des affaires étrangères n'a eu aucune connaissance de cette equipée? Et cela n'est cependant que trop vrai. Quoiqu'il en soit, j'accompagne l'Empereur».

Архивъ князя Воронцова. Книга 18-я, стр. 271.

144) Недаромъ графъ Кочубей писалъ въ 1801 году: «Dieu veuille que nous n'ayons de longtemps rien à démêler avec ces malheureuses affaires de l'Europe, qui nous ont fait tant de mal». Архивъ князя Воронцова. Книга 18-я, стр. 241.

145) См. въ приложеніяхъ рѣчь Паррота.

146) Императоръ Александръ въ Ригѣ 24-го, 25-го и 26-го мая 1802 года. (Переводъ съ нѣмецкаго). С.-Петербургъ 1802. Книга посвящена императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ

147) Storch: Russland unter Alexander dem Ersten.—St.-Petersburg und Leipzig.—Band IV, p. 337 (Reise des Kaisers nach Memel, 1802).

Подробности пребыванія императора Александра въ Мемелѣ можно найти въ брошюрѣ, изданной въ Кенигсбергѣ въ 1802 году: «Beschreibung der festlichen Tage in Memel, bei der Anwesenheit S. K. M. des Beherrschers von Russland und Ihre Majestäten des Königs und der Königin von Preussen, nebst Höchst-Denenselben überreichten Gedichten. Königsberg. 1802.

148) Gräfin Voss: Neunundsechszig Jahre am preussischen Hof. Leipzig. 1876, p. 242—245.

149) Mémoires du prince Adam Czartoryski. T. I, p. 295.

150) Архивъ князя Воронцова, Книга 18-я, стр. 275. Письмо графа Кочубея отъ 2-го іюня 1802 года изъ Мемеля: «Il n'y a sortes d'attentions, de complaisanses, de courtoisies, dont on ne se soit servi ici pour lui plaire, et cela n'a pas été en vain. Le roi n'a pas soufflé le mot des affaires. Il a été quant à sa personne, exact à ce qui était convenu».

151) Paul Bailleu: Preussen und Frankreich von 1795 bis 1807. Leipzig. 1887. T. 2, p. 103.

152) Mémoires du prince Adam Czartoryski. T. II, p. 112: «Je regarde cette entrevue comme un des événements les plus malheureux qui soient arrivés à la Russie, tant par ses suites immédiates que par celles qu'il a eues depuis et qu'il aura encore. L'amitié intime qu'au bout de quelques jours de connaissance V. M. I. y contracta avec le Roi, fit, qu'elle ne considéra plus dans la Prusse un Etat politique, mais une personne qui lui était chère, et envers laquelle elle croyait avoir des obligations particulières à remplir».

153) «Докладъ министровъ былъ двоякій: отдѣльный и совокупный. Для отдѣльнаго опредѣлены были особенные дни и часы. Совокупный докладъ производился въ общемъ собраніи министровъ, въ присутствіи государя, что и называлось комитетомъ. Слѣдовательно, сей комитетъ былъ ни мѣсто, ни особое установленіе—онъ былъ только образъ доклада» (Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, изд. Калачевымъ, 1859 года: статья Сперанскаго: «О государственныхъ установленіяхъ»).

154) И. И. Дмитріевъ въ запискахъ своихъ: «Взглядъ на мою жизнь» (стр. 180) пишетъ: «Новыя министерства находились подъ вліяніемъ двухъ партій, изъ коихъ въ одной господствовали служивцы вѣка Екатерины, опытные, осторожные, привыкшіе къ старому ходу, нарушеніе коего казалось имъ возстаніемъ противъ святыни. Другая, которой главою былъ графъ Кочубей, состояла изъ молодыхъ людей образованнаго ума, получившихъ слегка понятіе о теоріяхъ новѣйшихъ публицистовъ и напитанныхъ духомъ преобразованій и улучшеній. Такое соединеніе двухъ возрастовъ могло бы послужить въ пользу правительства. Дѣятельная предпріимчивость молодости, соединенная съ образованіемъ нашего времени, изобрѣтала бы способы къ усовершенію и оживляла бы опытную старость, а сія, на обмѣнъ, умѣряла бы лишнюю пылкость ея и избирала бы изъ предлагаемыхъ средствъ надежнѣйшія и болѣе сообразныя съ мѣстными выгодами и положеніемъ государства. Но, къ сожалѣнію, и самыя благородныя души не освобождаются отъ эгоизма, порождающаго зависть и честолюбіе».

155) Трощинскій написалъ впослѣдствіи пространную записку: «О неудобствахъ происходящихъ отъ государственнаго управленія по формѣ единоличной введенной закрытіемъ коллегій и отмѣною коллежскаго обряда и подтвержденной общимъ учрежденіемъ министерствъ 1810 и 1811 годовъ». Въ этой запискѣ высказано мнѣніе, вполнѣ согласное съ взглядами государственныхъ дѣятелей екатерининскаго времени.

Записка Трощинскаго напечатана въ Сборникѣ И. Р. И. О., т. 3-й, стр. 1—163.

156) Баронъ М. А. Корфъ: Жизнь графа Сперанскаго. Т. 1-й, стр. 96. Графъ Кочубей настоялъ на томъ, чтобы Сперанскій состоялъ исключительно при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и писалъ государю: «Зависимость отъ двухъ начальниковъ была бы неумѣстна даже и при дѣйствіи обоихъ по одинаковымъ началамъ, а о г. Трощинскомъ извѣстно, напротивъ, что онъ есть одинъ изъ самыхъ упорныхъ порицателей и враговъ нововводимой системы».

157) Государственный Архивъ. Разрядъ V, № 190.

158) Письмо императора Александра Лагарпу отъ 7-го (19-го) іюля 1803 года. Государственный Архивъ. Разрядъ V, № 190.

Указомъ 8-го сентября 1802 года была образована подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія Комиссія объ училищахъ.

159) Графъ Завадовскій, по поводу назначенія Державина, писалъ графу С. Р. Воронцову: «Вовсе голова министра не по мѣсту: школа Аполлона требуетъ воображенія, вѣсы Ѳемиды держатся здравымъ разсудкомъ». Архивъ князя Воронцова. Книга 12-я, стр. 272.

Графъ Завадовскій, въ свою очередь, не избѣгъ строгой оцѣнки своихъ политическихъ противниковъ; графъ П. А. Строгоновъ писалъ о немъ Новосильцову слѣдующее (28-го октября 1804 года): «Notre instruction publique va un peu lentement. Dieu, après avoir fait le monde en six jours, se reposa le septième, mais notre ministre fait mieux: il ne fait rien les six jours et néanmoins se repose le septième». А. Н. Пыпинъ: Общественное движеніе при Александрѣ. С.-Петербургъ, 1871 (изданіе 1-е), стр. 116.

160) Записки Ф. Ф. Вигеля. Часть 2-я (Рукопись).

161) Жизнь графа Сперанскаго. Т. 1-й, стр. 94.

Противникъ учрежденія министерствъ графъ С. Р. Воронцовъ находилъ, что только одинъ Сенатъ и учрежденія коллегій, основанныя Петромъ Великимъ, могутъ помочь злу, какое дѣлаютъ и будутъ всегда дѣлать министры, которые работаютъ съ государемъ наединѣ и могутъ вводить его въ заблужденія вольно или невольно, по незнанію или обманываемые другими. Онъ пишетъ: «Aucun ministre ne s'opposera jamais aux fausses mesures de son confrère, par la crainte que celui-ci ne s'oppose aux siennes. C'est comme entre les deux médecins de Molière: Passez moi le rhubarbe, je vous passerai le séné». Matériaux pour la biographie du comte Rostoptchine, p. 373.

162) Графъ С. Р. Воронцовъ совершенно ошибочно дѣлаетъ въ этомъ отвѣтственными ненавистныхъ ему «faiseurs», окружавшихъ императора Александра, и пишетъ: «Mais telle fut la rage de ces innovateurs que, se trouvant génés par l'autorité primitive que l'Empereur avait rendue au Sénat en septembre 1802, ils ont trouvé le moyen de s'y soustraire et l'anéantir peu de mois après». Письмо графа С. Р. Воронцова графу Ростопчину. Matériaux pour la biographie du compte Rostoptchine, p. 373.

163) Записки Державина, стр. 785 — 796 (6-й томъ сочиненій Державина. Изданіе Я. К. Грота).

164) Mémoires du prince Adam Czartoryski. T. I, p. 344.

Русскій современникъ этихъ событій пишетъ: «Родившись въ Россіи и никогда дотолѣ ея не покидавши, напитанный русскимъ воздухомъ самодержавія, Александръ любилъ свободу, какъ забаву ума. Въ этомъ отношеніи былъ онъ совершенно русской человѣкъ: въ жилахъ его вмѣстѣ съ кровію текло властолюбіе, умѣряемое только лѣностію и безпечностію».—Записки Ф. Ф. Вигеля. Часть 2-я, стр. 14.

165) Жизнь графа Сперанскаго. Т. 1-й, стр. 99.

166) Губерніи: Виленская, Гродненская, Витебская, Могилевская, Минская, Волынская, Подольская и Кіевская.

167) Князь Адамъ Чарторижскій занималъ эту должность съ 1803 по 1823 годъ, сохраняя ее при всѣхъ политическихъ невзгодахъ, сопровождавшихъ его служебную дѣятельность въ Россіи въ царствованіе императора Александра.

168) 4-го апрѣля 1803 года изданъ актъ утвержденія для университета въ Вильнѣ, наименованнаго такъ изъ бывшей здѣсь академіи.

169) Storch: Russland unter Alexander dem Ersten. Band 1, p. 134.

170) А. Н. Пыпинъ справедливо замѣчаетъ, что въ русской правительственной сферѣ цензурный вопросъ еще никогда не ставился такимъ здравымъ образомъ и съ такимъ просвѣщеннымъ вниманіемъ къ литературѣ (Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I.—С.-Петербургъ, 1885. Изданіе второе, стр. 111).

171) По поводу крестьянскаго дѣла графъ Кочубей писалъ графу С. Р. Воронцову 9-го (21-го) ноября 1801 года: «Nos réformes intérieures vont bien lentement. Il y a en vérité peu de gens propres pour s'en occuper, et quelques uns de ceux qui pourraient y être employés tiennent peut être trop къ старинѣ.—Cependant l'Empereur semble vouloir y mettre de la suite. Il tient beaucoup à l'idée de défendre la vente individuelle des hommes et de permettre au tiers-état, s'entend aux marchands, aux bourgeois et paysans de la

couronne, l'achat des terres, sans serfs, bien compris. Il me semble que ces opérations sont aussi utiles qu'elles peuvent être exécutées sans difficultés; mais l'Empereur est un peu irrésolu». Архивъ князя Воронцова. Книга 18-я, стр. 254.

172) Засѣданіе неофиціальнаго комитета 18-го ноября 1801 года. Въ замѣчательной рѣчи своей графъ П. А. Строгоновъ обнаружилъ такое вѣрное пониманіе положенія дѣлъ въ Россіи, что, вникая ближе въ ея содержаніе, легко убѣдиться, насколько неосновательны мнѣнія противниковъ александровскихъ реформъ, обвиняющихъ и по настоящее время молодыхъ совѣтниковъ государя въ незнаніи Россіи.

Чарторижскій въ этомъ же засѣданіи замѣтилъ, что право помѣщиковъ на крестьянъ столь ужасно (si horrible), что не слѣдовало ничѣмъ удерживаться при нарушеніи его.

173) Записки Державина, стр. 811—817.

174) Записки А. А. Эйлера. «Русскій Архивъ» 1880 года, книга 2-я, стр. 342.

175) Varnhagen von Ense: Blätter aus der preussischen Geschichte.—Leipzig. 1868. Band 2, p. 188.

176) Письмо графа Аракчеева къ императору Александру изъ Брянска, отъ 1-го іюля 1804 года (Архивъ канцеляріи военнаго министерства, № 21).

177) Письмо графа Аракчеева изъ Нѣжина, отъ 10-го іюля 1804 года.

178) 22-го іюля 1807 года Чичаговъ былъ произведенъ въ адмиралы и утвержденъ въ званіи министра. Въ 1809 году Чичаговъ былъ уволенъ въ отпускъ за границу; министерство перешло тогда въ руки адмирала маркиза де-Траверсе.—Окончательное увольненіе Чичагова отъ должности министра совершилось 28-го ноября 1811 года, съ оставленіемъ его при особѣ его величества.

См. въ приложеніяхъ два письма императора Александра къ П. В. Чичагову, служащія характеристикою степени довѣрія и дружбы, которыми онъ пользовался со стороны государя.

179) Ѳ. Веселаго: Краткая исторія русскаго флота.—С.-Петербургъ, 1895. Выпускъ 2-й (Флотъ въ царствованіе Александра I), стр. 441.

180) Записки Державина, стр. 806 (Сочиненія Державина, т. 6-й).

181) Одинъ французскій агентъ въ запискѣ о нѣкоторыхъ россійскихъ государственныхъ людяхъ, предназначенной для Талейрана, представилъ оригинальную характеристику Державина какъ министра: «Bon poète, dit-on, mais un ministre poète ne sera jamais un Sully ni un Chaptal; aussi ne l'est-il pas. C'est un dogue de Themis qu'on garde pour lâcher contre le premier venu qui déplait à la bande ministérielle, mais peu dressé au manège il mord souvent ses camarades même qui donneraient beaucoup pour le perdre». Государственный Архивъ. Разрядъ XV. № 502.

182) Князь Голицынъ былъ товарищемъ дѣтскихъ игръ великаго князя Александра Павловича. Затѣмъ 10-го августа 1794 года послѣдовало высочайшее повелѣніе по придворной конторѣ, по которому гвардіи Преображенскаго полка поручикъ князь Александръ Голицынъ пожалованъ камеръ-юнкеромъ при великомъ князѣ Александрѣ. Въ царствованіе Павла князь Голицынъ не избѣгъ общей участи всѣхъ царедворцевъ того времени: въ 1797 году онъ былъ исключенъ изъ службы, будучи уже камергеромъ (послѣднее званіе ему было даровано еще Екатериною). По воцареніи Александра князь Голицынъ возвратился ко двору. Время опалы онъ прожилъ въ Москвѣ.

183) Разсказы князя А. Н. Голицына, записанные Ю. Н. Бартеневымъ. «Русскій Архивъ» 1886 года, книга 1-я, стр. 58.

Должность оберъ-прокурора св. Синода, до назначенія князя Голицына, занималъ камергеръ Александръ Алексѣевичъ Яковлевъ. Въ его управленіе всеподданнѣйшіе доклады восходили къ государю черезъ генералъ-прокурора. Высшее духовенство не терпѣло Яковлева; съ появленіемъ же князя Голицына все смирилось, потому только, что его поддерживалъ государь.

Яковлевъ оставилъ записки подъ заглавіемъ: «Журналъ Яковлева, бывшаго въ Синодѣ оберъ-прокуроромъ съ 1-го января по 7-е октября 1803 года и съ послѣдующими обстоятельствами, или исповѣдь честнаго человѣка, пострадавшаго за вѣрность своему государю, начертанная единственно для собственнаго напоминанія».

184) Peter von Goetze: Fürst Alexander Nikolajewitsch Galitzin und seine Zeit.— Leipzig, 1882, p. 18.

185) Узнавъ объ этомъ происшествіи, императоръ Александръ немедленно прислалъ къ Радищеву лейбъ-медика Виллie, но старанія его не могли спасти этой жертвы роковыхъ обстоятельствъ.

186) «Maintenant c'est un des tyrans les plus fameux que l'histoire ait produit». Письмо императора Александра къ Лагарпу, отъ 7-го іюля 1803 года (Государственный Архивъ. Разрядъ V, № 190).

187) Письма Александра Ивановича Тургенева къ Николаю Ивановичу Тургеневу. Лейпцигъ, 1872, стр. 186—187. Все это Лагарпъ разсказывалъ А. И. Тургеневу при свиданіи съ нимъ въ Лозаннѣ въ 1827 году.

188) Въ 1831 году, Лагарпъ, доставилъ это нераспечатанное письмо, вмѣстѣ съ другими документами, императору Николаю.

189) Заступничество Россіи за сардинскаго короля выводило Наполеона изъ терпѣнія: однажды онъ замѣтилъ, что дѣла Сардиніи не должны были занимать императора Александра болѣе, нежели сколько занимаютъ его дѣла персидскія.

190) Письмо Бонапарта къ императору Александру, отъ 17-го (29-го) іюля 1808 года.

191) Жозефъ де-Местръ писалъ, 18-го (30-го) апрѣля 1804 года изъ Петербурга: «L'indignation est au comble. Les bonnes Impératrices ont pleuré. Le Grand Duc est furieux, et Sa Majesté Impériale n'est pas moins profondement affectée. On ne reçoit plus la légation de France, et même on ne lui parle plus». Mémoires politiques et correspondance diplomatique de J. de Maistre. Paris, 1859 (Deuxième édition) p. 110.

192) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. 77-й, стр. 608: «La plainte qu'elle (la Russie) élève aujourd'hui conduit à demander si, lorsque l'Angleterre médita l'assassinat de Paul I-r, on eût eu connaissance que les auteurs des complots se trouvaient à une lieue des frontières, on n'eût pas été empressé de les faire saisir».

Талейранъ въ депешѣ къ генералу Гедувилю, отъ 5-го (17-го) мая, называетъ отвѣтную ноту Убри: «une réponse un peu sévère». Этотъ строгій отвѣтъ дорого обошелся Франціи.

193) Wertheimer: Geschichte Oesterreichs und Ungarns im ersten Jahrzehnt des 19 Jahrhunderts.—Leipzig, 1884.—1 B., pp. 213 und 216.

194) Mémoires du Prince Adam Czartoryski. T. I, p. 360.

195) «L'Empereur eut des joies d'enfants, mais le parti des jeunes Russes ne cacha pas son émoi et sa colère. L'Impératrice même crut voir dans mon acceptation des intentions mauvaises ou, pour le moins de l'indélicatesse vis-à-vis de l'Empereur, indélicatesse qui, selon elle, consistait à accepter un poste d'une si haute confiance malgré l'opinion générale (à ce qu'elle croyait du moins), et malgré la conviction que je devais avoir d'enlever à l'Empereur l'affection de son peuple. L'Impératrice cessa alors de me parler, de me saluer, de me regarder». Mémoires du prince Adam Czartoryski. T. I, p. 363.

Les Russes s'imaginaient que je favorisais secrètement la France, que je voulais entraîner Alexandre vers Bonaparte, et le retenir dans sa dépendance, pour ainsi dire sous la fascination de son génie. — L'Impératrice-mère partageait cette opinion et propageait ces inquiétudes parmi les jeunes officiers». T. I, p. 351.

196) 27-го ноября (9-го декабря) 1804 года, графъ П. А. Строгоновъ писалъ Н. Н. Новосильцову: «Vous savez que nous (слово «nous» относится къ императору Александру sommes sujets quelquefois par des regrets déplacés et un manque de résolution à rétrograder dans les mesures qu'on avait résolues, à ne pas oser faire les choses au moment où elles devaient l'être, et comme les circonstances n'attendent pas le bon plaisir des souverains, il en résulte quelque chose de lâche et de mol dans les opérations». А. Н. Пыпинъ: Общественное движеніе при Александрѣ I. — С.-Петербургъ, 1871 (Изданіе 1-е), стр. 118.

Эта характеристика образа дѣйствій Александра, сдѣланная близкимъ къ нему человѣкомъ, объясняетъ многое въ политическихъ событіяхъ 1805 года. Разсужденія графа Строгонова вполнѣ примѣнимы и къ отношеніямъ государя къ внутреннимъ реформамъ.

Самый принципъ преобразованія стоялъ для него внѣ всякаго сомнѣнія, но практическое осуществленіе этихъ мыслей пугало его, и онъ впадалъ въ нерѣшительность.

197) «Je dois le reconnaître, le peu de probabilité qu'il y avait de voir entrer la Prusse dans le concert des puissances, n'était point ce qui m'affligeait le plus. Je ne négligeais, sans doute, aucun argument pour l'y engager, mais je prévoyais avec satisfaction la nécessité de lui passer sur le corps, dans le cas d'un refus, car alors on eût proclamé le royaume de Pologne sous le sceptre d'Alexandre. Il eût été reçu avec enthousiasme, car c'était alors la seule manière possible de ressusciter la Pologne, oubliée même par la France». Mémoires du prince Adam Czartoryski. T. 1, p. 396.

Нѣмецкій историкъ Онкенъ называетъ это: «Czartoryskis Mordplan wider Preussen»: «Das Zeitalter der Revolution, des Kaiserreiches und der Befreiungskriege».—Berlin. 1885. Band 2.

198) «C'était alors la cheville ouvrière du parti russe». Czartoryski: Mémoires. T. I, p. 353.

199) Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ. Сочиненіе князя Петра Долгорукова. С.-Петербургъ, 1840, стр. 176.

200) Къ этому договору была присоединена 14-го (26-го) декабря 1804 года дополнительная декларація относительно уплаты, въ случаѣ войны, субсидныхъ денегъ Австріи со стороны Англіи.

201) Еще ранѣе, 4-го (16-го) іюля, генералъ-адъютантъ Винцингероде заключилъ въ Вѣнѣ съ австрійскимъ правительствомъ военную конвенцію.

202) Войнѣ 1805 года не предшествовалъ манифестъ; одинъ указъ 1-го сентября возвѣстилъ Россіи предстоящее кровопролитіе.

203) 9-го (21-го) августа 1805 года генералъ Кутузовъ получилъ изъ Вѣны приказаніе двинуться въ Баварію; 13-го (25-го) августа войска его выступили въ заграничный походъ.

204) Воспоминанія Ѳедора Петровича Лубяновскаго.—Москва, 1872, стр. 212.

Въ день отъѣзда государя Лубяновскій также посѣтилъ этого старца, который спросилъ его: «что? Алексаша уѣхалъ? — Лубяновскій смотрѣлъ въ глаза старцу, не понимая, о комъ его спрашивалъ. «Ну! Государь-то уѣхалъ; что будешь дѣлать? Упаси его Боже! А добру тутъ не быть, увидите. Надобно было потерпѣть нѣсколько годиковъ; мѣра супостата, вишь, еще не полна». — Затѣмъ старецъ повторилъ слова, сказанныя имъ государю; передавая этотъ разсказъ, Лубяновскій прибавляетъ: «ни одного слова здѣсь нѣтъ моего».

205) Въ Петербургѣ, вслѣдствіе отъѣзда государя, былъ назначенъ главнокомандующимъ генералъ Вязмитиновъ (министръ военныхъ сухопутныхъ силъ).

206) Подробности о пребываніи императора Александра въ 1805 году въ Пулавахъ можно найти у двухъ польскихъ авторовъ: 1) Ludwik Hr. Debicki: Pulawy (1762—1830). Monografia. Lwow, 1887. 2) Pamietniki Kajetana Kozmiana.

207) Въ разсказахъ о пребываніи императора Александра въ Пулавахъ приводится оригинальный къ тому поводъ: императорская свита, говорятъ, была слишкомъ многочисленна, а ея присутствіе нагоняло тоску.

208) Когда вѣсть о пребываніи императора Александра въ Пулавахъ дошла въ Америку до находившагося тамъ Нѣмцевича, то этотъ заклятый врагъ Россіи писалъ отцу князя Адама: «Надо благоговѣть передъ Божіимъ промысломъ, устроившимъ дѣло такъ, что внукъ той государыни, которая порѣшила сравнять Пулавы съ землей и нанести Польшѣ смертельный ударъ — пріѣзжаетъ теперь въ домъ нашъ, въ это убѣжище національныхъ добродѣтелей и воспоминаній, въ качествѣ гостя, друга, избавителя».

209) Гродненскій предводитель дворянства донесъ, 2-го (14-го) сентября 1805 года, что въ Варшавѣ распространилась сильная тревога между пруссаками вслѣдствіе слѣдующаго извѣстія, полученнаго ими изъ Литвы: «qu'une grande armée doit marcher contre la Prusse», и что всѣ молодые люди поступили въ различные полки, чтобы служить волонтерами противъ Пруссіи. «Les Prussiens croient tout bonnement à cette nouvelle jugeant d'après l'esprit qui règne à Varsovie, où toutes les poissardes disent aux yeux à tous

les officiers de police: votre règne n'est pas de longue durée, les Russes viendront et nous vous chasserons» (Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

210) «Si les hostilités s'allument avec la Prusse, il faut les pousser avec vigueur et ne pas s'embarasser du reste».

211) «Sa Majesté est fermement décidée de commencer la guerre contre la Prusse... La domination prussienne est haïe dans la ci-devant Pologne, on y recevra les Russes à bras ouverts; les habitants coopéreront de tous leurs efforts pour notre armée contre les Prussiens. C'est de quoi nous pouvons être assuré. L'armée russe sera nourrie, complétée avec la plus grande facilité et de nouveaux coprs pourront être levés.—Nos succès sont plus que probables».

212) Хотя послѣ печальнаго опыта 1805 года и происходило снова въ разное время нѣкоторое между ними сближеніе, и князь Адамъ пріобрѣталъ даже временно вліяніе, но взаимное довѣріе никогда болѣе не воскресло съ прежней силой.

213) «Въ характерѣ Александра сходились удивительныя противорѣчія: по этой впечатлительной душѣ проносились все новыя вѣянія, изъ которыхъ каждое оставляло по себѣ слѣдъ въ чувствахъ и стремленіяхъ. Но, тѣмъ не менѣе, эта чуткая и порывистая душа была отлита изъ того металла, изъ котораго отливаютъ царей Россіи. То, что представлялось неустойчивостью характера, двойственностью, измѣнчивостью—было именно самостоятельной реакціей духа самодержавія и національныхъ русскихъ инстинктовъ». Такъ пишетъ польскій историкъ Пулавы: Debicki: Pulawy. T. 2, p. 47.

214) Міровой раздѣлъ. Отъ Тильзита до Эрфурта. Статья С. С. Татищева. «Русскій Вѣстникъ» 1890 года.

215) «On avait cru que la présence de l'Empereur à son armée y produirait un grand effet et qu'un souverain jeune, beau, brave, car il se montra bientôt tel, inspirerait un grand enthousiasme à ses soldats; ces soldats étaient des Russes, les meilleurs du monde, les plus dévoués à leur maîtres, les plus obéissants, et depuis près d'un siècle aucun souverain de la Russie n'avait paru à la tête des troupes. Il en arriva tout autrement: je fus étonné ainsi que tous les autres généraux de la froideur et du silence morne avec lequel nos troupes reçurent l'Empereur».

Графъ Ланжеронъ приходитъ вообще къ заключенію, что пріѣздъ императора Александра въ армію не принесъ никакой пользы, но причинилъ большой вредъ (son arrivée ne produisit aucun bien et causa beaucoup de mal).

216) Графъ Ланжеронъ приводитъ въ своихъ запискахъ еще другія причины господствовавшаго среди русскихъ войскъ неудовольствія: «J'ai dit que le soldat russe était dévoué à ses souverains et obéissant; je dois ajouter qu'il est en même temps intelligent et qu'il juge souvent fort bien les hommes et les événements; depuis neuf ans il était accablé d'exercices, ennuyé de changements perpétuels et persuadé de l'inutilité de toutes ces puérilités mécaniques dont il était la victime.—Les généraux, les officiers supérieurs n'étaient pas moins mécontents que les soldats. L'Empereur avait peu d'égards pour eux, les recevait rarement, leur parlait peu et réservait pour cinq ou six jeunes favoris, pour ses adjutants, les Lieven, les Volkonsky, les Gagarin, les Dolgorouki, toutes ses faveurs. Il se livrait avec eux à une familiarité humiliante pour les anciens généraux, qui voyaient de plus leurs tournures et leurs manières ridiculisées par tous ces enfants dont l'influence s'étendait sur tout.—Et c'est avec une armée désorganisée, affaiblie par les privations et le mécontentement qu'on alla braver les invincibles soldats de Napoléon».

217) Графъ Ланжеронъ пишетъ: «Les jeunes gens qui entouraient l'Empereur le ridiculisaient sans cesse et l'appelaient le général Lambin, et il était sans pouvoir comme sans considération».

218) По отзыву Рюстова: «Вейротеръ во многомъ походилъ на Макка, онъ былъ такой же ученый доктринеръ, создававшій себѣ извѣстныя формы, не принимая въ соображеніе условія обстановки. Расположеніе русскихъ онъ пріобрѣлъ тѣмъ, что переносилъ ихъ своевольство и льстилъ ихъ тщеславію».—Der Krieg von 1805. Frauenfeld. 1853, p. 325.

219) Отъ 13-го (25-го) ноября 1805 года, изъ Брюнна.

220) При отъѣздѣ 15-го (27-го) ноября Савари получилъ письменный уклончивый отвѣтъ императора Александра Наполеону; онъ былъ адресованъ: «au chef du gouvernement français», и заключался въ слѣдующемъ:

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

«J'ai reçu avec bien de la reconnaissance la lettre dont le général Savari a été le porteur, et je m'empresse de Vous en exprimer tous mes remerciments. Je n'ai pas d'autre désir que de voir la paix de l'Europe rétablie avec loyauté et sur des bases équitables. Je souhaite en même temps avoir l'occasion de pouvoir Vous être agréable personellement.

«Veuillez en recevoir l'assurance, de même que celle de ma plus haute considération».

«Alexandre».

Относительно пребыванія Савари въ Ольмюцѣ, въ 30-мъ бюллетенѣ отъ 21-го ноября (3-го декабря) 1805 года читаемъ: «Il lui fut facile de comprendre, par la suite des conversations qu'il eut, pendant trois jours, avec une trentaine de freluquets qui, sous différents titres environnent l'Empereur de Russie, que la présomption, l'imprudence et l'inconsidération régneraient dans les décisions du cabinet militaire, comme elles avaient régné dans celles du cabinet politique».

Графъ Ланжеронъ по этому поводу пишетъ въ своихъ запискахъ: «Il n'y en avait pas trente, mais il y en avait encore malheureusement trop. Du reste Napoléon a trouvé le vrai mot, il peint parfaitement la chose».

221) Графъ Ланжеронъ пишетъ: «L'Empereur assista à cette chasse dont le succès lui persuada que l'armée de Napoléon n'opposerait pas plus de résistance que ses avant-postes. Du reste, s'il ne se montra pas encore grand général, il prouva qu'il était un brave soldat; il s'exposa beaucoup avec les flanqueurs et même plus qu'il ne convenait à son rang, à sa position et au besoin que la Russie et l'Europe avaient d'un souverain tel que lui».

222) Correspondance de Napoléon I, T. 11, p. 455. Письмо Наполеона къ курфирсту Виртембергскому изъ Аустерлица отъ 23-го ноября (5-го декабря) 1805 года: «L'Empereur de Russie est environné d'une vingtaine de polissons qui le perdront; et cependant il est d'un caractère si heureux et rempli de si grandes qualités, que je pense que quelques avis donnés par Vous, par l'entremise de votre soeur, ne pourront qu'être utiles... Mon aide de camp a été enchanté des bonnes manières, des bons propos de l'Empereur; ce qui m'a porté à lui demander une entrevue à ses avant-postes. Il m'envoya le prince Dolgorouki, et j'eus avec ce freluquet une conversation dans laquelle il me parla comme il aurait pu parler à un boyard qu'on voudrait envoyer en Sibérie... Ce jeune homme est d'ailleurs de la plus excessive arrogance; il a dû prendre mon extrême modération pour une marque de grande terreur: ce que je désirais sous le point de vue militaire, et ce qui a donné lieu à la bataille d'Austerlitz, où, en vérité, ils se sont conduits avec une ignorance et une présomption qu'on a peine à concevoir».

223) Въ 30-мъ бюллетенѣ Наполеона сказано: «Cet aide de camp put remarquer que tout respirait dans la contenance de l'armée française la réserve et la timidité».

224) Генералъ Милорадовичъ командовалъ русскими бригадами, входившими въ составъ четвертой колонны, находившейся подъ начальствомъ австрійскаго генерала графа Колловрата.

225) «Eine sonderbare Begebenheit». Такъ называетъ Бюловъ Аустерлицкое сраженіе въ сочиненіи: «Der Feldzug von 1805 militärisch-politisch betrachtet von dem Verfasser des Geistes des neuern Kriegssystems. — 1806» (Мѣсто печатанія не указано). По словамъ Бюлова: «союзники приняли планъ сраженія противъ арміи, которой не видѣли, предполагая ее на позиціи, которой она не занимала, и сверхъ того разсчитывали на то, что французы останутся настолько же неподвижными, какъ пограничные столбы». (T. 2, p. 66).

226) «Ja, das ist mir was Schoenes! Ich soll commandieren, da ich doch weder dies Attaquieren angeordnet noch gewollt habe». Autobiographie des Generalen der Infanterie Gregor von Berg.—Dresden. 1871 (не поступало въ продажу), p. 186.

227) Описаніе первой войны императора Александра съ Наполеономъ въ 1805 году, сочиненное Михайловскимъ-Данилевскимъ. С.-Петербургъ, 1844, стр. 181 (Со словъ князя Волконскаго, стоявшаго подлѣ Кутузова).

228) Генералъ Лееръ: Война 1805 года. Аустерлицкая операція (подробный конспектъ).—С.-Петербургъ, 1888, стр. 41.

229) Въ числѣ этихъ лицъ находился также тріумвиратъ: князь Чарторижскій, графъ П. А. Строгоновъ и Новосильцовъ.

230) Разспрашивая взятаго во время боя въ плѣнъ генерала Берга, Наполеонъ высказалъ большую заботливость объ императорѣ Александрѣ и на вопросъ: «Où est votre Empereur», когда Бергъ, указывая на поле сраженія, отвѣтилъ: «Il est là», Наполеонъ сказалъ: «Ah! Dieu veuille qu'il ne lui arrive pas de mal». Autobiographie des Generalen von Berg, p. 191.

231) Th. Bernhardi: Denkwürdigkeiten des Grafen Toll.—Leipzig, 1856. Band 1, p. 167.

232) Краткій очеркъ біографіи баронета Якова Васильевича Вилліе, доктора В. Сахарова, въ отчетѣ по устройству Михайловской клинической больницы баронета Вилліе.—С.-Петербургъ, 1873.

Въ суматохѣ, произошедшей во время сраженія, экипажъ Вилліе со всѣми вещами и платьемъ также исчезъ. По дорогѣ уже въ Венгрію государь за три червонца купилъ ему у еврея заячью куртку, которую онъ надѣлъ поверхъ сюртука и такимъ образомъ, не рискуя прозябнуть, могъ продолжать путь.

233) Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ.—Эта записка вмѣстѣ съ собственноручными письмами Александра къ Наполеону была куплена въ 1821 году въ Парижѣ при посредничествѣ генералъ-адъютанта Жомини.

234) «Pour la Russie, c'est une goutte de sang». Де-Местръ сардинскому королю 19-го (31) января 1806 года. Oeuvres complètes de J. de Maistre. T. 10, p. 32.

235) См. въ приложеніяхъ письмо императора Александра къ королю прусскому изъ Голича отъ 24-го ноября (6-го декабря) 1805 года.

236) «J'exposai la conduite du ministère et des armées autrichiennes, sans changer le tableau ni les ménager; j'éclairai cette conduite incompréhensible, par le désir ardent qu'ils avaient tous de forcer leur souverain à la paix quelle qu'elle fut, et qu'ils ne comptaient parvenir à cet abaissement, que par la destruction de notre armée, qui seule pouvait défendre et relever la monarchie autrichienne après l'anéantissement de la leur... on amena l'armée plutôt pour la livrer à l'ennemi, que pour le combattre, et ce qui achève cette infamie, c'est que la disposition était connue à l'ennemi, ce dont on a des preuves certaines».

Всеподданнѣйшее письмо князя Долгорукова отъ 6-го (18-го) декабря 1805 года изъ Берлина (Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

237) Изъ письма князя Николая Григорьевича Репнина къ А. И. Михайловскому-Данилевскому отъ 15-го апрѣля 1844 года (Военно-ученый Архивъ. Отд. 2, № 1555 (а.)).

238) 8-го декабря государь прибылъ въ Гатчину; обѣ императрицы выѣхали къ нему навстрѣчу. Въ Петербургъ Александръ прибылъ въ 4 часа утра и остановился у Казанскаго собора. Жители столицы могли привѣтствовать государя только во время развода на Дворцовой площади. Очевидецъ пишетъ: «Tous se précipitèrent sur ses pas, il était tellement pressé qu'il ne pouvait avancer: on se prosternait, on lui baisait les pieds et les mains, la joie ressemblait à un délire. Ce souverain si justement adoré pleurait d'attendrissement et assurait que ce moment le dédommageait pleinement de toutes les peines qu'il avait souffertes, qu'il consentirait de toute son âme à en souffrir encore davantage pour voir renouveler des témoignages si doux à son coeur».

239) Записки Л. Н. Энгельгардта.—Москва, 1867. Стр. 221.

240) «Au milieu des revirements que chaque jour amène, ... je compte sur Vos promesses, Sire, et cet espoir qui double mes forces en cas de malheur me fera attendre plus tranquillement la décision. Sans doute je n'ai pu me défendre de moments bien douloureux, mais je vous en ai du de bien doux. Je puiserai toujours mes premières jouissances dans un sentiment rare, que tous les jours Vous m'inspirez davantage. Vous savez qu'il est une relation pour moi devant laquelle tous les intérêts disparaissent. Puisse-t-elle Vous rester aussi précieuse qu'à moi! Mais je serais ingrat d'en douter!» (Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

241) Mémoires du prince Adam Czartoryski. T. II, p. 66 (Mémoires sur les rapports de la Russie et de la Prusse). Въ этой запискѣ князь Чарторижскій указываетъ на необходимость для Россіи овладѣть теченіемъ Нѣмана и Вислы и говоритъ, что Пруссія

боится этого болѣе всего на свѣтѣ и потому втайнѣ еще болѣе Австрія ненавидитъ Россію.

242) Императоръ Александръ обязывался употреблять постоянно большую часть своихъ силъ на защиту Европы и всѣ силы Имперіи на поддержаніе независимости и цѣлости прусскихъ владѣній, продолжать держаться системы безкорыстія въ отношеніи всѣхъ европейскихъ государствъ. Пруссія съ своей стороны обязывалась не помогать Франціи въ войнахъ ея съ Россіей (согласно франко-прусскому союзу) въ двухъ случаяхъ: 1) если Франція нападетъ на Турцію или вынудитъ послѣднюю воевать противъ Россіи и 2) если Россія признаетъ своевременнымъ подать помощь Австріи въ случаѣ нарушенія со стороны Франціи Пресбургскаго мира.

243) С. С. Татищевъ: Міровой раздѣлъ.

244) Фридрихъ-Вильгельмъ императору Александру 19-го (31-го) августа.

245) Фридрихъ-Вильгельмъ Наполеону 24-го января (5-го февраля) 1806 года.

246) «A peine huit jours étaient écoulés depuis mon retour de Paris et ma rentrée dans le poste que j'occupe, que le Roi commençait à rendre une justice parfaite à nos soins réunis... Fermement résolu de remplir religieusement vis-à-vis da la France les engagements dans lesquels il est entré avec elle, ses devoirs à cet égard ne répugnaient plus à son inclination, et Napoléon, s'il avait lu dans le coeur du Roi, aurait pu se convaincre que, s'il y a un homme au monde sur lequel il peut compter, c'était Frédéric-Guillaume. Voici quel était son raisonnement: la France est puissante et Napoléon l'homme du siècle; uni à lui, que pourrai-je jamais avoir à craindre?» Paul Baillеu: Preussen und Frankreich von 1795 bis 1807. T. 2, p. 468.

247) «Une paix pure et simple», такъ выразился князь Чарторижскій въ бесѣдѣ съ французскимъ консуломъ Лессепсомъ, остававшимся въ Петербургѣ въ продолженіе всей войны 1805 года.

Международныя отношенія Россіи усложнялись еще тѣмъ обстоятельствомъ, что русскія войска продолжали занимать Боку Каттарскую, уступленную Австріей по Пресбургскому миру Франціи. Наполеонъ требовалъ отъ Австріи удаленія русскихъ войскъ изъ этой мѣстности, угрожая въ противномъ случаѣ новою войною. Кромѣ того, непримиримый врагъ Наполеона Питтъ умеръ, и преемникъ его Фоксъ заявилъ французскому правительству о желаніи вступить съ нимъ въ объясненія.

248) Во вступленіи къ договору Наполеонъ названъ «Императоромъ французовъ, королемъ Италіи».

249) 25-го іюля (6-го августа) 1806 года.

250) По этому случаю послѣдовало со стороны министра иностранныхъ дѣлъ циркулярное извѣщеніе и, кромѣ того, напечатали объявленіе въ русскихъ и иностранныхъ газетахъ.

251) Манифестъ 30-го августа 1806 года побудилъ Сенатъ обратиться къ государю съ рѣчью, въ которой говорилось: «чего жъ не можно ожидать отъ россовъ», когда объявлено, «что единая безопасность отечества, святость твоихъ союзовъ и спасеніе Европы призываютъ тебя къ ополченію».

252) Рейнскій союзъ былъ окончательно учрежденъ 30-го іюня (12-го іюля) 1806 г. и протекторомъ его сдѣлался Наполеонъ.

253) «Dites-moi, Sire, je Vous en conjure, si je puis espérer que Vos troupes resteront à portée de me secourir et si je pourrais compter sur elles en cas d'agression». Фридрихъ-Вильгельмъ императору Александру, 27-го іюля (8-го августа) 1805 года.

Въ этомъ же письмѣ король говоритъ: «c'est toujours à Vous que je m'adresse, Sire dans les peines que j'éprouve».

254) Наполеонъ Фридриху-Вильгельму, 31-го августа (12-го сентября) 1806 года.

255) Фридрихъ-Вильгельмъ Наполеону, 14-го (26-го) сентября 1806 года.

Наполеонъ назвалъ это письмо «un mauvais libelle», а въ первомъ бюллетенѣ великой арміи призналъ его памфлетомъ: «dans le genre de ceux que le cabinet Anglais fait faire par ses écrivains à 500 livres sterling par an».

Король прусскій выѣхалъ изъ Берлина къ своей арміи 9-го (21-го) сентября; Наполеонъ оставилъ Парижъ 13-го (25-го) сентября.

256) Наполеонъ курфирсту Виртембергскому, 23-го ноября (5-го декабря) 1805 года.

257) Въ Петербургѣ ожидали Росбаха, пишетъ Вигель, но въ началѣ октября, вмѣсто Росбаха, была Іена. «Нѣтъ, столь счастливаго, столь блестящаго похода никогда еще Наполеонъ не дѣлалъ; лишь коснется крѣпости, она падаетъ передъ нимъ безъ защиты; лишь настигнетъ бѣгущій корпусъ, хватаетъ его руками. Отъ стыда Пруссіи покраснѣли наши щеки; каждое ея пораженіе какъ кинжаломъ ударяло насъ въ сердце: они не знаютъ того, неблагодарные, нынѣшніе наши ненавистники, какъ всѣ русскіе въ душѣ своей тогда побратались съ ними. Уже не за Аустерлицъ, а за чуждую нашей чести Іену, кричали всѣ: отмщеніе». Записки Ф. Ф. Вигеля. Ч. 2-я, стр. 220.

258) Екатерина не любила Каменскаго за крутой и вмѣстѣ вспыльчивый нравъ и за его жестокость; она называла его сумасшедшимъ и писала, что ни гроша нѣтъ соображенія, что отъ Каменскаго при арміи добра не будетъ, и довѣренность къ нему имѣть едва ли возможно.

Отправляясь въ 1806 году въ армію, Каменскій предписалъ графу Аракчееву немедленно отправиться въ главную квартиру. Когда же тотъ сослался на нездоровье, фельдмаршалъ представилъ государю, что болѣзнь графа Аракчеева—притворство, что подъ его начальствомъ артиллерія находится въ величайшемъ безпорядкѣ и что необходимо смѣнить его. Легко себѣ представить, съ какими чувствами «вѣрный другъ Аракчеева встрѣтилъ откровенныя объясненія фельдмаршала!»

259) Еще ранѣе, указомъ 18-го сентября, объявленъ во всемъ государствѣ рекрутскій наборъ, съ 500 душъ по 4 рекрута; затѣмъ указомъ 11-го ноября повелѣно собрать въ настоящій наборъ еще по одному рекруту.

260) По недостатку ружей вооружили ими только пятую часть ополченія, а остальнымъ ратникамъ были даны пики и копья. Приказано было купить въ Лондонѣ и Вѣнѣ 160,000 ружей.

261) См. въ приложеніяхъ объявленіе св. Синода и объявленіе, читанное въ католическихъ церквахъ; послѣднее было написано митрополитомъ Сестренцевичемъ.

262) Указъ Сенату послѣдовалъ 28-го ноября (10-го декабря) 1806 года.

263) Циркуляръ русскаго двора о занятіи придунайскихъ княжествъ послѣдовалъ 23-го октября (4-го ноября) 1806 года.

264) «Графъ по обыкновенію преемниковъ власти и по врожденной его запальчивости и опрометчивости, нашелъ всѣ распоряженія предмѣстника своего дурными, безъ внимательнаго соображенія, далъ новое направленіе полкамъ и много надѣлалъ путаницы». Журналъ князя Щербатова относительно военныхъ дѣйствій 1806 и 1807 годовъ (Военно-ученый Архивъ. Отд. II. № 1590).

Французы издали тогда карикатуру: «Marche précipitée de l'armée russe volant au secours des Prussiens»: генералъ Бенигсенъ сидитъ верхомъ на ракѣ, подъ которымъ надпись: «Nous arrivons Cahin Caha». За ними слѣдуетъ русская армія на черепахахъ. Король прусскій летитъ въ воздухѣ и теряетъ корону; онъ взываетъ о помощи: «Venez, venez à mon secours»

265) Объ этомъ любопытномъ и несообразномъ предположеніи графа Каменскаго можно найти указаніе въ запискахъ прусскаго генерала Марвица (Aus dem Nachlasse E. A. von der Marwitz. — Berlin. 1852. B. I.

266) Описаніе второй войны императора Александра I съ Наполеономъ въ 1806 и 1807 годахъ.—С.-Петербургъ. 1846. Стр. 99.

267) Приведемъ здѣсь оригинальное оправданіе дѣйствій графа Каменскаго, высказанное имъ нѣсколько лѣтъ спустя А. П. Ермолову, посѣтившему его въ 1809 году въ деревнѣ. «Всѣмъ извѣстно», сказалъ фельдмаршалъ, «что въ кампанію 1807 года третья часть арміи была распущена для добыванія себѣ пищи и откапыванія въ огородахъ картофеля... мнѣ, къ концу моего долгаго поприща, показалось слишкомъ тѣсно маневрировать между Вислою и Бугомъ: я могъ испортить въ нѣсколько дней свою репутацію, составленную въ теченіе 56-ти лѣтъ, а потому я предпочелъ оставить армію. Я сумасшедшій» (Сочиненія Д. В. Давыдова. Т. 2-й).

Кутузовъ написалъ женѣ изъ Кіева 10-го января: «Не могу надивиться всѣмъ чудесамъ Каменскаго. Ежели все правда, что ко мнѣ изъ арміи пишутъ, надобно быть совсѣмъ сумасшедшему» («Русская Старина» 1871 года. Т. 3-й).

268) Рескриптъ императора Александра графу Каменскому, отъ 24-го декабря 1806 года (5-го января 1807 года). Въ немъ, между прочимъ, сказано: «Хотя и съ прискорбіемъ, но не обинуясь долженъ я сказать вамъ, что таковой предосудительный поступокъ, есть ли бы онъ сдѣланъ былъ кѣмъ-либо другимъ, надлежало бы предать строжайшему военному суду, коего неминуемымъ послѣдствіемъ было бы лишеніе живота».

Сначала государь повелѣлъ графу Каменскому не отлучаться изъ Гродно и затѣмъ уже тотъ получилъ разрѣшеніе ѣхать въ деревню въ Орловскую губернію. Здѣсь онъ прожилъ недолго и палъ отъ руки убійцы 12-го августа 1809 года.

269) Бенигсенъ донесъ императору Александру, что разбилъ самого Наполеона во главѣ цѣлыхъ трехъ корпусовъ. Въ дѣйствительности подъ Пултускомъ 40,000 русскихъ сражались противъ 30,000 французовъ, которыми предводительствовалъ маршалъ Ланнъ. Государь пожаловалъ Бенигсену орденъ св. Георгія 2-й степени и 5,000 червонцевъ.

270) Эти пушки, равно какъ и пушки, брошенныя нашими войсками при отступленіи отъ Вкры, оставались въ грязи до весны, такъ какъ не было средствъ вытащить ихъ изъ пятой стихіи, открытой Наполеономъ въ Польшѣ. Весною французы отправили наши орудія въ Варшаву, выставивъ ихъ напоказъ, какъ трофеи.

Въ декабрѣ 1806 года оттепель, сопровождаемая дождемъ и снѣгомъ, обратила дороги въ бездонныя топи. Люди проваливались нерѣдко по поясъ въ грязь и погибали, если не получали своевременной помощи; лошакъ, навьюченный картами, кушаньемъ и бѣльемъ Наполеона, тоже потонулъ въ грязи.'

271) Императоръ Александръ прибавилъ: «Un peut-être vaudrait un peu mieux que les autres, c'est Pahlen. Mais quelle confiance mettre en lui après toute sa conduite». Въ спискѣ, приводимомъ государемъ, поражаетъ отсутствіе имени Кутузова; отсюда видно, какъ сильна была опала, которой онъ столь несправедливо подвергся за Аустерлицъ. (Военно-ученый Архивъ. Отд. I, № 429). Письмо это напечатано нами въ Сборникѣ И. Р. И. О., т. 89-й: Посольство графа П. А. Толстого въ Парижѣ въ 1807 и 1808 годахъ.

272) Императоръ Александръ генералу Бенигсену 24-го декабря 1806 года (5-го января 1807 года): «Les talents supérieurs que vous y avez déployés (т. е. въ сраженіи подъ Пултускомъ), vous donnent de nouveaux titres à toute la confiance que vous avez su m'inspirer déjà, et je ne puis pas vous en donner de plus grande preuve, qu'en vous nommant chef de toute l'armée, qui se trouvait sous les ordres du maréchal, y compris le corps de Brzest du général Essen 1-r».

Первоначально государь намѣревался назначить главнокомандующимъ графа Буксгевдена и въ этомъ смыслѣ уже подписалъ рескриптъ на его имя (24-го декабря 1806 года), но затѣмъ рескриптъ былъ разорванъ. (Въ такомъ видѣ этотъ документъ сохранился въ дѣлѣ № 1052. Отд. II Военно-ученаго Архива). Подоспѣвшая кстати реляція о Пултускомъ боѣ рѣшила дѣло въ пользу генерала Бенигсена.

273) Вступленіе генерала Бенигсена въ званіе главнокомандующаго сопровождалось въ арміи слѣдующими странными обстоятельствами: Высочайшее повелѣніе получено было въ главной квартирѣ (въ Біалѣ) наканунѣ новаго года, въ то время, когда графъ Буксгевденъ замышлялъ начать наступательныя дѣйствія противъ французовъ, расположившихся послѣ пултускаго сраженія въ растянутыхъ зимнихъ квартирахъ по Вислѣ. Генералъ Кноррингъ предложилъ тогда Буксгевдену положить Высочайшее повелѣніе подъ сукно и привести въ исполненіе задуманную операцію; успѣхъ, по его мнѣнію, побудилъ бы императора Александра утвердить начальство надъ арміею за графомъ Буксгевденомъ. Послѣдній, въ пылу увлеченія, согласился исполнить столь безразсудное предпріятіе. Когда же ночью на 1-е января 1807 года въ Біалу пріѣхалъ Бенигсенъ, то графъ Буксгевденъ безпрекословно сдалъ ему начальство и немедленно уѣхалъ, ни съ кѣмъ не простившись. Th. Bernhardi: Geschichte Russlands und der Europäischen Politik.— Leipzig. 1875—2-ter Theil. 2-te Abtheilung, p. 837.

274) Записки графа Ланжерона, хранящіяся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ.

275) Отправляясь въ 1805 году въ армію, императоръ Александръ сказалъ генералъ-адъютанту Комаровскому, назначенному помощникомъ къ главнокомандующему Вязмитинову: «Я желаю, чтобъ учреждена была la haute police, которой мы еще не имѣемъ,

и которая необходима въ теперешнихъ обстоятельствахъ; для составленія правилъ оной назначенъ будетъ Комитетъ» (Записки графа Е. Ѳ. Комаровскаго. «Русскій Архивъ», 1867 года, стр. 754). Въ архивахъ, кромѣ наставленія, нѣтъ никакихъ дѣлъ, относящихся къ дѣйствіямъ комитета, учрежденнаго 5-го сентября 1805 года.

276) Комитетъ продолжалъ номинально существовать при императорѣ Николаѣ до 17-го января 1829 года.

277) 15-го марта 1807 года Высочайше повелѣно присутствовать въ комитетѣ фельдмаршалу Н. С. Салтыкову.

278) См. въ приложеніяхъ; высочайше конфирмованная, 2-го января 1807 года, записка объ учрежденіи Комитета общей безопасности и указъ Сенату отъ 13-го января 1807 года. Здѣсь же помѣщено секретное наставленіе комитету высшей полиціи 1805 года (Архивъ Государственнаго совѣта).

279) Высочайшее повелѣніе это было вызвано дѣломъ о кучерѣ надворнаго совѣтника Тузова Алексѣѣ Корниловѣ. Онъ былъ признанъ виновнымъ въ томъ, что былъ излишне любопытенъ, спрашивалъ про газеты и говорилъ, хотя и въ шутку, слова непристойныя и дерзкія, то есть: «когда придетъ сюда Бонапарте, то онъ не будетъ служить Тузову безъ платы; а дай онъ деньги, то и служить ему будетъ». Комитетъ, не находя тутъ никакого злого умысла, а одно только невѣжество и грубость, достаточнымъ наказаніемъ за сіе полагаетъ высѣчь его, чрезъ Управу Благочинія, розгами и потомъ, подтвердя ему накрѣпко, чтобъ онъ впредь былъ осторожнѣе и пустого бы отнюдь не говорилъ, возвратить его помѣщику. Государь утвердилъ постановленіе Комитета, но затѣмъ повелѣно сообщить министру юстиціи вышепомянутую высочайшую волю.

280) «Ce n'était pas une bataille, mais un carnage». Эти слова были сказаны впослѣдствіи Наполеономъ генералу Бенигсену и занесены имъ въ свои записки (Записки Бенигсена: 25-я глава. Архивъ канцеляріи военнаго министерства).

281) Прогуливаясь въ 1809 году съ ротмистромъ Чернышевымъ въ Шенбрунскомъ саду и бесѣдуя съ нимъ о войнѣ 1807 года, Наполеонъ сказалъ: «Если я назвалъ себя побѣдителемъ подъ Эйлау, то потому только, что вамъ угодно было отступить».

Подъ впечатлѣніемъ боя подъ Эйлау Наполеонъ пытался даже войти въ отдѣльное соглашеніе съ Пруссіею и заключить перемиріе. 4-го (16-го) февраля съ этою цѣлью прибылъ въ Мемель генералъ Бертранъ. Король колебался и въ письмѣ къ Наполеону не отвергалъ возможности отдѣльнаго мира, безъ участія въ немъ Россіи; существовавшая среди прусскаго двора партія мира желала воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы избавиться отъ русскихъ союзниковъ. Тѣмъ не менѣе начавшіеся по иниціативѣ Наполеона переговоры не привели къ желаемой имъ цѣли. Война продолжалась.

282) 8-го (20-го) февраля императоръ Александръ писалъ генералу Бенигсену: «A Pétersbourg il ne restera plus qu'un seul bataillon de Préobrajensky pour tenir la garde du palais et un escadron de cosaques pour les patrouilles».

283) Louise, Königin von Preussen, von F. Adami.—(11-te Auflage) p. 226.

284) Neunundsechszig Jahre am Preussischen Hofe, p. 294.

285) «Nicht wahr, Keiner von uns Beiden fällt allein? Entweder Beide zusammen oder Keiner von Beiden!» Schladen: Preussen in den Jahren 1806 und 1807. Ein Tagebuch.— Mainz, 1845, p. 173.

286) Русскому послу въ Лондонѣ, Алопеусу, сообщена была слѣдующая оцѣнка этого неподражаемаго произведенія господствовавшей тогда дипломатической романтики: «L'histoire de nos jours n'offre malheureusement que peu d'exemples de pareilles transactions, dont le but n'est uniquement que le bien général sans aucune arrière-pensée de la part des puissances contractantes, et par conséquent sans articles secrets» (19-го апрѣля (1-го мая) 1807 года).

287) Вольцогенъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что еще до Фридландскаго сраженія среди русской арміи поднялся всеобщій ропотъ, и ставился вопросъ: «для чего намъ продолжать сражаться изъ-за личной дружбы нашего императора къ королю прусскому?» Что же касается цесаревича, то онъ вообще не стѣснялся высказывать свое нерасположеніе къ пруссакамъ, утверждая «qu'il était en cela bon russe». Wolzogen. Memoiren.— Leipzig, 1851, p. 42—43.

288) Михайловскій-Данилевскій пишетъ: «Подъ Гейльсбергомъ русскіе побѣдили оборонительно». Послѣ этого сраженія Наполеонъ рѣшился маневрами выманить Бенигсена изъ занятой имъ подъ Гейльсбергомъ позиціи.

289) Лессепсъ въ депешѣ къ Талейрану, отъ 10-го (22-го) августа 1807 года, приводитъ слѣдующія слова цесаревича, сказанныя тогда государю: «Sire, si Vous ne voulez pas faire la paix avec la France, eh bien, donnez un pistolet bien chargé à chacun de Vos soldats et commandez-leur de se brûler la cervelle. Vous obtiendrez le même résultat que celui qui Vous offrira une nouvelle et dernière bataille, qui ouvrira infailliblement les portes de Votre Empire aux troupes françaises exercées aux combats et toujours victorieuses».

Шладену цесаревичъ сказалъ: «que si l'on voulait continuer la guerre, il valait mieux que l'Empereur ordonne que chaque soldat charge son fusil et se tue lui-même». Denkwürdigkeiten des Fürsten von Hardenberg. Band 5 (Actenstücke), p. 525.

290) Письмо князя Куракина къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, отъ 3-го (15-го) іюня 1807 года, изъ Тильзита.

Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ въ 1807 году назначенъ былъ посломъ къ вѣнскому двору; окончательную инструкцію онъ долженъ былъ получить отъ императора Александра на театрѣ военныхъ дѣйствій и потому на пути изъ Петербурга въ Вѣну остановился въ Тильзитѣ.

291) Mémoire politique et militaire 1806: Военно-ученый Архивъ. Отд. II, № 1586.

292) Замѣчательно, что самый ревностный сторонникъ войны съ Франціею, баронъ Будбергъ, признавался многими современниками виновникомъ примиренія Россіи съ Наполеономъ. Графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ бранитъ его въ своей перепискѣ самымъ нещаднымъ образомъ, заподозрѣвая въ немъ мнимаго творца тильзитскаго соглашенія. (Ce scélérat Budberg, un Livonien d'extraction, un ancien sujet Suédois и т. п.).

293) Наканунѣ Фридландскаго сраженія, 1-го (13-го) іюня, Бенигсенъ мечталъ еще сокрушить Бонапарта, если только Австрія присоединится къ коалиціи; по этому поводу главнокомандующій писалъ графу П. А. Толстому (командовавшему тогда отдѣльнымъ корпусомъ) слѣдующее: «Что дѣлаютъ австрійцы? Ихъ поведеніе по-истинѣ непонятно; какой удобный случай представляется Австріи напасть на авантюриста Бонапарта (l'aventurier Bonaparte), рискнувшаго снова зайти такъ далеко; если они только захотятъ, этотъ человѣкъ долженъ быть вскорѣ уничтоженъ». Военно-ученый Архивъ. Отд. II, № 1609.

294) Въ Силезіи не успѣли еще сдаться французамъ крѣпости Козель, Зильбербергъ и Глацъ.

295) Сборникъ И. Р. И. О., т. 89-й: Посольство графа П. А. Толстого въ Парижѣ въ 1807 и 1808 годахъ (Изъ дипломатической и военной переписки, относящейся къ событіямъ, предшествовавшимъ Тильзитскому миру, стр. 3—48).

296) Богдановичъ въ своей Исторіи императора Александра I замѣчаетъ, что довольно трудно объяснить, почему князь Лобановъ, храбрый воинъ, но незнакомый съ дипломатіей, не обладавшій счастливою внѣшностью, человѣкъ довольно грубый, съ угловатыми манерами, получилъ такое порученіе? На этотъ упрекъ слѣдуетъ отвѣтить новымъ вопросомъ: находилось ли подъ руками государя другое лицо, которому можно было поручить веденіе столь щекотливыхъ переговоровъ? Генералъ Будбергъ былъ явный противникъ новой политической системы, которая зарождалась въ умѣ императора Александра. Князю Чарторижскому, какъ поляку, неудобно было вручать судьбу Россіи въ такую критическую минуту. Н. Н. Новосильцовъ, ѣздившій въ 1804 году въ Англію съ туманнымъ планомъ всеобщаго европейскаго замиренія, также не подходилъ для предстоящей тильзитской миссіи. Оставался еще оберъ-гофмаршалъ графъ Н. А. Толстой; но послѣдній еще подъ Аустерлицомъ заявилъ одному лицу, просившему его отклонить государя отъ рокового боя: «qu'il se mêlait de poulardes, du vin», предоставляя генераламъ вести войну. Князя А. Б. Куракина приберегали для позднѣйшихъ мирныхъ переговоровъ; притомъ, этотъ невоинственный царедворецъ не могъ принять на себя полу-военную миссію, которая требовалась тогда обстоятельствами въ Тильзитѣ. Наконецъ, князь Волконскій и графъ Ливенъ, которыхъ Наполеонъ сопричислилъ къ «freluquets», окружавшимъ государя въ 1805 году, также не подходили къ роли перваго вѣстника сбли-

женія съ Наполеономъ. Итакъ, императору Александру дѣйствительно не оставалось иного выбора, какъ обратиться къ содѣйствію князя Лобанова-Ростовскаго.

297) Th. Bernhardi: Geschichte Russlands und der europäischen Politik in den Jahren 1814 bis 1831.—Leipzig, 1875. T. 2. Zweite Abtheilung, p. 535.

Когда во время войны 1806 года обнаружилось крайне неудовлетворительное положеніе интендантскихъ дѣлъ въ заграничной арміи, императоръ Александръ вызвалъ, въ началѣ 1807 года, Попова изъ деревни и отправилъ его къ генералу Бенигсену для приведенія въ порядокъ хозяйственнаго управленія арміи. 19-го мая государь писалъ Попову: «Пріятно мнѣ весьма, что нашелъ я человѣка, который себя ставитъ свыше той пріязни, которую привлекаютъ къ себѣ пагубнымъ потворствомъ и снисхожденіями, и предпочитаетъ пользу службы личнымъ непріятностямъ». Эти строки обрисовываютъ вполнѣ ту степень довѣрія и уваженія, съ которою императоръ Александръ относился къ Василію Степановичу Попову въ эпоху войны 1807 года.

298) 3-го іюня князь Куракинъ встрѣтилъ Попова въ Тильзитѣ и узналъ отъ него, что мы потеряли очень много людей: цѣлой трети гвардейскихъ полковъ не стало. Бенигсенъ почти потерялъ голову; армія жаждетъ мира; войска, сражаясь какъ львы и встрѣчая смерть какъ герои, утомились войною, которую они ведутъ. (Князь Куракинъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, 3-го (15-го) іюня 1807 года, изъ Тильзита).

Гарденбергъ приписываетъ измѣненіе въ политической системѣ Россіи гнусному заговору, жертвою котораго сдѣлался императоръ Александръ по свойственной ему слабости характера: «Une cabale abominable dont le général Bennigsen a été l'âme et à la tête de laquelle on a su placer le Grand-Duc Constantin, a commencé par paralyser l'armée et faciliter à Napoléon la réussite de tous ses plans. Non content de ne rien faire, on a sacrifié l'armée russe au but qu'on se proposait depuis longtemps, de se retirer derrière le Niémen et de forcer l'Empereur à faire la paix» (Denkwürdigkeiten des Fürsten von Hardenberg. Band 5, p. 533).

299) 7-го (19-го) іюня, Мюратъ занялъ Тильзитъ. Русскія войска, перейдя Нѣманъ, зажгли за собою мостъ и расположились вдоль рѣки, гдѣ они приступили къ постройкѣ укрѣпленій.

300) 16-го (28-го) февраля 1811 года.

301) Записки генерала Бенигсена (25-я глава): «Le général Duroc m'assura, que Napoléon désirait sincèrement se rapprocher de l'Empereur Alexandre, mais qu'il fallait s'entendre. Il répéta plusieurs fois cette expression, qui visait, selon moi, à une entrevue entre les deux souverains, le désir que Napoléon manifesta d'abord avec beaucoup d'empressement».

302) А. А. Васильчиковъ: Семейство Разумовскихъ.—С.-Петербургъ, 1887. Томъ 4-й

303) Очевидецъ событій 1807 года, Д. В. Давыдовъ, занимавшій въ то время должность адъютанта князя Багратіона, въ мрачныхъ краскахъ представляетъ безотрадную картину упадка духа въ русской главной квартирѣ, въ которой многія лица до Фридланда еще мечтали о предстоявшемъ низложеніи Наполеона: «Я прискакалъ въ главную квартиру, 6-го (18-го) іюня, которую составляла толпа людей различнаго рода. Тутъ были: англичане, шведы, пруссаки, французы-роялисты, русскіе военные и гражданскіе чиновники, разночинцы, чуждые службы и военной и гражданской, тунеядцы, интриганты, — словомъ, это былъ рынокъ политическихъ и военныхъ спекуляторовъ, обанкрутившихся въ своихъ надеждахъ, планахъ и замыслахъ... все было въ полной тревогѣ, какъ будто чрезъ полчаса должно было наступить свѣтопреставленіе. Одинъ Бенигсенъ оставался неизмѣннымъ; онъ видимо страдалъ, но скорбію безмолвною, мужественною, римскою».

Давыдовъ оттѣняетъ въ своемъ разсказѣ разницу, усмотрѣнную имъ между настроеніемъ умовъ въ главной квартирѣ и средѣ войскъ, вовсе не упавшихъ духомъ, готовыхъ, какъ онъ говоритъ, «даже на безконечныя войны». Сочиненія Д. В. Давыдова.—Москва, 1860, т. 2 (Тильзитъ въ 1807 году).

304) Въ то самое время, когда Англія равнодушно взирала на пораженіе пруссаковъ и русскихъ, оттягивая исполненіе столь необходимой для насъ диверсіи на нѣмецкихъ берегахъ, она не жалѣла средствъ и щедро расточала свои силы для чисто англійскихъ

предпріятій: адмиралу Дукворту было приказано произвести нападеніе на Египетъ, открыты дѣйствія противъ Буэносъ-Айреса и Лаплата, расширено владычество въ Индіи.

Англія отказала Россіи въ займѣ въ шесть милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, который намѣревались сдѣлать при посредничествѣ великобританскаго правительства; притомъ, этому отказу придали оскорбительную для императора Александра форму. Лордъ Говикъ призналъ опаснымъ гарантировать заемъ, потому что, въ случаѣ разрыва между правительствами, можно было опасаться, что желаніе причинить зло непріятелю возьметъ верхъ надъ честнымъ соблюденіемъ принятыхъ на себя обязательствъ. Императоръ Александръ былъ возмущенъ отказомъ и почувствовалъ себя оскорбленнымъ неблаговидною причиною, которою англійское министерство оправдывало принятое рѣшеніе.

305) Князь Лобановъ предупредилъ Бертье, вступая съ нимъ въ переговоры, что императоръ Александръ, при всей готовности положить конецъ кровопролитію, не согласится на миръ, оскорбительный для достоинства Россіи, а тѣмъ менѣе не потерпитъ самомалѣйшаго измѣненія въ границахъ Россіи. Бертье объявилъ, что Наполеонъ и не помышляетъ объ этомъ.

306) «Enfin qu'il y avait des circonstances, où il fallait songer de préférence à sa propre conservation, et ne suivre d'autres règles que le Lien de l'État» (Князь Куракинъ императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ, 10-го (22-го) іюня 1807 года изъ Шавли).

307) Гарденбергъ пишетъ: «Le système politique va être entièrement changé. La Russie de protectrice de l'indépendance de l'Europe, va devenir l'instrument des vues de l'Empereur Napoléon. Nous en sommes la victime» (Изъ письма къ Штейну отъ 28-го іюня (10-го іюля) 1807 года).

308) Гарденбергъ не пощадилъ Калькрейта въ своемъ дневникѣ и отозвался о немъ въ слѣдующихъ нелестныхъ выраженіяхъ: «Kalckreuth est un vieux fou, méchant comme un singe avec la tête désorganisée, mais avec de l'esprit, le cœur gangrené».

О себѣ Гарденбергъ въ письмѣ къ Штейну говоритъ: «Le grand Napoléon me traite avec une haine implacable qui ne caractérise pas le grand homme».

309) Въ какомъ удрученномъ состояніи духа находились въ Шавли до заключенія перемирія, свидѣтельствуетъ письмо князя Куракина къ императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ, отъ 8-го (20-го) іюня: «Jamais notre situation n'a été plus critique: nous n'avons plus à attendre notre salut que de Dieu et de cet attachement que notre bonne nation porte d'une manière aussi prononcée à sa patrie et à ses souverains... En faisant la paix, si on peut y parvenir encore convenablement, il ne peut être question par malheur d'autre chose que de la faire la moins onéreuse que possible. Voilà où nous en sommes!»

310) Письмо князя Куракина, отъ 10-го (22-го) іюня 1807 года, написанное въ Шавли тотчасъ по полученіи императоромъ Александромъ курьера отъ князя Лобанова съ извѣстіемъ о заключеніи перемирія.

311) Въ черновомъ отпускѣ зачеркнуто: «Je me livre avec charme à l'espoir que mon système favori, celui que j'ai désiré depuis si longtemps voir établi remplacera enfin cet ordre de choses».

Записка императора Александра напечатана нами въ «Посольствѣ графа П. А. Толстого». Сборникъ И. Р. И. О., т. 89-й, стр. 31 (Черновой собственноручный отпускъ въ Государственномъ Архивѣ. Разрядъ II, № 149.

312) «Il est resté longtemps dans le cabinet de Sa Majesté» (84-me bulletin).

313) Eigenhändige Memoiren des Staatskanzler Fürsten von Hardenberg. — Leipzig, 1877. Band 2, p. 458—462.

Даже нѣмецкіе историки признаютъ мысли Гарденберга химерическими. Ленцъ въ статьѣ о Тильзитѣ говоритъ, что едва ли они были бы умѣстными и до сраженія при Іенѣ (Forschungen zur Brandenburgischen und Preussischen Geschichte. Band 6, erste Hälfte 1893: «Tilsit» von Max Lenz).

314) Сочиненія Д. В. Давыдова, т. 2: «Тильзитъ въ 1807 году».

315) Гребцы были набраны изъ рыбаковъ и одѣты наскоро въ бѣлыя куртки и шаровары.

316) За исключеніемъ этой корчмы не существовало никакого другого строенія на правомъ берегу Нѣмана: всѣ были разобраны на бивачные костры. Впрочемъ, и это строеніе

представляло вмѣсто крыши однѣ стропилы; вся солома, служившая крышею, была снята войсками для кормленія лошадей, нуждавшихся не только въ сѣнѣ, но и въ соломѣ.

317) Бенигсенъ пишетъ въ своихъ запискахъ: «Les deux souverains s'embrassèrent amicalement» (25-я глава).

Д. В. Давыдовъ и Михайловскій-Данилевскій объ этомъ умалчиваютъ, упоминая только объ рукопожатіи.

Тьеръ пишетъ: «Le premier mouvement de Napoléon et d'Alexandre en s'abordant fut de s'embrasser». Лефебръ въ «Histoire des cabinets de l'Europe, 1800—1815», t. 4, также упоминаетъ, что недавніе соперники облобызались при первой встрѣчѣ.

Въ запискахъ генерала Полэна, очевидца свиданія на Нѣманѣ, читаемъ: «Des bords du fleuve on put voir les deux souverains aborder le radeau, entrer par les deux extremités du pavillon, s'embrasser... et ce fut tout. Le reste fut voilé á tous les regards».—(«Les souvenirs du général Baron Paulin». Paris, 1895).

318) Михайловскій-Данилевскій приводитъ этотъ разсказъ со словъ свидѣтеля генералъ-адъютанта князя Петра Михайловича Волконскаго (Описаніе войны 1806 и 1807 годовъ, стр. 366).

319) Замѣчено графомъ Михаиломъ Семеновичемъ Воронцовымъ, стоявшимъ съ часами на берегу Нѣмана.

320) «Je hais les Anglais autant que vous les haïssez et je serai votre second dans tout ce que vous ferez contre eux». — «En ce cas tout peut s'arranger, et la paix est faite». Lefebre: «Histoire des cabinets de l'Europe pendant le Consulat et l'Empire». 1800—1815. T. 4.

Въ письмѣ Наполеона къ императору Александру, отъ 19-го іюня (1-го іюля) 1812 года, изъ Вильны сказано: «La guerre qui divisait nos États se termina par le traité de Tilsit. J'avais été à la conférence du Niémen avec la résolution de ne pas faire la paix, que je n'eusse obtenu tous les avantages que les circonstances me promettaient. J'avais, en conséquence, refusé d'y voir le roi de Prusse. Votre Majesté me dit: je serai votre second contre l'Angleterre. Ce mot de Votre Majesté changea tout; le traité de Tilsit en fut le corollaire».

321) Подобный взглядъ на дѣло вполнѣ соотвѣтствовалъ воззрѣніямъ, сложившимся до пріѣзда на нѣманскій плотъ въ умѣ Александра, писавшаго, какъ уже выше упомянуто, князю Лобанову: «Мы съ императоромъ Наполеономъ легко придемъ къ соглашенію, если только войдемъ въ переговоры безъ посредствующихъ лицъ».

322) Бенигсенъ въ своихъ запискахъ (25-я глава) пишетъ: «Napoléon s'approcha de moi pour me dire ces mots flatteurs: Nous nous sommes déjà rencontrés, général, et je vous ai trouvé quelquefois méchant».

Д. В. Давыдовъ передаетъ эти слова Наполеона нѣсколько въ иномъ видѣ. «Между прочимъ онъ сказалъ ему: «вы были злы подъ Эйлау (Vous étiez méchant à Eylau»), выражая симъ изреченіемъ упорство и ярость, съ какими дрались войска наши въ этомъ сраженіи, и заключилъ разговоръ съ нимъ этими словами: «я всегда любовался вашимъ дарованіемъ,—еще болѣе вашею осторожностью (J'ai toujours admiré votre talent,—votre prudence encore plus)». Самолюбіе почтеннаго старца воина приняло эту полуэпиграмму за полный мадригалъ... Бенигсенъ разсказывалъ мнѣ это нѣсколько разъ и каждый разъ съ новымъ удовольствіемъ» («Сочиненія Давыдова», ч. 2-я, стр. 253).

323) Бесѣдуя въ 1807 году въ Петербургѣ съ генераломъ Савари, императоръ Александръ сказалъ ему: «Je vous avouerai que l'on n'a jamais eu plus de préventions contre quelqu'un que je n'en ai eu contre lui; mais après trois quarts d'heure de conversation avec lui, elles ont toutes disparu comme un songe, et jamais je ne m'en suis rappelé, tant j'ai été pénétré de tout ce qu'il m'a dit» (Savary: Rapport 27 Septembre (9 Octobre) 1807). Сборникъ И. Р. И. О., т. 83: La mission du général Savary à St.-Pétersbourg.

324) Этотъ фактъ приведенъ Михайловскимъ-Данилевскимъ въ его рукописи описанія войны 1806 и 1807 годовъ. Императоръ Николай, прочитавъ рукопись Данилевскаго, вычеркнулъ этотъ разсказъ (Военно-ученый Архивъ. Отд. II, № 1585).

Въ отношеніи наполеонофобіи графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ оказался достойнымъ сыномъ проживавшаго въ Англіи графа Семена Романовича, который вно-

слѣдствіи, по случаю торжественнаго возвращенія гвардіи изъ прусскаго похода въ Петербургъ, предлагалъ, чтобы сановники, подписавшіе Тильзитскій договоръ, парадировали при этомъ на ослахъ. (Архивъ князя Воронцова. Книга 17-я, стр. 172: «Il n'y a que messieurs Courakin et Labanoff qui ont signé le traité et M-r Budberg qui a contresigné la ratification, qui auraient dû parader dans une entrée solennelle, montés sur des ânes»).

325) «J'avoue que je suis vindicatif», сказалъ Наполеонъ, «le baron Hardenberg peut être un homme respectable, mais il a offensé, moi et la nation française, par sa conduite envers mes ministres, et c'est comme s'il m'avait donné un soufflet à moi».— Когда король возразилъ, что онъ не имѣетъ въ своемъ распоряженіи другого лица, пользующагося его довѣріемъ, Наполеонъ назвалъ Шуленбурга, Цестрова, Штейна.

Eigenhändige Memoiren des Fürsten von Hardenberg. B. 2, p. 480.

326) «Napoleon kenne nur zu gut die Fehler seines Heeres und seine eigene Meinung sei nun gerechtfertigt indem er immer gesagt habe die Kapitaine hätten zu viel Einkommen». Schladen: Preussen in den Jahren 1806 und 1807, p. 245.

327) Знаменитый плотъ на Нѣманѣ, на которомъ было положено начало дружбѣ и союзу Александра и Наполеона, былъ прославленъ рѣзцомъ, кистью, стихами. Музыканты также не отстали въ дѣлѣ прославленія событія 13-го (25-го) іюня: они сочиняли и играли марши и танцы разнаго рода въ честь достопамятнаго свиданія, въ честь дружбы великихъ монарховъ.

Вѣрнымъ изображеніемъ образа мыслей современниковъ о значеніи событія этого дня слѣдуетъ признать стихи, написанные тогда въ Парижѣ:

Sur un radeau
J'ai vu deux maîtres de la terre;
Sur un radeau
J'ai vu la paix, j'ai vu la guerre
Et le sort de l'Europe entière
Sur un radeau;
Je gagerai que l'Angleterre
Craindrait moins une flotte entière
Que ce radeau.

(Военно-ученый Архивъ, № 1585).

328) За государемъ немедленно послѣдовали въ Тильзитъ: цесаревичъ Константинъ Павловичъ, баронъ Будбергъ, оберъ-гофмаршалъ графъ Н. А. Толстой, тайный совѣтникъ В. С. Поповъ, князь Лобановъ-Ростовскій, генералъ-адъютанты: графъ Ливенъ, князь Волконскій и князь Трубецкой, генералъ-майоръ Фуль, недавно перешедшій изъ Пруссіи на русскую службу.

Вскорѣ затѣмъ получили повелѣніе прибыть въ Тильзитъ: князь А. Б. Куракинъ, бывшій генералъ-прокуроръ Беклешовъ, генералъ-адъютантъ Уваровъ, генералъ Сухтеленъ, тайный совѣтникъ Лошкаревъ, камергеръ Рибопьеръ и графъ Нессельроде.

329) Тѣмъ не менѣе, король ни разу не ночевалъ въ Тильзитѣ и постоянно возвращался въ свою главную квартиру въ Питкупёненъ.

Лефебръ пишетъ: «Le roi de Prusse assistait au réunion des deux Empereurs, mais il y assistait comme un témoin incommode et malheureux. En sa présence ils s'imposaient une réserve absolue, et toujours ils attendaient qu'il se fut retiré pour se livrer à leurs plus secrets épanchements. Napoléon ressentait pour ce prince une insurmontable aversion, et il se donnait le tort de la laisser paraître» (Histoire des cabinets de l'Europe pendant le Consulat et l'Empire. T. 4).

330) Записки А. П. Ермолова.—Москва. 1866. Ч. 1.

331) 69 Jahre am preussischen Hofe. 307.

332) Военно-ученый Архивъ, № 1585: Описаніе войны 1806 и 1807 годовъ, рукопись Михайловскаго-Данилевскаго.

333) The diaries and letters of sir George Jackson.—London. 1872. V. 3, p. 172.

Когда король просилъ Наполеона сохранить за нимъ Магдебургъ, императоръ отвѣчалъ: «Mais vous oubliez que vous n'êtes plus en état de négocier. Sachez que je veux

abaisser la Prusse et garder Magdebourg pour entrer quand je veux dans Berlin. Je ne connais que deux sentiments: la vengeance et la haine; il y doit en avoir à l'avenir une haine contre les Français en Prusse; mais je la mettrai hors d'état de nuire». (Jackson. V. 2, p. 166).

334) Королева Луиза разсказывала Вильсону, послѣ возвращенія изъ Тильзита, что она была испугана способностью Бонапарта выражать на своемъ лицѣ доброту и расположеніе: «вѣдь если такой человѣкъ умѣетъ казаться добродушнымъ, то какое значеніе имѣетъ физіономія для опредѣленія душевныхъ качествъ людей».

Life of general Sir Robert Wilson.—London. 1862. V. 2, p. 317.

335) «Constantinople, c'est l'empire du monde». Méneval: Mémoires pour servir à l'histoire de Napoléon.—Paris. 1894. T. 2, p. 105.

336) Въ 1808 году императоръ Александръ, бесѣдуя съ Коленкуромъ по поводу раздѣла Оттоманской имперіи, выразился слѣдующимъ образомъ: «Constantinople, par l'éloignement des Turcs ne sera plus qu'une ville de province au bout de l'Empire. La géographie veut que je l'aie, parce que si elle était à un autre, je ne serais plus maître chez moi, et qu'il est cependant sans inconvénient pour les autres, l'Empereur l'avouera, que J'aie la clef de la porte de ma maison». (Caulaincourt à Napoléon, 12 (24) Juin 1808).

Биньонъ по поводу этихъ словъ императора Александра пишетъ: «En s'appropriant la Finlande, l'Empereur Alexandre a dit qu'il se défaisait de l'ennemi géographique. Voilà que maintenant la géographie doit lui donner les Dardanelles comme la clef de sa maison. Si c'est l'Empereur Napoléon qui lui a enseigné à faire ainsi de la géographie un instrument de conquête, la leçon n'a été perdue. L'élève était digne du maître». Histoire de France.—Paris. 1838. T. 7, p. 425.

337) Hirschfeld: «Ein Thronerbe als Diplomat. Historische Studie aus der Rheinbundszeit».—Deutsche Rundschau. 1892.

338) Безспорно, что дружба Наполеона налагала на тильзитскаго союзника и тяжелыя обязательства; но выгоды, сопряженныя съ незыблемостью этого союза, превосходили невыгодныя его стороны, и утѣшеніемъ могла служить увѣренность, что Наполеонъ не вѣченъ. Самъ великій полководецъ утѣшалъ такимъ образомъ впослѣдствіи жертвы своихъ гигантскихъ политическихъ замысловъ и говорилъ въ 1809 году австрійскимъ дипломатамъ передъ заключеніемъ Шёнбрунскаго мира: «Pourquoi se lamenter sur la perte de quelques lambeaux de terrain qui vous reviendront pourtant un jour? Tout cela peut durer, tant que j'existe. La France ne peut pas faire la guerre au-delà du Rhin. Bonaparte l'a pu, mais avec moi tout est fini». Или же: «Encore dix ou quinze ans, je creverai, et vous ferez de nouveau tout ce qui vous plaira». Tagebücher von Friedrich von Gentz.—Leipzig. 1873. Band 1, p.p. 142 und 198.

339) «J'ai toujours regardé la Pologne comme un moyen, mais pas comme une affaire principale», сказалъ Наполеонъ въ 1813 году. Lebensbilder aus den Befreiungskriegen.—Jena. 1844. 3-te Abtheilung, p. 464.

340) Въ бюллетенѣ, отъ 19-го ноября (1-го декабря) 1806 года, встрѣчаются слѣдующія вѣщія изреченія Наполеона о Польшѣ: «Возстановится ли польскій престолъ и вернется ли къ этой великой націи ея прежнее существованіе и независимость? Воскреснетъ ли она къ жизни изъ глубины могилы? Одинъ Богъ, правящій всѣми событіями, можетъ рѣшить эту великую политическую задачу; но, конечно, никогда не было бы событія болѣе достопамятнаго, болѣе достойнаго вниманія.

Не менѣе загадочны мысли, высказанныя Наполеономъ 6-го (18-го) мая 1807 года въ замѣчаніяхъ министру внутреннихъ дѣлъ по поводу подготовлявшагося: «Exposé de la situation de l'Empire». Наполеонъ пишетъ: «Ne pas parler de l'indépendance de la Pologne et supprimer tout ce qui tend à montrer l'Empereur comme le libérateur, attendu qu'il ne s'est jamais expliqué à ce sujet».

Посылая генерала Бертрана въ Мемель къ прусскому королю послѣ сраженія при Прейсишъ-Эйлау, Наполеонъ далъ ему инструкцію, въ которой относительно Польши было сказано слѣдующее: «Генералъ Бертранъ даетъ понять, что съ тѣхъ поръ, какъ императоръ узналъ Польшу, онъ не придаетъ ей болѣе никакой цѣны». Вотъ какъ раз-

суждалъ Наполеонъ, когда въ его политическіе расчеты входило примиреніе даже съ одной Пруссіей.

341) «Je ne plaide que la cause d'un allié malheureux». Императоръ Александръ Наполеону 22-го іюня (4-го іюля) 1807 года въ Тильзитѣ.

342) Письмо императора Александра къ князю Чарторижскому отъ 25-го декабря 1810 г.

343) Князь Куракинъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ 18-го (30-го) іюня 1807 года изъ Тильзита.

Впослѣдствіи, когда съ 1810 года возникли неудовольствія между Россіею и Франціею по поводу польскаго вопроса, Наполеонъ вспомнилъ о своихъ предложеніяхъ 1807 года и сказалъ русскому послу князю Куракину: «Pourquoi l'Empereur Alexandre a-t-il rejeté à Tilsit le premier plan que je lui ai proposé; il n'aurait pas eu alors les inquiétudes que lui donne ce Duché de Varsovie» (Князь Куракинъ императору Александру 27-го апрѣля (8-го мая) 1811 года). Нѣсколько ранѣе Наполеонъ сказалъ также флигель-адъютанту Чернышеву, что дѣла приняли бы другой оборотъ, если бы императоръ Александръ согласился на сдѣланныя ему въ Тильзитѣ предложенія относительно мірового раздѣла: «il lui avait proposé de partager le monde et qu'alors elle aurait eu en abondance et des troupes et de l'argent». Этотъ разговоръ происходилъ 23-го декабря 1810 года (4-го января 1811 года).

344) Въ Тильзитскомъ мирномъ договорѣ проскользнулъ намекъ на это обстоятельство. Пятая статья, касающаяся образованія Варшавскаго герцогства, начиналась словами: «Вслѣдствіе желанія, изъявленнаго въ предыдущей статьѣ, его величество императоръ Наполеонъ согласенъ, чтобы... (Par une suite du désir exprimé en l'article précédent Sa Majesté l'Empereur Napoléon consent à ce que)». — Не хотѣлъ ли Наполеонъ этими словами сохранить въ договорѣ слѣдъ, кому принадлежала иниціатива въ дѣлѣ образованія герцогства? Эти слова были вычеркнуты императоромъ Александромъ, и сбоку это измѣненіе въ текстѣ договора было скрѣплено подписями: «Napoléon», «Alexandre». (Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

Желаніе, изъявленное въ предыдущей статьѣ, о которомъ здѣсь упоминается, касается выраженнаго въ ней намѣренія Наполеона связать обѣ націи (то есть русскую и французскую) узами довѣренности и непоколебимой дружбы.

345) Даже въ 1812 году, когда Наполеонъ стоялъ на Нѣманѣ съ 600,000 арміей, онъ, къ неудовольствію поляковъ, относился сдержанно къ вопросу о возстановленіи Рѣчи Посполитой, не желая утратить въ будущемъ возможность соглашенія съ императоромъ Александромъ. Находясь въ Вильнѣ, Наполеонъ сказалъ полякамъ: «Въ моемъ положеніи я долженъ обращать вниманія на разныя отношенія и исполнять многія обязанности». Отсюда можно заключить, съ какимъ вниманіемъ Наполеонъ отнесся бы въ 1807 году ко всякому желанію государя, если бы непремѣнная воля русскаго самодержца высказалась противъ польскихъ притязаній.

346) Князь Куракинъ имѣлъ порученіе начать по пріѣздѣ въ Вѣну переговоры о предполагаемомъ бракѣ великой княжны Екатерины Павловны съ австрійскимъ императоромъ Францемъ. Но въ Тильзитѣ государь сказалъ Куракину, что вообще дѣла и положеніе Россіи до того измѣнились, что для великой княжны можно найти другое положеніе (établissement), болѣе приличное и выгодное (plus assortissant et plus convenable). Князь Куракинъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, 18-го (30-го) іюня 1807 года.

347) «Note dictée par l'Empereur Napoléon»; эта записка была приложена къ письму Наполеона къ императору Александру отъ 22-го іюня (4-го іюля) 1807 года.

348) 25-го ноября (7-го декабря) 1807 года, Наполеонъ писалъ императору Александру изъ Венеціи: «Je suis vraiment heureux de voir se consolider l'oeuvre de Tilsit. Je le serai davantage, lorsque V. M. tiendra sa promesse de venir à Paris; ce sera un moment bien doux pour moi et pour mes peuples».

349) Вечеромъ того же дня Наполеонъ выѣхалъ въ Кенигсбергъ, откуда онъ, послѣ кратковременной остановки въ Дрезденѣ, направился прямо въ Парижъ.

350) Сверхъ того, на основаніи дополнительной конвенціи, заключенной уже въ 1808 году въ Парижѣ, Наполеонъ обязалъ Пруссію содержать, въ продолженіе десяти лѣтъ, армію, не превосходящую 42,000 человѣкъ.

351) По другимъ свѣдѣніямъ, Александръ, разставаясь съ прусскимъ королемъ, сказалъ ему: «Que les points les plus durs de cette paix nous sont communs». Jackson, The diaries and letters. V. 2, p. 168.

352) Denkwürdigkeiten des Bayrischen Staatsministers Grafen von Mentgelas. 1799—1817. Stuttgart. 1887.

353) «La politique habile et l'éloquence séductrice de Napoleon, aussi irrésistible que ses armes, achevèrent ce que sa victoire et l'irritation d'Alexandre contre l'égoisme sans pudeur de l'Angleterre avaient commencé». Comte Ségur: Histoire et mémoires. — Paris. 1873. T. 3, p. 187.

Графъ Румянцевъ въ 1808 году не разъ говорилъ французскому послу Коленкуру: «L'Empereur Alexandre veut que je le répète: l'Empereur Napoléon l'a conquis à Tilsit».

354) По поводу личныхъ отношеній Александра къ Наполеону, установившихся въ 1807 году въ Тильзитѣ, въ запискахъ графини Эдлингъ встрѣчаются весьма любопытныя указанія. Пять лѣтъ спустя, во время войны 1812 года, государь, бесѣдуя съ авторомъ записокъ, коснулся также и тильзитскаго свиданія; онъ много и горячо говорилъ о загадочномъ характерѣ Наполеона и передавалъ своей собесѣдницѣ, какъ онъ изучалъ его во время тильзитскихъ совѣщаній. Графиня Эдлингъ замѣчаетъ, что во время этого непринужденнаго разговора она убѣдилась, какъ ошибочно полагали, будто Наполеонъ обольстилъ Александра. Вынужденный обстоятельствами признать превосходство его генія, онъ охотно согласился на предложенія великаго человѣка, но никогда не далъ ослѣпить себя ложнымъ довѣріемъ. «Napoléon entraîné par le plaisir d'inspirer de l'admiration à un prince si supérieur de son côté à tous ceux qu'il avait connus jusqu'alors, laissa deviner, sans approfondir, à son tour, un caractère que la nature et une position difficile avaient formé à une prudence peu commune» (Mémoires de la comtesse Edling (née Stourdza).—Moscou. 1888, p. 84).

Денисъ Давыдовъ въ своей оцѣнкѣ проницательности и самообладанія Александра заходитъ еще далѣе и говоритъ, что дѣло шло не объ одномъ свиданіи съ Наполеономъ, а объ очарованіи сего всемірнаго очарователя, объ искушеніи этого увлекательнаго искусителя, о введеніи въ заблужденіе этого свѣтлаго и положительнаго генія — и въ этомъ случаѣ побѣда несомнѣнно и неоспоримо осталась за нашимъ императоромъ.

355) A. Beer: Zehn Jahre Oesterreichischer Politik. 1801—1810.

356) Наполеонъ не довольствовался этими объясненіями, но назначилъ свиданіе еще другому австрійскому дипломату, уже давно ожидавшему этого счастія.

Въ самый разгаръ войны явился въ Варшаву австрійскій генералъ Винцентъ. Послѣ безплодныхъ переговоровъ съ Талейраномъ, продолжавшихся три мѣсяца, вѣнскій кабинетъ предписалъ Винценту хлопотать о разрѣшеніи прибыть въ французскую главную квартиру; но тщетно австрійскій посланный ожидалъ вожделѣннаго приглашенія. Снова прошло три мѣсяца, послѣдовалъ Тильзитскій миръ, и тогда только долготерпѣніе Винцента получило должное вознагражденіе. Талейранъ вызвалъ его въ Дрезденъ, и здѣсь состоялась наконецъ аудіенція у Наполеона 8-го (20-го) іюля. Винцентъ, между прочимъ, позволилъ себѣ замѣтить, что союзъ съ Австріею несравненно болѣе соотвѣтствуетъ интересамъ и намѣреніямъ Наполеона, чѣмъ союзъ съ Россіею.—«Я сознаю», отвѣтилъ императоръ, «что вы болѣе приличные люди, чѣмъ русскіе, и уже изъ одного европеизма я желалъ съ вами сближенія, но вы этого не хотѣли». Возвращаясь къ недавнимъ событіямъ войны, Наполеонъ сказалъ: «Vous avez fait une sottise de ne pas m'attaquer après la bataille d'Eylau; j'étais dans un fier embarras». — Наполеонъ кончилъ бесѣду словами: «Наши счеты кончены, не вижу причины къ ссорѣ (brouillerie) между Австріею и Франціею».

357) Mémoires du duc de Rovigo. — Paris. 1828. T. 3, p. 147: «J'ai confiance dans l'Empereur de Russie, et il n'y a rien entre les deux nations qui s'oppose à un entier rapprochement; allez y travailler».

358) Манифестъ о прекращеніи земскаго войска и объ обращеніи ратниковъ въ первобытное состояніе послѣдовалъ только 27-го сентября 1807 года. На основаніи этого манифеста, въ замѣнъ рекрутскаго набора, дозволено было всѣмъ помѣщикамъ, мѣщанскимъ обществамъ и казеннымъ селеніямъ оставлять въ военной службѣ всѣхъ тѣхъ ратниковъ, коихъ они вмѣсто рекрутъ оставить пожелаютъ.

359) Шёлеръ Фридриху-Вильгельму 2-го (14-го) ноября 1807 года изъ Петербурга. Hassel: Geschichte der Preussischen Politik. 1807 bis 1815. — Leipzig 1881. T. 1, p. 392.

360) «Si la maison de Brandebourg, qui la premiere se conjura contre notre indépendance, regne encore, elle le doit a la sincere amitié que m'a inspiré le puissant Empereur du Nord».

361) «Der Kaiser spielte eine seiner höchst unwürdige und unweise Rolle». Hardenberg: Memoiren. B. 2, p. 481.

362) «Je dois rendre la justice au Roi que son dévouement pour la personne de son auguste ami et allié n'a souffert aucune atteinte. Je sais de science certaine que plus d'une fois il s'est, dans son intérieur, servi en propres termes de l'expression: «Nein, von Alexander lass ich nicht»,—mais il n'a point assez de fermeté pour arrêter dans de justes bornes les attentions excessives qu'on eut ici préférablement pour tout ce qui était Anglais, circonstance qui a peut être contribué en grande partie à aigrir Napoléon contre cette Cour-ci».—«La Reine et sa Cour et tout ce qui veut lui plaire donnent à un point ridicule dans l'anglomanie». Баронъ Криденеръ графу Румянцеву, 30-го сентября (12-го октября) 1807 года, изъ Мемеля (Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

363) Фридрихъ-Вильгельмъ писалъ 6-го (18-го) іюля 1807 года изъ Мемеля своему послу въ Вѣнѣ графу Финкенштейну: «L'Empereur Alexandre partageant sincèrement tout l'accablant de ma position, se chargea d'y plaider ma cause. Je dois lui rendre justice qu'il m'a donné dans cette occasion les preuves les plus touchantes de son amitié personnelle et de sa participation au sort de ma monarchie». Oncken: Oesterreich und Preussen im Befreiungskriege.—Berlin. 1876. B. 1, p. 3.

364) «Le mécontentement contre l'Empereur va en augmentant, et les propos que l'on entend de toute part sont effrayants. Les bons serviteurs, les amis de l'Empereur, en sont au désespoir; mais il n'y a aucun parmi eux qui sache remédier au mal et qui ait le courage de faire connaître à l'Empereur l'excès du danger où il se trouve. Ils disent qu'ils n'y voient pas de remede, que l'Empereur est obstiné dans son opinion, qu'il n'ignore pas les mauvais propos qui se tiennent, mais qu'il les attribue à des causes étrangères, aux millions que jettent les Anglais pour se faire un parti (ce qui est entièrement faux et un dicton de Savary), et que ne voulant que le bien de ses sujets, il n'a rien à redouter d'eux. Il n'est que trop vrai, cependant, que dans les sociétés particulières et même dans les assemblées publiques, on s'entretient souvent d'un changement de régne, et que l'on pousse l'oubli des devoirs au point de dire que toute la ligne masculine de la famille régnante doit être proscrite, et que l'Impératrice Mere et l'Impératrice Elisabeth, n'ayant pas les qualités requises, il faudrait mettre sur le trône la grande duchesse Catherine. Ce qui peut rassurer encore de quelque maniere sur la trame d'un complot aussi horrible, c'est la publicité des discours et le manque d'un chef capable de le conduire à sa maturité. L'armée n'est pas mieux disposée que le reste des sujets». Mémoires posthumes du comte de Stedingk.- Paris. 1845. T. 2. p. 355 (Стедингъ королю 28-го сентября (10-го октября) 1807 года изъ С.-Петербурга).

Гнейзенау писалъ, 17-го (29-го) августа 1807 года, изъ Мемеля Вегелину: «Gerüchte aus Russland sprechen von einer vorseienden Thron-Revolution. Begegnet dem kindischen Knaben mit den hochgerühmten angenehmen Formen ein Unglück, so gönne ich es ihm. Er hat es an uns verdient durch seine Kraftlosigkeit». Pertz; Das Leben des Feldmarschalls Grafen Gneisenau.—Berlin. 1864. B. 1. p. 303.

365) Записки Ф. Ф. Вигеля. Часть 3-я, стр. 3.

366) Во время этой первой аудіенціи императоръ Александръ обратился къ генералу Савари съ слѣдующими замѣчательными словами: «Il (Наполеонъ) m'a donné à Tilsit des marques d'attachement que je n'oublierai jamais. Je suis bien sensible aux témoignages d'amitié qu'il me donne aujourd'hui et lui sais gré du choix qu'il a fait de vous pour me les apporter.—Eh! bien! plus j'y pense et plus je suis content de l'avoir vu. Je crains toujours d'oublier un seul mot de l'énorme quantité des choses qu'il m'a dites dans un si court intervalle de temps. C'est un homme extraordinaire, et il faut reconnaître, messieurs, que, quoique nous ayons quelques droits à votre estime, vous avez une supériorité marquée et qu'il faudrait être insensé pour vous la contester. Au reste, j'espère que

cela est bien fini: il a ma parole et je la tiendrai». Сборникъ И. Р. И. О., томъ 83-й, стр. 3.

367) «Si ces b... là ont envie de m'expédier, qu'ils se dépêchent; mais qu'ils ne pensent pas me faire faiblir ou me déshonorer.—Je pousserai la Russie vers la France, tant que je pourrai.—Ne voyez pas l'opinion dans quelques misérables dont je ne me sers point et qui sont trop lâches pour entreprendre quelque chose. Il n'y a pas ici assez d'esprit ni de résolution pour cela.—Malheur à celui qui ne va pas droit.—Je sais qu'il y a de l'intrigue, que l'Angleterre travaille encore et ce que vous avez âperçu est le résultat de ces menées. Je ne les crains pas; j'irai malgré tout à mon but. Soyez sans inquiétude de ce côté-là. Il faudra bien que l'on fléchisse. Je travaille à un changement, mais je ne puis l'opérer que lentement; mon intention est de mettre tout sur un autre pied. J'aime mes parents beaucoup, mais je règne et je veux que l'on ait pour moi des égards. — Vous voyez, général, que j'ai bien de la confiance en vous, puisque je vous entretiens de l'intérieur de ma famille». Сборникъ И. Р. И. О., томъ 83-й.

368) «L'Impératrice qui comme mère devait soutenir, défendre les intérêts de son fils, par inconséquence, par amour-propre (et certes par aucune autre raison, car elle n'est pas capable de mauvaises intentions), a réussi à ressembler à un chef de fronde; tous les mécontents qui sont en grand nombre, se rallient autour d'elle, l'élevant aux nues et jamais elle n'a attiré autant de monde à Pavlovsky que cette année-ci.—Je ne puis vous rendre à quel point cela m'indigne».

369) Сочиненія князя П. А. Вяземскаго. — С.-Петербургъ. 1883 (Старая записная книжка, стр. 255).

370) Записки Ф. Ф. Вигеля. Часть 2-я, стр. 231.

371) «По случаю болѣзни министра иностранныхъ дѣлъ, генерала-отъ-инфантеріи барона Будберга, уволеннаго отъ должности до излеченія оной, министру коммерціи графу Румянцеву повелѣваемъ управлять министерствомъ иностранныхъ дѣлъ» (Высочайшій указъ 30-го августа 1807 года).

Окончательное утвержденіе въ должности графа Румянцева послѣдовало 12-го февраля 1808 года. Баронъ Будбергъ былъ уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ съ пенсіономъ по 10,000 рублей въ годъ.

372) Собственноручныя записки графа Ростопчина о 1812 годѣ. Военно-ученый Архивъ. Отд. Ц, № 4525 (а). Въ своихъ запискахъ графъ Ростопчинъ, вступая какъ бы въ обязанности историка, умѣрилъ обычное злорѣчіе своего пера нѣкоторою долею истины. Но въ болѣе ранней перепискѣ онъ отзывался о графѣ Румянцевѣ слѣдующимъ образомъ: «Sans caractère, vain, incapable et Français dans l'âme, ne peut qu'être un pillier de cour et dire des balivernes depuis le matin jusqu'au soir» (Архивъ князя Воронцова, книга 8-я, стр. 242).

Изъ современниковъ графа Румянцева болѣе всѣхъ бранилъ его графъ С. Р. Воронцовъ; въ своей обширной перепискѣ онъ постарался подобрать для ненавистнаго министра самые отборные эпитеты: imbécile, stupide, tête creuse, ignorant, gueux, misérable, meprisable, hypocrite, vil intrigant, vil courtisan и т. д. Однимъ словомъ, это цѣлый потокъ самыхъ пошлыхъ ругательствъ.

Еще съ меньшимъ сочувствіемъ отнеслись нѣмецкіе писатели къ личности графа Румянцева и къ воззрѣніямъ его на государственную пользу Россіи. Ранѣе всѣхъ разгнѣвался на Румянцева Фридрихъ Великій и писалъ о немъ: «Ce comte est un diable et un homme violent».

373) «Министра военныхъ сухопутныхъ силъ генерала-отъ-инфантеріи Вязьмитинова, всемилостивѣйше увольняя по прошенію его за болѣзнію отъ службы, повелѣваю быть министромъ находящемуся при мнѣ генералу-отъ-артиллеріи графу Аракчееву» (Указъ Сенату отъ 13-го января 1808 года).

Высочайшее повелѣніе, чтобы впредь во всѣхъ сношеніяхъ и перепискахъ именовать министра военно-сухопутныхъ силъ короче военнымъ министромъ послѣдовало въ указѣ, объявленномъ Военной Коллегіи 24-го іюня 1808 года.

374) Современникъ пишетъ: «Еще въ ребячествѣ слышалъ я, какъ съ омерзѣніемъ и ужасомъ говорили о людоѣдѣ Аракчеевѣ. Съ конца 1796 года по 1801 былъ у насъ свой терроризмъ, и Аракчеевъ почитался нашимъ русскимъ Маратомъ. Въ кроткое цар-

ствованіе такіе люди казались невозможны; этотъ умѣлъ сдѣлаться необходимъ и всемогущъ. Сначала былъ онъ употребленъ имъ какъ исправительная мѣра для артиллеріи, потомъ какъ наказаніе всей арміи, и подъ конецъ, какъ мщеніе всему русскому народу». (Записки Ф. Ф. Вигеля. Часть 3-я, стр. 13).

375) Кромѣ того, графъ Аракчеевъ былъ тогда же назначенъ генералъ-инспекторомъ всей пѣхоты и кавалеріи.

376) Рескриптъ отъ 1-го (13-го) іюля 1807 года близъ Митавы въ Дублинѣ.

377) Указъ объ увольненіи графа Кочубея отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ послѣдовалъ 24-го ноября 1807 года.

378) Въ перепискѣ графа Буксгевдена съ братомъ встрѣчаются горькія сѣтованія на трудность предстоявшей ему задачи возстановить въ арміи расшатанный Бенигсеномъ порядокъ. Вслѣдствіе предъявленныхъ имъ строгихъ служебныхъ требованій многіе офицеры подали въ отставку, а другіе просили перевода; сообщая объ этомъ брату, графъ сопровождаетъ это извѣстіе слѣдующимъ разсужденіемъ: «So geht es wenn Leute von ihrem Dienst abkommen und wie die Saparoger gelebt haben. Jetzt fällt es ihnen schwer».

379) Князь Куракинъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, 18-го (30-го) іюня 1807 года, изъ Тильзита.

380) 20-го августа (1-го сентября) 1807 года.

381) «Mettez-vous bien en tète que je n'ai nullement besoin d'un diplomate, mais d'un brave et loyal militaire et sans contredit vous l'ètes». Военно-ученый Архивъ. Отд. I, № 429.

382) Австрійскій посолъ въ Парижѣ графъ Меттернихъ не замедлилъ оцѣнить по достоинству дѣятельность графа Толстого и писалъ графу Стадіону 31-го октября (12-го ноября) 1807 года: «Nous avions à redouter plus que toute autre conjoncture le rapprochement complet entre nos deux puissances voisines. Ce danger est éloigné». Mémoires de Metternich. T. 2, p. 139.

383) Инструкція подписана императоромъ Александромъ 14-го (26-го) сентября 1807 года на Каменномъ Острову и контрасигнована графомъ Румянцевымъ (Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

384) Она заключалась въ систематическомъ недовѣріи къ Наполеону, въ неумѣренномъ заступничествѣ за Пруссію и въ подготовленіи австро-русскаго союза.

385) Графъ Румянцевъ, бесѣдуя съ Савари объ устройствѣ восточныхъ дѣлъ, сказалъ: «L'Europe ne dira rien. Qu'est l'Europe? Où est-elle, si ce n'est entre vous et nous? Je pense toujours que votre Empereur n'aime pas les bagatelles, et nous aurons plaisir à le servir. Il a accordé ces provinces dans ses conversations, maintenant dites-lui de nous laisser faire le reste, et de nous dire seulement où il veut que nous nous arrêtions». Correspondance inédite de Napoléon Bonaparte.—Paris (Panckoucke). 1820. T. 7, p. 385.

386) Сообщая Наполеону, незадолго до отъѣзда изъ Петербурга, о своихъ наблюденіяхъ, генералъ Савари пришелъ къ заключенію, что въ Россіи единственные истинные друзья Франціи это императоръ Александръ и графъ Румянцевъ, народъ же готовъ опять взяться за оружіе и принести новыя пожертвованія для войны съ Франціею; къ этому Савари прибавилъ: «C'est une vérité qu'il serait dangereux de taire».

387) «Je ne voudrai pas de tout l'Empire Ottoman à ce prix. Je fais de cela une affaire d'honneur».—сказалъ императоръ Александръ Савари (Савари Наполеону 24-го ноября (6-го декабря) 1807 года).

388) Коленкуръ—Наполеону, 11-го (23-го) декабря 1807 года (2-d Rapport).

389) Меттернихъ утверждаетъ, что графъ Толстой передалъ ему, что императоръ Александръ повелѣлъ своему послу слѣдовать совѣтамъ представителя австрійскаго двора въ Парижѣ. – Ничего подобнаго нельзя найти въ инструкціи, данной графу Толстому при отправленіи его изъ Петербурга. «Il me répéta ce qu'il m'avait fait dire par le comte de Nesselrode, que ses instructions lui prescrivaient de s'en tenir entièrement à moi». Metternich: Mémoires. T. 2. p. 136.

390) Частное и секретное письмо графа Румянцева къ графу Толстому отъ 15-го (27-го) января 1808 года. Сборникъ И. Р. И. О., т. 89-й, стр. 378.

404) См. въ приложеніяхъ переписку Талейрана съ императоромъ Александромъ.

405) Adolf Beer: Zehn Jahre oesterreichischer Politik. 1801 — 1810. — Leipzig. 1877, p. 523. «Sire, que venez-vous faire ici? C'est à vous de sauver l'Europe, et vous n'y parviendrez qu'en tenant tête à Napoléon. Le peuple français est civilisé, son Souverain ne l'est pas. Le Souverain de Russie est civilisé, et son peuple ne l'est pas: c'est donc au Souverain de Russie d'être l'allié du peuple français».

«Le Rhin, les Alpes, les Pyrénées sont la conquête de la France. Le reste est la conquête de l'Empereur, la France n'y tient pas».

Слова Талейрана приведены въ запискѣ Меттерниха отъ 4-го декабря н. с. 1808 года. Она также напечатана: Metternich, Mémoires. T. 2, 248.

406) «Pour la première fois de ma vie, je lui ai vu prendre des soins pour plaire». Souvenirs de l'entrevue d'Erfurt par un page de Napoléon (Въ журналѣ: Le Correspondant. 1891).

407) Müffling: Aus meinem Leben.—Berlin. 1855 (2-te Auflage), p. 20.

408) Vandal: De Tilsit à Erfurt, p. 453.

Thibaudeau: Le Consulat et l'Empire.—Paris. 1835. T. 4-me, p. 70.

«Le 8 (Octobre), au moment de passer dans la salle à manger, Alexandre voulant ôter son épée, s'aperçut qu'il n'en avait point, et qu'il l'avait oubliée. Napoléon qui venait d'ôter la sienne, le pria de l'accepter. Alexandre la reçut avec empressement en disant: «Je l'accepte comme une marque de votre amitié. Votre Majesté est bien certaine que je ne la tirerai jamais contre elle». — Тибодо прибавляетъ: «Depuis Tilsit, il se préparait à la guerre» (??).

409) «L'Empereur de Russie disait au roi de Saxe à Erfurt «qu'il se sentait meilleur après chaque conversation avec l'Empereur Napoléon, et qu'une heure d'entretien avec ce grand homme l'enrichissait plus que dix années d'expérience!» Mémoires du comte de Senfft. — Leipzig. 1863, p. 197.

410) Нельзя признать выборъ новаго русскаго посла въ Парижѣ удачнымъ. Въ самую трудную минуту, которую переживалъ русско-французскій союзъ, представителемъ Россіи при дворѣ Наполеона явился человѣкъ, о которомъ графъ Ростопчинъ со свойственною ему безпощадною ироніею писалъ графу С. Р. Воронцову, 18-го апрѣля 1799 года: «Это такой болванъ, что слѣдовало бы ему быть нѣмецкимъ принцемъ, изгнаннымъ изъ своихъ владѣній, или же идоломъ у дикарей (Une bête qui devrait être ou un prince d'Allemagne chassé de ses États, ou une idole chez des sauvages)». Архивъ князя Воронцова, книга 8-я, стр. 204.

411) Erinnerungen aus dem Leben des General-Feldmarschal Hermann von Boyen.— Leipzig. 1889. Theil 1, p. 330.

412) Gräfin von Voss: Neunundsechzig Jahre am Preussischen Hofe.—Leipzig. 1876, p. 340: «Er hat wirklich das Unmögliche für uns gethan und sich sehr treu bewiesen».

413) «L'accord d'Octobre 1808, s'il avait tranché quelques-unes des questions que le traité de 1807 avait posées plutôt que résolues, laissait donc subsister entre la France et la Russie des causes de mésintelligence latentes et profondes. Il avait prorogé l'alliance, mais ne l'avait point fixée, et malgré les espérances suscitées par la rencontre des deux Empereurs, malgré l'alarme jetée dans le camp de nos adversaires, Erfurt n'avait point couronné l'oeuvre inachevée de Tilsit». Vandal: De Tilsit à Erfurt, p. 496.

414) Трудно представить себѣ болѣе пагубные для Франціи совѣты, чѣмъ тѣ, которые Талейранъ преподалъ Меттерниху. Онъ сказалъ: «Que depuis la bataille d'Austerlitz les rapports d'Alexandre à l'Autriche n'ont point été plus favorables; il ne dépendra que de vous et de votre ambassadeur à Pétersbourg de renouer avec la Russie des relations aussi intimes que celles qui existèrent avant cette époque. C'est cette réunion seule qui peut sauver les restes de l'indépendance de l'Europe. — Que l'intérêt de la France elle-même exige, que les puissances en état de tenir tête à Napoléon, se réunissent pour opposer une digue à son insatiable ambition. Que la cause de Napoléon n'est plus celle de la France; que l'Europe enfin ne peut être sauvée que par la plus intime réunion entre l'Autriche et la Russie». A. Beer: Zehn Jahre Oesterreichischer Politik, p. 523.—Metternich: Mémoires. T. 2, p. 248.

415) Наполеонъ, въ присутствіи важнѣйшихъ сановниковъ имперіи, обошелся съ Талейраномъ, какъ съ презрѣннѣйшимъ изъ людей, и осыпалъ его всевозможными укоризнами и, можно сказать, бранью. Онъ сказалъ Талейрану: «Vous êtes un voleur, un lâche, un homme sans foi, vous ne croyez pas en Dieu; vous avez toute votre vie manqué à tous vos devoirs, vous avez trompé, trahi tout le monde; il n'y a pour vous rien de sacré; vous vendriez votre père. Je vous ai comblé de biens, et il n'y a rien dont vous ne soyez capable contre moi. Ainsi depuis dix mois, vous avez l'impudeur, parce que vous supposez, à tort et à travers, que mes affaires en Espagne vont mal, de dire à qui veut l'entendre que vous avez toujours blamé mon entreprise sur ce royaume, tandis que c'est vous qui m'en avez donné la première idée, qui m'y avez persévéramment poussé. Et cet homme, ce malheureux (онъ подразумѣвалъ герцога Энгіенскаго), par qui ai-je été averti du lieu de sa résidence? qui m'a excité à sévir contre lui? Quels sont donc vos projets? que voulez-vous? qu'espérez-vous? Vous mériteriez que je vous brisasse comme un verre, j'en ai le pouvoir, mais je vous méprise trop pour en prendre la peine». Mémoires du chancelier Pasquier.—Paris. 1893. T. 1, p. 358.

416) «Une marche combinée avec calme et sagesse, mais exécutée avec rapidité et la plus grande énergie dans tous les détails ferait bientôt ici l'effet le plus salutaire». A. Beer: Zehn Jahre Oesterreichischer Politik, p. 350.

Кромѣ того, императрица Марія Өеодоровна успокоила австрійскаго посла увѣреніемъ, что въ Вѣнѣ не слѣдуетъ опасаться мѣръ, принятыхъ Россіею. Шварценбергъ признаетъ вдовствующую императрицу главою той партіи (du bon parti), которая осуждаетъ направленіе русской партіи.

417) 26-го февраля 1809 года императоръ Александръ писалъ графу Аракчееву: «Мнѣ ничуть не скучно читать твои письма».

418) «J'ai promis de maintenir votre constitution, vos lois fondamentales; votre réunion ici vous garantit ma promesse».

419) Въ письмѣ императора Александра къ Наполеону отъ апрѣля 1809 года сказано: «Votre Majesté peut compter sur moi. Mes moyens ne sont pas bien considérables, ayant deux guerres déjà sur les bras, mais tout ce qui est possible sera fait». 8-го (20-го) мая государь подтвердилъ Наполеону: «Elle trouvera toujours en moi un allié fidèle».

420) «J'ai tout fait pour éviter la guerre, mais puisque les Autrichiens l'ont provoquée et commencée, l'Empereur trouvera en moi un allié qui marchera franchement; je ne ferai rien à demi».

421) «L'Empereur dit, qu'il allait donner une grande preuve de sa confiance en m'assurant que rien ne serait oublié de ce qui était humainement possible d'imaginer pour éviter de nous porter des coups; il ajouta que sa position était si étrange, que quoique nous nous trouvassions sur une ligne opposée, il ne pouvait s'empêcher de faire des voeux en faveur de nos succès». A. Beer: Zehn Jahre Oesterreichischer Politik, p. 351.

422) Обрученіе великой княжны Екатерины Павловны послѣдовало ранѣе, а именно, 1-го (13-го) января 1809 года, во время пребыванія въ Петербургѣ прусской королевской семьи.

423) По окончаніи похода единственная награда была пожалована раненому Стакельбергу, а именно—золотая шпага.

424) Если въ военномъ отношеніи образъ дѣйствій Россіи въ 1809 году не можетъ быть признанъ безукоризненнымъ, то въ политическомъ отношеніи мѣропріятія императора Александра вполнѣ соотвѣтствовали письменнымъ увѣреніямъ, даннымъ Наполеону. Государь сдержалъ воинственные порывы Пруссіи, готовой присоединиться къ Австріи; этимъ онъ оказалъ Наполеону великую услугу, которая не была оцѣнена послѣднимъ должнымъ образомъ. Фридрихъ-Вильгельмъ III откровенно выяснилъ свое безвыходное положеніе въ письмѣ отъ 30-го апрѣля (12-го мая) и выражалъ надежду, что Россія никогда не сдѣлается врагомъ Пруссіи. Императоръ Александръ отвѣчалъ своему другу, что, если онъ рѣшится на войну съ Франціею, онъ предрѣшитъ этимъ свою собственную гибель, и что Наполеонъ тѣмъ не менѣе восторжествуетъ.

См. въ приложеніяхъ письмо Фридриха-Вильгельма III къ императору Александру, отъ 30-го апрѣля (12-го мая) 1809 года, изъ Кёнигсберга и отвѣтъ государя королю.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

425) Въ письмѣ императора Александра къ Наполеону, отъ 9-го (21-го) августа, 1809 года, читаемъ: «Mes intérêts se trouvent dans les mains de Votre Majesté. J'aime à placer une confiance entière dans son amitié pour moi» (Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

426) Припомнимъ здѣсь случай съ оберъ-гофмаршаломъ графомъ Н. А. Толстымъ, происшедшій въ 1808 году въ Эрфуртѣ. Получивъ изъ рукъ Наполеона ленту Почетнаго Легіона, графъ Толстой явился въ ней къ императору. Посмотрѣвъ на Толстого, государь вышелъ въ другую комнату, вынесъ оттуда Андреевскую ленту и хотѣлъ надѣть ее на графа; но тотъ, отступя шагъ назадъ, сказалъ: «Можетъ ли нашъ Андрей Первозванный быть вмѣстѣ съ орденомъ Бонапарта».—«Такъ простись же навсегда съ голубою лентою», отвѣчалъ государь. Дѣйствительно, графъ Толстой умеръ, не получивъ ордена св. Андрея. (Военно-ученый архивъ. Отд. 2, № 1748. Рукопись Михайловскаго-Данилевскаго: «Описаніе войны 1809 года).

427) На собственноручномъ письмѣ императора Александра, написанномъ по этому поводу, графомъ Аракчеевымъ была сдѣлана слѣдующая помѣта: «Получено 6-го сентября 1809 года, съ флигель-адъютантомъ Твороговымъ, въ 12-мъ часу дня; при ономъ приложенъ былъ орденъ св. Андрея, который и находился у графа до 7-ми часовъ вечера».

Графъ Аракчеевъ имѣлъ обыкновеніе вписывать свѣдѣнія о важнѣйшихъ случаяхъ своей жизни на листахъ, вклеенныхъ въ Евангеліе. 6-го сентября 1809 года имъ было записано: «Въ сей день, 1809 года, государь императоръ Александръ I изволилъ прислать къ графу Аракчееву, по случаю мира съ Швеціею, съ флигель-адъютантомъ, орденъ св. Андрея Первозваннаго, тотъ самый, который самъ изволилъ носить, при рескриптѣ своемъ; оный орденъ упросилъ графъ Аракчеевъ, того же числа къ вечеру, взять обратно, что государемъ императоромъ милостиво исполнено; а дабы сей рескриптъ не утратился, то съ онаго копія списана въ сей книгѣ на листахъ Пасхаліи, а другая копія написана на листахъ Евангелія, въ селѣ Грузинѣ. На оное останется въ доказательство, въ фамиліи Аракчеевыхъ, рескриптъ государя императора, на сей случай собственною рукою писанный».

428) Незадолго до заключенія мира съ Швеціею, 30-го августа 1809 года, графъ Аракчеевъ удостоился получить нижеслѣдующій рескриптъ: «Въ доказаніе признательности его императорскаго величества къ ревностной службѣ и неусыпной дѣятельности военнаго министра графа Аракчеева, повелѣваемъ Ростовскому мушкетерскому полку носить его имя».

429) Записки о моей жизни. Н. И. Греча.—С.-Петербургъ. 1866. Стр. 267. Относительно войны 1809 года Гречъ пишетъ, что Россія французамъ не помогла, а австрійцевъ обидѣла. «Полумѣры безсовѣстныя и вредныя».

430) Если въ Россіи не относились съ сочувствіемъ къ русско-французскому союзу, какъ въ правительственныхъ сферахъ, такъ и среди общества, то, конечно, и во Франціи встрѣчалось нерѣдко подобное же враждебное теченіе, направленное противъ тильзитскаго соглашенія. Оно проявилось съ особенною рѣзкостью въ восточныхъ дѣлахъ, такъ какъ самъ Наполеонъ менѣе всего думалъ исполнить на дѣлѣ тильзитскія обѣщанія, данныя имъ относительно Балканскаго полуострова императору Александу.

См. въ приложеніяхъ рѣчь французскаго посла Латуръ-Мобура, съ которою онъ обратился въ 1808 году къ Оттоманской Портѣ; она можетъ служить образчикомъ той двусмысленной поддержки которую оказывали намъ представители Наполеона въ Константинополѣ въ самый разгаръ русско-французской дружбы. Императоръ Александръ получилъ эту рѣчь отъ главнокомандующаго князя Прозоровскаго, и она, въ числѣ множества другихъ подобныхъ же свѣдѣній, не могла остаться безъ вліянія на отношенія государя къ своему тильзитскому другу.

431) Журналъ посѣщенія Москвы его императорскимъ величествомъ Александромъ I и краткаго пребыванія въ семъ первопрестольномъ градѣ въ 1809 году.—Москва, 1810.

432) При въѣздѣ государя въ Кремль прибылъ курьеръ съ донесеніемъ о взятіи Браилова.

433) Въ донесеніи отъ 16-го (28-го) декабря 1809 года Коленкуръ пишетъ: «l'Empereur me parla de Moscou et des marques non équivoques d'attachement qu'il avait reçues de tout son peuple. Il en paraissait fort touché. Il me dit que cela avait été tel et d'une

manière si touchante dans toutes les classes que cela lui avait souvent tiré les larmes des yeux. Il m'ajouta que ces moments avaient été pour lui la récompense la plus douce, la plus flatteuse de ses travaux».

434) Баронъ Густавъ Андреевичъ Розенкампфъ, р. 1764, † 1832, лифляндскій уроженецъ. Для комиссіи законовъ Розенкампфа рекомендовалъ сотоварищъ его по лейпцигскому университету сенаторъ Козодавлевъ; Розенкампфъ былъ вызванъ въ 1803 году въ Петербургъ и представленъ Новосильцовымъ императору Александру.

435) Въ рескриптѣ министру юстиціи сказано: «желая сколь можно ускорить совершеніемъ возложенныхъ на комиссію составленія законовъ трудовъ, я поручаю вамъ особенно и исключительно отъ всѣхъ прочихъ дѣлъ, къ производству Правительствующаго Сената и департамента юстиціи принадлежащихъ, употребить по сей части дѣйствительнаго статскаго совѣтника Сперанскаго. По дѣламъ сей комиссіи, усмотрѣнію моему подлежащимъ, имѣетъ онъ мнѣ докладывать».

Съ 8-го августа 1809 года Сперанскій былъ назначенъ присутствующимъ въ комиссіи составленія законовъ.

436) Mémoires du prince Adam Czartoryski. T. 1-r, p. 297.

437) Ѳ. Дмитріевъ: «Сперанскій и его государственная дѣятельность». «Русскій Архивъ» 1868 года, стр. 1544.

438) См. въ приложеніяхъ очеркъ плана государственнаго образованія Сперанскаго.

До сихъ поръ планъ государственнаго образованія Сперанскаго извѣстенъ былъ только по весьма неполнымъ извлеченіямъ или замѣткамъ, сдѣланнымъ Николаемъ Тургеневымъ. Онъ читалъ планъ Сперанскаго и сдѣлалъ изъ него нѣсколько извлеченій, частью буквальныхъ, частью переложеній. Все это было имъ изложено на французскомъ языкѣ и вошло въ его сочиненіе, изданное за границею: «La Russie et les Russes». Русскіе историки переводили этотъ французскій текстъ снова на русскій языкъ, и, благодаря этому, живое слово Сперанскаго, особенности его языка и изложенія исчезли. Явились неизбѣжныя неточности и недомолвки, исчезла также цѣльность всего монументальнаго творенія Сперанскаго.

439) Впослѣдствіи Сперанскій, по поводу постепенности реформы, писалъ императору Александру изъ пермской ссылки слѣдующее:

«Блистательнѣе, можетъ быть, было бы всѣ установленія сего плана, пріуготовивъ вдругъ, открыть единовременно: тогда они явились бы всѣ въ своемъ размѣрѣ и стройности и не произвели бы никакого въ дѣлахъ смѣшенія. Но ваше величество предпочли твердость сему блеску и признали лучшимъ терпѣть на-время укоризну нѣкотораго смѣшенія, нежели все вдругъ перемѣнить, основавшись на одной теоріи. Сколько предусмотрѣніе сіе ни было основательно, но впослѣдствіи оно содѣлалось источникомъ ложныхъ страховъ и неправильныхъ понятій. Не зная плана правительства, судили намѣренія его по отрывкамъ, порицали то, чего еще не знали, и, не видя точной цѣли и конца перемѣнъ, устрашились вредныхъ уновленій».

440) Изъ этихъ словъ Сперанскаго видно, что тогда не существовало еще предположенія учредить Правительствующій Сенатъ, отдѣльный отъ Судебнаго Сената.

441) Министромъ народнаго просвѣщенія былъ тогда графъ Завадовскій.

442) Манифестъ императрицы Екатерины II, отъ 14-го декабря 1766 года, объ учрежденіи въ Москвѣ комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія и о выборѣ въ оную депутатовъ.

443) Баронъ М. А. Корфъ: Жизнь графа Сперанскаго. С.-Петербургъ, 1861, т. 1-й, стр. 112.

444) «De temps présent» 1775. По странной случайности все, что Вольтеръ сказалъ о Тюрго, можетъ быть отнесено и къ Сперанскому. Приведемъ здѣсь еще его «Impromptu sur Turgo».

«Je crois en Turgot fermement:
«Je ne sais pas ce qu'il veut faire,
«Mais je sais que c'est le contraire
«De ce qu'on fit jusqu'à présent».

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

445) Замѣтимъ, что графъ Аракчеевъ, ввиду извѣстнаго ему изданія новыхъ правилъ, не упустилъ случая своевременно исходатайствовать нѣсколькимъ изъ своихъ приближенныхъ завѣтные впредь чины коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника.

446) Къ указу 6-го августа приложенъ порядокъ, коимъ полагалось производить испытанія въ университетахъ желающимъ вступить въ дальнѣйшее производство по гражданской службѣ. Въ немъ поименованы: 1) предметы испытанія; 2) образъ испытанія; 3) способъ ученія для молодыхъ людей службою обязанныхъ.

447) Жизнь графа Сперанскаго, т. 1-й, стр. 179.

448) На одномъ публичномъ маскарадѣ, бывшемъ въ то время, одна маска вызвала общій хохотъ и вмѣстѣ негодованіе на Сперанскаго, послуживъ предметомъ для оживленія враждебныхъ ему городскихъ сплетней. Какой-то острякъ, «убоявшійся бездны премудрости и потерявшій всякую надежду выдержать экзаменъ въ какой-либо наукѣ, кромѣ чиноманіи и взяткологіи, нарядился въ старинный, фантастическій, карикатурный мундиръ и, наподобіе извозчика, прицѣпилъ къ воротнику, на спинѣ своей, четвероугольный картонъ, на которомъ крупнѣйшими буквами было написано слѣдующее:

№ 1,200,301.
Вѣчнаго цеха
титулярный совѣтникъ.

Замѣтивъ необыкновенное волненіе публики, полиція учтиво попросила этого господина снять со спины свою остроту». Дружескія письма графа М. М. Сперанскаго къ П. Г. Масальскому, писанныя съ 1798 по 1819 годъ. С.-Петербургъ, 1862, стр. 9.

449) Образцомъ разсужденій современниковъ объ этихъ двухъ ненавистныхъ имъ указахъ 1809 года могутъ служить нижеслѣдующія строки изъ записокъ В. И. Бакуниной («Двѣнадцатый годъ»): «Какой способъ имѣютъ бѣдные дворяне, желающіе служить въ гражданской службѣ, учиться языкамъ, римскимъ правамъ, философіи, физикѣ и проч. По этимъ экзаменамъ всѣ мѣста должны быть заняты семинаристами, подобными Сперанскому. Постановленіе, что придворное званіе не даетъ чина, пресѣкло лестную дорогу дворянамъ, лишило права награждать дѣтей за службу отцовъ и приближать ихъ къ себѣ, унизило и достоинство двора. Придворный мундиръ сдѣлался театральнымъ платьемъ, никакой цѣны не имѣющимъ за порогомъ дворца». «Русская Старина» 1885 года, т. 47-й, стр. 394.

450) Графъ Кочубей, по прочтеніи проекта, писалъ Сперанскому: «Я не могу видѣть не только никакого неудобства къ образованію совѣта, но ласкаюсь внутренно, что оно произвести можетъ существенную пользу. Время, конечно, было обратить вниманіе на все неустройство сего учрежденія. Принимая даже вещи въ самой строгой скептикѣ, можно, думаю, смѣло согласиться, что не можетъ уже ничего быть хуже того, что есть». «Жизнь графа Сперанскаго», т. 1-й, стр. 115.

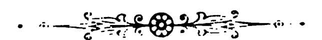
451) Разгнѣванный Аракчеевъ уѣхалъ въ Грузино и, судя по приведенному здѣсь письму его къ императору Александру, находился въ Петербургѣ уже 24-го декабря 1809 года.

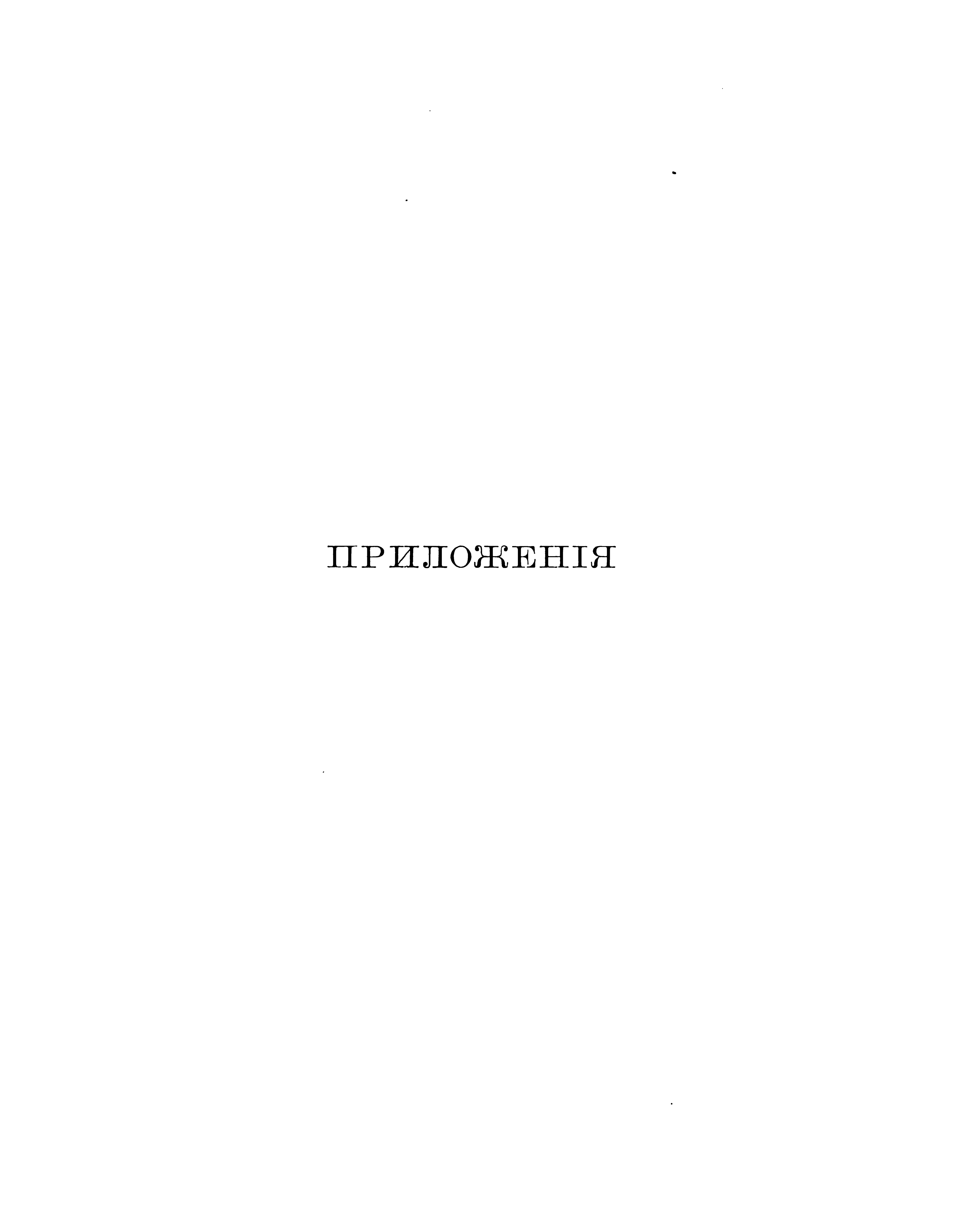
452) Архивъ канцеляріи военнаго министерства, № 21 (Бумаги графа Аракчеева).

453) Въ автобіографическихъ замѣткахъ графа Аракчеева, написанныхъ имъ на прокладныхъ листахъ принадлежавшаго ему Евангелія, читаемъ подобныя же нравоучительныя разсужденія: «Января 1-го 1810 года. Въ сей день сдалъ званіе военнаго министра. Совѣтую всѣмъ, кто будетъ имѣть сію книгу послѣ меня, помнить, что честному человѣку всегда трудно занимать важныя мѣста государства».

454) В. Р. Марченко род. 1782 г., † 1840 г. Назначенъ въ 1815 году статсъ-секретаремъ.

455) Повидимому, В. Р. Марченко впалъ здѣсь въ погрѣшность, принимая во вниманіе два вышеприведенныя письма графа Аракчеева къ императору Александру, написанныя графомъ въ Петербургѣ, изъ которыхъ одно отъ 24-го декабря, а другое отъ 29-го декабря 1809 года.

ПРИЛОЖЕНІЯ

I.

Донесенія иностранныхъ дипломатовъ и агентовъ о первыхъ дняхъ царствованія императора Александра I.

Изъ донесеній Локатели (Locatelli) [1].

С.-Петербургъ
15-го (27-го) марта 1801 года.

Ayant eu l'occasion de voir hier au soir Son Altesse monsieur le prince Platon de Zouboff chez l'amiral Balai mon oncle (le premier qui fut avancé sous le règne actuel), je ne laissai pas échapper le moment pour sonder ses dispositions envers ma très auguste Cour. Je pris donc la liberté de le féliciter sur le retour de son influence dans les affaires et de me féliciter moi-même de ce que Son Altesse s'étant exprimé que le système de Catherine la Grande aurait formé la base du gouvernement actuel, ce système ne saurait être par conséquent que très favorable à replacer les choses entre les deux Cours Impériales telles qu'elles étaient du vivant de cette Héroine. Le prince tout en répondant très gracieusement à mon compliment, que des couriers avaient déjà été expédiés à toutes les Cours en général pour apporter les sentiments pacifiques du nouvel Empereur, sentiments qu'il se plaisait d'entretenir dans son souverain pour autant que valait sa prépondérance, me fit en même temps comprendre, que je pouvais compter tout éloignement et contestation cessées dès l'avénement au trône du nouvel Empereur et que lorsque le cabinet d'Alexandre Premier aurait été organisé, si j'avais des fonctions à exercer, il ne croyait pas qu'on y mit aucun obstacle. Je répondis que je n'avais réellement aucun ordre de ma Cour; que je me trouvais ici après le départ de m-r l'ambassadeur comte

[1]) Австрійскій дипломатическій агентъ, оставшійся въ С.-Петербургѣ послѣ отъѣзда графа Кобенцля.

de Cobenzl, car je n'avais été rappelé, ni renvoyé à cette époque; que toutes mes fonctions en ce moment ne pouvaient s'étendre qu'à donner des certificats aux sujets autrichiens qui en reclameraient et que je ne manquerai pas de faire parvenir à votre excellence les dispositions amicales où je l'ai trouvé vis-à-vis de la Cour de Vienne. Voilà tout. Ce seigneur, sans avoir jusqu'ici aucun autre titre que celui de grand maître d'artillerie, est effectivement à la tête de toutes les affaires, comme il se trouvait sous le règne de sa bienfaitrice...

La clémence personnifiée monta au trône de Russie dans l'Empereur Alexandre Premier. Toutes les prisons furent ouvertes pour chaque criminel et on fit sortir tous ceux qui étaient enfermés dans les différentes forteresses de l'Empire. Des couriers ont été détachés jusque en Sibérie pour y annoncer aux malheureux transportés en ces affreux climats la fin de leurs calamités. La terreur a pris la fuite, la gaieté se manifeste dans toute sa force en cette capitale.

Изъ донесеній Віаццоли (Viazzoli)[1].

Рига, 17-го (29-го) марта
1801 года.

Un événement le plus heureux qui donne un autre souverain à la Russie et qui contribuera efficacement à un changement dans les malheureuses circonstances politiques de l'Europe et de notre Cour impériale de Vienne en particulier, mais d'une manière favorable, me permet d'informer de cette ville votre excellence de ce qui m'est arrivé à St.-Pétersbourg, car sans le sus-dit événement, je n'aurais dû le faire qu'après être sorti des frontières de la Russie. On a reçu ici hier la nouvelle de la mort de l'Empereur Paul Premier qui a été atteint d'un coup d'apoplexie la nuit du 11 au 12 de ce mois v. s. Son successeur le Grand-Duc Alexandre Pawlowitsch fut d'abord proclamé Empereur de toutes les Russies, monta sur son trône et reçut le serment de fidélité suivant l'usage, ce qui fait retentir de joie toute la Russie et faire, à coup sûr, écho dans toute l'Europe, car ce prince qui mérite vraiment d'être adoré, comme il l'est, par ses qualités sublimes et caractéristiques, il sera aimé, vénéré et admiré du monde entier. Je joins ici la copie du manifeste émané par le nouvel Empereur de Russie à l'occasion de son avénement au trône, dont la lecture m'a fait couler des larmes de tendresse et de joie dans le même temps, en voyant son début de vouloir régner suivant le coeur et les principes de l'immortelle Catherine Seconde. Quel inapréciable bonheur pour la Russie et je dirai pour notre auguste Cour et pour toute l'Europe! Combien de bénédictions s'attirera Alexandre qu'en adoptant ce beau système fera cesser les fleaux dont son empire avait déjà été atteint et menaçait de l'être encore davantage! Je suis persuadé que ce prince marchera à pieds rapides dans le véritable chemin de la gloire et qu'on lui décernera le nom bien mérité de Grand.

[1] Віаццоли занималъ мѣсто австрійскаго консула въ Петербургѣ. 26-го февраля (10-го марта) 1801 года императоръ Павелъ повелѣлъ ему немедленно выѣхать изъ столицы. Въ Ригѣ Віаццоли получилъ вѣсть о вступленіи на престолъ императора Александра.

С.-Петербургъ, 19-го апрѣля
(1-го мая) 1801 года.

...Mon absence de cette ville ayant été d'un mois et 11 jours, je puis dire de n'avoir plus reconnu Pétersbourg; la joie, le contentement, la satisfaction, la tranquillité sont peints sur le visage de tout le monde, la vivacité, le brillant ont reparu, tout va bien et à merveille, aussi tout annonce que la Russie et son commerce reprendront l'ancienne splendeur et prospérité. Le grand nombre d'exilés et des seigneurs russes, qui s'étaient retirés dans leurs terres, se sont empressés de se rendre ici et la ville fourmille d'habitants de tout rang, de tout sexe et âge, enchantés de jouir d'un gouvernement juste, doux et modéré qui fait leur bonheur et de vivre sous le règne d'un souverain bon, juste, clément et fait pour être adoré par ses qualités vraiment éminentes et dignes d'un si grand monarque. Votre Excellence aura été sans doute instruite de tous les ukases émanés jusqu'ici et dont la plus grande partie ont pour but de réparer les torts résultés précédemment et de faire le bonheur de la Russie et de ses sujets.

Стедингъ—королю Густаву Адольфу IV [1].

С.-Петербургъ
14-го (26-го) марта 1801 года.

Sire.

Paul 1-r est mort d'un coup d'apoplexie dans la nuit du 11 (23) au 12 (24) Mars et Alexandre 1-er règne. Cette mort subite a causé les bruits les plus étranges, auxquels je me garde bien d'ajouter aucune foi. Elle a été d'autant plus inattendue que jamais le défunt Empereur n'a été plus gai et mieux portant que la veille de sa mort. Le matin il avait donné audience à M. de Buys, ministre de Hollande, qu'il traita fort bien et qui eut une conversation de trois quarts d'heures avec lui. L'après-midi il fut voir les voitures qu'il avait commandées pour son voyage à Moscou. Il s'est couché sans sentir la moindre incommodité. Le nouvel Empereur et le Grand-Duc Constantin se sont transportés au palais d'Hiver la nuit même de la mort et dès le matin entre 6 et 9 heures les troupes et les cinq premières classes ont prêté le serment de fidélité. En même temps il a paru un manifeste dont j'ai l'honneur de joindre ici la traduction par lequel l'Empereur prend l'engagement de recommencer le règne glorieux de Cathérine la Grande. C'est annoncer de grands changements dans le système politique et dans le régime actuel. Aussi a-t-on vu dès le premier moment messieurs de Zoubow reprendre à la Cour une partie de leur ancienne influence.

L'ancien vice-chancelier prince Kourakin a demandé dit-on sa démission. Il est tout entier à sa douleur de la mort de son ancien maître et de son bienfaiteur. Ces regrets sont partagés par bien peu de personnes et la joie du changement paraît être générale et éclate d'une manière peu décente, mais c'est malheureusement un des symptomes d'un nouveau règne et que j'ai eu l'occasion de faire la même observation à la mort de Catherine II.

Le comte de Koutaïsoff s'était tenu caché pendant quelques heures après la mort de l'Empereur, mais le comte de Pahlen l'ayant retiré dans sa maison, l'Empereur lui a fait

[1]) Государственный Архивъ. Разрядъ II. № 167.

dire qu'il n'avait rien à craindre. Cependant le scellé a été mis chez lui pour s'assuret de sa correspondance. Sa maîtresse, la belle madame Chevalier, a eu le même sort quanr au scellé et elle a de plus une garde chez elle. On dit qu'on voudrait retrouver quelques sommes qu'elle doit avoir reçues pour obtenir des grâces de Paul, et il est sûr qu'elle a gagné beaucoup d'argent, mais elle a eu l'adresse de le faire passer à l'étranger, son mari étant parti pour Paris nouvellement sous prétexte d'y engager des danseurs... Le nouvel Empereur a quitté la croix de Malte et le pavillon a été ôté un instant. Il est remis à présent, mais la croix a disparu chez l'Empereur et chez quelques uns des grands. La ville a été fermée pendant deux jours, mais aujourd'hui on m'a dit qu'on laissait partir les couriers.

15-го (27-го) марта
1801 года.

Sire.

Le corps de Paul 1-r est exposé au palais de St.-Michel depuis trois jours dans la chambre où il couchait et sur son lit de campagne ordinaire... La famille impériale y va tous les matins, et l'Impératrice douairière, qui est une vrai modèle de piété et de vertu, passe tous les jours dans cette chambre une demi-heure en prière et en recueillement. Il semble qu'elle seule porte la douleur pour tous. Au reste tout le monde a déménagé de ce palais que l'on démeuble et qui sera abandonné. On dirait que Paul 1-r l'avait construit exprès pour en faire son tombeau.

II.

Первые двѣнадцать дней царствованія императора Александра I по камеръ-фурьерскому журналу 1801 года.

Марта 12-го (вторникъ)[1]. Сей ночи въ 1 часъ съ 11 на 12 число марта скончался скоропостижно въ Михайловскомъ замкѣ императоръ Павелъ Петровичъ. Его Императорское Высочество наслѣдникъ великій князь Александръ Павловичъ, по кончинѣ родителя своего принявъ Всероссійскій императорскій престолъ, изволилъ отбыть съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ изъ Михайловскаго замка въ Зимній дворецъ въ 2 часа ночи.

Ея Величество Императрица Елисавета Алексѣевна и вдовствующая Императрица Марія Ѳеодоровна, также великіе князья Николай и Михаилъ Павловичи, великія княжны Екатерина, Марія и Анна Павловны и супруга цесаревича великая княгиня Анна Ѳеодоровна остались въ Михайловскомъ замкѣ до утра и прибыли въ Зимній дворецъ: Императрица Елисавета Алексѣевна и великая княгиня Анна Ѳеодоровна въ

[1]) Въ этотъ же день былъ наложенъ глубокій трауръ на годъ, и учреждена печальная комиссія, въ которой повелѣно быть верховнымъ маршаломъ д. т. сов. князю Юсупову, а членами: оберъ-церемоніймейстеру графу Головкину, тайному совѣтнику Карадыкину и д. ст. совѣтнику Чекалевскому.

9 часовъ утра, вдовствующая Императрица въ 10 часовъ, великіе князья и княжны послѣ.

Изъ Зимняго дворца въ 6-мъ часу утра посланы повѣстки всѣмъ придворнымъ чинамъ обоего пола съѣзжаться того же утра въ 9 часовъ для учиненія присяги на вѣрность Его Императорскому Величеству [1]). Тогда же о томъ извѣщены и всѣ члены Св. Синода.

Въ назначенное время всѣ означенныя особы и знатные высшіе чины собрались въ большой придворной церкви. По прибытіи въ оную великаго князя Константина Павловича учинена присяга съ надлежащею отъ каждаго подпискою на присяжномъ листѣ. Потомъ отправлена сугубая ектенія, и провозглашено протодіакономъ многолѣтіе Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ.

Засимъ митрополитъ Амвросій съ членами Св. Синода, духовникъ Исидоръ съ придворнымъ духовенствомъ и всѣ знатныя особы собрались въ парадныя комнаты Ихъ Величествъ и приносили въ гостиной комнатѣ всеподданнѣйшее поздравленіе Его Императорскому Величеству. Принявъ оное, Его Величество изъ Зимняго дворца отъѣхалъ въ Михайловскій замокъ и со всею Императорскою фамиліею былъ у тѣла своего покойнаго родителя.

По возвращеніи Его Величества въ Зимній дворецъ, вскорѣ за нимъ послѣдовали во-первыхъ Императрица Елисавета Алексѣевна съ великою княгинею Анною Ѳеодоровною, а потомъ вдовствующая Императрица съ малолѣтними великими князьями и всѣми великими княжнами.

Въ три четверти третьяго часа у Ихъ Императорскихъ Величествъ изволила быть вдовствующая Императрица, въ сопровожденіи только своего камердинера, чрезъ бывшія комнаты покойной великой княжны Маріи Александровны, и тѣми же комнатами возвратилась къ себѣ въ 3 часа.

Въ 4-мъ часу Государь Императоръ и Государыня Императрица имѣли обѣденный столъ въ бывшей аудіенцъ-камерѣ (тронной комнатѣ) въ двухъ Высочайшихъ персонахъ.

Въ четверть пятаго часа къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ во внутренніе покои прибыла великая княгиня Анна Ѳеодоровна, и въ то же время благоволили имѣть выходъ къ вдовствующей Императрицѣ, гдѣ оставались болѣе часа времени и откуда возвратились въ 25 минутъ 6-го часа.

Въ исходѣ 8-го часа Государь Императоръ съ Императрицею Елисаветою Алексѣевною и великою княгинею Анною Ѳеодоровною изволили выходъ имѣть къ вдовствующей Императрицѣ въ внутренніе покои, и въ 20 минутъ 10-го часа возвратились къ себѣ, а великая княгиня Анна Ѳеодоровна отбыла на свою половину.

Въ 10 часовъ Ихъ Величества имѣли вечерній столъ въ диванной комнатѣ въ двухъ Высочайшихъ персонахъ.

[1]) Текстъ разосланныхъ отъ двора повѣстокъ былъ слѣдующій: «Отъ двора Его Императорскаго Величества чрезъ сіе объявляется госпожамъ оберъ-гофмейстеринѣ, гофмейстеринѣ, статсъ-дамамъ, камеръ-фрейлинѣ, фрейлинамъ и господамъ придворнымъ кавалерамъ: его императорское величество государь императоръ Александръ Павловичъ Высочайше указать соизволилъ сего марта 12 въ 9 часовъ по утру имѣть пріѣздъ во дворецъ его императорскаго величества для принесенія присяги на вѣрность его. императорскому величеству».

Въ Михайловскомъ же замкѣ, гдѣ лежало до выноса къ погребенію тѣло покойнаго Императора, Высочайше повелѣно быть начальствующимъ генералъ-лейтенанту барону Бенигсену, для того, чтобы при замкѣ содержался прежній обыкновенный караулъ отъ кавалергардовъ и л.-гв. полковъ съ знаменемъ, чтобы учреждено было повседневное дежурство къ тѣлу: по 2 изъ генералитета, по 2 камергера, по 2 камеръ-юнкера, по 2 флигель-адъютанта, и отъ каждаго изъ трехъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ по 2 оберъ-офицера съ эспантонами для часовъ при самомъ тѣлѣ покойнаго Императора,—и чтобы соблюдался надлежащій порядокъ по церковному обряду. Вслѣдствіе сего, съ половины 4-го часа того же утра, при тѣлѣ покойнаго Императора начато чтеніе св. Евангелія, которое продолжалось день и ночь священниками разныхъ церквей; а въ 7-мъ часу утра и въ 6-мъ пополудни при тѣлѣ Его Величества отправлялись панихиды духовникомъ и придворнымъ духовенствомъ. Для отданія же послѣдняго долга допускались къ тѣлу покойнаго Императора всякаго состоянія люди, и въ сей день было, какъ изъ знатныхъ, такъ и прочаго состоянія, обоего пола 582 человѣка, которые, проходя мимо тѣла, каждый дѣлали низкій поклонъ.

Марта 13-го (среда). По утру въ сорокъ минутъ 9 часа Ея Императорское Величество изволила имѣть выходъ къ вдовствующей Императрицѣ и въ скоромъ времени возвратилась къ себѣ. Въ 9 часовъ изволилъ прибыть къ Его Императорскому Величеству великій князь Константинъ Павловичъ и въ скоромъ времени возвратился. Въ 11 часовъ Государь Императоръ изволилъ пойти къ разводу, а по учиненіи онаго къ Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ, гдѣ уже находились императрица Елисавета Алексѣевна и великія княжны. Въ 12 часовъ изволили поѣхать въ Михайловскій замокъ на поклоненіе тѣлу Императора Павла I: въ первой каретѣ Императоръ, обѣ Императрицы и великій князь Константинъ Павловичъ; во второй каретѣ великая княгиня Анна Θеодоровна съ лейбъ-медикомъ Бекомъ, въ третьей каретѣ великія княжны Марія и Екатерина Павловны съ статсъ-дамою графинею Паленъ, камеръ-фрейлина Протасова [1]).

По пріѣздѣ въ замокъ остановились у большого подъѣзда и проходили парадными покоями въ комнату, гдѣ находилось тѣло Императора Павла I, которому отдавъ достодолжное поклоненіе, возвратились въ Зимній дворецъ.

Въ половинѣ 2 часа Его Величество изволилъ выѣзжать верхомъ по городу и, возвратившись, кушалъ въ диванной комнатѣ съ Императрицею Елисаветою Алексѣевною. Въ половинѣ 4 часа Ея Императорское Величество изволила выходъ имѣть къ вдовствующей Императрицѣ, а въ три четверти 7 часа возвратилась къ себѣ. Въ 7 часовъ къ Ея Императорскому Величеству прибыла великая княгиня Анна Θеодоровна и вмѣстѣ изволили проходить къ вдовствующей Императрицѣ въ три четверти 9 часа.

Его Императорское Величество изволилъ пойти къ Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ въ половинѣ 10 часа, а въ 15 минутъ 11 часа возвратился къ себѣ.

Въ три четверти 11 часа Ихъ Величества изволили кушать за вечернимъ столомъ въ диванной комнатѣ въ двухъ Высочайшихъ персонахъ.

[1]) По другому имѣющемуся у насъ списку камеръ-фурьерскаго журнала свиту августѣйшихъ особъ въ данномъ случаѣ составляли: статсъ-дама графиня Ливенъ, г-жа Ренне, камеръ-фрейлина Протасова, гофмейстеръ графъ Толстой и шталмейстеръ Мухановъ.

Въ Михайловскомъ за̀мкѣ, послѣ литургiи, отправлялъ панихиду митрополитъ Амвросiй съ духовникомъ Его Величества и другими духовными лицами. Къ тѣлу покойнаго Императора допущено было: до полудня 502, а съ 2-хъ часовъ пополудни до 7 часовъ вечера 690,—всего 1192 человѣка.

Марта 14-го (четвергъ). По утру Ея Императорское Величество изволила ходить къ вдовствующей Императрицѣ въ 9 часовъ и въ скоромъ времени возвратилась къ себѣ.

Въ 11 часовъ Государь Императоръ изволилъ выходъ имѣть съ генералитетомъ къ разводу, послѣ чего возвратился къ себѣ.

Въ три четверти 12 часа Ея Императорское Величество изволила пойти къ вдовствующей Императрицѣ, гдѣ уже находились Ихъ Императорскiя Высочества великая княгиня Анна Өеодоровна и великiя княжны; потомъ какъ Ея Императорское Величество Елисавета Алексѣевна, а равно и вдовствующая Императрица съ Ихъ Высочествами изволили выѣздъ имѣть въ одной каретѣ въ Михайловскiй замокъ къ тѣлу покойнаго Императора Павла Петровича для поклоненiя и возвратились обратно въ Зимнiй дворецъ.

Сегодня отправлялъ въ Михайловскомъ замкѣ панихиду архiепископъ ярославскiй Павелъ.

Въ половинѣ 2 часа Его Императорское Величество изволилъ имѣть верховой выѣздъ въ Михайловскiй замокъ къ тѣлу Императора Павла Петровича, а въ половинѣ 3 часа возвратившись къ себѣ, за обѣденнымъ столомъ кушалъ въ диванной комнатѣ въ двухъ Высочайшихъ персонахъ.

Въ началѣ 7 часа къ Ея Величеству изволила прибыть великая княгиня Анна Өеодоровна, а въ 50 минутъ 9 часа изволили проходить вмѣстѣ къ вдовствующей Императрицѣ.

Въ половинѣ 10 часа Его Императорское Величество изволилъ пойдти къ вдовствующей Императрицѣ, а въ три четверти 11 часа возвратился къ себѣ. Въ началѣ 12 часа Ихъ Императорскiя Величества изволили кушать за вечернимъ столомъ въ диванной комнатѣ въ двухъ Высочайшихъ персонахъ.

Допущено къ тѣлу покойнаго Императора разнаго званiя: до полудня 4961, послѣ полудня до 7 часовъ вечера 7032, всего 11,993 человѣка.

Марта 15-го (пятница). По утру въ 20 минутъ 11 часа Ея Величество изволила выходъ имѣть къ вдовствующей Императрицѣ, а въ 11 часовъ возвратилась къ себѣ.

Въ 11 часовъ Его Императорское Величество изволилъ выходъ имѣть съ генералитетомъ къ разводу, а послѣ онаго возвратился къ себѣ.

Въ началѣ 12 часа Ея Императорское Величество изволила пойдти къ вдовствующей Императрицѣ и вмѣстѣ въ одной каретѣ съ великою княгинею Анною Өеодоровною и великими княжнами имѣла выѣздъ въ Михайловскiй замокъ къ тѣлу покойнаго императора Павла Петровича на поклоненiе; туда прибыли во время отправляемой панихиды преосвященнымъ архiепископомъ Варламомъ Грузинскимъ и архимандритомъ, а по окончанiи панихиды возвратились въ Зимнiй дворецъ.

Въ половинѣ 1 часа Его Императорское Величество изволилъ выѣздъ имѣть въ каретѣ въ Михайловскiй замокъ къ тѣлу императора Павла Петровича на поклоненiе и, возвратившись, изволилъ кушать въ диванной комнатѣ въ двухъ Высочайшихъ персонахъ въ три четверти 3 часа.

Въ 40 минутъ 6 часа Ея Величество изволила выходъ имѣть къ вдовствующей Императрицѣ, а въ половинѣ 7 часа возвратилась къ себѣ.

Въ 45 минутъ 6-го часа представленъ былъ Его Величеству военнымъ губернаторомъ графомъ Паленомъ, въ гостиной комнатѣ, на приватной аудіенціи, шведскій посолъ баронъ Стедингъ.

Въ три четверти 7 часа къ Ихъ Императорскимъ Величествамъ изволили прибыть Ихъ Высочества государь цесаревичъ великій князь Константинъ Павловичъ съ супругою, а въ 25 минутъ 8 часа отбыли обратно.

Въ 15 минутъ 9 часа Ея Величество изволила выходъ имѣть къ вдовствующей Императрицѣ, а въ 20 минутъ 10 часа Его Императорское Величество изволилъ пойдти туда же и, бывъ до 45 минутъ 11 часа, возвратился обратно къ себѣ и кушали въ диванной комнатѣ въ двухъ Высочайшихъ персонахъ.

Въ Михайловскомъ замкѣ къ тѣлу допущено: до полудня 4,337, пополудни 8,581,—всего 12,918 человѣкъ разнаго званія и купечества.

Марта 16-го (суббота, Лазарево воскресеніе). Наканунѣ Вербнаго воскресенія въ три четверти 9 часа къ Его Императорскому Величеству изволили прибыть государь цесаревичъ и великій князь Константинъ Павловичъ, а въ 25 минутъ 11 часа изволили отбыть.

Сегодня въ Михайловскомъ замкѣ отправлялъ панихиду преосвященный архіепископъ псковскій Ириней.

Въ полчаса 11 часа Ея Величество изволила имѣть выходъ къ вдовствующей Императрицѣ и возвратилась обратно къ себѣ.

Въ 11 часовъ Его Величество изволилъ имѣть выходъ къ разводу съ генералитетомъ, послѣ чего возвратился къ себѣ.

Сегодня въ половинѣ 12 часа Ея Величество изволила выходъ имѣть къ вдовствующей Императрицѣ и вмѣстѣ съ великими княжнами поѣхали въ Михайловскій замокъ къ тѣлу Императора Павла Петровича и возвратились въ Зимній дворецъ въ 12 часовъ.

Въ 12 часовъ Ея Величество изволила имѣть выѣздъ въ каретѣ съ фрейлиной Шаховской прогуливаться по городу и возвратилась въ началѣ 2 часа.

Въ половинѣ 2 часа Его Императорское Величество изволилъ имѣть верховой выѣздъ въ Михайловскій замокъ къ тѣлу Императора Павла Петровича и возвратился обратно въ половинѣ 3 часа.

Въ три четверти 3 часа Ихъ Императорскія Величества изволили кушать за обѣденнымъ столомъ въ диванной комнатѣ въ двухъ Высочайшихъ персонахъ.

Въ 15 минутъ 5 часа Его Императорское Величество изволилъ имѣть выѣздъ по городу.

Въ 6 часовъ съѣхались ко двору Его Императорскаго Величества въ аппартаменты къ вдовствующей Императрицѣ въ Кавалерское зало обоего пола знатныя особы для выхода въ церковь къ слушанію всенощнаго бдѣнія.

Въ три четверти 7 часа изволили прибыть къ Ихъ Императорскимъ Величествамъ великія княжны со статсъ-дамою графинею Ливенъ. Въ 50 минутъ 7 часа прибыли Ихъ Высочества Константинъ Павловичъ съ супругою.

Въ исходѣ 7 часа Ихъ Императорскія Величества съ Ихъ Высочествами изволили выходъ имѣть къ вдовствующей императрицѣ.

Въ 7 часовъ Ихъ Императорскія Величества съ Ихъ Высочествами изволили выйти въ Кавалерское зало, а оттуда въ предшествіи двора чрезъ Тронную и Кавалергардскую въ Большую церковь къ слушанію всенощнаго бдѣнія. Между тѣмъ вдовствующая Императрица изволила выходъ имѣть на антресоли для слушанія всенощной. По восшествіи же въ церковь Ихъ Императорскія Величества стали за рѣшеткою по правой сторонѣ , а позади рѣшетки Ихъ Высочества и прочія особы. Во время всенощнаго бдѣнія были поднесены Ихъ Императорскимъ Величествамъ вербы съ зажженными свѣчами, потомъ Ихъ Высочествамъ. По окончаніи всенощной Ихъ Величества съ Ихъ Высочествами изъ церкви возвратились тѣми же покоями къ вдовствующей Императрицѣ и были у нея до половины 10 часа.

Въ половинѣ 11 часа Ихъ Величества изволили кушать въ диванной комнатѣ въ двухъ Высочайшихъ персонахъ.

Съ 8 часовъ утра до половины 9-го вечера, въ Михайловскомъ замкѣ, къ тѣлу допущено 15,768 человѣкъ.

Марта 17-го (Вербное воскресеніе). Въ 9 часовъ утра Его Императорское Величество изволилъ выходъ имѣть къ разводу съ генералитетомъ, послѣ чего возвратился къ себѣ.

Въ началѣ 11 часа Ея Императорское Величество изволила выходъ имѣть къ вдовствующей Императрицѣ на короткое время. Между тѣмъ Его Императорское Величество изволилъ выйти въ Мраморное зало, въ которомъ собрались разные купцы съ хлѣбомъ и солью: 1) Петербургскіе, 2) Новгородскіе, 3) Кронштадтскіе, отъ коихъ первыми поднесено было блюдо продолговатое съ золоченою солонкою, вторыми, новгородскими, блюдо серебряное, продолговатое, и третьими —серебряный круглый подносъ, на которомъ Его Величеству поднесены хлѣбъ и соль и разные фрукты.

Въ 11 часовъ Ихъ Императорскія Величества изволили выходъ имѣть къ вдовствующей Императрицѣ.

Въ четверть 12 часа Ихъ Императорскія Величества съ Ихъ Императорскими Высочествами изволили отъ вдовствующей Императрицы выйти въ Кавалерское зало въ собраніе, а оттуда, въ предшествіи двора, чрезъ Тронную и Кавалергардскую въ Большую церковь къ слушанію литургіи. Ихъ Величества стали за рѣшеткою, гдѣ было царское мѣсто, обитое бархатомъ, которое предъ симъ приказано снять, а вдовствующая Императрица слушала обѣдню въ антресоляхъ. Обѣдню совершалъ духовникъ Исидоръ. По окончаніи литургіи митрополитъ Амвросій съ членами Синода подходили къ Ихъ Величествамъ для поздравленія.

Изъ церкви Ихъ Величества возвращались тѣми же покоями къ вдовствующей Императрицѣ, а оттуда къ себѣ.

Въ 40 минутъ 1 часа Его Императорское Величество изволилъ имѣть верховой выѣздъ и чрезъ нѣсколько времени вернулся обратно.

Ихъ Императорскія Величества изволили обѣдать у великой княгини Анны Ѳеодоровны и возвратились къ себѣ въ 4 часу.

Въ 5 часовъ Ея Императорское Величество изволила выходъ имѣть къ вдовствующей Императрицѣ на малое время.

Въ 5 часовъ пополудни въ Михайловскомъ замкѣ, по учиненнымъ предшедшаго дня повѣсткамъ, собрались первыхъ трехъ классовъ придворныя и прочія обоего пола особы и члены Св. Синода съ знатнымъ духовенствомъ, бывъ дамы въ русскомъ

платьѣ, а кавалеры въ обыкновенныхъ траурныхъ кафтанахъ, и ожидали Высочайшаго прибытія Ихъ Императорскихъ Величествъ, духовные облачась въ библіотекѣ и кавалергардской комнатѣ, а дамы и кавалеры въ бывшей гостиной.

Предъ симъ, въ 3 часа по полудни, тѣло покойнаго Императора, — которое до того лежало въ его почивальной на обыкновенной кровати,—дежурными кавалерами съ помощію комнатныхъ чиновъ одѣто было въ императорскую мантію и положено на парадную кровать, близъ которой по сторонѣ на небольшомъ столѣ, покрытомъ малиновымъ бархатомъ съ золотымъ гасомъ, на таковой же подушкѣ, приготовлена была императорская золотая корона.

Въ 50 минутъ 7-го часа Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, его супруга, вмѣстѣ съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, великою княгинею Анною Ѳеодоровною и двумя старшими великими княжнами, при сопровожденіи обыкновенной ихъ свиты, пріѣхали къ тѣлу покойнаго Императора, при которомъ тогда уже находился митрополитъ Амвросій съ знатнымъ и всѣмъ придворнымъ духовенствомъ.

По учиненіи Ихъ Величествами и Ихъ Высочествами достодолжнаго поклона покойному Императору, Его Величество взялъ со стола приготовленную корону и возложилъ на голову покойнаго Императора. Потомъ митрополитъ поднесъ Ихъ Императорскимъ Величествамъ и всей Императорской фамиліи зажженныя свѣчи, и началась заупокойная литія. По возглашеніи вѣчной памяти и начатіи хоромъ придворныхъ пѣвчихъ пѣнія «Святый Боже», поднято тѣло покойнаго Императора генералъ- и флигель-адъютантами и при сопровожденіи Ихъ Императорскихъ Величествъ и Ихъ Императорскихъ Высочествъ перенесено въ тронную залу (аудіенцъ-камеру) и поставлено на парадбетѣ подъ балдахиномъ трона, гдѣ тогда же, въ присутствіи Ихъ Величествъ и Ихъ Высочествъ, отправлена панихида митрополитомъ Амвросіемъ и знатнымъ духовенствомъ.

Послѣ панихиды подходили съ колѣнопреклоненіемъ къ тѣлу покойнаго Императора и цѣловали его руку сперва Ихъ Величества и Ихъ Высочества, потомъ все духовенство, а за нимъ собравшіяся знатныя обоего пола персоны. Между тѣмъ Ихъ Величества и Ихъ Высочества, учинивъ тѣлу покойнаго Императора достодолжный поклонъ, отбыли изъ Михайловскаго замка въ Зимній дворецъ и, по прибытіи въ оный, сдѣлали посѣщеніе вдовствующей Императрицѣ. Въ половинѣ 10-го часа возвратились въ свои покои и въ обыкновенное время (въ 10 часовъ) кушали вечернее кушаніе въ двухъ Высочайшихъ особахъ въ диванной комнатѣ.

По перенесеніи тѣла покойнаго Императора въ тронную залу, сверхъ воинскихъ чиновъ и придворныхъ по наряду, вступили на дежурство изъ чиновъ первыхъ трехъ классовъ: д. т. совѣтники графъ Александръ Самойловъ и князь Андрей Щербатовъ, т. совѣтники князь Павелъ Щербатовъ, Челищевъ и Козловъ, д. с. совѣтники Свѣчинъ, Шнезе и Лазаревъ.

Сего же числа, послѣ литургіи въ придворной церкви Михайловскаго замка, панихиду при тѣлѣ покойнаго Императора отправлялъ съ знатнымъ духовенствомъ преосвященный Варлаамъ, архіепископъ Грузинскій. А по случаю приготовленій къ выносу на тронъ, по утру, кромѣ знатныхъ 72 персонъ, прочія лица къ тѣлу допущены не были; вечеромъ же, по перенесеніи онаго на тронъ, подходили къ рукѣ покойнаго Императора изъ знатныхъ обоего пола до 171 персоны.

Марта 18-го (понедѣльникъ Страстной недѣли). Въ 10 минутъ 10 часа утра изволилъ прибыть великій князь Константинъ Павловичъ.

Въ 15 минутъ 10 часа Его Величество съ Его Высочествомъ изволили выходъ имѣть къ разводу, послѣ чего возвратились къ себѣ.

Въ исходѣ 11 часа изволила прибыть къ Ея Величеству великая княгиня Анна Ѳеодоровна и возвратилась обратно въ 11 часовъ.

Въ 11 часовъ Ихъ Императорскія Величества изволили выходъ имѣть къ вдовствующей Императрицѣ и оттуда, въ предшествіи двора, изволили идти въ Большую церковь къ слушанію божественной литургіи.

Вдовствующая Императрица слушала литургію съ антресолей.

Изъ церкви возвращались тѣмъ же порядкомъ къ вдовствующей Императрицѣ, а оттуда къ себѣ.

Въ 2 часа Его Императорское Величество имѣлъ выѣздъ верховой съ генералъ-адъютантомъ Уваровымъ и адъютантомъ княземъ Волконскимъ, а въ 3 часа возвратился обратно.

Въ половинѣ 4 часа Ихъ Императорскія Величества кушали въ диванной комнатѣ въ двухъ Высочайшихъ персонахъ.

Въ 4 часа Его Императорское Величество изволилъ выходъ имѣть къ вдовствующей Императрицѣ и возвратился обратно черезъ малое время.

Въ 5 часовъ Ея Величество изволила выходъ имѣть къ вдовствующей Императрицѣ.

Въ началѣ 6-го часа пополудни въ Зимнемъ дворцѣ, въ угловой комнатѣ, Его Величеству представлены были на приватной аудіенціи военнымъ губернаторомъ графомъ Паленомъ иностранные министры: 1) шведскій—баронъ Армфельдъ, 2) датскій—генералъ графъ Левендаль и 3) прусскій посланникъ графъ Лутци.

Въ 6 часовъ изволила прибыть къ Ея Величеству великая княгиня Анна Ѳеодоровна.

Въ 15 минутъ 7 часа Ея Величество съ Ея Высочествомъ великой княгиней изволила имѣть выѣздъ въ Михайловскій замокъ къ тѣлу Императора Павла Петровича и въ половинѣ 8 часа возвратилась обратно.

Въ половинѣ 9 часа Ея Императорское Величество съ великой княгиней Анной Ѳеодоровной изволили выходъ имѣть къ вдовствующей Императрицѣ.

Въ 9 часовъ изволилъ прибыть къ Его Величеству великій князь Константинъ Павловичъ.

Въ 15 минутъ 10 часа Его Императорское Величество съ Его Высочествомъ изволили выходъ имѣть къ вдовствующей Императрицѣ и быть до 10 часовъ.

Въ 11 часовъ Ихъ Императорскія Величества кушали вечерній столъ въ диванной комнатѣ, въ двухъ Высочайшихъ персонахъ.

Въ Михайловскомъ замкѣ къ тѣлу допущено: съ 8 часовъ утра до полудня 6,321, а потомъ до половины 9-го часа вечера 4,797,—всего 11,118 человѣкъ.

Марта 19-го (вторникъ). Въ 9 часовъ изволилъ прибыть къ Государю Императору Наслѣдникъ Цесаревичъ.

Въ 15 минутъ 10 часа Его Императорское Величество изволилъ выходъ имѣть къ разводу.

Въ три четверти 10 часа утра изволила прибыть къ Ея Величеству великая княгиня Анна Ѳеодоровна, а въ 10 часовъ возвратилась къ себѣ.

Въ три четверти 11 часа Ихъ Императорскія Величества изволили выходъ имѣть къ вдовствующей Императрицѣ.

Въ 11 часовъ Ихъ Императорскія Величества изволили выйти съ Ихъ Высочествами въ собраніи двора въ церковь къ слушанію божественной литургіи. Вдовствующая Императрица слушала литургію въ антресоляхъ.

По возвращеніи къ себѣ Его Величество изволилъ имѣть верховой выѣздъ съ генералъ-адъютантомъ Уваровымъ и княземъ Волконскимъ.

Ея Величество изволила выѣздъ имѣть въ каретѣ съ фрейлиной Шаховской прогуливаться въ три четверти 3 часа.

Кушать Ихъ Императорскія Величества изволили въ диванной комнатѣ въ двухъ Высочайшихъ персонахъ.

Въ три четверти 6 часа изволила прибыть къ Ея Величеству великая княгиня Анна Ѳеодоровна.

Въ три четверти 8 часа Ея Величество съ великой княгиней Анной Ѳеодоровной, съ статсъ-дамами графиней Паленъ и Ренне, изволила имѣть выѣздъ въ одной каретѣ въ Михайловскій замокъ къ тѣлу Императора Павла Петровича на поклоненіе, а въ половинѣ 9 часа возвратилась обратно.

Въ началѣ 10 часа Ихъ Императорскія Величества съ великою княгинею Анною Ѳеодоровною изволили выходъ имѣть къ вдовствующей Императрицѣ, а оттуда возвратились къ себѣ.

Кушать Ихъ Императорскія Величества изволили въ 11 часовъ въ диванной комнатѣ въ двухъ Высочайшихъ персонахъ.

Въ Михайловскомъ замкѣ къ тѣлу допущено съ 8 часовъ утра до полудня 6,940, а потомъ до исхода 9-го часа вечера 12,660,—всего 19,600 человѣкъ, въ томъ числѣ привезенныя по волѣ Ихъ Величествъ воспитанницы Благороднаго общества.

Марта 20-го (среда). Получено извѣстіе о кончинѣ великой княгини Александры Павловны.

Въ 9 часовъ утра Его Императорское Величество изволилъ присутствовать у развода, а въ половинѣ 12 часа изволила прибыть къ Ихъ Императорскимъ Величествамъ вдовствующая Императрица и въ половинѣ 1 часа изволила возвратиться на свою половину въ провожаніи Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Кушать Ихъ Императорскія Величества изволили въ 15 минутъ 1 часа въ двухъ Высочайшихъ персонахъ въ диванной комнатѣ.

Въ 5 часовъ по учиненной повѣсткѣ для перенесенія тѣла покойнаго Императора Павла Петровича изъ тронной на катафалкъ, устроенный въ военномъ залѣ, съѣзжались въ Михайловскій замокъ придворныя дамы и кавалеры въ глубокомъ траурѣ.

Въ три четверти 7 часа изволилъ прибыть къ Его Императорскому Величеству великій князь Константинъ Павловичъ съ супругою.

Въ 7 часовъ Ихъ Императорскія Величества съ Ихъ Высочествами изволили имѣть выѣздъ въ Михайловскій замокъ въ одной каретѣ съ приглашенными въ ту карету статсъ-дамою Паленъ и Ренне.

По прибытіи Ихъ Императорскихъ Величествъ и Ихъ Высочествъ въ Михайловскій замокъ въ тронную залу къ тѣлу покойнаго Императора, при которомъ тогда находился митрополитъ Амвросій съ духовенствомъ и хоромъ придворныхъ пѣвчихъ, а также и знатныя обоего пола особы, въ Высочайшемъ присутствіи, при обыкновенной

литіи, тѣло покойнаго Государя назначенными печальною коммиссіею генералъ-маіорскаго чина военно-служащими съ помощію ассистентовъ генералъ-лейтенантскаго чина съ парадной кровати на тронѣ положено во гробъ, до того приготовленный близъ трона. За симъ, по возглашеніи вѣчной памяти, пѣніи хоромъ придворныхъ пѣвчихъ «Святый Боже», въ преслѣдованіи ихъ, придворнаго духовенства, четырехъ архимандритовъ, архіереевъ и митрополита, при послѣдованіи за оными знатныхъ чиновъ, которые одинъ за другимъ несли знаки россійскихъ орденовъ и императорскія регаліи, и наконецъ въ преслѣдованіи духовника Ихъ Величествъ съ иконою, несено въ гробѣ тѣло покойнаго Императора тѣми же военно-служащими чинами съ ихъ ассистентами, которые положили въ гробъ, въ провожаніи Ихъ Величествъ, Ихъ Высочествъ и знатныхъ обоего пола персонъ, чрезъ парадные покои и большую тронную залу въ траурный залъ на приготовленный тамъ катафалкъ. А по постановленіи гроба на оный и по положеніи, по сторонамъ его, императорскихъ регалій и орденскихъ знаковъ на столѣ и табуретахъ, отправлена въ присутствіи Ихъ Величествъ и Ихъ Высочествъ панихида преосвященнымъ митрополитомъ со всѣмъ духовенствомъ, послѣ коей Императоръ съ Императрицею и Ихъ Высочествами, подошедъ къ рукѣ покойнаго Императора, возвратились въ Зимній дворецъ и по прибытіи въ оный посѣтили вдовствующую Императрицу.

Кушать Ихъ Императорскія Величества изволили въ 12 часу въ диванной комнатѣ въ двухъ Высочайшихъ персонахъ.

Подходили къ рукѣ покойнаго Императора: съ 7 часовъ утра до половины 3-го часа пополудни до 10,000 человѣкъ, а потомъ вечеромъ въ траурной залѣ, послѣ панихиды, духовенство, знатныхъ и прочихъ особъ до 317.

Марта 21-го (Великій четвергъ). По утру, въ половинѣ 8 часа, во время отправляемой въ Малой церкви въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ литургіи, изволила прибыть вдовствующая Императрица съ великими княжнами Маріею и Екатериною Павловнами, а Его Высочество Цесаревичъ прибылъ послѣ. Во время причастнаго стиха Ея Величество и Ихъ Высочества изволили прикладываться къ мѣстнымъ образамъ и, по выходѣ со Святыми Дарами, изволили пріобщаться Св. Таинъ; по причащеніи Ея Величеству и Ихъ Высочествамъ антидоръ и теплоту подносилъ секелларій Сергій, а просфоры духовникъ Исидоръ. По окончаніи литургіи Ея Величество, въ сопровожденіи Государя Цесаревича, изволили ретироваться въ свои покои. Потомъ отъ Ея Величества Его Высочество прибылъ къ Государю Императору.

Въ 9 часовъ Его Императорское Величество изволилъ съ Его Высочествомъ выходъ имѣть къ разводу, откуда возвратился къ себѣ.

Въ 11 часовъ, во время шествія Ихъ Императорскихъ Величествъ къ литургіи, представлены были графомъ Толстымъ камергеры: князь Тюфякинъ, князь Голицынъ, сенаторы: Гурьевъ, Беклешевъ и Панинъ. Потомъ изволили приходить къ вдовствующей Императрицѣ, а отъ ея Величества, въ предшествіи двора, съ Государемъ Цесаревичемъ и его супругою изволили пройти въ Большую церковь.

По возвращеніи обратно, въ три четверти 1 часа, Государь Императоръ имѣлъ верховой выѣздъ съ генералъ-адъютантомъ Уваровымъ и княземъ Волконскимъ и въ 15 минутъ 3 часа кушать изволилъ въ диванной комнатѣ въ двухъ Высочайшихъ персонахъ.

Въ исходѣ 4 часа къ Государынѣ Императрицѣ прибыла великая княгиня Анна Ѳеодоровна.

Въ 15 минутъ 5 часа Ихъ Императорскія Величества съ Ея Высочествомъ изволили въ траурной каретѣ выѣздъ имѣть въ Михайловскій замокъ къ тѣлу Императора Павла Петровича и возвратились обратно въ половинѣ 6 часа.

Въ три четверти 7 часа изволилъ прибыть къ Его Величеству Государь Цесаревичъ.

Въ 20 минутъ 8 часа Ихъ Императорскія Величества съ Его Высочествомъ имѣли выходъ къ вдовствующей Императрицѣ, а отъ Ея Величества, въ предшествіи двора, въ Большую церковь ко всенощной, за которой читаемо было 12 Евангелій. По окончаніи Ихъ Императорскія Величества изъ церкви возвратились къ вдовствующей Императрицѣ, а потомъ къ себѣ.

Кушать изволили въ диванной комнатѣ въ 11 часовъ въ двухъ Высочайшихъ персонахъ.

Въ Михайловскомъ замкѣ съ 7 часовъ утра до половины 9-го вечера допущено 16,017 человѣкъ, въ томъ числѣ всѣ иностранные министры и не малое число фамилій изъ иностраннаго знатнаго купечества.

Марта 22-го (Страстная пятница). По утру вдовствующая Императрица съ старшими великими княжнами изволила ѣздить къ тѣлу покойнаго Императора.

Въ исходѣ 11 часа Ея Величество имѣла выходъ къ вдовствующей Императрицѣ, а въ половинѣ 12 возвратилась къ себѣ.

Въ 11 часовъ Его Величество изволилъ имѣть выходъ къ разводу, послѣ чего поѣхалъ верхомъ въ Михайловскій замокъ къ тѣлу Императора Павла Петровича, а въ 2 часа, по прибытіи, изволилъ съ Ея Величествомъ выходить къ вдовствующей Императрицѣ, гдѣ уже находились Ихъ Императорскія Высочества.

Въ половинѣ 3 часа Ихъ Императорскія Величества съ Ихъ Императорскими Высочествами изволили выйти въ собраніе и, въ предшествіи двора, шествовали въ Большую церковь къ вечернѣ. До Высочайшаго прибытія вынесена была плащаница, и во время пѣнія стиха «Благообразный Іосифъ» Ихъ Императорскія Величества съ Ихъ Высочествами изволили прикладываться къ оной, а по окончаніи службы Ихъ Величества возвратились къ себѣ съ Ея Высочествомъ Анной Ѳеодоровной въ половинѣ 4 часа.

Вдовствующая Императрица слушала вечерню въ антресоляхъ.

Въ три четверти 4 часа Ихъ Императорскія Величества съ Ея Высочествомъ изволили кушать въ диванной комнатѣ.

Въ три четверти 8 часа изволили прибыть великая княгиня Анна Ѳеодоровна и великія княжны Марія и Екатерина Павловны.

Въ 8 часовъ Ихъ Императорскія Величества съ Ихъ Высочествами изволили въ одной каретѣ выѣздъ имѣть въ Михайловскій замокъ къ тѣлу Императора Павла Петровича, и по прибытіи отправлялась панихида, послѣ чего возвратились въ Зимній дворецъ ко вдовствующей Императрицѣ, а потомъ къ себѣ въ 10 часовъ.

Въ половинѣ 11 часа Ихъ Императорскія Величества кушать изволили въ диванной комнатѣ.

Въ Михайловскомъ замкѣ съ 8 часовъ утра до 7 часовъ вечера было 9,573 человѣка. Проходя мимо катафалка, каждый дѣлалъ благоговѣйный поклонъ.

Марта 23-го (Страстная суббота). По утру, въ 5 часовъ, собрались и построились шпалерникомъ отъ воротъ Михайловскаго замка, именуемыхъ Троицкими, до

Кабинета [1]), отъ онаго по Невскому проспекту, мимо Гостинаго двора, Казанскаго собора и по гласису Адмиралтейской крѣпости до Исакіевскаго чрезъ Неву рѣку моста, оный миновавъ, по набережной Васильевскаго острова и по первой линіи до Тучкова моста, а, сей миновавъ, по главнымъ улицамъ С.-Петербургской стороны и Большому проспекту, ведущему къ Троицкому собору, и до воротъ Петропавловской крѣпости, именуемыхъ Троицкими, пѣхотные и конные л.-гв. артиллерійскіе и армейскіе полки и баталіоны и весь сухопутный Шляхетный кадетскій корпусъ, бывъ оный расположенъ въ прикосновеніи своего корпуса, а прочее войско, начиная отъ Михайловскаго замка л.-гв. Преображенскимъ полкомъ, замыкалось у самыхъ воротъ крѣпости лейбъ-Гусарскимъ и лейбъ-Казачьимъ полками съ расположенною близъ тѣхъ же воротъ по набережной не малою артиллеріею.

Въ Михайловскомъ замкѣ тогда же собрались всѣ чины, избранные во время печальной процессіи къ служенію, а въ 7 часовъ знатныя придворныя и прочія первыхъ пяти классовъ обоего пола персоны, въ глубокомъ по кварталамъ траурѣ съ плерезами, также всѣ чины Св. Синода съ знатнымъ и всѣхъ въ городѣ церквей духовенствомъ.

Около 8 часовъ утра прибыли въ Михайловскій замокъ, при обыкновенной свитѣ, вдовствующая Императрица съ двумя старшими великими княжнами (и, бывъ съ ними у тѣла покойнаго Императора, удалилась въ прикосновенную къ траурному залу комнату), а нѣсколько позже Ихъ Величества съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ и его супругою.

По прибытіи Ихъ Величествъ и Ихъ Высочествъ въ глубокомъ траурѣ въ траурный залъ, учинена въ ономъ членами Св. Синода съ прочимъ духовенствомъ надлежащая къ выносу тѣла литія, а потомъ, въ 25 минутъ 9-го часа, тѣло во гробѣ изъ траурнаго зала вынесено и поставлено на печальную подъ балдахиномъ съ короною колесницу, въ восемь лошадей заложенную, военно-служащими чинами, въ генералъ-лейтенантскихъ и генералъ-маіорскихъ рангахъ состоящими, и изъ Михайловскаго замка вывезено къ погребенію въ Петропавловскій соборъ, бывъ сопровождаемо вдовствующею Императрицею изъ комнатъ Михайловскаго замка зрѣніемъ съ наполненными горестныхъ слезъ очами, а Его Величествомъ Государемъ Императоромъ и великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ съ его супругою, шедшими за гробомъ, съ послѣдованіемъ придворныхъ и прочихъ первыхъ пяти классовъ обоего пола особъ [2]).

Въ сіе время съ крѣпости произведена ежеминутная пушечная пальба, а отъ войска, при учиненіи на погребеніе, продолжалась печальная музыка съ барабаннымъ боемъ.

По привезеніи тѣла въ соборную церковь и по постановленіи гроба на катафалкъ, всѣми членами Св. Синода съ знатнымъ духовенствомъ оное отпѣто и, когда Его Величество съ Ихъ Высочествами, а за ними духовныя и многія знатныя обоего пола особы, для засвидѣтельствованія послѣдняго долга, подошли къ рукѣ покойнаго Импе-

[1]) У Аничкова моста, зданіе, отданное Кабинету Императрицею Екатериною II.

[2]) По другому имѣющемуся у насъ списку «Его Величество шествовалъ за гробомъ, имѣя на себѣ черную мантію и распущенную на головѣ шляпу съ флеромъ. За Его Величествомъ, отступя, слѣдовалъ великій князь Константинъ Павловичъ съ супругою, потомъ статсъ-дамы и фрейлины въ глубокомъ траурѣ».

ратора, тѣло предано погребенію и опущено въ могилу, изготовленную въ церкви, между лѣвымъ крылосомъ и церковною стѣною съ сѣверной стороны.

При опущеніи тѣла въ могилу съ обѣихъ крѣпостей и особо изъ артиллеріи, близъ крѣпости у Троицкихъ воротъ расположенной, произведена пушечная пальба, а отъ войска учиненъ изъ ружья троекратный бѣглый огонь, у собора же колокольный звонъ.

Послѣ погребенія Его Величество съ великою княгинею Анною Θеодоровною изъ собора поѣхалъ въ каретѣ чрезъ Неву рѣку и, по прибытіи въ Зимній дворецъ, прошелъ въ свои комнаты, откуда Ея Высочество отбыла также въ свои покои.

Императрица же Елисавета Алексѣевна прибыла въ Зимній дворецъ изъ Михайловскаго замка по выносѣ тѣла къ погребенію, а вдовствующая Императрица—отслушавъ послѣ того въ Михайловской придворной церкви съ великими княжнами литургію.

Его Величество, по прибытіи изъ собора, посѣтилъ вдовствующую Императрицу и, возвратившись въ свои покои, въ половинѣ 3-го часа пополудни, кушалъ обѣденное кушаніе въ диванной комнатѣ съ графомъ Толстымъ и княземъ Волконскимъ, а Императрица Елисавета Алексѣевна кушала своею Высочайшею особою во внутреннихъ своихъ покояхъ.

По полудни, въ половинѣ 9 часа, Его Величество изволилъ имѣть выходъ къ вдовствующей Императрицѣ и, пробывъ малое время, возвратился къ себѣ.

За вечернимъ столомъ Ихъ Императорскія Величества кушать не изволили.

III.

Письмо В. Н. Каразина, посланное императору Александру въ мартѣ 1801 года.

Возлюбленному царю!

Одинъ изъ прямыхъ его подданныхъ.

Марта 12-го и 22-го 1801 года.

Какимъ прекраснымъ днемъ началось твое царствованіе! Казалось намъ, что сама природа въ восторгѣ встрѣтила тебя. Александръ, любимецъ сердецъ нашихъ! Десятый разъ уже освѣщаетъ весеннее солнце твоихъ, надеждами исполненныхъ, подданныхъ, и день отъ дня, часъ отъ часу, ты оправдываешь сіи надежды. Какая лестная будущность насъ ожидаетъ!

Въ сіе время всеобщаго восторга, кто пощадилъ бы силы, жизнь свою на защищеніе твое? Но ты въ немъ не имѣешь нужды! —Прости-жъ, есть ли, искавъ принести тебѣ дань, я дерзновенною рукою начертаю нѣкоторыя истины — я, удаленный отъ двора твоего и упованія наградъ, одинъ изъ безвѣстнѣйшихъ россіянъ. Прости, прости меня за неважную сію жертву, но жертву сердечную; прими ея засвидѣтельство-

ваніемъ довѣренности къ твоимъ добродѣтелямъ, знакомъ истинной подданнической любви.

Безъ сомнѣнія, все, что я ни скажу тебѣ, болѣе или менѣе впечатлѣнно уже въ твоей благородной душѣ, или извѣстно въ сонмѣ мужей мудрыхъ, которымъ ты окружаешь себя. Но сія мысль не могла меня удержать повергнуть ленту вдовы въ сокровищницу, такъ какъ самое блистательное понятіе о славѣ твоей никогда не удержитъ меня отъ рвенія распространять ея, во всякомъ приступномъ для меня кругу, моею хвалою.

Государь, ты царствуешь надъ сорокью милліонами человѣкъ, искони привыкшихъ безпредѣльно чтить власть, внѣ которой они не могутъ представить себѣ блаженства; одного взора ихъ помазанниковъ часто довольно, чтобъ разлить повсемѣстную радость, и конечно — одного велѣнія, чтобъ устроить счастіе, каковымъ только человѣкъ на землѣ наслаждаться можетъ.

Имперія, которая тебя своимъ называть будетъ, не обыкновенное государство. Ей нѣтъ подобной не только въ нынѣшнемъ состояніи Европы и прочихъ частей свѣта, но, можетъ быть, и въ лѣтописяхъ вѣковъ прошедшихъ. Она заключаетъ въ нѣдрахъ своихъ сто климатовъ, сто народовъ различныхъ. Она отъ сѣвера до юга и отъ запада къ востоку изобилуетъ въ количествѣ и родѣ безчисленными благами, замѣняющими себя взаимно, которыя даютъ возможность поставить всѣ ея сношенія съ чужими странами въ совершенной независимости. Она имѣетъ и пространнѣйшія земли для воздѣлыванія ея произведеній, и надежныя руки сыновъ своихъ для искусственнаго обработыванія оныхъ. Посему богатства ея, не на случайныхъ причинахъ, но на самой природѣ основанныя, должны идти возрастая съ самымъ временемъ: она представляетъ, такъ сказать, подобіе рудника, открытаго при поверхности земли, котораго изобиліе постепенно обнаруживается по мѣрѣ его углубленія. Она изобилуетъ рѣками, которыя, изъ ея средоточія изливаясь въ пять морей, ожидаютъ только попечительной руки правительства, чтобъ соединить ихъ всѣхъ, чтобъ сообщать рукодѣліе Европы Азіи и азіятскія богатства Европѣ кратчайшими путями. Она граничитъ въ наибольшей части съ Ледовитымъ океаномъ или странами, толико же неприступными, какъ и онъ, и сосѣдями имѣетъ народы, которые привыкли почитать русское могущество. Что скажу тебѣ, государь! новаго о гражданскихъ добродѣтеляхъ сихъ россовъ, которые среди временъ грубѣйшаго невѣжества обращали уже на себя вниманіе свѣта? — Напомню одну изъ нихъ, обезпечивающую навсегда незыблемость отечества. Пожертвованіе жизнію за него всегда и вездѣ почиталось достойнымъ вѣчныхъ похвалъ; но сіе пожертвованіе безъ всякихъ видовъ славы, утѣшительницы умирающихъ героевъ, сіе великое самоотреченіе свойственно рѣдкимъ лишь душамъ, и россійскіе ратники способны къ нему болѣе всѣхъ древнихъ и новыхъ народовъ. Рѣшительный военачальникъ идетъ на смерть — я почитаю его, но вижу, что слава, которая изъ-за предѣловъ гроба простираетъ ему свой лавръ, наполняетъ удивленіемъ соотечественниковъ и потомства его воображеніе: сія слава смягчаетъ ужасы смерти. Честолюбіе, желаніе пріобрѣсть блестящее отличіе упояетъ его. Самая необходимость дѣйствовать соотвѣтственно званію, къ которому онъ принадлежитъ, влечетъ его впередъ. Но простой солдатъ, который не мечтаетъ о лаврахъ, не имѣетъ предразсудковъ благородства, заставляющихъ отличаться, не ожидаетъ наградъ; солдатъ, котораго участь не перемѣняется послѣ двадцати выигранныхъ сраженій и который, не думая о свидѣ-

теляхъ, о потомствѣ, объ исторіи, умираетъ весь, у котораго долгъ въ сердцѣ — единое побужденіе, для меня прямо великій герой; таковъ россійскій солдатъ — и таковыхъ имѣешь ты сотни тысячъ!

Время образовало человѣческую премудрость. Время, усовершая все, предуготовляетъ законодателю способы быть благотворителемъ народовъ. Есть-ли-бъ Екатерина, есть-ли-бъ Маркъ Аврелій самъ жили въ желѣзномъ вѣкѣ царствованія Ивана Васильевича, когда вся Европа покрыта еще была тьмою суевѣрія, подавлена своеволіемъ феодализма, много ли бы они могли сдѣлать въ пользу своихъ подданныхъ? Предположивъ, что они изъ собственнаго сердца, созданнаго для блага людей, изъ собственнаго всеобъемлющаго разума извлекли бы законы и установленія, предположивъ, что они нашли бы возможность въ одно время и сильно дѣйствовать и глубоко размышлять, проникать безъ всякихъ предварительныхъ познаній въ составъ обществъ, въ сердца людей, гдѣ взяли бы они достойныхъ исполнителей своего плана? Ни люди, ни средства для общественнаго блага не были еще произведены. Въ наши дни, Государь! наука законодательства, вмѣстѣ съ прочими, вмѣстѣ съ общими успѣхами разума необходимо усовершенная, представитъ тебѣ въ твореніяхъ величайшихъ умовъ тысячу новыхъ идей, которыя, объяты бывъ благодѣтельнымъ твоимъ духомъ, могутъ сдѣлаться источниками счастія твоихъ подданныхъ. Велика заслуга философа, многотрудно открывающаго истину, но тотъ, кто силу, данную ему отъ небесъ, обратитъ на дѣйствительное приложеніе сей истины къ благу человѣковъ — достоинъ алтарей. Онъ — Богъ, собирающій безполезно носимые по воздуху пары въ благотворный дождь, который дастъ плодоносіе долинамъ и воды рѣкамъ, орошающимъ ихъ. Такъ, онъ Богъ на землѣ! — Есть ли земные владыки могутъ назваться подобіемъ великаго, непостижимаго Существа, создавшаго милліоны міровъ, то, конечно, тогда только, когда они подражаютъ его благотворенію.

Воззри напослѣдокъ на нынѣшнее состояніе Европы. Могло-ль быть время способнѣе «для возведенія твоей Россіи на верхъ славы и блаженства» въ сходство обѣщанія твоего? Притязанія и виды всѣхъ державъ такъ разнообразны, такъ противуположны другъ другу, что ты никогда не можешь быть въ необходимости принять оружіе, есть ли самъ будешь питать миролюбивыя намѣренія. Французскій переворотъ, столь гибельный самъ по себѣ, поколебавшій толико правленій, нетокмо не сдѣлалъ вреда въ Россіи, въ которую его начала не могли и вѣчно уже не могутъ проникнуть, но принесъ ей ощутительную выгоду, отвративши, во-первыхъ, завистливое вниманіе державъ въ самое критическое для нея время и, потомъ, новымъ расположеніемъ политическихъ связей, уволивши нашъ дворъ отъ необходимости пристать къ той или другой сторонѣ, которыя обѣ, почитая соучаствованіе его рѣшительнымъ, должны наперерывъ искать его благорасположенія. Россія вышла чрезъ неожидаемое сіе стеченіе обстоятельствъ изъ всегдашней скрытной войны со всѣми европейскими державами.

Въ таковомъ состояніи дѣлъ внутренніе и внѣшніе долги государства твоего не важны, судя по великости источниковъ твоихъ доходовъ, кои не расточены еще столько, чтобъ простымъ отмѣненіемъ нѣкоторыхъ предположенныхъ издержекъ не можно было вывести казну въ нѣсколько мѣсяцевъ изъ всякаго сомнительнаго положенія.

Таковы средства, Государь! которыя ты имѣешь быть великимъ, счастливѣйшимъ монархомъ среди счастливѣйшаго народа на землѣ!

Во мракѣ и безмолвіи ночи проходя мимо чертоговъ твоихъ, надъ коими, казалось мнѣ, парилъ еще духъ великой оной жены, зрѣвшей въ тебѣ единомъ надежду Россіи, днемъ обращая на тебя среди вельможей двора твоего наполненныя слезъ очи, я размышлялъ, каковы будутъ пути твои.

Неужели захочетъ онъ, говорилъ я самъ себѣ, произвольно разстроить рѣдкое согласіе неба и земли въ его пользу и благотворное предуготовленіе цѣлаго полвѣка оставитъ безъ исполненія?— Неужели онъ созданному для душъ обыкновенныхъ удовольствію самовластія хладнокровно пожертвуетъ надеждою народовъ, безсмертною славою и тою наградою, которая по долголѣтней, безмятежной, семейныхъ радостей исполненной жизни ожидаетъ добродѣтельныхъ монарховъ въ странѣ блаженства?

Нѣтъ: онъ раскроетъ напослѣдокъ великую ту книгу судьбы нашей и нашихъ потомковъ, которую лишь указалъ перстъ Екатерины.— Онъ дастъ намъ непреложные законы. Клятвою многочисленныхъ племенъ своихъ подданныхъ утвердитъ онъ ихъ въ роды родовъ; онъ скажетъ Россіи: се предѣлъ самодержавія моего и моихъ наслѣдниковъ, нерушимый во вѣки!... И Россія войдетъ наконецъ въ число державъ монархическихъ, и желѣзный своенравія скипетръ не возможетъ сокрушить скрыжалей ея завѣта. Онъ будетъ дѣйствовать медленно, какъ дѣйствуетъ великая природа въ таинственныхъ путяхъ, законами Творца ей уготованныхъ; онъ призоветъ въ помощь свою вѣчный разумъ, имѣющій озарить его душу; вопроситъ совѣта у мужей мудрыхъ, счастливою для насъ судьбою поставленныхъ близъ его, и другихъ, которыхъ гласъ изъ отдаленнѣйшихъ краевъ его государства истину повѣдать ему станетъ; онъ вопроситъ о ней у законодателей міра древнихъ и новыхъ: съ свѣтильникомъ безпристрастія пройдетъ творенія ихъ, сообразитъ оныя съ обстоятельствами своего народа, съ его нравами, обычаями, религіею, съ мѣстнымъ его положеніемъ, съ просвѣщеніемъ своего вѣка напослѣдокъ; онъ составитъ коренное учрежденіе, изберетъ ему блюстителей и, оградивъ ихъ личною безопасностью, поставивъ внѣ сферы честолюбія и боязни, удѣлитъ имъ избытокъ своей власти на охраненіе святыхъ законовъ отечества.

Онъ вѣдаетъ, что довѣренность къ правительству, утверждаемая извѣстностію непремѣнныхъ законовъ, одна рождаетъ взаимную довѣренность гражданъ между собою, что она есть жизнь промысловъ, мать общественныхъ добродѣтелей и источникъ благоденствія.

Онъ положитъ единожды твердое основаніе государственному достоянію, изочтетъ богатства своихъ обширныхъ владѣній, опредѣлитъ возможности и повинности подданныхъ всякаго состоянія и скажетъ: «симъ обязаны вы взаимно между собою, симъ обязаны казнѣ, симъ обязаны престолу моему — ни болѣе ни менѣе, кромѣ чрезвычайныхъ нуждъ государства». Не средства къ новымъ на народъ налогамъ велитъ онъ изобрѣтать для безконечнаго умноженія доходовъ, но съ благоволеніемъ приметъ тѣ, кои клониться будутъ къ уменьшенію расходовъ: и симъ ближайшимъ и вѣрнѣйшимъ путемъ, сопровождаемый благословеніями подданныхъ, достигнетъ умноженія избытка въ своей сокровищницѣ.

Онъ ограничитъ издержки, которыя не служатъ къ пользѣ Имперіи и не возвышаютъ блеска вѣнца его: уменьшитъ дворъ свой, изженетъ изъ него сонмы ласкателей и прислужниковъ, безстыдно мечтающихъ, что достоянія Имперіи имъ принадлежатъ, и что они преимущественное имѣютъ право на милости государя по одному тому, что случай поставилъ ихъ близъ его особы.

Онъ остановитъ зданія, служащія для пышности. Довольно мы имѣемъ зданій, не токмо необходимыхъ величеству всероссійскаго двора, но и тѣхъ, которыя произведены прихотью, роскошью или желаніемъ украсить столицы. Не художества призоветъ онъ въ помощь для сооруженія себѣ памятниковъ, но въ премудрости своихъ учрежденій и въ любви народной найдетъ ихъ: сіи не сокрушаемы временемъ, и не одно удивленіе празднаго любопытства возбуждаютъ, но почтеніе всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ.

И самыя художества не будетъ онъ покровительствовать прихотливо и внутри лишь чертоговъ своихъ съ условіемъ, чтобъ они платили ему лестью, но дѣйствительно ободритъ ихъ, умножая общее благосостояніе и разрѣшая узы ума и талантовъ.

Вообще будетъ онъ дорожить произведеніемъ кроваваго пота подданныхъ, посвященнымъ на пользу общую, и моральное изящество будетъ первѣйшимъ его предметомъ.

Не удостоитъ занять себя подробностями и иждивать на мелочи драгоцѣнное время, въ которое едва-едва вмѣститься могутъ всеобщія попеченія владѣтеля пространнѣйшей имперіи въ свѣтѣ. Дѣйствуя, какъ высочайшее существо, онъ взоромъ будетъ обнимать цѣлыя массы; дастъ правильное движеніе главнѣйшимъ колесамъ государственнаго состава, и всѣ протчія потекутъ правильно.

Какъ наисовершеннѣйшіе законы останутся безполезными въ народѣ развращенномъ и чуждыми смысла въ народѣ невѣждъ, то, безъ сомнѣнія, обратитъ онъ свою внимательность на воспитаніе послѣднихъ состояній своихъ подданныхъ, и будетъ дѣйствовать на нихъ посредствомъ людей, имѣющихъ надъ ними наиболѣе силы—духовенства, учреждая для него гимназіи, удаленныя отъ тяжелыхъ началъ древней схоластики, и предоставляя отличія и награды не тѣмъ изъ проповѣдниковъ, которые съ піитическимъ восторгомъ станутъ его величать въ городскихъ храмахъ, но тѣмъ, которые докажутъ опытами вліяніе, какое они имѣли на благонравіе своихъ паствъ, тѣмъ, которые, учредивъ училища, не лѣностно преподавать въ нихъ будутъ чистое ученіе Христово и своимъ примѣромъ наставлять должностямъ человѣка-гражданина.

Такимъ образомъ, не жезлъ, денно-нощно властію поднятый, заставитъ исполнять законы, но, гораздо дѣйствительнѣе, собственное увѣреніе каждаго въ ихъ пользѣ. Такимъ образомъ законы будутъ охраняемы нравами и нравы законами.

Съ другой стороны еще подѣйствуетъ онъ на нравственность состояній, называемыхъ послѣдними. Онъ обезпечитъ существованіе помѣщичьихъ крестьянъ, поставивъ предѣлы ихъ зависимости, и симъ дастъ имъ средства вкушать иногда, въ воздаяніе трудовъ своихъ, сладость жизни, не прибѣгая къ своеволію, питьямъ, оглушающимъ чувства, и другимъ пріемамъ, свойственнымъ отчаянію и неключимому рабству.

Земледѣліе распространится подъ кроткимъ его скипетромъ. Онъ заселитъ мало-по-малу пространныя степи, не насильно исторгая семейства изъ домовъ ихъ и переселяя скоропостижно за цѣлыя тысячи верстъ въ страны, по одной своей безвѣстности уже страшныя для нихъ и дѣйствительно смертоносныя по чрезвычайному различію климатовъ, но изъ сосѣдственныхъ населеннѣйшихъ мѣстъ вызывая и ободряя наградами и льготою. Безводные, но въ прочемъ плодоносные кряжи благословенныхъ климатовъ будетъ онъ умѣть сдѣлать обитаемыми и превратить въ цвѣтущіе сады, проведя каналы изъ сосѣдственныхъ рѣкъ. Онъ назначитъ торжественныя награды

для земледѣльцевъ, кои отличились или рѣдкими примѣрами благонравія, или трудолюбіемъ, изобрѣтеніемъ или введеніемъ новыхъ способовъ, или, наконецъ, засѣвомъ и возрощеніемъ растеній, до того чуждыхъ ихъ странѣ.

Рукодѣлія возбуждать онъ станетъ не самовластнымъ скоропостижнымъ запрещеніемъ ввоза иностранныхъ произведеній (можно сохранить отечественную пользу съ миролюбіемъ къ чужимъ народамъ), но привилегіями, данными мануфактурамъ и фабрикамъ, какія теперь еще существуютъ, наипаче-жъ снятіемъ налоговъ, разоряющихъ ихъ и отнимающихъ охоту заводить новыя.

И тогда внутренняя торговля, усилясь отъ успѣховъ хлѣбопашества и рукодѣлій, въ теченіе немногихъ лѣтъ, сама собою, безъ всякихъ насильственныхъ пріемовъ возвыситъ внѣшнюю въ нашу пользу и, уменьшивъ надобность въ иностранныхъ товарахъ, возвыситъ достоинство россійскихъ и, слѣдовательно, цѣну россійскихъ денегъ.

Для выгодъ таковой торговли, несомнѣннаго признака благоденственнаго мудраго царствованія, для совершенія великаго подвига законодательства, онъ, конечно, потщится сохранить миръ съ державами. Онъ употребитъ на сіе счастливыя средства, представляемыя ему теперь Провидѣніемъ, которое явно простираетъ къ Россіи милующую десницу. Ему, безъ сомнѣнія, предопредѣлено начертать смѣлый, постоянный планъ политики, свойственной россійской министеріи, и одной ей принадлежащій.

Не имѣетъ ли онъ надежнѣйшихъ способовъ держать всѣ дворы въ почтеніи къ себѣ, не преклоняясь ни на чью сторону?—Находитъ ли онъ, по нынѣшнему положенію своего государства, по его сопредѣльности, по его силамъ, малѣйшія причины или выгоды входить въ раздоры ихъ?

Какая участь обращать на себя взоры надеждъ, а не зависти или злобы! заставлять народы отъ финскихъ водъ до Атлантическаго океана видѣть въ себѣ судію ихъ дѣлъ и рѣшительнаго миротворца ихъ распрей!

Въ счастливое то время вооруженная сила не останется безполезною. Напротивъ, тогда-то будетъ она выполнять истинный свой предметъ: охраненіе общаго спокойствія. И кромѣ того найдетъ онъ средства занять милліонъ здоровыхъ, сильныхъ рукъ, ежегодно стоющихъ болѣе трети государственныхъ доходовъ, не заставляя ихъ лить кровь рѣками въ странахъ и дѣлахъ чужихъ. По примѣру римлянъ, которые, выше всего ставя воинское ремесло, не сомнѣвались однакожъ производить воинами общенародныя работы, строить славные свои водоводы, свои дороги; по примѣру нѣкоторыхъ европейскихъ государей, кои въ новѣйшія времена предпринимали таковые-жъ опыты, и въ числѣ ихъ самого основателя сей столицы, обезпечившаго содержаніе ея ладожскимъ каналомъ—употреблять онъ станетъ по очереди часть мощныхъ нашихъ ратниковъ, съ младенчества пріобыкшихъ къ повиновенію и трудамъ. Нѣкоторая прибавка къ обыкновенному ихъ жалованью дастъ имъ дѣятельность, и сколь много существенно полезнаго окажется въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ! Откроются повсюду водяныя сообщенія, рѣки сдѣлаются судоходными, болота превратятся въ плодоносныя долины; между тѣмъ и границы имперіи не останутся безъ защищенія, и русская сила будетъ всегда въ виду и въ понятіи у непріятелей.

Онъ соединитъ воина съ поселяниномъ и поселянина съ прочими состояніями союзомъ взаимной пользы, ощущеніе которой, братолюбіе и подданническая обязанность будетъ одно и то же чувство подъ тремя различными только видами.

Онъ... но могу ли я обнять высокое предназначеніе Всевышняго, могу ли представить себѣ, исчислить всѣ дѣянія, которыхъ сѣмя лежитъ въ его человѣколюбивомъ сердцѣ?

Народы всегда будутъ то, чѣмъ угодно правительству, чтобъ они были. Царь Иванъ Васильевичъ хотѣлъ имѣть безотвѣтныхъ рабовъ, съ нимъ подлыхъ, между собою жестокосердыхъ: онъ имѣлъ ихъ. Петръ Первый желалъ видѣть насъ слѣпыми подражателями иностраннымъ: къ несчастію, мы съ излишествомъ таковыми стали. Премудрая Екатерина начала образовать россіянъ. Александръ, любимецъ народа, довершитъ великое сіе дѣло; наслаждаясь нѣкогда плодами своей юности, онъ будетъ блаженнѣйшимъ изъ смертныхъ, и слава его, утвержденная на любви подданныхъ, переходящей изъ рода въ родъ, на всеобщемъ земныхъ племенъ почтеніи, будетъ предметомъ желаній величайшихъ монарховъ!

Слышалъ я, что юный нашъ владѣтель съ равнодушіемъ принимаетъ затверженныя восклицанія поэзіи, которая безстыдно принаравливаетъ ихъ ко всѣмъ царямъ, увѣряя каждаго, что онъ лучше своего предшественника. Я смѣлъ начертать сіи мысли.

О ты, котораго обожаетъ мое сердце! не отвергни сію дань его, въ простотѣ и съ безкорыстнѣйшими чувствами тебѣ приносимую...

Государь! въ душѣ моей повергаюсь къ стопамъ твоимъ, орошаю ихъ слезами чистѣйшей, вѣчной преданности. Геній-благотворитель моего любезнаго отечества!...

IV.

Замѣтки графа Павла Александровича Строгонова о первыхъ преобразовательныхъ замыслахъ императора Александра въ 1801 г.

Résultat d'une conversation avec l'Empereur.

Le 23 avril 1801.

Du travail de l'Empereur.

L'Empereur a commencé par me donner quelques détails sur sa manière de travailler, qui, en dernière analyse, se réduit à ce que tout ce qui regarde la partie en particulier sur laquelle il travaille, est décidé par l'Empereur immédiatement, ensuite, tout ce qui demande la réunion de plusieurs parties est porté au conseil, pour que par la présence de tous ceux qui sont attachés aux diverses branches de l'administration, l'affaire soit débattue entre eux tous, et reçoive conséquemment les modifications qu'elle doit éprouver de leurs parts respectives. Quant à ses plans, voilà ce qu'il m'a dit relativement à la politique. On tâche de rassurer la Suède, le Danemark et la Prusse par la promesse de ne point abandonner la coalition; la France—on cherche à la tenir en suspens par des choses vagues; pour l'Angleterre, on cherche à se raccommoder avec elle.

Relativement aux choses de la guerre, elles sont encore peu de chose: elles se bornent à des avancements, des rapports à recevoir sur des affaires de conseil de guerre. C'est M. Lamb qui est chargé de cette partie; la partie des vivres et du commissariat se fait par des papiers qui partent des chefs de ces parties ou passent par les généraux adjudants.

L'administration civile est en partie entre les mains du procureur-général qui vient faire les rapports des докладъ du Sénat et de ce qui s'y est passé.

Lorsqu'il y a une plainte contre le Sénat, cette affaire est renvoyée au maître des requêtes pour qu'il en fasse son rapport. Lorsque ce sont d'autres demandes qui peuvent regarder la justice, on les renvoie dans les endroits qui doivent en connaître.

Le commerce, c'est le prince Gagarin qui en fait le travail avec l'Empereur.

Les finances ont deux jours par semaine où l'Empereur s'en occupe avec m-r Vasilief.

Affaire de la réforme.

Ensuite S. M. me parla de l'affaire de la réforme. Je lui dis que je croyais que m. m. de Woronzoff et Trochinsky nous seraient d'une grande utilité; il me répondit, que pour le premier il ne savait pas s'il ne tiendrait pas trop à d'anciens préjugés, que pour le second, il croyait qu'il embrasserait avec plaisir ces idées; il me parla aussi de M. de Zavadovsky qui, à ce qu'il paraît, n'en serait pas éloigné. M-r de Zavadovsky répondit fort rudement au prince Zouboff, qui lui en parlait qu'il ne voyait pas qui pourrait en faire la proposition à l'Empereur, sans que personne autre s'en mêle. L'Empereur m'a paru approuver cette idée sur laquelle je me suis permis d'appuyer vu le danger qu'il y aurait, si beaucoup avaient l'espoir de faire agréer leurs plans, que tout ne serait pas conduit fort prudemment, et alors, que les dangers en deviendraient incalculables.

Je lui ai parlé ensuite du papier du prince Besborodko dont je lui avais remis une copie dans le temps; il ne m'en parut pas autant content que de celui de Novossiltzof qui, autant que je puis m'en rappeler, ne traite pourtant pas beaucoup de la forme du gouvernement, mais lorsque je ne les avais pas bien présents à la mémoire, je n'en parlai pas davantage. Dans mon opinion, celui du prince Besborodko est un chef d'oeuvre et est le canevas de tout ce qu'il y aurait à faire.

Ensuite, en parlant à S. M. de la nécessité qu'il y aurait de s'occuper au moins de débrouiller la masse des idées à cet égard, de dégrossir les formes, il me dit qu'il fallait attendre Novossiltzof.

Je lui parlai ensuite de mon idée qu'il fallait commencer par s'occuper de l'administration avant que de faire une constitution proprement dite, et que celle-ci ne devait être qu'une conséquence de l'autre, ce qu'il approuva. Il me dit qu'une des bases les plus essentielles du travail devait être la fixation des trop fameux droits du citoyen; je lui observai que je croyais que cela ne devait être que relativement au travaildu comité. Il me parut de mon avis, et sur ce que je lui dis qu'il me semblait que tous ces droits se réunissaient dans cette maxime que tout citoyen devait être assuré dans sa propriété et dans la faculté illimitée d'en pouvoir faire tout ce qui ne peut pas être nuisible à autrui. Sur cela, dis-je, il me parut absolument de mon avis; il dit seulement qu'il fallait encore ajouter qu'aucune entrave ne peut empêcher le mérite de parvenir. Cette idée,

qui est fort juste en elle-même, néanmoins, par les diverses applications, qu'on en peut faire, peut, suivant les cas, être très dangereuse; ainsi, elle demande à être bien fixée et à avoir des limites précises.

Réflexions.

Telle a été à peu près, en somme, toute notre conversation; mais comme toutes ces opinions n'ont paru que vaguement prononcées, il est essentiel qu'il les répète et qu'on y mette plus de détails et d'ordre.

Toute cette conversation peut se partager en deux parties, du travail de l'Empereur d'abord, et enfin, de l'affaire dela réforme.

Dans la première, il paraît que tout ce qu'on aurait à dire se bornerair à la réunion de quelques parties ensemble qui sont séparées dans les affaires de la guerre, et à la nécessité que l'Empereur assiste aux délibérations du conseil: il en a, d'ailleurs, trop peu dit pour pouvoir, d'après ce peu de mots, établir un raisonnement suivi.

Ensuite dans l'affaire de la réforme, il paraît que S. M. s'est expliquée sur deux principes bien essentiels: d'abord que cette réforme doit être uniquement l'ouvrage de S. M. sans que personne puisse se douter d'un pareil travail, et sans que qui que ce soit qui ne serait pas honoré de la confiance spéciale de S. M. à cet effet, puisse concevoir l'idée que S. M. acquiescerait à une pareille entreprise. Secondement que la réforme de l'administration devait être au préalable à la confection d'une constitution. Néanmoins, il ne s'est pas expliqué sur ces deux principes avec assez de précision pour pouvoir encore compter sur ses principes à cet égard. Il sera donc essentiel de revenir encore sur cet article pour reconnaître sa façon de penser plus formellement.

Ces deux bases étant de la plus grande importance, il est absolument nécessaire qu'elles soient fixées avant d'aller plus loin.

Quant aux autres principes sur lesquels S. M. a fait entrevoir son opinion, comme ils sont subséquents à d'autres, il est inutile de s'en occuper encore.

Plan général de travail avec l'Empereur pour la réforme.

Le premier principe à établir est: que cette réforme doit être entièrement due à Sa Majesté et qu'il faut prendre toutes les mesures pour qu'on ne se doute pas d'un pareil travail.

Ce principe doit être développé de manière à ne laisser aucun doute sur tous les cas qui pourraient se rencontrer. Ensuite, il faut se faire un tableau du but auquel on veut arriver pour que dans le courant des affaires on ait une échelle d'après laquelle on puisse se régler pour ne pas contredire des principes qu'on voudrait voir établis solidement. Alors il faudra passer au travail de la réforme et l'attaquer régulièrement: il faudra commencer par l'organisation du comité, les bases du travail, le plan du travail etc. La réforme, pour être bien faite, doit être faite d'abord dans l'administration qui doit être ordonnée dans toutes ses parties relativement à la sûreté se la propriété et la liberté d'en faire tout ce qui ne peut pas nuire à autrui. Dans de dernier cas, les limites au-delà desquelles ce mal à autrui a lieu doivent être prévues par la loi, car tout ce qui n'est pas défendu par elle est permis. Une loi ne doit jamais avoir d'effet rétroactif.

Ceci une fois établi sur des bases solides, il ne s'agira plus que de trouver une digue qui ne permette pas de pouvoir détruire arbitrairement cet ordre.

Cette barrière doit se trouver dans les institutions déjà existantes, créées à cet égard; un nouvel ordre de choses me paraîtrait très dangereux... Le papier du prince Besborodko donnerait à cet égard le canevas de tout ce qu'on pourrait désirer.

Il faut un plan très suivi pour tout cela: il faut que l'Empereur s'explique sur cet article. Comment veut-il qu'on procède à ce travail? Il faut que les personnes qui y coopéreront soient nommées (secrètement), que leur travail soit organisé et que ce soit l'Empereur qui organise son pays, et non un autre, il faut que, hors de là, l'Empereur se conduise de manière que tout le monde soit persuadé que tout restera sur l'ancien pied et qu'il ne veut entendre à aucune innovation.

La première chose dans ce moment est de faire expliquer l'Empereur sur ses projets, sur le mode de la réformation; s'il croit que c'est une constitution par où il faut commencer, il faut combattre cette idée; ensuite il faut lui faire sentir qu'il ne doit pas permettre qu'on conçoive l'idée d'aucune réforme.

L'Empereur dans ce moment-ci s'occupe beaucoup trop de détails; il est tellement occupé de ces détails, que c'est tout ce qu'il peut faire que d'y suffire, à peine lui reste-t-il du temps pour s'occuper de ces réformes qui pourtant sont d'une telle importance, qu'elles demanderaient presque tout son temps. Son travail me paraît aussi mal organisé, c'est avec ses ministres l'un après l'autre qu'il s'occupe et jamais avec tous ensemble; soit pour lui, soit pour eux-mêmes, il aurait besoin d'en former un conseil et d'assister à leurs débats.

Développement du principe que la réforme doit être l'ouvrage de l'Empereur.

Toutes les raisons qui nécessitent le secret sur un pareil travail exigent que ce soit l'Empereur qui seul se réserve une opération de ce genre... Un homme seulement sûr de sa prudence, ayant l'autorité que les préjugés font regarder comme suprême, et qui par là imprime le respect général, ne doit pas souffrir qu'on lui associe ouvertement qui que ce soit, dans un travail aussi délicat.

Résultat d'une conversation avec le comte Kotchoubey,

le 22 Avril 1801.

En parlant avec le comte Kotchoubey de la réforme de notre gouvernement, je lui rappelai le mémoire qu'avait composé son oncle à ce sujet. Il me dit que l'Empereur étant Grand Duc, lui avait parlé souvent du désir qu'il aurait de voir notre gouvernement ordonné d'après les principes de la saine raison et que lui, Kotchoubey, il avait voulu avoir l'avis de son oncle là-dessus; que la première chose que le prince lui dit à ce sujet, c'est, qu'il n'y avait rien à faire, que cependant quelques jours après, il lui dit qu'il avait jeté quelques idées sur le papier, et c'était le papier qu'il m'a communiqué. Le prince Besborodko l'a assuré que l'Impératrice Catherine II avait toujours eu cette idée jusqu'à l'époque où les malheurs de la révolution française l'avaient fait changer de principes. En effet, toutes ses institutions en sont la preuve, les chartes de

la noblesse, de la bourgeoisie; elle a laissé de sa main une grosse liasse de papiers sur le Sénat. Le prince voulait donner le plus grand relief au Sénat; nous nous accordâmes, Kotchoubey et moi, à trouver que l'Empereur ne se montrait pas assez difficile dans le choix de ses nominations à la charge de Sénateur; pourtant à une représentation que je me permis de faire depuis à ce sujet à Sa Majesté, il me répondit qu'il s'était prescrit de n'y placer que des gens dignes d'occuper cette place, et en effet, en passant en revue ceux qui avaient été nommés, nous ne trouvâmes guère à redire à toutes ces nominations.

L'opinion du prince Besborodko était que le pouvoir du souverain dans un Empire comme le nôtre devait être très considérable à cause de l'étendue immense, de la diversité des moeurs, de climats, de nations qui composent ce tout, et qui exigent que le ressort du pouvoir éxécutif soit très fort pour mettre en jeu cette grande machine. Le prince connaissait, me dit-il, Montesquieu par coeur et en faisait le cas qu'il mérite.

Essai sur le système à suivre dans la réformation de l'administration de l'Empire.

Présenté le 9 Mai 1801.

Le bonheur des peuples, pour être solidement établi doit être fondé sur les principes de la prospérité intérieure qui, de son côté, dépend de la justesse des bases de l'administration et non de la vaine gloire qui naît d'une grande influence au dehors.

Votre Majesté, convaincue de cette vérité, veut s'occuper de la réforme de notre gouvernement; cet ouvrage est difficile, mais il est beau de l'entreprendre: et le legislateur qui, après de longs et pénibles travaux a atteint quelques parties de ce grand but, est sûr d'emporter après lui les bénédictions du peuple, l'admiration des sages et le titre de bienfaiteur de son pays.

Nécessité d'un comité.

Votre Majesté ne pourra remplir à elle seule cette tâche honorable: elle jugera sans doute nécessaire de se donner des collaborateurs. De quelle manière ces personnes coopéreront-elles à l'accomplissement de ce grand oeuvre; cette recherche est celle que je me propose en ce moment, et voici, je crois les principes qui doivent régler la détermination qu'on prendra à cet égard.

Principes de l'organisation du comité.

Pour qu'une réforme n'entraîne après elle que le moins possible des inconvénients qui trop ordinairement sont la suite de pareilles mutations, il faut qu'elle s'applique le plus insensiblement que faire se peut. Ce résultat ne peut s'obtenir qu'en calculant le changement projeté, de manière à en rendre l'exécution facile et le moins sujet à éprouver d'obstacles.

Les bases de ce calcul doivent être: une connaissance sûre de l'esprit public et des mesures propres à empêcher toute prévention défavorable.

De la connaissance de l'esprit public.

La connaissance de l'esprit public ne peut s'acquérir qu'en observant soigneusement et avec suite la manière de voir la plus dominante relative à l'objet dont on médite l'amélioration.

Lorsqu'un observateur porte son attention sur un objet afin de le bien connaître, si cet objet est fixe, qu'il ne change d'aucune manière, qu'aucune influence étrangère ne le trouble et n'affecte sa manière d'être; il est certain que les connaissances qu'il obtiendra relativement à cette chose, seront susceptibles d'une grande exactitude; il pourra étudier chacune de ses parties séparément, rassembler ces diverses connaissances, les comparer dans leur ensemble, revenir sur chacune et les étendre par des nouvelles observations. Ce tout ne chageant point et ses parties présentant toujours le même aspect, il pourra pousser ses recherches aussi loin qu'il le voudra. Mais si cet objet est ujet à varier, si des causes étrangères peuvent en changer les formes, l'observateur spour l'étudier, choisira les moments où il est le plus tranquille, il écartera autant qu'il sera en son pouvoir tout ce qui tendrait à exciter sa mobilité, et tâchant ainsi de simplifier les complications de ses mouvements, il rendra son étude plus aisée et par conséquent plus certaine.

De même, l'esprit d'un peuple, par son instabilité, demande tout le calme possible pour être reconnu exactement; on doit, autant qu'on peut, craindre de l'agiter; sa connaissance, dans son état naturel, est déjà une étude assez épineuse sans en augmenter encore les difficultés par l'inquiétude que causerait l'attente de réglements qui intéressent la manière d'être de chacun.

Tout indice précurseur agitant les esprits, ne permet d'acquérir que de fausses connaissances.

Tout bruit prématuré à cet égard ne pourrait avoir aucun bon effet, et la diversité des jugements portés par des esprits préoccupés, ne pourrait donner pour bases des moyens d'exécution, que des notions erronées ou au moins très incertaines, au lieu qu'une tranquillité qui résulterait d'un secret impénétrable donnerait à l'administration toutes les facilités de combiner ses plans avec ce qui aurait été observé.

Conclusion pour le secret.

On peut donc poser en principe que la recherche de l'état de l'esprit public ne peut donner des résultats exacts qu'autant que le secret accompagnera les délibérations du gouvernement.

Des mesures propres à empêcher les préventions.

C'est encore le secret seul qui peut détourner les préventions qui naîtraient immanquablement du défaut de cette mesure.

Des causes des préventions.

En effet, si on recherche l'origine des jugements des hommes, on verra dans presque tous, les passions qui dérivent de l'intérêt, leur servent de guide et les portent plus ordinairement à être mécontents des actes émanant d'une autorité supérieure, qu'à les approuver.

Les soupçons préalables en sont l'origine.

Si à cette inclination naturelle qui rend inévitables les murmures partiels, on ajoute encore la somme d'inventions dont la multitude d'esprits faux qui composent la société défigurent une opération du gouvernement qu'ils ont cru deviner, et qu'on remarque ensuite la quantité de chimères qui en doivent être le fruit, on aperçoit aisément que celui-ci ne pouvant et ne devant pas chercher à coïncider avec cette foule d'idées individuelles, il sera sous divers rapports obligé de subir une masse de condamnations particulières qui joint au mécontentement de ceux qu'il est impossible de ne pas léser, peut, suivant l'importance de l'opération, devenir l'élément d'un préjugé défavorable, très capable d'entraver la marche du gouvernement.

Disposition de l'esprit humain qui prouve encore la nécessité du secret.

Une disposition de l'esprit humain qui milite encore en faveur de cette mesure et dont chacun peut aisément faire la remarque, est que lorsque l'homme doit supporter quelque chose, il se soumet bien plus facilement à une nécessité absolue, qu'à ce qui pourrait laisser entrevoir quelque moyen d'opposition ou de combats.

Une loi dont le silence a couvert les préparatifs et qui sort de son sein sans avoir troublé le calme général par son attente, en offrant en même temps une obligation égale à tous, porte bien plus les caractères de cette grande loi de la nature, la nécessité, contre laquelle les murmures, pour être infructueux, presque en même temps naissent et meurent, que celle dont les projets divulgués d'avance, aurait agité par l'incertitude inséparable d'une pareille imprudence et aurait eu à surmonter l'opposition que plus de discrétion simplement eût prévenu.

Telle une règle promenée en tous sens sur une surface unie ne rencontre en son mouvement aucune aspérité qui l'arrête, telle la loi sortant des mains du législateur, sans avoir été précédée par aucun sujet d'inquiétude, ne trouve dans la masse des esprits dégagés de toute prévention aucun obstacle qui retarde sa marche.

Après avoir ainsi successivement examiné sous ces trois rapports principaux: la connaissance de l'esprit général, les mesures à prendre contre les préventions publiques et enfin la disposition ordinaire de l'homme à se soumettre sans murmure aux lois immuables de la nécessité — de quelle importance il est de maintenir le public dans l'ignorance des vues du gouvernement, nous pouvons avant d'aller plus loin, poser ici en principe, que le s e c r e t doit être une de bases fondamentales de l'organisation de cette association.

De la nécessité d'un travail régulier avec Votre Majesté.

Un ouvrage d'aussi longue haleine et aussi important exige toute la régularité possible pour en pouvoir saisir et embrasser les diverses branches. Il n'y a donc que l'ordre extrême que V. M. mettra dans la manière dont elle s'en occupera, qui pourra assurer la justesse des combinaisons d'un aussi vaste plan.

Le mode de travail entre V. M. et le comité doit donc entrer comme un des principes intégrants de ses bases, dans le calcul de sa formation.

Tout moyen qui pour remplir ce but soit par ses formes, soit par le mystère qui l'accompagnerait, serait dans le cas d'éveiller l'attention publique, ne pourrait par l'impos-

sibilité qu'il y a, d'être continuellement en garde contre tout ce qui peut faire naître des soupçons que perdre ce secret qu'il est si intéressant de conserver, et on finirait bientôt par pénétrer le but de ces travaux. En un mot le mystère est l'ennemi du secret.

Si pour faire ce travail on est obligé de saisir les moments à la dérobée en quelque sorte comme un amant qui ne peut voir sa maîtresse qu'à l'insu d'un époux, je laisse à penser les inconvénients qui doivent résulter d'une telle incohérence.

Je ne prétends pas proposer les moyens qui pourraient remplir toutes ces conditions: je me hasarde seulement à poser les principes qui, d'après ma façon de voir, doivent être les fondements de la règle qu'on prendra à cet égard.

De la nécessité pour les membres de ce comité d'être instruits de toutes les opérations de l'administration.

Après avoir établi ces bases, une troisième considération se présente non moins importante, et sans laquelle il paraît impossible de faire quelque chose de bien: c'est la nécessité absolue pour ce comité d'être au fait de toutes les opérations du gouvernement.

En effet, pour corriger quelque chose, si on n'en connaît pas jusqu'aux moindres détails, comment faire pour trouver le remède le plus propre et l'appliquer convenablement? Le travail de cette société est à notre corps politique ce qu'est l'art d'un médecin aux malades qu'il traite; la médecine donne une foule de principes excellents et apprend le remède que tel ou tel accident exige, mais s'il voulait appliquer aveuglément les règles de son art aux diverses complications de maux du malade sans en étudier la marche, les accidents encore imprévus, cet élève d'Esculape risquerait fort de se tromper et de fairlle plus grand mal à celui qui l'aurait appelé. L'expérience doit être constamment le flambeau de la théorie, pour pouvoir, suivant les circonstances en modifier les principes et en corriger les erreurs.

L'expérience seule peut faire découvrir la source des abus.

Ce n'est qu'en remarquant les abus que la pratique découvre et observant avec soin la progression de leur marche, qu'on peut remonter à leur naissance, parvenir à en démêler les principes et connaître les moyens les plus efficaces de prévenir autant qu'on peut le mauvais pli que l'instabilité des choses de ce monde fait prendre aux institutions humaines. Sans cette précaution, l'ouvrage qui serait dû aux travaux de cette société ne serait qu'un rêve politique peut être fort beau en apparence, mais qui, dans l'exécution, pourrait avoir les suites les plus fâcheuses.

La liaison qui subsiste entre toutes les parties de l'administration exige que pour en changer une, on connaisse parfaitement la marche de toute la machine.

Ainsi que des rayons qui partent de différents points d'une circonférence et aboutissent tous à un centre commun, toutes les parties de l'administration doivent, par un enchainement mutuel, concourir à un même but. Si donc les lois du mouvement respectif de ces diverses parties ne sont pas calculées d'après cette règle générale, il ne pourra en résulter qu'une incohérence qui entravera d'autant l'uniformité de leurs actions.

Pour éviter ce défaut, ceux qui sont chargés de coopérer au rétablissement de l'édifice informe de notre contrat social, d'après des principes réguliers, doivent connaître la construction entière de la machine et par le mouvement qui s'en opérera sans cesse sous leurs yeux, être mieux à portée de voir les vices des rouages et de leur engrainement, cela facilitera les moyens de mieux saisir la manière d'appliquer à ces défauts les améliorations qu'ils demandent.

Sans connaître exactement l'action particulière et générale de ces moteurs, comment observer avec exactitude dans les changements qui doivent avoir lieu, les rapports qui doivent exister avec les autres parties, comment apprécier le défaut d'ensemble avec quelque justesse, défaut qui naîtrait infailliblement de l'ignorance de toutes ces choses.

Conclusion.

Je crois en avoir dit plus qu'il n'en faut pour prouver la nécessité de cette initiation, si j'ose m'exprimer ainsi.

Je crois donc pouvoir maintenant conclure que trois choses doivent entrer comme principes constitutifs du comité:

1°) La base générale d'après laquelle toutes les autres doivent être combinées: le secret.

2°) Un travail régulier avec Votre Majesté, organisé de manière à ne point éveiller la curiosité.

3°) Enfin, la nécessité que tous les membres soient au fait de la marche de l'administration.

Note relative à quelques principes fondamentaux de la réforme du gouvernement.

Présenté le 9 Mai 1801.

Dans la dernière conversation que j'ai eue avec Votre Majesté, j'ai cru démêler quelques unes de vos opinions concernant la grande question de la réforme de notre gouvernement; et comme avant d'entreprendre la construction d'un aussi grand édifice, il est nécessaire de classer ses idées et d'en faire en quelque sorte le devis, j'ai cru, pour savoir si je ne m'étais pas mépris sur vos intentions, qu'il ne serait pas hors de propos de présenter à Votre Majesté un résumé des principes qu'il m'a paru qu'elle avait manifestés relativement à cette grande affaire, et sur lesquels il est important d'asseoir un jugement précis avant de pousser ses spéculations plus avant. En allant ainsi par degrés et déterminant bien ses idées sur un point avant de passer à un autre, on est assuré d'agir avec ordre et de mettre dans son ouvrage la cohérence qui doit en être le lien.

Lorsque j'ai témoigné l'autre jour combien je regrettais de voir s'écouler ainsi un temps précieux, et qu'il ne fallait pas perdre, Votre Majesté me répondit qu'il fallait attendre Novossiltzoff; je suis bien parfaitement de cet avis, et en disant cela, je n'entendais pas qu'il fallût commencer le travail définitivement, mais simplement je voulais commencer à débrouiller les idées, relatives à une matière aussi compliquée, faire,

si j'ose introduire un terme militaire dans une affaire civile, une reconnaissance générale des principes d'après lesquels on doit agir, et pour cela, je crois il n'est jamais trop tôt.

Après m'avoir parlé du mode de son travail avec ses ministres, Votre Majesté me parla de l'opinion de M-r Zavadovsky relativement à cette réforme; en causant de cet effet avec le prince Zoubof, il ne s'était point expliqué avec franchise sur ses sentiments à cet égard parce qu'il pensait qu'un ouvrage de cette nature ne devait sortir que de vos mains et que nul autre que ceux qui auraient votre confiance spéciale pour cet objet, ne devait se douter ni concevoir même l'espérance que vous acquiescerez à une entreprise pareille. Telle est l'opinion que M-r Zavadovsky a fait connaître à V. M., et je pense qu'il juge nécessaire qu'on s'occupe de cette matière.

Pour ma part, je me suis permis d'appuyer sur cette idée vu le danger qu'il y aurait, si beaucoup de monde parvient à avoir l'espérance de ne pas se livrer en vain à des idées de ce genre, de ne pouvoir pas alors maîtriser les événements et conduire le tout avec la mesure et la prudence qu'une semblable opération exige, ce qui deviendrait la source certaine de malheurs incalculables.

Votre Majesté en me disant que quoiqu'on avait cru qu'une idée de cette nature ne serait pas reçue avec plaisir, il se trouvait néanmoins qu'on n'en voyait que trop d'amateurs, me parut aussi pénétré de cette vérité, et trouver que cette quantité d'esprits tournés de côté, était une circonstance qui augmentait la difficulté d'un travail de ce genre, par la facilité avec laquelle toutes ces têtes pourraient prendre feu au moindre indice d'un projet pareil.

Dans plusieurs conversations à ce sujet, le comte Kotchoubey m'a témoigné absolument la même façon de voir.

Si j'ai donc bien saisi l'idée de V. M., ce principe pourrait se poser ainsi: la réforme du gouvernement doit être l'ouvrage de l'Empereur et nul qui n'aura à cet égard sa confiance spéciale, ne doit savoir qu'une chose pareille se médite et aucun indice quelconque ne doit faire soupçonner que Sa Majesté agréerait quelque chose en ce genre.

Nous avons passé ensuite à un autre principe, savoir que la réforme devait commencer par s'appliquer aux diverses branches de l'administration, mais que la confection d'une constitution proprement dite ne devait que l'accompagner ou, pour ainsi dire, en être la suite.

Votre Majesté m'a dit à ce sujet qu'il fallait en effet qu'une bonne administration d'abord, attirant la confiance publique, devînt le gage de la bonté d'une institution si nécessaire, si belle, mais en même temps si difficile à bien faire, et susceptible de devenir dangereuse par la manière dont elle sera introduite. En s'expliquant ainsi, Votre Majesté, ce me semble, veut qu'une liberté douce et l'inviolabilité des propriétés, fruits d'une administration corrigée et réglée d'après les vrais principes de la prospérité nationale, prépare par son influence salutaire les esprits à recevoir sans danger et avec plaisir une loi qui garantisse d'un changement arbitraire les bases de la félicité commune.

Voilà à peu près, je pense, la façon de voir de Votre Majesté relativement aux deux principes dont il s'est agi et que j'ai tâché d'exprimer comme il m'a paru que vous les entendez.—Néanmoins, comme ce n'est que le fruit d'une conversation un peu vague, je voudrais quelque chose de plus arrêté et qui donnât un plus grand degré de certitude à la manière dont j'ai compris Votre Majesté.

Quant aux autres choses dont il a été question, comme elles ne sont que des idées subséquentes à d'autres principes, elles trouveront leur place à l'endroit que leur marque la filiation des idées; en attendant, en se pressant trop de les examiner, elles ne feraient qu'embrouiller par une trop grande complication.

Projet pour le travail du 1-er de Mai 1801 avec Sa Majesté sur les principes de la réforme.

Fait le 9 Mai 1801.

L'Empereur a lu mon mémoire sur l'organisation du Comité; pour ne pas fatiguer d'une seconde lecture, il faut lui en présenter un résumé. Mais il ne faudra pas appuyer sur ses décisions à cet égard, car ce n'est pas encore le temps.

Il faudra lui présenter le résumé de sa conversation qui offre deux principes, savoir: que l'Empereur, seul en possession de la réforme, ne doit pas permettre à qui que ce soit de s'en occuper. Ensuite, commencer le travail par l'administration et ne faire venir les lois conservatrices qu'après.

Le premier principe doit être la clef de tout l'ouvrage; il faudra appuyer beaucoup dessus, le développer de toutes les manières et ne pas passer outre que ce ne soit un point établi.

Pour le second, quoique le tour n'en soit pas encore venu, néanmoins, comme c'est une idée qu'il est très important de nourrir, on pourra en glisser quelques mots.

Ainsi en résumant:

Un résumé du mémoire sur l'organisation du Comité.

Développement du premier principe.

Glisser quelque chose pour s'affermir dans le second.

Résumé des principes fondamentaux de l'organisation d'un Comité pour coopérer au travail de la réforme du gouvernement.

Présenté le 9 Mai 1801.

La grandeur d'un travail dont l'objet est d'abord: la réforme d'une administration vicieuse, ensuite, la formation d'une loi qui, en même temps qu'elle arrête le renversement arbitraire des règles établies, donne une forme sage pour leur faire subir les modifications que le changement des circonstances peut exiger, l'importance, dis-je, d'un tel objet demande que pour s'occuper de cet ouvrage on organise un comité.

La double nécessité de ménager les esprits pour empêcher toute prévention défavorable, et de reconnaître parfaitement l'état de ces mêmes esprits pour combiner l'application de la réforme de manière à eciter le moins de mécontentement possible, demande que le secret le plus absolu soit l'âme de ces travaux et la base d'après laquelle soit calculée l'organisation de ce Comité. Outre cela, la disposition reconnue de l'homme le moins murmurer pour ce qui est de nécessité absolue lui présente le caractère de cette nécessité dans une loi qui vient offrir un joug sans avoir été précédée par aucune inquiétude et par conséquent témoigne en faveur du principe du secret.

La complication de ce travail et la nécessité d'en examiner avec soin les diverses branches présentent naturellement l'idée d'en faire le sujet d'une occupation suivie avec

V. M., occupation qui, d'après le principe développé ci-dessus (le secret) doit être orga nisée de manière à ne produire ni étonnement, ni curiosité.

En considérant ensuite les dangers de se laisser guider par les principes d'une théorie dont les effets ne se verifient pas toujours dans la pratique et la nécessité de l'éclairer par l'expérience qui, mieux que toute autre recherche découvre les causes des abus, on tire aisément la conclusion que des personnes qui participent à un travail de ce genre, doivent pouvoir être au fait de tout le courant des diverses parties de l'administration.

Pour présenter donc sous une forme encore plus resserée la suite de ces principes, on peut les établir de la manière suivante:

L'érection d'un Comité est indispensable.

La base générale d'après laquelle il doit être organisé ainsi que celle du mode de son travail, doit être le secret.

La considération de toutes les parties de ce travail en exige un fort régulier avec Votre Majesté.

L'étude de l'état de l'Empire exige la connaissance parfaite du cours de l'administration.

Principes de l'Empereur relativement à la réforme.

Sa Majesté paraît approuver le principe d'être le seul auteur de la réforme sans que qui ce soit puisse se l'attribuer.

Il paraît approuver que la réforme commence par l'administration.

Relativement à l'organisation du Comité, il approuve qu'il y ait un travail régulier établi avec lui.

Il veut qu'une des bases du travail du Comité soit la fixation des droits de l'homme: il m'a semblé être de l'avis que ceci ne devait être que pour le Comité.

Il m'a paru adopter la définition de constitution, la loi qui arrête le pouvoir arbitraire de changer une règle et fixe la manière dont on doit procéder à un changement.

Il veut qu'une des bases soit encore de trouver un moyen que rien autre chose que le mérite ne soit nécessaire pour parvenir.

Il m'a paru qu'il adoptait assez volontiers comme base des droits du citoyen la définition de liberté et propriété sans nuire à autrui.

Résultat de ce travail,

fait de 9 Mai.

Sa Majesté m'a déclaré qu'elle approuvait mes principes tels que je les avais énoncés.

1° Dans les développements — elle s'étendit le plus sur la formation du Comité et sur le mode de travail qui lui serait convenable.

2° Elle s'est peu étendue sur le premier principe quoiqu'en l'approuvant.

3° Elle s'est étendue davantage sur le second.

Voici en quelle manière elle s'est expliquée:

(ad. 1). Relativement à la formation du Comité, Sa Majesté m'a nommé le comte Kotchoubey, le prince Czartorisky, Novosiltzoff et moi pour le composer.

Dès que Novosiltzoff arrivera, nous pourrons nous mettre à la besogne sans attendre Czartorisky.

Pour le travail avec Sa Majesté, elle m'a dit qu'il n'y avait pas d'autre moyen que de faire qu'un des membres du Comité, par sa place, soit dans le cas d'avoir un travail avec lui qui couvre de son prétexte celui qu'on médite; quant à une assemblée générale, comme cela ne peut pas avoir lieu souvent, on pourra alors trouver un prétexte quelconque pour le moment.

Quant au mode de travail Sa Majesté désire qu'on prenne une connaissance exacte de toutes les constitutions qui ont paru, qu'on les compulse, et que d'après tous ces principes on compose les nôtres. Telles sont à peu près les intentions qu'a manifestées Sa Majesté relativement à l'organisation du Comité.

(ad. 2). Sa Majesté s'est peu étendue sur les applications de ce principe, quoiqu'il l'ait approuvé et relativement au prince Zouboff il s'est exprimé de manière à faire entendre qu'il était dans le secret et qu'alors il n'y avait plus à reculer avec lui, mais qu'il ne fallait songer qu'à en tirer parti, ce que Sa Majesté croit qu'on pourra faire plus avantageusement que nous ne le pensons par le peu de moyens que nous lui croyons; voilà tout ce qu'il a dit à ce sujet.

(ad. 3). Voici ce que Sa Majesté a dit qui avait rapport à ce principe; avant que de pouvoir mettre la constitution en activité, il faut que le code des lois soit reglé de manière à ce que son ensemble soit simple, régulier, sans contradiction, et de manière à ce que tout le monde pouvant le comprendre, chacun connaisse bien ses droits, et que toute faveur soit extirpée par là; après cette démarche, la constitution pourra être mise en activité; pour ce travail il y a eu une commission du temps encore de Catherine II, du temps de Paul 1-er; quoiqu'elle subsistât, néanmoins son travail fut interrompu ou ralenti, et Sa Majesté veut la remettre en vigueur.

Un autre projet que Sa Majesté médite, est celui de rendre au Sénat sa première puissance et pour cela il veut charger le premier département d'examiner lui-même, en quoi ils ont perdu de leurs droits, et quel est le moyen de les remettre en vigueur.

D'après l'énoncé de ces principes, le but du travail prochain doit donc être d'énoncer les cinq principes fondamentaux dont Sa Majesté est convenue. Ensuite, d'adopter à ces bases les intentions que Sa Majesté a manifestées en les modifiant toutefois de manière à ce qu'elles ne contredisent pas les bases arrêtées et dans ce cas déduire les raisons pour lesquelles ils sont en opposition et faire changer les conclusions que Sa Majesté avait faites.

Résultat d'une conférence avec le comte Kotchoubey, du 9 Mai 1801. [1]

Le comte Kotchoubey ayant été désigné par Sa Majesté comme devant être du Comité de réforme, je ne crus pas devoir hésiter de lui communiquer mes démarches.

[1]) Приводимая здѣсь замѣтка графа П. А. Строгонова воспроизведена нами въ томъ самомъ видѣ, какъ она была набросана самимъ авторомъ, т. е. въ два столбца, при чемъ лѣвый столбецъ представляетъ собою комментаріи графа на соотвѣтственныя мѣста праваго столбца.

Le comte fut de mon avis sur tous les points que je lui proposai et qui étaient ceux que j'avais soumis à l'Empereur.

Sur la formation du Comité, il fit une observation extrêmement juste; c'est qu'il n'est composé que de jeunes gens qui par conséquent peuvent se tromper et compromettre l'Empereur. Je lui dis que j'avais pensé à cela et que mon idée était que tout ce qui sortirait du Comité fût soumis par l'Empereur à la censure de quelques hommes d'Etat qui ne verraient là-dedans que l'ouvrage de l'Empereur, et n'auraient aucune idée du Comité; d'après cette censure, le projet serait présenté ou non au Conseil pour être appliqué: dans tout cela, le Comité serait comme nul et toujours ignoré.

Le comte Alexandre Worontzoff serait l'homme qui conviendrait et on n'aurait pas à craindre qu'il fût trop sévère, car M-r de Kotchoubey m'assura qu'il n'était rien moins que pour un pouvoir arbitraire; il fut même accusé de démocratisme sous Catherine II pour avoir protégé M-r Радищевъ.

M-r de Kotchoubey fut frappé de peu d'ordre qui régnait encore dans tous les projets de l'Empereur. Il ne s'était fait aucun plan, il frappait pour ainsi dire à toutes les portes, n'étant pas trop sûr de son fait; il me dit à ce sujet qu'il le croyait compromis avec le prince Z. relativement à la réforme, de manière à ne pouvoir plus reculer: ce que je lui confirmai d'après les propres paroles de l'Empereur.

Il serait bien à désirer que M-r de Kotchoubey s'occupât de cette partie, fit un travail là-dessus pour organiser les occupations de l'Empereur avec ses ministres d'une manière à faire aller les affaires comme on pourrait désirer.

Il s'étendit beaucoup sur le mauvais mode de travail de l'Empereur avec ses ministres, dans le sens de la note que j'ai faite à ce sujet. Nous conclûmes à ce que cela allait fort mal et pouvait aller encore plus mal, ce qu'il craint fort.

Cette proposition faite maintenant au Conseil est bien une preuve du peu d'ordre qui règne dans les idées de l'Empereur. Cette coutume toute barbare, toute hideuse qu'elle est, tient pourtant à un ordre général de choses qui est l'état du paysan relativement à son maître. Comment toucher à une des branches sans voir les rapports avec le trône? enfin, la fixation de

Il m'a parlé ensuite d'une proposition qui fut faite ces jours passés [1]) au Conseil relativement à la vente individuelle des hommes; l'Empereur fit faire à Trochinski un projet d'oukase motivé et qu'on proposa au Conseil. Là-dessus, tout le Conseil fut d'abord contre cette mesure en général et ensuite contre la forme; un oukase motivé faisait faire des réflexions et

[1]) 16-го мая 1801 года.

cet état est un des objets les plus important de la réforme; il est impossible qu'elle échappe à ses regards. Pourquoi donc hâter une chose qui trouvera naturellement se place dans l'ordre général du travail, qui sera réglée alors sans qu'on coure risque pour une opération mal combinée avec les parties dont elle dépend, de faire quelques règles incohérentes et sur lesquelles on sera obligé de revenir. Une mesure de cette nature ne peut pas s'introduire sans blesser différents intérêts en la déracinant tout net; il serait peut-être que par les règlements généraux qu'on ferait, cette coutume trouvât d'ailleurs un frein qui la déracinerait insensiblement et en blessant beaucoup moins. La décision du Conseil m'a paru fort sage.

Ces raisons ont agi comme on le voit plus bas sur le comte Kotchoubey qui, au premier abord, croyait qu'il n'y aurait pas d'inconvénient à adopter cette mesure.

Les règlements des pays dont parle ici e comte sont peut-être fort bons, et sans doute on peut y puiser de bonnes idées, mais on ne doit jamais oublier un principe dont on ne doit jamais s'écarter dans des imitations de ce genre, savoir: qu'un règlement pour un pays ne vaut rien très souvent pour l'autre, ce qui fait qu'on ne peut tout au plus adopter que les bases; mais il faut refondre tout le reste d'après les moeurs. l'esprit, les coutumes du pays pour lequel on veut travailler.

Le principe de la population qui fait que le comte ne voudrait pas que les règlements gênent la faculté de faire des colonies, amène ici l'examen de la question relative aux causes de la population.

La faculté aux seigneurs de pouvoir transporter des paysans d'un endroit dans un autre, outre l'immoralité d'un pareil droit, ne présente d'autre avantage que

mettait au fait d'une discussion encore prématurée une classe de gens qu'il est dangereux d'éveiller là-dessus. M-r Wasilief a opiné pour qu'on renvoyât cela au moment où on poserait les règles générales de l'état des paysans, et en général on a décidé que si l'Empereur voulait arrêter cet abus, il fallait plutôt le faire par un simple oukase sans motifs.

Là-dessus, le comte Kotchoubey est entré dans quelques détails sur ses idées à cet égard.

Il croirait que cette chose est une si grande infamie, qu'il ne pourrait pas y avoir de mal à l'abolir tout de suite. Néanmoins, dans la suite de la conversation en considérant combien cette chose, toute affreuse qu'elle était, tenait à un ordre de choses qu'il est bien délicat de toucher, il m'a paru, dis-je, qu'il croirait qu'il ne faut pas se hâter et que cela méritait d'être l'objet d'une attention sérieuse, et d'être combiné avec tout ce qui tient à cela.

Le comte Kotchoubey m'a parlé à ce sujet de l'état des paysans en Moravie, en Bohème et en Galicie où ils sont attachés à la glèbe, mais où il n'y a point de servitude personnelle; c'était de même autrefois en Ukraine; il voudrait qu'on prît cela pour type de la manière dont on règlera l'état des nôtres.

A l'égard des limites des droits des seigneurs sur leurs paysans, il ne voudrait pas qu'elles s'étendent jusqu'à empêcher de pouvoir faire des colonies, et cela à cause de la population dans certaines endroits qui, étant très faible, demande à être alimentée; mais il voudrait que cela ne se fit que du consentement du gouvernement.

d'établir des individus dans un endroit oú il n'y en avait pas; ceci ne remplit pas encore le but qu'on se propose pour la population qui n'est avantageuse qu'autant que par leur bien-être ils ont la faculté de pouvoir, par leurs travaux, concourir à la prospérité publique; autrement, un grand nombre d'individus ne devant penser qu'à satisfaire leurs besoins personnels, est nul pour la chose publique. Je sais bien que quelques personnes pourront répondre que dans le commencement cela sera ainsi, mais que par la suite, ils auront la faculté de concourir comme tous les autres, après un très long temps; en effet, peut-être cela sera-t-il ainsi; mais quand arrivera cette époque, c'est une grande question, et en attendant, on enlève des bras à un endroit où ils sont utiles, où ils rendent un service important par leur travail à l'état; de sorte que par cette opération, pour un bien futur très précaire, vous enlevez un bien certain à l'Empire; ce n'est qu'après avoir bien déterminé les règles de l'origine de la population qu'on peut prononcer sur cet article. Pour moi, d'après mes connaissances, je regarde le principe de Kotchoubey comme erroné. Je suis fâché de m'apercevoir d'après cela que le comte Kotchoubey n'a pas encore arrêté dans sa tête l'ordre dans lequel on doit traiter cette matière.

Tel a été à peu près le sens de ce qui s'est dit. Le plus important que j'ai remarqué, est qu'il a approuvé les bases que j'ai établies, et qu'il désapprouve fortement le manque de méthode qui semble régner dans le gouvernement, et qui par l'incertitude qui accompagnera la marche des opérations, peut produire le plus grand mal.

Note sur le travail journalier de l'Empereur.

L'Empereur a adopté pour mode de travail, celui de s'occuper tous les jours successivement avec tous ses ministres; ils entrent chacun à leurs heures et rendent compte de leurs affaires respectives: l'Empereur donne ses décisions, et c'est ainsi que l'ouvrage se fait.

Cette méthode a plusieurs inconvénients: au premier coup d'oeil elle paraît la meilleure, puisque par ce travail journalier il semble qu'étant constamment au fait du courant des affaires, on est plus à même de les bien diriger.

Mais outre que ce détail, qui est immense dans un Empire aussi vaste et qui, en occupant trop à lui seul, doit détourner des grandes vues de la rectification de l'administration, c'est qu'en ne rassemblant jamais tous les ministres pour résumer tout le travail, n'en faire qu'un seul et même faisceau et par là coordonner toutes les parties,

on perd soi-même de vue, et les ministres oublient l'ensemble qui doit exister entre toutes les parties. Chacun, de cette manière, ne peut travailler que dans le sens de sa partie: il y subordonne toutes les autres. — En travaillant, je suppose, deux fois la semaine ensemble, chacun s'habituerait à ne se considérer que comme partie intégrante d'un grand tout, à ne se diriger, dans son travail, que d'après le plan général qui, lui-même, serait le fruit de la connaissance exacte de tous ses moyens.

Il y a, me dira-t-on, un Conseil qui doit satisfaire à cet égard: mais le Conseil ne connaît que des affaires qu'on lui envoie, ou des projets que les membres donnent. Il ne travaille pas à la coordonation de tout le travail; tous ceux qui dirigent les affaires n'y ont pas entré: d'autres, qui n'ont aucun département, en sont membres. C'est certainement une excellente institution, mais ce n'est pas celle qui faudrait pour mettre l'ensemble qui est nécessaire. Le Conseil, tel qu'il existe, est parfait pour lever des difficultés, résoudre des cas épineux, en un mot, pour être consulté; c'est une chambre délibérante. Le travail avec l'assemblée des ministres ne devrait pas avoir cette destination; il faudrait simplement que le travail qui s'y ferait soit l'ensemble à mettre dans ce tout.

Quand on médite une expédition militaire, je suppose, pour la combinaison de tous les moyens qui y doivent être employés, on appelle les différents ministres qui y doivent coopérer, et notamment le ministre de la guerre pour les mouvements des troupes, celui des finances pour la combinaison des dépenses extraordinaires que cela exige. De là, il sort un plan dont toutes les parties sont parfaitement ordonnées, puisque chacune d'elles l'a été avec celui qui en est plus spécialement chargé. Pour une descente, il faut y faire concourir le ministre de la marine, celui de la guerre, celui des finances et celui des affaires étrangères. Pour tout le gouvernement en général, n'est-ce pas tous les ministres qui doivent y concourir? Je ne veux qu'ils y entrent que comme exécution; que le gouvernement ait son plan, qu'il le calcule avec ceux auxquels il accorde une confiance sans bornes, c'est bien, mais dans le détail administratif, dans les moyens d'exécution, une fois le plan arrêté tous doivent être appelés pour qu'il règne un ensemble dans l'administration.

Le but du travail doit être de lui montrer la nécessité en quelque façon de nous constituer pour que notre travail ne soit pas ad libitum, que nous ayons un but déterminé, et que nous sachions à quoi nous en tenir sur le but de nos travaux et que d'après cela nous puissions nous tracer un plan.

Une de choses qui est la plus gênante, est que plusieurs changements sont déjà entamés, ce qui jette une grande incertitude sur notre travail, et par là, nous empêche de rien faire.

Le moyen de faire cesser cet inconvénient est de nous déclarer avec précision les ntentions de Sa Majeste, ce qui nous donnera une base fixe d'après laquelle nous n'aurons plus aucune incertitude qui nous retiendra.

Après avoir ainsi établi ce que nous voulions ainsi obtenir de lui, il s'agit de déterminer le caractère de l'Empereur pour, après l'avoir ainsi reconnu, régler d'après cela notre plan d'attaque, si j'ose m'exprimer ainsi.

L'Empereur est monté sur le trône avec les meilleures dispositions pour établir toutes les choses sur le meilleur pied possible. Il n'y a que son inexpérience, son caractère mou et indolent, qui s'y oppose; pour faire le bien, il faut donc vaincre ces trois empêchements.

Puisqu'il a un caractère mou, le moyen d'avoir sur lui l'empire nécessaire pour faire le bien est de le subjuguer.

Comme il est d'une grande pureté de principes, le moyen de le soumettre plus sûrement est de rapporter tout à des principes très purs et de la justesse desquels il ne puisse pas douter.

Cette même mollesse fait qu'il est très essentiel de ne pas perdre de temps pour éviter d'être prévenu par d'autres qui doivent indubitablement travailler et qui rendraient le travail d'autant plus difficile.

L'indolence de son caractère fait qu'il doit naturellement préférer ceux qui, saisissant son idée avec facilité, l'exprimeront comme il l'aurait voulu faire lui-même et en lui évitant la peine de chercher laborieusement l'expression qu'il aurait désiré, lui offriront sa pensée avec clarté et même, s'il est possible, avec élégance. Cette condition de lui épargner ce travail est absolument nécessaire.

Comme son inexpérience le met dans le cas d'avoir une grande défiance de lui-même, il faut pour le raffermir et le mettre dans le cas de savoir par où commencer, le mettre dans le cas de pouvoir envisager d'un seul coup d'oeil toute la masse de son administration, ce qui ne pourrait se faire qu'en lui offrant un tableau racourci de l'éta où se trouve l'Empire dans le moment où il en a pris les rênes.

Ceci aurait le grand avantage de fixer ses idées, de le mettre dans le cas de s'expliquer sur la méthode qu'il veut suivre, et par conséquent sur ce qu'il compte faire des personnes dans lesquelles il a jusqu'à présent témoigné de la confiance et auxquelles it semblait vouloir confier quelques parties du travail.

Essai sur le plan de travail que doit se proposer le Comité chargé de la confection des projets pour l'amélioration des diverses branches de l'administration de l'Empire.

La méthode est nécessaire dans toutes les actions de la vie: à plus forte raison dans un ouvrage aussi important que celui-ci.

La commission qui sera chargée de cet ouvrage doit donc commencer par arrêter le plan qu'elle suivra dans son travail: une fois fixé, elle ne doit plus s'en écarter.

Voici, je crois, les règles qui doivent servir de base à ce plan.

1°) Tout gouvernement est pour des hommes: c'est donc la connaissance de l'esprit humain qui doit servir de règle pour ses opérations.

Les principes généraux sur lesquels se dirigent les actions des hommes sont pourtant les mêmes: mais dans les diverses nations, ils se modifient diversement d'après le climat, les préjugés, etc...

La forme de l'administration doit être conforme à ces diverses modifications, et conséquemment, ce qui convient à un peuple, peut bien ne pas convenir à un autre.

La première base qui doit donc se fixer le Comité est la connaissance du véritable esprit de la nation qui doit lui servir de guide dans toutes ses opérations.

2°) La connaissance de l'esprit ne suffit pas; une connaissance aussi exacte de l'état physique de l'Empire n'est pas moins essentielle.

Cette double connaissance doit servir d'échelle générale à toutes les opérations du Comité.

3°) Les projets formés d'après ces connaissances doivent encore être modifiés sous un autre point de vue, savoir: dans la manière dont ils doivent être mis à exécution. Chaque partie de l'administration changée, il faut à la place de l'ancienne méthode substituer le nouvel ordre. Cette mutation est une opération des plus délicates par l'opposition qu'on doit rencontrer dans le mécontentement de ceux dont on choque les intérêts, opposition qu'un administrateur habile doit toujours chercher à rendre la moindre possible.

Aucun projet ne peut donc être pensé bon, que lorsqu'il remplira ces trois conditions: analogue à l'esprit de la nation, aux circonstances physiques et d'une exécution facile.

L'ordre dans lequel le Comité procédera à son travail doit être fixé d'avance.

Il doit être réglé d'après une méthode qui embrasse toutes les parties de l'administration.

V.

Рѣчь, сказанная Парротомъ императору Александру при его первомъ проѣздѣ черезъ Дерптъ въ 1802 года.

Sire!

Vous venez d'entendre les acclamations de votre peuple, ses acclamations si sincères, si vraies qui ne se font entendre qu'aux monarques chéris. Vous en êtes profondement touché, votre grand coeur éprouve en ce moment la plus douce des jouissances, la certitude que vous faites réellement tout le bien que vous voulez faire, et ces cris de joie et ces preuves de notre amour ne sont qu'un échantillon de ce qui se passera dans chaque province que V. M. honorera de sa présence. Sire, transportez-vous en idée sur chaque point de votre vaste Empire, voyez en cet instant tout votre peuple à vos pieds, voyez chacun de vos sujets vous remercier pour un bienfait particulier. Le possesseur des terres de cette province vous est redevable de la diminution des impots, l'homme de lettres du rétablissement de la littérature, le négociant de la liberté du commerce, l'artisan du reveil de l'industrie, le cultivateur à qui le système féodal n'a presque laissé qu'une existence précaire—Sire, vous, vous ne le méprisez pas, une puissance invisible lui a trahi le secret de votre coeur: déjà le père de famille jette le premier coup d'oeil serein sur ses enfants. Jouissez, Sire, de ces beaux fruits de vos soins, de vos veilles, de votre amour, savourez la jouissance de faire tout notre bonheur.

Sûre que ces grandes idées, ces augustes sentiments vous occupent tout entier, trop fortement entrainée elle-même dans le torrent de la reconnaissance publique, l'Académie, Sire, qui doit son existence à vos soins paternels n'entreprend pas de faire éclater aujourd'hui d'une manière particulière la profonde gratitude dont elle est pénétrée ou de fixer les augustes regards de V. M. sur les prémices de ses travaux, mais elle espère, elle ose au moins désirer que V. M. veuille bien lui accorder cette grâce à une autre occasion. Si d'un côté la médiocrité de la sphère actuelle de son activité semble en quelque sorte lui ôter le droit d'aspirer à une faveur particulière, d'un autre côté elle se

souvient du but de son existence et ce but est grand et par là même cher à V. M. Nous ne comptons, il est vrai, encore que par jours la durée de notre existence; mais que n'avez-vous été présent, Sire, au jour de notre installation, au moment où nous jurâmes à l'autel de la divinité l'obéissance à la plus sainte de ses loix et à V. M. la soumission à sa volonté la plus décidée, celle de consacrer toutes nos forces au bien de l'humanité.—Mais qui nous empêche de répéter dans ce lieu même ce moment auguste. Amis, confrères et vous qui présidez à nos travaux, répétons-le qu'Alexandre soit témoin de nos voeux solennels! Dieu suprême! nous jurons en présence de ton image chérie, de consacrer nos veilles et nos talents à l'emploi que Tu nous a confié, de travailler avec zèle et fidélité à répandre des lumières utiles. Nous jurons de respecter l'humanité dans toutes les classes et sous toutes les formes, de ne distinguer le pauvre du riche, le faible du puissant que pour vouer au faible et au pauvre un intérêt plus actif et plus tendre. Nous jurons que chaque action de notre monarque, chaque bienfait qu'il répandra sur ton peuple nous rappellera la sainteté de nos devoirs.

Sire, recevez ces serments; ils sont sincères, ils sont purs, comme le voeu que vous avez fait de rendre vos sujets heureux.

VI.

Два письма императора Александра къ Фридриху-Вильгельму III изъ Голича, отъ 24-го ноября (6-го декабря) 1805 года.

Голичъ, 24-го ноября (6-го декабря) 1805 г. [1]).

Monsieur mon frère. Mes intentions vous étaient connues, je n'avais d'autre but que de procurer à l'Europe un ordre de chose tranquillisant et stable. Le sort en a voulu autrement, il n'a pas permis la réunion des forces qui seules auraient pu triompher. L'armée autrichienne détruite, je suis resté seul contre toutes les forces de Bonaparte. Je n'avais d'autre alternative que d'opter entre l'exténuement de mon armée par la faim, ou un combat décisif. C'est le 20 Novembre (2 Décembre) que la bataille fut livrée près d'Austerlitz. Je laisse au prince Dolgorouky, que j'expédie avec cette lettre près de Votre Majesté, à lui faire le détail de tout ce qui s'est passé. Malgré toute la valeur de mes troupes et l'acharnement avec lequel elles ont combattu, notre centre fut percé. Cependant nous cédâmes fort peu de terrain à l'ennemi, si ce n'est que la nuit que nous nous sommes retirés. Par l'issue de cette journée, l'Empereur des Romains s'est trouvé dans l'impossibilité de continuer plus longtemps la lutte. Un armistice a été conclu pour traiter de la paix. Je n'ai exigé d'autre chose que de ne pas être mêlé dans tout cela, et mes troupes n'étant plus nécessaires à mon allié, je leur ai donné ordre de rentrer dans mes frontières. Je remets à la disposition absolue de

[1]) Paul Bailleu: Zum Briefwechsel König Friedrich Wilhelm's III mit Kaiser Alexander I (Historische Zeitschrift. Band 70. Heft I. 1892. p. 83).

Votre Majesté le corps du comte Tolstoy et du général Beningsen. J'espère que par la sagesse de Vos déterminations, Sire, vous parviendrez à vous arranger avec la France, et que les démarches que votre Majesté a faites uniquement par amitié pour moi, ne la compromettront pas. Dans tous les cas et à tout jamais, je suis prêt à la soutenir de toutes mes forces, et ma personne même est à ses ordres. Le prince Dolgorouky est chargé par moi de connaître ses volontés et à les participer aux deux corps susmentionnés. Mon frère [1]) a désiré présenter ses hommages à Votre Majesté et dans peu de jours il suivra le prince Dolgorouky. Votre Majesté pourra se dire tout ce que je dois éprouver dans des moments pareils. Votre amitié, Sire, est ma seule consolation. Veuillez me la continuer et croire à l'attachement inviolable que je vous ai voué pour la vie. Je suis avec la plus haute considération de Votre Majesté le bon frère, ami et allié

Alexandre.

Голичъ, 24-го ноября (6-го декабря) 1805 г. [2]).

Je charge mon frère, Sire, de vous remettre cette lettre et de vous réitérer tout ce que le prince Dolgorouky a été autorisé par moi de vous exprimer. Indépendamment du plaisir qu'il a en lui-même de faire sa cour à Votre Majesté, je l'envoie exprès près d'elle, comme témoin oculaire de tout ce qui s'est passé et de la manière dont on s'est conduit envers nous. Il faut l'avoir vu pour en avoir une idée. J'ose recommander mon frère à vos bontés, Sire, et les demander pour lui. Continuez-moi aussi votre amitié qui m'est si précieuse, et croyez à l'attachement inviolable que je vous ai voué pour la vie. Tout à vous de coeur et d'âme.

Alexandre.

VII.

Два письма императора Александра къ П. В. Чичагову отъ 7-го и 9-го марта 1806 года.

(Государственный Архивъ. Разрядъ V, № 207).

7 Mars 1806.

Si ceux que je choisis pour négocier et qui se trouvent munis de ma confiance s'attirent de votre part des epithètes comme celle d'un aventurier venu de je ne sais où, interessé pour je ne sais qui, il est difficile que les choses puissent jamais aller bien. C'est un style parfaitement inconvenable, puisque c'est moi qui ai choisi monsieur Pozzo di Borgo, je dois savoir d'où il vient et pour qui il s'intéresse: je regrette

[1]) Цесаревичъ Константинъ Павловичъ прибылъ въ Берлинъ 7-го (19-го) декабря 1805 года. Князь Петръ Долгорукій пріѣхалъ нѣсколькими днями ранѣе, а именно, 4-го (16-го) декабря.

[2]) Это письмо напечатано въ запискахъ Гарденберга: Eigenhändige Memoiren des Staatskanzlers Fürsten von Hardenberg.—Leipzig. 1877. B. I. p. 366.

qu'il vous déplaise, mais ce n'est pas une raison pour moi pour me priver de ses talents, dont il a donné déjà tant de preuves. C'était le camarade de jeunesse de Bonaparte et qui est devenu son ennemi le plus juré à la suite des événements. Bonaparte a fait l'impossible pour le ramener à lui sans jamais pouvoir y réussir. C'est un homme qui a été, avant qu'il soit entré à mon service, employé avec beaucoup de succès par le cabinet de Londres, un homme auquel tout ce qui le connaît rend justice.

Il m'était difficile de lui préférer monsieur Siniavin malgré son titre d'amiral, quand vous même le reconnaissiez au-dessous de son poste même uniquement sous le rapport maritime, et qu'il nous a donné des preuves convaincantes de son défaut de logique. Monsieur Pozzo ne va pas pour décider du sort de l'Empire, mais il est envoyé à la flotte pour remplacer les moyens de communication directe avec la Porte, qui viennent de nous être enlevés par le départ de m-r Arbuthnot. Prévoir ce départ était impossible, car lui-même il ne l'avait pas prévu. Il est parti subitement, parce que la Porte ne lui a pas donné de passeport pour des courriers qu'il voulait envoyer et que par là il n'a pas cru sa personne en sureté. Pozzo est destiné pour négocier avec la Porte aussitôt que m-r Siniavin se sera mis dans une position à pouvoir en imposer à Constantinople. Dans cela il n'y a rien d'extraordinaire qui puisse blesser qui que ce soit de raisonnable.

Samedi 9 Mars 1806.

Personne plus que moi n'a rendu constamment justice à vos bonnes intentions, à vos capacités, à vos talents. J'en appelle à vous même et en toute occasion j'ai taché de vous prouver toute la bonne opinion que j'ai de vous, je puis même dire l'attachement sincère que je vous porte personnellement. J'en ai donc naturellement dû qu'être plus sensible de voir qu'un moment d'humeur pouvait vous porter à me dire des choses que je ne me serais jamais permis vis-à-vis de vous, en vous parlant d'aucun de ceux qui composent votre chancellerie. Mais vous êtes dans l'erreur de me croire en colère; dans le premier moment je vous ai riposté avec vivacité, et je ne suis pas le maître de m'en empêcher quand je me trouve attaqué et surtout avec autant d'aigreur que je l'ai été par votre lettre. Mais le moment d'après je n'y pense plus et cela est fini. Persuadez-vous donc qu'il ne me reste plus la moindre rancune. Maintenant je tâcherais de vous prouver que vos objections même n'étaient pas justes. Sebastiani que vous avez cité vous méme, qu'est-il sinon un étranger pour la France, car il est Sarde. Est-ce une raison pour Bonaparte de ne pas l'employer? Puis-je remédier à ce que l'éducation chez nous est encore si arriérée? Et jusqu'à ce qu'on ne sente le besoin pour les parents à la soigner davantage, si je ne m'aiderais pas des étrangers connus et dont les talents sont éprouvés, le nombre d'hommes capables, si petit déjà, diminuerait encore considérablement. Qu'aurait fait Pierre Premier, s'il n'avait employé des étrangers? Je sens qu'en même temps il y gît un mal, mais ce mal est le moindre des deux, car pouvons-nous ajourner les évènements jusqu'au temps où nos nationaux se trouveront à la hauteur de tous les emplois auxquels ils doivent être placés? Tout ce que je viens de dire n'est que pour vous démontrer qu'il est impossible de mettre dans ce moment-ci pour principe de ne pas employer des étrangers. Quand au cas même dont il est question, j'ai choisi Pozzo di Borgo comme quelqu'un qui se trouve le plus rapproché de la destination où il doit se rendre, comme quelqu'un entièrement au fait de toutes nos relations politiques et de mes intentions, à

la suite de la négociation dont il se trouvait chargé à Vienne, comme un homme très adroit, très délié, d'un esprit excessivement vif, d'une conception hardie, et ayant beaucoup de tact, un coup d'oeil très juste dans les affaires. On aurait passé des semaines entières à endoctriner un autre, tandis qu'à lui on ne se trouve que dans le cas d'ordonner de partir, le gain du temps étant indispensable.

Vous voyez donc, les raisons qui l'ont fait chosir sont toutes simples, sa commission ne diminue en rien l'importance de celle de Siniavin, qui aurait été dans tous les cas subordonné à une démonstration de la part de la Porte de dispositions pacifiques. C'est à Siniavin à les produire par sa conduite militaire, l'autre n'est là que pour les mettre à profit pour la partie politique et diplomatique.

Mon intention était donc que vous écriviez à Siniavin:

«Qu'ayant taché à plusieurs reprises de faire parvenir à la Porte des explications sur mes intentions, mes principes et mes vues, mes tentatives sont restées inutiles par l'empêchement de leur part au passage des courriers. Que pour y réussir d'une autre manière, j'avais choisi le colonel Pozzo di Borgo au fait de mes intentions pour se rendre sur la flotte et de là essayer soit par un parlementaire ou tout autre moyen d'entrer en explication avec le Ministère Ottoman. Que les opérations de Siniavin donneraient tout l'appui à ces négociations en effrayant la Porte, et que si on parvenait à stipuler un arrangement avantageux avec elle, toute la gloire en serait à Siniavin de l'avoir amenée par ses opérations maritimes à la nécessité d'acquiescer à nos demandes».

C'est là la teneur des ordres que vous devez faire parvenir à Siniavin, je tiens à ce qu'ils passent par vous. — Le courrier n'est pas parti et vous pouvez donner à ces ordres la forme d'un rescript que vous m'enverriez aujourd'hui pour être signé. Je vous répète encore une fois, personne ne vous estime davantage que moi et ma confiance en vous n'a jamais varié. Aussi je ne regrette rien tant que quand vous me mettrez dans le cas d'avoir quelques discussions dans ce genre avec vous.

Tout à vous.

J'avais commencé cette lettre avant-hier, mais ayant été interrompu je n'ai pas eu le moment hier de l'achever [1]).

VIII.

Указъ Св. Синода 1806 года и объявленіе митрополита Сестренцевича 1807 года.

Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго изъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода.

Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ, слушавъ во-первыхъ Имянный Его Императорскаго Величества Высочайшій Указъ, данный Сѵноду сего Декабря въ 6 день за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, въ которомъ изображено:

«Манифестомъ Нашимъ, въ 30 день Ноября сего года изданнымъ, повелѣли Мы «учредить Губернское Земское войско или Милицію.

[1]) Письмо, начатое 9-го марта, окончено слѣдовательно 11-го марта 1806 года.

«Сіе чрезвычайное ополченіе, подъемлемое на защиту православныя Нашея «Церкви и въ оборону Отечества, требуетъ усилій и содѣйствія отъ всѣхъ состояній, «Государство составляющихъ.

«Пастырямъ Церкви особенно предлежитъ долгъ, при возсыланіи теплыхъ мо-«литвъ ко Всевышнему, руководствовать вѣрныхъ сыновъ ея наставленіями и совѣ-«тами своими, да при сильной Божіей помощи единодушно дѣйствуютъ они во «благо общее.

«Духъ кротости и благомыслія, коимъ священный санъ въ Россіи украшается, «служитъ Намъ залогомъ, что духовенство Наше исполнитъ долгъ сей во всей «его силѣ.

«Мы призываемъ Святѣйшій Сунодъ предписать всѣмъ мѣстамъ и чинамъ, ему «подвластнымъ, дабы градскіе и сельскіе священники въ настоящихъ обстоятель-«ствахъ, при образованіи земскаго ополченія усугубили ревность свою ко внушенію «своимъ прихожанамъ, колико ополченіе сіе для спасенія Отечества необходимо.

«Да внушаютъ они имъ, что православная Наша Церковь, угрожаемая наше-«ствіемъ непріятеля, призываетъ вѣрныхъ чадъ своихъ къ сему ополченію.

«Да внушаютъ имъ, что не исканіе тщетной славы, но безопасность Нашихъ «предѣловъ, безопасность Отечества, ихъ собственное личное благосостояніе вла-«гаетъ имъ въ руки оружіе.

«Да внушаютъ имъ, что служба, на кою они нынѣ призываются, есть времен-«ная, не всегдашняя, и что люди, избираемые къ сему служенію, отразивъ непрія-«теля, послуживъ за вѣру и Отечество, возвратятся въ свои домы и семейства на-«слаждаться спокойствіемъ и благодарностію ихъ соотчичей.

«Да внушаютъ имъ наконецъ, что точное повиновеніе къ начальству и доброе «поведеніе въ новомъ семъ служеніи суть первыя качества всякаго сына Отечества «и истиннаго христіанина.

«Мы уповаемъ, что при таковыхъ наставленіяхъ пастырей Церкви, при теплыхъ «молитвахъ ихъ, при единодушномъ сліяніи ревности и усердія всѣхъ вѣрныхъ На-«шихъ подданныхъ, преклонится Всевышній къ судьбѣ Отечества Нашего и отъ «Престола Своего Святаго пошлетъ Намъ помощь на отраженіе врага и на утвер-«жденіе мира, о коемъ Церковь наша молитъ Его непрестанно».

(Контрасигнировалъ министръ внутреннихъ дѣлъ графъ В. Кочубей).

А во-вторыхъ, сочиненное отъ Святѣйшаго Сунода объявленіе православныя Всероссійскія Церкви Архимандритамъ, Игуменамъ, Пресвитерамъ, Діаконамъ, монашествующимъ, всему причту и всѣмъ православнымъ христіанамъ приказали: о семъ Имянномъ Его Императорскаго Величества Высочайшемъ повелѣніи, для должнаго и непремѣннаго по оному исполненія, послать указы въ Московскую Святѣйшаго Сунода Контору, къ Сунодальнымъ Членамъ и прочимъ Преосвященнымъ Епархіальнымъ Архіереямъ, также въ Ставропигіальные Лавры и монастыри и въ Типографскую Контору, приложа при томъ какъ оныхъ указовъ, такъ и означеннаго объявленія отъ Святѣйшаго Сунода по числу церквей потребное число экземпляровъ, съ тѣмъ, чтобы, по полученіи оныхъ, въ первой праздничной или воскресной день, по сношеніямъ съ свѣтскими командами, объявлены были по окончаніи литургіи

при народномъ собраніи прочтеніемъ въ церквахъ; а сверхъ того Преосвященнымъ Епархіальнымъ Архіереямъ велѣть, чтобы и впредь прочитываемо было упоминаемое объявленіе въ градскихъ и сельскихъ церквахъ во всѣ праздничные дни; учившимся же въ школахъ священно-служителямъ предписать, чтобы они не токмо заимствуя мысли изъ сего Имяннаго Высочайшаго Указа и объявленія отъ Святѣйшаго Сѵнода, вносили въ сказываемыя ими по воскреснымъ днямъ съ разсмотрѣнія установленныхъ ценсоровъ проповѣди, но и при всякомъ случаѣ внушали прихожанамъ ихъ, колико ополченіе сіе для спасенія Отечества необходимо. А необучавшимся въ училищахъ сельскимъ священно-служителямъ прочитывать то объявленіе сверхъ праздничныхъ дней и въ нѣкоторые воскресные, по распоряженію Преосвященныхъ Епархіальныхъ Архіереевъ, вмѣсто изданныхъ отъ Святѣйшаго Сѵнода поученій. Правительствующему же Сенату сообщить вѣдѣніе, приложа при томъ потребное количество экземпляровъ того Имяннаго Высочайшаго Указа и объявленія отъ Святѣйшаго Сѵнода.

Декабря дня, 1806 года.

Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ Православныя Всероссійскія Церкве Архимандритамъ, Игуменамъ, Пресвитерамъ, Діаконамъ, монашествующимъ, всему причту и всѣмъ православнымъ христіанамъ, желаетъ благословенія отъ Всевышняго ко исполненію ихъ должности.

Неистовый врагъ мира и благословенныя тишины, Наполеонъ Бонопарте, самовластно присвоившій себѣ царственный вѣнецъ Франціи и силою оружія, а болѣе коварствомъ распространившій власть свою на многія сосѣдственныя съ нею Государства, опустошившій мечемъ и пламенемъ ихъ грады и селы, дерзаетъ, въ изступленіи злобы своей, угрожать свыше покровительствуемой Россіи вторженіемъ въ ея предѣлы, разрушеніемъ благоустройства, коимъ нынѣ она единая въ мірѣ наслаждается подъ кроткимъ Скипетромъ Богомъ благословеннаго и всѣми возлюбленнаго Благочестивѣйшаго Государя Нашего Александра Перваго, и потрясеніемъ православныя Грекороссійскія Церкви, во всей чистотѣ ея и святости въ Имперіи сей процвѣтающія.

Пастыри стада Христова, призванные на святое служеніе Церкви Его! се предстоитъ вамъ время явить усердіе и ревность, достойныя вашего избранія. Мы напоминаемъ вамъ долгъ вашъ, клятвеннымъ обѣтомъ предъ престоломъ Вышняго запечатлѣнный. Вообразите оный часъ, въ который вы, приступая къ престолу Бога, клялись сему Всевышнему Существу тако пещись о врученной вамъ паствѣ, какъ и о себѣ самихъ. Сія ваша клятва равно обязуетъ васъ дать Богу отвѣтъ о врученныхъ вамъ, аще кто изъ нихъ падетъ въ искушеніе и погибель, въ которую навожденіемъ діавольскимъ тщится вовлещи всѣхъ православныхъ сей рушитель тишины, вѣры и блаженства народовъ.

Всему міру извѣстны Богопротивные его замыслы и дѣянія, коими онъ попралъ законъ и правду.

Еще во времена народнаго возмущенія, свирѣпствовавшаго во Франціи во время Богопротивной революціи, бѣдственныя для человѣчества и навлекшей небесное проклятіе на виновниковъ ея, отложился онъ отъ Христіанской вѣры, на сходбищахъ

народныхъ торжествовалъ учрежденныя лжеумствующими Богоотступниками идолопоклонническія празднества и въ сонмѣ нечестивыхъ сообщниковъ своихъ воздавалъ поклоненіе, единому Всевышнему Божеству подобающее, истуканамъ, человѣческимъ тварямъ и блудницамъ, идольскимъ изображеніемъ для нихъ служившимъ.

Въ Египтѣ пріобщился онъ гонителямъ Церкви Христовой, проповѣдывалъ алкоранъ Магометовъ, объявилъ себя защитникомъ исповѣданія суевѣрныхъ послѣдователей сего лжепророка мусульманъ и торжественно показывалъ презрѣніе свое къ пастырямъ святыя Церкви Христовой.

Наконецъ, къ вящшему посрамленію оной, созвалъ во Франціи Іудейскія синагоги, повелѣлъ явно воздавать Раввинамъ ихъ почести и установилъ новый великій сангедринъ Еврейскій, сей самый Богопротивный соборъ, который нѣкогда дерзнулъ осудить на распятіе Господа нашего и Спасителя Іисуса Христа — и теперь помышляетъ соединить Іудеевъ, гнѣвомъ Божіимъ разсыпанныхъ по всему лицу земли, и устремить ихъ на испровержевіе Церкви Христовой и (о, дерзость ужасная, превосходящая мѣру всѣхъ злодѣяній!) на провозглашеніе лжемессіи въ лицѣ Наполеона.

Изъ сего видите, что сей нечестивый человѣкъ изыскиваетъ всѣ способы и коварства на расхищеніе стада Христова: не бѣжите, яко наемники, но паче вооружитесь силою слова Божія и возъимѣйте попеченіе о спасеніи правовѣрныхъ, дабы они не были корыстію ищущаго погибели ихъ, и ни единъ не пріобщился его Богопротивнымъ разглашеніямъ и начинаніямъ; наполните сердца ваша ревностію Христіанскою; потщитеся, яко вѣрные, усердные и мудрые строители дома Божія, возбудить примѣромъ вашимъ и увѣщаніями въ душѣ каждаго—твердость въ вѣрѣ, мужество на пораженіе враговъ ея и готовность на исполненіе святыхъ обязанностей, подтвержденныхъ присягою къ Благочестивѣйшему и Самодержавнѣйшему Великому Государю Императору Александру Павловичу, соедините ревность свою съ ревностію паствы вашея; представьте себя вкупѣ съ нею Богу усердными рабами, Монарху вѣрными подданными, Отечеству достойными ея членами, Церкви истинными ея сынами.

Православные Христіане! къ вамъ нынѣ обращаемъ увѣщанія наши, основанныя на словѣ Божіемъ. Богъ на насъ возложилъ долгъ проповѣдывать вамъ Евангельскія истины, дабы предохранить васъ отъ нещастія позабыть оныя. Мы исполняемъ оный, дабы не безотвѣтнымъ явиться намъ предъ страшнымъ Его судомъ, и да воздѣйствуетъ въ душахъ вашихъ благодать Его святая.

Вы желаете, чтобъ Богъ излилъ на васъ милости въ сей жизни, чтобы труды ваши увѣнчаны были успѣхами, чтобы благословеніе Вышнее почивало на домахъ вашихъ, чтобы жизнь ваша была угодна Богу и спасительна для васъ; вы желаете, чтобы часъ смерти не наносилъ вамъ страха, чтобъ въ будущей жизни прославлены были вы тою славою, каковую Богъ любящимъ Его и исполняющимъ святый Его законъ уготовалъ: потщитесь убо исполнить велѣнія Вышняго, соблюдите святую вѣру праотцевъ вашихъ во всей чистотѣ ея, воспламените души ваши любовію къ Отечеству, защиты своей отъ васъ требующему; явите безпредѣльную и достодолжную приверженность къ Избраннику Божію, Благочестивѣйшему Государю нашему, утвержденному всесильною благодатію Вышняго и исполняющему святыя намѣренія Его. Сохраните почтительность и повиновеніе къ установленнымъ надъ вами властямъ и начальникамъ; уклоните помышленія ваши отъ всѣхъ злыхъ начинаній.

буйства и попользновеній; не ослѣпляйтесь коварными обольщеніями людей строптивыхъ и развращенныхъ, къ временной и вѣчной погибели ведущими. Да соединитъ всѣхъ васъ союзомъ неразрывнымъ взаимная любовь другъ къ другу, кротость и мужество, преданность къ Правительству, пекущемуся о благѣ вашемъ, и упованіе на Бога. [1] «Сердце Царево, глаголетъ Господь, быти въ руцѣ своей. [2] Всякая душа властемъ предержащемъ да повинуется, нѣсть бо власть аще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинены суть. Тѣмже противляйся власти Божію повелѣнію противляйся». Исполненіе святыхъ обязанностей, возлагаемыхъ на васъ вѣрою и Отечествомъ, привлечетъ на васъ благословенія всеблагаго, всесильнаго и премудраго Бога; но горе противящимся святой волѣ Его! Внемлите гласъ гнѣва Божія, гремящій надъ главою дерзновенныхъ: [3] «аще не послушаеши гласа Господа Бога твоего, проклятъ ты во градѣ, проклятъ ты на селѣ, прокляты житницы твои и останки твои, проклята изчадія утробы твоея, и плоды земли твоея, стада воловъ твоихъ и паства овецъ твоихъ. Проклятъ ты внегда входите тебѣ, и проклятъ ты внегда исходити тебѣ.—Постигнетъ скудость, гладъ и истребленіе на вся, на няже возложиши руку твою, дондеже потребитъ тя, и дондеже погубитъ тя вскорѣ, злыхъ ради начинаній твоихъ, зане оставилъ еси Господа Бога твоего. Потребишися и возьмешися отъ земли, ниже наслѣдиши ю». Ужасны клятвы, навлекающія на таковыхъ нещастія временныя жизни: но вообразите, сколь ужасное осужденіе ожидаетъ въ вѣчной жизни: [4] «Страшно есть впасть въ руцѣ Бога жива». Страшно услышать осужденіе на огнь вѣчный. Можетъ ли убо кто пожелать, чтобы толь страшныя наказанія временныя и вѣчныя его постигли? Нѣтъ, православные Христіане! мы увѣрены, что вы готовы исполнить долгъ вѣрныхъ сыновъ Церкви и Отечества, и что не пощадите временныхъ благъ земныхъ и самыя жизни для принесенія имъ въ жертву; къ чему подаютъ вамъ видимый примѣръ духовные ваши пастыри и отцы, посвящая дѣтей своихъ на службу Государю для защищенія Отечества и Церкви. Любовь Бога должна поселить въ душахъ вашихъ омерзеніе къ высокомѣрному властолюбцу, противящемуся законамъ Божіимъ: вы любите ближняго, отвратитеся отъ сего гонителя православныхъ; вы желаете быть спасены, положите непреоборимыя преграды нечестивымъ его начинаніямъ. Онъ дерзаетъ противъ Бога и Россіи, явите себя защитниками славы Его и вѣрными ея сынами. Отринувъ мысли о правосудіи Божіемъ, онъ мечтаетъ въ буйствѣ своемъ, съ помощію ненавистниковъ имени Христіанскаго и способниковъ его нечестія, Іудеевъ, похитить (о чемъ каждому человѣку и помыслить ужасно!) священное имя Мессіи: покажите ему, что онъ тварь, совѣстію сожженная и достойная презрѣнія. Благодать Божія отступила отъ него; ничто уже не соединитъ его съ Богомъ, которому онъ сдѣлался толь ужасно невѣрнымъ; не вѣрьте ему, испровергните его злодѣйства, накажите безчеловѣчія, оказанныя надъ многими неповинными: ихъ гласъ вопіетъ на небо; осужденіе вѣчное преслѣдуетъ его. Вы же, коихъ промыселъ вышній избираетъ орудіемъ мщенія своего въ сей жизни, вооружитесь противъ сего врага Церкви и Отечества вашего,

[1] Притч. гл. 21, ст. 1.
[2] Къ Римл., гл. 13, ст. 1, 2.
[3] Второз., гл. 28, ст. 16—21.
[4] Евр., гл. 1, ст. 30.

наполните сердца ваши вѣрою, мужествомъ и праведнымъ негодованіемъ: Богъ благословитъ святыя намѣренія ваши; Онъ услышитъ молитвы вѣрныхъ чадъ своихъ, утвердитъ васъ своею силою; благодать Вышняго осѣнитъ васъ, и подвиги ваши будутъ прославлены Церковію и Отечествомъ, сплетутъ вамъ вѣнцы на небѣ и уготовятъ жилище въ блаженствѣ вѣчномъ. Аминь.

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при
Святѣйшемъ Правительствующемъ
Сунодѣ, а въ Москвѣ при Сенатѣ
Декабря 1806 года.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

Свѧтѣйшій Правительствꙋющій Всерѡссійскій Сѵнодъ.

По Бл҃годати, дарꙋ̀ и҆ власти данными нам ѿ Бг҃а и Гд҃а нашегѡ І҆и҃са Хрⷭ҇та, Є҆гѡ̀ великимъ и҆ сильнымъ и҆менемъ, взываемъ ко всѣмъ Бл҃говѣрнымъ чадамъ Рѡссійскїѧ цр҃кви.

Съ тогѡ̀ времени, какъ ѡ҆слѣпленный мечтою вольности народъ Францꙋзскій и҆сповергнꙋлъ прⷭ҇толъ є҆динодержавїѧ и҆ ѻ҆лтари хрⷭ҇тїанскїѧ, мстѧщаѧ рꙋка̀ Гд҃нѧ видимымъ ѻ҆бразомъ ѡ҆тѧготѣла сперва̀ надъ нимъ, а҆ потомъ, чрезъ него̀ и҆ вмѣстѣ съ нимъ, надъ тѣми народами, которые наиболѣе ѿстꙋпленїю є҆гѡ̀ послѣдовали. За ѹ҆жасами безначалїѧ слѣдовали ѹ҆жасы ѹ҆гнѣтенїѧ. Ѻ҆дна̀ брань раждала дрꙋгꙋю, и самый миръ не приносилъ покоѧ. Бг҃омъ спасаемаѧ цр҃ковь и҆ Держава Рѡссійскаѧ досе́лѣ была̀ по большой части сострадающею зрительницею чꙋждыхъ бѣдствїй какъ бы длѧ тогѡ̀, что̀ бы тѣмъ болѣе ѹ҆твердилась во ѹ҆пованїи на промыслъ, и҆ тѣмъ съ большимъ бл҃годꙋшїемъ приготовилась срѣтить годинꙋ и҆скꙋшенїѧ.

Нынѣ сїѧ̀ година и҆скꙋшенїѧ касаетсѧ насъ, Рѡссїѧне! властолюбивый, ненасытимый, не хранѧщїй клѧтвъ, не ѹ҆важающїй ѻ҆лтарей врагъ, дыша столь же ї҆ѧдовитою лестїю, сколько лютою ѕлобою, покꙋшаетсѧ на нашꙋ свободꙋ, ѹ҆грожаетъ домамъ нашимъ, и҆ на бл҃голѣпїе храмовъ Бж҃їихъ є҆щѐ издалеча простираетъ хищнꙋю рꙋкꙋ.

Сегѡ̀ ради взываемъ къ вамъ, чада Цр҃кви и҆ Ѻ҆течества! прїимите ѻ҆рꙋжїе и щитъ, да сохраните вѣрность, и҆ ѻ҆храните вѣрꙋ ѻ҆тцѡвъ нашихъ. Приносите съ благодаренїемъ Ѻ҆течествꙋ тѣ̀ бл҃га, которыми Ѻ҆течествꙋ ѡ҆блѧзаны. Не щадите временнагѡ живота̀ вашего длѧ̀ покоѧ церкви, пекꙋщейсѧ ѡ҆ вашемъ вѣчномъ животѣ и҆ покоѣ. Помѧните

дни́ дре́внѧго Ї҆и҃лѧ и҆ лѣта пре́дковъ на́шихъ, кото́рые ѿ и҆мени Бж҃і-емъ, съ дерзнове́ніемъ поверга́лись въ ѻ҆па́сности и҆ выходи́ли и҆з̾ ни́хъ со сла́вою.

Взыва́емъ къ ва́мъ, мꙋ́жи и҆мени́тые стѧжа́вшіе власть и҆ли пра́во на ѻ҆со́бенное внима́ніе свои́хъ Соѻте́чественникѡвъ: предше́ствꙋйте приме́ромъ ва́шего мꙋ́жества и҆ благоро́дной ре́вности тѣ́мъ, кото́рыхъ ѻ҆́чи ѡ҆бращены́ на ва́съ. Да воздви́гнетъ и҆з̾ васъ Гдь но́выхъ На́ві-нѡвъ ѡ҆долѣва́ющихъ на́глость А҆мали́ка, но́выхъ сꙋде́й спаса́ю-щихъ Ї҆и҃лѧ, но́выхъ Маккавее́въ ѡ҆горча́ющихъ царѝ мно́ги и҆ возвеселѧ́ющихъ Ї҆а́кѡва въ дѣлѣ́хъ свои́хъ.

Наипа́че же взыва́емъ къ ва́мъ, Па́стыри и҆ Оу҆чи́тели ѻ҆лтарѧ̀! Ꙗ҆́кѡ же Мѡѷсе́й во ве́сь де́нь бра́ни съ А҆мали́комъ не восхотѣ́лъ ѿпꙋсти́ть рꙋ́къ воздѣѧ́нныхъ къ Бг҃ꙋ: оу҆тверди́те и вы̀ рꙋ́ки ва́шѧ къ мл҃твѣ дото́лѣ, доко́лѣ не ѡ҆скꙋдѣва́ютъ мы́шцы борю́щихсѧ съ на́ми. Внꙋша́йте сына́мъ си́лы оу҆пова́ніе на Гда си́лъ. Воѡрꙋжа́йте сло́вомъ и́стины просты́ѧ дꙋ́ши ѿкры́тыѧ нападе́ніѧмъ кова́рства. Всѣ́хъ наꙋ-ча́йте сло́вомъ и҆ дѣ́ломъ, не дорожи́ть нико́кою со́бственностію кромѣ̀ вѣ́ры и҆ ѻ҆те́чества. И҆ е҆сльли кто̀ и҆з̾ сынѡ́въ Леви́тскихъ, е҆щѐ неѡпре-дѣли́вшихсѧ къ слꙋже́нію, возревнꙋ́етъ ре́вностію бра́ни: бл҃гословлѧ́етсѧ на се́й по́двигъ ѿ са́мыѧ цр҃кви.

Всѣ́мъ же и ка́ждомꙋ, ѿ и҆́мени Гда на́шего, заповѣ́дꙋемъ, и҆ всѣ́хъ оу҆молѧ́емъ, блюсти́сѧ всѧ́кагѡ небл҃гоче́стіѧ, своево́ліѧ и҆ бꙋ́інихъ шата́ній, пре́д ѻ҆ча́ми на́шими, привле́кшихъ гнѣ́въ Бж҃ій на ꙗ҆зы́ки, пребыва́ть въ послꙋша́ніи зако́нной ѿ Бг҃а поста́вленной вла́сти, соблю-да́ть безкоры́стіе, братолю́біе, е҆диноꙋ҆́шіе, и тѣ́мъ ѡ҆правда́ть жела́ніѧ и҆ ча́ѧніѧ взыва́ющагѡ къ на́мъ вѣ́рноподданнымъ свои́мъ Бг҃омъ по-ма́заннаго Мона́рха А҆ле́ѯа́ндра.

Цр҃ковь, оу҆вѣ́реннаѧ въ непра́ведныхъ и҆ не Хр҃толюби́выхъ намѣ-ре́ніѧхъ врага, не преста́нетъ ѿ всеѧ̀ кро́тости своеѧ̀ вопіѧ́ть ко Гдꙋ ѡ вѣнца́хъ побѣ́дныхъ длѧ̀ до́блестныхъ подви́жниковъ, и҆ ѡ бла́гахъ нетлѣ́нныхъ длѧ̀ тѣхъ, кото́рые дꙋ́шꙋ свою̀ поло́жатъ за бра́тію свою̀. Да бꙋ́детъ ка́къ бы́ло всегда̀, и҆ оу҆твержде́ніемъ, и҆ вои́нственнымъ зна́меніемъ Рѡссі́ѧнъ, сіѐ пр҃ро́ческое сло́во: ѡ Бзѣ̀ спасе́ніе и сла́ва!

Отъ Митрополита Римскихъ Церквей въ России Станислава Сестренцевича Богуша.

Преосвященнымъ Епископамъ, Прелатамъ, Каноникамъ, Деканамъ, Провинціаламъ, Настоятелямъ Церквей и Монастырей и всѣмъ исповѣдающимъ Римско-католическую вѣру.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Свѣту извѣстный врагъ Европы, врагъ рода человѣческаго, Наполеонъ Бонапарте, по плѣненіи и опустошеніи многихъ странъ, дерзаетъ простирать злобныя намѣренія свои и на предѣлы России, Отечества нашего. Богомъ руководимый, кроткій Александръ, Отецъ своихъ подданныхъ, нашелъ себя въ горестной для человѣколюбиваго сердца Его необходимости произвести всеобщее въ Имперіи своей ополченіе. Всѣ состоянія призываются, гласомъ угрожаемаго опасностію Отечества нашего, къ содѣйствованію въ противопоставленіи твердаго оплота силѣ и кознямъ вражіимъ. Призывается и санъ духовный, предстоящій олтарю Господню, да дѣйствуетъ онъ согласно съ священною волею Благочестивѣйшаго Государя нашего.

Пастыри духовные! вы обязаны пещись о благѣ ввѣренныя всѣмъ паствы! служеніе Отечеству соединено тѣсною связію съ служеніемъ олтарю Господню.—Богъ, Творецъ всяческихъ, есть источникъ порядка; отъ его десницы истекли блага правительствъ, и рушитель тишины и спокойствія народовъ, ополчающійся противу властей предержащихъ, не можетъ не быть противникомъ воли Божіей, противникъ самого Бога. Пастыри духовные! се предстоитъ вамъ время явить паче нежели когда либо ревность и усердіе ваше ко благу общему. Да проповѣдуя слово Божіе, препоясавъ чресла ваша истиною, внушайте ввѣренной вамъ паствѣ кротость и повиновеніе. Потщитесь направлять увѣщаніями вашими мысли и сердца сыновъ ввѣренныя вамъ Церкви къ безропотному служенію Отечеству и государю, къ ревностному исполненію ихъ обязанностей, къ твердому и мужественному сопротивленію силѣ и хитростямъ вражіимъ. Потщитесь истолковать имъ, съ одной стороны, что средства къ отраженію врага, Правительствомъ предпріемлемыя, суть средства предписуемыя необходимостію; что долговременное или краткое продолженіе безпокойствъ и трудностей всеобщаго ополченія зависятъ отъ вѣрности, усердія и мужества подданныхъ Россійскихъ; съ другой, что малодушіе, слабость, а паче неповиновеніе и строптивость несомнѣнно породятъ бѣдствія некончаемыя. Что единодушіе сыновъ Россійскихъ вскорѣ можетъ ниспровергнуть намѣренія злобствующаго врага, истребить его начинанія и изгладить бѣдствія имъ порожденныя, что разномысліе, напротивъ, продлитъ оныя на времена безконечныя.

Средства непріятеля общаго состоятъ не въ храбрости его воиновъ, но паче въ ухищреніяхъ и ложныхъ обольщеніяхъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что онъ потщится искушать паству вашу коварствами и лестію. Но языкъ его, языкъ, исполненный притворства и прельщенія, извѣстенъ: нѣтъ нужды искать отдаленныхъ доказательствъ вѣроломныя совѣсти Наполеона! — Извѣстно, какія бѣдствія постигли тѣхъ несчастныхъ соотчичей вашихъ, которые за нѣсколько предъ симъ лѣтъ, по неблагоразумію своему, вступили въ службу его. Воспомните сей нещастный походъ, о которомъ говорено было во всѣхъ публичныхъ извѣстіяхъ.

Воспомните тѣхъ нещастныхъ согражданъ вашихъ, отправленныхъ Наполеономъ въ островъ Сентъ-Доминго: воспомните, что кромѣ пяти сотъ изъ нихъ, спасшихся бѣгствомъ на кораблѣ англійскомъ и отдавшихся въ плѣнъ, почти ни одинъ изъ нихъ не избѣгъ отъ ярости и убійственныхъ рукъ негровъ. Вопросите: гдѣ сіи ополченія соотечественниковъ вашихъ, посланныхъ въ Италію? Сколько остается еще ихъ въ Калабріи? Легіонъ Польскій, о которомъ съ похвалою не вторяемо было въ публичныхъ извѣстіяхъ, не есть остатокъ вызванныхъ оттуда, не есть остатокъ сихъ безразсудныхъ, присоединившихся прежде къ войскамъ французскимъ: нѣтъ! и память сихъ несчастныхъ погибла! Легіонъ же Польскій состоитъ изъ ново-набранныхъ. Какую мзду обрѣли соотчичи ваши, предавшіеся вѣроломно въ руки Французовъ? Рекрутство, контрибуціи и безчисленные сборы были единою ихъ наградою!

Бонапарте не можетъ представить вамъ выгодъ и съ стороны религіи. Мы исповѣдуемъ вѣру свою въ Россіи безъ малѣйшихъ стѣсненій и съ такою свободою, какъ бы она была вѣрою господствующею. Но и съ сей стороны, недремленно должны вы назидать за собою, дабы не подпасть искушеніямъ Наполеона, сего ума злочестиваго и толико обильнаго въ ухищреніяхъ и прельщеніи. Онъ знаетъ, что религія есть могущественнѣйшая движущая сила для душъ благорожденныхъ. Нельзя опредѣлить путей, коими будетъ онъ искать вкрасться въ сердца соотчичей вашихъ. Но извѣстно, что, не бывъ привержен ни къ какой религіи, онъ всегда употреблялъ ее такъ, какъ средство политическое: чтобъ плѣнить умы Египтянъ, онъ призналъ предъ Муфтіемъ Магомета истиннымъ пророкомъ. Чтобъ привлечь къ себѣ Евреевъ всего свѣта, онъ тщится представить себя имъ въ лицѣ Мессіи ихъ. Пастыри духовные! вы просвѣщены ученіемъ, просвѣщены свѣтомъ Евангелія и удобнѣе простолюдиновъ можете отличать истину отъ неправды. Потщитесь въ поученіяхъ вашихъ вразумлять ихъ о истинныхъ ихъ выгодахъ, представлять имъ тѣ попеченія Монарха ихъ, коими [illegible] толико лѣтъ пользуются, тѣ блага, коими наслаждаются они подъ кроткою державою Россійскою. Потщитесь обращать вниманіе ихъ на ужасныя бѣдствія, про[illegible]ныя въ сосѣднихъ намъ странахъ рукою жаднаго и гордаго ихъ завоевателя [illegible] опустошителя, на слезы нещастныхъ жертвъ коварства его и безчеловѣчія. [illegible]вѣдуя истину, внушите омерзѣніе къ тирану, поправшему святость правъ [illegible] законы человѣчества, гласъ совѣсти, гласъ Божій, въ Евангеліи напеча[illegible]

[illegible]ловъ ни дѣйствіямъ, ни намѣреніямъ рушителя тишины общей! Нѣтъ [illegible] властолюбію! Непрестанно присоединяетъ онъ къ неправедно похищен[illegible] своей страны чуждыя и, отъ лютости ли своей не зная спокойнаго [illegible] непрестанныя боязни лишиться пріобрѣтеннаго имъ чрезъ ко[illegible]ковы на народы, имъ покоренные. Гдѣ слѣдъ его, который бы не [illegible] Гдѣ мѣсто, которое бы не было ознаменовано разрушеніемъ, [illegible] онаго? И слабо сопротивляться ему и подло преклоняться [illegible] приносить себя въ жертву его властолюбія.

[illegible] сѣти врага лукаваго? Не добро ли есть противостать [illegible] Пастыри стада Христова, призванные на святое служеніе [illegible], коль великія опасности обложатъ ихъ, есть ли [illegible] отечества свойственная, поколеблется: внушайте, [illegible] сыновъ Россіи: она единая, съ помощію

Бога, правдѣ поборающаго, предшествовала донынѣ оружію Россійскому. Но коль праведно подъемлетъ нынѣ оружіе кроткій монархъ нашъ Александръ Первый, благодарность отечества, благословенія потомства и неувядаемый вѣнецъ въ вѣчности суть награды, готовящіяся сподвижникамъ воли его. «Да будутъ дни его, яко дни неба на земли, да дастъ Господь крѣпость намъ, да просвѣтитъ очи наши, да живемъ подъ сѣнію его, да работаемъ ему дни многи и обрящемъ благодать предъ нимъ». Служители Церкви Божіей! просвѣщая паству вашу о истинномъ долгѣ ея и обязанностяхъ, внушая въ нее кротость, повиновеніе и мужество, утверждая въ ней правила вѣрныхъ подданныхъ и добрыхъ гражданъ, возсылайте мольбы свои къ Всевышнему о ниспосланіи всесильной его помощи къ отраженію врага и къ скорому возстановленію тишины и спокойствія, единыхъ источниковъ благоденствія.

Принесемъ днесь моленіе Всевышнему.

Молитва I. (Oratio).

Господи Боже силъ, побѣждай крѣпостію твоею возстающихъ на уповающихъ на тя, помози рабамъ твоимъ благоутробію твоему молящимся; да поправъ ковы супостатовъ нашихъ, восхвалимъ тя непрестанными благодарными; купно съ единороднымъ твоимъ сыномъ, Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и святымъ и благимъ и животворящимъ твоимъ духомъ, всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь.

Молитва II. (Secteta).

Господи! не отрини жертву, нами тебѣ приносимую, во еже избавити насъ отъ лукавнующаго на ны врага и супостата, и сохрани святою твоею десницею восхваляющихъ тя, купно и проч.

Молитва III. (Postcommunio).

Боже царствующихъ и Господи господствующихъ, иже наказуяй наказуеши ны, смерти же не предаеши, и прощая прегрѣшенія наша, спасаеши вѣрныхъ твоихъ, яви намъ милость и благоутробіе твое, насади между нами миръ и тишину, божественною силою твоею, да насладимся онымъ правдою твоею, всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь. Святый Боже, святый крѣпкій и проч.

Митрополитъ Станиславъ Сестренцевичъ Богушъ, Архіепископъ Могилевскій

Санктпетербургъ
Генваря 25 дня
1807 года.

IX.

1) Секретное наставленіе Комитету высшей полиціи отъ 5-го сентября 1805 года.

2) Высочайше конфирмованная 2-го января 1807 года записка Н. Н. Новосильцова объ учрежденіи Комитета общей безопасности.

3) Указъ Сенату отъ 13-го января 1807 года.

Комитетъ высшей полиціи [1]).

Въ 1805 году 5-го сентября состоялось Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи Комитета для совѣщанія по дѣламъ, относящимся къ высшей полиціи.

Высочайше конфирмованное 5-го сентября 1805 года наставленіе Комитету по части высшей полиціи.

«Его Императорское Величество, обращая всегда особенное вниманіе на ту часть высшей полиціи, которая имѣетъ цѣлью своею сохраненіе всеобщаго спокойствія и тишины гражданъ и облегченіе народнаго продовольствія, соизволилъ признать за нужное, чтобы во время Высочайшаго Его Величества отсутствія изъ С.-Петербурга министры: военныхъ сухопутныхъ силъ, юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, первый и въ лицѣ главнокомандующаго въ столицѣ, составили Комитетъ для общаго совѣтыванія. по дѣламъ къ вышеозначеннымъ предметамъ относящимся».

На подлинномъ рукою императора Александра написано: «Быть по сему».
Рукою Н. Н. Новосильцова сдѣлана помѣта: «С.П-Бургъ. Сентября 5-го дня 1805 года».

Въ томъ же Высочайшемъ повелѣніи дано этому Комитету секретное наставленіе въ 11-ти пунктахъ.

1-й.

Комитетъ имѣетъ попеченіе:

а) О сохраненіи общественнаго спокойствія и тишины.

б) Объ отвращеніи недостатка и дороговизны жизненныхъ припасовъ въ столицѣ

2-й.

Для исполненія первой обязанности Комитетъ долженъ получать немедленно и исправно свѣдѣнія посредствомъ оберъ-полиціймейстера:

1) О проживающихъ въ столицѣ подозрительныхъ людяхъ, о коихъ вовсе неизвѣстно, какимъ дѣломъ они занимаются.

2) О пріѣзжающихъ въ столицу изъ-за границы или изнутри государства такихъ же подозрительныхъ людяхъ.

3) О разглашаемыхъ въ городѣ слухахъ и извѣстіяхъ, опасеніе и тревогу наводящихъ.

4) О источникахъ, откуда таковыя разглашенія происходятъ.

5) О скопищахъ и собраніяхъ подозрительныхъ.

[1]) Архивъ Государственнаго Совѣта.

3-й.

Чрезъ сношенія съ Дирекціею почтъ Комитетъ долженъ получать немедленныя и вѣрныя свѣдѣнія о подозрительныхъ перепискахъ.

4-й.

Въ таковыхъ случаяхъ, буде Комитетъ усмотритъ, что спокойствіе общественное встревожено быть можетъ, то пріемлетъ благоразумныя мѣры къ возстановленію безопасности, пресѣкаетъ разглашенія приличными извѣстіями со своей стороны о предметѣ разсѣваемыхъ слуховъ и, буде откроетъ виновныхъ, то поступаетъ по законамъ на основаніи 272 статьи Устава Благочинія, стараясь притомъ избирать удобнѣйшіе пути къ отдаленію отъ гражданъ всякой непріязненной и тревожной мысли.

5-й.

Министръ внутреннихъ дѣлъ старается также получать свѣдѣнія отъ начальниковъ губерній, или другимъ образомъ, не обезпокоивается ли въ оныхъ общество ложными слухами о новыхъ налогахъ на нужды военныя и другими огорчительными извѣстіями, предлагаетъ о томъ въ Комитетѣ и совокупно избираютъ мѣры, чтобъ отвратитъ опасеніе и успокоить общество.

6-й.

Во всѣхъ случаяхъ опытность и проницаніе особъ, составляющихъ Комитетъ, покажетъ имъ разность между маловажными и обыкновенными слухами, кои вниманія не заслуживаютъ, и тѣми, которые проистекаютъ отъ злыхъ намѣреній и вредными впечатлѣніями угрожаютъ, а потому къ предупрежденію оныхъ требуютъ осторожности.

7-й.

Посему оберъ-полиціймейстеръ обязанъ доставлять Комитету всѣ свѣдѣнія, которыя отъ него требованы будутъ, и исполнять данныя ему отъ онаго предписанія.

8-й.

О томъ, что заслуживаетъ вниманія Государя Императора или требуетъ Высочайшаго разрѣшенія, Комитетъ немедленно доноситъ Его Величеству; въ случаяхъ же, не терпящихъ ни малѣйшаго отлагательства, оныя разрѣшаются въ Комитетѣ министровъ, на основаніи 8-го пункта даннаго оному наставленія.

9-й.

Само собою разумѣется, что существованіе сего Комитета, равно и совѣтыванія онаго по вышеозначеннымъ предметамъ и сношенія съ полиціею и Дирекціею почтъ должны сохраняемы быть въ совершенной тайнѣ, дабы не возродить въ обществѣ напраснаго опасенія, что предстоитъ какое зло, и чрезъ то нарушить его спокойствіе. А посему для письмоводства по дѣламъ, въ Комитетѣ производящимся, не назначать особыхъ чиновниковъ, а исправлять оное въ Департаментѣ министра внутреннихъ дѣлъ.

10-й.

Въ разсужденіи второй обязанности Комитета объ отвращеніи недостатка и дороговизны припасовъ, которые главнѣйше происходятъ:

а) Отъ скуповъ и перекуповъ.

б) Отъ притѣсненій торгующимъ и доставляющимъ въ городъ припасы, Комитетъ потребуетъ отъ оберъ-полиціймейстера свѣдѣнія, какія мѣры полиція пріемлетъ къ отвращенію сихъ двоякихъ злоупотребленій, и, буде признаетъ ихъ недостаточными или не наблюдаемыми, то, вникнувъ во всѣ обстоятельства дѣла и въ причины производящія зло, Комитетъ избираетъ удобнѣйшія и вѣрнѣйшія средства къ отвращенію онаго.

11-й.

Всѣ предписанія, которыя Комитетъ за нужное признаетъ сдѣлать, даются отъ лица того министра, до котораго оное касаться будетъ по ввѣреннымъ управленію ихъ дѣламъ [1]).

Учрежденіе Комитета общей безопасности, 13-го января 1807 года.

Въ 1807 году 2-го января послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи Комитета охраненія общей безопасности [2]).

Высочайше конфирмованная 2-го января 1807 года записка.

Государь Императоръ, признавая, сколь много во время настоящей войны общественное спокойствіе и личная безопасность каждаго зависятъ отъ дѣятельныхъ и благоразумныхъ мѣръ, какія по части высшей полиціи приняты быть могутъ для предупрежденія пагубныхъ замысловъ внѣшнихъ враговъ государства и для точнѣйшаго изысканія и открытія способовъ и лицъ, которыя могутъ быть ими употребляемы какъ въ самыхъ столицахъ, такъ и внутри государства, и обращая Высочайшее свое вниманіе на производство слѣдствій по сему роду дѣлъ, тѣмъ болѣе, что всякая погрѣшность и упущеніе производителей обратиться можетъ или къ притѣсненію невинности или къ сокрытію преступленія, Высочайше соизволилъ учредить Комитетъ охраненія общей безопасности, составивъ оный изъ министра юстиціи князя Лопухина и тайныхъ совѣтниковъ и сенаторовъ Макарова и Новосильцова, повелѣвая сверхъ того присутствовать въ ономъ, когда нужда того потребуетъ, министру внутреннихъ дѣлъ и главнокомандующему въ столицѣ, министру военныхъ сухопутныхъ силъ.

[1]) Высочайше утвержденное положеніе объ учрежденіи этого Комитета скрѣплено по листамъ товарищемъ министра юстиціи Новосильцовымъ и хранилось у военнаго министра Вязмитинова. Кромѣ этого наставленія, въ архивѣ Государственнаго Совѣта нѣтъ никакихъ дѣлъ, относящихся къ дѣйствіямъ Комитета 5-го сентября 1805 года.

[2]) На подлинномъ рукою Государя написано: «Быть по сему. Александръ». Рукою же Н. Н. Новосильцова сдѣлана помѣта: «С.-Пбургъ, генваря 2-го дня 1807 года».

Обязанности сего Комитета означаются въ слѣдующихъ пунктахъ:

1.

Коварное правительство Франціи, достигая всѣми средствами пагубной цѣли своей, повсемѣстныхъ разрушеній и дезорганизацію, между прочимъ, какъ извѣстно, покровительствуетъ разсѣяннымъ во всѣхъ земляхъ остаткамъ тайныхъ обществъ подъ названіемъ Иллюминатовъ, Мартинистовъ и другихъ тому подобныхъ, и чрезъ то имѣетъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ, исключая тѣхъ зловредныхъ людей, которые прямо на сей конецъ имъ посылаются и содержатся, и такихъ еще тайныхъ сообщниковъ, которые, такъ сказать, побочнымъ образомъ содѣйствуютъ французскому правительству, и посредствомъ коихъ преуспѣваетъ оно въ своихъ злонамѣреніяхъ. Обращая особенно бдительное вниманіе на сей предметъ, Комитетъ стараться долженъ:

1) Предусматривать все то, что могутъ произвесть враги государства сими путями ко вреду онаго; принимать сообразныя обстоятельствамъ мѣры къ открытію лицъ, посредствомъ коихъ могутъ они вознамѣриться завести внутри государства вредныя связи и отвращать или искоренять благовременно таковое зло.

2) Предписывать порядокъ слѣдствій и наблюдать за производствомъ оныхъ по дѣламъ сего рода.

2.

Комитетъ избирать долженъ для сего дѣятельнѣйшія средства къ полученію скорыхъ и вѣрнѣйшихъ свѣдѣній о проживающихъ въ столицѣ и вновь пріѣзжающихъ подозрительныхъ людяхъ, о разглашаемыхъ слухахъ, сочиненіяхъ и извѣстіяхъ, вредныя послѣдствія имѣть могущихъ, и о скопищахъ и собраніяхъ подозрительныхъ.

3.

Для полученія таковыхъ свѣдѣній Комитетъ даетъ нужныя предписанія оберъ-полицiймейстеру и, буде нужно, употребитъ къ тому по своему усмотрѣнію и другія лица. Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщать оному будетъ извѣстія, чрезъ губернаторовъ изъ губерній получаемыя и открываемыя по Дирекціи почтъ о подозрительныхъ перепискахъ.

4.

Коль скоро главнокомандующій въ столицѣ или оберъ-полицiймейстеръ откроютъ преступленіе, въ коемъ подозрѣвается шпіонство и измѣна, то немедленно сообщаютъ о томъ Комитету, который по соображенію обстоятельствъ предписываетъ оберъ-полицiймейстеру, или кому слѣдуетъ, порядокъ, какимъ поступать при задержаніи подозрѣваемыхъ людей, при изысканіи соучастниковъ и открытіи всѣхъ отношеній и связей преступленія.

5.

Если Комитетъ получитъ свѣдѣніе о такомъ преступленіи другимъ какимъ образомъ, то немедленно дастъ кому слѣдуетъ нужное предписаніе о произведеніи надлежащаго изслѣдованія.

6.

Вообще всѣ дѣла, касающіяся до измѣны государству и тайныхъ заговоровъ противу общей безопасности, которыя должны быть сохраняемы въ величайшей тайнѣ, поступаютъ при самомъ ихъ началѣ въ сей Комитетъ и онымъ производятся.

7.

Для исполненія сихъ обязанностей Комитетъ даетъ немедленно оберъ-полиціймейстеру и другимъ лицамъ нужныя секретныя предписанія, какъ имъ поступать во всѣхъ вышеозначенныхъ случаяхъ.

Н. Новосильцовъ [1]).

Указъ Сенату отъ 13-го января 1807 года.

Слѣдствіемъ учрежденія Комитета 13-го января явилось слѣдующее Высочайшее повелѣніе: «По имянному Его Императорскаго Величества Высочайшему указу, данному Правительствующему Сенату сего генваря въ 13-й день за собственноручнымъ Е. В. подписаніемъ, въ которомъ изображено:

«Обращая вниманіе на способы, которыми коварное правительство Франціи, достигая пагубной цѣли своей разрушенія всеобщаго спокойствія, не преставало дѣйствовать во всѣхъ Европейскихъ государствахъ чрезъ тайныхъ и явныхъ своихъ сообщниковъ, предписали мы указомъ нашимъ отъ 28-го января прошлаго 1806 года мѣры предосторожности въ разсужденіи проживающихъ въ Россіи французскихъ подданныхъ. Хотя симъ способомъ пресѣчена удобность къ совершенію замысловъ внѣшнихъ враговъ государства чрезъ зловредныя переписки, подсматриванія (шпіонство) и разглашенія, но при всемъ томъ не можно вовсе обезпечиться съ сей стороны, и бдительность полиціи должна продолжать неослабное свое наблюденіе; желая по сему преподать ей правила, настоящимъ военнымъ обстоятельствамъ наиболѣе соотвѣтствующія, а съ другой стороны при самомъ открытіи злого намѣренія или измѣны сохранить строжайшій порядокъ и благоразумную осторожность въ производствѣ слѣдствій по сему роду дѣлъ, гдѣ малѣйшая погрѣшность обратиться можетъ или къ притѣсненію невинности или къ закрытію преступника, признали мы нужнымъ учредить при таковыхъ обстоятельствахъ особый комитетъ, составивъ оный изъ министра юстиціи, д. т. с. князя Лопухина, и сенаторовъ, тайныхъ совѣтниковъ, Макарова и Новосильцова, и въ случаѣ нужды назначая присутствовать въ ономъ главнокомандующему въ столицѣ, министру военныхъ сухопутныхъ силъ Вязмитинову, и министру внутреннихъ дѣлъ, д. т. с. графу Кочубею; вслѣдствіе чего повелѣваемъ:

[1]) Послѣ учрежденія Комитета 13-го января 1807 года военный министръ препроводилъ наставленіе прежняго Комитета въ оригиналѣ къ министру юстиціи, князю Лопухину, при письмѣ отъ 3-го января 1808 года, для испрошенія Высочайшаго повелѣнія относительно существованія прежняго Комитета и даннаго оному наставленія.— Князь Лопухинъ, по Высочайшему повелѣнію отъ 7-го января 1808 года, увѣдомилъ военнаго министра, что за учрежденіемъ Комитета 13-го января 1807 года первый существовать уже не можетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и секретное наставленіе, данное тому Комитету, повелѣно хранить въ новомъ Комитетѣ.

1) Всѣ дѣла по важнымъ преступленіямъ, въ коихъ подозрѣваются люди зловредные, или измѣна противу общаго спокойствія и безопасности, при первомъ ихъ открытіи, чрезъ С.-Петербургскую полицію и военнаго губернатора, сообщать немедленно въ сей Комитетъ, который по соображенію обстоятельствъ предпишетъ порядокъ слѣдствія и наблюдать долженъ за всѣмъ производствомъ онаго до окончательнаго рѣшенія.

2) Равномѣрно и по частямъ, состоящимъ въ вѣдѣніи и управленіи всѣхъ министерствъ, дѣла означеннаго рода, по коимъ слѣдовать будетъ кого задержать или выслать изъ государства, сообщать немедленно въ сей же Комитетъ.

3) Мѣстныя начальства во всѣхъ губерніяхъ Россійской Имперіи по дѣламъ сего рода, поступая на основаніи общихъ законовъ, должны немедленно увѣдомлять о томъ Комитетъ сей и произведенное ими слѣдствіе представлять въ оный на ревизію.

4) Всѣ начальственныя мѣста и лица по требованіямъ сего Комитета должны сообщать оному удовлетворительныя свѣдѣнія въ самой скорости и исполнять по сообщеніямъ и предписаніямъ онаго, касающимся до возложенной на его должности».

(Контрасигнировалъ министръ юстиціи князь Лопухинъ).

По своему предмету или по существу вносимыя въ Комитетъ дѣла были политическаго свойства:

1) О лицахъ, подозрѣваемыхъ въ перепискѣ съ непріятелемъ и зловредныхъ разглашеніяхъ.

2) О разглашаемыхъ слухахъ относительно возстановленія Польши.

3) Возбужденіе народа слухами о вольности крестьянъ.

4) О подозрѣніяхъ и извѣтахъ заговоровъ противъ Высочайшей особы Государя Императора.

5) Объ оскорбленіяхъ особы Государя Императора и членовъ Императорскаго дома дерзкими и неприличными словами.

6) О государственной измѣнѣ.

7) О распространяющихъ въ народѣ ложные и вредные слухи по поводу военныхъ событій.

8) Составленіе и распространеніе возмутительныхъ воззваній, вредныхъ сочиненій и пр.

9) О тайныхъ обществахъ и запрещенныхъ сходбищахъ.

10) О различныхъ предстaвляемыхъ правительству проектахъ побѣды надъ непріятелемъ, расширенія владѣній, открытія людей злонамѣренныхъ и пр.

11) О лицахъ, выдававшихъ себя или принимаемыхъ за особъ Высочайшей фамиліи.

12) О преступленіяхъ по службѣ.

13) О вредныхъ книгахъ.

14) По подозрѣнію въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій.

15) О грозившихъ общественному благоприличію поступкахъ разныхъ лицъ.

X.

Рѣчь Латуръ-Мобура, сказанная въ Оттоманской Портѣ въ 1808 г.[1]).

Jamais il n'exista une amitié aussi sincère et une harmonie aussi grande que celle qui unit dans ce moment les cours de Russie et de France. Cependant c'est avec beaucoup de peine que je remarque que la Porte négocie la paix avec la Russie et l'Angleterre. La Porte devrait se rappeler que la France étant prise comme médiateur entre elle et la Russie ferait une offense à Sa Majesté l'Empereur Napoléon, si elle oserait conclure une paix quelconque sans son consentement. D'ailleurs aucune offense faite à la France ne restera impunie. Si la Porte, comme c'est vraisemblable, compte sur la nouvelle coalition qui se trame—elle se trompe, car avant que cette coalition soit arrangée, Sa Majesté l'Empereur Napoléon le saura deux mois d'avance et vous apprendrez sa destruction avant de connaître les noms des puissances qui pourraient y avoir pris part.

Au reste quels pourront être les coalisés? Serait-ce la Suède? Où sont les moyens de l'Autriche, dont les armées ont été tant de fois battues? La Russie? qui pâlit à l'aspect d'une armée française et qui sollicita en tremblant la paix qu'elle ne doit qu'à la générosité de S. M. l'Empereur des Français, duquel il ne dépendait que d'envahir les pays de ces Russes qui étaient prêts à les recevoir. Voici donc les membres de cette coalition sur laquelle vous fondez votre espérance. D'ailleurs sachez qu'en peu vos frontières seront occupées par les armées françaises qui remplaçeront les troupes Russes, car S. M. l'Empereur Napoléon n'a point renoncé au projet de rétablir le Royaume de Pologne. En concluant la paix de Tilsit il en a même fait mention à S. M. l'Empereur Alexandre, mais il a été obligé de céder aux circonstances. Cependant maintenant, jugeant le temps favorable pour l'exécution de ce projet, il y travaille sans relâche et dans peu vous en verrez l'accomplissement. Fiez-vous donc aux hautes vues de Sa Majesté et remettez le sort de l'Empire Ottoman entre ses mains.

S. M. l'Empereur Napoléon m'ordonne de vous communiquer tout ce que je viens de vous dire en cas que je pourrais soupçonner que vous ayez l'intention de faire quelques démarches contraires à ses volontés, comme j'ai cru entrevoir non sans fondement, je me suis empressé d'exécuter cet ordre de Sa Majesté en vous faisant part des projets que son grand génie médite et dont l'issue ne peut que tourner à l'avantage de la Sublime Porte, les intérêts de laquelle lui seront toujours présents.

---

[1]) Военно-ученый Архивъ, отд. II, № 1371.

Рѣчь Латуръ-Мобура приложена къ донесеніямъ князю Прозоровскому о засѣданіяхъ чиновниковъ Дивана, «гдѣ главнымъ предметомъ трактованія есть война».

XI.

Собственноручное письмо Фридриха-Вильгельма III къ императору Александру отъ 30-го апрѣля (12-го мая) 1809 года и отвѣтъ государя, написанный въ маѣ того же года[1]).

Königsberg, 30 Avril (12 Mai) 1809.

L' intérêt constant dont Votre Majesté Impériale m'honore, m'encourage à venir déposer dans le sein de l'amitié un récit fidèle et succint de la situation critique et pénible dans laquelle je me trouve placé depuis le funeste commencement des hostilités entre l'Autriche et la France. Vous n'ignorez pas, Sire, le prix inestimable que j'ai mis de tout temps et qu'assurément je continue de mettre encore dans votre généreux appui, et combien j'ai lié mon système politique à celui de Votre Majesté. Mais, Sire, de grâce, daignez songer aussi, que bien des fois on se trouve entrainé malgré soi, par la force des circonstances, contre lesquelles il n'y a pas toujours moyen de se raidir. Voudriez-vous pour un cas semblable m'en vouloir et rompre tous vos liens avec moi et mon malheureux pays, si, tôt ou tard, je me voyais forcé de m'écarter un moment, à Dieu ne plaise que ce soit pour longtemps, de ce système auquel je tenais plus encore par les sentiments de mon coeur, que par la simple politique? Je suis resté sourd, et j'ai résisté pendant longtemps à toutes les démarches que l'on a faites vis-à-vis de moi, tant de la part de l'Autriche, que de la part de la presque totalité de mes peuples, pour me décider en faveur de l'Autriche et de ce système qui cherche pour une dernière fois son salut dans l'opposition des armes, contre un autre, universellement destructeur et perfide, qui comble d'outrage tous ceux qui ont le malheur d'y succomber. Les esprits sont tellement montés, et l'agitation et la fermentation est si grande que je risque tout, si je ne prends le parti auquel la nation tient par préférence. L'Autriche, en cas que je me décide en sa faveur, m'offre la conquête de mes provinces perdues; il est vrai que je ne la crois pas aussi facile qu'on semble l'envisager; mais l'Autriche une fois culbutée, ce qui est immanquable, si Votre Majesté ne se décide à la protéger et à la soutenir, et que la Prusse reste oisive et ne ramasse ses derniers efforts, ne profitant en même temps de l'influence qu'elle a conservée sur les pays du Nord de l'Allemagne, la plupart ses anciens sujets, qui n'attendent qu'avec la plus vive impatience ce moment-là, pour rompre le joug qui leur est devenu insupportable et pour se soulever contre leurs oppresseurs,—je le répète, si l'Autriche succombe, je serais entrainé immanquablement dans sa ruine, car je ne saurais me dissimuler qu'au fond de son coeur Napoléon a juré la mienne, et qu'il trouvera des prétextes suffisants pour me chercher querelle, et ne pardonnera jamais à la Prusse les extravagances qui se sont commises par quelques écervelés qu'on ne pouvait, en partie, ni contenir, ni deviner leurs folles entreprises, comme sont, les mouvements séditieux en Westphalie et le décampement impardonnable de Schill et de sa troupe. Chaque jour amène de nouveaux incidents, qui me compromettent envers la France; ils sont le résultat du désespoir de mes peuples, de mon armée, également pénétrés du sentiment de leur malheur et décidés également à tout risquer pour y mettre un terme. Adopter des mesures plus sé-

[1]) Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

vères que par le passé, se serait amener une explosion soudaine d'autant plus dangereuse que les suites en sont incalculables. Ajoutez à ceci, Sire, l'impossibilité absolue d'avoir recours aux emprunts dans l'étranger dans les circonstances actuelles. Napoléon lui-même y a échoué. Pour faire face jusqu'ici aux engagements contractés, je n'ai eu regret personnellement à aucune des privations que je me suis imposé, ni mes fidèles sujets à aucun sacrifice. Une exactitude à acquitter les termes prescrits a surpassé l'attente même des autorités françaises, mais actuellement l'assemblée des Etats refuse de signer les lettres foncières qui doivent être remises à la France, au moment même que leur extradition est impérieusement exigée par le comte S-t Marzan et qu'il insiste avec menaces sur le prompt acquitement de la contribution que le défaut de fonds rend impossible. Après tout que Votre Majesté me pardonne si je semble manifester ainsi la crainte qu'il ne dépendra plus alors d'Elle d'empêcher ma perte.

Sire, je vous dirai toute ma pensée, je frémis de l'idée qu'après tous ces bouleversements la Russie elle-même ne fasse l'épreuve de ce que valent les perfides assurances d'amitié que la France lui prodigue aujourd'hui. Mais Votre Majesté, je m'en tiens assuré, ne voudra pas compromettre le salut de l'Europe, dont Elle avait jadis embrassé la cause avec tant de chaleur, en contribuant à la ruine de l'Autriche. Qu'Elle ne daigne voir dans cette franche expression de mes sentiments qu'une preuve de la confiance illimitée que son amitié justifie et qu'Elle agrée la prière réitérée que j'ose Lui adresser de me donner la promesse consolante que qu'elle soit l'extrémité à laquelle la force des malheureuses circonstances où je me trouve pourrait me réduire, Votre Majesté me conservera cette précieuse amitié, et que dans aucun cas la Russie ne sera l'ennemi de la Prusse, si elle se voyait dans la nécessité d'assimiler ses intérêts avec ceux de l'Autriche. Je vous supplie, Sire, de garder tout ceci pour vous seul. Je profite du passage d'un feld-jaeger qui revient de Cobourg, pour le charger de cette lettre.

Mes sentiments pour vous, Sire, resteront invariables, permettez moi de Vous en réitérer ici l'assurance et daignez croire au tendre et inaltérable attachement avec lequel je suis pour la vie

Sire, de V. M. I.
le bon frère, ami et allié
Frédéric Guillaume.

Mai 1809.

J'avais préparé déjà ma lettre pour Votre Majesté en réponse à celle du 24 Mars, lorsque je reçois ce matin celle du 30 Avril. Je vais donc la refondre dans celle-ci pour ne vous présenter, Sire, qu'un ensemble plus conforme aux circonstances si majeures du moment. Je vais lui parler comme toujours avec toute la franchise qu'elle me connaît et que ma tendre amitié pour elle errige en devoir dans un moment aussi critique.

J'ai frémi, Sire, à sa lecture et je ne crains pas de l'avouer, car il s'agit ici des dangers les plus certains pour votre monarchie. Je prévois les conséquences les plus sinistres à la suite de parti que Votre Majesté croit pouvoir se trouver dans le cas de prendre. J'avais reçu la précédente lettre de Votre Majesté dans un moment où tous mes efforts étaient tournés pour retenir l'Autriche d'embrasser un parti qui comme je l'avais prévu l'a mis au bord de l'abime. Tous mes soins, toutes mes offres n'ont servi

à rien, et l'Autriche stimulée par l'Angleterre s'est précipitée dans un parti désastreux. Les propositions que Votre Majesté me faisait n'étaient donc plus applicables et j'ai voulu alors attendre le commencement des hostilités pour vous parler, Sire, en détail sur ma manière d'envisager les choses. Ce commencement des hostilités a été suivi immédiatement de résultats que trop malheureux pour l'Autriche. Votre lettre du 30 Avril m'est venue au moment où j'achevai de vous tracer tout le tableau de calamités que je n'avais que trop prévues.

C'est dans le moment où l'Autriche se trouve ébranlée jusque dans ses fondements que Votre Majesté veut s'assimiler à ses calamités! J'ose le demander à vous même, Sire, le secours de Votre Majesté viendra-t-il à temps et suffira-t-il pour sauver la monarchie autrichiene? Pour moi, Sire, j'ai la conviction que non, et que vous en attendant, vous décidez votre propre perte; vous m'ôtez même tout moyen de l'empêcher. Je puis prendre à témoin l'Être Suprême, que nul intérêt que celui de votre conservation dicte ce que je vous trace ici. Au contraire tout ce qui pourrait augmenter les embarras de l'Empereur Napoléon, tout ce qui userait davantage ses forces, sans compromettre la Russie, doit paraître aux yeux du vulgaire dans ses intérêts. Ainsi la jonction de la Prusse au système de l'Autriche servirait certainement à ce but. Mais, Sire, je ne suis pas égoiste pour envisager les choses ainsi, et mon tendre attachement pour vous ne peut pas s'y résigner, car d'après ma manière de voir, la France n'en triompherait pas moins et la Prusse se trouverait perdue ensemble avec l'Autriche. Votre Majesté elle-même ne doute pas de la perte de cette dernière puissance, si comme elle le dit, je ne me décide à la protéger et à la soutenir.

Mais outre l'obligation indispensable à la Russie de remplir ses engagements envers la France, sa réunion avec l'Autriche la sauverait tout aussi peu. Que Votre Majesté se rappelle un exemple bien récent, quand après les malheurs arrivés à ses armées je suis venu avec toutes mes forces joindre ce qui restait des vôtres. Quel résultat avons-nous produit? et le talent toujours supérieur de Napoléon n'a-t-il pas su triompher de nos efforts réunis? C'est cette supériorité de talents, c'est le manque absolu de bons généraux à opposer, qu'on évalue trop peu, et de là tous ces malheurs que nous voyons se répéter encore dans ce moment pour l'Autriche. Mes obligations envers mon pays, Sire, sont sacrés. Je ne puis le vouer à un malheur certain, ainsi je suis fermement décidé à suivre le système que j'ai adopté, rien ne m'en ébranlera. L'effervescence des esprits est un guide pernicieux à suivre. C'est elle qui a amené les calamités de l'Autriche et permettez à un véritable ami, à quelqu'un qui vous chérit du fond de son âme de vous conjurer de mesurer dans votre sagesse toute la profondeur de l'abime qui se présente sous vos pas. Je le répète, Sire, je vois la perte de la Prusse attachée au parti dont Votre Majesté me parle, la Russie sera bien loin d'y contribuer, mais cette perte ne s'en achèvera pas moins.

C'est là, Sire, ce que mon dévouement pour vous m'a forcé à vous tracer. Votre Majesté seule est le maître et le juge de ses actions et elle prendra la résolution que ses intérêts lui dicteront. Aucune circonstance au monde n'est capable d'altérer les sentiments d'attachement et d'amitié que je lui ai voués et qui dureront autant que ma vie[1]).

---

[1]) Копія съ собственноручнаго черноваго отпуска.

не былъ однакоже подавляемъ ими до такой степени, какъ нынѣ. Неужели дороговизнѣ сахару и кофе можно въ самомъ дѣлѣ приписать начало сихъ неудовольствій? Уменьшилась ли отъ нихъ роскошь? Обѣднѣлъ ли въ самомъ дѣлѣ народъ? Гдѣ тѣ жестокія несчастія, кои его въ самомъ дѣлѣ постигли? Всѣ вещи остались въ прежнемъ почти положеніи, а между тѣмъ духъ народный страждетъ въ безпокойствѣ. Какъ можно изъяснить сіе безпокойство иначе, какъ совершеннымъ измѣненіемъ мыслей, глухимъ, но сильнымъ желаніемъ другого вещей порядка».

«Таковы суть» — заключалъ авторъ — «главные признаки, по коимъ можно опредѣлить мѣсто, которое Россія нынѣ занимаетъ на лѣстницѣ гражданскаго образованія. По симъ признакамъ можно, кажется, съ достовѣрностію заключить, что настоящая система правленія несвойственна уже болѣе состоянію общественнаго духа, и что настало время ее перемѣнить и основать новую. Всѣ исправленія частныя, всѣ, такъ сказать, пристройки къ настоящей были бы не прочны; пусть составятъ какое угодно министерство, распорядятъ иначе части, усилятъ и просвѣтятъ полицейскія и финансовыя установленія, пусть издадутъ даже гражданскіе законы; всѣ сіи введенія, бывъ основаны единственно на личныхъ качествахъ исполнителей, ни силы, ни твердости имѣть не могутъ».

Послѣ этого Сперанскій приступалъ къ главному вопросу, къ главной задачѣ: о разумѣ мѣръ, возможныхъ и удобнѣйшихъ къ тому, чтобы правленіе, дотолѣ самодержавное, постановить и учредить на непремѣняемомъ законѣ.

Въ этомъ отношеніи ему представлялись двѣ комбинаціи, два различныя устройства.

Одно — облечь правленіе самодержавное всѣми, такъ сказать, внѣшними формами закона, оставивъ однако въ существѣ его ту же силу и то же пространство самодержавія (какъ было тогда во Франціи Наполеоновской).

Другое — не внѣшними только формами покрыть самодержавіе, но ограничить его внутреннею и существенною силою установленій и учредить державную власть на законѣ не словами, но самымъ дѣломъ.

«Но» — говорилъ онъ не таясь и со всею искренностію — «сравнивая сіи двѣ системы между собою, нѣтъ сомнѣнія, что первая имѣетъ только видъ закона, а другая самое существо его; первая, подъ предлогомъ единства державной власти, вводитъ совершенное самовластіе, а другая ищетъ въ самомъ дѣлѣ ограничить его и умѣрить. Первая издалека готовитъ сама себѣ превращенія, а другая, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, можетъ утвердиться и долгое время безъ важныхъ перемѣнъ постепенно слѣдовать за гражданскимъ усовершеніемъ; первая можетъ быть оправдана въ народѣ своевольномъ, непостоянномъ, преклонномъ ко всѣмъ новымъ умствованіямъ, и особливо тогда, когда народъ сей выходитъ изъ анархіи съ превратными привычками; но вторая одна можетъ быть свойственна народу, который имѣетъ болѣе добраго смысла, нежели пытливости, болѣе простого и твердаго разума, нежели воображенія, коего характеръ трудно обольстить, но легко убѣдить простою истиною; словомъ, она можетъ быть свойственна такому народу, коего нѣтъ нужды прельщать и обманывать, по добронравію его и нѣкоторой лѣности, присущимъ всѣмъ народамъ сѣверной природы».

Остановясь, вслѣдствіе этого, безъ всякаго колебанія на второй системѣ и опредѣливъ такимъ образомъ общій разумъ коренныхъ законовъ, свойственныхъ положенію Россіи, Сперанскій переходитъ къ разсмотрѣнію разныхъ частей, долженн-

ствующихъ составить конституцію или, какъ онъ ее называлъ, Государственное уложеніе.

По сличеніи установленій иностранныхъ государствъ, въ особенности Франціи и Англіи, онъ приходитъ, со свойственнымъ ему искусствомъ, къ выводамъ и заключеніямъ, на которыхъ, по его мнѣнію, надлежало основать русскую, отличную отъ всѣхъ другихъ, конституцію.

Здѣсь уже невозможно слѣдовать за нимъ, входя во всѣ подробности его плана, а потому приходится ограничиться однимъ важнѣйшимъ, существеннымъ, т. е. окончательными выводами, стараясь однакоже и тутъ, по возможности, говорить собственными словами краснорѣчиваго автора.

Дальнѣйшія разсужденія его касались:

I) Державной власти, въ дѣйствіи ея въ порядкѣ законодательномъ, исполнительномъ и судномъ.

II) Предметовъ законодательнаго сословія.

III) Правъ подданныхъ, гражданскихъ и политическихъ, и раздѣленія состояній съ ихъ особенными правами.

IV. Законовъ органическихъ, которые обнимаютъ:

1) Раздѣленіе Имперіи и дѣйствія сего раздѣленія въ трехъ означенныхъ порядкахъ

и 2) Учрежденіе Государственнаго Совѣта, какъ высшаго государственнаго сословія, въ коемъ всѣ прочія, Законодательное Собраніе, Сенатъ, Министерства, соединяются.

I. О державной власти.

1) Дѣйствіе державной власти въ порядкѣ законодательномъ.

Порядокъ законодательный слагается изъ трехъ началъ: изъ предположенія закона, уваженія его и утвержденія. Предположеніе и утвержденіе закона должно принадлежать всегда и исключительно державной власти: послѣднее потому, что такъ есть во всѣхъ государствахъ, первое потому, что пространство Имперіи, разнообразіе населенія и степень нашего просвѣщенія требуютъ, чтобы правительство имѣло всю возможную силу дѣйствовать во благо, и сила сія въ одномъ только злоупотребленіи ея должна быть умѣряема. Если источникъ закона поставить въ нѣкоторыхъ случаяхъ внѣ предѣловъ державной власти, тогда можетъ произойти безмѣрное въ видахъ разнообразіе, а не связность; тогда часто въ законодательномъ собраніи будетъ теряться время въ предположеніяхъ невмѣстныхъ или неблаговременныхъ; тогда для самаго порядка сихъ предложеній должно будетъ учредить въ законодательномъ сословіи множество формъ и обрядовъ, коихъ охраненіе можетъ, особенно у насъ, произвесть великую важность и затрудненіе; тогда правительство можетъ быть поставлено въ непріятное положеніе отвергать или не давать своего утвержденія на такіе предметы, кои будутъ законодательнымъ сословіемъ приняты. Формула, которою въ англійской конституціи искали избѣжать сей несообразности, введеніемъ отказа, сокрытаго подъ предлогомъ le Roi s'avisera, — эта формула представляетъ уклоненіе, несовмѣстное ни съ достоинствомъ, ни съ правотою державной власти. Два только должно допустить изъятія въ правилѣ, что законъ пред-

лагается исключительно сею властію: 1) когда какою-либо мѣрою правительства явное сдѣлано будетъ нарушеніе коренному государственному закону, какъ-то личной или политической свободы; 2) когда правительство въ установленное время не представитъ узаконенныхъ отчетовъ. Въ сихъ только двухъ случаяхъ законодательное сословіе можетъ собственнымъ своимъ движеніемъ, предваривъ однакоже правительство, предложить дѣло на уваженіе и, возбудивъ слѣдствіе противъ того министра, который подписалъ мѣру, просить вмѣстѣ съ тѣмъ ея отмѣны.

Уваженіе закона принадлежитъ законодательному сословію, но какъ министры отвѣтствуютъ въ пріемлемыхъ ими мѣрахъ, то они и не могутъ быть лишены права лично объяснять и поддерживать предложенія правительства.

2) Дѣйствіе державной власти въ порядкѣ исполнительномъ.

Какъ дѣйствіе части исполнительной по всей необходимости требуетъ единства, то нѣтъ сомнѣнія, что вся она должна принадлежать власти державной. Но какъ образъ исполненія можетъ столько отступить отъ разума закона, что часть сія можетъ сознать самый законъ игралищемъ прихоти и произвола, то необходимо установленіе отвѣтственности, существо коей состоитъ въ слѣдующихъ предположеніяхъ:

1) Предполагается, что власть державная, предлагающая и утверждающая законъ, никогда не можетъ дѣйствовать сама собою противъ его разума.

2) Предполагается также, что Государственный Совѣтъ, яко сословіе, содѣйствовавшее предложенію и утвержденію закона, не можетъ поступить противъ его разума, а посему

3) Всякая мѣра, пріемлемая въ нарушеніе закона, вмѣняется не державной власти и не совѣту ея, а подчиненнымъ ей исполнителямъ или министрамъ, кои посему лично, каждый по своей части, подвергаются за нихъ отвѣту, и сіе обязательство пріемлютъ они на себя самимъ подписаніемъ актовъ. Отсюда происходитъ:

4) что подписаніе актовъ всегда предполагается совершенно свободнымъ.

Внѣшнія формы сей отвѣтственности должны быть самыя простыя и такія, чтобы державная власть, дѣйствуя въ исполненіи закона, всегда освѣщаема была мнѣніемъ народнымъ. Для сего надлежитъ дать членамъ законодательнаго сословія право предъявлять обвиненія противъ министровъ; когда предъявленіе ихъ признано за благо большинствомъ голосовъ, тогда они приступаютъ къ предметамъ самаго обвиненія, а когда обвиненіе большинствомъ голосовъ признано будетъ основательнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ утвердится державною властію, тогда наряжается судъ или слѣдствіе.

3) Дѣйствіе державной власти въ порядкѣ судномъ.

Порядокъ судный составляется изъ двухъ частей: первую изъ нихъ, относящуюся къ существу дѣла, державная власть ввѣряетъ свободному выбору подданныхъ и, слагая вслѣдствіе того съ себя отвѣтственность сей части, передаетъ ее, такъ сказать, тому же началу, отъ коего истекаетъ и власть законодательная, т. е. народу. Вторая часть — надзоръ и охраненіе формъ судебныхъ - остается, и съ отвѣтственностію, къ тому принадлежащею, исключительно въ порядкѣ исполнительномъ, и такимъ образомъ дѣйствіе державной власти въ судѣ ограничивается однимъ установленіемъ власти надзирающей и охраняющей судные обряды.

II. О предметахъ законодательнаго сословія.

Всѣ постановленія, коими государство управляется, составляютъ неразрывную связь послѣдствій, изъ одного начала истекающихъ. Начало сіе есть весьма просто: не дѣлай другому того, чего не желаешь себѣ. Но не всѣ сіи послѣдствія равно существенны для политической и гражданской свободы. Въ разумѣ сей свободы они могутъ быть раздѣлены на два класса:

1) тѣ постановленія, коими вводится какая-либо перемѣна въ отношеніяхъ силъ государственныхъ или въ отношеніяхъ частныхъ людей между собою,

2) тѣ, кои, не вводя никакой существенной перемѣны, учреждаютъ только образъ исполненія первыхъ.

Первымъ принадлежитъ въ точномъ смыслѣ именованіе закона, вторымъ— уставовъ и учрежденій. Первыя должны составлять предметъ законодательнаго сословія, вторыя относиться къ дѣйствію власти исполнительной. Но чтобы, опредѣляя образъ исполненія закона, уставы и учрежденія не могли его обезсилить, то они должны быть поставлены подъ отвѣтственность законодательнаго сословія.

Отсюда три главныя начала:

1) Никакой законъ не можетъ имѣть силы, если не будетъ составленъ въ законодательномъ сословіи.

2) Учрежденія и уставы состоятъ во власти правительства, но съ отвѣтственностію его въ томъ, что не нарушаютъ они закона.

3) Отвѣтственность сію можетъ начальство сложить, внося уставы и учрежденія въ законодательное сословіе.

По сему понятію сила и именованіе закона присвояется:

1) Уложенію государственному и принадлежащимъ къ нему законамъ органическимъ.

2) Уложеніямъ гражданскому, уголовному, коммерческому и сельскому.

3) Всѣмъ общимъ дополненіямъ и изъясненіямъ входящихъ въ сіи уложенія предметовъ.

4) Уставу судебному и всѣмъ уставамъ, опредѣляющимъ положеніе какой-либо части въ связи ея съ другими.

5) Общимъ судебнымъ и правительственнымъ учрежденіямъ, какъ-то учрежденію новыхъ судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ.

6) Всѣмъ постановленіямъ о налогахъ и общихъ народныхъ повинностяхъ, какъ временныхъ, такъ и всегдашнихъ.

7) Продажѣ и залогу государственныхъ имуществъ исключительнымъ на нихъ привилегіямъ.

8) Вознагражденію частныхъ людей за имущества для общей пользы необходимыя.

Все прочее остается на отвѣтственности правительства и въ его распоряженіи.

III. О правахъ подданныхъ.

Русскій народъ подраздѣляется Сперанскимъ на три класса:

Первый—дворянство, представляетъ остатокъ тѣхъ древнихъ феодальныхъ установленій, въ коихъ державная власть, т. е. соединеніе правъ политическихъ и гражданскихъ, раздѣлялась между извѣстными родами. Впослѣдствіи политическія права были отторгнуты отъ нихъ, но гражданскія (важнѣйшее—обладаніе крѣпостными людьми) остались неприкосновенны, и роды сіи наслѣдственно дѣлятъ ихъ съ державною властью.

Второй—купечество, мѣщанство и прочіе вольные люди.

Третій классъ, крѣпостные люди, вначалѣ имѣлъ нѣкоторую степень гражданскихъ правъ. Люди сіи могли имѣть собственность и право перехода съ однѣхъ земель на другія. Но впослѣдствіи, по мѣрѣ того какъ отъ удѣльныхъ владѣльцевъ права политическія переходили и присоединялись къ власти державной, права гражданскія послѣдняго класса, какъ бы въ вознагражденіе первыхъ, переходили къ ихъ помѣщикамъ, а наконецъ разными обстоятельствами, особенно же системою составленія нашихъ военныхъ силъ, бывъ укрѣплены къ землѣ, потеряли какъ личную, такъ и вещественную свободу.

Послѣ сего, переходя къ вопросу, слѣдуетъ ли и впредь допускать въ Россіи раздѣленіе состояній, и въ чемъ оно должно заключаться, авторъ разсматриваетъ его въ двухъ отношеніяхъ: въ гражданскомъ и политическомъ.

1) О гражданскихъ правахъ.

Права гражданскія, т. е. безопасность лица и имущества, суть первое достояніе всякаго человѣка, входящаго въ общество. Противно природѣ человѣка предполагать, чтобъ кто-либо согласился жить въ такомъ обществѣ, гдѣ ни жизнь, ни имущество его ничѣмъ не обезпечены. Рабы, конечно, всегда и вездѣ существовали, въ самыхъ даже республикахъ, но изъ сего не должно заключать, чтобы рабство гражданское было необходимо. Есть государства обширныя и многонаселенныя, въ коихъ рабство сего рода мало-по-малу уничтожилось. Нѣтъ основанія предполагать, чтобы въ Россіи не могло оно уничтожиться, если приняты будутъ къ тому дѣйствительныя мѣры; но чтобы были дѣйствительными, онѣ должны быть постепенныя.

Гражданская свобода есть или личная или вещественная.

Въ свободѣ личной одно изъ коренныхъ условій есть, что никто не обязанъ отправлять личную службу иначе, какъ по закону, а не по произволу другого.

Въ свободѣ вещественной—основаніе есть собственность. Законъ далѣе также долженъ имѣть свои степени. Право собственности ненаселенной должно принадлежать всѣмъ безъ различія, но собственность населенная предполагаетъ такія отношенія, къ коимъ не всѣ могутъ быть способны.—Странно бы было допустить, чтобъ деревня могла быть покупаема крестьяниномъ и имъ управляема по закону, тогда какъ власть его, воспитаніемъ не предуготовленная, ни познанія закона, ни моральнаго къ себѣ уваженія пріобрѣсть не можетъ. Отсюда необходимость права гражданскія, какъ личныя, такъ и вещественныя, раздѣлить на два рода: одни общія

всѣмъ подданнымъ русскимъ, другія особенныя нѣкоторымъ состояніямъ. Отсюда и необходимость въ различіи состояній.

Права гражданскія общія суть:

1) Никто безъ суда наказанъ быть не можетъ.

2) Никто не обязанъ отправлять личную службу по произволу другого, но по закону, опредѣляющему родъ службы по состояніямъ [1]).

3) Всякій можетъ пріобрѣтать собственность движимую и недвижимую и располагать ею по закону, но пріобрѣтеніе собственности недвижимой населенной принадлежитъ извѣстнымъ только состояніямъ.

4) Никто не обязанъ исправлять вещественныхъ повинностей по произволу другого, но по закону или по добровольнымъ условіямъ.

Права гражданскія, особенно нѣкоторымъ состояніямъ присвояемыя, суть:

1) Быть изъятымъ отъ общей очередной службы, но не бывши однакоже освобожденнымъ отъ особенной службы, которая на извѣстныя состоянія положена закономъ.

2) Имѣть права пріобрѣтать недвижимую собственность населенную, но управлять ею не иначе какъ по закону.

г) О правахъ политическихъ.

Права политическія состоятъ въ участіи въ силахъ государственныхъ, законодательной, судной и исполнительной. Участіе это заключается въ правѣ избранія и въ правѣ представленія.

Если вмѣстѣ съ людьми, имѣющими собственность, допустить къ участію въ выборахъ и тѣхъ, у кого ея нѣтъ, тогда голосъ и сужденіе сихъ послѣднихъ по числу ихъ, безъ сомнѣнія, возьмутъ перевѣсъ, и слѣдовательно избирательныя силы народа перейдутъ въ руки тѣхъ самыхъ, кои наименѣе въ добротѣ сихъ выборовъ имѣютъ интереса и наименѣе также способовъ къ правильному ихъ усмотрѣнію. Потому и у насъ непремѣнно должно слѣдовать общему во всѣхъ государствахъ принятому правилу, именно, что въ производствѣ выборовъ можетъ участвовать только тотъ, кто имѣетъ недвижимую собственность или капиталы.—Право сіе не должно однако быть распространяемо на тѣ положенія въ обществѣ, кои по образу жизни и воспитанію не дозволяютъ предполагать довольно разума, чтобы людей, въ сихъ положеніяхъ находящихся, допустить къ составленію закона, хотя бы они и имѣли собственность, въ капиталахъ состоящую. Но если собственность должно было принять основаніемъ въ правѣ выборовъ, то, въ тѣхъ же уваженіяхъ, она еще болѣе должна была быть избираема для права представленія. По сей причинѣ для такого права во всѣхъ государствахъ полагается извѣстный доходъ, и доходъ сей долженъ быть выше, нежели окладъ для выборовъ.

[1]) Первое право сихъ положеній, прибавляетъ авторъ, даетъ и крѣпостнымъ людямъ право суда и, отъемля его отъ помѣщиковъ, ставитъ ихъ наравнѣ со всѣми предъ закономъ. Второе отъемлетъ право отдавать въ службу безъ очереди. На сихъ двухъ основаніяхъ утверждается личная служба.

3) Раздѣленіе состояній, составъ ихъ, права по состояніямъ и образъ переходовъ.

Изъ выше изложенной необходимости различія правъ гражданскихъ и политическихъ истекаетъ сама собою необходимость раздѣленія самыхъ состояній на:

1) дворянство,

2) людей средняго состоянія и

3) народъ рабочій,

и необходимость также означить въ точности права каждаго изъ состояній, составъ его и переходъ изъ одного въ другое.

Все сіе выражено въ слѣдующихъ статьяхъ:

1) Дворянство пользуется всѣми гражданскими правами, подданнымъ русскимъ вообще принадлежащими.

2) Сверхъ сихъ общихъ правъ, дворянство имѣетъ то особенное, что оно свободно отъ личной службы очередной, но обязано непремѣнно отправлять оную въ гражданскомъ или воинскомъ званіи, не менѣе 10-ти лѣтъ, по своему выбору, но безъ перехода, исключая случаевъ, особеннымъ закономъ опредѣляемыхъ.

3) Дворянство имѣетъ особенное право пріобрѣтать недвижимыя имѣнія населенныя, управляя ими по закону.

4) Дворянство имѣетъ политическія права въ выборѣ и представленіи, но не иначе какъ на основаніи собственности.

5) Всѣ свободные промыслы, дозволенные законами, отверзты дворянству. Оно можетъ вступать въ купечество и другія званія, не теряя своего состоянія.

6) Дворянство раздѣляется на личное и потомственное. Личное не простирается далѣе одного лица.

7) Дѣти дворянина потомственнаго, до совершеннолѣтія положенныхъ лѣтъ службы, суть дворяне личные. Окончивъ службу, они пріобрѣтаютъ дворянство потомственное по праву.

8) Дворянство личное безъ рода пріобрѣтается службою.

9) Дѣти личныхъ дворянъ суть люди средняго состоянія.

10) Но личное дворянство не превращается въ потомственное однимъ сослуженіемъ службы, къ сему потребны особенныя заслуги, по уваженію коихъ, императорскою властью, въ теченіе службы или по окончаніи ея, даруется потомственное дворянство и удовлетворяется особеннымъ дипломомъ.

11) Титла дворянскія личныя производятъ дворянство личное, а потомственныя даютъ дворянство потомственное.

12) Но сохраненіе сихъ титловъ зависитъ также отъ продолженія службы, какъ и сохраненіе правъ дворянскихъ.

13) Дворянство потомственное пресѣкается и превращается въ личное уклоненіемъ отъ службы.

14) Вообще дворянство теряется:

а) судомъ и публичнымъ наказаніемъ,

б) вступленіемъ въ классъ людей рабочихъ.

15) Среднее состоянiе имѣетъ права общiя гражданскiя, но не имѣетъ особенныхъ.

16) Личная служба людей средняго состоянiя опредѣляется по ихъ званiямъ и промысламъ особеннымъ закономъ.

17) Люди средняго состоянiя имѣютъ политическiя права по ихъ собственности.

18) Всѣ свободные промыслы имъ отверзты, и изъ одного въ другой переходятъ они свободно, исполнивъ возложенныя на нихъ повинности.

19) Они достигаютъ личнаго дворянства службою, когда вступаютъ въ оную по своему выбору, но не прежде, какъ исполнивъ службу, законами по прежнему званiю на нихъ возложенную.

20) Среднее состоянiе составляется изъ купцовъ, мѣщанъ, однодворцевъ и всѣхъ поселянъ, имѣющихъ недвижимую собственность въ извѣстномъ количествѣ.

21) Народъ рабочiй имѣетъ общiя права гражданскiя, но не имѣетъ правъ политическихъ.

22) Переходъ изъ сего класса въ слѣдующiй всѣмъ отверзтъ, кто прiобрѣлъ недвижимую собственность въ извѣстномъ количествѣ и исполнилъ повинности, коимъ обязанъ былъ по прежнему состоянiю.

23) Къ классу рабочаго народа причисляются всѣ помѣстные крестьяне, мастеровые, ихъ работники и домашнiе слуги.

IV. О законахъ органическихъ.

Установленiя, коими дѣйствуютъ силы государственныя,—Законодательное Собранiе, Сенатъ и Министерства. Къ нимъ присоединяется четвертое, въ которомъ всѣ они сосредоточиваются, и чрезъ которое державная власть на нихъ дѣйствуетъ и прiемлетъ ихъ дѣйствiе — Государственный Совѣтъ. Установленiя сiи составляютъ четыре государственныя сословiя. Каждое изъ нихъ, соединяясь въ державной власти, должно простираться на всю Имперiю и, раздѣляясь постепенно въ своихъ вѣтвяхъ, нисходить къ самымъ послѣднимъ селенiямъ. Слѣдовательно, прежде нежели можно опредѣлить порядокъ сихъ установленiй въ высшихъ ихъ отношенiяхъ, нужно разсмотрѣть и назначить тѣ степени, чрезъ кои они проходить должны, а сiе ведетъ къ раздѣленiю имперiи въ порядкѣ законодательномъ, въ судномъ и въ порядкѣ управленiя.

Вопросъ, должно ли оставить прежнее раздѣленiе Имперiи, приспособивъ къ нему степени порядка законодательнаго, разрѣшается слѣдующими соображенiями:

1) Въ раздѣленiи губернiй на уѣзды доселѣ большею частiю принимаемо было въ счетъ одно разстоянiе, при весьма различномъ населенiи. Въ иныхъ уѣздахъ очень мало или совсѣмъ почти нѣтъ людей, коимъ должно бы принадлежать участiе въ законодательномъ порядкѣ.

2) Даже въ существующемъ нынѣ порядкѣ судномъ и исполнительномъ сiе раздѣленiе производитъ разныя затрудненiя, ибо есть уѣзды, гдѣ дворянство такъ слабо, что некому ни выбирать, ни быть избираемымъ.

3) Нѣтъ почти возможности раздробить управленiе губернское на 12 частей, для каждой изъ нихъ прiискать столько исправныхъ и надежныхъ чиновниковъ, сколько

судъ и добрая полиція ихъ требуетъ, и объять всѣ сіи части однимъ надзоромъ губернатора и прокурора.

Потому, чтобъ поставить раздѣленіе Имперіи въ бо́льшую сообразность съ расположеніемъ государственныхъ силъ, представляется слѣдующій планъ, объемлющій вмѣстѣ и дѣйствіе сего раздѣленія въ порядкѣ законодательномъ, судномъ и исполнительномъ.

1) Раздѣленіе Имперіи.

1) Имперія дѣлится на области и на губерніи.

2) Именованіе областей присвояется тѣмъ частямъ Имперіи, кои по пространству и населенію своему не могутъ войти въ общій распорядокъ управленія.

Сіи области суть: 1) Сибирь по хребетъ Уральскихъ горъ, 2) край Кавказскій и Астраханскій съ Грузіею, 3) край Оренбургскій, 4) земли Донскихъ казаковъ, 5) край Новороссійскій.

3) Области имѣютъ особенное устройство съ примѣненіемъ къ нимъ общихъ государственныхъ законовъ по мѣстному ихъ положенію.

4) Губернія составляетъ населеніе отъ 100,000 до 300,000 душъ.

5) Губернія раздѣляется на округи. Въ каждой губерніи полагается самое меньшее число два и самое большое пять округовъ.

6) Округъ имѣетъ нѣсколько волостей и волостныхъ городовъ, къ коимъ они приписаны. Гдѣ нѣтъ удобныхъ для такой приписки городовъ, тамъ назначаются для сего селенія.

7) Большія волости могутъ быть раздѣлены.

2) Дѣйствіе раздѣленія въ порядкѣ законодательномъ.

1) Порядокъ законодательный имѣетъ четыре степени: волостную, окружную, губернскую и государственную.

2) Въ каждомъ волостномъ городѣ каждые три года изъ всѣхъ владѣльцевъ недвижимой собственности составляется собраніе, подъ названіемъ Волостной Думы. Казенныя селенія отъ каждаго пятисотеннаго участка посылаютъ въ Думу одного старшину.

3) Предметы Волостной Думы суть: выборъ членовъ волостного правленія; отчетъ въ сборахъ и употребленіе суммъ, ввѣренныхъ сему правленію; выборъ депутатовъ въ Думу Окружную, число коихъ не можетъ превышать двухъ третей всего числа владѣльцевъ; составленіе списка 20-ти опытнѣйшихъ обывателей волости, хотя бы нѣкоторые изъ нихъ были и въ отсутствіи; представленіе Окружной Думѣ объ общественныхъ волостныхъ нуждахъ.

4) Окончивъ сіи предметы, Волостная Дума распускается, а мѣсто ея занимаетъ избранное ею правленіе.

5) Изъ депутатовъ Волостныхъ Думъ каждые три года въ окружномъ городѣ составляется собраніе подъ именемъ Думы Окружной.

6) Предметы Окружной Думы: выборъ членовъ Окружнаго Совѣта и Окружнаго Суда; выборъ депутатовъ въ губернскую думу, число коихъ не можетъ превышать

двухъ третей Окружной Думы; составленіе изъ списковъ, представленныхъ отъ Волостныхъ Думъ, списка 20-ти отличнѣйшихъ обывателей округа, безъ исключенія отсутствующихъ; отчетъ прежняго начальства въ общественныхъ суммахъ; представленіе Губернской Думѣ объ общественныхъ нуждахъ, основанное на разсмотрѣніи представленій Думъ Волостныхъ.

7) Для разсмотрѣнія отчетовъ и представленій о нуждахъ, Дума составляетъ изъ членовъ своихъ особенныя коммиссіи.

8) Окончивъ сіи предметы, Окружная Дума распускается.

9) Изъ депутатовъ Окружныхъ Думъ каждые три года въ губернскомъ городѣ составляется собраніе подъ именемъ **Губернской Думы**.

10) Предметы Губернской Думы: выборъ членовъ Губернскаго Совѣта и Губернскаго Суда; выборъ членовъ въ Государственную Думу изъ обоихъ, имѣющихъ политическія права, состояній, въ назначенномъ для каждой губерніи законномъ числѣ; составленіе по спискамъ окружнымъ 20-ти отличнѣйшихъ въ губерніи обывателей, не исключая отсутствующихъ; отчетъ губернскаго управленія въ общественныхъ суммахъ; представленіе объ общественныхъ нуждахъ, сообразно представленіямъ Думъ Окружныхъ.

11) Для разсмотрѣнія отчетовъ и представленія о нуждахъ, Дума составляетъ изъ членовъ своихъ особенныя коммиссіи.

12) Окончивъ сіи предметы, Губернская Дума препровождаетъ въ государственный Совѣтъ: на имя **канцлера юстиціи** — списки всѣхъ членовъ, избранныхъ въ правленія волостныя и въ суды окружные и губернскіе; на имя **канцлера Государственной Думы** — списки членовъ, избранныхъ въ совѣты окружные и губернскіе, а въ Государственную Думу — списки отличнѣйшихъ въ губерніи обывателей и представленіе о ея нуждахъ. Симъ заключается дѣйствіе Губернской Думы, и мѣсто ея занимаетъ Губернскій Совѣтъ.

13) Думы Волостныя, Окружныя и Губернскія сами избираютъ себѣ секретаря.

14) Въ Думахъ Волостной, Окружной и Губернской голоса всѣ равны, и отсутствующіе не могутъ передать ихъ другимъ.

15) Изъ депутатовъ, представленныхъ отъ Губернскихъ Думъ, составляется законодательное сословіе подъ именемъ **Государственной Думы**.

16) Государственная Дума есть мѣсто равное Сенату и министерству.

17) Государственная Дума избирается по коренному закону и безъ всякаго созыва ежегодно въ сентябрѣ. Срокъ дѣйствія ея опредѣляется количествомъ предлагаемыхъ ей дѣлъ.

18) Дѣйствіе Государственной Думы пресѣкается:

1) Отсрочкою ея до будущаго года.

2) Совершеннымъ увольненіемъ всѣхъ ея членовъ.

Отсрочка и увольненіе производятся актомъ державной власти въ Государственномъ Совѣтѣ, увольненіе съ означеніемъ въ томъ же актѣ новыхъ членовъ, назначенныхъ послѣднимъ выборомъ Губернскихъ Думъ.

19) Кромѣ общаго увольненія, члены Государственной Думы не могутъ оставить своего званія, развѣ смертію или по приговору верховнаго суда, или опредѣленіемъ въ Совѣтъ, Сенатъ или министерство. Въ сихъ послѣднихъ случаяхъ мѣста ихъ занимаются непосредственно однимъ изъ кандидатовъ, въ спискѣ послѣдняго выбора назначенныхъ.

20) Предсѣдатель Государственной Думы избирается изъ членовъ ея и утверждается державною властію. Онъ имѣетъ титулъ канцлера Государственной Думы. Въ помощь ему опредѣляется особенный чиновникъ, подъ именемъ секретаря Государственной Думы.

21) Въ первыхъ собраніяхъ своихъ Государственная Дума образуетъ слѣдующія законодательныя комиссіи.

1) Комиссію законовъ государственныхъ.
2) Комиссію законовъ гражданскихъ.
3) Комиссію уставовъ и учрежденій.
4) Комиссію министерскихъ отчетовъ или взысканія отвѣтственности.
5) Комиссію представленія о государственныхъ нуждахъ.
6) Комиссію финансовъ.

Каждая изъ сихъ комиссій имѣетъ своего предсѣдателя и секретаря по выбору Думы.

22) Дѣла Государственной Думѣ предлагаются отъ имени державной власти однимъ изъ министровъ или членовъ Государственнаго Совѣта. Исключаются изъ сего:

1) Представленія о государственныхъ нуждахъ.
2) Представленія объ уклоненіи отъ отвѣтственности.
3) Представленія о мѣрахъ, нарушающихъ коренные государственные законы.

Въ сихъ трехъ случаяхъ предложеніе можетъ быть внесено, съ наблюденіемъ надлежащихъ формъ, отъ самихъ членовъ Думы.

3) Дѣйствіе раздѣленія въ порядкѣ судномъ.

1) Въ порядкѣ судномъ учреждается также четыре степени суда: волостной, окружный, губернскій и верховный, подъ именемъ Сената.

2) Существо волостного суда состоитъ болѣе въ примирительномъ разбирательствѣ гражданскихъ дѣлъ чрезъ посредниковъ и во взысканіи за маловажные полицейскіе проступки.

3) Волостной судъ состоитъ изъ главнаго волостного судьи, его товарища и волостныхъ судей, по станамъ пребывающихъ.

4) Въ извѣстномъ родѣ дѣлъ и особливо преступленій, закономъ опредѣленныхъ, главный волостной судья не иначе можетъ положить рѣшеніе, какъ пригласивъ въ судъ двухъ депутатовъ изъ волостного совѣта, представляющихъ въ семъ случаѣ присяжныхъ. Оба, или по крайней мѣрѣ одинъ, избираются изъ того состоянія, къ которому принадлежитъ подсудимый.

5) Судъ окружный, въ порядкѣ окружнаго судопроизводства, представляетъ первоначальное судебное мѣсто.

6) Онъ дѣлится на два отдѣленія: гражданское и уголовное.

7) Каждое отдѣленіе имѣетъ предсѣдателя не въ видѣ судьи, а въ видѣ охранителя формъ и судебныхъ обрядовъ. Число членовъ опредѣляется соразмѣрно населенію округа.

8) Предсѣдатель выбирается изъ 20-ти отличнѣйшихъ обывателей округа и утверждается министромъ юстиціи.

9) Законъ опредѣляетъ случаи, въ коихъ предсѣдатель, особливо въ отдѣленіи уголовномъ, обязанъ требовать депутатовъ изъ окружнаго совѣта для составленія суда присяжнаго. Въ семъ случаѣ сохраняется равенство состояній подсудимаго и депутатовъ.

10) Судъ губернскій составляется на тѣхъ же началахъ, какъ и окружный. Предсѣдатели его по губернскому списку избираются министромъ юстиціи и опредѣляются съ утвержденія Государственнаго Совѣта.

11) Сенатъ есть верховное судилище для всей имперіи.

12) Сенатъ имѣетъ четыре департамента: два гражданскихъ и два уголовныхъ, по равному числу въ обѣихъ столицахъ.

13) Онъ составляется изъ опредѣленнаго числа членовъ. Мѣста ихъ, по смерти или увольненіи, замѣщаются утвержденіемъ державной власти изъ лицъ, избранныхъ въ губернскихъ думахъ и внесенныхъ въ государственный избирательный списокъ.— Канцлеръ юстиціи хранитъ и представляетъ сей списокъ.

14) Каждый департаментъ каждые три года избираетъ изъ членовъ своихъ трехъ кандидатовъ и, чрезъ канцлера юстиціи, представляетъ ихъ державной власти для утвержденія одного изъ нихъ президентомъ.

15) Должность президента есть охранять порядокъ разсужденій въ Сенатѣ и представлять, чрезъ канцлера юстиціи, тѣ случаи, кои Сенатъ найдетъ въ законѣ сомнительными или недостаточно опредѣленными.

16) Въ дѣлахъ затруднительныхъ Сенатъ можетъ, по предложенію президента, наименовать коммиссію изъ трехъ сенаторовъ для предварительнаго ихъ разсмотрѣнія и доклада Сенату.

17) Дѣйствіе каждаго департамента во всѣхъ дѣлахъ вообще слагается изъ двухъ частей: 1) производства дѣла и 2) сужденія.

18) Для производства дѣла при каждомъ департаментѣ находится извѣстное число рекетмейстеровъ, подъ предсѣдательствомъ оберъ-прокурора. Они опредѣляются высшею властію по представленію министра юстиціи.

19) Если при разсмотрѣніи дѣла рекетмейстерами, не касаясь существа его, усмотрѣно будетъ нарушеніе существенныхъ формъ въ губернскомъ судѣ, тогда дѣло, по общему ихъ приговору и утвержденію министра юстиціи, обращается для исправленія въ губернскій судъ, а поступокъ предсѣдателя, яко блюстителя формъ, допустившаго такое нарушеніе, предается уваженію Государственнаго Совѣта.

20) По изготовленіи рекетмейстерами дѣла къ слушанію, изложеніе его представляется въ крайній срокъ обѣимъ сторонамъ на разсужденіе.

21) Если стороны усмотрятъ существенное въ изложеніи упущеніе, онѣ приносятъ жалобу министру юстиціи, который, если признаетъ жалобу основательною, предлагаетъ сдѣлать дополненіе, а въ противномъ случаѣ даетъ дѣлу установленное движеніе.

22) Изложеніе дѣла предается тисненію и вносится оберъ-прокуроромъ въ Сенатъ съ означеніемъ дня его вступленія и изготовленія.

23) Сужденіе и рѣшеніе Сената производится по очереди, при открытыхъ дверяхъ, публично.

24) Если при разсмотрѣніи дѣла Сенатъ найдетъ упущенія въ его производствѣ или излишнюю медленность, то президентъ его чрезъ канцлера юстиціи вноситъ сіе

20) Предсѣдатель Государственной Думы избирается изъ членовъ ея и утверждается державною властію. Онъ имѣетъ титулъ канцлера Государственной Думы. Въ помощь ему опредѣляется особенный чиновникъ, подъ именемъ секретаря Государственной Думы.

21) Въ первыхъ собраніяхъ своихъ Государственная Дума образуетъ слѣдующія законодательныя комиссіи.

1) Комиссію законовъ государственныхъ.
2) Комиссію законовъ гражданскихъ.
3) Комиссію уставовъ и учрежденій.
4) Комиссію министерскихъ отчетовъ или взысканія отвѣтственности.
5) Комиссію представленія о государственныхъ нуждахъ.
6) Комиссію финансовъ.

Каждая изъ сихъ комиссій имѣетъ своего предсѣдателя и секретаря по выбору Думы.

22) Дѣла Государственной Думѣ предлагаются отъ имени державной власти однимъ изъ министровъ или членовъ Государственнаго Совѣта. Исключаются изъ сего:

1) Представленія о государственныхъ нуждахъ.
2) Представленія объ уклоненіи отъ отвѣтственности.
3) Представленія о мѣрахъ, нарушающихъ коренные государственные законы.

Въ сихъ трехъ случаяхъ предложеніе можетъ быть внесено, съ наблюденіемъ надлежащихъ формъ, отъ самихъ членовъ Думы.

3) Дѣйствіе раздѣленія въ порядкѣ судномъ.

1) Въ порядкѣ судномъ учреждается также четыре степени суда: волостной, окружный, губернскій и верховный, подъ именемъ Сената.

2) Существо волостного суда состоитъ болѣе въ примирительномъ разбирательствѣ гражданскихъ дѣлъ чрезъ посредниковъ и во взысканіи за маловажные полицейскіе проступки.

3) Волостной судъ состоитъ изъ главнаго волостного судьи, его товарища и волостныхъ судей, по станамъ пребывающихъ.

4) Въ извѣстномъ родѣ дѣлъ и особливо преступленій, закономъ опредѣленныхъ, главный волостной судья не иначе можетъ положить рѣшеніе, какъ пригласивъ въ судъ двухъ депутатовъ изъ волостного совѣта, представляющихъ въ семъ случаѣ присяжныхъ. Оба, или по крайней мѣрѣ одинъ, избираются изъ того состоянія, къ которому принадлежитъ подсудимый.

5) Судъ окружный, въ порядкѣ окружнаго судопроизводства, представляетъ первоначальное судебное мѣсто.

6) Онъ дѣлится на два отдѣленія: гражданское и уголовное.

7) Каждое отдѣленіе имѣетъ предсѣдателя не въ видѣ судьи, а въ видѣ охранителя формъ и судебныхъ обрядовъ. Число членовъ опредѣляется соразмѣрно населенію округа.

8) Предсѣдатель выбирается изъ 20-ти отличнѣйшихъ обывателей округа и утверждается министромъ юстиціи.

ственность, надлежало установить и государственное сословіе, предъ коимъ она должна быть изъявляема.

Предполагаемо было, что Сенатъ можетъ занять мѣсто сего сословія. Но бытіе политическое образуется также не словами, а внутреннимъ началомъ, изъ коего слагается его составъ. Никогда мѣсто, по существу своему исполнительное, и во всѣхъ отношеніяхъ зависящее отъ произволенія державной власти, не можетъ принять характера политическаго. Если бъ даже сами министры пожелали у насъ утвердить свою отвѣтственность, они не могли бы въ томъ успѣть: ибо гдѣ законъ самъ не стоитъ на твердомъ основаніи, тамъ и отвѣчать предъ нимъ нельзя. Отъ сего недостатка происходитъ, что всѣ дѣйствія министерскаго установленія приняли видъ произвола, и вмѣсто правильнаго суда подверглись тѣмъ страннымъ, такъ сказать, пересудамъ, гдѣ мнѣніе общественное, не находя свойственной ему точки соединенія, теряется въ пустыхъ догадкахъ и нареканіяхъ и, вмѣсто того, чтобъ служить оплотомъ достоинству правительства, само падаетъ въ злословіе; самимъ же министрамъ не остается другой защиты, какъ или отрекаться отъ принятыхъ ими мѣръ, слагая ихъ съ одного на другого, или съ горестію и въ молчаніи переносить тяжесть своего положенія. Въ томъ и другомъ случаѣ необходимо зарождается и усиливается въ правительствѣ духъ робости и уклоненіе отъ всѣхъ тѣхъ мѣръ, кои предполагаютъ силу и твердость, и, напротивъ, установляется привязанность и излишнее уваженіе къ тому роду дѣлъ текущихъ, который вошелъ, такъ сказать, въ навыкъ: ибо онъ одинъ служитъ мѣрою дѣйствія и огражденіемъ отъ общаго злословія.—Отсюда все искусство министерскаго поведенія состоитъ въ большой угодливости, въ нѣкоторомъ родѣ тактики, чтобы ничего на себя не принимать и казаться однакоже дѣйствующимъ.

Какъ скоро учредится законодательное сословіе съ правомъ требовать въ положенные сроки отчетовъ, то отвѣтственность министерская сама собою установится, и останется только опредѣлить подробныя ея формы.

Во-2-хъ, недостатокъ точности въ раздѣленіи дѣлъ между министерствами. Въ системѣ 1802 года при раздѣленіи семъ болѣе былъ уваженъ порядокъ предшествовавшій, нежели естественная связь и отношенія дѣлъ, безъ сомнѣнія, потому, что казалось несходственнымъ пуститься съ перваго шага въ большія уновленія и, строя новое зданіе, разрушить все прежнее до основанія. Но отсюда же произошелъ и недостатокъ истинной въ раздѣленіи дѣлъ соразмѣрности. Такимъ образомъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ къ народной промышленности отнесены полиція и часть финансовъ—соль; учреждено особое министерство коммерціи, когда часть сія, особенно у насъ, сама по себѣ не что другое есть, какъ вѣтвь общей народной промышленности, а таможенные доходы, точно такъ же какъ и другіе, принадлежатъ къ финансамъ; наконецъ оставлена безъ устройства одна изъ важнѣйшихъ частей—общая полиція.

По роду и связи исполнительныхъ дѣлъ и по числу главныхъ ихъ частей слѣдующій распорядокъ самъ собою представляется въ учрежденіи министерствъ.

Предметы.		Министерства.
I. Внѣшнія сношенія.		I. Иностранныхъ дѣлъ.
II. Сухопутныя силы.	охраненіе внѣш-	II. Военное.
III. Морскія силы.	ней безопасности	III. Морское.

на уваженіе Государственнаго Совѣта, по разсмотрѣнію коего чинится въ дѣлѣ надлежащее дополненіе, а съ виновныхъ въ медленности взысканіе.

25) Рѣшенія Сената предаются тисненію, прилагаются къ изложенію и вмѣстѣ съ нимъ составляютъ актъ, который скрѣпляется канцлеромъ юстиціи, утверждается государственною печатью и отдается для храненія въ Государственный Судный Архивъ, а экземпляры акта чрезъ министра юстиціи выдаются обѣимъ сторонамъ и посылаются въ надлежащія мѣста къ исполненію.

26) Въ рѣшеніи дѣлъ уголовныхъ общихъ пріемлются тѣ же основанія.

27) Но есть дѣла уголовныя особеннаго рода, какъ по важности своей, такъ и по качеству лицъ, преступившихъ. Таковыя суть: преступленія государственнаго бунта, измѣны или важнаго потрясенія государственной безопасности. Таковы суть преступленія членовъ Государственнаго Совѣта, Государственной Думы, сенаторовъ, министровъ, главныхъ директоровъ, управляющихъ частями, генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ. Для суда въ сихъ особенныхъ случаяхъ установляется въ самомъ Сенатѣ верховный уголовный судъ.

28) Судъ верховный открывается актомъ державной власти, изданнымъ въ Сенатѣ.

29) Онъ составляется изъ одной трети сенаторовъ обоихъ департаментовъ, изъ всѣхъ членовъ Государственнаго Совѣта, изъ всѣхъ министровъ и изъ извѣстнаго числа депутатовъ Государственной Думы.

30) Президентъ суда опредѣляется верховною властію изъ членовъ государственныхъ сословій.

31) Канцлеръ юстиціи занимаетъ въ верховномъ судѣ мѣсто министра юстиціи. Нѣсколько сенаторовъ избирается для производства дѣла, а министръ юстиціи занимаетъ мѣсто оберъ-прокурора.

32) Судъ совершается установленнымъ въ законахъ порядкомъ, и приговоръ его представляется на уваженіе и окончательное утвержденіе верховной власти.

4) Дѣйствіе раздѣленія въ порядкѣ исполнительномъ.

И сей порядокъ слагается также изъ четырехъ главныхъ раздѣленій: управленіе волостное, окружное, губернское и государственное или министерство.

Но какъ начало, на коемъ порядокъ исполнительный долженъ быть устроенъ, есть единство 'дѣйствія и отвѣтственность, и потому всѣ нижнія сего раздѣленія должны быть сколько можно болѣе сообразны высшему, то въ образованіи его частей прежде всего должно устроить часть высшую или министерство.

А. Министерство.

Устроеніемъ въ 1802 году министерствъ положено весьма важное начало устройству государственнаго управленія; но въ немъ были допущены и важныя несовершенства. Они означаются здѣсь вмѣстѣ съ средствами ихъ исправленія.

Во-1-хъ, недостатокъ отвѣтственности. Она не должна состоять только въ словахъ, но быть вмѣстѣ и существенною: слѣдовательно, установивъ такую отвѣт-

1) Полиція учрежденная, т. е. всѣ учрежденія, коими предупреждается нарушеніе безопасности: паспорты, надзоръ зрѣлищъ, публичныхъ собраній и проч., и мѣры, извѣстныя подъ именемъ высшей полиціи.

2) Полиція исполнительная, т. е. всѣ мѣры, коими пресѣкается нарушеніе безопасности, не отвращенное мѣрами предупредительными: устройство внутренней стражи, разныя учрежденія смирительныя, рабочія и темничныя, ссыльныя и пр.

Въ-3-хъ, недостатокъ учрежденій. Въ манифестѣ 1802 года означенъ только главными и общими чертами кругъ дѣйствій министерствъ. Впослѣдствіи установлены были оклады жалованья или штаты, переименованы канцеляріи въ департаменты, и на семъ же остановились. Ни внутри министерствъ, ни въ частяхъ, отъ нихъ зависящихъ, не сдѣлано никакого правильнаго образованія. Отсюда произошло, что дѣла, не бывъ раздѣлены на всѣ степени, всѣ попрежнему стекаются въ однѣ руки и естественно производятъ пустое многодѣліе и безпорядокъ. Время главнаго начальника безпрестанно пожирается тѣмъ, что долженъ бы былъ дѣлать одинъ изъ нижнихъ подчиненныхъ; развлеченное на множество текущихъ дѣлъ вниманіе не можетъ обозрѣть ихъ въ цѣлости и, вмѣсто того, чтобъ остановиться на главныхъ существенныхъ усмотрѣніяхъ, безпрестанно разсѣевается въ мелкомъ надзорѣ исполненія.

Два рода постановленій необходимы къ устройству всякой исполнительной части: уставъ и учрежденіе. Первый долженъ опредѣлить съ точностію главныя правила, на коихъ надлежитъ управлять части; послѣднее должно установить предметы вѣдомства, предѣлы власти, образъ дѣйствія и постепенность исполненія.

Первое и самое существенное занятіе каждаго министерства должно состоять въ дополненіи и усовершеніи уставовъ; но прежде нежели составлены будутъ уставы, министерство должно имѣть свое внутреннее учрежденіе или распорядокъ разныхъ его частей и постепенность ихъ управленія, которая заключаетъ въ себѣ одинъ изъ важнѣйшихъ способовъ сохранить единство въ обширномъ кругѣ дѣйствія.

Министерство, на сихъ основаніяхъ составленное, т. е. окруженное законною отвѣтственностію, соразмѣрное въ дѣлахъ своихъ естественною ихъ связью и снабженное уставами и учрежденіями, будетъ дѣйствовать съ силою и уваженіемъ и станетъ на той высотѣ, которую ему первое его установленіе предназначало, но коей оно не могло достигнуть.

В. Губернское управленіе.

Хотя въ губерніи находятся, въ меньшемъ размѣрѣ, тѣ же самые предметы внутренняго управленія, какъ и въ министерствѣ, и составъ губернскаго управленія, принадлежа къ тому же порядку исполнительному, долженъ быть основанъ на томъ же правилѣ единства и постепенности, однако въ настоящемъ положеніи вещей одна только полиція состоитъ прямо въ управленіи губернатора, а на прочія части онъ имѣетъ косвенное лишь вліяніе. Отсюда недостатокъ связи и непрерывныя почти преграждения одной части къ другой. Для отвращенія сего основаніемъ губернскаго управленія можно положить слѣдующія начала:

1) Губернское правленіе вездѣ соединить съ казенной палатой, подъ именемъ Губернскаго Правительства.

2) Губернское Правительство раздѣляется на три экспедиціи:

а) Полицейскую: сюда принадлежать будутъ всѣ дѣйствія полиціи учредительной и исполнительной, губернская и окружная стража, рекрутскій наборъ и проч.

б) Народной промышленности: межеваніе земель, фабрики, торговля, учебныя заведенія, почты.

в) Казенную: всѣ казенные сборы, соль, вино, управленіе казенными крестьянами, лѣсоводство, часть строительная.

3) Каждая экспедиція имѣетъ столько отдѣленій, сколько есть обширныхъ частей, въ нее входящихъ. Такъ, напримѣръ, казенная можетъ имѣть пять отдѣленій:

1) Казенные сборы.
2) Соль и вино.
3) Управленіе казенныхъ крестьянъ.
4) Лѣсоводство.
5) Часть строительная.

4) Каждая экспедиція имѣетъ управляющаго.

5) Каждая экспедиція управляется по своимъ уставамъ и учрежденіямъ.

6) Въ дѣлахъ важныхъ, коихъ родъ особенно опредѣлится, всѣ управляющіе составляютъ особенное собраніе, коего предсѣдатель есть губернаторъ.

7) Губернаторъ имѣетъ надзоръ надъ движеніемъ всѣхъ частей, и предписанія министерства къ нему обращаются.

8) Онъ отвѣтствуетъ министерству, а управляющіе отвѣтствуютъ ему.

9) Въ каждой экспедиціи есть родъ дѣлъ, кои не могутъ быть рѣшены безъ утвержденія губернатора.

10) При каждомъ Губернскомъ Правительствѣ находится Совѣтъ, составленный изъ депутатовъ всѣхъ состояній, имѣющихъ въ губерніи собственность.

11) Совѣтъ собирается одинъ разъ въ годъ въ установленное время.

12) Губернаторъ даетъ Совѣту отчетъ въ сборѣ и употребленіи денегъ на земскія повинности и предлагаетъ смѣту ихъ на будущій годъ.

13) Совѣтъ, разсмотрѣвъ отчетъ, дѣлаетъ свои примѣчанія, одинъ экземпляръ коихъ, за общимъ подписаніемъ, доставляется министру финансовъ, а другой остается у губернатора для надлежащихъ объясненій.

14) Разсмотрѣвъ отчетъ прошедшаго года, Совѣтъ дѣлаетъ раскладку на будущій годъ и доставляетъ также экземпляры.

15) Вмѣстѣ съ симъ и тѣмъ же порядкомъ Совѣтъ чинитъ представленіе о нуждахъ губерніи.

При составѣ губернскаго управленія на сихъ основаніяхъ, законная власть его, съ одной стороны, не будетъ развлекаема, какъ нынѣ, на разныя части, не будетъ теряться въ пустыхъ состязаніяхъ, а съ другой, будетъ умѣряема дѣйствіемъ Совѣта.

В. Управленіе окружное и волостное.

Управленіе окружное должно быть составлено, въ меньшемъ видѣ, на тѣхъ же самыхъ правилахъ. Вице-губернаторъ долженъ занимать въ немъ мѣсто губернатора.

Управленіе волостное сохранитъ тотъ же образецъ въ своемъ составѣ, но будетъ имѣть еще меньшій размѣръ. Начальникъ его будетъ отвѣчать одинъ начальнику окружному, сей губернатору, а губернаторъ министерству.

Такимъ образомъ всѣ части управленія придутъ въ надлежащее единообразіе, и, отъ министра до послѣдняго волостного начальника, дѣла пойдутъ, такъ сказать, прямою линіею, не кружась, какъ нынѣ, во множествѣ изворотовъ, гдѣ не можно найти ни конца, ни слѣдовъ разнымъ злоупотребленіямъ.

Государственный Совѣтъ.

Въ коренныхъ государственныхъ законахъ, т. е. въ тѣхъ, которые суть предметъ Государственнаго Уложенія, установляются составъ Совѣта, существо и главныя формы его дѣйствія. Подробности должны быть опредѣлены особымъ учрежденіемъ.

Коренные законы Совѣта суть слѣдующіе:

1) Въ порядкѣ государственныхъ установленій Совѣтъ представляетъ сословіе, въ коемъ всѣ дѣйствія частей законодательной, судной и исполнительной, въ главныхъ ихъ отношеніяхъ, соединяются и чрезъ него восходятъ къ державной власти и отъ нея изливаются.

2) Посему всѣ законы, уставы и учрежденія, въ первообразныхъ ихъ начертаніяхъ, предлагаются и разсматриваются въ Государственномъ Совѣтѣ и потомъ дѣйствіемъ державной власти поступаютъ къ предназначенному имъ совершенію [1]).

3) Никакой законъ, уставъ и учрежденіе не исходитъ изъ Совѣта и не можетъ имѣть своего совершенія безъ утвержденія державной власти.

4) Совѣтъ составляется изъ особъ, Высочайшею довѣренностію въ сіе сословіе призываемыхъ.

5) Члены Совѣта могутъ имѣть званіе въ порядкѣ судномъ и исполнительномъ.

6) Министры суть члены Совѣта по ихъ званію.

7) Въ Совѣтѣ предсѣдательствуетъ Императоръ или лично, или назначеніемъ одного изъ членовъ.

8) Назначеніе члена предсѣдательствующаго возобновляется ежегодно по Высочайшему усмотрѣнію.

9) Совѣтъ раздѣляется на департаменты.

1) Законовъ.
2) Дѣлъ военныхъ.
3) Дѣлъ гражданскихъ и духовныхъ.
4) Государственной экономіи.

10) Каждый департаментъ имѣетъ опредѣленное число членовъ, изъ коихъ одинъ предсѣдательствующій.

[1]) Нельзя не замѣтить, что даже въ этомъ проектѣ, предназначавшемся единственно на прочтеніе самого государя, нигдѣ не упоминалось, ни однимъ словомъ, ни о предположенныхъ новыхъ формахъ правленія, ни о законодательномъ сословіи, ни вообще о народномъ представленіи. Это объясняется тѣмъ, что Сперанскій и тогда уже имѣлъ въ виду начать осуществленіе своего плана съ учрежденія Государственнаго Совѣта и не волновать умы преждевременными намеками на возможность дальнѣйшихъ преобразованій. Между тѣмъ для прочитавшихъ все предыдущее связь этого установленія съ прочими видна уже и здѣсь.

а) Полицейскую: сюда принадлежать будутъ всѣ дѣйствія полиціи учредительной и исполнительной, губернская и окружная стража, рекрутскій наборъ и проч.

б) Народной промышленности: межеваніе земель, фабрики, торговля, учебныя заведенія, почты.

в) Казенную: всѣ казенные сборы, соль, вино, управленіе казенными крестьянами, лѣсоводство, часть строительная.

3) Каждая экспедиція имѣетъ столько отдѣленій, сколько есть обширныхъ частей, въ нее входящихъ. Такъ, напримѣръ, казенная можетъ имѣть пять отдѣленій:

1) Казенные сборы.
2) Соль и вино.
3) Управленіе казенныхъ крестьянъ.
4) Лѣсоводство.
5) Часть строительная.

4) Каждая экспедиція имѣетъ управляющаго.

5) Каждая экспедиція управляется по своимъ уставамъ и учрежденіямъ.

6) Въ дѣлахъ важныхъ, коихъ родъ особенно опредѣлится, всѣ управляющіе составляютъ особенное собраніе, коего предсѣдатель есть губернаторъ.

7) Губернаторъ имѣетъ надзоръ надъ движеніемъ всѣхъ частей, и предписанія министерства къ нему обращаются.

8) Онъ отвѣтствуетъ министерству, а управляющіе отвѣтствуютъ ему.

9) Въ каждой экспедиціи есть родъ дѣлъ, кои не могутъ быть рѣшены безъ утвержденія губернатора.

10) При каждомъ Губернскомъ Правительствѣ находится Совѣтъ, составленный изъ депутатовъ всѣхъ состояній, имѣющихъ въ губерніи собственность.

11) Совѣтъ собирается одинъ разъ въ годъ въ установленное время.

12) Губернаторъ даетъ Совѣту отчетъ въ сборѣ и употребленіи денегъ на земскія повинности и предлагаетъ смѣту ихъ на будущій годъ.

13) Совѣтъ, разсмотрѣвъ отчетъ, дѣлаетъ свои примѣчанія, одинъ экземпляръ коихъ, за общимъ подписаніемъ, доставляется министру финансовъ, а другой остается у губернатора для надлежащихъ объясненій.

14) Разсмотрѣвъ отчетъ прошедшаго года, Совѣтъ дѣлаетъ раскладку на будущій годъ и доставляетъ также экземпляры.

15) Вмѣстѣ съ симъ и тѣмъ же порядкомъ Совѣтъ чинитъ представленіе о нуждахъ губерніи.

При составѣ губернскаго управленія на сихъ основаніяхъ, законная власть его, съ одной стороны, не будетъ развлекаема, какъ нынѣ, на разныя части, не будетъ теряться въ пустыхъ состязаніяхъ, а съ другой, будетъ умѣряема дѣйствіемъ Совѣта.

В. Управленіе окружное и волостное.

Управленіе окружное должно быть составлено, въ меньшемъ видѣ, на тѣхъ же самыхъ правилахъ. Вице-губернаторъ долженъ занимать въ немъ мѣсто губернатора.

Управленіе волостное сохранитъ тотъ же образецъ въ своемъ составѣ, но будетъ имѣть еще меньшій размѣръ. Начальникъ его будетъ отвѣчать одинъ начальнику окружному, сей губернатору, а губернаторъ министерству.

Такимъ образомъ всѣ части управленія придутъ въ надлежащее единообразіе, и, отъ министра до послѣдняго волостного начальника, дѣла пойдутъ, такъ сказать, прямою линіею, не кружась, какъ нынѣ, во множествѣ изворотовъ, гдѣ не можно найти ни конца, ни слѣдовъ разнымъ злоупотребленіямъ.

Государственный Совѣтъ.

Въ коренныхъ государственныхъ законахъ, т. е. въ тѣхъ, которые суть предметъ Государственнаго Уложенія, установляются составъ Совѣта, существо и главныя формы его дѣйствія. Подробности должны быть опредѣлены особымъ учрежденіемъ.

Коренные законы Совѣта суть слѣдующіе:

1) Въ порядкѣ государственныхъ установленій Совѣтъ представляетъ сословіе, въ коемъ всѣ дѣйствія частей законодательной, судной и исполнительной, въ главныхъ ихъ отношеніяхъ, соединяются и чрезъ него восходятъ къ державной власти и отъ нея изливаются.

2) Посему всѣ законы, уставы и учрежденія, въ первообразныхъ ихъ начертаніяхъ, предлагаются и разсматриваются въ Государственномъ Совѣтѣ и потомъ дѣйствіемъ державной власти поступаютъ къ предназначенному имъ совершенію [1]).

3) Никакой законъ, уставъ и учрежденіе не исходитъ изъ Совѣта и не можетъ имѣть своего совершенія безъ утвержденія державной власти.

4) Совѣтъ составляется изъ особъ, Высочайшею довѣренностію въ сіе сословіе призываемыхъ.

5) Члены Совѣта могутъ имѣть званіе въ порядкѣ судномъ и исполнительномъ.

6) Министры суть члены Совѣта по ихъ званію.

7) Въ Совѣтѣ предсѣдательствуетъ Императоръ или лично, или назначеніемъ одного изъ членовъ.

8) Назначеніе члена предсѣдательствующаго возобновляется ежегодно по Высочайшему усмотрѣнію.

9) Совѣтъ раздѣляется на департаменты.

1) Законовъ.
2) Дѣлъ военныхъ.
3) Дѣлъ гражданскихъ и духовныхъ.
4) Государственной экономіи.

10) Каждый департаментъ имѣетъ опредѣленное число членовъ, изъ коихъ одинъ предсѣдательствующій.

[1]) Нельзя не замѣтить, что даже въ этомъ проектѣ, предназначавшемся единственно на прочтеніе самого государя, нигдѣ не упоминалось, ни однимъ словомъ, ни о предположенныхъ новыхъ формахъ правленія, ни о законодательномъ сословіи, ни вообще о народномъ представленіи. Это объясняется тѣмъ, что Сперанскій и тогда уже имѣлъ въ виду начать осуществленіе своего плана съ учрежденія Государственнаго Совѣта и не волновать умы преждевременными намеками на возможность дальнѣйшихъ преобразованій. Между тѣмъ для прочитавшихъ все предыдущее связь этого установленія съ прочими видна уже и здѣсь.

11) Члены всѣхъ департаментовъ составляютъ общее собраніе Совѣта.

12) Члены Совѣта, при опредѣленіи коихъ не будетъ наименованъ особенный департаментъ, присутствуютъ въ общихъ собраніяхъ.

13) Распорядокъ членовъ по департаментамъ и ихъ предсѣдателей возобновляется каждые полгода по Высочайшему усмотрѣнію.

14) Присутствія департаментовъ и общихъ собраній имѣютъ положенные дни, но по уваженію дѣлъ во всякое время они могутъ быть созваны особеннымъ Высочайшимъ повелѣніемъ.

15) Всѣ постановленія, исходящія изъ Совѣта, по Высочайшемъ ихъ утвержденіи, имѣютъ слѣдующую форму:

1) Уставы и учрежденія имѣютъ форму манифестовъ. Во вступленіи ихъ означается: внявъ мнѣнію Государственнаго Совѣта, повелѣваемъ или учреждаемъ и проч.

2) Изъясненія уставовъ и учрежденій, не поставляющія ничего новаго, но опредѣляющія точный разумъ прежнихъ, имѣютъ видъ докладовъ, коихъ утвержденіе имѣетъ форму: быть по сему.

16) По отдѣленіи отъ Сената всѣхъ дѣлъ управленія, они будутъ входить въ Совѣтъ чрезъ министерства и будутъ раздѣлены по департаментамъ слѣдующимъ порядкомъ:

Въ департаментъ законовъ входитъ все то, что по существу своему составляетъ предметъ закона. Комиссія Законовъ будетъ представлять въ сей департаментъ всѣ первоначальныя начертанія законовъ, въ ней составляемыхъ.

Въ департаментъ военныхъ дѣлъ будутъ входить предметы министерствъ военнаго и морскаго.

Въ департаментъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ будутъ входить дѣла юстиціи, управленія духовнаго и полиціи.

Къ департаменту государственной экономіи будутъ принадлежать дѣла по министерствамъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, казначействъ и отчетовъ.

17) Исключая дѣлъ, кои особеннымъ наказомъ въ каждомъ министерствѣ предоставлены будутъ непосредственному докладу, всѣ прочія дѣла, превышающія власть министра, въ общемъ наказѣ подробно означенную, вносятся въ департаменты Совѣта по ихъ принадлежности.

18) Законы, уставы, учрежденія, бывъ разсмотрѣны въ департаментѣ, вносятся въ общее собраніе.

19) Общія внутреннія мѣры, въ чрезвычайныхъ случаяхъ пріемлемыя и коренными законами дѣйствію исполнительной власти предоставленныя, входятъ непосредственно въ общее собраніе.

20) Объявленіе войны, заключеніе мира и другія важныя политическія внѣшнія мѣры вносятся также въ общее собраніе Совѣта, когда, по соображенію обстоятельствъ, найдено сіе будетъ нужнымъ.

21) Ежегодныя смѣты (бюджеты) приходовъ и расходовъ и чрезвычайныя финансовыя мѣры, пройдя назначенную имъ степень предварительныхъ соображеній въ департаментахъ, предлагаются общему собранію Совѣта.

22) Всѣ дѣла, по коимъ отсуждается какая либо-часть казенныхъ доходовъ, или имуществъ въ частное владѣніе, бывъ разсмотрѣны въ своемъ департаментѣ, входятъ на уваженіе общаго собранія.

23) Всѣ дѣла о вознагражденіи частныхъ людей за имущества, на государственныя нужды взимаемыя, слѣдуютъ тому же порядку.

24) Отчеты всѣхъ министерствъ поступаютъ въ общее собраніе.

25) Сверхъ сего министръ казначейства каждый мѣсяцъ представляетъ Совѣту положеніе приходовъ и расходовъ и предлагаетъ благовременно нужныя мѣры къ соблюденію опредѣленной въ нихъ соразмѣрности.

26) При Совѣтѣ состоятъ:

1) Комиссія законовъ.

Послику первое начертаніе и пріуготовленіе законовъ, уставовъ и учрежденій относится ко всѣмъ министерствамъ и не принадлежитъ ни къ одному изъ нихъ исключительно, то и слѣдуетъ комиссіи законовъ относиться прямо въ Совѣтъ посредствомъ ея управляющаго.

2) Статсъ-секретари.

При четырехъ департаментахъ Совѣта находится по одному статсъ-секретарю, коихъ должность есть пріуготовленіе дѣлъ, въ Совѣтъ поступающихъ, дополненіе ихъ нужными свѣдѣніями и предложеніе Совѣту. Сверхъ сего статсъ-секретари, подъ предсѣдательствомъ одного члена Совѣта, составляютъ комитетъ для разсмотрѣнія прошеній, входящихъ на Высочайшее имя.

3) Помощники статсъ-секретарей [1].

Отъ каждаго министерства находится при Совѣтѣ по одному помощнику статсъ-секретаря. Существенная ихъ должность есть доставлять всѣ свѣдѣнія, по дѣламъ каждаго министерства въ Совѣтѣ нужныя, и помогать статсъ-секретарямъ въ пріуготовленіи дѣлъ и предложеніи ихъ Совѣту.

4) Государственная канцелярія.

Какъ Государственный Совѣтъ есть общее средоточіе всѣхъ государственныхъ дѣлъ, такъ канцелярія сія должна быть общимъ средоточіемъ окончательнаго ихъ пріуготовленія. Посему каждый законъ, уставъ и учрежденіе, въ Совѣтѣ предложенное и удостоенное Высочайшаго утвержденія, получаетъ въ ней окончательную свою форму.

Къ составу государственной канцеляріи принадлежатъ статсъ-секретари и ихъ помощники. Управляетъ ею непосредственно государственный секретарь.

[1]) Сперва вмѣсто «статсъ-секретарей» стояло слово «аудиторовъ». Потомъ оно было вымарано.

Въ государственной канцеляріи хранятся всѣ подлинники законовъ, уставовъ и учрежденій.

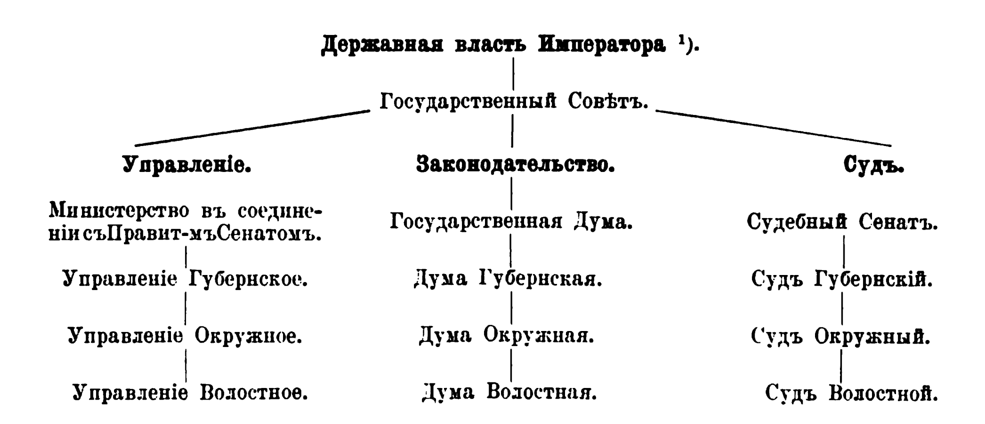
Къ вѣдомству ея принадлежатъ всѣ государственные архивы.

Въ государственной канцеляріи находятся самыя точныя свѣдѣнія о положеніи всѣхъ частей внутренняго управленія въ главномъ и общемъ ихъ соображеніи.

Она имѣетъ пять отдѣленій: четыре, соотвѣтствующія департаментамъ Совѣта, а пятое отдѣленіе для распорядка государственныхъ архивовъ.

Всѣ дѣла, въ Совѣтъ входящія и изъ Совѣта исходящія, идутъ чрезъ государственную канцелярію, въ ней пріуготовляются и отъ нея, по утвержденію ихъ, отправляются къ надлежащему исполненію.

Весь составъ государственнаго управленія, по начертаніямъ Сперанскаго, долженъ былъ имѣть слѣдующій общій видъ:

Къ этому обширному зданію государственныхъ установленій или сословій, долженствовавшихъ войти въ Государственное Уложеніе, Сперанскій прибавлялъ еще одно учрежденіе, такъ сказать, негласное, куда должны были стекаться высшія дѣла государственныя, и гдѣ имъ надлежало получать верховное свое совершеніе: Кабинетъ.

Съ симъ вмѣстѣ онъ соединялъ еще другое установленіе, не входившее въ первоначальный его очеркъ, но придуманное имъ нѣсколько позже, установленіе Правительствующаго Сената, отдѣльное отъ Сената Судебнаго, взамѣнъ учрежденнаго съ 1802 года Комитета Министровъ.

«Во всѣхъ другихъ установленіяхъ», писалъ Сперанскій, «власть державная дѣйствуетъ посредствомъ лицъ, для сего ею опредѣленныхъ, въ Кабинетѣ она дѣйствуетъ непосредственно. Устройство его не можетъ и не должно быть публичное, но оно тѣмъ не менѣе должно существовать и даже нынѣ по частямъ существуетъ; надлежитъ только части сіи сложить и привести къ одному началу. Устройство сіе необходимо.— Кабинетъ Государя не есть кабинетъ частнаго человѣка. Онъ есть необходимое и

[1]) При немъ Кабинетъ въ видѣ учрежденія негласнаго.

существенное дополненіе всѣхъ государственныхъ установленій [1]). Обстоятельства политическія, войны, самое положеніе нашей столицы, стоящей, такъ сказать, внѣ Россіи, требуютъ необходимо частыхъ и продолжительныхъ отсутствій Государя. Верховныя установленія не могутъ и не должны за нимъ слѣдовать. Между тѣмъ дѣла не могутъ терпѣть остановки. Кабинетъ Государя долженъ быть вездѣ, гдѣ онъ самъ присутствуетъ: ибо Царь вездѣ долженъ дѣйствовать, и каждое дѣйствіе его, каждое, такъ сказать, мановеніе въ качествѣ Государя есть актъ державной власти и слѣдовательно требуетъ своихъ формъ и своей достовѣрности. Чѣмъ лучше Кабинетъ будетъ устроенъ, тѣмъ болѣе будетъ порядка въ другихъ установленіяхъ, такъ какъ, напротивъ, запутанность въ дѣлахъ Кабинета должна ввести смѣшеніе и во всѣхъ дѣлахъ государства: ибо нить всѣхъ дѣлъ оканчивается и держится въ Кабинетѣ».

Сущность представленнаго затѣмъ полнаго проекта устройства Кабинета заключалась вкратцѣ въ слѣдующемъ:

1) Кабинетъ есть верховное совершеніе всѣхъ дѣлъ государственныхъ. Слѣдовательно, предметы его могутъ быть и законодательные, которые входятъ въ Кабинетъ, пройдя уже свои степени, и исполнительные, которые принадлежатъ ему, однако, въ случаяхъ только чрезвычайныхъ или по дѣламъ управленія, тайнѣ подлежащимъ.

2) Отъ особеннаго Высочайшаго усмотрѣнія зависѣть будетъ для дѣлъ сего рода назначить особенные дни и часы, для чрезвычайныхъ же и не терпящихъ времени дѣлъ даровать министрамъ удобный доступъ по предварительнымъ ихъ донесеніямъ.

3) Само собою разумѣется, что тѣ изъ дѣлъ Кабинета, кои подлежатъ тайнѣ, не могутъ входить въ связь общаго дѣлопроизводства въ Правительствующемъ Сенатѣ. Но дѣла чрезвычайныя, коихъ докладъ уклоняется отъ установленнаго порядка единственно по настоятельности времени, для общей связи должны быть, по рѣшеніи ихъ, вносимы и предъявляемы въ Правительствующемъ Сенатѣ за извѣстіе.

4) Такимъ образомъ, за исключеніемъ дѣлъ, тайнѣ подлежащихъ, всѣ три установленія, нынѣ существующія (1-й Департаментъ Сената, Комитетъ Министровъ и личный докладъ министровъ), войдутъ въ одинъ составъ. Правительствующій Сенатъ будетъ имѣть три вида упражненій, три формы производства, къ одному сословію принадлежащія:

а) Собраніе министровъ для дѣлъ текущихъ будетъ именоваться просто Правительствующій Сенатъ.

б) Собраніе министровъ для дѣлъ, слѣдующихъ Высочайшему разрѣшенію, приметъ именованіе Особенныхъ Собраній Правительствующаго Сената.

в) Особенный докладъ министровъ будетъ именоваться Кабинетомъ и будетъ имѣть два отдѣленія или двѣ формы производства: одну—для дѣлъ чрезвычайныхъ, другую — для дѣлъ, тайнѣ подлежащихъ.

---

[1]) «Отчего» — прибавлялъ здѣсь авторъ въ особомъ примѣчаніи — «отчего у насъ никогда не было никакой почти связи ни въ правилахъ, ни въ дѣйствіяхъ между однимъ царствомъ и другимъ? Сверхъ личныхъ уваженій, отъ того, между прочимъ, что правила и дѣйствія одного царства были совершенно чужды и неизвѣстны другому; отъ того, что Кабинетъ, высшее хранилище сихъ правилъ и предположеній, былъ разсѣянъ въ громадѣ бумагъ безъ связи, или размѣщенъ въ словесныхъ преданіяхъ и въ мысляхъ министровъ. Съ удаленіемъ ихъ, или смертію, самыя правила, мысли и предположенія исчезали. Все надобно было начинать снова».

XIII.

Переписка Талейрана съ императоромъ Александромъ въ 1808, 1809 и 1810 годахъ [1]).

Paris, 26 Décembre 1808.

Sire.

On ne peut être plus touché que je le suis des bontés que me témoigne Votre Majesté Impériale. Si pour les mériter il ne faut qu'une bien grande admiration, une bien haute estime et un attachement sans bornes, elles ne sont pas mal placées.

Les conseils de Votre Majesté sont suivi: Edmond a dû passer par . . . . . [2]) et de là porter à Pétersbourg aux pieds de Votre Majesté l'hommage de mon respect et de ma reconnaissance. Je l'avais chargé d'une lettre pour madame la duchesse de Courlande, dans laquelle même j'ai osé insinuer que Votre Majesté voulait bien ne pas désapprouver ma demande que j'avais la hardiesse de faire.

Sire, quand je vois votre vertu, votre loyauté, votre désir aimable de rendre heureux le grand peuple qui vous est confié, votre empressement à rechercher les lumières qui peuvent y concourir, je me trouve bien fier de la bonté dont Votre Majesté m'honore.

Vous avez déjà vu, Sire, quelque jeune que vous soyez encore, qu'on n'a que trop invoqué le dieu des armées, c'est celui du travail paisible, celui du commerce, celui des troupeaux qui fait la prospérité des empires, qui donne à leur puissance toute son étendue et qui la rend durable. On voit sur votre noble et beau visage que telle est votre religion. Avec elle on peut gouverner le monde, et l'on en est digne.

Je supplie Votre Majesté d'agréer avec bonté l'hommage du profond respect et du dévouement avec lesquels je suis,

Sire,
de Votre Majesté Impériale,
le très humble et très obéissant serviteur
Charles Maurice prince de Benevent.

Paris, 24 Mars 1809.

Sire.

La négociation que Votre Majesté m'avait permis d'entamer sous ses auspices, pour le bonheur d'Edmond, est terminée avec une satisfaction réciproque. Les conventions en sont arrêtées. Tout a réussi, Sire, comme on devait le croire, lorsque deux aussi grandes puissances que la vôtre et celle de l'amour prenaient la peine d'y influer.

J'ai tous les jours une plus vive reconnaissance à mettre aux pieds de Votre Majesté: je lui serais dévoué quand elle n'aurait rien fait pour moi; je le serai parce qu'elle m'inspire les sentiments les plus vrais, parce qu'on voit en elle la plus parfaite bonté et toutes les belles qualités qui annoblissent encore le premier trône du monde. Il est doux de penser que sur vous, Sire, reposent aujourd'hui les destinées de l'univers et les progrès de la civilisation qui sont le voeu de votre âme noble et sensible.

[1]) Государственный Архивъ, разрядъ V, № 210.

[2]) Не разобрано.

Mon invariable attachement pour l'Empereur Napoléon dont j'admire le vaste génie, dont la confiance qu'il m'a si longtemps accordée et les bienfaits qu'il a répandus sur moi ont pour toujours enchainé mon coeur, me fait désirer par dessus toute chose que l'amitié qui vous lie ne puisse jamais être exposée à aucune altération et que les sentiments, les intérêts s'en transmissent à vos deux nations immenses, auxquelles tant d'autres sont jointes ou soumises. Je bénis jusqu'à la distance qui vous sépare. Les chocs de deux telles colosses blesseraient l'un et l'autre, et quelque pût en être l'événement, ils abimeraient l'humanité.

Je laisse aller mes pensées en écrivant à Votre Majesté parce que je ne connais point de bornes au zèle et au respect avec lesquels je suis,

Sire,
de Votre Majesté Impériale,
le très humble et très obéissant serviteur
Charles Maurice prince de Benevent.

Paris, 15 Septembre 1810.

Sire.

Votre Majesté m'a témoigné un intérêt qui dans des temps de peine a fait la consolation et l'orgueil de ma vie: et il faut que je compte autant sur sa bonté que sur sa loyauté pour oser lui parler de moi comme je vais le faire.

Depuis Erfurth un système suivi de reproches, de gênes, de tourmente intérieure a rendu ici ma position et par suite celle de mes affaires fort difficile. Tout mouvement, toute chose simple dans d'autres temps pouvait être mal interprétée. Il fallait donc laisser le temps tout seul détruire par son action les préventions de l'Empereur qui devaient avoir un terme, puisque je n'ai pas cessé un jour de lui être devoué. Je dois croire que ce but a été en quelque sorte atteint: mais l'éloignement absolu des gens d'affaires dans lequel il a fallu vivre, le soin que j'ai du employer pour que mon nom ne fut jamais prononcé, a conduit mes affaires, qui dans le fond sont bonnes, à un embarras qui augmente chaque jour et dont, après beaucoup d'efforts, je ne vois pour sortir aucun moyen qui ne présente de graves inconvénients.

J'ai besoin de quinze cent mille francs et c'est au mois de Novembre qu'il me serait important de les avoir. Quoique ce soit une chose simple en soi, je dois mettre beaucoup de précautions dans le choix des moyens à prendre pour me les procurer à présent et pour les rendre dès que mes circonstances auront changé. J'ai été conduit insensiblement et presque d'une manière forcée à cette situation pénible d'affaires par l'isolement dans lequel, sans rien changer aux dépenses qu'il était de mon honneur de faire, j'ai dû me placer, je dois en sortir d'une manière aussi inaperçue et pour cela je dois m'adresser à une personne dont la délicatesse soit assez clairvoyante pour qu'elle prenne, si elle veut me rendre service, les précautions que je vais lui indiquer et qui sont toutes indispensables.

Si Votre Majesté trouve qu'en ayant la confiance de m'adresser à elle je n'ai fait que rendre hommage aux qualités généreuses dont elle est douée et obéir à l'extrême confiance qu'elle m'a inspirée, et que cela la porte à vouloir terminer mes embarras, je la supplie de faire écrire par un homme de sa confiance à M. Bethman qu'elle a

donné à M. Labinski, son consul général à Paris, un credit de quinze cent mille francs sur lui, Bethman à Francfort, qui fera pour remplir cet ordre les opérations convenables, et à M. Labinski une lettre motivée pour lui annoncer ce credit: le motif serait des achats et des affaires qui sont personnelles à Votre Majesté, qui voudrait bien faire ajouter à la lettre à M. Labinski que sa signature seule pour cette opération serait pièce comptable.

La malignité active de tous ceux qui ne connaissent ni la confiance, ni la générosité, ni les motifs simples des choses, me portent à supplier Votre Majesté de bruler cette lettre. Mon coeur en l'écrivant est rempli de sentiments de reconnaissance, d'affection, de dévouement et de respect.

Je suis avec le plus profond respect,

Sire,
de Votre Majesté,
le très humble et très obéissant serviteur,
Charles Maurice prince de Benevent.

Черновой отпускъ письма императора Александра къ Талейрану.

Monsieur le prince de... j'ai reçu votre lettre du... je ne me suis point mépris et vous ai rendu justice. J'ai tout de suite été persuadé qu'une mauvaise situation de vos affaires domestiques exigeait de vous très impérieusement, que vous retrouviez sans délai à votre disposition une aussi forte somme que celle dont vous me parlez. J'ai vu votre confiance à mon égard avec une juste et grande satisfaction et je vous en remercie; mais je vous le demande, mon prince, à vous même, sans vous desservir complétement, puis-je déférer à votre voeu? Placé par la Providence comme je le suis à l'égard d'un étranger que les talents doivent toujours rendre influent dans les affaires de sa patrie, je dois dans une pareille circonstance écouter autre chose que mon affection! Si je vous rends ce service, par qui, comment le puis-je, sans qu'il n'en pénètre rien? Par conséquent à combien de soupçons ne seriez-vous pas exposé et de combien par ce fait ne me serais-je pas éloigné moi-même de cette règle pure et simple que je me suis tracée dans mes relations avec les puissances étrangères et ceux qui les servent? C'est donc à regret, mon prince, que je me refuse à moi-même le plaisir que je trouverai toujours à vous obliger [1]).

[1]) Вѣжливый, съ оттѣнкомъ ироніи, отвѣтъ императора Александра не остановилъ Талейрана на пути дальнѣйшихъ денежныхъ вымогательствъ, но заставилъ его только придумать для этой цѣли другіе способы. 17-го (29-го) марта 1811 года онъ написалъ графу Нессельроде, находившемуся тогда въ Парижѣ, письмо, въ которомъ совѣтовалъ русскому правительству, по примѣру французскаго, выдавать для поддержанія торговли колоніальными товарами «исключительныя дозволенія» (licences) и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ предоставить въ его распоряженіе пятьдесятъ такихъ дозволеній. Талейранъ въ этомъ письмѣ присовокупляетъ: «si je les recevais dans ce moment-ci, il en résulterait pour moi des avantages tres considérables que je me trouverais bien heureux de devoir à Sa Majesté l'Empereur Alexandre» (Государственный Архивъ. Разрядъ III, № 1).

19-го (31-го) марта графъ Нессельроде препроводилъ это письмо Сперанскому; какой послѣдовалъ по этому поводу отвѣтъ, намъ неизвѣстно.

СОДЕРЖАНІЕ.

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОГО ТОМА

ИЛЛЮСТРАЦІИ И АВТОГРАФЫ, ПОМѢЩЕННЫЕ ВО ВТОРОМЪ ТОМѢ.

Портреты.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОГО ТОМА

Виды мѣстностей, зданій, бытовые и др. рисунки.

Автографы.

I.

Стихотвореніе А. С. Шишкова по случаю восшествія на престолъ императора Александра I.

На тронѣ Александръ! великъ Россійскій богъ!
Ликуетъ весь народъ и церковь и чертогъ.
Твердятъ россіяне и сердцемъ и устами:
На тронѣ Александръ! рука Господня съ нами.
Вельможа и пастухъ и воинъ и купецъ
Во храмахъ вопіютъ изъ глубины сердецъ:
О боже праведный! твоей святой рукою
На тронѣ Александръ: ты съ нимъ и онъ съ тобою.
Съ надеждою въ груди, съ веселіемъ въ очахъ,
Въ спокойныхъ, въ радостныхъ взываютъ всѣ сердцахъ:
Съ нимъ правосудіе возсядетъ на престолѣ;
Любя отечество, храня его покой,
Съ Екатерининой божественной душой,
Онъ будетъ, такъ какъ Петръ, великъ въ судѣ и въ полѣ.

Александръ Шишковъ.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 17).

II.

Письмо Н. Н. Новосильцова къ Д. П. Трощинскому.

№ 652. 18 іюня 1802.

Милостивый Государь Дмитрій Прокофьевичь,

Будучи извѣстны какъ заваливаютъ бумагами а особливо прозьбами, когда Государь изволитъ гдѣ нибудь проѣзжать, ваше высокопревосходительство конечно не взыщете что я самъ не отвѣчалъ вамъ на нѣкоторыя изъ вашихъ писемъ. Дѣлъ у насъ хотя и не много такихъ которыя бы требовали большаго труда, но за то и время такъ мало, что можно сказать въ обрѣзъ. Ваше высокопревосходительство изволили препроводить ко мнѣ просительное письмо казачьей женки Прасковьи Филатовой.—Государь Императоръ которому я имѣлъ честь по немъ докладывать изволилъ приказать сдѣлать изъ него выписку и отослать къ вамъ съ тѣмъ, чтобы вы, Милостивый Государь, препроводили оную, для разсмотрѣнія, въ коммисію для переслѣдованія прежнихъ дѣлъ уголовныхъ учрежденную. Въ слѣдствіе чего и имѣю честь, включивъ оную здѣсь, вамъ доставить, пребывая, впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ и нелицемѣрною преданностію

вашего высокопревосходительства
Милостиваго Государя
Покорнѣйшій слуга
Николай Новосильцовъ.

Іюня 13-го дня
1802.
Минскъ.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 49).

III.

Собственноручный приказъ императора Александра 1807 года.

Побѣды подъ Пултускомъ и Преснш-Елау одержанныя генераломъ Бенингсеномъ надъ непріятелемъ оправдали и увеличили довѣренность возложенную на искуство его. Прибытіе Его Императорскаго величества къ храброй своей Арміи не въ водитъ ни въ какомъ отношеніи ни малѣйшей перемѣны въ образъ начальства подъ которымъ общее благо Европы, столь ощутительно начинаетъ уже возникать. Всѣ повеленія выходятъ по прежнему отъ одного главнокомандующаго генерала Бенингсена, равно какъ и рапорты доставляются прямо къ нему.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 57).

IV.

Письмо императора Александра къ генералу Бенигсену.

Mon General

C'est le General Ouvarof qui vous remettra cette lettre, je l'envoye près de vous pour que vous l'employez selon que vous le jugerez convenable, plusieurs Generaux se trouvant blesses il poura servir à en remplacer quelqu'un. J'espere qu'il se rendra digne de votre confiance. Recevez mon General l'assurance de mon estime

Alexandre.

St. Petersbourg.
le 10 ferv. 1807.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 65).

V.

Письмо императрицы Елисаветы Алексѣевны къ фрейлинѣ С. П. Гартонгъ.

Je prends la part la plus vive au malheur de Madame votre mere, ignorant absolumen le sujet de la persécution qu'elle essuye je ne puis a mon grand regret Vous offrir aucune consolation sur cet article. La seule chose qui est en mon pouvoir est de lui offrir ma service pour qu'elle puisse au moin conserver sa maison dont la perte mettrait le comble a son infortune. Je vous prie Mademoiselle d'obtenir d'elle qu'elle me permette de payer cette dette, et d'estre assurée de toute l'estime avec la quelle je suie

Mademoiselle

votre toute devoué Elisabeth.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 73).

VI.

Письмо графа М. Ѳ. Каменскаго къ графу А. А. Аракчееву.

Милостівы Государь мой

Графъ Алексей Андреичь

«Отыскать оныхъ людей
и позвать ко мнѣ».
«10 апрѣля».

Государю Императору угодно было поспешіть отъездомъ въ Фінляндію сына моего графа Николая Міхайловича. Щастіемъ поставляя таковой себѣ Нарядъ онъ отъправілся туда нетолько что безъ обоза которой оставленъ имъ вполыше при полку но и безъ люден: Я потому послалъ кнему впетербурхъ двухъ человѣкъ вдомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтніка Князь Андрея Николаича Щербатова жівущаго къ сторонѣ володімерскои уліцы у казармъ Семеновскаго полку. Они туда хотя прибылі, но незнаютъ какъ до сына моего доехать: Опасаясь что нарушіть могутъ учрежденіи установленныя для сообщенія съ арміей естлі поедутъ туда собою, Простіте мнѣ какъ отцу что симъ осмѣлюсь просіть ваше Сиятельство о доставленіи кнему. Милость та ваша кнему останется незабвенной у насъ обоихъ за чемъ съ искреньнімъ высокопочітаніемъ пребываю, Сіятельнейші Графъ Милостивыи Государь мои вашъ всепокорный слуга Графъ Михаила Каменски.

Орелъ марта 31.
1808.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 89).

VII.

Письмо графа Н. П. Румянцева къ князю А. Б. Куракину.

Je serai Monsieur l'embassadeur chez vous à deux heures au lieu de trois come j'avais eu l'honneur de vous l'annoncer hier. Je supose que cela ne vous dérange en rien Il nous serait avantageux d'avoir un des Messrs de Labensky avec nous. Ne voulez vous pas le faire chercher. Agréez mon Prince les assurances de mon bien sincère homage

Le C-te de Romanzoff.

Ce Jeudy matin.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 105).

VIII.

Письмо князя П. Д. Лопухина къ Д. П. Трощинскому.

№ 92. 14 генваря 1805.

Милостивый Государь мой Дмитрій Прокофьевичъ!

Прилагаемой у сего докладъ Правительствующаго Сената 3-го департамента, о земляхъ отыскиваемыхъ находящимися въ Витебской губерніи Панцырными Боярами,—Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ внесть въ Государственный Совѣтъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и истинною преданностію имѣю честь быть

Милостивый Государь мой
вашего высокопревосходительства
покорнѣйшій слуга
К. Лопухинъ.

№ 196.
Генваря 13 дня.
1805 года.

Его Высокопревосходительству Д. П. Трощинскому.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 118).

IX.

Письмо М. М. Сперанскаго къ П. С. Руничу.

Милостивый Государь, Павелъ Степановичъ.

Въ числѣ родственниковъ моихъ коихъ имѣлъ я честь препоручить лично въ благосклонность вашего превосходительства встрѣтилъ я здѣсь одного молодаго человѣка зятя Г-ну Веденскому, о коемъ прозбу мою вы столь милостиво вняли и снисхожденіе ваше къ нему на самомъ опытѣ утвердили. Я осмѣливаюсь особенно о немъ возобновить мою покорнѣйшую прозбу. Онъ служитъ секретаремъ въ дворянской опекѣ; а по настоящему преобразованію за великую бы счелъ милость быть опредѣленнымъ уѣзднымъ стряпчимъ въ Покровѣ.

Присоедините, Милостивый Государь, къ одолженіямъ мнѣ вашимъ еще и сію милость, коея испрашивая съ нелѣстнымъ почитаніемъ и преданностію честь имѣю быть

вашего превосходительства
Покорнѣйшій и послушнѣйшій
слуга Михайло Сперанскій.

въ Покровѣ
13 окт.
1806.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 225).

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОГО ТОМА

VIII.

Письмо князя П. Д. Лопухина къ Д. П. Трощинскому.

№ 92. 14 генваря 1805.

Милостивый Государь мой Дмитрій Прокофьевичъ!

Прилагаемой у сего докладъ Правительствующаго Сената 3-го департамента, о земляхъ отыскиваемыхъ находящимися въ Витебской губерніи Панцырными Боярами,—Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ внесть въ Государственный Совѣтъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и истинною преданностію имѣю честь быть

Милостивый Государь мой

вашего высокопревосходительства

покорнѣйшій слуга

К. Лопухинъ.

№ 196.
Генваря 13 дня.
1805 года.

Его Высокопревосходительству Д. П. Трощинскому.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 118).

IX.

Письмо М. М. Сперанскаго къ П. С. Руничу.

Милостивый Государь, Павелъ Степановичъ,

Въ числѣ родственниковъ моихъ коихъ имѣлъ я честь препоручить лично въ благосклонность вашего провосходительства встрѣтилъ я здѣсь одного молодаго человѣка зятя Г-ну Веденскому, о коемъ прозбу мою вы столь милостиво вняли и снисхожденіе ваше къ нему на самомъ опытѣ утвердили. Я осмѣливаюсь особенно о немъ возобновить мою покорнѣйшую прозбу. Онъ служитъ секретаремъ въ дворянской опекѣ; а по настоящему преобразованію за великую бы счелъ милость быть опредѣленнымъ уѣзднымъ стряпчимъ въ Покровѣ.

Присоедините, Милостивый Государь, къ одолженіямъ мнѣ вашимъ еще и сію милость, коея испрашивая съ нелѣстнымъ почитаніемъ и преданностію честь имѣю быть

вашего превосходительства

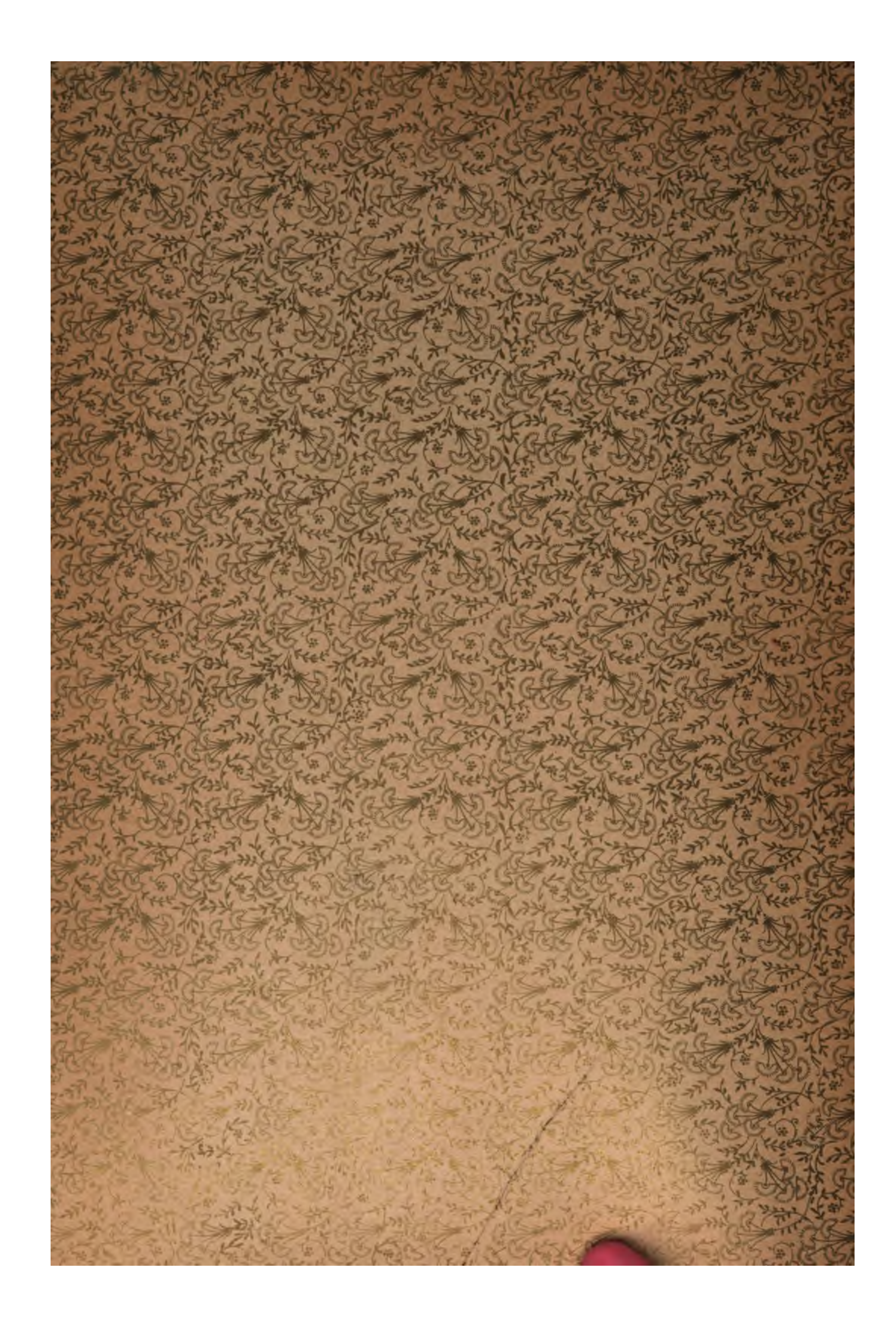
Покорнѣйшій и послушнѣйшій

слуга Михайло Сперанскій.

въ Покровѣ
13 окт.
1806.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 225).

Stanford University Libraries
3 6105 010 575 756
DK
191
S3
190
v.2
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493
All books may be recalled after 7 days
DATE DUE
MAY 1 0 1995
JUN 1995
JUN 1995

